

ТДХС

С. М. Толстая

МИР ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА

Очерки

ПО СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ
И ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ

Институт славяноведения РАН

Традиционная Духовная Культура Славян

ТДК

Современные исследования

С. М. ТОЛСТАЯ

МИР ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА
Очерки
ПО СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ
И ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
МОСКВА 2019

Толстая С.М.

Мир человека в зеркале языка.

Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. —

М.: Индрик, 2019. — 704 с.

ISBN 978-5-91674-550-4

DOI: 10.31168/91674-550-4

В книге рассматриваются проблемы семантической реконструкции праславянской лексики, лексической типологии славянских языков и культурных контекстов слова. Большая часть очерков посвящена лексике, относящейся к человеку, его чувственному и интеллектуальному миру, его восприятию природы и социума, его оценкам. Книга содержит пять частей. Первая часть включает работы, посвященные семантической реконструкции и анализу семантических спектров отдельных праславянских этимологических гнезд (**mirъ* и **svěť*, **věra* и **pravьda*, **veselъ* и **radъ*, **svojeъ*, **želati* и **žalěti* и др.). Вторая часть посвящена лексической типологии и выдержана в противоположном направлении — в ней исследуются «лексические поля» некоторых семантических категорий, например глаголов речи, языка чувств, мотивационные модели в лексике питания и пищи, лексике ошибок и т. п. В третьей части представлены работы, относящиеся к «формальным» аспектам и параметрам лексики, т. е. к словообразовательным типам, к морфонологическим моделям, их семантическому содержанию и функциям. В четвертой части исследуется «культурная» лексика, относящаяся к народному календарю, народной медицине, верованиям и обрядам. Пятая часть отражает интерес автора к другим аспектам сравнительного славянского языкознания — диалектологии и лингвистической географии, истории литературных языков, языку поэзии.

Книга адресована славистам — лингвистам и этнолингвистам, а также всем интересующимся языком и традиционной духовной культурой славян.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	9
-----------------	---

I. ОТ СЛОВА К СЛОВУ. СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

К семантической истории слав. * <i>mirъ</i> и * <i>svěť</i>	13
<i>Вера</i> и <i>правда</i> в языке древнего славянского права	28
Слав. * <i>xorniti</i> и * <i>xovati</i> и их семантические корреляты	41
Серб. <i>варовати</i> , <i>варован</i>	62
<i>Желать</i> и <i>жалеть</i> : этимология и семантика	71
<i>Забывать</i> и <i>запомнить</i>	82
<i>Веселье</i> и <i>радость</i>	92
<i>Чистая правда</i> : к семантической реконструкции слав. * <i>čist-</i>	103
Семантическая структура рус. <i>найти</i>	115
Слав. * <i>svojъ</i> : семантика и аксиология	127
Русская <i>честь</i> и польский <i>honor</i>	138

II. ОТ СМЫСЛА К СЛОВУ. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Семантическая реконструкция и лексическая типология ..	153
Палитра чувств в зеркале языка	173
Славянские параллели к русским <i>verba</i> и <i>nomina dicendi</i> ..	191
Лики любви в славянских языках	216
Лексическое поле пищи и питания	239
Смысловое поле ошибки	261
Ошибка по-русски	275
Юридическая лексика в свадебном дискурсе	289

III. От формы к смыслу. Словообразование и морфонология

Праславянские типы глагольных основ и их лексическое распределение	297
«Разноосновные» глаголы в русском языке	319
Праславянские глаголы с префиксом <i>*ob-/o-</i> : морфонология, словообразование, семантика	329
Праславянский префикс <i>*ob-/o-</i> перед корневым <i>v-</i>	354
Семантика праславянских глаголов с префиксом <i>*otъ-</i>	367
Тип субъекта и многозначность глагола	387
Актантная структура глагола и семантика отглагольных имен: «субъектные» и «объектные» имена	410
К типологии морфонологических моделей в славянских языках: йотация в отглагольных именах на <i>*-enъje</i>	423
Из русской глагольной морфонологии: имперфективы и итеративы с суффиксом <i>*-iva</i>	438
Вокруг испуга, страха и ужаса: корреляция дентальных и велярных в славянской лексике	444
Фонетические наблюдения над ономатопеическими образованиями с суффиксом <i>-ot</i> в верхнелужицком	463
Об одном типе конверсии в славянских языках (флективная деривация)	473

IV. Лексика в контексте культуры

Клятва и проклятие в языке и культуре	485
«Глаголы судьбы» и их корреляты в языке культуры	514
Зоологический код в славянской народной медицине: «волчьи» болезни	521
Чеш. <i>nádcha, náčha, nátka</i> и их инославянские параллели	531
Н.-луж. <i>chódota</i> : имя и персонаж	540
Март великопостный: названия недель Великого поста в южнославянских языках	549
Лексика традиционной духовной культуры Косова в южнославянской и общеславянской перспективе	565

V. VARIA

Диалектные ареалы литературных слов (Заметки на полях «Лексического атласа белорусского языка»)	577
Союз (частица) <i>да</i> в полесских говорах (к проблеме южнославянско-восточнославянских параллелей)	589
Из кашубско-восточнославянских лексико-семантических параллелей	600
Заметки на полях «Новгородского областного словаря» . . .	607
Языковая ситуация в Польше в XII–XIV вв.	617
О лингвистических воззрениях Йована Раича	638
О фонологии рифмы	650
ЛИТЕРАТУРА И СОКРАЩЕНИЯ	657
БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА	
О ПЕРВЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ	697

ОТ АВТОРА

В книге собраны работы, писавшиеся в разное время и публиковавшиеся в самых разных отечественных и зарубежных изданиях. В содержательном и методологическом отношении они тем не менее составляют определенное единство. Их стержнем являются проблемы семантической реконструкции праславянской лексики, лексической типологии славянских языков и культурных контекстов слова. Большая часть очерков посвящена лексике, относящейся к человеку, его чувственному и интеллектуальному миру, его восприятию природы и социума, его оценкам.

Книга условно разделена на пять разделов. П е р в ы й раздел включает работы, посвященные семантической реконструкции и анализу семантических спектров отдельных праславянских слов (этимологических гнезд) в их взаимоотношениях с другими единицами праславянского лексикона. Работы этого круга продолжают серию исследований, опубликованных в книге «Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе» (М., 2008). В т о р о й раздел посвящен лексической типологии и выдержан в противоположном направлении — «от смысла к слову», в нем исследуются «лексические поля» некоторых семантических категорий, например глаголов речи, языка чувств, мотивационные модели в лексике питания и пищи, лексике ошибок и т. п. В т р е т ь е м разделе представлены работы, относящиеся к «формальным» аспектам и параметрам лексики, т. е. к словообразовательным типам, к морфонологическим моделям, их семантическому содержанию и функциям. Статьи ч е т в е р т о г о раздела носят этнолингвистический характер, в них исследуется «культурная» лексика, относящаяся к народному календарю, народной медицине, верованиям и обрядам, но в ее анализе также используются приемы семантической реконструкции и лексической типологии; этим они отличаются от этнолингвистических работ автора, опубликованных в книгах «Семантические категории культуры» (М., 2010) и «Образ мира в тексте и ритуале» (М., 2015). П я т ы й раздел, названный «Varia», строго

говоря, прямого отношения к лексикологии не имеет, он отражает интерес автора к другим аспектам сравнительного славянского языкознания — диалектологии и лингвистической географии, истории литературных языков, языку поэзии.

Подготовку книги к печати любезно взяла на себя Олеся Дмитриевна Сурикова, внимательный, требовательный и ответственный редактор, которой я выражаю самые горячие чувства благодарности. Я душевно благодарю также моего верного помощника и критика — Марфу Никитичну Толстую.

-I-

**ОТ СЛОВА К СЛОВУ.
СЕМАНТИЧЕСКАЯ
РЕКОНСТРУКЦИЯ**

К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛАВ. *MIRЪ И *SVĚTЪ

Памяти В. Н. Топорова

В словарях славянских языков каждое из названных в заглавии слов обычно разделяется на два омонима: *mirъ₁ ‘рах’ и *mirъ₂ ‘mundus’, *světъ₁ ‘lux’ и *světъ₂ ‘mundus’¹, между тем этимологи в большинстве случаев рассматривают их как единые по происхождению слова, разные значения которых связаны отношением семантической деривации. Направление деривации в обоих случаях определяется в пользу вторичности значения ‘mundus’. Для *mirъ это выводится прежде всего из факта распространённости слова в значении ‘рах’ и его дериватов с этим значением во всех славянских языках и диалектах при ограниченности свидетельств о *mirъ ‘mundus’ (старославянский, церковнославянский, русский и под их влиянием маргинально другие языки). Для *světъ картина иная и, можно сказать, обратная, так как значение ‘mundus’ известно всем славянским языкам, а значение ‘lux’ в большинстве языков выражается дериватами этого слова или другими лексемами (ср. укр. *світло*, польск. *światło*, чеш. *světlo*, *svit*², болг. *светлина*, *блясък*, с.-х. *светлост*, словен. *svetloba*, *svit*); самому слову *světъ значение ‘lux’ в полной мере присуще только в старославянском, церковнославянском и русском, тогда как в других языках оно известно лишь как архаизм. При этом его непосредственный глагольный дериват *světiti ‘светить, излучать свет’ (так же как адъективный дериват *světъlъ ‘светлый, излучающий свет’ и их дальнейшие

1 Определения ‘рах’, ‘mundus’ и ‘lux’ здесь и далее носят условный характер; за каждым из них скрывается целый спектр разных значений, о которых речь пойдет ниже. Например, для ‘рах’ это ‘согласие, дружба’, ‘покой, спокойствие’, ‘тишина’, ‘отсутствие вражды, войны’ и т. д., для ‘mundus’ это ‘космос, вселенная, мироздание’, ‘земля’, ‘мир жизни, людей’, ‘страна, край’, ‘социум’ и т. д., для ‘lux’ это ‘свет, сияние’, ‘рассвет’, ‘свечение’, ‘зрение’, ‘истина’ и др.

2 Об этимологическом родстве *svět- и *svit-, связанных отношением чередования, см. [Фасмер 3: 576; Machek 1971: 597; Boryś 2005: 624 и др.].

дериваты) распространен повсеместно, что указывает на исконность номинации света ('lux') посредством *svěť и вторичность его обозначений суффиксальными дериватами; эту замену обозначения света (lux), скорее всего, следует связывать с возобладавшим в этих языках у *svěť значением 'mundus'.

Таким образом, понятие «окружающий мир, mundus» при всей его очевидной культурной значимости не имеет в славянских языках особого лексического выражения и обозначается опосредованно через понятия «мир, согласие, покой, лад», с одной стороны, и «свет», с другой³. Мотивационные признаки, лежащие в основе этих обозначений мира, не были полностью стерты; семантическая связь с «омонимами» *mirь 'рах' и *svěť 'lux' в некоторых контекстах и употреблениях остается ощутимой. Так, например, рус. *мир* 'mundus' благодаря значению *мир* 'социум, крестьянская община' (ср. «С миру по нитке — голому рубаха») ⁴ сохраняет семантику 'рах' и связь с идеей мира как согласия, соглашения, общественного договора, а выражения типа рус. *увидеть свет, появиться на свет, наречься на белый свет, на свет выйти* 'родиться'; *белый свет* 'мир', сиб. *белый свет потерять* 'умереть' [ФСРС: 149], перм. *белый свет покончить* 'то же' [СПГ 2: 146] и т. п. сохраняют очевидную связь с визуальным (световым) образом мира.

3 Вторичность, мотивированность обозначения окружающего мира характерна и для других языков: так, др.-греч. κόσμος мотивировано понятием устроенности, организованности, порядка (ср. польск. *wszelchad* 'mundus' [SW 7: 768]), лат. *mundus* — понятием чистоты, прибранности и т. п., рум. *lume* 'мир, mundus' восходит к лат. *lūmen* 'свет, lux', древнеиндийское название мира *loká* происходит от индоевропейского глагола *leuk- со значением 'светить' и т. д.

4 Выражение «миром Господу помолимся», исконно подразумевавшее значение *мир* 'рах', со временем изменило свое значение: *мир* стал пониматься как 'сообщество, люди'. Ср.: «Известное возглашение дьякона или священника "Миром Господу помолимся" естественно воспринимается как обращение к "миру", т. е. к молящемуся обществу. Но из соответствующего греческого источника видно, что слово *мир* должно было бы означать (и первоначально означало) здесь не 'общество людей', а 'согласие, любовь'. Ср. греч. ἐν εἰρήνῃ τοῦ Κυρίου δεηθῶμεν» [Успенский 1969: 161 со ссылкой на: Голубинский 1906: 124].

Два языковых знака — **mirъ* и **svěť*, каждый со своей семантической предысторией (соответственно ‘*рах*’ и ‘*lux*’), составили своего рода тандем, объединившись в общем смысловом пространстве ‘*mundus*’ и взаимодействуя в нем на правах синонимов. Семантический параллелизм этих знаков обнаруживает себя во множестве контекстов и номинационных ситуаций, а также в общности стоящих за ними культурных представлений. Однако объединяющее эти слова значение ‘*mundus*’ занимает в их семантических спектрах разное место, имеет разное происхождение (разную мотивацию) и разное соотношение с другими значениями (в том числе общими для обоих слов). Если для **svěť* значения ‘*lux*’ и ‘*mundus*’ можно с уверенностью считать праславянскими, а семантическая связь между ними представляется прозрачной и когнитивно и культурно обусловленной (мир как свет жизни в противоположность тьме смерти), то связь между ‘*рах*’ и ‘*mundus*’ в семантическом отношении не столь очевидна.

По мнению некоторых этимологов, собственно славянским, исконным обозначением для ‘*mundus*’ служила лексема **svěť*, тогда как **mirъ* в значении ‘*mundus*’ является старославянской калькой греч. *κόσμος*, что хорошо согласуется с географией и узусом славянского слова в этом значении⁵. Выбор книжниками именно этого славянского слова, лишь частично пересекающегося в своем семантическом спектре с греч. *κόσμος* (как и латинским *mundus*)⁶, можно считать актом особой культурной

5 Именно так трактовал слав. **mirъ* ‘*mundus*’ Ф. Миклошич [Miklosich 1886: 197], между тем как другие этимологи считают это значение праславянским [см.: ЭССЯ 19: 55–57]. Ср. еще замечание загребского словаря о *mir* ‘*mundus*’: «Ovo nije jamačno nigda bila u jeziku našem narodna riječ, nego uzeta iz crkvenoslav. jezika» <Это слово никогда в нашем языке не было народным, оно взято из церковнославянского языка> [RHSJ 6: 732].

6 Ср. др.-греч. *κόσμος* ‘упорядоченность, порядок’, ‘строение, устройство’, ‘мировой порядок, мироздание, мир’, ‘люди, народ’, ‘украшение, честь, слава’ и т. п. [Дворецкий 1: 974]; лат. *mundus* ‘убор, наряд, туалет’, ‘оборудование, орудие’, ‘мироздание, вселенная, мир’, ‘земля, люди, человечество’, ‘подземный мир, преисподняя’ и др. [Дворецкий 1976: 654].

значимости для славян⁷. Славянская лексема **mir-*, получившая уже в дописьменное время богатое семантическое наполнение и яркие социально-идеологические и культурные коннотации, о которых писал В. Н. Топоров [1987; 1989; 1993], привнесла в концепт «окружающий мир» новые смыслы, существенно расширяющие и углубляющие семантическое пространство, стоящее за греческим словом. Если греческий *κόσμος* понимался прежде всего как организованное, упорядоченное, структурированное всеобъемлющее целое, внешнее по отношению к человеку, то славянский **mirь* подключил к этому внешнему целому человеческое измерение, параметр человеческих отношений и социальной организации.

Этот социокультурный и антропоцентрический аспект славянского слова **mirь*, обеспечивший ему ключевую роль в славянской культуре, который обязан, по мнению В. Н. Топорова, влиянию иранской культурной модели и является результатом древнейших славяно-иранских языковых и культурных контактов, возник и оформился, по-видимому, еще в рамках собственно славянского **mirь*₁ ‘рах’, подразумевавшего не только физическую тишину, покой, неподвижность, но и согласие, лад, взаимопонимание, договор между людьми. В. Н. Топоров исходил из первичности значения ‘рах’ по отношению к ‘*mundus*’, при этом он считал **mirь* в значении ‘*mundus*’ праславянским: «Лат. *mundus* как эквивалент слав. **mirь* также отсылает скорее к состоянию, к свойству мира, чем к самому миру как таковому, конкретно к некоему “очищенному” (букв. — “умытому”) статусу мира. В этом контексте и праслав. **mir-* ‘*mundus*’ мог означать нечто примиренное, успокоенное, приведенное к согласию, лишь позже из характеристики мира превратившееся

7 Ср. «Главный вклад славянского переводчика — бесспорно сознательный и не от бедности языка и ограниченности языковой фантазии зависящий — состоял в кодировании одним (и именно одним) словом двух разных греческих слов — *κόσμος* и *εἶρηνη*: слав. **mir-* скрепило два понятия, введенные греческим языком, как бы восстановив глубинную связь мира как порядка Вселенной и объекта, этот порядок воплощающего, с одной стороны, и мира как наиболее глубоко укорененного состояния мира-Вселенной» [Топоров 1993: 17].

в обозначение самого мира. Если это так, то славянское понимание мира в зеркале языка заслуживает особого внимания: как и др.-греч. κόσμος, оно свидетельствует о выборе в качестве смысловой доминанты-мотивировки и н т е н с и в н о г о признака» [Топоров 1993: 17]⁸.

О. Н. Трубачев, оспаривая мнение В. Н. Топорова об иранских истоках слав. **mirъ*, тем не менее также считает значение 'mundus' вторичным, семантически производным от 'рах':

8 В цитируемой работе В. Н. Топорова, посвященной славянским личным именам с элементом **mir-*, которые он считал «одним из основных свидетельств антропоцентричности понятия “мира” в представлении древних славян» [Топоров 1993: 7], не ставится вопрос о том, какова семантическая модель этих имен и какое именно значение имеет в них элемент **mir-* — 'рах' или 'mundus' (так же как не уточняется хронология их появления, хотя и оговаривается, что среди них есть явно поздние образования, которые тем не менее воспроизводят древнюю антропонимическую модель). В структурном отношении среди этих сложных имен преобладают образования с постпозицией элемента **mir-*, которому могут предшествовать именные (субстантивные и адъективные) основы с соединительным *-o/e-* (ср. *L'udomirъ*, *Tatomirъ*, *Vidomirъ*, *Straxomirъ*, *Žitomirъ* и — *Jaromirъ*, *L'ubomirъ*, *Skoromirъ*, *Svętomirъ* и т. п.), глагольные морфемы как в виде чистой инфинитивной основы (типа *Xodimirъ*, *Xotęmirъ*, *Kazimirъ*, *Nosimirъ*, *Pribymirъ*, *Stamirъ*, *Načęmirъ*), так и в виде императивной основы, не совпадающей с инфинитивной (типа *Xotimirъ*, *Ręvimirъ*, *Stanimirъ*, *Ždimirъ*), наконец, элементу **mir-* может предшествовать наречная или предложная морфема (*Kromęmirъ*, *Vyšęmirъ*, *Bezmirъ*, *Nemirъ*, *Zamirъ* и т. п.). Менее распространенные имена с препозицией элемента **mir-* во всех случаях содержат в качестве второго элемента именную основу (*Mirognęvъ*, *Miroslavъ*, *Miroľubъ*, *Mironęgъ* и т. п.), присоединяемую, как правило, посредством соединительного *-o-*. Что же касается семантической структуры этих сложных имен, то, учитывая продуктивность данного типа сложений, благодаря чему элемент **mir-*, особенно если он находится в постпозиции, может терять свою семантическую отчетливость и превращаться практически в словообразовательный формант, о ней с уверенностью говорить трудно, тем не менее можно предполагать, что в подавляющем числе случаев этот элемент имел скорее общее значение 'рах', чем значение 'mundus'; об этом может свидетельствовать как семантика участвующих в сложении глаголов ('хотеть', 'хранить', 'устанавливать', 'разрушать, ломать' и т. д.), так и сочетаемость слов (ср. *мир* и *тишина* и **Tіxomirъ*) и фразеология (ср. *устанавливать мир* и **Stanimirъ*; *завоевать мир* и **Ratimirъ*; *разрушить, сокрушить, разорвать мир* и **Lomimirъ*, **Krušimirъ*, **Ręvimirъ*).

«Значения ‘весь свет’, ‘общество’ элементарно производны от ‘согласие, полюбовный союз, дружба’. Переходное звено красноречиво представлено семантикой рус. *мир* — ‘(сельская) община’, на народность которого специально указывал Р. Брандт (РФВ XXII, 1889, 257), который критикует Миклошича за готовность признать значение ‘мир, Welt’ исключительно за ц.-слав., не видя его истоков» [ЭССЯ 19: 56].

Однако очевидно, что подобная семантическая реконструкция убедительна и «элементарна» только в отношении деривации ‘*рах*’ → ‘*socium*’ (ср. с.-х. *друштво* ‘общество’, словен. *družba* ‘то же’), такое развитие как раз и усматривается в истории славянского **mir*-⁹. Что же касается значения ‘*mundus*’, то оно, строго говоря, не выводится непосредственно ни из значения ‘*рах*’, ни из значения ‘*socium*’¹⁰. Для появления такого значения необходим какой-то дополнительный импульс, каковым в случае слав. **mirь* мог послужить греч. κόσμος. С другой стороны, аналогичное сочетание значений ‘*socium*’ & ‘*mundus*’ демонстрирует слав. **světь* (см. ниже), семантический спектр

9 Одно из звеньев этой истории представляет **mir*- в матримониальном значении: кашуб. устар. *miŕa* ‘жених’, *miŕota* ‘невеста’ [Sychta 2: 171; Karłowicz 3: 166], ст.-польск. *mir* ‘брак, клятва верности, обещание, договор’: «Raz się małżeńskim związawszy mirem, po zgubie męża twym byłam jasyrem» <Связав себя однажды брачным миром, потеряв мужа, я твоим была пленником> [SW 2: 996], объясняемые через связь с глаголом **miriti* в значении ‘достигать соглашения, договариваться’, ср. рус. смол. *мирить о браке* ‘договариваться (с попом) о браке’ [СРНГ 18: 171], *мирить пона* ‘договариваться с попом о свершении обряда’: «Кыда заручины здельны, едим пыпа мирить», *мириться* ‘венчаться’ [ССГ 6: 100], сиб. *мириться* ‘договариваться о предстоящей свадьбе, о размере приданого’: «Нас вот сватают и мирятся» [СРГС 2: 278], олон. *смиреная свадебка* [СРНГ 39: 17]; ст.-польск. *mirzyć* ‘мирить, соединять’ [SSp 4: 285]; словац. *mierit* ‘соединять, сближать (кого-л. с кем-л.)’ [SSJ 2: 142; HSSJ 2: 296]. См. также [Варбот 1981; Топоров 1993: 7; SEK 3: 299]. Любопытный пример матримониального значения у **svět*- зафиксирован в польском диалекте Вармии: *światować* ‘жить в браке’: «Ŭoni pšes caće žiće dobże ze sobů śfatovali» <Они всю жизнь прекрасно прожили друг с другом (в браке)> [Steffen 1984: 164].

10 Ср. мнение авторов загребского словаря о трудности установления связи между значениями ‘*рах*’ и ‘*mundus*’: «Teško naći svezu u značeńima» <Трудно найти связь значений> [RHSJ 6: 732].

которого вообще не включает значения ‘рах’¹¹. Следовательно, значение ‘*mundus*’ имеет здесь иное происхождение, не связанное с «человеческим» понятием мира, согласия (‘рах’).

Ключевым звеном семантической реконструкции обоих слов оказывается, таким образом, «антропологическое» понятие «люди, общество», представленное в спектре значений как **mirъ*, так и **svěť*. Внимательный анализ типичных контекстов обнаруживает, однако, что понятие «социум» неоднородно, оно распадается на два семантически (мотивационно) различных понятия, которые можно определить как инклюзивное, или «внутреннее», воспринимаемое «изнутри», со стороны отношений между составляющими их членами («общество, сообщество»), и эксклюзивное, или «внешнее», воспринимаемое «извне» как некое целое («люди»). В семантическом спектре **mir-* представлены оба этих значения, и только первое из них (инклюзивное) может быть признано дериватом первичного значения ‘рах’ (но оно не связано со значением ‘*mundus*’). Рус. *мир* ‘крестьянская община’ подразумевает включенность субъекта номинации в состав этой общины (в понятие «мы»); сюда же могут быть отнесены выражения типа рус. *всем миром* ‘сообща’, укр. *усім миром* ‘то же’, ср. также рус. *мирская изба* (для общественных сходок), *мирские подводы* (для общественной или казенной надобности), *мирской бык* ‘общественный бык-производитель’, *мирское имущество* (общественное), *мирищина* ‘общая работа в деревне’ и т. п. [СРНГ 18: 174–175].

Эксклюзивное значение демонстрируют контексты, в которых *мир* означает ‘люди’, причем субъект номинации не относится к ним, это «другие люди», «они», ср. юж.-рус. «Миру-то там было!»; *мирный* ‘многолюдный’: «Кто-то мирный (т. е. имеющий большую семью. — С. Т.), дома миру полон, им пособляли», *мирской хлеб* (собранный у людей нищими или священниками), *мирские кусочки* ‘милостыня’, ряз. *мирской ребенок* ‘незаконнорожденный’ [СРНГ 18: 170–174]; укр. *мир*

11 Типологической параллелью к сочетанию значений ‘*socium*’ & ‘*mundus*’ в рамках одного слова могут служить и приведенные выше значения др.-греч. *κόσμος* и лат. *mundus* (см. сноску 6).

‘люди’: «Двері хатні навстіж стояли: одходило й приходило до хати миру — хто хотів» [СУМ 4: 712]; *на миру* ‘среди людей, на людях’; «З миру по нитці збирати» [ФСУМ 1: 488], белор. диал. тур. «Увесь мір ішоў по воду до того тур-коладзезя» [ТС 3: 82]; гомел. «Столькі міру сабралася, як мураўя» [Янкова 1982: 194]. Это же эксклюзивное значение отмечается у слова и понятия «люди» [см.: Березович 2007: 82–111].

Показательно, что у **svět-* представлено преимущественно эксклюзивное значение, ср. рус. *свет* ‘люди’: «На весь свет не угодишь»; «Всему свету ведомо» и т. п.; белор. *свет* ‘то же’: «На увесь свет бульбы не наскобліш», «На увесь свет палатна не наткёш» [Юрчанка 2002: s. v. *свет*]; польск. *świat* ‘люди’: «Wszystko świat plecie na tym mizernym świecie» <Всякое люди плетут на этом ничтожном свете> [SW 6: 768]; чеш. *svět* ‘люди, сообщество людей’, *mlady svět* ‘молодые люди, молодежь’, *hlasat, vytrubovac do světa* ‘раструбить всему свету’ [SSJČ 3: 626]; морав. *svět* ‘люди’: «Skovali se za stodoļu a tam se dělili, co by svět neviděl» <Спрятались за стодолю и там делили между собой, чтобы люди не видели>; «Světa bylo pl'ná izba» <Народу было — полная изба> [Bartoš 1906: 412]; словац. *svet* ‘люди, люд’, *robotný svet* ‘рабочий люд’ [SSJ 4: 360]; диал. «Ag bi si tu to povolil, sved bi te vismál» <Если бы ты это ему позволил, люди бы тебя высмеяли> [Orlovský 1982: 321]; ст.-словац. «Tak Búch miloval swet že sina sweho gednorodzeneho widal» <Так Бог любил людей, что сына своего единственного отдал> [HSSJ 5: 576]; болг. *свят* ‘собира. люди, человечество’ [РСБКЕ 3: 175], «От една река всички свят вода пие» <Из одной реки все люди воду пьют>, «Орало и мотика хранят света» <Плуг и мотыга кормят людей>, *хубав свет* ‘хорошие люди’ [Геров 5: 142]; с.-х. *свијет* ‘люди’: «Бјеше ли много свијета код намастира?» <Много ли народу было в монастыре?> [Караѿић 1852: 670]; «Милош је умео са светом, и био [је] велики вођ народа и у миру и у рату» <Милош умел (ладить) с народом и был для народа великий вождь и в мире, и в войне> [PCXKJ 5: 677]; словен. *svet* ‘люди’, *ženski svet* ‘женщины’ [SSKJ 4: 1021]. Именно это эксклюзивное значение связывает как **svěť*, так и **mir-* со значением ‘mundus’ как своим источником.

Семантический спектр обоих слов в значении ‘mundus’ отчетливо распадается на два смысловых блока. К первому, исходному (условно — топографическому), относятся значения ‘окружающий (земной) мир’¹² с особым обозначением космоса, вселенной (ст.-слав. **вьсь миръ**, русская калька с греч. *вселенная*, белор. *сусвет*, польск. *wszeczeńświat*, чеш. *vesmír*¹³, устар. *světamír*, ст.-чеш. *vesvět, veš svět*; словац. *vesmír, celý svet*, устар. *všehomír*, ст.-словац. *všechsvet*, в.-луж. *swětstwo, swětniśćo*, болг. *всесвет, вселена*, поэт. *всемир*; с.-х. *свемир, вациона*, словен. *vesolje, vsemirje*), с различением мира жизни (ст.-слав. **сь миръ, съ свѣтъъ**, рус. *этот мир, здешний мир, этот свет*, белор. *гэты свет*, польск. *ten świat*, чеш. *tento svět*, болг. *този свят*, с.-х. *овај свет* и т. д.) и мира смерти (ст.-слав. **онъ свѣтъъ**, рус. *тот свет, иной мир, потусторонний мир, загробный мир*, укр. *інший мир*, белор. *той свет*, польск. *zaświaty*, чеш. *onen svět*, болг. *онзи свят*, с.-х. *онај свет* и т. д.), в чем явно прослеживается «человеческий фактор» (человеческая точка зрения). Второй блок значений относится к «содержимому» мирового (точнее — земного) пространства, к тому, чем этот мир заполнен; в силу антропоцентричности картины мира это прежде всего люди, человечество (с дальнейшей спецификацией и детализацией¹⁴), затем природные «сферы» жизни, концептуализируемые на языке пространства (ср. *растительный мир, животный мир, подводный мир*); вторично также могут обозначаться артефакты и абстрактные сущности (ср. *мир книг, мир приключений, внутренний мир* и т. п.).

Кардинальной идеей, объединяющей оба блока, является в н е п о л о ж н о с т ь мира по отношению к человеку как субъекту восприятия и языковой номинации (ср. выражения

12 Пространственный образ *мира* и *света* неодинаков: первый мыслится объемно (ср. рус. *в мире, в мир, из мира*), второй — скорее как плоскость (*на свете, со света, по свету*).

13 Считается русизмом [см.: Rejzek 2001: 707].

14 Ср. рус. *театральный мир, писательский мир; католический мир*; словац. *robotný svet* ‘трудящиеся, рабочий люд’, *mladý svet* ‘молодежь, молодые люди’; болг. *образован свят, музикален свят* и т. п.

окружающий мир, внешний мир). Эта идея лежит в основе и пространственных (топографических), и антропологических, социальных значений обоих слов. В первом случае она порождает (особенно отчетливо в слове *svět-) такие значения, как 'другие, чужие места': «Вот в Ленинграде-та фсяво многа, а здесь — если с миру ня привозют, так ня видишь ни памидор, ни арбузаф» [ПОС 18: 240]; 'далекий, далеко': рус. *не ближний свет* 'далеко', диал. *ехать в такой свет* (т. е. далеко) [СРНГ 36: 254]; укр. у *світах* 'не дома, в мире' [Гринченко 4: 108], *світота* 'дальняя сторона' [ЕСУМ 5: 197], белор. за *свет, за блізкі свет, за светам* 'очень далеко', *з-за свету, з усяго свету* 'издалека' [ТСБМ 5: 87], *за свет вочы* 'очень далеко' [Лепешаў 2: 372], *са свету* 'издалека, из чужих краев': «Прыязджаў Тарасёнак са свету», «Прывязла новага зяця са свету», *паехаць у свет* 'уехать из дома, поехать в чужие края' [Юрчанка 2002: s. v. *свет*], польск. диал. *świat* 'далеко': «То же świat» <Это далеко, далекие края>, чеш. *svět* 'чужие, дальние края' [SSJČ 3: 626], морав. *svět* 'cizina, дальние края': «Byl kolik let ve světě» <Был сколько лет в дальних краях>; «Do školy sem nemoh chodit' — toliké světy = tak daleko» <В школу не мог ходить — слишком далеко> [Bartoš 1906: 412]; словац. *svet* 'чужие, дальние края', *ist', vybrat' sa, pustit' sa do sveta* 'отправиться в дальние края' [SSJ 4: 360]; болг. *усвет* 'очень далеко'. Ср. также значение 'пространство вне дома, помещения, снаружи': укр. «Ледве я її вивела з її печери на світ божий» [ФСУМ 2: 782], польск. *świat* 'то же' — и далее — 'powietrze, воздух' (в противоположность закрытому помещению): диал. «Druźbowie wynoszą stoły na świat» <Дружки выносят столы из дома наружу> [Karłowicz 5: 361], «Jedźmyż do domu, bo tu na świecie gołym gadać z tobą nie będę» <Поехали домой, я тут на улице говорить с тобой не стану>; *świat, światowiec* 'чужак, прибывший в деревню из дальних краев' [SW 6: 768–769]; болг. *усвет* 'край света' [БЕР 6: 567].

Во втором случае, в пределах «антропологической» сферы, оба слова также соотносятся с понятием внешней среды. Так появляется эксклюзивное понятие «мир» в оппозиции к изолированной конфессиональной, церковной, монастырской, духовной среде (здесь субъектом номинации является представитель

выделенной части социума, для которого *мир* — внешнее, чужое социальное пространство). *Мир*, *мирской*, *миряне* — это то, что находится вне монастырской или церковной среды и чуждо ей, что противопоставлено духовенству как замкнутому кругу лиц и отграничено от него, ср. ст.-слав. **мирънъ**, **миръскъ** ‘светский, мирской’; рус. *мирское имя* (в отличие от крестного и монашеского), *удалиться от мира* ‘уйти в монастырь, стать отшельником’, *мирская суета* и т. п. В старообрядческом узусе *мир* — это конфессионально чужая среда православных, ср. диал. *мирской*, арханг. *миръёный*, *миръной* ‘православный (в оппозиции к старообрядческому)’, *мирская вера* (не старообрядческая), *мирская посуда* (не принадлежащая старообрядцам), *мириць(ся)* ‘иметь общение с мирскими (у староверов)’, перм. *мирской* ‘греховный’ [СРНГ 18: 174].

Аналогичное эксклюзивное значение получает *свет*, *светский*, ср. ст.-слав. **сѣго свѣта** ‘земной, преходящий, светский, мирской’ [ССЯ 4: 35–36], рус. *светская власть* в противопоставлении *духовной власти*, белор. *световый* ‘светский’: «Световый человек с усяким обходзицца хорошо» [Носович 1870: 576]; ст.-польск. *świecki* ‘светский, мирской’: «Abi bil ot wszecch rzeczi swyeczkych milowanya <...> oddalon» <Только бы был от всяческих светских любовных дел отдален> [SSp 9/55: 60]; в.-луж. *swětny* ‘светский’, *swětnik* ‘светский человек, любитель житейских удовольствий’ [Zeman 1967: 449]; чеш. *světák* ‘светский человек, любитель светской жизни’ [PSJČ 5: 939], *světské radovánky, zábavy* ‘светские удовольствия, развлечения’ [SSJČ 3: 626]; словац. *svetactvo* ‘светский образ жизни’, *sveták, svetár* ‘человек света’ [SSJ 4: 362]; болг. *светски* ‘гражданский’, ‘светский, относящийся к высшему обществу’ [РСБКЕ 3: 161], *свѣтскый* ‘не свой, чужой, людской’: «Не мой слушај свѣтскы сборовы» <Не смей слушать светские речи> [Геров 5: 141]; с.-х. *световни* ‘гражданский, мирской, светский’: «Воли музику <...> песму — и световну и црквену», *световњак* ‘мирянин’ [РСХКJ 5: 684–685]; диал. косов.-метох. *свецки* ‘чужой’: «Чије то дете? — Свецко» <Чей это ребенок? — Чужой> [Елезовић 2: 208]; словен. *svetovljan* ‘светский человек’, *svetovljanski* ‘светский’ [SSKJ 4: 1031].

Эту же эксклюзивную семантику чуждости можно усматривать в русских диалектных названиях болезней (особенно психических, которые часто понимаются как насланные, «чужие»), ср. сиб. *миряк* ‘страдающий припадками, бесноватый, кликуша’, *мирячество* ‘припадочная болезнь, безумие’, *мирячить* ‘быть в припадке безумия’, возможно, сюда же следует отнести арханг. *мирской заговор* ‘закливание от болезни’ [СРНГ 18: 174], *смиренец* ‘родимчик (нервное заболевание у грудных детей)’, ‘мышечный ревматизм’, ‘воспаление надкостницы’, *смиреньный* ‘о глуповатом человеке’ [СРНГ 39: 17]; сиб. *свет* ‘болезнь, припадок’: «Свет бьёт» [СРНГ 36: 254].

Приведенный материал, как представляется, дает основание считать, что эксклюзивное антропологическое значение ‘люди, социум’ закономерно возникло из основного, «пространственного» понятия окружающего («внешнего») мира (путем сужения и спецификации денотата); это верно и для **mir-*, и для **svět-*. Что же касается инклюзивного антропологического значения ‘сообщество людей’ (рус. *мир* ‘крестьянская община’, кашубские названия жениха и невесты), производного от понятия ‘рах, мир, согласие, договор’, то оно представлено только у **mir-* и не характерно для **svět-*. Из этого следует, что семантическая деривация в гнезде **mir-* направлялась двумя разными импульсами: первый, исконный, обусловил появление инклюзивного значения ‘союз, сообщество’ и на этом «иссяк»; вторым, внешним импульсом послужило возникновение у праславянского **mir-* значения ‘mundus’, уже имевшего в праславянском свое обозначение в виде **svět-*. И далее от ‘mundus’ у **mir-* развились прочие (эксклюзивные) значения. С этого момента два слова (синонимичные в значении ‘mundus’) оказались семантически конгруэнтными (до появления у **mir-* значения ‘mundus’ эти единицы праславянского лексикона никакого семантического параллелизма не обнаруживали)¹⁵.

15 При этом какие-то конкретные значения (или употребления) в гнезде **mir-* могли относиться как к первичному ‘рах’, так и ко вторичному ‘mundus’, в зависимости от того, понимается ли *мир* «изнутри», как сообщество, или «снаружи», как внешняя среда (ср. рус. сиб. *отдать в мир* ‘передать в общее пользование’: «И тот де луг отдан в мир под скотинный выпуск и под сенные покось» [СНДРС: 75]).

Сравнение семантических спектров **mir*-₂ и **svět*-₂ в славянских языках в целом выявляет не только практически полное совпадение наборов их лексических значений ('мир, вселенная, космос', 'земной мир, земля', 'сфера, среда существования', 'люди', 'сообщество людей', 'сфера деятельности, культуры' и т. д.), но и очень значительное сходство фразеологии и словосложений (ср. рус. *органический мир* и с.-х. *органиски свет*, рус. *мировоззрение* — укр. *світогляд*, болг. *светоглед*, в.-луж. *swětonahlad* и т. п.), что частично отражено и в приведенных выше примерах. При этом в отдельных языках, естественно, отмечаются и некоторые специфические (но вполне объяснимые) явления семантической деривации, не характерные для других языков или характерные лишь для части языков. К ним можно отнести, в частности:

временные значения у **svět*-: польск. *świat* 'время, времена': «Prosty człowiek starego świata abo wieku» <Простой человек старого времени> [NKPP 1: 379]; ст.-польск. «Nie świata tego człowiek» <Человек не нашего времени> [SW 6: 769], диал. «Doczekal' ismy takix niedobrych śf'atuf» <Дожили мы до таких недобрых времен> [Dejna 1984: 145]; чеш. морав. «Stařík byl ešte tak ze starého světa» <Старик был еще старого времени>, «To není také světy = tak dávno» <Это не столь давние времена> [Bartoš 1906: 412];

пространственные значения у обоих гнезд, ср. рус. диал. *мир* 'место, сторона': пск. «У нас тяперь ня только па бальшаку — па фсем мирам, старанам значыт, трактора ходют», «Была цэркофь такая красивая со фсяво миру» [ПОС 18: 240], селигер. (поговорка) «Будет в миру, попадет и в нашу дыру» [Селигер 3: 283]; 'место проживания': печор. (поговорка) «Из мира за озеру шшей хлебать» [СРГНП 1: 421]; 'местность, край': рус. урал. *свет* 'страна, край': «Ну каке я света знаю?» [Малеча 4: 35]; словен. *gorat svet, hribovit svet* 'гористая местность' [SSKJ 4: 1021]; 'материк, суша': с.-х. «Kad se isprazna svit i more» <Когда опустошится суша и море> [RHSJ 17: 266]; польск. диал. *świat* 'видимое пространство, поле зрения' [Brzeziński 4: 437–438]; 'расстояние': чеш. морав. «To je svět!» <Это далеко!>; «Je to kus světa do tej Prahy! = daleko» <До этой Праги еще «кусочек пространства», т. е. большое расстояние> [Bartoš 1906: 412–413] и др.;

значение 'жизнь, жить' у обоих гнезд, ср. рус. диал. новг. *замировать* 'доживать свой век': «Он уехал с семейством в Сибирь, да там и замировал, потому что не на что было возвратиться» [СРНГ 10: 248]; урал. *помироваться* 'сжиться, свыкнуться': «Приехали, не помирились (муж с женой), уехал, а Лидию я не пустила» [СРНГ 29: 216]; орл. *свет пройти* 'прожить жизнь': «Свет прошла, а вспомнить нечива» [СОГ 13: 66]; болг. *светувам* 'жить, существовать', 'жить счастливо, процветать' [РСБКЕ 3: 161], 'блаженствовать, веселиться' [Геров 5: 141], *късосвят, край-освят* 'больной, которому осталось недолго жить, не жилец' [БЕР 6: 567]; с.-х. *biti na svetu = živetí* <пребывать на свете, жить> [RHSJ 17: 267]; диал. пирот. *светујем* 'жить, существовать' [Живковић 1987: 142], ст.-польск. *świat* 'жизнь': «Nie dajże, Boże, długo takim świata (= skroć ich dni)» <Не дай Боже таким (долгой) жизни, т. е. сократи их дни> [SW 6: 769]; чеш. морав. *světovat'* 'жить на свете': «Je němocná, ona už něbudě dluho světovat'» <Она больна, ей уже недолго осталось жить>; «Ešče je na světě = živě» <Он еще (пребывает) на свете, т. е. еще жив> [Bartoš 1906: 412–413];

оценочные значения и семантика интенсивности у обоих гнезд: ср. сев.-рус. *мирово* 'очень много': «У нас мирово сена родилось» [СРНГ 18: 172]; ленингр. *свет* 'очень': «Свет любил рыбу ловить, всё ходил на реку» [СРГК 5: 656]; сиб. *со всего свету* 'очень сильно': «Ой, она со всего свету ревет» [ФСРГС: 173]; урал. *свету конец* 'очень, в сильной степени', *на свете* 'совершенно': «Я ее на свете не люблю, кошку-ту», *обо всем свете* 'большой, огромный' [СРНГ 36: 254–255]; укр. *несвітний* 'невероятный, необыкновенный, сверхъестественный'; белор. *свет светам* 'очень много, обильно': «Ягд-то тыпэр сьвіт сьвітам» [Мяцельская, Камароўскі 1972: 236]; *ні у свет* 'ни за что' [Юрчанка 2002: s. v. *свет*], диал. *мір* 'много': «У нас жа мір народаў, мір бабоў, а мужыкоў няма зусім пасля вайны» [ЖС: 82]; польск. *świat* 'очень много, избыток, с лихвой': «Czy zdążę na kolej? — O, świat!» <Успею я на поезд? — О, еще полно времени!> [SW 6: 769]; «Starczy ci sto złotych? — Ach, to świat!» <Хватит тебе сто золотых? — О, с лихвой!> [Brzeziński 4: 437]; чеш. *celý svět* 'очень большое количество (чего-либо)' [PSJČ 5: 938].

В своих работах о культурном и языковом концепте **mir-* у славян В. Н. Топоров обращал внимание на этимологическое родство, семантическую близость, общность контекстов и взаимодействие **mir-* и **mil-* [см. также: ЭССЯ 19: 56]. Неудивительно, что лексические единицы столь высокой культурной значимости образуют некую сферу взаимного притяжения. Для **mir-* это взаимодействие, помимо **mil-*, еще и с гнездом **měr-* ‘мера, мерить’, особенно значимое для западнославянских языков, где эти два слова формально совпадают и пересекаются в своих производных, ср. ст.-польск. *mir* и *mier* ‘рах’ [SSp 4/23: 282–284; SW 2: 996]; словац. *mier* ‘рах’, *mierit’*, *zmierovat’* ‘мирить, примирять’ (от *mier* ‘рах’) и ‘направлять, целиться’ (от *miera* ‘мера’), *mierny* ‘мирный’ и ‘умеренный, сдержанный’ [Isačenko 1: 395]. То же самое можно сказать о гнезде **svět-*, которое сближается в своей семантической истории с гнездом **svet-*, что особенно характерно для южнославянских языков, где этому сближению способствует формальное тождество рефлексов (ср. с.-х. *свет* ‘мир, mundus’ и ‘святой’).

Итак, если верно представление о вторичности значения ‘mundus’ у славянского **mirь*, значения, возникшего в сфере книжной традиции под влиянием греч. κόσμος, то собственно праславянским обозначением окружающего мира следует считать только лексему **svěť* — одно из ключевых слов праславянской культуры (наряду с **mir-*, **svet-* и др.), представленное в этом значении во всех славянских языках и диалектах и раскрывающее, в отличие от «антропоцентричного» **mir’*a, другую, космологическую, природную, первоначально безотносительную к человеку, сущность мира-света. Что же касается лексемы **mir-*, то ее первичное значение ‘рах’, безусловно, принадлежит праславянскому и сохраняется во всех славянских языках и диалектах¹⁶, тогда как значение ‘mundus’ из живых языков представлено по существу только в русском, где соответственно ограничена по сравнению с другими языками деривационная активность **svěť* в этом значении.

16 Все, что сказано о слав. **mir-* и его культурной значимости в названных выше работах В. Н. Топорова (безотносительно к проблеме иранского влияния), относится к семантической сфере ‘рах’.

ВЕРА И ПРАВДА В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕГО СЛАВЯНСКОГО ПРАВА

Оба слова многократно и в самых разных аспектах были предметом изучения в русской и славянской лексикологии и этимологии. Естественно встает вопрос: почему я их объединяю? Можно привести несколько причин. Во-первых, эти два слова образуют некий смысловой бином, они нередко в текстах «тяготеют» друг к другу, что свидетельствует об их семантической связи (ср. *служить верой и правдой*)¹. Во-вторых, *вера* и *правда* часто бывают синонимичными, ср. *верно* и *правда*, служащие для подтверждения сказанного, выступающие как знак согласия; *верно* и *правильно*², *вероятно* и *правдоподобно* и т. д. В-третьих, эти слова часто употребляются в одних и тех же ситуациях и контекстах, прежде всего в юридическом дискурсе, где *вера* и *правда* имеют одинаковое значение ‘клятва’, о чем дальше будет речь. В-четвертых, их семантическое родство находит проявление в словарном толковании: *вера*, как правило, толкуется через *правду* (но не наоборот), например, ст.-слав. **вѣрънь** получает дефиницию ‘правдивый, верный, достоверный’: **вѣрно слово** [SJS 1: 378], **оувѣрити сѧ** ‘оправдать себя’ [SJS 4: 592]; рус. *верить* в главном значении — ‘принимать за истину’. В «Словаре Академии Российской» приводятся сложные слова с *вѣро-*, отсутствующие в современном языке, которые также толкуются

1 Можно указать и другие подобные биномы: *честь и слава*, *вера и надежда*, *правда и истина*, *радость и веселье*, о которых существует большая литература [см.: Лихачев 1965; Лотман 1967; Hafner 1981; Успенский 1983: 112–113; Толстой 1984; Толстая, Толстой 1993; Арутюнова 1998; Толстая 2012а; 2012б; 2013а]. В двух последних парах (*правда — истина* и *весел — рад*) старое семантическое соотношение сопрягаемых понятий обратно современному: *истина* и *радость* ассоциируются с землей, т. е. с земным миром людей, а *правда* и *веселье* — с небом, т. е. с высшим, божественным миром. Ср. *Истина от земли воссия, и правда с небесе причиче* [Даль 3: 985], *Да весельять сѧ небеса і радоуѣтъ сѧ землѧ* (Пс. 95: 11) [SJS 1: 181].

2 О них подробно писала Н. Д. Арутюнова, указавшая на контексты, в которых *верно* и *правильно* различаются [Арутюнова 1998: 576–581].

через понятие правды: *вѣроимно* ‘почитая что за правду’, *вѣроподобіе* ‘правдоподобие, некое сходство с истиною’, *вѣроятіе* ‘принятие чего за истину, признание чего за сходное с правдой’: «Слух сей заслуживает вероятия» [САР 1: 1009–1011]. Ср также рус. диал. арханг. *верность* ‘справедливость, истина’: «Нет, не жалко, а я из верности говорю, что вы получаете неверно» [АОС 3: 118]. Аналогичные примеры толкований можно найти в словарях других славянских языков, ср. ст.-польск. *wiara* ‘в соответствии с правдой, без обмана’, *wierny* ‘правдивый, нефальшивый’, *wiernosc* ‘правдивость, veritas’ [SSp 10/2 (62): 182], польск. *wierzyć* ‘принимать (признавать) что-л. за правду’ [Woguś 2005: 696] и т. д. Наконец, в-пятых, *вера* связана с понятием «правда» этимологически: по наиболее распространенной версии, праслав. **věra* родственно лат. *verus*, нем. *wahr* и т. д. со значением ‘истинный, правдивый’ [Фасмер 1: 292–293].

Вместе с тем эти два слова (*вера* и *правда*) во многом существенном различны, они различны прежде всего по своей логической природе. В самом деле, *вера* и ее семантические дериваты, как правило, обозначают внутреннее свойство (или состояние) человека, и в этом отношении *вера* подобна таким словам, как *чувство*, *знание*, *надежда*, *радость*, которые соотносятся с предикатами *чувствовать*, *знать*, *надеяться*, *радоваться* (к ним может быть причислен и соотносительный с *верой* предикат *верить*), тогда как *правда* в своем исходном значении относится к абстрактному свойству, не связанному с внутренним миром человека, и определяется как соответствие, верность действительности или как соответствие некоторой норме или образцу (*стремиться к правде изображения*) и далее (метонимически) может означать объект — «то, что соответствует действительности; истина» [БАС 11: 5], при этом в качестве объекта выступает слово (*сказать правду*) или действие, ситуация, положение дел (*узнать правду*, т. е. узнать, как это было на самом деле). Иначе говоря, *вера* всегда чья-то, а *правда* обычно ничья, общая, *вера* субъективна, а *правда* объективна³. Из этих существенных

3 Подобные логико-семантические различия между *верой* и *правдой* характерны и для других славянских языков.

различий вытекают дальнейшие семантические линии деривации, которые, с одной стороны, усиливают расхождение этих двух слов, а с другой — сближают их.

Но как из исконного значения ‘правда’ получилось значение ‘вера’? Превращение правды в веру в праславянском слове **věra* предполагает обращение внутрь, интериоризацию понятия правды, т. е. перенесение смыслового акцента с абстрактного свойства (отношения) на внутреннее свойство или состояние субъекта-человека и его потребность и способность устанавливать соответствие слов и дел действительному положению вещей или некоторой норме (тому, каким должно быть положение вещей). В некотором смысле результатом интериоризации можно считать и одно из значений *правды*, а именно значение ‘справедливость’ (как характеристика человека) и далее значение ‘правота’ (ср. *твоя правда* = ты прав, *твоя правота*).

Праславянский глагол **věriti*, как и его продолжения в славянских языках, является в своем основном значении предикатом мнения и означает ‘считать нечто правдой, т. е. соответствующим действительности’. В зависимости от управления *верить* может означать разное, в разной степени связанное с понятием правды. Имеются в виду основные конструкции: 1. «верить, что *P*» (т. е. *верить* плюс пропозиция); 2. «верить кому / чему», 3. «верить во что / в кого»⁴. Каждая из этих конструкций в семантическом отношении своеобразна:

1. «в е р и т ь, ч т о *P*» — ‘считать, полагать нечто’ (*верить, что все получится; не верить, что это поможет*) — здесь понятие правды, по существу, вообще устранено или растворено в значении ‘считаю правдой, что...’ (но ведь и всякое *считаю, что* имплицитно значит ‘считаю правдой, что...’). Еще сильнее семантика мнения свойственна диалектным употреблением, например, рус. диал. *верится* означает ‘кажется, мнится, думается’: «Верится мне, что он лжет», «Верится, что он из нашей

4 Семантический анализ польского глагола *wierzyć* см. в работах А. Вежбицкой [Wierzbicka 1971] и З. Зарон [Zaron 1993]. В последней из них сформулированы задачи для будущих исследователей, в частности изучение оппозиции «верить — знать» и корреляции «вера — правда».

местности»; в прошлом значение мнения имело и существительное *вера*: «Я всегда был той веры, что...» [СРНГ 4: 119–120];

2. «*в е р и т ь к о м у - н и б у д ь*» означает ‘считать правдой сказанное им’; в конструкции «*в е р и т ь ч е м у - н и б у д ь*» объект, как правило, тоже относится к речи: *верить словам, сообщению, объявлению, известию* и т. п., хотя можно верить и чувствам, и намерениям (тоже обычно высказанным);

3. «*в е р и т ь в о ч т о - н и б у д ь*» имеет три разных значения: 1. ‘считать нечто существующим в настоящем или имеющим быть в будущем’ (*верить в Бога, верить в сглаз, в судьбу, в удачу, в счастье, в бессмертие души, в коммунизм* и т. п.); 2. ‘считать нечто (слова, мнения) соответствующим действительности’ (*верить в приметы, в предсказания*, т. е. не в существование примет, предсказаний, как в первом значении, а в правдивость их содержания); 3. с включением оценки — ‘считать нечто положительным, результативным, приносящим благо и т. п.’, т. е. ‘надеяться, рассчитывать на что-либо’ (*верить в будущее, в свои силы, в талант, в человека*).

Возможны, конечно, и неопределенные, и совмещенные значения, например, *верить в дружбу* может означать и то, что дружба существует (значение 1), и то, что дружба — это благо (значение 3); выражение *верить в Бога* может пониматься и как признание существования Бога (значение 1), и как надежда на то, что Бог поможет (значение 3). В диалектах известны и другие конструкции с глаголом *верить*, *веровать*, например *верить что-л.* (с прямым дополнением) в значении ‘понимать’: рус. карел. «Кони веруют мой разговор» [СРГК 1: 178] и др.

Все это разные значения глагола *верить* и имени *вера*, но все они относятся к ментальному миру человека. Многочисленные приставочные дериваты глагола *верить* (*вверить, доверить, заверить, поверить, проверить, сверить, уверить* и т. д.) семантически далеко отстоят от производящего бесприставочного глагола и в разной степени сохраняют и усложняют исходную семантику правды как соответствия действительности (например, *заверять* значит ‘утверждать или подтверждать правду чего-л.’, по определению [БАС 4: 289], в одном из двух значений *заверять* — это ‘удостоверять правильность или подлинность

чего-либо (документа, копии и т. п.)», *сверять* ‘сравнивать объекты с целью установить их тождество’ и т. п.; согласно [БАС 13: 322–323] — ‘сличать с чем-либо, взятым за образец, с целью проверки; проверять, сличая’). Но об этом здесь нет возможности говорить подробнее.

Отмеченная «интериоризация» правды в гнезде **věra / *věriti* не остановилась на семантике мнения, а продолжила свое углубление во внутренний мир человека, что привело к появлению таких модальных значений, как рус. диал. *вера* ‘желание’, ‘охота’, ‘намерение’ и далее *невера* со значением ‘не следует, нельзя’. Ср. волог. «У меня и веры не было по гостям ходить», сев.-рус. «Мне вера есть жениться», арханг. «Покинь, брат, водку-то, не вера тебе пить» [СРНГ 4: 119–120], олон. «Она верует за него замуж» [Там же: 147]. Но далее то, что считается желанным, предпочитаемым, признается правильным, начинает пониматься как норма, и появляется распространенное в русских диалектах значение *вера* ‘обычай, обыкновение, привычка’: иркут. «У них такая вера, чтоб непременно попотчевать» [Там же: 119–120] или волог. «Ране веры не было в избах оклеивать» [СРГК 1: 178].

В наибольшей степени, однако, слова *вера* и *правда* сближаются в **правовом дискурсе**: оба слова являются терминами древнего славянского права.

Правовая семантика хорошо известна для слова *правда*, одно из значений которого — ‘закон, установление, положение’ (ср. название древнерусского свода «Русская Правда» и Соборное уложение царя Алексея Михайловича, статут). В разных славянских языках и на разных этапах их исторического развития соотношение юридической и общеправовой (эпистемиологической) семантики в гнезде праславянского **pravьda* неодинаково. Так, в современном русском языке правовая семантика сохраняется лишь в официальной формуле-клятве (калькирующей иноязычную формулу) *говорить правду, только правду и ничего, кроме правды* и глаголе *оправдать* и его дериватах, но в древнерусском и старорусском языке она была известна шире, ср. данные древнерусского словаря: *правьда* ‘обет, обещание’, *затеряти правьдоу* ‘нарушить обет,

клятву', *правда* 'договор', 'закон', *без правды* 'незаконно', *въ правдоу* 'на законном основании'; *правда* также и 'судебное разбирательство, суд', *вылазити на правдоу* 'приходить в качестве свидетеля'; *праведцик* 'судебное должностное лицо' (новгородская берестяная грамота № 154), *взяти правдоу* 'выиграть иск', *погубити правдоу* 'проиграть иск' [СДРЯ 7: 453–455]. Даль приводит *правда* в значении 'обещание, обязательство, клятва' в формуле: *давать на чем правду* 'присягать'; *правдовать* 'начальствовать, управлять, судить и рядить', *правда* 'стар. пошлина за призыв свидетеля к допросу', а также 'свидетель, притомный, послух': «Судьи велели истцову и ответчикову правду перед себя поставити» [Даль 3: 986].

Вероятно, из всех славянских языков дальше всего семантика права в этом слове зашла в словенском литературном языке и словенских диалектах, где *právda*, кроме общеславянского значения 'правда, справедливость', имеет значения 'тяжба', 'судебное дело', 'судебный процесс': ср. *imeti pravdo s kom* 'иметь тяжбу с кем-л., судиться с кем-л.', *dobiti pravdo s kom* 'выиграть дело', *zgubiti pravdo* 'проиграть дело', *právdanje* 'тяжба, процесс', *právdati se* 'судиться, вести тяжбу, сутяжничать', *právdar* 'тяжущийся, сутяга', *právdarski* 'сутяжнический', *právden* 'судебный', *právnik* 'прокурор' [Kotnik 1967]. В диалектах словенского языка *pravda*, *pravdanje* также означает 'спор, препирательство, пререкание': «Va te xi:še vavèk pra:uda» <В этом доме вечно препирательство>, *pravdati se* 'препираться, пререкаться': «Pra:udat se s sinòm kè ne pòslü:ša» <Препираться с сыном, который не слушается> [Gregorič 2014: 325]. Ср. выражение *právda za óslovo séncó* 'препирательство по пустякам' (букв. «спор о тени осла») [Keber 2011: 746]. Те же значения известны, хотя и в меньшей степени, в сербском языке: *правда* 'тяжба, разбирательство, спор, распря', 'ссора, скандал, препирательство, раздор': «Мало те није опет настала вика и правда» <Чуть опять не начался крик и скандал> [РСХКJ 4: 839], а также в языке хорватского права: *pravda* 'judicium, суд, судебный процесс': «Nitko neima sam sebi pravde činiti» <Никто не может сам себе суд чинить>, *pozvati pred pravdu* 'вызвать на суд', 'controversia, тяжба, ссора' [Mažuranić 2: 1078].

Исконную юридическую семантику слова *pravda* можно предполагать и для чешского выражения *pravda boží*, которое толкуется как ‘тот свет’: *je na pravdě boží* ‘отдал богу душу, приказал долго жить, преставился’ (букв. «он на божьем суде»); *sejít na pravdě boží* ‘встретиться (сойтись) на том свете’ (букв. «встретиться на божьем суде»); *odejít na pravdu boží* ‘отдать богу душу’ (букв. «уйти на божий суд»); *vzít si s sebou na pravdu boží* ‘унести с собой в могилу’ (букв. «взять с собой на божий суд») [Mokienko, Wurm 2002: 405–406]. Разумеется, предложенные в словаре толкования для современного языка верны, но буквальное значение фразеологизма *pravda boží* реконструируется как ‘суд божий’, что согласуется со словенскими юридическими контекстами.

В меньшей степени юридическая семантика сохранилась у слов гнезда **věra / *věriti*, но все-таки таких свидетельств немало. Практически все они связаны с понятием обещания, обязательства, клятвы, присяги и включают, таким образом, *веру* в обширный синонимический ряд слов: **kļetva*, **prisēga*, **rota*, **rōka*, **duša*, **slovo*, **rečb*, используемых в формулах клятвы. Исторические свидетельства такой семантики известны по древнейшим текстам. В новгородской берестяной грамоте № 724 (XII в.) употреблено выражение *уречи въ вѣрѣ*, которое А. А. Зализняк трактует как ‘заявить под клятвой (клятвенно)’ и, соответственно, *вѣра* определяет как ‘клятва, присяга’ [Зализняк 2004: 353]. По предположению А. А. Зализняка, «*вѣра* в этом своем значении является исторической преемницей *роты*, т. е. ее христианизированной формой. Примеры для *вѣра* ‘клятва’, представленные за рамками берестяных грамот, не старше XVI в.; грамота № 724 показывает, что этот термин в действительности появился не позднее XII в.» [Там же: 354]. Я не думаю, что *вѣра* является христианизированной формой *роты*. Оба слова в значении клятвы или обещания, обязательства употребительны, хотя и в разной степени, как в языке древнего права, так и в мифопоэтическом языке.

Rota по своей семантике и употреблению близка к *клятве*, ср. др.-рус. *рота* ‘клятва, божба, присяга’, *водити (въводити) ротѣ (къ ротѣ)* ‘заставлять клясться, приводить к присяге (при заключении мирного договора)’, *взимати роту* (с кем-л.)

‘давать клятву’, *вънити въ ротоу* ‘дать клятву (при заключении договора о мире)’, *заходити ротѣ* ‘принести клятву’, *ити ротѣ (на ротоу)* ‘клясться, давать клятву’, *поити на ротоу* ‘принести клятву’, *потѣпнати ротоу* ‘нарушить клятву’, *ходити ротѣ (на ротоу)* ‘клясться, давать клятву’, *ротитиса* ‘клясться, уверять в подлинности своих слов’ [СДРЯ 9: 456], рус. диал. *рѣта* ‘клятва, обет, присяга, заклинание’ [СРНГ 35: 204]. *Рота* и *клятва* и соответствующие глаголы *ротиться* и *клясться* часто употребляются совместно в юридических формулах, ср. др.-рус. «кленушимса и роташи(м) не токмо клатиса възбраняеть клирикомь, нъ ни такоже ротитиса»; «о роташихса і кльнушимса подобаеть не добрѣ клатиса не тако погоубить мечь якоже клатвы язва, ротивыиса аще мнить са живь, оуже оумре» [СДРЯ 10: 459].

В сербскохорватском *rotiti (se)* в значении ‘клясться’ также регулярно сочетается с другими членами синонимического ряда, прежде всего с **kļeti (se) / *kļetva*, ср. *vera i rota, rota i kletva, rotom i dušom, rotom ili zakletvom*: «Sagrišuje, koji rotom ili zakletvom <...> krivo kune» <Сорешит тот, кто ротой или клятвой ложно клянется>; *rotiti i zakleti, zaklinati se i rotiti, prisezati i rotiti se, rotiti se i priseći, kleti i rotiti se*: «А он се роѣ кleti і rotiti» <А он начал клясться и ротиться>; «Rotismo se na svetomъ evanđeliju і na časъnimъ і životvorećimъ krъsti Hristevi; Rotismo gospodinu vojvodu» <Мы поклялись на святом евангелии и на честном и животворящем кресте Христовом. Мы поклялись господину воеводе>; *rotiti se krivo* ‘присягать, клясться ложно’, *rotoloman = krivokletan* ‘клятвопреступник’, *rotnik, porotac, porotnik, prisežnik = kletnik* ‘тот, кто клянется’ [RHSJ 14: 182–185].

Однако по способу категоризации понятия обещания, клятвы **kļetva* и **rota* различны. Действительно, *клятва* — дериват глагола **kļeti (se)*, обозначающего ‘бранить, проклинать (себя)’, откуда в одних славянских языках *клятва* означает ‘проклятие’ (как дериват **kļeti*), в других — ‘клятва’ (как дериват возвратного *kļeti se*), тогда как *рота*, по предположению О. Н. Трубочева, производно от **rek-* ‘говорить, сказать’, ср. *зарок, зарекаться* (= ‘клясться не делать чего-л.’) (есть и другие этимологические версии [см.: Фасмер 3: 507]). Для **kļetva*, таким образом,

сочетание значений клятвы и проклятия объяснимо [Толстая 2016в (наст. изд., с. 485–513)], однако семантика брани и проклятия отмечается и у глагола *ротити(ся)*, что объяснить труднее. Так, Даль (а вслед за ним и СРНГ) приводит глагол *ротить* в значении ‘бранить, ругать, клясть, проклинать’ (правда, ввиду немотивированности и странности такого значения Даль под вопросом предполагает, что это дериват от *рот*); в той же статье он приводит *ротá, ротьба́* — в закономерном значении ‘божба, клятва, клятьба’ [Даль 3: 1722]; *клятьба*, скорее всего, следует понимать как ‘заклинание’. В русских говорах, по данным [СРНГ 35: 205], *ротиться* означает ‘клясться и божиться’ (арханг., волог., иркут., сиб., якут.): «Нешто они присягают по-нашему, они ротятся своими идолами»; *ротник* ‘тот, кто дал клятву (роту)’. Любопытно, однако, что значение брани у глагола **rotiti (se)* находим в ст.-чеш. *rotiti* ‘ругать(ся), бранить(ся)’, *rotiti se* ‘спорить, ссориться’, чеш. диал. *rotit* ‘ругать(ся), бранить(ся), корить, упрекать, порицать’ [Яньшкова 2013], а также в хорватском и словенском: *rotiti se* ‘то же’. Приходится предполагать, что семантика брани и проклятия, «этимологически» оправданная для **kļetva*, вторично воспринята гнездом **rota / *rotiti (se)* под влиянием архаического обычая клясться способом «самопроклятия», ср. замечание Даля: *ротá* ‘особ. заклинанья вроде: *отсохни рука* (если неправду говорю); *чтоб мне провалиться, не видать детей, дай Бог лопнуть* и пр.’ [Даль, 4: 105]. Ср. еще рус. диал. волог. *клясться* 1. ‘браниться, ругаться’: «Перестань не по делу клясться», 2. ‘неприлично браниться, материться’: «Мужики-то сидят пьяные на завалинке, курят да клянущая» [СВГ 3: 70]⁵.

Обратимся теперь к *вере* в юридическом значении. В старославянском языке собственно правовая семантика *веры* не отмечена; единственным примером, прямо относящимся к юридическому дискурсу, можно счесть глагол *оувѣрити сѧ* в значении ‘оправдать себя’: *сѣвѣдѣннѣ твоѣ оувѣриши сѧ*

5 В последнем случае возвратная форма глагола *клянутся*, скорее всего, восходит не к праслав. **kļeti se* со значением ‘клясться, давать клятву’, а является омонимичной формой невозвратного глагола **kļeti* ‘клясть, проклинать’, ср. *ругать* и *ругаться*.

вѣло [SJS 4: 592]. В древнерусском языке, как уже было сказано, *вѣра* имеет среди прочих значение ‘обещание, заверение’: «да въдветь вѣроу яко ничто же зла не створить ъмоу»; глагол *вѣритиса* означает ‘клясться’ [СДРЯ 2: 299]. Даль приводит с пометой «стар.» *вера* ‘клятва, присяга’, *веритися* ‘присягать, принимать присягу’, *вероломство* ‘нарушение клятвы’ (< ломать клятву, присягу), *вероятие* ‘принятие чего-л. за истину’, *вероятность* ‘правдоподобие’ [Даль 1: 813–814]. Ср. также пск. *вера* ‘присяга, клятва’ [ПОС 3: 77–78]. Близкое к этому правовое значение ‘обещать, клясться’ сохраняет кашубский глагол *ívarovac są* ‘клясться’: «Abo są ívaruješ, abo ñe, já se tak í tak ñe veřa» <Клянешься ты или нет, я тебе все равно не верю>, *zívarovac są* ‘поклясться, принести присягу’: «Zařaguј są» <Поклянись>; глагол известен также в говорах Кочевья: *ívarovac še* [Sychta 6: 120], а также макед. *вери вера*, *врзе вера* ‘дать слово, поклясться’, *држи вера* ‘исполнить обещание, клятву, обет’ (ср. рус. *держать, сдержать слово*), *прави вера*, *стори вера*, *чини вера* в том же значении ‘поклясться’ (букв. «сделать веру»), *на вера* ‘в кредит’: «Купих коња на вера» <Купил коня в кредит> [РМНП 1: 239–240].

Формулы с термином *вѣра* в старосербских деловых текстах (в отличие от славяносербских текстов, продолжающих старославянскую традицию, где семантика «веры» сформировалась под влиянием греч. *πίστις*), и особенно формулу *дати вѣру* ‘дать слово, обещать, заключить соглашение’ и конструкции (делать что-л.) *на вѣру / на вѣрѣ*, недавно изучала специально Ясмينا Гркович-Мейджор [Грковић-Мејџор 2016]. Она показала, что эти формулы находят параллель в других индоевропейских языках (лат. *fidem dare*, греч. *πίστιν δοῦναι*, алб. *dhashë besën*); они сохраняют не только древнюю структуру, но и архаическую семантику входящих в них терминов. Для *вѣры*, по мнению Я. Гркович-Мейджор, следует считать исходным значением ‘союз, соглашение, договор’. Наряду с *вѣра* в этих же формулах выступают и *клетва*, и *обѣитание*, и *рѣчь*, и *рука*: *дати / држати клетву*, *обѣитание*, *рѣчь*, *руку*. Эти же слова замещают друг друга и в других формулах — с глаголами *дрьжати* ‘держать’, *потврѣдити*, *поставити*, а также *прѣкръшити*

‘разрушить’, *изломити* ‘сломать’ (ср. *вероломный*), *погазити*, *покварити*, *разбити* ‘разбить’. В подтверждение исконности этих формул в работе приводятся примеры из сербской народной поэзии: «Вјеру дајте, да ме не варате!» <Поклянитесь, что меня не обманываете!>, «Већ дај мене твоју вјеру тврду» <Дай мне твердое слово (веру)>, «И ту Божју вјеру зададоше» <Той Божьей клятвой (верой) они поклялись>, «Краль Вукашин вјеру погазио» <Король Вукашин клятву (веру) нарушил>, «Ће ће краље мене да превари, и на вјери мене да погуби» <Где король меня обманет и «на вере» меня погубит> (Вук), «Али ти се ја краљу, вјером божјом заклињам» <Но я тебе, король, божьей клятвой (верой) клянусь>, «Ако ћете нам дати ту перашку вјеру тврду» <Если нам дадите твердое перашское (от топонима *Пераст*. — С. Т.) обещание (веру)>, «Предајте се сад на добру вјеру» <Отдайтесь сейчас «на добрую веру»> (Богишич) [Грковић-Мејџор 2016]. Словарь Матицы сербской для слова *вера* приводит значение ‘данное слово, обещание и доверие, кредит’: «У цепу није имао паре, а на вјеру му нису ништа дали» <В кармане у него не было денег, а в кредит ему ничего не дали> [РСХКJ 1: 353].

Vera в юридическом значении употребляется и в языке традиционного свадебного обряда, который по существу составляет подраздел языка права: с.-х. *верити се* ‘обручаться, заключать помолвку’, *веридба* ‘помолвка, обручение’, *вјереник* ‘жених’, *vjeriti koga (za koga)* ‘обручить кого-л. (с кем-л.)’, *vjeriti* ‘обвенчать’, *vjeriiti se za kim, kime* ‘заключить брак с кем-л.’ [RHSJ 21: 92–93]; макед. *вереник* ‘жених’; черногор. *вера* ‘обручальное кольцо’; ср. также некоторые аналогичные словацкие и восточнославянские термины: словац. *vereník*, укр. *вірник* ‘жених’ [Гура 2012: 109, 409, 413], рус. диал. *из веры выйти* ‘расторгнуть помолвку’ [СРГК 1: 172] и др. Ср. также польск. литер. *nie dochować wiary* ‘нарушить супружескую верность’ [SJPD 9: 976]; в.-луж. *wěrować* ‘венчать, сочетать браком’, *wěrować so* ‘венчаться, вступать в брак’, *wěrowanje* ‘бракосочетание’, *wěrowanski* ‘брачный, свадебный’, *wěrowanski ćah* ‘свадебная процессия’, *wěrowanski pjeršćen* ‘обручальное кольцо’ [Zeman 1967: 488]; н.-луж. *wěrowaś* ‘обвенчивать, обвенчать’, *dowěrowaś*

‘обвенчать по нужде, дополнительно обвенчивать’, *huwěrowaś* ‘довенчивать’, *nawěrowaś* ‘сочетаться браком’, *rozwěrowaś* ‘разводить, развести’, *zwěrowaś* ‘венчать, отправлять венчальные церемонии’, *wěrowańie* ‘бракосочетание, браковенчание’, *wěrowaństwo* ‘венчание, брак, супружество’, *wěrowań* ‘священнослужитель при бракосочетании’, *wěrowański* ‘венчальный, свадебный’ [Мука 2: 854]. С понятием обещания обнаруживает тесную связь и главный западнославянский свадебный термин — **sl'ubъ* [Толстая 2015б (наст. изд., с. 289–293)].

Итак, синонимичные слова со значением ‘обещание, клятва’ входят в однотипные конструкции в разных языках:

**tvrdъ* + **kļetva*, **věra*, **prisęga*, **rota*, **slovo*, **rečъ* в значении ‘твердое обещание, честное слово и т. п.’;

**krivъ* + **kļetva*, **věra*, **prisęga*, **rota* в значении ‘ложная клятва’;

**dati* + **kļetva*, **věra*, **prisęga*, **rota*, **slovo*, **rōka* в значении ‘дать клятву, обещание’ (ср. рус. *ручаться, обручиться*);

**držati*, **izpъlniti* + **kļetva*, **věra*, **prisęga*, **rota* в значении ‘соблюдать, сдерживать, исполнять обещание, клятву’;

**bъrati* + **kļetva*, **věra*, **prisęga*, **rota* в значении ‘принимать присягу, клятву’;

**lomiti* + **kļetva*, **věra*, **prisęga*, **rota* в значении ‘нарушить обещание, преступить клятву’ (ср. рус. ц.-слав. *вероломный*, серб. *вероломан*).

Они также часто в этих формулах употребляются совместно, например *верой и клятвой*, *верой и правдой*, *верой и душой*, ст.-серб. *да присегу нихъ вѣромъ и душомъ и клетвомъ да буду вѣрни* [Грковић-Мејдор 2016], *клясться и ротиться*, *клясться и присягать* и т. п.; *дать клятву* и *дать слово*, *дать руку*, ср. *ручаться, обручиться*, чеш. *na tou duši!* и *na tou věru!* в значении ‘ей-богу’.

Такого рода контексты подтверждают представление о языке права как о явлении глубокой архаики, слитой с дохристианской мифопоэтической традицией, о чем убедительно писали Э. Бенвенист [1995: 299–342], В. В. Иванов и В. Н. Топоров [1978; 1981] и многие другие авторы, а Б. О. Унбегаун говорил о «существовании устного обычного права еще

в “до-церковнославянскую” эпоху, т. е. до крещения Руси. Право это как бы только и ждало введения письма, чтобы быть закрепленным на бумаге» [Unbegaun 1969: 313]. В. М. Живов писал, что «славянское право связано в своих истоках со славянским язычеством. Соответственно, архаическая юридическая традиция является частью языческой культуры» [Живов 2002: 191]. Поэтому скорее следует говорить о приобретении «языческими» юридическими терминами философско-религиозного значения, чем о приспособлении религиозного термина *вера* к традиционному правовому дискурсу.

Таким образом, *вера* и *правда* предстают как синонимы, совпадающие в архаическом языке славянского права во многих (но не во всех!) своих значениях, употреблениях и контекстах (формулах), нередко восходящих к общеиндоевропейской юридической традиции и терминологии. При этом они изначально по-разному категоризируют выражаемые ими понятия единого концепта правды: *вера* — «изнутри» человека, исходя из его ментального мира, а *правда* — извне, из социальной действительности, но в юридическом дискурсе они сближаются и оказываются взаимодополняющими. Б. О. Унбегаун и В. М. Живов разбирают лексические оппозиции языческих и церковнославянских терминов русского права типа «*правда — закон*», «*видок — послух — свидетель*», «*холоп — раб*», «*дом — имение*», «*задница — наследие*», «*головник — убийца*», «*человек — лице*» и т. п. и, анализируя смену терминов в конкретных юридических текстах (в частности, в списках «Русской Правды»), их постепенную славянизацию, устанавливают характер и степень влияния церковнославянской (византийской) традиции на русскую (славянскую), однако в нашем случае, когда мы говорим о *вере* и *правде*, оба слова принадлежат одновременно и языческому, и христианскому (церковнославянскому) языку и культуре, и проследить на их примере взаимодействие двух разных юридических систем, одна из которых языческая, а другая — христианская, можно только «изнутри», т. е. на уровне тонких семантических изменений, которые претерпело каждое из слов, не говоря уже о том, что они являлись ключевыми терминами не только юридического, но и религиозного и общекультурного дискурса.

СЛАВ. **XORNITI* И **XOVATI* И ИХ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ

Праславянские глаголы **xorniti* и **xovati* связаны отношением семантического параллелизма, т. е., будучи многозначными, они обнаруживают синонимию сразу в нескольких своих значениях. Прежде всего они выступают как синонимы в сфере погребальной лексики в значении 'хоронить', затем в значениях 'укрывать, прятать, беречь, сохранять' и (в меньшей степени) в значении 'кормить'. В некоторых из этих параллельных значений они обнаруживают синонимию также с другими лексическими единицами и гнездами. Все эти значения, слабо в нашем представлении связанные между собой (ср. особенно 'хоронить' и 'кормить'), оказываются вполне органическими компонентами одного крупного и сложно организованного семантического целого (пространства, комплекса, кластера), в котором они занимают разные, иногда весьма далекие друг от друга позиции, разделенные рядом других (промежуточных) семантических единиц, заполняющих смысловые лакуны между ними и позволяющих реконструировать цепь семантических переходов в пределах всего комплекса и тем самым связать эти значения и мотивировать их связь. Рассмотрим эти три семантические сферы последовательно.

1. Славянская лексика погребения (похорон) представляет собой сложно организованное лексическое и семантическое поле, объединяющее несколько праславянских гнезд, основными из которых являются гнезда **xorniti* и **xovati*, **grebti*, **kopati*, **klasti*, **prętati* и некоторые другие (например, **gojiti*, **kojiti*, **ryti*, **valiti*). Для некоторых из этих гнезд семантика погребения не является единственной (и даже доминирующей) и сочетается с другими значениями, подчас очень далекими друг от друга. Наиболее прозрачную мотивировку в рамках погребальной семантики имеют глаголы **grebti*, **kopati* и **klasti*, прямо указывающие на ритуальные действия, предписываемые традицией трупоположения. Первый из этих

терминов имеет самое широкое распространение у славян, ср. о.-слав. *гроб* ‘могила’ (в русском вторично ‘гроб’) и его производные (типа рус. *гробовицик*, *гробовище*, серб. *гробље* ‘кладбище’ и т. п.), рус. (ц.-слав.) *погребение*, диал. олонеч. *погреб* ‘могила’, вят. *погребсти* ‘зарыть в могилу, похоронить’ [СРНГ 27: 311, 313], укр. *погріб*, пол. *grzebać*, *pogrzeb*, чеш. *pohřeb*, ст.-чеш. *hřebsti*, *hřebu* ‘хоронить’ [Gebauer 1: 494], словац. *pohreb*, болг. *погребение*, с.-х. *погреб*, словен. *pogreb*.

Значительно уже распространены глаголы **kopati* и **klasti* и их дериваты; только в словенском **kopati* — основной (наряду с **grebti*) термин погребального обряда: *pokop* ‘погребение, похороны’, *pokopati* ‘хоронить, похоронить’, *pokopališče* ‘кладбище’, ср. также рус. смолен. *прикопать*: «Кто меня закормит и прикопает», *прикопать косточки* ‘то же’ [СРНГ 31: 256, 329]; **klasti* и его дериваты в значении ‘хоронить’ отмечены в русском и чешском, ср. рус. *кладбище*, псков. *класьть* ‘хоронить’: «На старом кладбишшы ня дают клась»; «Ешшо мой дет клал сваего сына на то кладбишше» [ПОС 14: 175], чеш. «Hřbitov máme svůj u nás. Dosavad kladli jsme na starý, ale teď máme nový pohřbívali» <У нас свое кладбище. До сих пор мы хоронили на старом, а теперь будем на новом хоронить> [PSJČ 2: 120], морав. *klast* ‘хоронить (pochovávat)’: «My se klademe tu = máme svůj hřbitov. My se klademe do Žďáru» <У нас хоронят здесь = у нас свое кладбище. Мы хороним на Ждяре> (зап. Моравия) [Bartoš 1895: 327; 1906: 144].

Глагол **xorniti* (вообще известный всем славянским языкам и диалектам) как термин погребального обряда распространен в восточно- и южнославянских языках (хотя и в разной степени и в разных соотношениях с другими номинациями погребения) и практически неизвестен западнославянским, ср., однако, словац. диал. гемер. *chranba* ‘похороны’: «Ohromňe veľie ľidí bolo na chrambe» <Очень много было народу на похоронах>; *chránit’* ‘хоронить’: «Fčera chránil’i suseda» <Вчера хоронили соседа> [SSN 1: 679]. Ключевым он является, пожалуй, только для русского языка (*хоронить*, *похороны*), где употребительны также церковнославянизмы *погребать*, *погребение*; в украинском и белорусском он делит эту функцию с **xovati* и явно

уступает свои позиции последнему. В болгарском и македонском господствуют дериваты **grebti* (болг. *погреба*, *погребвам*, макед. *погребе*), в меньшей степени распространены дериваты **kopati* (болг. *закопая*, *закопаване*, макед. *закопа*, *закон*), а **xorniti* в погребальном контексте вообще неизвестен — в отличие от сербскохорватского, где *сахранити*, *сахрањивати*, *сахрана* — основные номинации похорон (ср.: «Mrtvaca u grob saraniti» <Покойника положить в могилу> [RHSJ 14: 501]), хотя употребительны также производные от **grebti* (*погребавати*, *погреб*, *погребни*) и **kopati* (*закопавати*, *укопавати*, *укопаванье*, *укоп* и др.). Наконец, в словенском, как уже говорилось, доминирует в этом значении **kopati*, но известен и **grebti* (*pogreb*, *pogreben*, *pogrebščina* и др.), ср. также стар. книжн. прекмур. *pohraniti* ‘похоронить’ [Novak 2006: 463].

В свою очередь, лексема **xovati* совсем не употребительна в Южной Славии, а в великорусском ареале она характерна лишь для говоров западной и южной зоны, пограничной с Украиной и Белоруссией, основной же ее ареал — западнославянские языки и диалекты. В качестве термина погребального обряда слово известно на всей территории своего распространения: польск. *chować* ‘хоронить’ (*chować na cmentarzu* ‘хоронить на кладбище’), диал. *chować* ‘погребать умершего’, *chować się* ‘быть погребенным’, *chowanie się* ‘погребение’ [SGP 4/1(10): 44–47]; кашуб. *χovac* ‘погребать, хоронить’: «*Naša ves ju sòdmègo trupa latos χove*» <Наша деревня в этом году уже седьмого покойника хоронит> [Sychta 2: 51]; чеш. *pochovati* ‘похоронить’ [PSJČ 4/1: 535], диал. *chovat* ‘хоронить’: «*Kdy ho budu chovat?*» <Когда его будут хоронить?> [КЧДС], *chovany* ‘погребенный’: «*Budě chovany na starým křchově*» <Его похоронят на старом кладбище> [Horečka 1941: 101]; ст.-словац. *chovať*: «*w hrobu geho aby sie zadny krom rodo geho nechoval*» <чтобы в его могиле никого, кроме его родственников, не хоронили> [HSSJ 1: 475]; при этом в литературном словацком языке этого значения нет. Ср. также рус. диал. (зап., юж.) *поховать* ‘похоронить, схоронить’ [СРНГ 30: 353], смол. *ховать* ‘прятать, хоронить’: «*Ховають пакойника. Поп неkyга хувають*» [Добровольский 1914: 962], пск. *заховать* ‘похоронить’:

«З дедъм вмести зъхавают», *захованец, заховец* ‘о похороненном человеке’ [Даль 1: 659; ПОС 12: 234–235], дон. *ховать* ‘хоронить’: «Инаверав хавали так — свивають кушаками и в землю кладуть», *заховать* ‘похоронить’: «Захавали маю дочиньку» [БТСДК: 184]; укр. *ховати* ‘хоронить, погребать’: «Ховав піп, ховав дяк і паламарище», *ховання* ‘погребение, похороны’ [Гринченко 4: 406]; белор. литер. и диал. *хаваць* ‘погребать покойника’: «Нябожчыка хаваюць у панчошках», *хавацца* ‘погребаться (о покойниках)’: «У кудры (у ляску) хаваюцца людзі» [СПЗБ 5: 274].

2. Оба глагола, помимо погребального значения, которое занимает в структуре их многозначности разное место в разных языках, имеют общую семантику **укрывания, сохранения и защиты**. Связь этих значений представляется вполне мотивированной, она обусловлена метонимически, способом восприятия одной и той же ситуации, а именно – ситуации перемещения некоего объекта из одного пространства в другое с определенной целью (защиты, сохранения) и по определенной причине (из-за угрозы уничтожения, похищения, нанесения ущерба). Целью действия «прятать, укрывать» является в этом случае устранение объекта из видимого (доступного) пространства; целью «сохранения» – обеспечение существования объекта в будущем; целью «защиты» – укрытие объекта от опасности. Рассмотрим эти значения подробнее.

‘прятать, скрывать, укрывать, прибирать’

**xorniti* — рус. диал. *хоронить*: «Деньги хорони не при людях»; «Схоронил так, что и сам не найду», *хоронить концы* ‘скрыть дело гладко’ [Даль 4: 1222] (ср. *прятать концы*), *захоранивать, захоронять, хороньши* ‘игра в прятки’, *схоронять*: «Будто головушку за пазушку схоронишь?» [Там же: 663], калуж. *сохраняться* ‘прятаться, скрываться’: «Заяц умеет сохраняться, его и не найдешь» [СРНГ 40: 85], карел. (рус.), новг. *прихоронить* ‘спрятать, припрятать’: «Гранатка была прихоронена» (карел. рус.) [СРГК 5: 224],

дон. *играть в хоронилки, в похоронки играть* ‘играть в прятки’, *похоронка* ‘тайник’ [БТСДК: 413]; укр. *хоронити* ‘прятать’: «Від людей хоронила, що щемить серденько» [Гринченко 4: 410]; ст.-укр. *хоронитися* ‘прятаться, скрываться, избегать’: «Людей ся и свѣтла хоронить», *хороненье* ‘прятанье, укрыванье’ [Тимченко 2: 464–465]; польск. диал. *chronić (się)* ‘беречь(ся)’, ‘прятать(ся)’: «Chroń Boże» <Боже сохрани> [SGP 4/1(10): 74]; чеш. *schrániti* ‘спрятать, скрыть, укрыть’ [PSJČ 5: 214].

**xovati* — рус. диал. *поховать* ‘спрятать’, ‘утаить, украсть’ [СРНГ 30: 353], *заховаться* ‘спрятаться’, ‘затеряться, пропасть’: «Куды ж он заховался?» [СРНГ 11: 155], смол. *поховаться* ‘спрятаться, скрыться’ [СРНГ 33: 180], смол. *хованье* ‘прятание вещи, спрятанная вещь’: «Чужое хуванье ни лянись найти», *хуваться* ‘прятаться’, *ховки* ‘прятки’ [Добровольский 1914: 962], пск. *захованец* ‘ларь, ящик’, *захованки* ‘игра в прятки’ [ПОС 12: 234–235]; укр. *ховати* ‘прятать’: «Що-дня він мед тягав, в берлозі ховав», *ховатися* ‘прятаться’ [Гринченко 4: 406]; белор. *хаваць* ‘прятать’: «Хаваць можна хоць што: грошы, дабро», *хавацца* ‘укрываться, скрываться’: «Хаваўся люд хто куды», *хаванкі* ‘прятки’, *хаваня, хаване* ‘прятание’: «Од домоваго злодія і ховане нэ поможэ» [СПЗБ 5: 274]; польск. *chować* ‘прятать, класть, убирать’ (*chować do kieszeni, do szafy* ‘прятать в карман, в шкаф’), *chować się* ‘прятаться, скрываться, укрываться’, *chowany* ‘прятки’, *bawić się w chowanego* ‘играть в прятки’, *chowanie się* ‘прятки, игра в прятки’, *chowanka* ‘то же’ [SJPD 1: 903–904]; чеш. *schovati (se)* ‘укрыть(ся), спрятать(ся)’, *schovávaná* ‘игра в прятки’ [PSJČ 5: 213], ляш. *chovać, schovać* ‘прятать, спрятать’: «Schovej to do kapsy» <Спрячь это в сумку> [Kellner 1949: 181]; ст.-словац. *chovať*: «wieczy w komorach zamknute, od nich sem sama klicze chowala» <вещи заперты в кладовках, ключи от них я сама прятала> [HSSJ 1: 475].

‘беречь, хранить, сохранять, держать про запас’, значение, очевидным образом связанное с предыдущим причинно-следственным отношением (прятать, чтобы сохранить, сберечь, не расходовать), представлено у обоих гнезд.

**xorniti* — рус. урал. *хоронить* ‘сохранять, сберегать’: «Хоронили зерно в сусеках» [Малеча 4: 387], новг. *похоронить* ‘положить про запас’: «Можно голубцов запаста, ну, взять и похоронить» [СРГК 5: 123], диал. *сохраняться* ‘беречь свое здоровье, оберегаться’ [СРНГ 40: 85]; с.-х. *sahrana* ‘сохранение’: «Ostavi mu na sahrani prošitu torbu da mu je čuva, dok se povrati iz Svete zemlje» <Оставил ему на сохранение сшитую сумку, пока не вернется из Святой земли>, ‘место, где что-л. хранится, находится под защитой’ [RHSJ 14: 495]; словен. *hraniti* ‘хранить, сохранять (муку, вино, овощи зимой)’ [SSKJ 1: 284–285].

**xovati* — белор. *хаваць* ‘хранить, держать’: «У ямы бульбу хаваюць», «Май (ссечаныя бярозкі) ад сёмухі хавалі, а на купальнік сцягавалі і палілі агонь» [СПЗБ 5: 274]; кашуб. *χовас* ‘хранить, держать’: «Мё на зёма χовемё bulvё v sklepaχ» <Мы зимой храним картошку в подвалах> [Suchta 2: 51]; чеш. *uchovat* ‘сберечь’ [PSJČ 6: 431], диал. *chovat* ‘то же’ <K roku chovat prasa> <К празднику сберечь поросенка> [КЧДС].

‘беречь, укрывать, охранять, защищать’ (т. е. прятать от опасности, покушения)

**xorniti* — рус. урал. *хоронить* ‘оберегать, защищать’: «С ирманской войны революция прошла, хоронили, берегли Расею» [Малеча 4: 387], арханг. *похоронить* ‘посторожить’: «Спасибо, бабка, похоронила у нас, а то бы все растащили» [СРГК 5: 123]; укр. «Хорони, Боже!» [Гринченко 4: 410]; польск. диал. *chronić* ‘беречь’, ‘прятать’: «Xrůnić kogo цот њёšчејѕсоц» <Беречь кого-л. от несчастий>, «Chroń Воже» (= *Voże zachowaj*) <Спаси Господи>, *chronić się* ‘беречься, укрываться, скрываться’ [SGP 4/1(10):

74]; кашуб. *χrońic* ‘защищать, охранять, заслонять, оправдывать’: «Las χrońi před wátrem» <Лес защищает от ветра>, *χrońic są* ‘спасаться’: «Lěze χrońo są v jizbach, taki to je mròz» <Люди прячутся в избах, такой мороз> [Sychta 2: 54]; чеш. *chrániti* ‘охранять, защищать’ [PSJČ 1: 1070], диал. *chráňit*: «Buh mñe chraň, abí mñe řekl křiví slovo» <Боже сохрани, чтобы мне солгал> [Gregor 1959: 69]; словац. *chránit* ‘охранять, защищать, оборонять’, ‘остерегаться, избегать, сторониться’ [HSSJ 1: 476]; с.-х. *sahrana* ‘спасение, защита, охрана, оборона’: «O prísвета Divo, ti si jim sahrana» <О Приснодева, ты им защита>, *sahraniteľj* ‘спаситель (в том числе о Боге, Христе)’ [RHSJ 14: 495–497].

**xovati* — белор. диал. *хаваць* ‘спасать’: «Яна хавала вайной яўрэяў» [СПЗБ 5: 274]; укр. *ховати* ‘беречь, хранить’: «А ви Україну ховайте», «Ховай Боже!» [Гринченко 4: 406]; чеш. диал. *chovat* ‘охранять, защищать, укрывать, бережно обращаться’: «Štyry neděle sem choval voko, jak mně ta snítka štouchla» <Четыре недели я укрывал глаз, когда меня эта ветка задела>, «Kmínek chováł ruku (= měl ruku na obvaze)» <Кминек берег руку = держал руку перевязанной> [КЧДС].

В этом (наиболее распространенном) круге значений данные глаголы употребляются в одних и тех же клишированных оборотах разных славянских языков и диалектов, ср. польск. *chować w tajemnicy*, словац. *chovať tajomstvo* [Isačenko 1: 225] — рус. *хранить тайну*; польск. устар. *chować milczenie* — рус. *хранить молчание*; польск. *Chroń Boże!* — *Chowaj Boże!*; чеш. *chovat jako oko v hlavě* — рус. *хранить (беречь) как зеницу ока* и т. п. Ср. также древние формулы, в которых данные глаголы приобретают значение ‘быть верным чему-л., блюсти’ типа рус. *хранить (верность, слово, клятву, тайну* и т. п.) [Иванов 2007]; здесь, как и во многих других значениях, обнаруживается синонимия этих глаголов с *держать*, ср. *держать слово, держать скот, держать себя* ‘вести себя’ и др.

В этих значениях гнезда **xorniti* и **xovati* оказываются близки к семантическому спектру глагола **preṭati*, являющегося ключевым (исходным) для данного блока значений и к тому же обладающего «погребальным» значением. Этому глаголу в общеславянском масштабе посвящена обстоятельная статья Г. П. Клепиковой [1989], в которой подробно представлена его многозначность и весьма любопытная география его отдельных значений, которую автор статьи пытается объяснить на основе теории карпатской миграции славян В. М. Иллича-Свитыча. Не повторяя положений работы Г. П. Клепиковой, хочу только указать на несколько моментов, существенных для нашей темы. Во-первых, глагол не имеет надежной этимологии; его сближение с **proṭь*, которое опиралось на русские значения ‘корчевать, расчищать лес под пашню’, признано сомнительным [см.: Фасмер 3: 396], поскольку оно не учитывает и не объясняет других значений, в частности таких, как ‘одевать, украшать, снаряжать’ и т. п. Еще одна этимология предложена В. А. Меркуловой, сблизившей **preṭati* с **preṣti*, **preḍati* [Меркулова 1976]; наиболее полную сводку версий представила И. Янышкова в [ESJS 12: 710–711].

Во-вторых, необходимо обратить внимание на значительный параллелизм в семантической структуре гнезда **preṭati*, с одной стороны, и гнезд **xorniti* и **hovati*, с другой: все три гнезда сочетают значения укрытия, прятания, сохранения и защиты с погребальной семантикой; ср. также параллельные клишированные конструкции типа рус. диал. и разг. *прятать концы ~ хоронить концы* ‘скрывать, действовать тайно, не оставляя следов’, белор. *хаваць канцы* ‘то же’. Значения этого блока (‘укрытие, прятание’) широко представлены в русском *прятать* и его дериватах: ср. рус. диал. *прятка* ‘прятание, утайка’, *прятушка* ‘шалаш, где можно укрыться от дождя, солнца и т. п.’, *прятанки*, *прятовки*, *прятушки*, *прятыши* ‘игра в прятки’ и т. п. [СРНГ 33: 95–96], *сопрят* ‘сохранение’, ‘человек, умеющий надежно прятать, хранить’: «Бабушка — сопрят важный, оберет дак не найдешь», *отдать на сопрят* ‘отдать на хранение’ [СРНГ 40: 7]. Значение ‘хоронить’ у глагола **preṭati* отмечено в словаре

Гринченко: *пратати* ‘прибирать, убирать’, ‘погребать, хоронить’: «А коли брата прятали?» (в галицко-русских текстах Федьковича) [Гринченко 3: 495], а также, по данным «Общекарпатского диалектологического атласа», в гуцульских, лемковских, закарпатских говорах [Клепикова 1989: 125]. К этому близки болгарские значения ‘зарывать (в землю)’, ‘покрывать пеплом или пылью’ (в частности, о магическом действии при чтении заговора) [БЕР 5: 678–679] и близкое к ним макед. *запрета* ‘засыпать пеплом, землей’, ‘шутл. хоронить, погребать’: «Што има од човека: ќе го запретаат еден ден и ајде» <Что останется от человека: его однажды засыпят землей, вот и все> [РМЈ 1: 226].

Глагол **prętati* имеет еще ряд более узких и специальных значений: ‘**корчевать**’ (рус. диал. *пратать* 1. ‘увозить, убирать (сор, навоз со двора)’, 2. *пратать лён* ‘собирать, сгребать разостланный лен и связывать его в снопы’, *пратанье* 1. ‘расчистка леса под пашню’, 2. ‘игра в прятки’ [СРНГ 33: 95]; карел. *пратать* ‘готовить землю для посева при подсечно-огневом земледелии’, *пратанье* ‘собрание обрубленных веток, сучьев в кучи’ [СРГК: 340]; смолен. *пратать лядо* ‘разрабатывать лядо’ [Добровольский 1914: 746]), ‘**одевать, убирать, украшать и т. п.**’ (рус. диал. смолен. *опрануть(ся)* ‘одеться’ [Добровольский 1914: 533], бел. *пратась* ‘одеваться’, болг. *спретна се, спретвам се* ‘одеваться прилично’ и т. д.), а также характерной главным образом для западнославянских языков семантики ‘**чистить, приводить в порядок, прибирать**’ (рус. *опрятный*, пол. *sprzątać* ‘прибирать в доме’, пол. *sprząt* ‘снаряжение’, ср. чеш. диал. *chraniť* с тем же значением ‘привести в порядок, навести порядок’: «vychranili zmy izbu, budēm maľovat’» <мы привели в порядок избу, будем красить> [Нореčka 1941: 101] и т. д.), как и значения ‘**убирать урожай**’ (см. в статье Г. П. Клепиковой), – то все они могут быть выведены из «прототипического» значения ‘удалять нечто из одного пространства в другое’, только в одном случае акцент делается на исходном локусе, из которого нечто удаляется, освобождая и очищая его (отсюда семантика расчистки, уборки и т. д.), в другом – на вторичном локусе (куда нечто

перемещается), откуда значения типа ‘прикрывать, одевать, украшать, оснащать’, в третьем – на самом перемещаемом (скрываемом, охраняемом, спасаемом) объекте (семантика сохранения и защиты).

Таким образом, для объяснения «погребальных» значений всех трех глаголов ключевым и исходным может считаться значение ‘прятать, укрывать (умершего)’, что соответствует традиционным представлениям о необходимости удаления смерти (в лице покойника) из области жизни. Менее доказательным, по-видимому, было бы предположение (в рамках чисто семантических рассуждений также допустимое), согласно которому погребение в земле — не просто «удаление», «прятание» покойника, а его, так сказать, «сохранение», т. е. «не уничтожение» в противоположность обряду трупосожжения, когда тело умершего уничтожалось огнем. Однако у *прятать* погребальное значение может трактоваться и иначе — как вторичное, производное от значений ‘приводить в порядок’, ‘снаряжать, собирать, готовить’, ‘совершать ритуал’. Ср. у Даля: *опрятывать, опрятать* ‘хоронить покойника, обмыть, одеть его и погребсти’ наряду с ‘убирать, прибирать, класть и ставить все на свое место; обрывать, возиться, управляться по женскому хозяйству, приводить в порядок’; *спрятати*, стар. *опрятать* ‘обмыть, одеть, убрать’: «Преставился Володимер Мономах <...> спрятавше тело его, положивше у святей Софье» [Даль 4: 470].

При этом *прятать* оказывается семантически наиболее близким к глаголу *убирать*, который имеет (по крайней мере в русском языке) все типичные для *прятать* значения: ‘прятать, укрывать’, ‘прибирать в доме’ (ср. рус. *уборка, уборщица* и т. п.), ‘одевать, украшать, оснащать’ (рус. *убор, убранство*), ‘собирать урожай’ (рус. *уборка урожая*). Еще одно значение, характерное для этого гнезда, а именно значение запрета, сближает его с гнездом **borna, *borniti* (ср. рус. *запрет*, укр. *заборона*, польск. *zabronić* и т. д.), которому присуща также семантика защиты (ср. рус. *оборона* и *охрана*), т. е. оно одновременно оказывается соотносенным и с гнездом **horniti*. Соответственно, к ряду формул рус. *Боже сохрани*,

Спаси и сохрани!, польск. *Chowaj Boże!*, *Chroń Boże!* можно добавить еще польск. *Broń Boże!*.

Частичный параллелизм обнаруживает **prętatī* и с гнездом **gojiti*, представленным во всех славянских языках в виде самого глагола, его приставочных дериватов и именных производных. Общими для этих двух гнезд оказываются значения ‘приводить в порядок, чистить, убирать’ (ср. рус. диал. заурал. «Надо бы вот избу гоить, да недосуг все» [СРНГ 6: 279]), ‘приготавливать к чему-нибудь, устраивать, отделять, обрабатывать, возделывать’ (ср. самар. «Да вот лодку-то гоим» [Там же]), ‘украшать, наряжать’ (ср. челяб. «Гоил избу или горницу» [Там же]), ‘запасать, убирать на хранение’ (ср. перм. «Загоил ли тепла на зиму» [Там же: 280]) и — ‘хоронить’ (рус. волог. *угоить* ‘похоронить’: «Угоила трёх сыночков, сама зацем живу?» [КСГРС]¹). Но в отличие от **prętatī* лексика гнезда **gojiti* обладает и семантикой кормления (ср. рус. диал. *гоить* ‘хорошо кормить; холить’, ‘угощать’: «Хорошо ли вы гоили гостя?» (перм.) [СРНГ 6: 279], болг. *гоя* ‘обильно кормить, откармливать’ [БЕР 1: 269], *гоя се* ‘жиреть, тучнеть’ [Геро 1: 242]), т. е. сочетает, подобно **xorniti* и **xovati*, погребальное и пищевое значения.

3. Обратимся теперь к «пищевой» семантике интересующих нас глаголов, где связь значений также обусловлена метонимически и зависит от объекта (адресата) действия или его цели: кормить людей и скот, откуда далее естественно — вскармливать, растить, т. е. каузировать существование, жизнь. Это значение может быть исходным и для дальнейшего смысла ‘оберегать, защищать, следить, воспитывать, пестовать’, который оказывается родственным рассмотренному выше кругу значений: ‘беречь, защищать, укрывать от опасности’ → ‘прятать, скрывать’.

В сфере «пищевого» блока значений наблюдается практически тот же полный семантический параллелизм между гнездами **xorniti* и **xovati*, что и в первом блоке.

1 Материалы КСГРС любезно предоставлены Е. Л. Березович.

‘кормить, питать, вскармливать, растить’; ‘пища, еда, корм’

**xorniti* — с.-х. *hrana* ‘еда, пища’, ‘материнское молоко’, *hraniti* ‘кормить, питать’ [RHSJ 3: 679–682]; словен. *hrana* ‘пища, еда, питание’, *hraniti* ‘кормить’: «*Mati hrani otroke*» <Мать кормит детей>, *hranitev* ‘кормление, содержание’, *hranitelj* ‘кормилец’ и т. д. [SSKJ 1: 824–825]; болг. *храня* ‘питать, кормить’: «*Земята храни растенията*» <Земля питает растения>, ‘содержать, иметь на содержании’, *храня ся* ‘питаться, кормиться, быть кормленным’, *храна* ‘пища, корм для скота’, *хранени* ‘холеный, откормленный’ [Геров 5: 508–509]. Ср. также кашуб. *χарна* ‘сухая трава (корм низкого качества)’, *χарnisty* ‘богатый травой (кормом)’ [Sychta 2: 23], полаб. *chorna* ‘пища’, *chornët* ‘кормить’ [Фасмер 4: 266; ЭССЯ 8: 79].

**xovati* — укр. *ховатися* ‘выкармливаться’: «Худоба буде добро ховатися», *хований* ‘вскормленный, ручной’: «Вовк хований» [Гринченко 4: 406]; польск. диал. *chowa* ‘средства к существованию’, *chować się* ‘питаться, кормиться’: «*Syrum od owieczek chowo sie syneczek*» <Сыром овечек питается сыночек>, *chowanie się* ‘питание, кормление; провиант, харч’ [SGP 4/1(10): 47–50], *chować się* ‘расти, жить, оставаться в живых (о детях и животных)’: «*Z sześciorga dzieci tylko dwoje się chowało*» <Из шестерых детей только двое осталось в живых> [WSPR: 100]; чеш. диал. *chóva* ‘пища, пропитание’: «*Ta chóva naša koštovala na dzeň výše zlatovky*» <Это наше дневное пропитание стоило больше золотого>, *chovać še* ‘питаться, кормиться’: «*Chovûi še sama*» <Содержи себя сама> [КЧДС], ляш. *chovać še* ‘то же’: «*Ve žniva še dobře chováli = dobře jedli*» <Во время жатвы хорошо питались = вдоволь ели>, *chovani* ‘пища, еда, корм’ [Kellner 1949: 181].

‘пасти, разводить’ (о скоте, птице, пчелах, рыбе)

**xorniti* — рус. диал. *сохранение* ‘выхаживание молодняка (животных)’: «За сохранение по два трудни с поросенка» [СРНГ 40: 84]; кашуб. *χарно* ‘стадо (особенно овец и коров)’ [Sychta 2: 23].

**xovati* — укр. *ховати* ‘выкармливать, воспитывать’, *ховатися* ‘выкармливаться’: «Худоба буде добро ховатися», *ховання* ‘воспитание’: «Худоба свого ховання» [Гринченко 4: 406]; белор. *хаваць* ‘держатъ скотину’: «Я ужо каровы не хаваю» [СПЗБ 5: 274]; польск. *chować* ‘выращивать, разводить (кур, цыплят, кроликов и т. п.), держатъ коров и т. п.’, *chow bydła* ‘разведение скота, животноводство’, диал. *chowa* ‘содержание скота’, ‘скот’, *drobna chowa* ‘домашняя птица’, *mala chowa* ‘молодняк’, *chowanie się* ‘скот (коровы, кони и т. д.)’ [SGP 4/1(10): 43–50]; кашуб. *χovac* ‘кормить, ухаживать за скотом’: «Naša něnka χové véle kačkòv i kur» <Наша мама держит много уток и кур> [Sychta 2: 51]; чеш. *chovati (dobytek)* ‘держатъ (скотину)’ [PSJČ 1: 1069], диал. *chovat* ‘то же’, *chov dobytka* ‘содержание скота, скотоводство’ [КЧДС]; морав. *chovat dobytek* ‘держатъ скотину’: «Chová si páru koní a páru volů» <Держит пару коней и пару волов> [Bartoš 1906: 120]; словац. *chovať* ‘разводить (о животных, овощах, фруктах и т. п.)’, *chovateľ dobytka* ‘скотовод’, *chovateľ včiel* ‘пчеловод’ и т. п. [Isačenko 1: 225].

‘заботиться, следить, ухаживать, пестовать’ (о детях, стариках)

**xorniti* — рус. диал. *сохраняться* ‘быть на попечении, под наблюдением кого-л.’: «На печке русской наши дети сидели, сохранялись с бабкой, а мы работали» [СРНГ 40: 85]; с.-х. *hraniti* ‘заботиться, держатъ при себе’, ‘воспитывать (о детях)’, ‘почитатъ (о стариках)’: «Rani majka devet mili sina, ranila ih dok ih odranila» <Растила мать девять милых сыновей, пестовала их, пока не выпестовала> [RHSJ 3: 682].

**xovati* — укр. *хованець* ‘воспитанник, приемный сын, вскормленник’, ‘домовой, черт’² [Гринченко 4: 406]; белор. *хаваць* ‘раститъ, воспитывать, ухаживать,

2 Согласно народным верованиям, черта можно вырастить специальными магическими действиями (носить яйцо под мышкой в течение определенного срока и т. п.) и сделать его своим помощником, подателем различных благ.

содержать': «Буду Ганчыны дзеці хаваць», «Хто мяне будзе хаваць?», «Дахавайце мяне да смерці» [СПЗБ 5: 274]; польск. диал. *chować* 'заботиться, воспитывать, иметь на своем попечении, растить': «*Chować zećci*» <Растить детей> [SGP 4/1(10): 44–46]; чеш. *chovati (malé dítě)* 'нянчить (детей)' [PSJČ 1: 1068–1069], диал. *chovat*: «*Jeden kluk eště nebjehá a už zas bude chovat*» <Мальчишка еще не ходит, а уж вот-вот будет нянчить>, *chovaří* 'нянчение, ношение младенца на руках', *chovanec, chovanek, schovanec* 'приемный ребенок' [КЧДС]; ст.-словац. *chovať* 'содержать': «*Aaron slibil Michala a manželku geho chowati az do smrti*» <Аарон обещал Михала и жену его содержать до самой смерти> [HSSJ 1: 474–475].

'блюсти, соблюдать; воспитывать, вести себя'

**xorniti* — кашуб. *chronić się* 'соблюдать (пост и т. п.)': «*Postu še xrońićo*» <Пост соблюдали> [SGP 4/1(10):74].

**xovati* — рус. диал. *выхованец* смол. 'воспитанник, приемыш или подкидыш', без указ. м. 'внебрачный ребенок', смол. *выхованство* 'воспитание', юж.-рус., зап.-рус. *выховывать* 'вспаивать и вскармливать, воспитывать' [СРНГ 6: 50]; польск. *chować* 'воспитывать', диал. *chowanek, chowanica* 'воспитанник, воспитанница, приемные сын, дочь' [SGP 4/1(10): 48–49]; чеш. *chovati* 'вести себя' [PSJČ 1: 1069], морав. *chováni* '= *dobře vychované*' [Bartoš 1906: 120]; словац. *chovať sa* 'вести себя, относиться к кому-л.', *chovanec* 'воспитанник, питомец, пансионер, приемыш, приемный сын', *chovanica* 'воспитанница, пансионерка, приемная дочь' [Isačenko 1: 225]. Связь между кормлением, питанием и воспитанием отражена в лексике (ср. рус. *вос-пита-ние*), ср. также параллелизм клишированных выражений типа словац. *chovať lásku, nádej, nenávisť* [Там же] и рус. *питать любовь, надежду, ненависть* и т. п.

Совместимость и внутренняя связанность значений 'кормить' и 'беречь, защищать' подтверждается семантикой

глагола *беречь*, у которого также отмечены оба круга значений при исходном и главном 'беречь, хранить': ср. рус. диал. пск., новг., твер. *беречь* 'гостеприимно принимать, угощать, потчевать': «Прощайте! Спасибо, что берегли» (пск.), «Нечем мне тебя беречь: кур нету, а то яиц бы сготовила», 'лелеять, миловать, холить': «Уж так-то старики внучку-то берегут, что лучше и не надо», 'у охотников: не пропустить зверя': «Береги зайца» [СРНГ 2: 258], твер. *береженный* 'хорошо выкормленный, жирный', 'сбереженный, скопленный': «Денежка бережена», *береженьице* 'воспитание': «Вам спасибо пятьюдесятью / За хорошо береженьице» (олон.) [Там же: 248], пск. *беречь* 'угощать', 'проявлять заботу, оберегать', 'содержать в целостности, сохранности', 'растить, воспитывать' [ПОС 1: 182–183], пск. *берёга* 'хорошее угощение': «У нас плохая берёга», 'кормление скота': «А каровам раньшэ во кака была бярёга: на ночь аржаной саломы дам, а патом пойва с пялам, а малака была больша», 'усердный уход за кем-, чем-л.', 'бережливость, аккуратность' [Там же: 173–174], пск. *бережоха* 'о корове: хорошо выкормленная', 'о женщине: бережливая' [Там же: 176], твер. *выберег (выберега) скота* 'кормля и холя, уход и домашний корм' [Даль 1: 283].

Подобное сочетание «пищевых» (в широком смысле) и «охранительных» значений отмечается и у глагола *стеречь*: рус. забайк. *стережить* 'стряпать, готовить что-л.', диал. *стеречь* 'пасти скот': «Ребята погнали лошадей стеречь» (курск.), «У нас стерегут коров на бударке (заливной луг)» (ворон.), *стеречи* 'охранять, караулить, стеречь', 'пасти скот': «Нанялся скотину стеречи» (орл.) [СРНГ 41: 148–149]. Внутренняя связь этих значений основана на общности бенефакционной цели: накормить и защитить — это значит каузировать существование, жизнь; первое призвано обеспечить человека или скот жизненным ресурсом, второе — устранить препятствия и угрозы жизни.

Наконец, необходимо сказать несколько слов о гнезде **pasti*, **pasq*, поскольку оно обнаруживает явную семантическую близость к гнездам **xorniti* и **xovati*, можно даже сказать параллелизм в структуре многозначности, т. е. совпадение большей части значений (за исключением погребального значения, которое для гнезда **pasti* не характерно). Семантика пищи

в гнезде **pasti* во всех славянских языках закрепились прежде всего за сферой животноводства ('пасти скот'), но в разных славянских языках фиксируются и более широкие значения пищи и кормления: ср. рус. диал. *спасать, спасти* 'скормить, израсходовать на корм скоту' [СРНГ 40: 117], сев.-рус. *спасать* 'кормить (скот)': «До чего дошли — скота белым хлебом спасаем», «Балечек (овец) пошла спасать» [КСГРС], дон. *пастись* 'есть': «Там пасутся медведи» (едят ягоды), 'собирать пыльцу (о пчелах)': «Все пчелы отправились пастись» [СРНГ 25: 263], урал. *пасенье* 'подножный корм' [Малеча 3: 138]; кашуб. *pastev* 'корм для скота (сено, солома)', *napasc* 'накормить' [Sychta 4: 39–40]; ст.-словац. *pastva* 'еда, корм для скота', 'духовная пища': «*pastwu slowa tweho darug (Bože)*» <пищу слова твоего даруй (Боже)> [HSSJ 3: 483].

По некоторым версиям, «пищевая семантика» для **pasti* (как и для **xorniti*) является этимологически исходной [ср.: Фасмер 3: 215–216; БЕР 5: 80–82; ЕСУМ 4: 309; Snoj 2003: 497]³, другие этимологи связывают первичное значение этого праславянского и индоевропейского глагола с семантикой наблюдения, слежения [Иванов 1961], откуда далее значение охраны, защиты (характерное и для гнезда **xorniti*), претерпевшее в гнезде **pasti* дальнейшее (вполне логичное) развитие в сторону 'спасать' (ср. рус. *спаси и сохрани; спаси Господи и храни Господь*, диал. *Бог пасет*, т. е. 'хранит, бережет', *Боже паси!* [СРНГ 25: 262] и т. д.). Спектр значений этого гнезда, отмечаемых в словарях славянских языков и диалектов, включает оба этих круга значений: ср. болг. диал. *паса* 'есть траву (о скоте)' и — 'следить, наблюдать (за кем-н.)': «Пасъл и Ступан две моми, две съмудиви...» <Выслеживал и Ступан двух девушек, двух самодив...> (песня), *изпаса* 'проедать (о моли)', *изпасва са, изпасува са* 'погибать, бесследно исчезать (о скоте)' [БЕР 5: 80–82]; чеш. *propásti* 'не заметить, пропустить' [PSJČ 4/1: 1180]; словац.

3 В свете рассматриваемого здесь материала не выглядит убедительной господствующая этимология слова *пасть, пашча* 'рот животного', связываемого единодушно с **pasti, *padati* на основе сближения с **(pro)pastь* (ср. также польск. *jama ustna*). Семантическая связь рта животного с пищей (точнее, с ее поеданием) представляется более мотивированной.

диал. *pást', pástii'* 'стеречь кого-л., что-л., следить за кем-л., чем-л.' [SSN 2: 746]; ср. рус. диал. *пасту* 'то же': «Стой ты у коней, коней паси, / А поглядывай на рынду (столовую комнату) королевскую» (олон.) [СРНГ 25: 262], урал. *пастух* 'ирон. о мальчике, который играет больше с девочками': «Эх ты, девчатник! Девчачий пастух!» [Малеча 3: 138], ленингр. *пасту* 'водить в игре': «В кулай играли. Пасут шесть человек тут. Кто пасёт, тот и собирает палочки», ленингр. *пастух* 'водящий в игре' [СРГК 4: 403], дон. *пастух* 'сторож на огороде' [БТСДК: 356].

Как и для **xorniti*, для **pasti* характерны значения, производные от 'наблюдать, следить', а именно 'охранять, т. е. следить за сохранностью, безопасностью некоторого объекта' (ср. рус. диал. *пастись* 'остерегаться, опасаться, бояться': «Такой он у нас, что никого не пасётся» [СРНГ 25: 264], литер. *опасаться, опасность*), и далее — 'беречь', 'сохранять', 'хранить', 'прятать', 'запасать': рус. диал. *спасать, спáсти* 'сберегать': «Есть у людей старые книги, да люди спасают, нескоро то скажут», «Гости понаехали, теперь я ни творожку, ни сметаны не спасу» [СРНГ 40: 116], *пастись* 'храниться, иметься в запасе': «У нас еще святая водица <...> пасется»; [СРНГ 25: 263], карел. (рус.), волог. *пасту* 'беречь, сохранять': «К смерти пасёшь в доме одежду», «А хлеб пасли в амбарах» [СРГК 4: 403], диал. *запас* 'имущество, мука, хлеб, пища, взятая с собой в поле, на охоту и т. п.' [СРНГ 10: 304], карел. (рус.) *запасту* 'спрятать': «Финны у нас обирали иконы, у меня как-то запасены были, не забрали» [СРГК 4: 82]; словац. диал. *pást'sa* 'приобретать, богатеть' [SSN 2: 746].

Среди вторичных, производных значений у **pasti* и **xorniti* также немало совпадений: ср. значение 'кормиться, жить за счет чего-л.' (например, урал. *пастись* 'кормиться, жить, занимаясь каким-л. промыслом': «... рассматривал казачьи станы, где те паслись рыбою и зверем» [Малеча 3: 138]) и 'воспитывать' (ср. чеш. *pastorek* 'приемный ребенок' [PSJČ 4/1: 128], ст.-словац. *pastorok* 'то же' [HSSJ 3: 483] и приведенные выше дериваты от **xorniti* и **xovati* с этим же значением).

Параллелизм **pasti* и **xorniti* подробно рассмотрел Вяч. Вс. Иванов, указавший на древние индоевропейские

формулы со значением ‘хранить слово’, ‘соблюдать клятву’ и т. п., засвидетельствованные, в частности, в хеттских и тохарских текстах, в которых употребляется глагол **pasti*, — в славянском подобная формула известна только по тексту Фрейзингенских отрывков («*goti, kojixže ne rasem*» <клятвы, которых мы не соблюдаем>), ей соответствуют выражения с глаголом **xorniti* типа рус. *хранить (соблюдать, держать) верность, клятву, слово* и т. п. [Иванов 2007].

Таким образом, сочетание значений ‘кормить’ и ‘беречь, защищать’, свидетельствуемое несколькими праславянскими (общеславянскими) глаголами, можно считать закономерным и мотивированным. Если в гнезде **xorniti* пищевые значения непосредственно связываются с семантикой защиты (и далее сохранения, сбережения) через идею, так сказать, каузации жизни (ср. в разных языках глагол *жить* ‘давать, сообщать жизнь, жизненные силы’), то в гнезде **xovati* эти два смысла («пища» и «защита») соединяются в значении ‘пастись скот, кормить его, выхаживать’, и далее ‘растить, разводить’.

Значение	<i>*xorniti</i>	<i>*xovati</i>
‘хоронить, погребать’	рус. <i>хоронить</i> ; с.-х. <i>сахрана</i> , <i>сахрањивати</i> ; словац. диал. <i>chranba</i> ‘похороны’	польск. <i>chować</i> ; кашуб. <i>χovac</i> ; чеш. <i>rochovati</i> ; укр. <i>ховати</i> ; белор. <i>хаваць</i> ; рус. диал. <i>ховать</i>
‘прятать(ся), скрывать(ся)’	рус. диал. <i>хоронить(ся)</i> , <i>сохранять, захоронить</i> ; укр. <i>хоронити</i> ; польск. диал. <i>chronić</i> (<i>się</i>)	рус. диал. <i>ховать(ся)</i> , <i>заховать(ся)</i> ; белор. <i>хавацца</i> ; укр. <i>ховати</i> ; польск. <i>chować (się)</i> ; чеш. <i>schovati</i>
‘хранить, беречь, сохранять’	рус. диал. <i>хоронить</i> , <i>хранить, сохранять</i> ; с.-х. <i>sahrana</i> ; словен. <i>hranit</i>	белор. <i>хаваць</i> ; кашуб. <i>χovac</i> ; чеш. <i>uchovati</i>

Устойчивость этой связи подтверждает семантический спектр глагола **pasti*, в котором при основном значении ‘пасти, кормить (скот)’ широко распространено значение ‘хранить, охранять, спасать’. Что же касается семантики погребения, то она, как кажется, представляет собой продукт семантической деривации на основе значения ‘прятать, укрывать’, органически вписывающегося в семантическую структуру гнезд **xorniti* и **xovati*. Для **preṭati* маргинальное значение ‘хоронить’ продолжает его главное значение ‘убирать, скрывать, отправлять’, тогда как для **gojiti* значение ‘хоронить’ кажется недостаточно органичным: приведенный выше единственный пример «Угоила трёх сыночков, сама зацем живу?» (волог.) из КСГРС допускает не прямое понимание на основе значения ‘любить, ухаживать, вскармливать, холить’, тем не менее наличие других значений, общих для **gojiti* и остальных глаголов, позволяет считать неслучайным и это значение.

Семантические схождения рассмотренных выше глаголов схематично представлены в таблице.

<i>*preṭati</i>	<i>*bergṭi</i>	<i>*pasti, pasu</i>
укр. карп. <i>пратати</i>		
рус. <i>прятать(ся)</i>	рус. волог. <i>оберёжки</i> ‘прятки’	рус. арханг. <i>спасти, запаста</i>
рус. <i>припрятать</i> , волог. <i>спрятать</i> ‘запаста корм скотине’	рус. <i>беречь, приберечь</i>	рус. диал. <i>пасти, пасить</i> ‘готовить, запаста’, <i>спаста</i> ‘сохраняться; пребывать’; <i>запас, припасти, припасы</i>

‘охранять, защищать(ся), спасать(ся)’	рус. диал. <i>хоронить, сохранитель</i> ‘спаситель’; укр. <i>Хорони, Боже!</i> ; польск. диал. <i>chronić</i> ; чеш. <i>chrániti</i> ; словац. <i>chránit’</i> ; с.-х. <i>sahrana</i>	белор. диал. <i>хаваць, Ховай Боже!</i>
‘кормить’, ‘корм’, ‘питать’, ‘пища’	с.-х., словен. <i>hrana, hraniti</i> ; болг. <i>храня, храна</i> ; кашуб. <i>харна</i> ‘сухая трава’; полаб. <i>chorna, chornët</i>	польск. диал. <i>chować</i> ; чеш. диал. <i>chóva, chovaní</i>
‘пасти’, ‘вскармливать’, ‘разводить, (со)держать (скот)’	кашуб. <i>харно</i> ‘стадо’; рус. диал. <i>сохранение</i> , костр. <i>хоронять</i> ‘ухаживать за скотом’	укр. <i>ховати</i> ; польск. <i>chować</i> ; чеш. <i>chovati</i> ; словац. <i>chovat’</i> ; кашуб. <i>хова</i>
‘наблюдать, следить, стеречь’		белор. диал. <i>хаваць</i>
‘заботиться, следить, ухаживать, пестовать’	рус. диал. <i>хранить, сохраняться</i> ; с.-х. <i>hraniti</i>	белор. <i>хаваць</i> ; польск. диал. <i>chować</i> ; чеш. <i>chovat</i> ‘нянчить’
‘блюсти, соблюдать’, ‘следовать чему-л.’	кашуб. <i>chronić się</i> соблюдать (пост и т. п.)’	рус. диал. <i>заховаться</i> ‘соблюдать’
‘воспитывать’, ‘вести себя’	рус. разг. <i>сохранять себя</i> (о девушке)	польск. <i>chować, chowaniec</i> ; чеш. <i>chovati se</i>

рус. диал. <i>сопрат</i> 'сохранение'	рус. <i>оберег</i> , <i>оберегать(ся)</i>	рус. <i>опасаться</i> , диал. <i>насти</i> , <i>настись</i> 'бояться, опасаться', <i>Боже упаси; спаси и сохрани</i> ; чеш. <i>spasiti</i>
	рус. диал. <i>беречь</i> 'угощать, кормить', яросл. <i>приберёга</i> 'еда'	рус. диал. <i>спасать</i> , <i>спаси</i> ; <i>пасенье</i> 'корм'; кашуб. <i>pastev</i> 'корм', <i>napasc, spasc</i> ; чеш. <i>spásti</i> 'поесть'; словац. <i>spást'</i> 'потравить (посевы)'; ст.-словац. <i>pastva</i>
	рус. пск. <i>выберегать</i> , твер. <i>выберег</i> 'содержание скота'	общеслав. * <i>pasti</i>
	рус. охотн. <i>береги поле</i> , <i>береги зайца</i>	болг. <i>паса</i> 'следить'; чеш. <i>pásti</i> 'следить, искать'; рус. дон. <i>настух</i> 'сторож', <i>насти</i> 'водить в игре'
	рус. пск. <i>беречь</i>	
		ст.-словен. <i>pasti roti</i>
	рус. диал. <i>беречь</i> , <i>береженье</i>	рус. урал. <i>настись</i> ; чеш. <i>pastorek</i> 'приемный ребенок'

СЕРБ. *ВАРОВАТИ, ВАРОВАН*

В сербском народном календаре существуют так называемые *варовни дани* — дни, которые не являются официальными церковными праздниками, однако почитаются людьми (прежде всего женщинами) из страха перед стихийными бедствиями, болезнями и прочими несчастьями. Это почитание выражается в отказе от выполнения работы вообще или только отдельных видов работ, а также часто в соблюдении поста; иногда в эти дни обычаем предписываются какие-то дополнительные запреты. Состав таких почитаемых «опасных» дней различен в разных местных традициях. Например, в Ужицком крае крестьяне «день св. Евтимия (20 января) отмечают (*варују*) из-за чухотки (*због јектике*); 1 и 14 февраля — ради того, чтобы птицы не клевали посевов; Евдокию (1 марта) — ради приплода, чтобы легче растить ягнят; 26 марта — от зноя (*од врућнице*); 1 мая — от инея и змей; 11 и 15 июня — от града, то же в субботу после Троицы; 25 июля и 26 сентября — от *аграмы* — страшной болезни» [Милићевих 1984: 96]. В Пожешком крае к *варовным* относят Чистый понедельник — первый день Великого поста, Страстную пятницу, Лазареву субботу, а также в течение всего года тот день недели, на который в этом году пришлось Усекновение главы Иоанна Крестителя: «Чистый понедельник — подвижный варовный день (*варовни дан*)» [Тешић 1988: 33]; «Белая пятница — подвижный варовный день (*варовни дан*), когда празднуют (*варују*), т. е. не работают, только женщины <...> В этот день женщины не только не занимаются своими женскими работами (*женске послове*), но и остерегаются даже ногти обрезать — ради скота (*због стоке*)» [Там же: 32].

По свидетельству М. Филиповича, в восточной Герцеговине «в течение года православные празднуют многие дни, хотя это и не церковные праздники. Это так называемые *варовни дани*, которые празднуются ради защиты от волков, мышей и др. К ним относятся и двенадцать пятниц (*варовни пеци*). <...> К таким дням относится и целый период от Успения Богородицы (*Велика Госпојина*, 15/28 августа) до Рождества

Богородицы (*Мала Госпојина*, 8/21 сентября), который называется *Међудневице*, а также *несновица* (букв.: не снующее время, т. е. время, когда не спуют). В такие дни из-за страха перед волками не переносят загон для скота на поле и женщины не спуют пряжу» [Филиповић 1967: 269].

В Черногории и Санджаке «когда-то обращали внимание на то, в какой день недели начинать какое-либо дело. Ни в коем случае не начинали в воскресенье. Старались начинать в тот день недели, в который появились Плеяды, и чтобы это не был бы *варовни дан*. *Варовни дан* — это тот, на который в этом году приходится Усекновение главы Иоанна Крестителя» [Филиповић 1967: 184]. В Шумадии, в Таково, «кроме праздников, которые отмечает православная церковь, существует еще немало опасных дней (*варовни дани*), когда не работают ради скотины, детей и т. п. Таковы, например, Јеремијев дан (1/14.05), Огњена Марија (17/30.07), Блага Марија (22.07/4.08), Макивије (1/14.08), Андријевдан (30.11/13.12) и многие другие» [Филиповић 1972: 186]. Ср. еще пример из [RHSJ 20: 593]: «Ali je opština, popo, kazala, da se danas varuje od grada, ali ti nisi poslušao» <Но община, батюшка, сказала, что нынче надо праздновать от града, а ты не послушал> [см. также: Недельковић 1990: 46–47].

Почитание таких дней обозначается глаголом *варовати*, который, таким образом, в подобных контекстах совмещает в себе значения ‘праздновать’, ‘воздерживаться от работы’, ‘поститься’, и вторично (коннотативно) — ‘опасаться, быть осмотрительным, беречься’. В словаре М. Станича ему дается следующее толкование: *варовати*, *варуем* 1. ‘не работать в некоторые рабочие дни, праздновать, чтобы избежать какого-л. зла’: «Ја варуем само веће свеце и неђељу» <Я соблюдаю только большие праздники и воскресенье>; 2а. ‘колдовать’; 2б. ‘гадать, ворожить’; 3. ‘поститься’ [Станић 1: 76]. Ср. наблюдение П. Ж. Петровича над употреблением этого глагола в Грузии: «Запазили смо, да неких речи, које народ употребљава у Грузи, нема у Вукову речнику или имају друга значења: *варовати* — уздржавати се; варују, не раде у тај дан» <Мы заметили, что некоторых слов, которые народ употребляет

в Груже, нет в словаре Вука Караджича или же они имеют другие значения: *варовати* — воздерживаться, не работать в тот день» [Петровић 1948: 25].

Отсюда закономерно значение *варован*, *варов* — не просто ‘почитаемый день’, но ‘день опасный, неблагоприятный, день, которого следует остерегаться’: с.-х. «Понеделак добар дан, а уторак варов дан» <Понеделник добрый день, а вторник — злой> (народная песня) [RHSJ 20: 593]. Подобное значение глагола и его дериватов в аналогичных контекстах известно и другим славянским языкам. Так, в Полесье *варовитый день* (*праздник, свято*) — опасный, угрожающий бедой и неудачами день, требующий строгого соблюдения запретов и предписаний: «Благовешчэне варавитэ. От, пасадзи, хай куры водзяцца да пасадзи <на> тые яйца — калики будуць, никада не вуведзе курэнятка» (Гомел. Мзр. Жаховичи); *варовный* (праздник): «Воно гэто называецца Вшэсьце празник. В нас так кажуть, шо вун ны такой сьваты, як варовный. Опасаюца все гэтым днём» (Брестская обл., Березовский район, Спорово) [Толстая 2005: 43]. В украинских волынских говорах в тех же контекстах употребляется *варувкий* ‘недобрый, мстительный’: «Іван варуўкий (свято весняного Івана)» [Аркушин 1: 45], а в бойковских говорах *варівний* — ‘опасный, кого нужно остерегаться’: «То варівне місце» [Онишкевич 1: 84]. В белорусском языке прилагательное *варавіты* может значить вообще ‘злой, небудый’ и относиться, например, к собаке [ЭСБМ 2: 57] и к человеку: «Нідобрая тая дзеўка — варавітая, ніслухная, сварыцца» [Янкоўскі 1: 46].

Глаголы **varati*, **varovati*, известные всем славянским языкам, являются, по предположению большинства этимологов, старыми (праславянскими) германскими заимствованиями [Фасмер 1: 274–275; ЕСУМ 1: 330, 334; ЭСБМ 2: 56–57; БЕР 1: 119; Brückner 1957: 601; Boryś 2005: 679; Skok 3: 565–566; Bezlaj 4: 281, 283; Snoj: 806–807], и только Махек видит в них исконно славянские лексемы, родственные греческим, германским и др., восходящим к тем же индоевропейским корням [Machek 1971: 678]; возможность исконного характера допускает также М. Сной. Как бы то ни было, семантический спектр этих глаголов и их производных, фиксируемый

в славянских языках и диалектах, — собственно славянское достояние, отразившее характерное для славянской лексики семантическое развитие праславянской лексемы (этимологического гнезда). Отдельные звенья семантической цепочки, реконструируемой для этого гнезда, находят параллель в семантической структуре других гнезд, а именно **xorniti*, **xovati*, **pasti*, **bergti* и др. (см. наст. изд., с. 41–61).

Исходным (возможно, еще индоевропейским) пунктом семантической деривации интересующего нас гнезда было значение ‘смотреть’, сохраняющееся в некоторых характерных контекстах. Ср. с.-х. междометие *vara* ‘то же, что *gle*: смотри! глянь-ка!’ [RHSJ 20: 567]; в диалектах Южной Сербии *varaj* — междометие, восклицание, употребляемое с целью обратить внимание адресата на что-либо: «Варај Николо, црвен трендафил» <Погляди-ка, Никола, красная роза> (народная песня) [Златановић 1998: 55]. Непосредственным продолжением этого значения становится семантика ‘смотреть внимательно, наблюдать, следить’, и далее, в зависимости от объекта наблюдения, — ‘смотреть за детьми, пестовать детей’, ‘ухаживать за стариками’ (ср. словац. *varovat’ dieťa* ‘нянчить ребенка’: «Ženy na rukách varujú deti» <Женщины на руках пестуют детей> [SSJ 5: 24]; словен. *varovalec*: «Otroku je bil učitelj in varovalec» <Он был ребенку и учителем и нянькой> [SSKJ 5: 365]; рус. костр. *варовать* ‘ухаживать за кем-либо’: «Варовала матушку-покоенку до самого последнего вздоха» [ЛКТЭ]) или ‘смотреть за скотом, пасти скот’ (ср. болг. *воловарь* ‘волопас, погонщик волов’ [Геров 1: 147]; ст.-словац. *varovat’* ‘содержать, ухаживать, заботиться, растить’: «Wezmy ho (kozľa) sobe i varug yako swe vlastne» <Возьми его (козленка) себе и расти как своего> [HSSJ 6: 305]). К этому же кругу значений, вероятно, может быть отнесено рус. диал. *варный* ‘заботливый’: «У его мать така варна была, принесе сметану, молоко», засвидетельствованное в русских говорах Карелии [СРГК 1: 164].

Следующим закономерным этапом семантической деривации становится значение ‘смотреть за кем-н. или чем-н. с целью защиты’, и далее ‘охранять, оберегать, стеречь, защищать, предохранять от опасности’ (в несколько ином ракурсе

и с иным акцентом — ‘хранить, беречь, сохранять’), которое оказывается основным для данного гнезда и преобладающим во всех славянских языках и диалектах: с.-х. *varovati* ‘стеречь, следить, быть внимательным’: «Da tu polje varujem» <За полем его следить> (народная песня); «Ако придетъ въ нашъ градъ Дубровъникъ, да будетъ спасени и варовани» <Если придет в наш город Дубровник, спаси и храни его (Бог)> (грамота 1253 г.) [RHSJ 20: 592]; хорв. *varati* ‘хранить, внимательно следить’, *varovati* ‘хранить’: «Imam njemu penez varovati» <Я должен хранить его деньги> [Mažuranić 2: 1541, 1543], словен. *varovati* ‘охранять, защищать’: «Pes varuje dom» <Собака сторожит дом>, ‘сохранять, беречь’: «Mati je to posodo skrbno varovala» <Мать этот сосуд бережно хранила>; *varen* ‘надежный’, *varnost* ‘гарантированность, надежность, обеспеченность’, *varovalec* ‘защитник’ [SSKJ 5: 361–366]; чеш. *varovati* ‘хранить, охранять, блюсти’ [SSJČ 4: 19], ‘сторожить’: «On druhou noc varovat’ bude <u jabloňe>» <Он вторую ночь будет сторожить (яблоню)> [PSJČ 6: 806], *varovný* ‘предупреждающий, предостерегающий’ [SSJČ 4: 19]; словац. *varovat’* ‘охранять, беречь’: «To si varuj ako svoje oči» <Береги это как зеницу ока>, ‘предостерегать, предупреждать об опасности’: «Varujem vás, ne robte to!» <Предупреждаю вас, не делайте этого!> [SSJ 5: 23–24]; польск. устар. *warować* ‘обеспечивать, гарантировать’: «Prawo surowo warować powinno» <Закон должен строго соблюдаться>, ‘обносить стеной, валом, укреплять’, ‘защищать’: «Lada grudkę, lada źuchętek ziemi osusza, okopuje ramieniami, waruje, przed zatopem broni» <Каждый комок, каждый клочок земли осушает, следит, защищает от потопа>, *warowny* ‘защитный, защищающий’: «Warowny wieniec murów i szańców broni od przygód zamku mieszkańców» <Защитное кольцо стен и насыпей охраняет обитателей замка от напастей> [SJPD 9: 848–849]; др.-рус. *варовати* ‘сохранять, защищать’ [СРЯ XI–XVII 2: 21, 28, 291; Срезневский 1: 229]; рус. костр. *варовать* ‘запасать продукты на зиму’: «Сейгод ницѣ не варовала, ни грибоцьков не варовала, ни ягодок. Ницѣ не замогла варовать» [ЛКТЭ]; арханг. *невáр-ной* ‘легкомысленный, невнимательный, безответственный’: «На его никакой надѣжи, неварной, ребѣнка с им не оставишь:

заснёт — а ребёнок в голос кричи, ему хоть что», ‘расточительный, неэкономный’: «Неварная баба, на улице январь, а у ёй уж все соленья съедены» [КСГРС]; укр. *варувати* ‘сберегать, беречь, охранять’ [СУМ 1: 334]; диал. бойк. *варити, варувати* ‘беречь, стеречь’: «Оби біг варував усіх л’удойків і нас!» [Онишкевич 1: 84]; гуцул. *варувати* ‘беречь, охранять, стеречь’, *варуватиси* ‘остерегаться’ [ГГ: 33]; закарпат. *варовати* ‘беречь, охранять, стеречь’: «Файна дівочка, кобы йі Бог варовав», *варованый* ‘береженный’: «Варованого й Бог сокотит» <Береженого и Бог бережет> [Сабадош 2008: 36]; ст.-белор. *варовный* ‘надежный, безопасный’: «Схованье доброе и варовное»; «Мость добрый и варовный» [ГСБМ 3: 7–8].

Показательным примером параллелизма между гнездом **varovati* в значении ‘охранять, защищать’ и другими лексическими гнездами может служить формула «Храни Господь», в которой оказываются взаимозаменяемыми глаголы **xorniti, *xovati, *pasti, *bergiti, *borniti* [см.: Толстая 2009, наст. изд., с. 41–61] и **varovati*, ср. чеш. *Bůh varuj!* [PSJČ 6: 806; SSJČ 4: 19]; ст.-словац. *Zachowag nas a warug Pane; Kryste, Spasiteli nas, warug nas* <Спаси и сохрани нас Господь> [HSSJ 6: 305]; польск. *Chroń Boże, Broń Boże, Chowaj Boże*, рус. *Спаси Господи, Спаси Боже, Господи, спаси и сохрани*, укр. *Хорони Боже, Ховай Боже*, диал. бойк. *Най бог варит!, Най бог варуїє* [Онишкевич 1: 84] и т. п.

В русских диалектах отмечено значение ‘блности, соблюдать’, которое можно считать логическим продолжением значения ‘защищать’ (через ступень ‘защищать, отстаивать что-л., следовать чему-л.’) и прямым источником рассмотренной выше «календарной» семантики слав. **varovati*, ср. арханг. *варовать* ‘соблюдать какие-л. правила, придерживаться каких-л. обычаев, поклоняться чему-н., признавать что-л.’: «Ницёму не варуйо, в бога не верит. Ницё не варуйо — ни в бога, ни в лешого не вирит»; *варать* ‘то же’: «Варать я ничего не varaю — ни бога, ни черта, по праздникам стираешь и моешь — вот это и называется варать. А я и не varaю»; *варывать* ‘то же’: «Молоды-те раньше ницёго не варывали» [АОС 3: 44, 50, 51]; печор. *варовать* ‘следовать чьим-н. советам, слушаться’: «Они-то нонце дерутся, не варуют» [СРГНП 1: 54]; сев.-рус.

варовать ‘бояться, опасаться’: «Я уже и чучело ставила — они ни черта не варуют, им все равно» [СГРС 2: 28] (данное толкование, вероятно, подсказано контекстом и неоправданно сужено — скорее *не варовать* означает здесь ‘не признавать’); яросл. *варовной* ‘соблюдающий религиозные обычаи’: «Старушка божественная, варовная, знает, в какой день чего нельзя. Ты у ёй спроси» [ЛКТЭ]. В свою очередь, глагол **bl’usti* обнаруживает значения, типичные для **varovati*, ср. рус. *блюсти* ‘беречь, сохранять’ (ленингр., новг.): «Сама деньги блюду, вот братья все купили»; «Куда мне платок блюсти, все равно помру завтра», ‘придерживаться, соблюдать’ (карел. рус.): «А религии сейчас никто не блюде» [СРГК 1: 79].

Если для **varovati* характерна общая семантика защиты, то возвратная форма **varovati se* (**varati se*) естественно получает значение ‘защищаться’, и далее ‘защищаться превентивно’, т. е. ‘быть настороже’, ‘остерегаться, опасаться, бояться’ (ср. сочетание тех же значений в **stergiti*: рус. *стеречь, сторожить* ‘охранять’ и *остерегаться* ‘опасаться’): с.-х. *varati se* ‘следить, соблюдать, остерегаться’: «Varati se grihov, kako bude mogal» <Остерегайся грехов насколько возможно>, «Ukloniti se i varovati od zla» <Избегать и остерегаться зла> [RHSJ 20: 572–573]; *varovati (se)* ‘соблюдать, следить, быть осторожным’: «Griha su se varovali» <Остерегались греха>, «Varuj se nevjernoga» <Остерегайся неверного> [Там же: 592], хорв. *varljiv* ‘осторожен’ [Mažuranić 2: 1542]. В словенском также *varovati se* означает ‘остерегаться’: «Varuj se prehitre sodbe» <Бойся слишком скорых суждений>; *Varuj se!* ‘Берегись!’, ‘Осторожно!’ [SSKJ 5: 366]. Это же значение находим в западнославянских языках: польск. *warować się* ‘остерегаться чего-л., избегать чего-л.’ [SJPД 9: 848–849]; чеш. *varovati se* ‘беречься, остерегаться’: *Varuj se!* ‘Осторожно! Берегись!’, «Zlých lidí třeba se varovat i bát» <Злых людей следует остерегаться и бояться>; в соответствии с каузативом *varovati* ‘предостерегать’: «Take před Polednicí varovala děti matka» <Мать оберегала детей также от полудницы> [PSJČ 6: 806]; словац. *varovať sa* ‘остерегаться’: «Pred nim sa varuj, utekaj, kam najďalej môžeš» <Остерегайся его, убегай как можно дальше> [SSJ 5: 24]. Ср. также др.-рус.

вароватиста ‘беречься’: «Вароующеся и блюдоуще свою жизнь проводимъ» (XII в.) [Срезневский 1: 229], укр. диал. *варувати се* ‘стесняться, робеть’: «Діўке спучатку варувалися, червуніли, а посля йшли танцювати» [Аркушин 1: 45] (толкование, скорее всего, контекстно, точнее было бы: ‘остерегаться, робеть’); закарп. *вароватися* ‘остерегаться, беречься’: «Варуйтес’а уд злых л’уди» [Сабадош 2008: 36].

В прилагательных, восходящих к глаголу **varati*, **varovati*, имеет место своего рода «энантиосемия», когда семантическая деривация приводит к развитию противоположных значений одной и той же исходной лексической единицы, в данном случае значений ‘опасный, угрожающий’ и ‘надежный, защитный’ (примеры см. выше). Это хорошо известное явление, которое в сфере отглагольных дериватов часто развивается на основе диатетической мены субъекта и объекта действия и объясняется соотносительностью деривата одновременно с активной и пассивной (или медиальной) формой исходного глагола (*varovan* — с *varovati* и *varovati se*), характерно не только для отглагольных прилагательных, ср. рус. *любопытный* ‘тот, кто любопытствует’ и ‘тот, кем интересуются другие’, *терпимый* ‘тот, кто терпим’ и ‘тот, к кому (чему) терпимы’ и т. д. [Апресян 1995б: 215; Толстая 2008: 484].

Следует еще обратить внимание на существительные и междометия, этимологически и семантически связанные с глаголом **varovati*, ср. с.-х. *var* ‘внимание, осторожность, забота’: «Postavi svaki var da mene ne zgubi» <Прими все меры предосторожности, чтобы меня не погубил>, «Dajte na znanje, da se vsak zna čuvati i na var imati» <Объявите, что каждый должен быть внимательным и осторожным>, «Ima imati var, kako i što govori» <Надо быть осторожным в том, как и что говорить>, «Svak sebi imaj var, kad je na polju van» <Каждый должен заботиться о себе, когда он вне дома> [RHSJ 20: 567]; хорв. «Vsaki se znaj čuvati i dobar var vrhu sebe imati» <Каждый должен быть осторожным и заботиться о своей безопасности> [Mažuranić 2: 1541]; серб. диал. *на вару, на вар живети, бити, држати се* и т. п. ‘настороже, осторожно, в ожидании опасности’: «Ми пограничари вазда смо на вару» <Мы, пограничники, всегда начеку>

[РСХКНЈ 2: 393]. Аналогично русское *смотри* совмещает в себе указательное и предостерегающее значения (ср. *Смотри, какой красивый цветок* и *Смотри не говори никому об этом*). С тем же значением предостережения в болгарском известны междометия *варе* и *варай* (от императива): «Варай юдо самовило!» <Берегись, юда, самовила> [Геров 2: 107], ср. укр. бойк. *варуй!* ‘убегай, берегись’ [Онишкевич 1: 84]. В польском *wara* ‘восклицание, выражающее запрет приближаться к кому-н. или чему-н., совершать то или иное действие’ значение предостережения является основным: «Wara ci od mojej matki. Nie wolno ci jej sądzić» <Держись подальше от моей матери. Не смей ее судить>; «Wara do nas się zbliżać!» <Не смей к нам приближаться!> [SJPD 9: 843]. Это же междометие как полонизм отмечено в украинском языке: *вара* ‘не смей, берегись’ [СУМ 1: 330], бойк. «Вара від мене!» <Прочь от меня!> [Онишкевич 1: 83].

Добавим, что аналогичную семантическую деривацию в южнославянских языках претерпели производные от **varati* глаголы и их дериваты с суффиксом **(a)k-*, ср. серб. *варакати* ‘быть осторожным, внимательным’, ‘действовать осмотрительно, осторожно’ [РСХКНЈ 2: 396]; диал. *варкам* ‘быть внимательным, остерегаться’, *варканье* ‘внимание, осторожность’ [Митровић 1984: 40]; *варкам* ‘то же’: «Варкај дете, Миро, докле се ја не вратим!» <Следи за ребенком, Мира, пока я не вернусь>; *варкам (се)* ‘быть осторожным, внимательным’: «Варкајте се, деца, от кола!» <Берегитесь, дети, машины>; *варканье* ‘внимание, осторожность’; *варакам* ‘экономить, беречь’ [Елезовић 1: 73] и др.

В семантической реконструкции гнезда **varovati* еще остается немало вопросов. Из них самый трудный — о соотношении (этимологическом и семантическом) **varovati*, **varati* ‘следить, быть осторожным’ с юж.-слав. **varati* ‘обманывать’ и общеслав. **variti* ‘предварять, предупреждать’, которого мы здесь сознательно не касались, а также о древнем и более позднем германском влиянии на славянский немецкого *wahr*, *wahren*.

ЖЕЛАТЬ И ЖАЛЕТЬ: ЭТИМОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА

Эти два близких по форме праславянских глагола (**želěti* / *želati* и **žalěti* / *žaliti*) и соответствующие этимологические гнезда неодинаково представлены в лексике славянских языков: первый из них, глагол с исходным значением ‘хотеть’, известен старославянскому (и далее церковнославянскому и русскому), а также южнославянским языкам (ограниченно македонскому) и словацкому. Второй глагол с общим значением ‘испытывать боль, страдать, сострадать’ (и далее ‘скорбеть, оплакивать, пребывать в трауре’ [см.: Плотникова 2012]) и/или его формальные и семантические дериваты известны практически всем славянским языкам. Неодинаково сложилась и их этимологическая судьба: если для *жалеть* (**žalěti* / *žaliti*) найдены надежные индоевропейские (прежде всего балтийские) соответствия с убедительной семантической мотивировкой — его сопоставляют с лит. *gėlti* ‘болеть, жалить’, латыш. *dzelt* ‘колоть’, др.-в.-нем. *quēlan* ‘испытывать боль’ и др., сюда же *жало* [Фасмер 2: 34; Черных 1: 295; ЕСУМ 2: 186; ЭСБМ 3: 207; Boryś 2005: 751; Rejzek 2001: 744; Skok 3: 671; Bezłaj 4: 435; Snoj 2003: 863 и др.], — то *желать* (**želěti* / *želati*) не получил единой общепринятой трактовки в этимологических и иных словарях. Одни считают его этимологически тождественным *жалеть* (без объяснения их семантического соотношения) (Зубатый, Френкель, Скок¹, Безлай²,

1 П. Скок считает, что ст.-слав. **želěti* имело два значения: 1. ‘хотеть’, 2. ‘горевать, оплакивать’, и возводит этот глагол к тому же индоевропейскому прототипу, что и лит. *gėlti*, латыш. *dzelt* ‘болеть’ < ‘колоть’ [Skok 3: 671]. При этом с.-х. *želiti* ‘хотеть, желать’ как отдельная статья в словаре отсутствует.

2 В словаре Ф. Безлая статья *želěti* написана М. Сноем, который возводит оба глагола к одной индоевропейской праформе со значением ‘колоть’, считая менее вероятной этимологическую связь **želěti* с греч. *θέλω* ‘хотеть’ [Bezłaj 4: 443]. При этом семантическим подтверждением предполагаемого совмещения значений ‘страдать’ и ‘желать’ М. Сной вслед

Сной³ и др.), другие — этимологически независимым словом, родственным греч. θέλω ‘хотеть’ [Фасмер 2: 40; БЕР 1: 532]. В словаре П. Я. Черных чеш. *želeti*, словац. *želiť* ‘жалеть, горевать’, др.-рус. *желѧ* ‘печаль, горе’ рассматриваются в статье *желать*, несмотря на несовпадение значений [Черных 1: 295]. В «Словаре древнерусского языка» в статье *желати* наряду со значениями ‘желать, жаждать’ и ‘хотеть, иметь намерение’ также дается значение ‘жалеть, горевать’; в свою очередь, в статье *желѣти* набор значений выглядит следующим образом: 1. ‘хотеть, желать’, 2. ‘скорбеть, горевать’, 3. ‘лишиться чего-л., проститься с чем-л.’ [СДРЯ 3: 241, 243–244]. То же объединение двух глаголов находим в словаре XI–XVII вв.: *желѣти* 1. ‘оплакивать, совершать обряд оплакивания умершего’, 2. ‘печалиться, сокрушаться, скорбеть’, 3. ‘желать, хотеть’ [СРЯ XI–XVII 5: 84]; *желати* 1. ‘хотеть, желать, испытывать потребность’, 2. ‘жалеть о ком-л., скорбеть’ [Там же: 80–81]. Ф. Миклошич включает в статью *žel-* наряду со словами с семантикой ‘хотеть’ слова, означающие ‘печаль, горе’, ‘скорбеть’ и т. п. [Miklosich 1886: 407]. И только М. Фасмер решительно разделяет эти глаголы, ср.: «Необходимо отделять от *желать*» (в статье *жалеть*) и «Нужно отделять от *жалѣ* и *жалеть*» (в статье *желать*) [Фасмер 2: 34, 40–41].

Если вслед за Фасмером принять этимологическую самостоятельность (отдельность) этих глаголов (и соответствующих этимологических гнезд в целом), то «прототипическими» праславянскими формами следует считать **želěti / želati* для ‘желать’ и **žalěti / žaliti* для ‘жалеть’, т. е. соответственно формы с огласовкой корня **žel-* и формы с огласовкой **žal-*. Что касается тематических суффиксов, то в случае «желать»

за Френкелем считает литовский случай *gèsti* ‘гибнуть’ — *pasigèsti* ‘тосковать’, ‘сильно желать’. См. также статью *gèsti* в этимологическом словаре литовского языка П. Смочиньского, где этот глагол признается соответствием слав. **žędati* и греч. ποθέω ‘тосковать, ощущать недостаток, страстно желать’ [Smoczyński 2007: 174].

3 М. Сной считает, что праслав. **želěti* означало ‘чувствовать укол, боль, сильное желание’ [Snoj 2003: 866].

наблюдается достаточно строгое распределение засвидетельствованных в словарях форм: ятевый глагол **želěti* характерен для южнославянских языков, а *a*-глагол **želati* — для русского языка (ср., однако, *вождеделение* из церковнославянского), в старославянском присутствуют обе формы. В случае «жалеть» распределение менее четкое: ятевый глагол **žalěti* отмечается в русском, украинском (*жаліти*), чешском (*želěti*), болгарском (*жалая*) языках, а *i*-глагол *žaliti* (*se*) — в старославянском, сербскохорватском, словенском, польском, белорусском (*жаліцца*), древнерусском, русских диалектах; в словацком представлены обе формы; кроме того, во многих языках получили распространение вторичные формы на *-ova* — *žalovati* (их нет в белорусском, верхнелужицком); в болгарском возможен и *a*-глагол *жалам* [Геров 2: 28; см. также: Кореšný 1981: 433–434].

Почему же, несмотря на значительное расхождение в семантике, эти глаголы часто смешиваются и признаются этимологически тождественными? Это может объясняться прежде всего формальными причинами. Безусловно и устойчиво совпадающими в этих глаголах оказываются только корневые согласные *ž* и *l*, тогда как и гласные корня, и тематические гласные глагола могут варьировать — первые в силу своей «неустойчивой» позиции после шипящего (где **ē* (*ě*) > *a*, и далее по фонетическим причинам *a* > *e*, *i* и т. п.⁴), вторые — из-за исконной праславянской множественности оформления глагольных основ (тематическими гласными *a*, *ě*, *i*). Благодаря этим двум обстоятельствам эти глаголы в отдельных языках могут совпадать в своем звуковом составе и смешиваться, т. е. теоретически оба глагола могут иметь формы *žalěti* / *želěti* / *žaliti* / *želiti* / *želati* и др. Приведем сводку материалов по отдельным языкам (подчеркнуты «неправильные» по отношению к реконструированным выше глагольным формам **žel-* и **žal-* корневые огласовки):

4 Ср. украинские формы *жаль*, *жель*, *жель*, *жилъ* ‘жаль’ [Rudnyč’kuj 2: 351]; гуцул. *жслоба*, *жілоба* ‘жалоба’ [ГГ: 69] и т. п.; рус. диал. *жалать* ‘желать’, *жалезо* ‘железо’ и т. п. [СРНГ 9: 62].

ст.-слав. **жалити**, **жаловати** ‘сетовать, скорбеть’, **жаль** ‘могила, гробница’, **жалость** ‘усердие, рвение’, **желѣтва** ‘печаль, горе’, **желѣа** ‘печаль, горе’; **желѣти**, **желати** ‘желать, хотеть’, **желѣник**, **желаник** ‘желание’ [СС; СБР 1];

др.-рус. **жалати**, **желати**, **желѣти** ‘желать, жаждать, хотеть’ и **желати**, **желѣти** ‘жалеть, горевать, оплакивать’, **желѣа**, **желѣтва** ‘печаль, скорбь’, **жалание**, **желание** ‘желание’, **жалити(са)** ‘печалиться, горевать’, **жалость** ‘горе, печаль’, ‘сострадание’, **жаль** ‘жаль, жалко’ [СДРЯ 3];

рус. диал. **жаланка** ‘милая, любимая, желанная’, **жалальщик** ‘тот, кто жалеет’ и ‘тот, кто желает’, **жалать** ‘желать’, **жалаться** ‘хотеться’, **жалиться** ‘страдать, мучиться от боли, болезни’ [СРНГ 9], ‘плакаться, жаловаться’, **жалоба** ‘траур’ [Даль 1: 1309–1310];

болг. **жаляя** ‘хотеть’, диал. **жаляя**, **жаливам** ‘хотеть’; **жал** ‘душевная мука, скорбь’, **жалба** и **желба** ‘оплакивание, скорбь’ и ‘желание’, **жален** ‘печальный’ и ‘жалкий, несчастный’, **желен** ‘жалкий, несчастный’ и ‘желанный, милый’ [Геров 2: 28, доп. 114], **жаля** ‘оплакивать’, **жалвам (се)**, **жалувам**, **жаляя** ‘жалеть’ и т. д. [БЕР 1];

макед. **жал**, **жалот** / **жалта** ‘скорбь, душевная боль’, ‘сочувствие, сожаление’, **за жал** ‘к сожалению’, **жала се**, **жали се** ‘жалеть о чем-л.’, ‘пребывать в трауре’, ‘сочувствовать’, ‘жалеть, скупиться’, **жалба** ‘жалоба’, ‘скорбь’, **жалит** ‘жалобный, жалостливый’, **жалник** ‘несчастный, достойный сострадания’, **жалост** ‘душевная боль’, ‘траур’; **желба** ‘желание’, **желбен** ‘желательный’, **желен** ‘желающий, стремящийся к чему-л., кому-л.’ [ТРМЈ 1]; фольк. **жеда** 1. ‘горевать, оплакивать, то же, что *жала*’, 2. ‘скорбь, горесть, сожаление, то же, что *жал*, *жалба*’; **желба**₁. ‘желание, стремление’, **желба**₂ ‘то же, что *жалба*’ [РМНП 2: 265–266];

с.-х. *žalan* ‘вызывающий жалость’, *žalba* ‘скорбь, оплакивание’, ‘жалоба’, *žaliti* ‘скорбеть, оплакивать’, ‘сожалеть’, ‘сочувствовать’, ‘жаловаться, сетовать’, ‘жалеть, скупиться’; *žalost* ‘печаль, скорбь’, ‘оплакивание’, ‘траур’, *žalosnik* ‘несчастный, заслуживающий сочувствия’, *žalostiv* ‘сочувствующий, преисполненный жалости’, *žalovati* ‘скорбеть о ком-л.’, ‘жалеть кого-л.’, *žao* ‘жаль’; *želja* ‘желание, хотение’, *željan* ‘желающий, хотящий чего-л.’, *željati*, *željeti*, *želati*, *želiti* ‘хотеть, желать’, *željenje* ‘желание, хотение’, *želiv* ‘желательный’ и т. п. [RHSJ 23].

словен. *žal* ‘жаль, сожаление’, *žaliti* ‘обижать, оскорблять’, *žalen* ‘траурный, печальный’, *žalost* ‘печаль, грусть, скорбь’, *sožalje* ‘сочувствие, соболезнование’, *žalovati* ‘быть в трауре, оплакивать, скорбеть о ком-л.’ и т. д.; *želeti* ‘желать, пожелать, поздравлять’, ‘хотеть’, *želja* ‘желание, пожелание’, *željan* ‘желающий, жаждущий чего-л.’ [SSKJ 5];

словац. *žaliet'* ‘книжн. грустить, горевать’, *žaloba* ‘жалоба, иск’, ‘обвинение’, *žalobnik* ‘жалобщик’, ‘истец’, *žalobný* ‘исковой’, *žalospev* ‘причитание’, *žalost'* ‘скорбь’, *žalostit'* ‘грустить, горевать, плакать’, *žalostivý* ‘жалобный’, *žalostný* ‘жалобный, печальный, унылый’, *žalovať* ‘жаловаться’, ‘подавать жалобу, иск’, *žial'* ‘душевная боль, печаль’, *žialit'* ‘грустить, горевать’, *žial'ný* ‘тоскливый, грустный’, *želiet'* ‘жалеть, печалиться, скорбеть’, *želenie* ‘скорбь, печаль’, *želat' (si)* ‘желать (пожелание)’, ‘хотеть’, *želanie* ‘желание’, ‘пожелание’, *želaný* ‘желаемый’, *želateľ'ný* ‘желательный’ [SSJ 5; Isačenko 2].

ст.-словац. *žaloba* ‘жалоба, обвинение’, ‘судебный иск’, ‘траур’, *žalost'* ‘огорчение, скорбь’, *žalovanie* ‘жалоба, обвинение’, ‘сожаление’, *žalovať*, *žalobovať* ‘обвинять’, ‘подавать жалобу, иск’, *žalovateľ* ‘винительный падеж’; *želenie* ‘жалость, сострадание’, ‘раскаяние’, *žial'* ‘печаль, горесть’, ‘жалость, сожаление’, *žialit'* ‘горевать’ [HSSJ 7].

чеш. *žel* ‘жалъ, жалко’, *želeti* ‘жалеть, сожалеть’, *žal* ‘скорбь, печаль’, *žaloba* ‘жалоба, сетование’, ‘обвинение, судебный иск’, *žalobní* ‘обвинительный, исковой’, *žalobník* ‘ябедник, фискал’, *žalobný* ‘жалобный, печальный’, *žalost* ‘скорбь, печаль’, *žalostný* ‘жалобный’, ‘жалкий’, *žalovati* ‘жаловаться, подавать жалобу на кого-л.’, *žalozpev* ‘грустная песня, элегия’ [ЧРС 2].

Хотя в чешском языке нет следов глагола **želati* ‘желать’, он упомянут здесь, потому что чешский глагол с исходным значением ‘жалеть’ имеет огласовку корня *žel*⁵. То же характерно для верхнелужицкого языка, ср. *želić* ‘скорбеть о ком-л., оплакивать’, *želniwu* ‘раскаивающийся’, *želny* ‘кающийся, покаянный’, *želnosć* ‘раскаяние’ [Zeman 1967: 628; Трофимович 1974: 458]. В остальных языках (польск., н.-луж., укр.⁶, белор.) этот глагол отсутствует (или известен как русизм), а **žalěti* / *žaliti* не имеет варианта с *žel*-.

Из приведенных материалов можно видеть, что в словарных источниках в соответствии с «правилом» лексемы с корнем **žel*- в большинстве случаев употребляются в значении ‘хотеть, желать’, а лексемы с корнем **žal*- — для выражения значений ‘жалеть, горевать’, однако есть немало случаев смешения корней и нарушения этого распределения. Так, **žel*- в «аномальном» значении ‘жалеть, оплакивать’ представлен в ст.-слав. **желѣтва** ‘печаль, горе’, **желга** ‘то же’; др.-рус. **желѣти** ‘жалеть, горевать, оплакивать’, **желга**, **желѣтва** ‘печаль, скорбь’; болг. **желба** ‘жалость’, **желен** ‘жалкий, несчастный’; макед. **желга** ‘горевать’, **желба** ‘скорбь, печаль’; словац. **želiť** ‘жалеть, печалиться,

5 Ср. в словаре Голуба и Копечного: *želeti* (ст.-чеш. *žejeju*, *želěš* и *želiti*) дается с отсылкой к *žal* [Holub, Кореčný 1952: 443].

6 Некоторые этимологические словари славянских языков, особенно старые, приводят укр. *желати* ‘желать’ — вероятно, вслед за Желеховским [1: 219]. Однако ни Гринченко, ни ЕСУМ, ни СУМ, ни исторические словари украинского языка слов этого гнезда не включают. Исключение составляют некоторые юго-западные украинские говоры, в частности закарпатские, где фиксируются *желати*, *желаный*, *желаня*, *желающий* и др. в значении ‘хотеть, желать’ [Керча 1: 273, Онишкевич 1: 250; Сабадош 2008: 84].

скорбеть', *želenie* 'скорбь, печаль'; ст.-словац. *želenie* 'жалость, сострадание', 'раскаяние'; чеш. *žel* 'жаль, жалко', *želeť* 'жалеть, сожалеть'; в.-луж. *želić* 'скорбеть о ком-л., оплакивать', *želniwy* 'раскаивающийся', *želny* 'кающийся, покаянный', *želnosć* 'раскаяние'. Противоположное явление — употребление **žal-* в значении 'хотеть, желать' — встречается реже (и нередко параллельно с **žel-* или наряду со значением 'жалеть'): ст.-слав. **ЖАЛОСТЬ** 'усердие, старание, рвение', др.-рус. *жалати* 'желать, жаждать, хотеть', *жалание* 'желание'; рус. диал. *жаланка* 'милая, любимая, желанная', *жалальщик* 'тот, кто жалеет' и 'тот, кто желает', *жалать* 'желать', *жалаться* 'хотеться' (где неразличение безударных *же-* и *жа-* носит чисто фонетический характер); болг. *жалба* 'желание', диал. *жаля*, *жаливам* 'хотеть'. Отметим, что смешение этого типа практически отсутствует в южнославянских языках (кроме некоторых болгарских диалектных форм) и в русском (не считая упомянутого неразличения безударных *же-* и *жа-* в диалектах), т. е. именно в тех языках, где вообще глагол *желать* известен. Наиболее трудным оказывается объяснение случаев смешения в старославянском языке, где известны оба глагола, а именно слов **ЖЕЛѢТВА** 'печаль, горе', **ЖЕЛѦ** 'то же', **ЖАЛОСТЬ** 'усердие, старание, рвение', встречающихся уже в древнейших памятниках [СБР 1: 489, 485].

Для того чтобы решить вопрос об исконной (этимологической) тождественности или нетождественности праславянских гнезд **žal-* и **žel-*, недостаточно ограничиться их формальным сопоставлением. Поскольку речь идет о письменной фиксации нечеткой фонетической позиции в условиях часто неустойчивой орфографической нормы, формальное смешение следует считать малопоказательным. Поэтому необходимо обратиться к семантическому спектру интересующих нас гнезд и сопоставить реконструируемые для них линии семантического развития. В целом можно констатировать известную автономность смысловой структуры каждого гнезда, взятого в полном спектре его значений и в исторической перспективе отдельных славянских языков. Большая часть характерных для них моделей семантической деривации обнаруживает мотивированность переходов, наблюдаемых в пределах каждого гнезда, на фоне которых связь исконных

значений 'хотеть' и 'жалеть, испытывать боль, горевать' выглядит недостаточно убедительной, так же как и вторичная деривация в обоих направлениях (т. е. переходы типа 'хотеть' > 'жалеть, горевать' или 'жалеть, горевать' > 'хотеть'). Рассмотрим кратко наиболее характерные из производных значений, предполагая исходными соответственно 'хотеть' и 'страдать, горевать'.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГНЕЗДА **žal-*

Исходной семантикой здесь, безусловно, является состояние боли (в том числе физической), страдания, огорчения, печали (ср. рус. диал. *жалиться* 'мучиться от боли, болезни', 'тосковать' [СРНГ 9: 64], укр. *жальний* 'печальный, грустный' [Желеховский 1: 217]), лежащее в основе всех прочих значений и являющееся этимологически исходным. Универсальным для всех языков оказывается переход от 'страдать' к 'сострадать, сочувствовать', т. е. 'испытывать горечь и страдание «отраженно», за другого человека, как бы «присваивая», включая в свою личную сферу чужую боль'. Если же акцент переносится с внутреннего состояния субъекта на объект этого чувства, закономерно появляются такие значения, как у слова *жалкий*: 'достойный жалости, сострадания', и далее 'бедный, бедняга, несчастный', — значения, известные во всех языках.

Весьма значительной мощностью в этом гнезде отличается семантический импульс, приведший к появлению в нем круга значений, связанных с областью поминовения усопших, оплакивания и соблюдения траура. Эта семантика, подробно рассмотренная в статье А. А. Плотниковой [2012] в этнолингвистическом ракурсе главным образом на материале южнославянских языков, так или иначе присутствует во всех славянских языках и во многих из них непосредственно обозначает траур (ср. польск. *żaloba*, укр. *жалоба*, *жалози*, белор. *жалоба*, с.-х. *жалост*, болг. *жалба*, *жалост*, макед. *жалост*, *жалене*, *жалба*, словен. *žalost*, *žalovanje* и т. п.). В этом случае «жалость» осмысляется через эмоциональное состояние печали, горя и его внешние проявления (начиная от плача и кончая ритуальными предписаниями траура, касающимися одежды, прически, поведения и т. д.).

Другая линия развития приводит к семантике «сожаления», связанного с отрицательной эмоциональной оценкой совершившегося или не совершившегося события («было бы лучше, если бы оно случилось / не случилось»): *жаль*, *жалко* (ср. *Жаль, что ты не видел этого* и *Жаль, что ты согласился в этом участвовать*). Еще одна линия семантической деривации связана, наоборот, с положительной оценкой утраченного состояния (ср. *сожалеть о прошедшей молодости*) или сознанием ценности некоего объекта (вещи, ресурса) и нежеланием его утраты⁷. В последнем случае появляется значение, близкое, с одной стороны, к ‘охранять, оберегать, щадить’, а с другой — к ‘жалеть, скупиться’ (ср. *Жалеть вина, не видеть гостей* [Даль 1: 1309], болг. «Не жая никакви средства» [РСБКЕ 1: 339]).

Акцент на вербальном выражении эмоции огорчения, неудовольствия приводит к появлению широко распространенного значения ‘жаловаться, сетовать’: рус. *жаловаться* (*жаловаться на свою жизнь*), укр. *жалітися*, *жалкуватися*. Вторичным по отношению к нему, но вполне мотивированным оказывается развитие «фискального» значения, т. е. переход к ‘жаловаться, сетовать’ и далее к ‘обвинять’, ‘высказывать жалобу’, ‘обращаться с жалобой’, ‘предъявлять иск’ и т. п., предполагающий участие в ситуации не только субъекта и объекта (причины) «жалости», но и некой третьей инстанции. Эти значения характерны для многих языков, ср. рус. *жалоба*, *жаловаться*, *жалобщик*, укр. *жалуватися*, польск. *zażalenie* ‘жалоба’, чеш. *žaloba* ‘жалоба, обвинение’, *žalující*, *žalobce* ‘жалобщик, истец’, разг. *žalovat* ‘жаловаться, подавать иск’, с.-х. *жалба* ‘жалоба, выражение недовольства’ и т. д.

Другие направления деривации в этом гнезде менее значимы и могут захватывать не все языки. В некоторых языках, особенно в русских диалектах, продуктивной оказалась семантическая деривация ‘жалеть’ → ‘любить’, в которой акцентируется само положительное чувство, испытываемое субъектом по отношению к объекту, ср. *жалеть*, *жалить* ‘любить’, *жалинье* ‘любовь, жалость’, *жалкий* ‘дорогой, милый’ и т. п. [СРНГ 9: 63–64],

7 О «семантике сожаления» в русском языке см. [Зализняк Анна 2006: 87–115].

ср. также укр. *жалувати* ‘любить, ласкать’, *жалування* ‘заботливость, выражение любви’ [Гринченко 1: 473].

Семантический переход ‘жалеть’ → ‘одаривать’, связанный с акциональным проявлением положительной эмоции (одаривать как способ выражения милости и положительной оценки), характерен для дериватов с суффиксом *-ова*. В русском языке он стоит за семантикой таких глаголов, как *жаловать* ‘любить, чтить’, ‘награждать, одаривать’ (ср. *жалованье*), *пожаловать* (ср. *Виноватого Бог простит, а правого царь пожалует* [Даль 3: 568]), с дальнейшим развитием в сторону *пожаловать* ‘оказать милость’ (*пожаловать в гости, пожалуйте к столу*, и далее — *пожалуйста*).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГНЕЗДА **žel-*

Это гнездо в семантическом отношении менее сложное, оно довольно устойчиво в отношении основного значения ‘хотеть, желать’. Продуктивными видами семантической деривации здесь можно считать: 1. переход ‘желать, хотеть’ → ‘любить’ и 2. развитие «оптативного» значения ‘желать, выражать пожелание’. Первый тип особенно распространен в русском языке, ср. диал. *желанчик*, *желаницик* ‘любовник’, *желаньице* ‘любовь’, *от желаньица* ‘с любовью’ и т. п. [СРНГ 9: 101], а также болг. *желан* ‘любимый, желанный’ [РСБКЕ 1: 340], серб. *желети* ‘испытывать любовь, страсть’, *жеља* ‘любовная страсть, похоть’, ‘возлюбленная’ [РСJ: 369] и др.

Второй тип известен всем языкам, знающим глагол *желать*, ср. рус. *желаю здоровья и благополучия*, серб. *желим срећу* ‘желаю счастья’, словен. *želeti srečno pot* ‘желать счастливого пути’ и т. д. В остальных языках в этом значении употребляется другой глагол «оптативной» семантики, ср. польск. *życzyć*, чеш. *přát* и т. д.

Краткий обзор семантической структуры двух гнезд показал, что, несмотря на их принципиальную автономность, в сфере семантики, как и в плане формы выражения, у них есть некоторые зоны пересечения. Одной из них можно считать семантику любви, которая оказывается производной как от «жалости» (*жалеть*

‘любить’), так и от «желания» (*желать* ‘любить’). Связь этих значений кажется тривиальной: сочувствие («жаление») предполагает положительную эмоциональную оценку и при определенном сдвиге смыслового акцента легко превращается в любовь, а желание («хотение») предполагает позитивную оценку желаемого, того, что субъект хочет включить в свою личную сферу. В этом случае связь значений ‘жалеть’ и ‘хотеть’ как бы опосредована семантикой любви и может считаться вторичной по отношению к исходным значениям праславянских слов.

Интуитивно менее мотивированной кажется непосредственная деривация между ‘жалеть’ и ‘хотеть’, хотя желание (особенно сильное) может трактоваться как результат внутреннего состояния, близкого к боли, страданию и тоске, ср. чеш. *touha* ‘жажда’, ‘стремление к чему-л.’, *toužiti* ‘жаждать’, ‘стремиться к чему-л.’, *toužený* ‘желанный’ < **toga* ‘печаль’, ср. рус. *тужить*, диал. *туга* ‘печаль, горе, кручина’ [Даль 4: 862], польск. диал. *tęga* ‘тоска, грусть’ [Karłowicz 5: 400], укр. *туга* ‘горесть, печаль’ [Гринченко 4: 292] и т. д. Возможно, связь этих значений демонстрирует и ст.-слав. **жалость** ‘усердие, рвение’. С другой стороны, в языках, где семантика «желания» выражается другими лексемами (**xotěti*, **žędati*, польск. *pragnąć*, чеш. *přát si*, серб. *težumiti* и т. п.), развития в обратном направлении, т. е. от ‘желать’ к ‘горевать, жалеть’, как правило, не наблюдается (ср., однако, серб. *чезнути* ‘сильно желать, жаждать’ и ‘тосковать’ [РСJ: 1507]).

Приведенные здесь наблюдения и соображения хотя и не позволяют окончательно решить вопрос об исходной этимологической тождественности или нетождественности праславянских гнезд **želěti* / *želati* и **žalěti* / *žaliti*, все-таки, как кажется, в большей степени поддерживают точку зрения Фасмера, считавшего их автономными, поскольку как формальные, так и семантические пересечения двух гнезд более убедительно могут интерпретироваться как вторичные и взаимосвязанные, т. е. их семантическое сближение может пониматься как результат формальной близости, которая, в свою очередь, связана с фонетическими процессами позднепраславянского времени и дальнейших периодов в развитии отдельных славянских языков.

ЗАБЫТЬ И ЗАПОМНИТЬ

В славянских языках понятие 'забыть, забывать' не имеет собственного, отдельного лексического выражения (отдельной лексической морфемы), а обозначается посредством составных в словообразовательном и семантическом отношении лексических единиц, представляющих собой глаголы с префиксом *za-*, среди которых самыми распространенными являются следующие:

***zabyti, *zabyvati:** ст.-слав. *ꙗзыти, ꙗзывати*, рус. *забыть, забывать*, укр. *забути, забувати*, белор. *забыць, забываць*, польск. устар. *zabyć, zabywać* [Linde 6: 714], кашуб. *zabëc, zabëvac*, в.-луж. *zabyć, zabywać*, н.-луж. *zabyś, zabywać*, чеш. диал. и книжн. *zabyti* [Machek 1971: 708], словац. *zabúdať, zabudnúť*, с.-х. диал. *zábıtu*, словен. *pozabiti, pozabljati*, устар. *zábıti*;

***zarotъnĕti, *zarotъniti, *zarominati, *zarotъnŏti:** др.-рус. *запомниту* [СРЯ XI–XVII 5: 274], рус. диал. пск. *запомнить* [ПОС 12: 57], укр. *запоминати, запомниту*, польск. *zarotnieć, zarotinać*, в.-луж. *zarotinać*, н.-луж. *zarotinaś*, чеш. *zarotnout, zarotínat*, словац. *zarotínať, zaroteniúť*;

***zapamĕtati, *zapamĕtovati:** рус. *запамятовать*, диал. тамб., моск. *запамятать*, моск., новг., пенз. *запамятеть* [СРНГ 10: 301], укр. *запам'ятати*, словац. *zapamätat', zapamätovat'*;

***zaboraviti:** болг. *забравям, забравя*, макед. *заборави, заборава*, с.-х. *заборавити*.

Кроме этих глаголов, служащих основным средством выражения значения 'забыть' в литературных славянских языках и диалектах, существуют глагольные лексемы ограниченного распространения, которые, заметим, тоже в большинстве случаев образованы с помощью префикса *za-*. Приведем для примера русские диалектные глаголы: волог. *забетовать*: «Я забетовала что-то, когда и было-то это» [СРНГ 9: 253]; ленингр., новг. *затолнуть*: «Что-то говорят там, да я затолни» [СРГК 2: 217]; ворон. *зазнать, зазнавать*: «Я зазнал цену этой вещи» [СРНГ 10: 93]; ворон., дон. *замыслить, замышлять*: «Я совсем замыслила это» [Там же: 271]; курск., калуж., пск., тамб. *затямить, затямлить, затямлять*: «Ох, я затямила

совсем!», «Я затымлил это» [СРНГ 11: 124] и т. п. Ср. также с.-х. диал. *забавити* ‘забыть’: «(Црква се посвети) светој Петки <...> да се старица не расрди кад чује да смо је забавили, ако је и женска глава» <(Церковь посветили) святой Петке <...> чтобы старуха не рассердилась, когда узнает, что мы ее забыли, поскольку она женщина> [РСХКJ 2: 58]; польск. устар., диал. *zabaczać, zabaczyć* ‘забывать, забыть’: «Chciał ci wszystko opisywać, co się u nas dzieje, lem teraz wiele rzeczy zabaczył» <Хотел все тебе описать, что у нас делается, но теперь многое забыл> [SJPД 10: 400]; *zabaczyć, zabaczywać* ‘забыть’: «Senat mu miał wszystko zabaczyć i własność jego przywrócić» <Сенат должен был все забыть (простить) и собственность ему вернуть> [Linde 6: 701]; кашуб. *zobačëc* ‘то же’: «Cëz tã mąš za zobáčnõ głovą ko tã zarã všëtko zabáčiš» <Что ж за забывчивая у тебя голова, что ты все теперь забываешь>, *zabačlëvi* ‘забывчивый’ [Sychta 6: 165]. Интересующее нас значение может также выражаться разнообразными безличными конструкциями (типа рус. диал. *замстить*: «Ничего не помню, все замстило», «Об этом мне совсем замстило» [СРНГ 10: 260]; ленингр. *затолнуть*: «Как село-то называется, затолнуло» [СРГК 2: 217]) и описательными выражениями (типа рус. литер. *стерлось из памяти, выпало из памяти, разг. вылетело из головы, диал. отошло от памяти, с памяти сбило, потерять из памяти* [СРНГ 25: 189], *в голове захлестнуло, память захлестнуло* [Даль 1: 1643], *из ума выстегнуло (вышибло, вылезло), память забило* [ФСРГС: 37–40, 74] и т. п.), которые, безусловно, заслуживают внимания с точки зрения когнитивных механизмов и семантических моделей памяти и забывания, но здесь рассматриваться не будут, так же как и вторичные приставочные образования от *za*-глаголов (типа рус. *позабыть*, диал. арх. *озабыть*, вят. *призабыть*, моск. *позапамятить*, мурм. *прозабыть*; н.-луж. *dozabyś* ‘совершенно забыть’, *hobzabyś* ‘позабыть, немного забыть’, *psizabyś* ‘призабыть, позабыть’ и т. п.)¹.

1 Это не относится к тем случаям, когда вторичный приставочный глагол является основным глаголом забывания, как, например, в словенском, где при общераспространенном *pozabiti* бесприставочная форма *zabiti*

Для этимологов глаголы забывания не представляют большого интереса ввиду их словообразовательной прозрачности, и потому они либо вовсе не включаются в этимологические словари (ср. отсутствие глагола *zapomnieć* в польских словарях [Brückner 1957; Woryś 2005]), либо снабжаются самой краткой отсылкой к соответствующему производящему глаголу. Например, в словаре Фасмера читаем: «*Забывать*, ср. польск. (ст.) *zabywać* ‘забывать’ (см.: Брюкнер: 52). Из *за-* и *быть* (сюда же укр. *забути*)» [Фасмер 2: 71]; ср. также в новом чешском этимологическом словаре: «*Zapomínat*. См. *za* и *pomínat*» [Rejzek 2001: 733]. Между тем внутренняя форма и семантическая модель этих глаголов далеко не прозрачны. Для их объяснения необходимо ответить на следующие вопросы: 1) каково значение многозначной приставки *за-* в этих глаголах? 2) каково точное значение каждого из производящих глаголов (особенно если они многозначны)? 3) какова семантическая связь между приставкой и производящей глагольной основой и мотивация приставочного образования? 4) как соотносятся по своей внутренней форме разные глаголы забывания? Наибольшую трудность составляет семантика приставки, очевидно отличающаяся здесь от ее стандартных значений и употреблений и, по-видимому, неодинаковая в разных глаголах забывания. Рассмотрим подробнее семантическую структуру основных глаголов.

**zabyti*

Самым старшим из основного списка глаголов является **zabyti*, засвидетельствованный уже древнейшими старославянскими памятниками и с полным правом претендующий на праславянскую древность; остальные глаголы датируются более поздним временем. В той или иной степени глагол **zabyti* известен всем славянским языкам, но в качестве универсальной

известна лишь как устаревшая или диалектная, ср. *zábiti* = *pozabiti*: «Očala sam zabil doma» <Очки я забыл дома> [SSKJ 5: 609]; «Jaz tvoje postave ne zabim» <Я твои наставления не забуду> [Pleteršnik 2: 817]; прекмур. «Ne zabi toga ni eden» <Этого ни один не забудет> [Novak 2006: 869].

или доминирующей лексемы забывания он представлен в старославянском, в восточнославянских языках, в кашубском, лужицких, словацком и словенском (эта география сама по себе весьма любопытна). В остальных языках он носит реликтовый характер, будучи закрепленным за устаревшими и отдельными диалектными формами, а в литературном языке и большинстве диалектов вытесненным другими лексемами: с.-х. диал. *забити*, *забудем* ‘забыть’ (при литер. *заборавити*), *забитљив* ‘забывчивый’, *забит*₁ 1. ‘заброшенный, удаленный, забытый край’, 2. ‘одиночество, изоляция, замкнутость’; *забит*₂ = *забитан* (см. ниже); *забит*₃ ‘глупый, забытый’; *забитан* 1. ‘удаленный, труднодоступный, брошенный’, 2. ‘живущий одиноко, уединенно’, 3. ‘забытый’ [РСХКНЈ 5: 502–503]; *вода забитница*: «Твоје ријечи су вода забитница, с које ћеш заборавити све минуле јаде» <Твои слова — вода забвения, с которой ты забудешь все прошлые горести>; *забитност*, *забитост* ‘забвение’ [РСХКЈ 2: 63]; польск. устар. *zabyć*, *zabywać* ‘забыть, выбросить из памяти’ [SJPД 10: 428], *zabyć* ‘забыть’, *zabyt* ‘забытье, беспамятство’ [Linde 6: 714], *zabyć* ‘забыть’, *zabyćie* ‘забвение’, *zabyty* ‘забытый’, *zabywać* ‘забывать’ [Karłowicz 6: 263]; чеш. книжн. и диал. *zabyti* ‘забыть’ [Machek 1971: 708], морав. *zabudnít* ‘забыть’: «Jeho vernú ľasku nikdá nezabudnem» <Его преданную любовь я никогда не забуду>, «Zabývaj, zabývaj, na mňa nezabudzeš» <Забывай, забывай, обо мне не забудешь> [Bartoš 1906: 518]; вост.-ляш. *zabyć* ‘забыть’: «Jo to zabedym» <Я это забуду> [Kellner 1949: 324]. Польские формы, вероятно, заимствованы от восточных славян, поскольку в старопольском фиксируются другие значения глагола *zabyć*: ‘лишиться чего-либо’, тогда как *zabywać się* ‘злиться, гневаться’, ‘быть своенравным, своевольным, распущенным’ определяются составителями словаря как богемизмы [SSp 11: 50].

Это единственный глагол забывания, семантическая модель которого так или иначе привлекала внимание этимологов, которые, однако, в большинстве случаев исходили из «стандартных» значений приставки (и предлога) *za-*, подтвержденных другими дериватами этого типа, а именно из пространственного значения ‘позади’ (ср. *за домом*) или «перфективного» значения (ср.

братъ — *забратъ*); другие же значения приставки², например «начинательное» (ср. *петь* — *запеть*) или «дистрибутивное» (ср. *строить* — *застроить*), в данном случае не рассматривались как нерелевантные. Что касается семантики производящего глагола, то **byti* понимается обычно как ‘существовать, жить, пребывать где-либо’, и лишь в редких случаях ему приписываются другие значения (в частности, ‘расти’ — см. ниже версию белорусского этимологического словаря) или даже реконструируется другой этимон (см. версию В. Махека, который связывал чеш. *zabyti* не с **byti* ‘esse’, а с *bditi* / *buditi* ‘быть бодрым’, т. е. понимал *zabyti* как ‘выйти из состояния душевной бодрости, утратить память’ [Machek 1971: 708]).

Не получило поддержки этимологов толкование, предложенное Л. Садник и Р. Айтцетмюллером [Sadnik, Aitzetmüller 1: 90], согласно которому приставка *za-* имеет в глаголе **zabyti* значение ‘hinter’ (‘быть за чем-нибудь’) [ЕСУМ 2: 215; Мельничук 1969: 63]. Другая интерпретация приставки и глагола *забыть* была предложена А. С. Мельничуком: «В действительности глагол *забыть*, сравнительно позднее славянское образование от *byti*, обнаруживает такую же связь с глаголом *быть* через промежуточное образование *забыться*, как и укр. *бавити*, *бавитися* ‘задерживаться’ через ступень *забавитися* с глаголом *бавити* ‘разговаривать’ или как рус. *засидеться* с глаголом *сидеть*: первоначально *забыться* означало ‘увлечься пребыванием где-либо, пробыть дольше, чем следовало, и потому не заняться другим важным делом’, после чего на передний план в этом значении выдвинулось именно то важное дело, которое оставалось невыполненным из-за слишком долгого пребывания в другом месте, и, наконец, глагол *забыться*, уже в этом новом значении ‘не вспомнить’, будучи полностью деэтимологизирован, получил по образцу других возвратных глаголов невозвратную параллель *забыть*» [Мельничук 1969: 63]. Эта версия вызывает сомнения по нескольким пунктам. Во-первых, возвратный глагол *забыться* в большинстве языков не только словообразовательно, но и семантически производен

2 Об основных значениях русской приставки *za-* см. [Зализняк Анна 1995; 2006: 311–335; Добрушина и др. 2001: 56–59].

от глагола *забыть*, т. е. имеет значение ‘забыть себя, перестать контролировать свое поведение или состояние’, тогда как значение ‘быть, пребывать где-то долго’ вообще у этого глагола не отмечено; во-вторых, глагол *забыть* трудно считать поздним образованием — в старославянских памятниках он представлен очень широко и во множестве своих употреблений и дериватов: *ЗАБЫТИ*, *ЗАБЫВАТИ*, *ЗАБЫТИ СЯ*, *ЗАБЫГНИ*, *ЗАБЫГЪ*, *ЗАБЫГЛИВЪ*, *ЗАБЪВЕНИИ* [ССЯ 1: 627–629]. Украинский этимологический словарь соглашается с трактовкой А. С. Мельничука, понимая *забути* как ‘долго где-либо пробыть’, однако не настаивает на вторичности *забути* по отношению к *забутися* [ЕСУМ 2: 215].

Иначе реконструируют внутреннюю форму глагола *забыть* авторы белорусского этимологического словаря, предлагающие понимать производящий глагол *быть* как ‘возникать, расти’ (ср. *былье* ‘растения, трава’), а *забыть* — как ‘зарастить, исчезнуть из вида’ (ср. выражение *быльем поросло* ‘забылось’) [ЭСБМ 3: 279]. В этом случае за приставкой *за-* должно быть признано значение ‘распространяться по некоторой поверхности, покрывая ее целиком’ (ср. *застроить пустырь домами*, *завесить стену картинами* и т. п.).

Еще одно значение приставки *за-*, на которое стоит обратить внимание в связи с интересующим нас глаголом, представлено в глаголах типа рус. *заесть* (что-либо чем-либо), *запить* (что-либо чем-либо), т. е. ‘съесть или выпить что-л. после чего-нибудь’; ср. также просторечное *заспать* ‘позабыть, не помнить при пробуждении’ (о сне, неприятностях, обещании, данном наяву, и т. п.): «Хотя спать было душно, а я спал крепко, так что и сны все заспал» [БАС 4: 918]. Это значение с трудом поддается определению, но явно имеет нечто общее с семантикой ‘*hinter*’, которую реконструировали для приставки в глаголе **zabyti* Л. Садник и Р. Айтцетмюллер, только не в ее пространственном, а во временном измерении, т. е. не ‘позади’, а ‘после’: некое действие (есть, пить и др.) совершается для того, чтобы «аннулировать», «стереть» предыдущее действие, состояние или предмет, сделать их не имевшими места, не существовавшими. Еще более ярко этот смысл проступает в следующем тексте русского любовного заговора: «Спать бы ей — не заспать бы ей меня; есть

бы ей — не заесть бы ей меня; пить бы ей — не запить бы ей меня; ходить бы ей — не заходить бы меня; говорить бы ей — не заговорить бы меня» [Майков 1994: 17]. По существу субъект заговора закликает свою возлюбленную не забывать его, что бы она ни делала — спала, ела, пила, ходила, говорила.

Подобную семантику можно усматривать и в самом глаголе *забыть*: ‘своим дальнейшим *бытием* (существованием «после» некоторого события) «заслонить», «стереть» предшествующее событие, состояние или предмет (бытие, то, что было раньше)»³. Такое толкование соответствует одному из регулярных значений глагола *забыть*, а именно значению ‘перестать помнить о чем-нибудь’; при этом другие его значения, известные всем языкам, такие как ‘оставить, не взять с собой что-либо по забывчивости’ (например, *Я забыл дома зонтик*) или ‘не сделать что-либо по забывчивости’ (например, *Я забыл выключить свет*), связаны с семантикой ‘не помнить’ лишь косвенно: фокусом значения оказываются здесь ‘не взять’, ‘не сделать’, а смысл ‘не помнить’ относится к мотивировке (не взял или не сделал, потому что не помнил, забыл, что надо взять или сделать).

Непрозрачность внутренней формы глагола **zabyti*, его непрямая семантическая связь с глаголом **byti* породила во многих языках существенную модификацию его морфологической структуры, его отход от стандартной парадигмы глагола **byti* и сближение с другими, более продуктивными типами глагольных основ. Так, в словенском глагол *pozabiti* оказался формально сближенным с *i*-глаголами, откуда такие имперфективные дериваты, как *pozabljati*, *spozabljati se*, *pozabljiv*, *pozabljivost*, а с другой стороны, благодаря устойчивой форме с двумя приставками (*po-*, *za-*) вторая приставка (*za-*) могла восприниматься как часть корня, откуда такие формы, как *pozaba* ‘забыть’. В словацком возобладали вторичные формы, восходящие к основе будущего времени и императива глагола **byti*: *zabúdat'*, *zabudnúť* (прош. вр. *zabudol*), *zabúdat'*, *zabudlivý*, *zabudnutý*, *zabudnutie*, книжн. *zabuda* ‘забыть’ и т. п. То же характерно для некоторых северо-западных

3 Близкое к этому толкование русского *забыть* было предложено А. А. Зализняком, по свидетельству Анны А. Зализняк [Зализняк Анна 2006: 335].

русских говоров: ленингр. *забудущий* ‘беспамятный, забывчивый’ [СРГК 2: 87], пск. *забудливый* ‘забычивый’, *забудущая жизнь* ‘жизнь в достатке, в довольстве’ [ПОС 11: 46] и т. п.

****zarotynĕti*, **zarotyniti*, **zarominati*, **zarotynoti***

Глаголы этой группы, являющиеся основными глаголами забывания в польском и чешском языках (одним из двух в словацком и верхнелужицком — наряду с **zabyti*), представляют собой приставочные дериваты антонимичных им глаголов со значением ‘помнить’. Следовательно, приставка *za-* имеет в них семантику «отрицания», сближающую их с глаголом **zabyti* в том его толковании, которое было предложено выше. Иначе говоря, *запомнить* означает здесь примерно следующее: ‘помня о чем-то позднейшем (памятью о позднейшем), «стереть» память о предыдущем, забыть’, аналогично тому, как рус. *заспать* (сон) означает ‘последующим сном (спаньем) «стереть» предыдущий сон’ или рус. карел. *запеваться* означает ‘забыться, не сохраняться в памяти (о песнях)’: «Раньше-то в круг без песни не ходили <...> а теперь оне запеваются» [СРГК 2: 171]. Ср. еще юж.-рус. *замыслить*, *замышлять* ‘забывать’ (т. е. новыми мыслями вытеснить прежние): «Я совсем замыслила это» [СРНГ 10: 93]; ворон. *зазнавать* ‘забывать’: «Я зазнал цену этой вещи» [Там же: 271].

То, что в русском и других языках эти же глаголы могут выражать противоположный смысл, а именно ‘запомнить’, объясняется другим значением приставки *za-*: совр. рус. *запомнить* в семантическом отношении не отличается от своего производящего *помнить*; их различие — видовое, и приставка лишена лексического значения. Однако еще в середине XIX в. «Словарь церковнославянского и русского языка» фиксировал для этого глагола оба значения: *запомнить* 1. ‘забыть, выпускать из памяти; запамätывать’: «Запомнить день недели, число месяца»; 2. ‘удержать в памяти’: «Такого урожая хлеба никто не запомнит» [СЦРЯ 1: 95]. В некоторых русских диалектах [см.: СРНГ 10: 342] также известен глагол *запомнить* со значением ‘забыть’ (как в польском и чешском языках), т. е. с «отрицательной» семантикой приставки, причем часто это значение совмещается с противоположным (‘запомнить’), ср. *запомнить*, *запомянуть* ‘забывать, запамätовать, позабывать,

не думать о чем-л., не помнить чего-л.»: «Показывал он мне что-то, да запомнил я» — и ‘помнить, памятовать, удержать в памяти’: «Отцу имя запомнил, а мать позабыл» [Даль 1: 1546], ср. пск. *запомнить* 1. ‘сохранить в памяти’, 2. ‘вспомнить’, 3. ‘забыть’: «Сафсем запомнила выбросить сена» [ПОС 12: 57]; новг. *запамнивать* ‘запоминать’ [НОС 3: 56]. Те же значения находим в древнерусском и староукраинском: др.-рус. *запомнити* 1. ‘запомнить, припомнить’, 2. ‘забыть, запаматовать’: «Узрѣвши то, королевна засмутилас велми и, запомнивши все веселие, села печальна» (1688 г.) [СРЯ XI–XVII 5: 274]; укр. *запомнити*, *запоминати* ‘забыть, забывать’; *запомин* ‘забвение’; в *запомин пустити* ‘забыть’; ст.-укр. *запоминати* ‘забывать’ [Тимченко 1: 282]. Ср. с другой приставкой: арханг. *сопомнить* ‘забыть’: «Детям обяжитесь, дак не сопомните о тетрадках да ручках» [СРНГ 39: 341].

**zapamętati*, **zapamętovati*

Ту же самую энантиосемию и ту же семантическую структуру, что и предыдущая группа глаголов, обнаруживают в славянских языках и диалектах глаголы, производные от **pamęť*, **pamętati*. Но распределение антонимичных лексем здесь практически обратное: в польском, чешском, словацком, украинском эти глаголы означают ‘запомнить’ (польск. *zapamiętać*⁴, чеш. *zapamatovat si*, словац. *zapamätati*, *zapamätovať*, укр. *запам'ятати*, *запам'ятовувати*), тогда как в русском, как правило, — ‘забыть’, хотя известно и «западнославянское» значение ‘запомнить’. Ср. рус. диал. *запаятать* ‘запаятовать, позабыть’; *запаятеть* ‘то же’; *запаятаться* 1. ‘забыться’, 2. ‘сохраниться в памяти, запомниться’; *запаятовать* ‘запомнить’: «Тридцать пять томов прочитал, дак надо запаятовать»; ряз. *запаятывать* ‘забывать’: «Паранька, ты такая бестолковая стала, все забываешь, все запаятываешь» [СРНГ 10: 301]; пск. *запаятовать* 1. ‘забыть’: «Сафсем

4 В старопольском, однако, глагол *zapamiętać*, *zapamiętywać* имел значение ‘забыть, не удержать в памяти’ [SSp 11: 138]; «Młodzi dobrodziejstw zapamiętywają» <Молодые не помнят добрых дел> [Linde 6: 842], которое сохраняется в дериватах этих глаголов и в современном языке: *zapamiętać się* ‘забыться’, *zapamiętałość* ‘самозабвение’ и т. д. Ср. также в старословацком *zapamätlivý* ‘утрачивающий память’ и ‘забытый’ [HSSJ 5: 138].

я всё запомнювала, ничего не помню», 2. ‘запомнить’: «В молодости песню кто пропаёт, так я и запоминаю» [ПЮС 12: 22–23]; карел. (рус.) *позапамятовать* ‘позабыть’: «Она посулила трески прислать, да и позапамятовала» [СРГК 5: 28]; печор. *запамятовать* ‘сохранить в памяти, запомнить’ и ‘забыть’ [СРГНП 1: 254]. Энантисемиа отмечается и в древнерусском языке: *запамятовати* 1. ‘забыть, запомнить’, 2. ‘запомнить’: «Запамятуй они за 70 лет и от отцов своих слышали...» [СРЯ XI–XVII 5: 258]; ср. укр. *запам’ятати* 1. ‘запомнить’, 2. ‘забыть’ [СУМ 3: 244; Гринченко 2: 76]; ст.-укр. *запамятане* ‘забвение’ [Тимченко 1: 280].

**zaboraviti*

Семантическая модель этого глагола, являющегося основным глаголом забывания в болгарском, македонском и сербскохорватском, несмотря на отсутствие надежной этимологии производящего бесприставочного **boraviti*, праславянская древность которого ставится под вопрос [ЭССЯ 2: 195–197; БЕР 1: 67–68; Skok 1: 188–189], вполне соответствует рассмотренным выше случаям. Значение ‘жить, существовать, находиться где-то’ и ‘заниматься чем-л.’, характерное для **boraviti*, в семантическом отношении уподобляет *zaboraviti* основному глаголу **zabyti* с тем же «отрицающим» значением префикса.

Таким образом, семантическая структура славянских глаголов забывания оказывается весьма жесткой; она определяется значением приставки *za-*, одинаковым у всех глаголов, и семантически однотипным характером производящих глаголов, имеющих значение ‘быть, существовать’, ‘помнить, держать в памяти’, реже — ‘думать, держать в уме’. Иначе говоря, забыть, не удержать в памяти значит продолжать существовать, помнить и мыслить, оставив «позади», стерев, заслотив, аннулировав предшествующее содержание бытия, памяти или мысли. Из этого следует, что сема ‘*hinter*’, реконструированная Л. Садник и Р. Айтцетмюллером, действительно присутствует в концепте забывания. Наличие у этих же глаголов противоположного значения ‘запомнить’ объясняется другим значением приставки *za-*.

ВЕСЕЛЬЕ И РАДОСТЬ

Да весельятъ съя небеса і радуѣтъ съя земля
(Пс. 95: 11)

[SJS 1: 181, Синайская псалтырь]

В Синайской псалтыри, одном из древнейших славянских памятников (глаголица, XI в.), в 95 псалме читается: «Да веселятся небеса и радуется земля!»; в русском синодальном переводе на месте *радуется* стоит *торжествует*, но далее применительно к земле появляется и *радуется*: «Да веселятся небеса, и да торжествует земля; да шумит море и что наполняет его. Да радуется поле и все, что на нем, и да ликуют все деревья дубравные» (Пс. 95: 11, 12). Таким образом, здесь употреблены четыре славянских глагола: *веселиться* (о небесах) и *радоваться*, *торжествовать* и *ликовать* (о земле). Для носителей современного русского языка в этом ряду не совсем обычным кажется глагол *веселиться*, тогда как три остальных глагола — *радоваться*, *торжествовать*, *ликовать* — и в нашем языке образуют синонимический ряд, члены которого хотя и различаются некоторыми оттенками значения (эти различия выявлены и подробно рассмотрены Ю. Д. Апресяном в словарной статье «*Радоваться*» [Апресян 2004в]), тем не менее имеют существенный общий смысловой компонент: ‘испытывать приятное чувство, какое бывает, когда то, что субъект оценивает или ощущает как хорошее для себя, имеет место’ [Там же]. В этот ряд глагол *веселиться* не входит. Между тем в старославянском, древнерусском и ряде других славянских языков глагол *веселиться* входит в этот же синонимический ряд, т. е. имеет общие семантические свойства с глаголами *радоваться*, *торжествовать* и *ликовать*. Наибольшую семантическую близость обнаруживают глаголы *веселить(ся)* и *радовать(ся)*; они нередко заменяют друг друга в одних и тех же контекстах. Так, в Книге пророка Исаии та же формула звучит: «Радуйтесь, небеса, и веселись, земля, и восклицайте, горы, от радости; ибо утешил Господь народ Свой и помиловал страдальцев Своих» (Ис. 49: 13), т. е.

глаголы *веселиться* и *радоваться* здесь меняются местами: вместо *веселитесь, небеса* и *радуйся, земля* мы имеем *радуйтесь, небеса* и *веселись, земля*. Из этого можно было бы заключить, что глаголы *веселиться* и *радоваться* выступали в старых текстах как полные синонимы. Однако это не совсем так. Некоторые примеры из книжных текстов и из устной (фольклорной) традиции наряду с синонимичным употреблением этих глаголов и их взаимозаменяемостью показывают их семантические и стилистические различия, а именно соотношение глагола *веселить(ся)* и концепта веселья с сакральным, божественным началом и высшей духовной сферой, а глагола *радовать(ся)* и концепта радости в целом — с профанным, земным, человеческим и даже телесным началом, т. е. связь веселья с Богом, небом и духом, а радости — с человеком, землей и телом. Субъектом веселья часто бывают Бог, святые и особенно ангелы: ср. ст.-слав. *въ вѣчное веселіе царства небеснаго ѿнде; съ радостію же великою похвалиша бога · и весели сѧ богъ во семъ зѣло* [SJS 1: 181]; ст.-белор. *оўси патрiархове и прѣрковѣ веселисѧ оў великой радості да коли оўси сѣын веселилисѧ* [ГСБМ 3: 140]; польск. (колядка) «*Będziemy weseli, jak w niebie anieli*» <Будем веселыми, как в небе ангелы> [Karłowicz 6: 93].

Такое соотношение концептов радости и веселья, даже если они не противопоставляются столь резко по признаку сакральности – профанности, очевидным образом противоречит нашему языковому сознанию. Действительно, в современном русском языке *радость* трактуется как более высокое психическое состояние (чувство), как состояние души, тогда как *веселье* — скорее как более низкое психофизическое состояние, близкое к ощущению и удовольствию [Пеньковский 1991]. Тем не менее веселье часто сопровождает радость и служит ее внешним выражением (проявлением), а соответствующие единицы языка (*радость* и *веселье*, *радоваться* и *веселиться*) очень часто выступают совместно, ср. в старославянских текстах: *бѣдетъ тѣбѣ радость і веселье; радостниж радоуи сѧ · и веселиемъ весели сѧ; оуповаи земле радоуи сѧ и веселоуи* [SJS 1: 181, 182]; *тогда правдѣнии веселатъ сѧ радоштами* [SJS 3: 550]; др.-рус. «Гласъ веселиа и гласъ радованiа» [СРЯ XI–XVII 21: 123]

и т. п. (ср. у Боратынского *безвеселье* как антоним *радости*: «Мы пьем в любви отраву сладкую; / Но все отраву пьем мы в ней, / И платим мы за радость краткую / Ей безвесельем долгих дней»). У *веселья* и *радости* общие антонимы — *слезы*, *печаль*, *тоска*. В других славянских языках и этнических традициях, как и в истории русского языка, концепты веселья и радости в еще большей степени соотносительны и могут употребляться применительно к одним и тем же ситуациям и в одних и тех же контекстах (ср. словац. *zo žitia sa veselili* и рус. *радовались жизни*, словен. *vesel je bil gostov* и рус. *он был рад гостям*, словен. *iz veselega srca* и рус. *с радостью*). Впрочем, это не чуждо и русскому диалектному языку, ср. волог. *радййко* ‘человек веселого нрава, весельчак’ [СВГ 9: 4], смол. *радник* ‘веселый человек’: «Ух, радник какой, каго хош рыссмяшыть» [ССГ 9: 80] (при этом в разных синтаксических употреблениях слова этих гнезд соотносятся по-разному, например *рад* и *доволен* различаются по другим признакам, чем *радость* и *удовольствие*).

Радость и *веселье* нередко толкуются в словарях (как литературных, так и диалектных) через отсылку друг к другу, например, словен. *rad* толкуется как ‘vesel, srečen’ (веселый, счастливый) [Bezljaj 3: 143], с.-х. *radovati koga ili što* — как ‘veseliti koga ili što’ (радовать кого или что) [RHSJ 12: 919], польск. *radośnie* — как ‘wesolo, z radością, przyjemnie, miło’ (с удовольствием, с радостью) [SJPD 7: 797]; старославянскому слову **вѣселник** дается дефиниция ‘веселье, радость’ [SJS 1: 181] и т. п. Иначе говоря, они трактуются как синонимы. Тем не менее полными синонимами их считать нельзя.

Различие этих двух лексических гнезд касается их семантики и синтаксиса: **rad-* в отличие от **vesel-* содержит модальный компонент ‘хотеть’, с чем связан и разный синтаксис слов *весел* и *рад*. Для **rad-* в большинстве языков и диалектов характерна функция предикатива и глагольный тип «объектного» управления — инфинитивом, отглагольным именем или придаточным предложением (рус. *рад помочь*, *рад приходу гостей*, *рад, что он согласился*), тогда как для *весел* «объектное» управление, как правило, не характерно. В этом отношении особое место занимает словенский язык, где *vesel* как раз может иметь

такое управление и соответствующую предикативную функцию и семантику, ср. «*Zhelimo Vam srečno pot in se veselimo srečanja*» <Желаем вам счастливого пути и радуемся встрече>; можно предполагать, что такое управление словенского **vesel-* появилось под влиянием синтаксиса **rad-*.

Этот модальный компонент в некоторых языках и некоторых контекстах становится доминирующим, и **rad-* приобретает значение ‘хотеть’, ‘быть склонным, готовым к чему-л.’, ‘предпочитать’, ‘любить’ и т. п. Загребский словарь дает для с.-х. *biti rad* дефиницию ‘хотеть’ [RHSJ 12: 860], польское диалектное наречие *rado* толкуется как ‘охотно’ [Karłowicz 5: 5]; словенский словарь объясняет фразы типа *rad bi bil zdrav* (букв. «рад бы быть здоровым») как выражение желания; *imati rad* получает толкование ‘любить’: «*rad ima sosedovo hčer*» <любит дочь соседа> [SSKJ 4: 302]; ст.-словац. *rad mať* толкуется как ‘любить’ [HSSJ 5: 10]; рус. *я бы рад приехать, да времени нет* означает ‘хотел бы’, рус. диал. *радеть* в одном из значений синонимично *хотеть, желать*: «Сколько твоя душа радеет» [СРГК 5: 390], ср. еще др.-рус. *радъ не радъ* ‘волей-неволей, хочешь не хочешь’ [СРЯ XI–XVII вв. 21: 120]; укр. *рад чи не рад* соответствует рус. *хочешь не хочешь* [СУМ 8: 428] и т. д. Именно это модальное значение, предикативная функция и бóльшая «глагольность» **rad-* дает основание вслед за некоторыми этимологами признать его этимологическое родство с предлогом и послелогом **radi* (ср. аналогичную модель **dělja* < **dělati*), глаголами **raditi* и **raděti*, не имеющими до сих пор надежной этимологии¹. Таким образом, **rad-* обнаруживает изначальную двойственность семантики: «чувственный» компонент *радости* и адъективность сближают его с *весельем*, а модальный (волитивный) компонент и «глагольность» отличают от *веселья*. Эта семантическая двойственность отмечена в словенском этимологическом словаре М. Сноя [Snoj 2003: 598].

1 Акциональная семантика **rad-*, характерная для с.-х. *рад, радити* ‘дело, работа’, ‘работать, делать’, sporadически представлена и в других славянских языках, ср. белор. диал. *рад* ‘дело’: «Щежало: адна я, дак і мужчынскі рад і бабскі рад на мне» [Янкова 1982: 301].

Названные семантические и синтаксические различия не препятствовали тесному взаимодействию и взаимовлиянию обоих гнезд в процессе их семантического развития, тем более что эти различия утрачивали свою остроту и до определенной степени сглаживались в дериватах **vesel-* и **rad-* — глаголах *веселиться* и *радоваться*, субстантивах *веселье* и *радость*, прилагательных *веселый* и *радостный* и др., что приводило к их синонимии во многих употреблениях. Наличие большого числа общих контекстов и общих денотативных сфер у обоих гнезд, их использование в одних и тех же моделях номинации позволяет говорить об их семантическом параллелизме.

Лексика и веселья и радости используется в вербальном оформлении культурных концептов и соответствующих дискурсов — Рождества, свадьбы, смерти и др., в восприятии некоторых явлений природы (в частности, радуги, «игры солнца»). Рассмотрим их подробнее.

Рождество. Мотив веселья и слова *веселье*, *веселый*, *веселиться* являются ключевыми для всего комплекса представлений, связанных с событием и праздником Рождества, а вторично — и с символикой рождения вообще. В народном календаре слова *веселье*, *веселый* используются для номинации связанных с Рождеством дней: в словенском *veseli post* — это ‘рождественский пост’; в польских колядках Рождество называется *wesoła chwila* <веселая минута>; рефрен польской колядной песни — «Daj Pan Bóg wieczór, dzień wesoły» <Дай, Господи, вечер, день веселый> [PKL: 200]; в Полесье канун Нового года называется *Веселая Щедруха* и т. п., а названия Рождества и дня св. Василия (Новый год) паронимически сближаются соответственно со словами *радость* и *веселье*: «Светое Рожаство радость принесло, Светое Василля взвеселило» [Шейн 1/1: 89]. В колядках и других поздравительных текстах весть о рождении Христа и само событие получают эпитет *веселый*: «Oj, stało nam się wesele, Boże Narodzenie!» <Вот настало у нас веселье — Господа рожденье>; «Dziesiątko się narodziło, wszystkim świat rozweseliło, Bóg Ojciec zesłał nam Syna, wesoła z nieba nowina» <Ребенок родился, весь мир развеселил, Бог Отец прислал

нам Сына, веселая с неба новость» [PKL: 99, 174]. «Веселыми гостями» называются у македонцев колядники, ходящие по домам и поздравляющие хозяев с праздником; у хорватов рефрен колядных песен: «Veselo, veselo!» и т. п. Главный мотив пожеланий на Новый год — быть «веселыми», ср. польск. «Niech gospodarz wesół będzie...» <Пусть хозяин весел будет...> [Там же: 273], хорв. «Čestito vam božić, da se veselíte, bog i boginja, zdravlje i veselje» <Поздравляем вас с Рождеством, веселитесь, бог и богиня, здоровье и веселье> [Milčetić 1917: 50], а сами действия колядников обозначаются глаголом *веселить*. В польском Подлясье колядники, придя в дом, спрашивают хозяев: «Panie gospodarzu, pani gospodyni, pozwólcie swój dom poweselić, boskim słowem pocieszyć, aby dom był wesoły. Czy weselić czy nie?» <Пан хозяин, пани хозяйка, позвольте ваш дом повеселить, божьим словом потешить, чтобы дом был веселый. Веселить или нет?> [Drabik 1992]. У сербов ритуальное рождественское полено бадняк в некоторых местах называется *весельак*, а рождественский хлеб — *веселица* [подробнее см.: Толстая, Толстой 1993].

В рождественском дискурсе представлен и мотив радости, хотя и реже, чем мотив веселья, или параллельно с ним. Например, в польских колядках поется: «Same sie kościoły pootwierały, bo sie Jezusowi uradowały, haleluja!» <Костелы сами пооткрывались, потому что обрадовались Иисусу, аллилуйя!> [PKL: 113], где последние слова «потому что обрадовались Иисусу» служат рефреном; словаки говорят, что на Рождество «радуются ангелы и весело поют» [HSSJ 5: 14]; у македонцев предводители новогодних дружин, ударяя по плечам хозяев дома, желают им: «Суро, ај в година порадосни, повесели!» <Будьте целый год радостнее и веселее> [Плотникова 2004: 424, № 20]. У сербов *полазника*, т. е. первого посетителя дома в праздник Рождества, встречают с большими почестями и в некоторых районах называют именем *Радован*. В этом отношении Рождество оказывается в какой-то степени противопоставленным Пасхе, поскольку в рождественском дискурсе доминирует мотив веселья, а в пасхальном — мотив радости. Так, в польских пасхальных колядках *радость* встречается чаще,

чем в рождественских, хотя иногда и параллельно с *весельем*: «Pan Chrystus <...> z grobu powstał, nam radości dostał» <Пан Христос ... из гроба восстал, радость нам принес> [PKL: 347]; «Dziś dzień radości, dzień wesołości» <Сегодня день радости, день веселья> [Там же: 346].

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. Веселье и радость могут символизировать не только божественное Рождество, но и обычное рождение человека. В русском языке рождение ребенка называется *радостным событием*; у словенцев о рождении мальчика говорят: *veseli dogodek* <веселое событие>; хорваты-чакавцы в этом случае говорят: «U nih je veselje, rodi in se sin <У них веселье — родился сын> [Hraste, Šimunović 1: 1319]; ср. словац. диал. *radostník* ‘крестины’ (область Горегроне [Podolák 1999: 190]), *radostník* ‘хлеб на свадьбе или крестинах’ [EKLS 2: 101]; в польском день рождения (или крещения) ребенка называется *radošniki, radošnik*; крестины называются также *wesele anielskie* <ангельское веселье> [Karłowicz 5: 5]. Магический благопожелательный характер носят личные имена с корнями **vesel-* и **rad-* (известные с древности, но особенно распространенные у южных славян) типа болг. *Веселин*, серб. *Радосав* и т. п., ср. также имя божества балтийских славян *Сварожич-Радгост* (*Radegast, Redegost* и др.).

СВАДЬБА. Известно, что понятие свадьбы во многих славянских языках (украинском, белорусском, польском, диалектах русского, чешского, словацкого языков) обозначается словом **veselъje*, чеш. диал. *veselost* и т. п. Но и там, где общим названием служит **svatъba*, мотив веселья присутствует в номинации отдельных элементов свадебного обряда (обрядовых лиц, их действий, предметов, свадебных блюд и т. п.), а также в текстах свадебного фольклора, особенно относящихся к невесте, которая после венчания и брачной ночи становится «веселой» и обретает магическую способность и функцию «веселить» свой род и весь мир: ср. рус. яросл. «Зелена калина весь сад взвеселила! / Как наша Марьюшка да Ивановна / Весь род взвеселила!» [ТОРП: 296].

Мотив радости и лексика гнезда **rad-* также представлены в свадебном дискурсе разных славянских традиций. В сербском слово *радост* в старых текстах имело значение ‘брак, брачный пир’ [RHSJ 12: 920]. В древнерусском языке одно из значений слова *радость* — ‘свадьба, бракосочетание’: «Генваря въ 16 день была радость у государя царя <...> Алексѣя Михайловича всеа Руси. Во отцово мѣсто был бояринъ Борис Иванович Морозовъ» [СРЯ XI–XVII вв. 21: 125]. В русских диалектах многие реалии и атрибуты свадебного обряда обозначаются словами гнезда **rad-*: рус. волог. *радостный стол* ‘свадебный стол’, ‘стол, на который невеста клала подарки для родни жениха на второй день свадьбы, а также сам ритуал одаривания’ [СВГ 9: 5], ср. в этом же значении сиб. *веселый стол* ‘застолье на второй день свадьбы’ [СРГС 1: 134], волог. *радостное полотенце*: «На второй день после свадьбы после “шанек-алашек” из гороховой муки молодых уводят в холодную клеть отдыхать, а гости предварительно должны умыться и утереться “радостным” полотенцем, которое держит молодлица, причем ей дают денег» [СРНГ 33: 249]. Ср. еще рус. бурят. *радейник* ‘организатор веселья на семейской свадьбе’: «Без радейника какая же свадьба. Радейник всех ублажать должен», забайк. *радушник* ‘то же’, смол. *рада* ‘свадебная песня’ [СРНГ 33: 246], укр. *радісник*, словац. *radostník* ‘свадебный каравай’ [Ганудель 1987: 47] и т. п.

Жизнь. Здоровье. Символика веселья присутствует и является доминирующей во многих весенних обрядах славян, таких как встреча весны, ритуальное битье вербовыми ветками в Вербное воскресенье, пасхальные обходы домов, хорватские юрьевские обходы и др. [подробнее см.: Толстая, Толстой 1993]. Во всех этих случаях, так же как и при рождественском колядовании, в песнях и приговорах выражаются пожелания «веселья», т. е. жизненной силы, роста, плодородия и здоровья. Например, в белорусской волочебной (пасхальной) песне хозяину желают: «Жыві сабе, весяліся, год ад году, век ад веку!» [ВП: 132].

С мотивом жизненных сил и телесного здоровья связаны приветствия и пожелания, в которых участвует лексика

обоих гнезд. В старославянском языке глагол **радовати** **сѧ** употребляется (по образцу греческого языка) в качестве приветствия, т. е. традиционный возглас «Радуйся!» означает ‘Здравствуй!’ [SJS 3: 548]. Ср. в тексте XV в.: «Приемля еретика въ домъ и глаголя ему радоватися, причащаемся дѣлѣхъ его злыхъ» [СРЯ XI–XVII вв. 21: 124]. В этом же значении приветствия может употребляться и *веселье*, например, в Сибири в ответ на «Доброе утро» отвечают: «Веселый день» [СРГС 1: 134]; в старобелорусском **веселье оповѣдати** означает ‘приветствовать’: **сынови своему родога матка веселе оповѣдаєт** [ГСБМ 3: 143]. Таким образом, в функции заклинательного приветствия употребляются три лексических знака: *радость*, *веселье* и *здоровье*, закрепившееся в русском литературном «Здравствуйте!». В славянских языках засвидетельствованы и такие контексты, в которых *радость*, подобно *веселью*, обозначает физическое проявление эмоционального подъема — возбуждение, движение, пляску: в «Историческом словаре словацкого языка» *radovanie* определяется как ‘veselost’, plesanie’ («веселье, пляски») [HSSJ 5: 14]. Но это довольно редкий случай «физической» семантики у **rad-*, ср. еще значение ‘пьяный, навеселе’: «радѣ очи ему от вина» [СРЯ XI–XVII вв. 21: 120]. Она характерна прежде всего для *веселья*.

СМЕРТЬ. Мотив веселья и радости присутствует и в сфере представлений о смерти. Это связано либо с магией веселья как способа преодоления смерти (таковы известные восточнославянские игры и развлечения при покойнике или южнославянские предписания матери веселиться, петь и танцевать в случае смерти первого ребенка), либо с христианским образом посмертного существования как вечного небесного веселья. Ср. ст.-слав. **вѣчное веселиє** ‘загробное существование’ [SJS 1: 181], др.-польск. *wesele niebieskie, rajskie, wieczne* ‘небесное, райское, вечное веселье’ [SSp X: 80–81], словен. *šel je v nebeško veselje = umrl je* ‘ушел на небесное веселье = умер’ [SSKJ 5: 414], сербское народное эвфемистическое именование покойника *веселник* и т. п.

В этом же контексте фигурирует и *радость*: др.-рус. *радъ* в значении ‘блажен’: «И тотъ радъ, кого застанеть смерть в покаяннии» (1653 г.) [СРЯ XI–XVII вв. 21: 120], ст.-словац. *večná radost* ‘вечное блаженство’: «(Bože) chran nas, a po tego smrtelnosti priwed nas wssech do radosti» <(Боже) храни нас и после этой «смертности» приведи нас всех к радости> [HSSJ 5: 13]. Мотив радости доминирует в названиях поминальных дней послепасхальной недели (что связано и с ключевой ролью концепта радости в пасхальном дискурсе в целом): *Радуница, Радовница, Радунка, Радушная, Радольница, Радованица, Радостное воскресенье* и т. п. Любопытно «этимологическое» замечание Даля: «По-видимому, все слова эти от *радъ*, но где же тут радость? Не от *родитель* ли? или от *радеть*?» [Даль 3: 1467]. Учитывая весь ряд подобных номинаций и главные мотивы пасхального праздника, можно считать высказывавшиеся сомнения в этимологической связи русского хрононима *Радуница* с гнездом **rad-* лишенными основания.

Стихии. Лексика веселья и радости оказывается коррелятивной и в сфере номинации небесных явлений, таких как «игра солнца» (в Полесье об этом явлении говорят: *солнце веселится* и *солнце радуется*, причем *радуется* говорят об игре солнца именно на Пасху), радуга (в восточнославянских языках обозначается дериватами корней **vesel-*: *веселка, веселуха* — и **rad-*: *радуга, радовица* и т. п.). Здесь снова интересно замечание Даля: «Не ручаюсь за сродство *радуги* с *радостью*, но как это было радостное явление Ною, то связь вероятна» [Даль 3: 1467]. При этом у **vesel-* круг контекстов и «природных» денотатов шире, чем у **rad-* (ср. серб. *весельак* ‘молодой месяц’, рус. *весело горит огонь, веселая речка*, чеш. диал. *veselá barva* и т. д.), ср., однако, записанное в районе Дубровника название обряда возжигания костров в канун Иванова дня, Петрова дня или Видова дня *радовање*, а также с.-х. *radovati* ‘(об огне) охватывать, сжигать’: «А огаń će paliti i radovat sve što nađe na njoj» <А огонь будет гореть и радовать все, что находится на ней> [RHSJ 12: 930], польск. «ptaków ranne radowanie» <птиц утренняя радость> [Karłowicz 5: 5].

Таким образом, разные славянские языки в семантической деривации слов **vesel-* и **rad-* реализовали разные возможности исходной праславянской семантики. Их параллелизм и почти полная синонимия, свидетельствуемая древними текстами, фольклорными данными и общеязыковыми употреблениями, явились результатом длительного семантического взаимодействия обоих гнезд: семантический компонент воли и действия, изначально присущий корню **rad-*, оказался воспринятым гнездом **vesel-* (как в словенском, словацком и некоторых других языках и диалектах), и наоборот, «чувственная» («телесная») семантика, изначально характерная для **vesel-*, воспринималась гнездом **rad-*. Этому взаимодействию, безусловно, способствовал аксиологический фактор: свойственная обоим языковым знакам и соответствующим концептам позитивная оценка, положительное эмоциональное восприятие жизни, которое объединяет и «физическое» веселье, и «духовную» радость, и семантику желания, намерения и готовности (*хотеть* значит положительно оценивать объект хотения). Явление семантического параллелизма и взаимодействия двух гнезд в славянских языках не должно игнорироваться при их этимологическом истолковании.

ЧИСТАЯ ПРАВДА: К СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СЛАВ. *ĀIST-

Выражение *чистая правда* обычно понимается как ‘полное соответствие действительности, без каких-либо искажений и добавлений’ (ср. *голая правда*), а *чистый вымысел* — как ‘абсолютный вымысел, не имеющий ничего общего с действительностью’. В обоих случаях мы имеем дело с семантикой предельности (ср. в том же значении *истинная правда, суцая правда, полный вымысел, суций вымысел* и т. п.), однако связь этого значения с исходным, прямым значением прилагательного *чистый* кажется недостаточно мотивированной. Для того чтобы объяснить смысл и мотивировку русских выражений *чистая правда* или *чистый вымысел* (аналогичные выражения известны и другим славянским языкам), необходимо рассмотреть весь спектр значений праславянского *Āist- и определить место значений, представленных в данных выражениях, в общей семантической структуре этого гнезда.

Самый общий обзор семантики гнезда *Āist- и наиболее полный перечень значений, засвидетельствованных в славянских языках и диалектах, дает «Праславянский словарь» под редакцией Ф. Славского [SP 2: 212–217]; все дополнения, которые могут быть сделаны на основе источников, появившихся после выхода в свет этого словаря (новых диалектных и исторических словарей), практически не расширяют данного в нем набора значений, а лишь подтверждают и уточняют выделенные значения или приводят новые показательные контексты. Подавляющее большинство этих значений оказывается общим для всех славянских языков, что свидетельствует об общности путей и механизмов семантической деривации и силе семантического потенциала исходного праславянского слова. Однако словарь Славского содержит лишь перечень значений без какой бы то ни было систематизации и истолкования их связи друг с другом.

Задача семантической реконструкции состоит в том, чтобы согласовать между собой все реально зафиксированные значения слова, т. е. объяснить мотивационные отношения между ними,

восстановить последовательность и механизм семантических переходов, приведших к появлению того или иного конкретного значения. В случае слав. **čist-* необходимо найти объяснение сосуществованию в рамках одного этимологического гнезда таких разных и интуитивно не связанных между собой значений, какие мы встречаем, например, в выражениях *чистая скатерть*, *чистое поле*, *чистая работа*, *чистая биография*, *нечистая сила*, *зачистка* и т. д. Самой общей ссылки на метафоризацию (ср. характерную словарную помету «переносное») здесь явно недостаточно. Переносы «по сходству» бывают самыми разными, как различны и сами сходства — как по степени, так и по «качеству» (т. е. по признаку уподобления).

Метафорический перенос как способ семантической деривации может быть обусловлен не только когнитивным фактором (восприятием, категоризацией и номинацией разных объектов действительности сквозь призму их сходства по тем или иным признакам), но и собственно языковым — существующими в языке семантическими моделями, т. е. некоторыми регулярными типами отношений между значениями многозначного слова (моделями регулярной многозначности). Одной из таких моделей, определяющих семантическую структуру большой серии лексических единиц, является модель каритивности (от лат. *caritas* ‘недостаток, скудость’), о которой мне уже приходилось писать в связи с анализом таких слов, как *сухой*, *пресный*, *пустой*, *слепой* и др. [Толстая 2008: 50–98]. Слова, принадлежащие к категории каритивов, т. е. выражающие значение отсутствия, нехватки, недостачи чего-либо, обнаруживают сходную структуру многозначности и одинаковый способ семантической деривации (порождения вторичных значений). Их вторичные (производные) значения образуются путем замещения исходного каритивного компонента (как правило, предметного) каким-то другим компонентом (предметным или абстрактным). К числу каритивов принадлежит и интересующее нас прилагательное *чистый*. Его исходный каритивный компонент (предмет отсутствия) — грязь, пыль, мусор и т. п. (ср. *чистая скатерть*, *чистый двор*) — во вторичных значениях (употреблениях, контекстах) может замещаться разнообразными сущностями,

например растительностью (*чистое поле*), облаками (*чистое небо*), виной, грехами (*чистая совесть*) и т. д. Неизменной остается лишь сама семантика каритивности.

Семантические свойства каритивов определяются не только значением каритивного компонента (того, что отсутствует в определяемом объекте), но и оценкой самого факта отсутствия: оно может восприниматься как аномалия, оцениваться отрицательно и порождать соответствующие аксиологически окрашенные значения (ср. *кривая вера, кривой 'черт', пустые слова, слепой шрифт* и т. п.), а может считаться аксиологически нейтральным или положительным (ср. *сухой воздух, пресное тесто* и т. п.). В отличие от других каритивов, *чистый* получает преимущественно позитивную оценку (*чистое сердце, чистый голос, чистый воздух* и т. п.), соответственно, отсутствующий (каритивный) компонент (грязь, инородные примеси, грехи и т. д.) оценивается отрицательно; реже *чистый* несет в себе отрицательную оценку, ср. рус. сиб. «Чист молодец — ни коров, ни овец» (о том, у кого ничего нет) [СРГС 5: 297]. Существенно также то, является ли свойство присущим объекту по природе (ср. *сухой климат, чистая вода, чистое золото*) или же оно — результат или продукт некоторых действий, обработки и т. п. (ср. *сухие фрукты*, диал. *чисть* ‘вырубка в лесу’ [Деулино: 598]; словац. диал. *čistidlo* ‘плацента’, ср. о родах *čistit' sa*: «Krava sa čisti» <Корова рожает> [SSN 1: 266]).

Круг реалий, отсутствие которых сообщает объекту свойства *чистого*, весьма широк, но преобладающими среди них оказываются: 1) грязь, пыль, сор и 2) различные инородные элементы. Этими двумя сферами определяются два главных, исходных значения *чистого* (условно «гигиеническое» и «физическое»), присущих всем славянским языкам и диалектам и приводимых обычно на первых двух позициях в словарях. Они же составляют два главных центра иррадиации, откуда проистекают остальные, производные значения *чистого*. Различие между «гигиеническим» и «физическим» пониманием чистоты заключается в том, что первое относится к человеческой сфере в широком смысле, оно изначально связано с оценкой (чистота в гигиеническом смысле всегда позитивна) и потому становится

источником всех дальнейших этических и эстетических значений, тогда как второе (физическое) носит более широкий характер, не ограничивается миром человека и в аксиологическом отношении скорее нейтрально, оно приобретает позитивный или негативный оттенок лишь в определенных контекстах и при определенной денотативной соотнесенности.

В гигиеническом смысле *чистым* может быть человек телесный, его одежда, жилище, утварь и т. п. Соответственно, *чистить* в этом смысле (т. е. ‘каузировать гигиеническую чистоту’) соотносится, с одной стороны, с понятием мытья, чистки, уборки, опрятности, с другой стороны — с понятием грязи, пятен, пачканья, порчи, беспорядка и т. п. Метафора чистоты – нечистоты (грязи) — одна из самых продуктивных в сфере морали вообще и религиозной этики в частности (ср. *незапятнанная репутация, грязные помыслы, моральная нечистоплотность* и т. п.). В средневековой книжной традиции *чистый* понимается прежде всего в религиозно-этическом смысле (о «физических» значениях будет сказано ниже), как ‘непорочный, безупречный, праведный, целомудренный’, ср. ст.-слав. *блажени чисти срѣдцѣмь, вѣра чѣста и несквърньна, чистѣ* ‘святой, почтенный, честный’: *житикѣ чѣсто пощенникѣмь сътъзавѣ; чистѣ* ‘праведно’; *чистилицѣ* ‘святилище’; *чиститѣль* ‘священник’; *чистити* ‘очищать’, ‘освящать’ и т. п. [SJS 4: 871–875]; др.-рус. *нечистота* ‘нечистота, грязь’, ‘скверна, мерзость, порок’, ‘запрещенная религиозным обычаем пища’, *нечистыи* ‘нечистый, загрязненный’, ‘скверный, порочный, греховный’, ‘непристойный, бесстыдный’, ‘оскверненный’, ‘неочистившийся (о женщине)’, ‘запрещенный в пищу религиозным обычаем’, ‘нечестивый’, ‘неразрешенный, запрещенный’ [СДРЯ 5: 393–394]. Каритивный компонент может получать при этом эксплицитное выражение, ср. в старославянском характерное управление: *чистѣ чесо, отѣ чесо — отѣ вьсего того зда чистѣ сы; да чистѣ вѣдетъ гнѣва* [SJS 4: 874]; ст.-чеш. *čist niti* ‘голый, на ком нет ни нитки, т. е. ничего из одежды’ [Gebauer 1: 181]. Этическое значение *чистого*, в котором каритивными компонентами являются грех, порок, зло, нечто запрещенное религиозными и моральными нормами, относится к наиболее

устойчивым во всех славянских языках и может характеризовать как самого человека (*чистый человек*), так и его внутренний мир, мысли, чувства, поведение, образ жизни, сближаясь с такими понятиями, как честность, благочестие, благонравие, порядочность и т. п. Высшее проявление моральной и религиозной чистоты связывается с сакральным началом, ср. ст.-слав. **чистага дѣвнца мариа** [SJS 4: 873]; словац. *čistá jak Paňenka Marija* [SSN 1: 268].

Представления о телесной и моральной чистоте человека объединяются в понятии ритуальной чистоты, имеющей три главных аспекта — физиологический, сексуальный и пищевой. В физиологическом смысле нечистыми в традиционной культуре считаются женщины в период месячных или послеродовых очищений; в этом состоянии они подвержены многим ограничениям: им запрещается печь хлеб, собирать плоды, совершать магические обряды (например, обходы села, опаживание и т. п.), изготавливать ритуальные предметы (например, обыденное полотно), крестить детей, прощаться с покойником и т. п. [подробнее см.: Агапкина 1996; Листова 1996]. Из-за «нечистоты» женщин детородного возраста многие ритуальные роли поручаются детям, девушкам или женщинам, вышедшим из репродуктивного возраста, которые считаются «чистыми»: ср. чеш. диал. *čistota* ‘девственность, невинность, безгрешность’: «*Umazanej mluví nejvíc vo čistoti*» <Запятнанный больше всего говорит о чистоте> (поговорка) [КЧДС]; польск. диал. *czystość, czystota* ‘то же’ [SGP 5/14: 256]; рус. смол. *чистая* ‘о женщине, у которой прекратилась менструация’: «Года два нь рубашки ни ймею. Чистыя я» [ССГ 11: 111]. Нечистыми в традиционной культуре считаются беременные женщины, роженицы в течение сорокадневного периода, до совершения очистительного церковного обряда, а в ряде случаев женщины вообще. В сексуальном смысле, согласно традиционным верованиям, нечистыми становятся как женщины, так и мужчины после половых сношений (ср. запрещение им входить в церковь), напротив, ритуальная чистота приписывается вдовам, непричастным к сфере сексуального [Гура, Кабакова 1995]. Ср. еще ст.-укр. *чїстого ложа* ‘о законнорожденном, рожденном в браке’ [ССУМ 2: 544].

Пищевой аспект ритуальной чистоты связан с представлением о посте и постной пище (ср. широко распространенные хрононимы *Чистый понедельник* ‘первый день Великого поста’, *Чистый четверг* ‘четверг на Страстной неделе’, серб. *Чиста неђеља* ‘первая неделя Великого поста’, когда соблюдается строгий пост и совершаются специальные очистительные обряды — мытье, уборка и т. п.), которые противопоставляются «скоромному» времени и скоромной пище, понимаемым как нечистые и сопряженным с отрицательными коннотациями. Ср. названия опасного времени святок у южных славян: болг. *мръсни дни*, *мръсни вечери*, *мръсници* (букв. «грязные, нечистые» — от *мърся* ‘пачкать, грязнить’, ‘осквернять’, ‘есть скоромное’), *погани дни*, *поганото*, *поганици* и др., серб. *мрсни дани*, *некрштени дани*, *нечастивци*, *нечисти дани* и т. п. (ср. рус. диал. *скоромный* ‘непристойный’, *скоромные речи* ‘непристойные’, *скоромник* ‘кто скоромно говорит’ [Даль 4: 209–210]). Чистым и нечистым в ритуальном смысле может быть также место, ср. укр. диал. *чистий пл’ац* ‘место для строительства дома, на котором не погребен внебрачный ребенок’ [Онишкевич 2: 370]. *Чистый* применительно к пище может означать ‘съедобный’: рус. перм. *чистый гриб* ‘неядовитый, съедобный’ [ФСПГ: 91]; печор. «Фсе хишшьные птицы нечисты; которые съедобные — это чистые птицы», «Нецисты птицы: теглѣнки, вороны, хилин; поганы не улетают, а цисты птицы фсе улетают: утки, гуси, лебеди» [СРГНП 2: 245]. Ср. еще рус. волог. *чистая вода* ‘вода, которую заговаривали и использовали для лечения’: «Раньше все болезни только чистой водой лечили» [СВГ 12: 48].

Чистота в физическом смысле соотносится совсем с другим кругом понятий — с идеей однородности, отсутствия примеси, свободы от лишнего, дополнительного и привнесенного. По определению Даля, *чистый* — ‘без примеси, ровный и сам по себе’ [Даль 4: 1349], ср. *чистое золото*, *чистокровный*, *чистобурый конь* ‘без отметин’, *чистое небо* ‘без облаков’, *чистый звук* ‘без шумов и помех’, смол. *чистина* ‘пустое, открытое место’: «Пысряди двыра чистина» [ССГ 11: 112] и т. д. Каритивный характер *чистого* усиливается в его глагольном деривате — каузативе *чистить* (‘делать

чистым'), основное значение которого — 'устранять что-л., освобождать от чего-л.', ср. рус. *чистить лес* 'вырубать, жечь', *чистить жеребчика* 'холостить' [Даль 4: 1348], волог. *чистить* 'полоть': «Спину-то не разогнуть: с утра всё грядки чистила» [СВГ 12: 46]; укр. диал. *чистити* 'кастрировать': «Тра веприка вже чистити, бо мн'асо буде смердіти» [Аркушин 2: 254]; рус. прост. *обчистить* 'обокрасть', с.-х. *чистити* 'красть': «Једни <лопови> су чистили овдјенак, а други чували на возу» <Одни (воры) чистили кругом, а другие сторожили на телеге» [РСХКJ 6: 884], рус. диал. *чистить* 'истреблять, уничтожать': «Муж мой чистил бандеров в Литве» [СРСГСП 3: 315], ср. также в советском узусе *чистка в партии* (освобождение от инакомыслящих, враждебных, чуждых элементов) или современное понятие *зачистка* (военная операция по обезвреживанию боевиков).

В семантике этого типа каритивность проявляет себя особенно ярко, поэтому и набор каритивных компонентов (того, что именно отсутствует в *чистом*) оказывается бóльшим и более разнообразным, чем в «гигиеническом» типе. Соответственно и число носителей признака «чистый» в этом случае практически безгранично — *чистыми* могут быть локусы (природные и «человеческие»), предметы (как природные, так и артефакты) в самых разных отношениях, абстрактные сущности (ментальные, психические, эмоции, состояния и т. п.), наконец, человек в его разнообразных ипостасях. Приведем только некоторые, наиболее типичные, примеры, не претендуя на полноту, заведомо здесь недостижимую.

Во всех славянских языках *чистый* применительно к локусам может означать отсутствие (как естественное, так и достигнутое специальными действиями) растительности, деревьев: рус. *чистое поле*; ряз. *чистина* 'поляна, открытое место' [Деулино: 598], смол. *чистик* 'просека, поляна в лесу' [ССГ 11: 112], волог., ленингр., арханг., карел. (рус.) *чисть* 'не заросшее лесом место' [СРГК 6: 795]; с.-х. *чистина* 'свободное открытое пространство' [РСХКJ 6: 883] и т. п. *Чистый* может подразумевать полное отсутствие чего-либо в некотором пространстве и сближаться с семантикой *пустого*, ср. рус. сиб. *чистая деревня* 'пустая, безлюдная': «Вся чистая деревня — мы попрятались»

[СРГС 5: 289]; болг. «Чисты яслы, праздны хамбари» <Если пусты, праздны амбары> [Геров 5: 556]. При этом состояние «чистоты» может оцениваться положительно или нейтрально (вырубленное место в лесу, неисписанный лист бумаги), а может восприниматься как недостача, ущерб, лишение, опустошение (пустые амбары). Ср. еще в отрицательном смысле *быть чистым* ‘не иметь денег’: чеш. диал. «Ja sem dnes čistyj jako lípa (= bez krejcaru)» <Я сегодня чист, как липа (т. е. без гроша)> [КЧДС]; словац. диал. «Ja som čist» <Я без денег> [SSN 1: 267]; чеш. диал. «Su čisté jako slovo boží» <Они чисты, как слово божье (т. е. бедны, ниимущи)> [КЧДС]; рус. печор. *чистый* ‘лишенный имущества’: «Чистыми остались мы на худы годы» [СРГНП 2: 426–426]; перм. *вылупить на чисту полянку* ‘оставить без средств к существованию’ [ФСПГ: 418]; в ряде языков и диалектов *чистое яйцо* — ‘яйцо без зародыша’: белор. тур. *чыстэ яйцэ* [ТС 5: 308]; польск. *czyste jajko* [SGP 5/14: 259]; чеш. диал. «Sedemnáct vajec bylo čistejch, tak si to spočítejte!» <Семнадцать яиц было чистых, вот и считайте!> [КЧДС]; словац. диал. *čiste vajca* [SSN 1: 267].

В большинстве случаев, однако, каритивный компонент *чистого* мыслится как нечто инородное, избыточное, вредное, требующее устранения, соответственно, семантика *чистого* приобретает позитивный или нейтральный характер. К устойчивым контекстам *чистого*, как правило, относятся определения металлов (*чистое золото*, *чистое серебро*, ср. то же с другим каритивом: болг. *сухо злато*, с.-х. *суво злато*); обмолоченного и провеянного зерна (*чистая пшеница*); муки без примесей (*чистая мука*); очищенного и отрепанного льна (рус. *лен чистец*; белор. диал. «Быў лён чысты, без кастры» [СПЗБ 5: 444]); однородной, без примесей пряжи (*чистая шерсть*); очищенных от веток и сучьев деревьев (рус. сиб. *чистяк* [СРГС 5: 299]); натурального, не разбавленного водой вина (*чистое вино*); свободного от облаков неба (*чистое небо*); ясной погоды (сев.-рус. *чистая погода*); однородного тона цвета и масти (*чисто-белый*, *чисто-красный* и т. п.); гладкой (без узоров, рисунка) ткани (польск. *czysty materiał*, белор. *чысты пояс*); не смешанного происхождения человека или породы животного

(*чистокровный*); здоровой кожи (*чистая кожа* ‘без парши, бородавок, прыщей и т. п.’, ср. *чистотел* ‘трава, употребляемая в народной медицине для очищения кожи’); соответствующей норме и свободной от неправильностей и ошибок речи (*чистая речь, чистый выговор, чистописание, чисто говорить* (на каком-л. языке) и т. п.); тщательно, в соответствии с правилами выполненной работы (*чистая работа*); не обремененного долгами предприятия или имущества (словац. диал. *čistí majetek* ‘чистая усадьба, не обремененная долгами’ [SSN 1: 267]); оставшегося в конечном результате дохода (*чистый доход, выигрыш, прибыль, чистоган*); времени (*чистое время* ‘без учета остановок’); веса (*чистый вес* ‘без учета упаковки и т. п.’); свободного от препятствий и преград пути (ст.-укр. *путь чисть* ‘свободный проход, проезд’ [ССУМ 2: 278]); безопасности (ст.-слав. **чистота** ‘безопасность’: **БЕСПЕЧАЛЬСТВИК И ЧИСТОТОУ НАМЪ УБѢЩА СЛОВО Б(О)ЖИК** [SJS 4: 872]); невиновности (*чист перед кем-либо*); откровенности (рус. *говорить начистоту* ‘без обиняков, без утайки’; дон. *выложить на чистую душу, гутарить по чистой* ‘то же’ [СРДГ 1: 88, 120]) и т. п.

Дальнейшая семантическая деривация приводит к абсолютизации этой позитивной оценки и трактовке *чистого* как соответствующего норме, правильного, образцового, хорошего, лучшего, настоящего (часто в сравнении с чем-то ненормативным, несовершенным, второсортным); при этом каритивный компонент (то, что отсутствует) теряет определенность или вообще устраняется. Ср. рус. *чистый пол* ‘верхний’ (он же *белый*) в противоположность нижнему (*черному*) полу; смол. *чистый мост* ‘верхний настил половых досок’ [ССГ 11: 112]; *чистая изба* ‘с трубой, не курная’ (ср. *черная изба* ‘курная’) [Даль 4: 1350, 1358]; *чистый* ‘лучший (о беличьих шкурках)’, *почище* ‘получше’, «Путь вам чистый!» (на дороге) [Там же: 1350–1351] (ср. пожелание «Счастливого пути!»); ряз. *в чисте жить* ‘благополучно, в достатке’: «Вы хоть пьживёте ф чисте» [Деулино: 598]; белор. диал. *чысты* ‘здоровый’: «Я чыстая стала, да расправілась, да поўная» [Янкова 1982: 415] (ср. ст.-словац. *čistiť* ‘лечить’: «Krisztus malomocných čistyl» <Христос лечил бедняков> [HSSJ 4: 217]); рус. волог. *чистый* ‘красивый, изящный’:

«Она вся на ходу, такая ходоватая женщина, она чище всех» [СРГК 6: 795]; польск. диал. *czysty* ‘красивый, прекрасный’: «Czysty trzy panny» <Три прекрасных панны>, «Straśnie cyste jabka» <Необыкновенно прекрасные яблоки>, «Ubiór cystu» <Красивый наряд> [SGP 5/14: 260]; рус. сиб. *чистобай* ‘о том, кто хорошо, красиво говорит’ (ср. *краснобай*), *чисто* ‘хорошо, отлично’: «Он алтайский язык чисто знает» [СРГС 5: 297]; белор. диал. *чысты* ‘верный, надежный’: «Самэ чыстэ дзело — зварыў, жжарыў да з’еў свежы грыб» [ТС 5: 307].

Каритивная семантическая модель, допускающая мену каритивного компонента (того, что отсутствует) и далее полное его устранение, закономерно приводит к появлению у многих каритивов семантики интенсивности, предельного проявления сущности определяемого предмета. В этих значениях *чистый* обнаруживает особую близость к «абсолютному» каритиву *пустой* [Толстая 2008: 94–95] — во многих контекстах и употреблениях они оказываются взаимозаменяемыми, несмотря на противоположные векторы их оценочной семантики. Показательным признаком отрыва от конкретной денотативной соотнесенности каритивов и утраты ими номинативной функции является их употребление в функции наречий степени и далее — частиц и союзов. Ср. рус. дон. *чисто* ‘совершенно, совсем’: «У нас все чиста козы пуховый» [СРДГ 3: 194]; ленингр. *чисто* ‘сильно’: «У меня шум в ушах еще чище с аппаратом» [СРГК 6: 794] (ср. *пуще*); перм. *чисто* ‘совершенно, совсем’: «Ноне зима-то шибко морозная была, чисто всю воду заморозило и в ведрах, и на улице — везде» [СПГ 2: 532]; до *чисточки*, до *чистечка* ‘все, до последнего, дочиста’: «В войну-то, бывало, всё до чисточки уберём, весь хлеб. А теперь-то половина на полях остаётся» [ФСПП: 418]; волог. *чисто* ‘совершенно, совсем’: «Чисто пауты заели», ‘без остатка, полностью’: «Здись-то топерь всё чисто выпили, дак поехали пить вино в другую деревню» [СВГ 12: 47]; пск. *чисто* ‘то же’: «Чисто зря, чисто зря!» [Королева 2: 114]; брян. *чисто* ‘то же’: «Усе чыста папаели» [Расторгуев 1973: 285]; сиб. *чисто* ‘то же’: «Стары, дак никому чисто не нужны» [СРГС 5: 297]; укр. *чисто* ‘полностью’: «Вибрав усю чисто воду» [Гринченко 4: 464]; белор. диал. *чысто*, *чыста* ‘то же’: «Дзярэўні былі чыста

ў лясу» [СПЗБ 2: 443]. Ср. еще рус. разг. *подчистую*, *вчистую*, *начисто*, (*получить*) *чистоганом* (о деньгах) в значении ‘совершенно, в полной мере, до конца’. Аналогичные значения имеет наречие (частица) *чисто* в других славянских языках, ср. словац. диал. *čisto* ‘целиком, полностью, абсолютно’, *na čisté čisto*, *do čista čisteho*, *na čisto* ‘то же’ (букв. «дочиста») [SSN 1: 268], чеш. диал. *na čistě čisto* ‘то же’: «Na čistě čisto je hlupý» <Он полный дурак> [КЧДС].

Семантика предельности может иметь как максимальное (‘весь, полностью, совершенно’), так и минимальное (‘один лишь, только, всего лишь, исключительно’) измерение, ср. рус. сиб. *чисто* ‘только, лишь’: «Щас кто у нас остался из наших? — Костя чисто, остальных всех на войне поубивало» [СРГС 5: 297]; ряз. «Йа йаво кармила чистым хлепцам» (т. е. одним только хлебом) [Деулино: 598]; чеш. *čistě* ‘только, исключительно’: «To je čistě moje věc» <Это исключительно мое дело> [ЧРС 1: 100].

Одним из распространенных значений *чистого* оказывается значение полного сходства, подобия, которое может выражаться как прилагательным (‘такой же, как; настоящий, вылитый’), так и сравнительным союзом (‘точно, как будто, словно’), ср. рус. урал. *чистый* ‘полностью подобный кому-л., чему-л.’: «Не старуха, а чиста кареньга» [СРГСУ 7: 33]; волог. *чистая лешачиха* (букв. «прямо как лешачиха» — об очень неаккуратной, неопрятной женщине) [СВГ 12: 48]; ряз. *чистый* ‘то же’: «Буря — прямо ураган чистый», *чисто* ‘словно, будто, совсем как’: «Ты чисто ходиш нишший з баникъм» [Деулино: 598]; сиб. «А молоко-то там дают, чисто вода» [СРГС 5: 297]; белор. диал. «Як чысты паляк гаворыць — ня поймяш» [СПЗБ 5: 444], тур. *чысты* ‘вылитый’: «Чысты бацько, у бацька удаўса» [ТС 5: 308]; чеш. диал. «Ty si mi čistýj ženich!» <Ты у меня прямо настоящий жених>, «Náš general byl čistěj chlap» <Наш генерал был чистой воды мужик> [КЧДС].

Во многих значениях *чистый* оказывается синонимичным другим каритивам, ср. *всухую* и *подчистую*; *почище* и (*еще*) *пуще*; с.-х. *пресна лаж* и рус. *чистая ложь*; чеш. *čistý čaj* и рус. *пустой чай* (без сахара); рус. *чистое золото* и серб. *суво злато*

(букв. «сухое золото»); рус. диал. *чистый хлеб* и *сухой хлеб* ‘один лишь хлеб’ [КСРНГ], чеш. диал. *suchý chléb* ‘то же’ [КЧДС]; польск. *wyjść na czysto* [SJPD 1: 1189] и *wyjść na sucho* [SJPD 8: 894] ‘выйти сухим из воды’; словен. *biti suh* ‘не иметь денег’ [SSKJ 4: 1005], чеш. диал. *být na suchu* ‘то же’ [Zaorálek 1963: 374] и словац. *byť čistý* ‘не иметь денег’ [SSJ 1: 214], диал. «Ja som čist» <У меня ни гроша> [SSN 1: 267]; словац. диал. *má čistú hlavu* (букв. «у него чистая голова») ‘о трезвом человеке’ [Там же] и рус. диал. *на суху* ‘то же’ [КСРНГ] и др.

Возвращаясь к выражению *чистая правда*, употребительному во всех славянских языках, можно констатировать, что оно связано мотивационными отношениями как с каритивной линией семантической деривации (благодаря коннотативному смыслу ‘правда без прибавлений и искажений’), так и с линией «интенсивности» (ср. *сущяя правда*), в отличие от выражения *чистый вымысел*, где *чистый* не обнаруживает каритивной составляющей в своем значении и может быть определен как ‘полный, совершенный’. Отметим еще, что в средневековых текстах встречается *чистина* в значении ‘правда, истина’, *въ чистинѣ*, *по чистинѣ* ‘поистине, действительно’ [SJS 4: 871], которое позволяет трактовать выражение *чистая правда* как тавтологическое с усилительным акцентом (ср. *истинная правда*).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РУС. *НАЙТИ*

В словарях современного русского языка глагол *найти*₁ с общим значением события (*найти* *нужную книгу*) и глагол движения *найти*₂ со значением действия (*туча* *нашла* *на солнце*, *часто находят* *грустные мысли*, *нашло* *много народу*) трактуются как омонимы, между тем как в исторических словарях такое разделение не проводится. Обращает на себя внимание, что некоторые, в том числе наиболее распространенные в современном языке значения (такие как ‘найти, обнаружить’, ‘открыть, сделать открытие’), в прошлом занимали периферийное положение в семантической структуре глагола или же вовсе отсутствовали; многие значения и устойчивые сочетания появились сравнительно поздно, в недрах книжного языка и нередко под влиянием других языков. Семантическая история этого глагола, безусловно, очень интересна, но и слишком сложна, чтобы здесь ее обсуждать даже в общих чертах. В настоящих заметках речь будет идти только о «событийном» глаголе *найти*₁ и его семантических связях с другими глаголами.

Семантическая структура этого глагола отличается не только сложностью — наличием большого числа значений, плохо поддающихся иерархическому упорядочению, но и (в части случаев) непрозрачностью смысловых связей между значениями. Это отражают дефиниции, предлагаемые толковыми словарями: они не совпадают ни по числу выделяемых значений, ни по порядку их приведения, ни по способу толкования через синонимические ряды. Достаточно привести список глаголов, используемых в этих дефинициях, чтобы получить представление о множественности и разнородности семантических связей этого глагола: *отыскать*, *обнаружить*, *увидеть*; *получить*, *приобрести*; *подыскать*, *подобрать*; *определить*, *открыть*; *добиться*; *застать*, *увидеть*, *встретить*; *получить*, *испытать*; *счесть*, *признать*, *составить мнение*; *решить*, *захотеть*, *вздумать*; *настигнуть* и нек. др. [см.: БАС; МАС]. Каждый из этих глаголов может заменять глагол *найти* в каких-то конкретных контекстах и, следовательно, выступать его окказиональным синонимом. Анализ этого

«синонимического поля»¹ может пролить свет на семантические свойства интересующего нас глагола и помочь в установлении признаков, разграничивающих его отдельные значения. Ниже будут кратко рассмотрены отношения глагола *найти* с некоторыми из его синонимов, наиболее существенные для характеристики его семантической структуры.

Найти и встретить. Семантическая близость этих глаголов основана на общности обозначаемой ими прототипической ситуации, которую можно определить как «вступление в контакт» кого-либо с кем-либо или чем-либо в некотором локусе (в некоторое время). При этом предполагается движение субъекта в сторону объекта² и зрительный контакт: *найти* и *встретить* — это прежде всего *увидеть* (хотя можно *найти* кого-л. (но не *встретить*) по телефону, по переписке и т. п.). Прототипический субъект в обоих случаях — человек; прототипическим объектом для *найти* является предмет, тогда как для *встретить* — человек, поэтому *встретить* может предполагать ответную реакцию объекта (*я встретил приятеля* означает, что или мы оба остановились и поговорили, или что приятель по крайней мере тоже заметил меня), для *найти* это не характерно. Другие, непрототипические, объекты (люди для *найти*, предметы для *встретить* и абстрактные сущности для обоих глаголов) соответствуют особым, вторичным, значениям глагола и дополнительным параметрам или другим акцентам описываемой ситуации. Так, при «человеческих» объектах глагола *найти* усиливается компонент видения и знания (*найти человека* значит прежде всего узнать, где он находится, и затем — вступить с ним в контакт);

1 Понятие синонимического поля многозначного слова соотносится с понятием синонимического ряда отдельной лексемы многозначного слова, представляя собой сумму синонимических рядов отдельных лексем. В таком понимании синонимическое поле может служить одним из инструментов исследования лексической многозначности.

2 Более отчетливо это выражено у *встретить*, но и для *найти* мотив движения, поддерживаемый этимологией и внутренней формой слова, во многих случаях остается релевантным.

«предметные» объекты глагола *встретить* активизируют компонент движения и ослабляют чисто локативный компонент (*встретить на пути, по дороге* и т. п.). В случае «абстрактных» объектов (*найти, встретить помощь, поддержку* и т. п.) глаголы, напротив, утрачивают прототипические составляющие, такие как движение, зрительный контакт и т. п.

Эти глаголы различны по своей «классовой принадлежности»: *найти* в большинстве своих значений и употреблений (исключение составляет только *найти* как глагол мнения) относится к фундаментальному классу событий (которые не имеют протяженности во времени), тогда как *встретить* может относиться и к классу событий, и к классу занятий (*встречать на вокзале*), которые мыслятся как протяженные во времени; соответственно, формы несовершенного вида в первом случае имеют значение многократности (*часто встречал этого странного человека*), а во втором — длительности (*встречал два часа — поезд опоздал*). При этом для глагола *встретить* значение «занятие, приводящее к событию как его результату» обозначается тем же глаголом несовершенного вида (*встречать*), тогда как для *найти* таким «глаголом занятия» оказывается супплетивная глагольная лексема *искать*³. В событийном значении оба глагола закономерно не сочетаются с наречиями времени типа *долго, быстро*: можно сказать *кто-то долго встречал кого-то на вокзале; замерз, пока встречал*, и т. п., но *быстро нашел, долго не мог найти* означает ‘недолго искал’ или ‘долго безрезультатно искал’. *Он легко нашел в книге нужную цитату = Он искал недолго* [ср.: Богуславский, Иомдин 2000].

Оба глагола могут обозначать как преднамеренное (контролируемое, целенаправленное), так и непреднамеренное

3 Ср.: «Деятельность у *найти* (в контролируемом значении) выражается глаголом *искать*, который означает примерно следующее: X ищет Y ≈ ‘просматривает одно за другим те места, в которых, предположительно, мог бы находиться Y’. Ситуацию “X ищет Y” русский язык (как, впрочем, и многие другие) не концептуализирует как деятельность с дискретной целью, которая бы обеспечила глаголу *искать* входение в предельную пару» [Падучева 2004: 478]. *Деятельностью* здесь называется то, что мы называем *занятием*.

(неконтролируемое, нецеленаправленное) событие: можно *найти* кого-л. или что-л. в результате поисков, а можно случайно столкнуться или натолкнуться на них; *встретить* также можно намеренно (например, выйти к воротам, ожидая прихода гостя) или случайно. Непреднамеренные *найти* и *встретить* управляют «определенными» объектами, представляющими собой конкретные предметы или лица, существующие в своем качестве независимо от субъекта и его действий, и не несут на себе фразового ударения (*нашел на улице кошелек*); тогда как в случае преднамеренности глаголы могут акцентироваться (*наконец нашел затерявшуюся книгу*). Преднамеренное *найти* является результатом занятия *искать*, а преднамеренное *встретить* — результатом занятия *встречать*. В этом случае у *найти* возможен как определенный, так и неопределенный (подбираемый по некоторым заданным свойствам) объект: можно искать и найти конкретную потерянную вещь, а можно искать и найти работу, подходящую по характеру деятельности, условиям, оплате и т. д., искать и найти няню, учителя, занятие и т. п., выбирая из множества возможностей⁴. При конкретном, определенном объекте тоже присутствует некоторый выбор, но это выбор не между объектами, а между локусами одного, искомого объекта. Подобный «выбираемый» объект для *встретить* не характерен.

Глаголы *найти* и *встретить* могут управлять также абстрактными объектами, обозначаемыми предикатными именами. Они оказываются взаимозаменяемыми в следующих выражениях: *найти поддержку в ком-л.* = *встретить поддержку в ком-л.*, *найти сочувствие у кого-л.* = *встретить сочувствие у кого-л.*, *найти одобрение* = *встретить одобрение*, *найти понимание* = *встретить понимание* (ср. *искать сочувствие, поддержку, понимание*). Однако нельзя **найти*

4 Ср. *найти няню* (конкретную женщину, куда-то отлучившуюся) и *найти няню для ребенка* (женщину, подходящую для выполнения функции няни); в первом случае поиск будет состоять в переборе мест, где может находиться няня; во втором — в переборе лиц, подходящих на роль няни. Последнее значение сближает *найти* с глаголами выбора, ср. различие между «внешним» и «внутренним» объектом во фразах типа *выбрать Петра* и *выбрать старосту* в работе [Апресян 1999: 643–644].

отпор, хотя можно *встретить отпор*, нельзя **найти сопротивление* при нормальном *встретить сопротивление*. Это объясняется тем, что *найти*, в отличие от *встретить*, включает семантический компонент 'хотеть', наследуемый от его коррелята *искать* (ср. болг. *искам* 'хотеть', рус. *искать знакомства* 'хотеть познакомиться' и т. п.), поэтому *найти* сочетается только с именами тех ситуаций, которые могут быть желанными (ср. *найти приют, пристанище, опору, отраду, удовольствие, удовлетворение, подход, доступ* и т. п.)⁵. *Встретить* в этом отношении нейтрален, он не содержит субъективного оценочного компонента и потому может сочетаться с именами как положительно, так и отрицательно оцениваемых ситуаций. С другой стороны, нельзя **встретить удовольствие* при возможности *найти удовольствие* или **встретить выход из положения*, **встретить решение* и т. п. при нормальном *найти выход из положения, найти решение*, что связано с «реципрокным» значением *встретить*, предполагающим наличие второго субъекта, тогда как в случае нахождения удовольствия, решения или выхода действует один субъект.

Найти и обнаружить. Семантическая структура глагола *обнаружить* подробно рассмотрена в работе Е. В. Падучевой [2004: 243–251], где выделены два смысловых блока (каждый с дальнейшим членением): первый — с общим значением 'увидеть, заметить' (*Геолог обнаружил в тайге следы тигра*), второй — с общим «каузативно-конверсивным» значением 'сделать видимым, заметным' (*Берлиоз обнаружил солидную эрудицию*)⁶. С глаголом *найти* семантически коррелирует только первый блок значений глагола *обнаружить*. Общность двух глаголов определяется следующими их свойствами. Оба глагола

5 Этому, казалось бы, противоречат выражения *найти (свою) смерть, найти конец* («Младой певец нашел безвременный конец» <Пушкин. Евгений Онегин>), *найти себе могилу*, однако здесь речь идет о «непреднамеренном» *найти*.

6 Большинство примеров в этом разделе заимствовано из указанной работы Е. В. Падучевой.

содержат компоненты 'видеть' и 'знать', но у *найти* второй компонент пребывает в латентном состоянии и проявляется отчетливо только в его семантическом деривате со значением мнения (*нашел, что это невыгодно*), тогда как у *обнаружить* он выражен сильнее и присутствует практически во всех употреблениях. Оба глагола могут выражать как непреднамеренное (случайное), так и преднамеренное событие; в случае преднамеренности и *найти*, и *обнаружить* являются результатом одного и того же целенаправленного занятия, а именно поиска, т. е. оба глагола оказываются семантически производными от глагола *искать*.

Однако в зависимости от характера объекта и занятие *искать*, и оба результирующих события — *найти* и *обнаружить* — могут иметь разный смысл. При определенном, конкретном объекте *искать* будет подразумевать перебор всех мест, где может находиться искомый объект, соответственно, *найти* и *обнаружить* будут означать установление того единственного места, где искомый объект находится, и тот или иной способ вступления с ним в контакт (тот или иной способ «присвоения» объекта — термин Ю. Д. Апресяна). Как уже было сказано выше, глагол *найти* может подчинять не только определенный, конкретный объект, но и объект, выбираемый по тем или иным параметрам, в этом случае занятие *искать* будет предполагать перебор не возможных локусов, а возможных объектов, удовлетворяющих искомым признакам. Такой «выбираемый» объект для *обнаружить* не характерен.

Оба глагола в их «преднамеренном» значении⁷ могут подчинять себе также абстрактный объект, выражаемый предикатными именами и обозначающий, по существу, целую ситуацию в свернутом виде. Так, в предложении *На заводе обнаружили растрату* глагол означает событие, которое может пониматься и как непреднамеренное (случайное), и как преднамеренное, явившееся результатом проверки. Однако в последнем случае «занятие»,

7 При обозначении непреднамеренных (случайных) событий объект всегда определенный и конкретный (*Отодвинув занавеску, он обнаружил потайную дверь; Взглядевшись в берег, он обнаружил хижину; Он обнаружил в документе ошибку* и т. п.).

приведшее к обнаружению растраты, не может считаться целенаправленным, так как это была проверка вообще, а не поиск растраты. Значит, объект не является в данном случае определенным и конкретным, а вся фраза может пониматься как *На заводе обнаружили, что произошла (имела место) растрата*. Во фразе *При повторном исследовании медицинский эксперт обнаружил присутствие в теле яда* (= что в теле присутствует яд) объект также носит не конкретный, а абстрактный характер. Медицинское обследование, хотя и является «занятием», приведшим к обнаружению каких-то отклонений в организме больного, не может тем не менее пониматься как целенаправленный «поиск» именно данной патологии, потому что целью обследования является установление причины болезни (выбор из возможных причин), а не конкретного отклонения.

Глаголы *найти* и *обнаружить* объединяет также характерный для обоих переход в класс глаголов мнения, что объясняется доминирующим в семантической структуре каждого из них компонентом ‘видеть’ (ср. *Он только теперь обнаружил, до какой степени был одинок*), который лежит в основе ментального значения глагола *видеть*. Отличие между ними в этом случае состоит в более динамическом характере значения у *обнаружить*, выражающего обретение нового знания о мире (ср. отсутствие актуального настоящего), тогда как у *найти* преобладает семантика ментального состояния (*Он находит, что это бесполезно*).

Главным семантическим различием этих глаголов можно считать то, что у *обнаружить* отсутствует компонент «присвоения» объекта в какой бы то ни было форме, который характерен для *найти* и актуализируется во многих его значениях и употреблениях (некоторые из них уже были названы выше — таковы употребления с «выбираемым» объектом).

Находить и считать. В рамках семантической структуры глагола *найти* – *находить* ментальное значение выделяется прежде всего тем, что оно «переводит» глагол из исходного для него класса событий в класс (ментальных, путативных) состояний (*Я нашел / нахожу эти доводы убедительными*)

и сообщает ему способность подчинять придаточное предложение (*Он нашел / находит, что это слишком дорого*). Заметим, что «событийное» *найти* может управлять только творительным падежом (*Я нашел дверь открытой; Я нашел комнату прибранной*), но не придаточным (**Я нашел, что дверь открыта; *Я нашел, что комната прибрана*), которое сразу сообщает глаголу неуместное в данном случае ментальное значение. Наоборот, глагол *обнаружить*, не знающий перехода в разряд глаголов мнения (как и его синоним *заметить*), плохо или вовсе не сочетается с творительным падежом (**Я обнаружил / заметил дверь открытой*, ср. *Я обнаружил / заметил открытую дверь*) при нормальной конструкции с придаточным (*Я обнаружил / заметил, что дверь открыта*).

Ментальному значению глагола *находить* в литературе уделено немало внимания; при этом отмечается универсальный характер семантического перехода ‘находить’ → ‘иметь мнение’, а также общая закономерность развития ментальных значений на базе глаголов (метафоры) движения [Зализняк Анна 2006: 68, 405]. Смысловое и формальное соотношение этих глаголов и место *находить* во всем синонимическом ряду глаголов мнения подробно рассмотрены в статье Ю. Д. Апресяна «*Считать*₂» в словаре синонимов [НОСС: 1129–1132], где указаны свойства *находить*, отличающие его от других членов синонимического ряда (как ближайших *считать*, *думать*, *полагать*, так и более далеких *рассматривать*, *смотреть*, *усматривать*, *видеть*). Наиболее близким к *находить* по своим семантическим характеристикам является *считать*: оба глагола способны вводить квалифицирующие (оценочные) суждения и управлять конструкцией с творительным падежом (*считать / находить кого- / что-л. каким-л.*); при этом *находить*, в отличие от *считать*, не используется в «гадательных» контекстах (**Он находит, будто все им восхищаются*); предполагает обязательное непосредственное восприятие или созерцание объекта (откуда сомнительность употреблений типа *??Я нахожу его совершенно чужим человеком*); не употребляется в будущем времени и в предложениях с модальностью возможности (**Я нахожу, что он вам поможет*); требует наличия внешнего наблюдателя; не сочетается с наречиями

верно, правильно, справедливо, напрасно, иначе, так; не сочетается с фазовым глаголом *начинать* и предикативным словом *склонен* (**Я начинаю находить...*, **Я склонен находить...*).

Как представляется, некоторые из этих отличий могут быть объяснены различием статуса выражаемых этими глаголами мнений: у *считать* это твердое убеждение, за которым стоит основательное размышление, взвешивание аргументов и разностороннее оценивание, претендующее на объективность, тогда как *находить* выражает субъективное и более осторожное, менее категоричное мнение, не претендующее на объективность: *я нахожу* \approx *мне представляется, мне кажется*. Отсюда невозможность сочетания с наречиями истинностной оценки (ср. **Вам справедливо кажется*, **Вам напрасно кажется* и т. п.). Второе важное отличие: *находить* выражает мнение, полученное в результате ментального акта *найти* — «мгновенного» и неожиданного озарения, нахождения, открытия, обнаружения (*нашел* и теперь *находит*, как *узнал* и теперь *знает*, *понял* и теперь *понимает*), в то время как мнение, выражаемое глаголом *считать*, может быть сформировано на основе многих актов осмысления и оценки ситуации или объекта. Таким образом, глагол *найти* – *находить* в ментальном значении может считаться производным от «непреднамеренного» глагола *найти* – *находить*, выражающего случайное, внезапное, не подготовленное сознательными поисками событие (ср. сомнительность фразы ^{??}*Я долго думал и нашел, что он прав*)⁸.

8 Анна А. Зализняк возводит ментальное значение *найти* – *находить* не только к «событийному», но и к «кинетическому» значению, т. е. к *найти* как глаголу движения: «Переход от кинетического значения *найти* <на что-то> (*нашла коса на камень*) к ментальному осуществляется через посредство промежуточного звена — значения обнаружения (потерянного) предмета (*найти иголку в стоге сена*). Переход от значения обнаружения к значению мнения осуществляется, по-видимому, через конструкцию с творительным предикативным, ср. *Я пришел к нему вчера и нашел его вполне здоровым* = ‘... он был здоров’ и/или ‘пришел к мнению, что он здоров’» [Зализняк Анна 2006: 71]. Мне кажется, что на роль промежуточного звена больше подходит «непреднамеренное» нахождение, которое ближе к «кинетическому», чем «преднамеренное» нахождение потерянной вещи посредством поиска, и к тому же его объединяет с ментальным значением смысловой компонент «неожиданность».

Найти и получить. Семантический компонент обладания присутствует у *найти* неявно, однако в толкованиях он последовательно отмечается. В [МАС] отдельным, третьим значением *найти*₁ дается ‘получить, обрести’, которое подкрепляется примерами устойчивых сочетаний: *найти применение, найти отражение, найти опору (отраду, удовлетворение)* и т. п. Действительно, в большинстве этих выражений *найти* может быть заменено на *получить*: *найти / получить применение, отражение, удовлетворение, удовольствие, одобрение, признание, отклик, защиту, уют, пристанище, поддержку, доступ* (но только *найти: опору, отраду, сочувствие, понимание, подход, управу*; только *получить: отпор, распространение*). В данном случае оба глагола употребляются в разных значениях: связочном (*найти / получить применение, отражение, одобрение, признание, поддержку, защиту, понимание* = *быть примененным, отраженным, одобренным, признанным, поддержанным, защищенным, понятным*), собственно лексическом значении ‘начать иметь’ (*найти / получить отклик, уют, пристанище, доступ*; ср. *найти / получить доступ* ≠ *быть, стать доступным*), наконец, в значении ‘испытать’ (*найти / получить удовлетворение, удовольствие* = *испытать удовлетворение, удовольствие*). В первом случае объект выражается именами предикатов, сохраняющими глагольную семантику (семантику глагольного действия); во втором — отглагольными именами с непредикатным (в семантическом смысле) значением (*уют, пристанище, опора, доступ, управа*); в третьем — именами внутренних состояний (*удовольствие, удовлетворение, отрада*). Отсутствие **получить опору, выход из положения* и т. п. при нормальном *найти опору, выход из положения* и т. п. может быть объяснено нерелевантностью в этом случае требуемого глаголом *получить* второго актанта (того, кто предоставляет, дает опору, выход). Напротив, в ситуации, обозначаемой выражением *найти сочувствие, понимание*, роль второго актанта (того, кто понимает и сочувствует) очевидна, однако выражение **получить сочувствие, понимание* аномально. Возможно, это объясняется именно семантикой обладания глагола *получить*, в соответствии с которой выражение *получить сочувствие* должно было бы предполагать один и тот же субъект получения и сочувствия

(ср. в *найти сочувствие* субъект нахождения \neq субъекту сочувствия). В свою очередь, отсутствие **найти (широкое) распространение* при нормальном *получить (широкое) распространение* следует связывать с преимущественной или исключительной ролью второго актанта (субъекта *распространить*) и «затушеванностью» или полной отключенностью роли первого актанта (субъекта *найти*), ср. *найти / получить применение* с активным первым актантом в случае *найти* и активным вторым актантом в случае *получить* (субъект нахождения \neq субъекту применения). Что же касается отсутствия **найти отпор* при нормальном *получить отпор*, то за ним стоит вполне понятный мотив — невозможность «искать» отпор, сопротивление и т. п.

Между тем и во многих свободных употреблениях глагола *найти* смысл получения и приобретения легко усматривается. В особенности это характерно для нахождения, сопряженного с выбором, который предполагает ту или иную форму «присвоения» объекта: *найти работу, заместителя, помощника, няню* и т. п. означает включить (получить) их в свою сферу, сделать своими. Однако и в других видах преднамеренного или случайного нахождения конкретных объектов присутствует идея присвоения: *найти на дороге кошелек* означает взять его (в противном случае ситуация была бы обозначена иначе: *увидеть, заметить кошелек*). Наконец, смысловой компонент обладания отчетливо выражен в антонимичном глаголе *потерять*, который в качестве presupпозиции включает предшествующее обладание потерянным объектом (ср. *Не знаешь, где найдешь, где потеряешь*), следовательно, в случае преднамеренного поиска потерянного предмета *найти* обязательно также включает смысл «получить, обрести»⁹.

9 Семантика обладания отмечается и во «временном» значении *найти* (*выбрать, найти, выкроить время*), ср. «Из всех синонимов ряда только *найти* свободно употребляется в отрицательных предложениях в форме несовершенного вида. При этом его значение сдвигается в сторону 'иметь', особенно в сочетании с наречиями степени признака типа *совершенно, совсем*. Ср. *Он (совершенно) не находил времени для занятий спортом*» [НОСС: 197]. Показательно также, что в русских диалектах и других славянских языках *найти* получает значение 'родить' (с очевидным смыслом обретения): «Найти сына, дочь» [СРНГ 19: 301] (см. также [Толстая 2008: 290–296]).

Найти и выбрать. О смысловом компоненте «выбор» обычно говорится в связи с отдельным значением глагола *найти*, а именно со значением времени: *найти время* (для чего- / кого-л.) синонимично выражению *выбрать время* (для чего- / кого-л.). Для *выбрать* это значение описано Ю. Д. Апресяном в словаре синонимов [НОСС: 195–198], где определены также и отличия *выбрать* (как самого «общего» члена синонимического ряда) от *найти*. Главное отличие состоит в том, что в *найти* акцентируется трудность выбора времени (*Он с трудом нашел время для встречи; Он совершенно не находил времени для занятий спортом* и т. п.), что согласуется с семантикой поиска как специального занятия, приводящего к нахождению нужного времени, тогда как в случае *выбора* времени никакого акцента на поиске и его трудности нет.

Как было показано выше, семантика выбора присутствует и в других значениях глагола *найти*, а именно в случаях преднамеренного *найти* с неопределенным объектом (*найти работу*). Это значит, что семантическая связь этих двух глаголов носит более глубокий характер.

Рассмотрение некоторых семантических коррелятов глагола *найти* – *находить* приводит к выводу о необходимости выделения по крайней мере следующих самостоятельных лексем (в смысле Ю. Д. Апресяна):

1. *найти* со значением непреднамеренного (случайного) события (*нашел дверь открытой*);

2а. *найти* со значением преднамеренного события с определенным объектом (*с трудом нашел свои документы*);

2б. *найти* со значением преднамеренного события с неопределенным объектом (*найти работу*);

3. *найти* с ментальным (путативным) значением (*нашел доводы убедительными*);

4. *найти* со значением преднамеренного события с объектом «время» (*с трудом нашел время для встречи*).

При этом отдельные смысловые компоненты оказываются не жестко закрепленными за разными лексемами, а «распыленными» по разным лексемам многозначного слова.

СЛАВ. **SVOJĚ*: СЕМАНТИКА И АКЦИОЛОГИЯ

Слово **svojě* известно всем славянским языкам и диалектам прежде всего в посессивном значении — это притяжательное местоимение, отличающееся от личных притяжательных местоимений *мой, твой, его, ее, наш, ваш, их* своей соотносительностью со всеми лицами (с любым лицом); в русском языке каждое из личных притяжательных местоимений в определенных условиях (при совпадении субъекта действия, выраженного управляющим словом, с посессором управляемого объекта) должно быть заменено на *свой*: «Я высказал **мое** мнение» > «Я высказал **свое** мнение»; «Они защищают **свои** права» (защищают те же, кому принадлежат права), но «Они требуют уважать **их** права» (уважать права должны не те, кому права принадлежат). Иначе говоря, *свой* — это не просто шифтер (как всякое местоимение), но, можно сказать, шифтер в квадрате.

Ситуация посессивности включает два главных компонента («участника»): это субъект, тот, кому нечто принадлежит (посессор), и объект, т. е. то, что принадлежит посессору (в элементарных посессивных выражениях *мое мнение* и *свое мнение* в приведенных выше примерах субъект и посессор — «я», объект принадлежности — «мнение»). В семантическом спектре славянского слова *свой* каждый из этих «участников» ситуации может иметь разную природу и разный объем, соотноситься с разными денотативными сферами. Кто может быть **субъектом** (посессором) «своего»? Прежде всего человек как отдельный индивидуум или люди как объединения разного типа и масштаба. Очень ограниченно субъектом «своего» могут быть животные, растения, явления природы, артефакты и абстрактные сущности. Если, например, у собаки может быть своя будка, у птицы — свое гнездо или свои птенцы, то у растений уже очень мало своего: своими оказываются разве что части растений — береза может развесть *свои* ветки или сбросить *свою* листву; солнце может осветить землю *своими* лучами и т. п. (в этих случаях часто имеет место антропоморфизирующая метафора, т. е. уподобление человеку). Как правило, для предмета (артефакта) *своими* могут быть его части (ср. *дом со своими узкими окнами*), а также разного рода его

параметры или другие внешние и внутренние характеристики (ср. *дом выделялся своей высотой, роман привлекает своим сюжетом*). Далее нас будет интересовать только сфера *своего* применительно к человеку, поскольку именно она порождает вторичные, в том числе культурные и оценочные, значения слова.

Соответственно этому область **объектов** *своего* для каждого отдельного человека (того, что может быть для него *своим*) можно представить в виде концентрических кругов: центром этой концентрической конструкции будет сам человек и то, что принадлежит ему лично, прежде всего его собственное тело. Следующий круг будет состоять из его ближайшего окружения (*своя семья, свой дом*), далее будет идти более широкий круг родственников (*свой род*), затем будет идти круг близких, соседей, знакомых (*своя улица, свой круг общения, круг единомышленников и т. п.*), за ним — круг односельчан или вообще земляков, далее — круг людей, связанных с ним этнической, языковой, конфессиональной и т. п. общностью (*свой народ, своя страна*), и, наконец, весь род человеческий, весь земной мир в противоположность «иному», потустороннему. Такое представление соответствует языковой категоризации — язык выражает эти отношения именно в категориях пространства (ср. *близкое* и *дальнее* родство, *близкие* как обозначение людей, связанных самыми тесными узами; польск. «Cudze za lasem, a swego nie widzi pod nosem» <Чужое (видит) за лесом, а своего не видит под носом> [Skorupka 2: 357]). С другой стороны, если каждый индивидуум имеет свою личную область и, значит, мы имеем столько личных областей (столько разных объектов «своего»), сколько существует людей, то по мере удаления от центра становится все меньше разных «своих» объектов: семья — это уже общее достояние не одного, а нескольких человек, народ — это то, что является «своим» для очень большого числа людей, а человечество и земной мир — одни для всех (чем больше субъектов *своего*, тем меньше объектов и тем они более «крупные» и более «общие»). И вместе с этим снижается «степень посессивности», т. е. с каждым кругом у субъекта становится все меньше «своего».

Каждому из названных кругов соответствует некоторая граница, отделяющая *свое* от «не своего», при этом первая,

самая узкая граница отличается от других, потому что личная сфера индивидуума отделена не от *чужого*, а от *иного* — от такой же личной сферы другого человека, даже и своего, близкого, родного. Дальнейшие границы по мере удаления от центра становятся все более жесткими: если за границей *своего* личного мира лежит область *своих* близких, *своего* дома, то за следующей границей — уже область *чужого* — *чужой* семьи, *чужой* улицы, *чужого* села, народа и т. д.

Вместе с тем содержание признака «свой» тоже неодинаково: если в первом, самом узком кругу *свой* означает ‘принадлежащий мне, индивидууму’ (*свое тело*), то в остальных случаях скорее наоборот — *свой* означает принадлежность индивидуума (субъекта) к данному кругу (*своя семья* — не то, что принадлежит тебе, а то, к чему ты принадлежишь; то же можно сказать о роде, народе, человечестве).

Далее эти круги будут рассмотрены на русском и польском материале (лексическом и фразеологическом). В языке особенно подробно разработано понятие «своего» применительно к узким сферам — индивидуальной и семейной.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СФЕРА

С в о е т е л о. Для человека своим в самом первом и самом прямом смысле этого слова является его тело. Тело — это то, что ему принадлежит, по отношению к чему он является безусловным пессором (ср. у Мандельштама: «Дано мне тело — что мне делать с ним, / Таким единым и таким моим»). Тело и его части метонимически замещают самого человека: рус. (*навлечь неприятности*) *на свою голову, на свою шею* (т. е. на себя), (*взять*) *в свои руки, (почувствовать) на своей шкуре, (не видеть) дальше своего носа; (одарить) со своего плеча*; польск. *ratować swoją skórę* (= siebie) ‘спасать свою шкуру = себя’, *brać się o swoją skórę* (= o siebie) ‘опасаться за свою шкуру = за себя’, *na swoją rękę* (букв. «на свою руку») ‘по-своему’, (*brać co*) *w swoje ręce* ‘брать что-л. в свои руки’ и т. п. [Skorupka 2: 249–250].

Благодаря этой метонимии *свой* стало синонимом *сам*, что особенно заметно в параллелизме сложных слов с первым компонентом *свое-* и *само-*: ср. рус. *своевольный* — *самовольный*,

своедельный — *самодельный*, *своеродный* — *самородный*, *своебытность* — *самобытность*, *своевластие* — *самовластие* и др., ср. еще кашуб. *svojixa* [Sychta 5: 193] и рус. *самогонка* (польск. *satogonka* из русского), а также трансформации типа рус. диал. *сам делал* — *своедельный* (*своедельский*, *своедельщина*), *сам копал* — *своекопанный*, *сам шил* — *своешитый*, *сам вязал* — *своевязанный*, *сам плел* — *своеплетый*, *сам кормил* — *своекормленный* и т. п. [СРНГ 36: 311–314]. Показательна также связь между *свой*, *сам* и *себя* в сложных словах — синонимах типа рус. *своелюбие*, *себялюбие* и *самолюбие*.

К узкому кругу «своего» относятся не только телесные, но и интеллектуальные, моральные и эмоциональные «органы» человека, такие как ум, воля, характер, ср. *жить своим умом*, *своеумник* ‘упрямый человек или эгоист’, *своенравный*, *своевольный* ‘капризный, упрямый’, *на свой страх и риск* и т. п. Русское выражение (*быть*) *не в своем уме* означает то же, что *быть безумцем*, *сумасшедшим*, при этом *свой* в этом выражении надо понимать не в посессивном значении (ибо *свой* ум не противопоставлен *чужому* уму), а в оценочном: ‘правильный, нормальный, не поврежденный, полноценный’. Это же значение представлено в выражениях *своя смерть*, *умереть своей смертью*, *не своя смерть*, польск. *umrzeć swoją śmiercią* ‘умереть своей смертью’, где *свой* также не имеет отношения к посессивности, а означает ‘естественный, натуральный, нормальный’; оппозиция *своей* (своевременной, когда человек изжил отпущенный ему срок) и *не своей* (преждевременной, насильственной) смерти наделяется в народной традиции мифологическим смыслом и соотносится с оппозициями «чистый — нечистый», «человеческий — демонический», «праведный — греховный». Интересно в этом ряду и русское выражение *сам не свой*: оно означает такое эмоциональное состояние человека, когда он находится в крайнем смятении, становится непохожим на самого себя, т. е. означает резкое отклонение от нормы (ср. также *не в своих чувствах*, *не в своем духе*, *не в своем уме* и т. п.); *кричать не своим голосом* значит ‘кричать сверхсильным, истощенным голосом’. Ср. еще рус. (*чувствовать себя*) *не в своей тарелке* (некомфортно), польск. *nie czuć się swojo* букв. «не чувствовать

себя по-своему», т. е. нормально, как обычно, где *свой* относится к эмоциональному ощущению человека, к привычному, знакомому, удобному, удовлетворяющему его состоянию.

Понятие «своей воли» (рус. *своеволие*, *своевольный*, польск. *swawola*, *swawolny*) получает в лексике и паремиологии религиозную трактовку и негативную оценку, поскольку *своя* (т. е. личная) воля человека противопоставляется *божественной* воле. Ср. польск. «Gdzie swawola panuje, tam niewinność szwankuje» <Где царит своеволие, там страдает невинность>; «Od swawoli głowa boli» <От свеволія болит голова>; «Swawola każdego zepsuje» <Своенаравие любого испортит>; «Swawola w piekle gore» <Своеволие в аду горит>; «Swawola wielka niewola» <Своеволие — великая неволя>; «Swawola do cudzowoli wiedzie» <Самоволие ведет к чужой воле> [НКРР 3: 356–357].

Личная сфера человека, обозначаемая словами *свой* и *сам*, включает также и всю его трудовую деятельность (ср. *жить своим трудом*, *плоды своего труда* и т. п.), и далее все, что составляет его *собственность* (т. е. одежда и другие личные вещи, дом, имущество, хозяйство, земля, скот и т. д.). Синонимия слов *свой* и *собственный*, так же как и синонимия *свой* и *сам*, свидетельствуется в русском языке параллелизмом сложных слов с первыми компонентами *свое-* и *собственно-*, ср. рус. *своеручный*, *собственно-ручный* и устар. *саморучный* ‘сделанный своими руками’, а также *своеземец* ‘мелкий собственник земли’ [БАС 13: 427]. В этих значениях *свой* часто соотносится с *домом*, что весьма показательно, ср. кашуб. *swojak* ‘крестьянин, владеющий домом и участком земли’ [Sychta 5: 193] — то же, что рус. *собственник*; рус. диал. *свойский* ‘домашний’: «Свойские пчель»; «Как дикий гусак посреди свойских» [СРНГ 36: 319], арханг. *своерощенный* ‘выращенный (или сделанный) в доме, в своем хозяйстве’: «Корова своерощена была»; *своерощенный пинжак* [Там же: 313] и литер. *доморощенный* в том же буквальном значении, но с дополнительной негативной оценкой ‘примитивный, кустарный, низкого качества’: *доморощенные артисты* (т. е. не настоящие, не получившие специального образования, ср. *самодетельность*). Польское выражение *na swoich śmieciach* (букв. «на своем мусоре») означает ‘у себя, дома’. В субстантивном употреблении *свое* получает значение ‘собственность, имущество’

и охраняется общественной моралью, ср. польск. «Patrz (pilnuj) swego» <Следи за своим, береги свое>; «Nie ruszaj cudzego, nie utracisz swego» <Не трогай чужого, не утратишь своего>; «Trzymaj swoje, cudzego nie bierz, swego broń» <Держи свое, чужого не бери, свое охраняй> и т. п. [НКРР 3: 357–359].

СФЕРА РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В славянских языках наиболее разработанной областью «своего», безусловно, являются отношения родства вообще и отношения по линии брачного родства в частности (в отличие от кровного родства, которое, однако, может называться *своя кровь*, ср. ряз. «Мать, она чужая, а вы своя кровь» [СРНГ 36: 315]). Хотя вообще *своими* могут быть названы все родственники, начиная от ближайших (родители, дети, братья, сестры) и кончая родственниками самых дальних степеней родства (ср. *свой* в субстантивном употреблении: рус. волог. *свой* ‘родственник’: «У нас ведь только свое будутъ» [Там же: 309]; рус. «Свой своему глаз не вырвет»; польск. «Swoj swojemu szkody nie uczyni» <Свой своему вреда не причинит>; «Swoj zawsze ciągnie do swojego» <Свой всегда тянется к своему>; «Swoj do swego lgnie» <Свой к своему льнет>; «Lepiej płakać ze swoimi, niż skakać z obcymi» <Лучше плакать со своими, чем плясать с чужими> и т. п. [НКРР 3: 360]), в узком, терминологическом смысле слова *своими* называются прежде всего родственники по брачной связи, т. е. родственники со стороны супруга или супруги; именно они получают в славянских языках номинацию посредством корня **svoj-*. Ср. рус. *свойство* ‘отношения между супругом и кровными родственниками другого супруга, а также между родственниками супругов, возникающие из брачного союза’, *быть, состоять в свойстве*: «Родственники жениха и невесты становились своими людьми друг для друга, свояками, свойство делалось видом родства» [БАС 13: 443]; *свойственник, свояченица, свояк* ‘муж свояченицы (сестры жены)’, или ‘то же, что свойственник’, или вообще ‘свой, близкий человек’: «Почувствовал в нем свояка по положению». В русских диалектах таких слов и выражений еще больше: *свойство* может не только означать отношение, но и быть собирательным обозначением самих родственников; *свойка, своечка*

‘свояченица или золовка, а также родственник вообще’, *свойца*, *свойчат*, *свойчатка*, *свойчатый* (родной), *свойник* ‘родственник’, *свойня* ‘родня’ и т. п. [СРНГ 36: 318–320].

Преимущественное закрепление слав. **svoj-* за сферой брачного родства находит свое объяснение в общей семантике брака и символике свадьбы в славянской традиционной культуре. Одной из семантических доминант свадьбы, как известно, является оппозиция «свой — чужой», противопоставление стороны жениха (его родственников, его семьи) стороне невесты (ее родственникам, ее семье), проявляющая себя на всех уровнях свадебного ритуала (в действиях, пространственной организации свадьбы, в музыкальном тексте обряда и т. д.) и его вербального оснащения (в свадебном фольклоре). Жених представляется персонажем чужого мира, он разбойник или охотник, нападающий на свою жертву, вырывающий ее из родной среды и уносящий к себе, в свой мир. Но и невеста для семьи жениха — чужая, она вторгается в мир семьи жениха извне и должна быть адаптирована, «усвоена» им. Иначе говоря, родственники по браку, в отличие от кровных родственников, — это не *свои* «по природе», а ставшие *своими* в силу ритуала, те, кого ритуал сделал из чужих *своими* и потому наделил этим именем. Имя, таким образом, маркирует в данном случае не существующее положение дел, а имеющее быть и желательное, имя становится одним из магических способов преодоления «чужого» и превращения его в «свое».

В польском языке слова *swojak*, *swojactwo*, *swojaczka* не имеют в отличие от соответствующих русских слов столь жесткого терминологического употребления и относятся к понятию родства в более широком смысле слова. Ср.: *swojak* ‘свой человек, кто-л. той же национальности, происходящий из той же местности, дальний родственник, свойственник, близкий’: «Najstraszliwsza i najszrozsza jest walka ze swojakiem» <Самая страшная и самая суровая война — со своим>, «Mądry cudzoziemiec więcej wart od lada jakiego swojaka» <Лучше умный чужак, чем какой попало свой> (прус.); *swojactwo* ‘связь между своими’: «Duch braterstwa i swojactwa» <Дух братства и родства>; *swój* ‘родной, свой, домашний’, *swój*, *swoja* (в субстантивном употреблении) ‘кто-л. близкий, принадлежащий к тому же кругу,

к семье, не чужой, родственник, свойственник'; в диалектах также 'муж', 'жена' [SJPD 8]. Сфера брачного родства не получает в польском языке какого-либо специального обозначения. Только в кашубском словаре Б. Сыхты отмечены устаревшие термины *svojni* 'муж': «Ni ma nic goršego, jak b'atka zdradza swojnego» <Нет ничего хуже, чем измена жены мужу>; *svojna* 'жена': «Nex každi b'ere swojnę i jidze dodom» <Пусть каждый забирает свою жену и идет домой>; *svojizna* 'свои, родственники, семья, домашние': «Všěstka svojizna zjaha[ła] sę na tatkov pogřeb» <Вся родня съехала на похороны отца> [Sychta 5: 193]. Подобное употребление субстантивированного *свой* известно и в русском языке: «Значит, побаиваетесь все-таки своего <т. е. мужа>?» [БАС 13: 437].

О том, что нормой в отношениях между родственниками считается взаимная привязанность, сердечность, участие, свидетельствует семантика производных от *свой*: рус. *свойский* 'простой, легкий в общении'; сев.-рус. *свойственный*, *свойстливый*, *свойчивый*, *свойтливый*, *свойчавый*, *свойчатый* и т. п., которые означают 'приветливый, общительный, простой в общении' [СРГК 6: 17–18]. То же в польском языке: *swój człowiek* 'близкий, преданный человек, *swój chłopiec* 'возлюбленный' [Skorupka 2: 248]. Высокая оценка, которой наделяются родственные связи в традиционном обществе, становится в дальнейшем источником новых культурных функций слова *свой*, оно начинает использоваться в качестве магического умиловительного эпитета или имени или же в качестве табуистической замены. В русских диалектах *своими* могут называться разные болезни: арханг. *своя болезнь* 'какая-л. женская болезнь'. Эвфемизмы этого типа со значением 'своя, родимая болезнь' широко используются у восточных славян для номинации падучей болезни (эпилепсии) и паралича: рус. *свой*, *своя*, *своё* как субстантивы: новг. «Бабу-то своим хватило: лежит без памяти. Свое расходилось»; *свое время*, *свой час*: олон. «Думали, умрет, а его своим временем хватило», карел. *своим тронуло* 'случился припадок' [СРНГ 36: 309], полес. брест. *своя слабость* [Усачева 2004: 611], ср. с тем же значением «родства» рус. *родимец*; любопытно, что эта же болезнь может называться «божьей»: рус. *божья немочь*, *божье*, белор.

божевілля, тур. *бѣж'е ліхо*, *божа слабосць*, чеш. *božes*, *boží* *tos*, словен. *božjast* [Там же]. Этот же тип номинации характерен для табуистических обозначений женских регул: рус. пск. *своѣ* [СРНГ 36: 309], укр. карпат. *свичес* (букв.: свое время), белор. *свае речы*, польск. мазов. *swoj czas*, *swoje czasy* [Тугра 2001: 118], кашуб. *svoj čas* [Sychta 5: 192], чеш. *svá nemoc*, хорв. *svoje vreme*: «Nema svojega vremena», «Zgubila svoje vreme»; *svoj cvit*, *svoje cvatnje*, серб. *svoj ped* [Агапкина 1996: 110].

В семантической истории славянского слова **svoję* первоначальное посессивное значение становится источником других значений, не связанных с прототипической ситуацией посессивности. В самом деле, к выражениям типа рус. *в свое время*, *на своем месте* или польск. *swego czasu*, *na swoim miejscu* неприменимы вопросы о субъекте посессивности, о том, чье именно время или кому принадлежит это место. Речь может идти здесь либо о значении неопределенности («В свое время это приветствовалось, а сейчас запрещается»; «В свое время он был очень знаменит»), либо о значении ‘надлежащий, правильный, соответствующий’ («Всеу свое время»). Посредником для этих вторичных значений становится логически закономерное семантическое развитие: ‘принадлежащий кому-л. / чему-л.’ > ‘свойственный кому-л. / чему-л., характерный для него, относящийся к нему, соответствующий ему’ (*отказался от своей привычки, несмотря на свою неловкость, приехал со своим другом, разложил свои книги* и т. п.). Отсюда рус. *сво́йство* ‘характерная черта’.

Далее возможно развитие ‘специфический, особенный, своеобразный’ (заметим, что в этом случае в русском языке всегда присутствует или подразумевается оппозиция *другому*, а *свой* принимает на себя логическое ударение: «Каждый штат имеет свои законы» (отличные от других); «Адвокат представил свои аргументы» (противопоставив их другим мнениям) и т. п.; отсюда затем развивается значение ‘по-своему’ (*на свой лад, по своему желанию, своими словами; своеобразный, своенравный*, диал. *своебышный, своеносный* ‘своенравный, заносчивый, своевольный’ [СРНГ 36: 309, 312] и т. п.). Но столь

же закономерным выглядит семантическое развитие от характерного, свойственного кому / чему к «нормативному» значению ‘природный, естественный, такой, какой соответствует природе вещей’ (*свои волосы, свои зубы, своим ходом, своим чередом*; рус. диал. *своеродный*: «Волосы у ее своеродные, некрашеные» [Там же: 313]). От этой точки снова возможны два пути: естественное может пониматься как ‘положенное, правильное, надлежащее, должное’ и оцениваться положительно (*знать свое место, положить на свое место, вступить в свои права, называть вещи своими именами* и т. п.), но может пониматься, особенно когда речь идет об артефактах, как недостаточно совершенное, кустарное, неотделанное, грубое, противопоставляться совершенному, обработанному, искусному и оцениваться либо нейтрально (сев.-рус. «Мы-то жили на своекопанной земле»; «Своеплетое сито у нас есть»; «Рубашки, штаны, кафтаны, шапки, варежки — всё своедельное, своетканое, своевязальное» [СРГК 5: 15]), либо негативно (рус. диал. *своедельщина*: «Мы раньше холщову своедельщину носили»; «И ходили в своедельщине, и робили своедельщиной» [СРНГ 36: 311–312]). Если же речь идет о растениях или животных, птице, пчелах, то *свой, свойский* и т. д. получают значение ‘домашний’ и противопоставляются дикому (или покупному): «Маслина дикая и свойская росла»; «Свойские пчелы»; «У меня своедельские куры, пестренькие»; «Своеродны олени завсегда лучше покупных»; «Как дикий гусак посреди свойских» [Там же: 318–319].

Собственно языковая оценка *своего* (в его атрибутивной и номинативной функции) находит продолжение и более яркое выражение в паремиологии, где «свое» и «чужое» оцениваются в категориях прагматических и этических в соответствии с нормами обычного права. *Свое* и *чужое* не столько противопоставляются друг другу «по качеству», сколько разграничиваются (ср. «Чужого не бери, своего не давай!»; «На чужой каравай рта не разевай, а пораньше вставай да свой затевай (затирай)!»; «Лучше свое отдать, нежели чужое взять»; «Cudzego nie ruszaj, a swego pilnie strzeż» <Чужого не тронь, а свое береги>; «Cudzego nie bierz, swego nie dawaj» <Чужого не бери, своего не отдавай> [НКРР 3: 357] и т. п.). Свое лучше именно

потому, что оно свое («Всякому свое дороже»; «Всяк себе хорош»; «Свой хлеб сытнее»; «Своя рубашка ближе к телу»; «Чужой мёд горек»; «Każdemu swoje najmilsze» <Каждому милее свое>; «Każdemu się swoje podoba» <Каждому свое нравится>; «Každy swoje kocha» <Каждый свое любит> [Там же]). Пословицу «Свой сухарь лучше чужих пирогов» надо понимать так: лучше плохое, но свое. Ценность своего именно в его принадлежности себе; свое определяет, таким образом, важную границу особенно охраняемой личной сферы человека, в которой он сам несет ответственность за себя и все «свое» (начиная от собственного тела и кончая всем, что составляет поле его деятельности и его личных отношений с другими людьми и миром в целом).

В традиционной культуре вербальные формулы с мотивом разграничения *своего* и *чужого* служат средством защиты человека, его дома, скота и т. д. от злокозненных действий нечистой силы, представляющей «чужой», потусторонний, демонический мир. Например, при встрече с русалками надо было сказать: «То тоби, Боже, то мени, Боже» (волын.) [ПА]; в заговоре коровы от порчи говорили: «Чужого спору не забіраем, свайго не выпускаем» [Замовы: № 89] (подробнее см. [Левкиевская 2002: 52–53]).

РУССКАЯ ЧЕСТЬ И ПОЛЬСКИЙ *HONOR*

Концепт «честь» имеет две стороны — «внешнюю» (почитание, уважение, и далее — почет, почести, знаки уважения, награда) и «внутреннюю» (высокие моральные качества, моральный кодекс личности). В выражениях *оказать честь, в честь кого-л., быть в чести, честь и слава героям, чествовать, почести, честолюбие* и т. д. мы имеем дело с «внешней» честью, а в выражениях *человек чести, задеть чью-нибудь честь, честное слово, честный человек, по-честному* и т. п. имеется в виду «внутренняя» честь, т. е. свойство или совокупность свойств, присущих носителю чести. *Честь* во «внешнем» и *честь* во «внутреннем» значениях употребляются в разных контекстах и входят в разные синонимические ряды: «внешняя» *честь* оказывается синонимична таким словам, как *уважение, поклонение, почет, слава, репутация, реноме, имя* и т. п., а «внутренняя» *честь* — таким словам, как *достоинство, порядочность, справедливость, правдивость, совесть, искренность, верность, долг, целомудрие* и т. п. Эта двойственность понятия «честь» и лексики чести прослеживается во всех славянских языках. В русском языке оба вида понятий выражаются словом *честь* и его дериватами.

Слово *честь* известно всем славянским языкам — праслав. **čьstь* происходит от глагола **čisti / *čьsti – čьto* [ЭССЯ 4: 119, 175–176], означавшего ‘читать, почитать’ (наряду с другими значениями — ‘считать’, ‘читать’, ‘наделять значением’, ‘думать, полагать’), и имеет первоначальное стандартное «акциональное» значение ‘почитание, уважение’, которое далее закономерно развивает наряду с акциональным абстрактное «предметное» значение ‘почет’, а затем и более конкретное предметное значение — ‘почести, знаки уважения, награда’.

Семантическая структура исходной ситуации, обозначаемой глаголом **čisti (*čьsti)* в значении ‘читать (почитать)’, предполагает существование, во-первых, **субъекта** (того, кто почитает, ср. ст.-слав. **чьстивъ** ‘учтивый, вежливый’: **лице кто тьбъ чьсть творить** [SJS 4: 901], рус. *почитатель*, устар. *честитель* ‘почитатель, блюститель’); во-вторых, **объекта** (предмета

почитания, того или чего, что почитают, ср. почтительное обращение *ваша честь*, призыв *честь ему и слава* и т. п.); в-третьих, самого **отношения** субъекта к объекту, выражаемого предикатом ‘читать, почитать’ и именными дериватами типа *почитание, почет, почесть*; в-четвертых, еще одного актанта — того, за что данный объект почитается, т. е. «причины», или **основания**, почитания, как правило имплицитного (лексически не выраженного).

Эта ситуация соответствует изначальному, «внешнему» понятию чести, производному от семантики предиката; она отражена в древнейших значениях существительного *честь* и его дериватов во всех славянских языках. Семантика «внутренней» чести, по-видимому, возникает вторично, в результате семантического развития «внешней» чести, и в этом развитии существенную роль играет именно последний, четвертый актант, заключающий в себе «основание» почитания. Именно с ним связано появление значений, относящихся не к почитанию объекта (лица) со стороны других лиц (ср. *оказать честь, воздать честь*), а к личным свойствам почитаемого человека, т. е. тем моральным качествам, которые служат основанием для его почитания (уважения) со стороны других. Иначе говоря, *честь* во «внутреннем» значении — это то, за что почитаемое лицо пользуется уважением (это прежде всего благочестие, соблюдение религиозных и моральных норм).

Разумеется, существуют контексты диффузного характера, в которых указанные два типа значений совмещаются или различаются нечетко: например, рус. *бесчестить* (ср. *обесчестить девушку*) может означать и ‘лишать уважения других’, и ‘лишать «внутренней» чести, достоинства’. Во фразе «Это затрагивает его честь» может иметься в виду как значение ‘репутация’, так и значение ‘достоинство’, тогда как «Это оскорбляет его честь» подразумевает скорее чувство собственного достоинства, чем репутацию. Пословица «Береги честь смолоду» подразумевает прежде всего «внешнюю» честь, доброе имя, уважение окружающих, но отчасти имеет в виду и верность усвоенным с молодости собственным высоким моральным принципам, т. е. «внутренней» чести.

Однако общая тенденция к разграничению или даже поляризации значений несомненна. Часть многозначных слов утрачивает одно из значений, например, в русском языке *честный* могло иметь, с одной стороны, «внешнее» значение ‘уважаемый, почетный, превозносимый, прославляемый’: «Законоучитель честен всем людям» (т. е. он объект почитания, почитаемый), а с другой — ‘тот, в ком есть честь, достоинство, благородство, доблесть и правда; человек прямой, правдивый, неуклонный по совести своей и долгу; надежный в слове, кому во всем можно доверять’ [Даль 4: 1327]. Наречие *честно* в прошлом могло значить и ‘с честью, почетно, почтительно’ («Нечестно приняли его», «Нечестно просишь, нехотно дать») и ‘справедливо’ (*честно выиграть*), и ‘добросовестно’ (*честно трудиться*) [Там же]. В обоих случаях первое («внешнее») значение ушло из употребления, уступив место «внутренней» семантике честности. Или же слова начинают разграничиваться по каким-то формальным признакам, например в русском языке семантически разошлись *честный* и *честной*: первое закрепило за собой только «внутреннюю» семантику (‘порядочный, справедливый, добросовестный’), а второе (хотя и устаревшее) сохранило «внешнюю» семантику ‘почтенный, уважаемый’: *при всем честном народе, честная компания*.

Эти два вида значений, условно названные здесь «внешними» и «внутренними», представляют собой не единичные значения, а целые автономные блоки значений со своей особой семантической структурой и линиями развития. Например, «внешний» блок может включать такие (производные от первичного) более узкие и специальные значения, как ‘честьование, торжество, празднование, праздник’ (диал. *звать на честь*), и далее ‘угощение’ («Была бы честь предложена, а от убытку Бог избавил»); диал. *честить* ‘радушно угощать’, *честь, почесть, почестье* ‘приданое невесты’ (волог. «Придут от жениха сваты и смотрят, какая честь у невесты-то» [СВГ 12: 39]), ‘высокое звание, чин, должность’ («Прибавят чести и дадут жалованья»), ‘дары, приношения участникам свадьбы’ [СРНГ 31: 6], ‘награда’, ‘соблюдение (законов, приличий и т. п.)’; а «внутренний» — такие значения,

как ‘правдивый, искренний’, ‘порядочный’ (рус. *честно говоря* = откровенно говоря, по правде говоря) и др.

В старославянском языке слова интересующего нас гнезда имели преимущественно «внешнюю» семантику, т. е. значения, отражающие не внутренние моральные свойства личности, а отношение к человеку (или явлению) других людей. Так, по данным Пражского словаря, слово **чьсть** имело значения ‘почтение, уважение, почет’, ‘почитание, культ, религия’ и далее могло означать ритуальные формы проявления этого отношения — ‘чествование, празднование, праздник, торжество’, а также предметные знаки этого отношения — ‘дар, награда’, затем вообще ‘ценность, драгоценность’: **чьстьноу каменнѣ** ‘драгоценные камни’ [SJS 4: 902–905, 907]. Прилагательное **чьстьнъ** имело прежде всего «объектное» («пассивное») значение ‘почтенный, достойный уважения, досточтимый’, т. е. тот, кого почитают, но могло иметь и «субъектное» значение ‘благочестивый, почитающий Бога, богобоязненный, религиозный’, т. е. тот, кто почитает [Там же: 905–908]. Именно такие «субъектные» значения стали основой дальнейшего семантического развития в сторону «внутренних» значений, относящихся к моральным характеристикам человека (‘чтущий Бога, богочестивый, благочестивый’ → ‘обладающий высокими моральными качествами’). Пражский словарь отмечает и некоторые случаи, в которых можно усматривать «внутреннюю» семантику, например **чьсть высоты** ‘высокомерие’ [Там же: 904], **чьстьнъ** ‘святой’ [Там же: 907], однако в большинстве примеров представлено диффузное значение, сохраняющее «внешнюю» семантику почитания.

Древнерусский язык более определенно демонстрирует «внутреннюю» семантику интересующих нас слов, ср., например, *чьстью* в значении ‘добросовестно, честно’ (близком к современному): «честно боронивъ отчину свою» (Псковская первая летопись) [Срезневский 3: 1573] — наряду с «внешним» значением ‘поддерживать власть в почтении и страхе’: ‘держати княжение мое честно и грозно» [Там же].

В русском языке заметна тенденция к фразеологизации «внешних» употреблений слова *честь*, закреплению

слова за ограниченным числом конструкций типа *оказать честь, делать честь, в честь кого-л. / чего-л.*, разг. *не в чести*, разг. *много чести, быть в чести* и т. п. Есть такие конструкции и с «внутренней» *честью*: *по чести сказать, честь честью* и др., однако в свободном употреблении слово *честь* и его дериваты (*честный, честно, честность*) развивают в русском языке главным образом «внутреннюю» семантику, связанную с личными моральными качествами и установками человека. В современном языке наблюдается резкое сужение семантики наиболее частотных дериватов слова *честь*, прежде всего прилагательного *честный*, которое означает почти исключительно ‘правдивый, лишенный обмана’. Вместе с тем в диалектном употреблении *честь, честный* приобретает, наоборот, слишком общее, аксиологически окрашенное значение ‘хороший, правильный, такой, как надо’, ср. волог. «Всё честью сделал», «Честного слова они не понимают, всё ругаться надо» [СВГ 12: 38–39].

Прототипическим субъектом признака «честный» является человек в его самых разнообразных ипостасях (*честный* гражданин, работник, руководитель, следователь, предприниматель, партнер, христианин, ученый и т. д.), причем это свойство человека как личности точнее всего толкуется через отрицание: честный человек не лжет, не крадет, не берет взятки, не обсчитывает, не халтурит и т. д., вообще не идет против совести. Если же речь идет о человеке, идентифицируемом по роду занятий (рабочий, купец, губернатор, врач, депутат, исследователь, офицер, судья и т. д.), то *честный* означает ‘добросовестный’ (*честный труженник*) или ‘приверженный корпоративной чести’; *честным* может быть даже вор, в этом случае имеется в виду его приверженность кодексу воровской «чести». Носителем признака «честный» может быть не сам человек, а метонимически — действие или деятельность, совершаемые им *честно*, т. е. без обмана и по совести, или их результат (*честный обмен, дележ, заработок, выигрыш, бизнес, служба, бюджет, ответ, образ жизни, бой, счет, подход, журнал, роман* и т. д.). В последнее время появились такие непривычные выражения, как, например, *честный бетон* (так пишут на рекламных щитах) — бетон, приготовленный с правильным

соотношением цемента и песка, т. е. без обмана, как положено, с соблюдением правил, или *честный помидор*, т. е. подлинный, настоящий: «Простой честный помидор имел в этом магазине цену и упаковку папайи» (из телевизионной передачи), *честный автобус* и т. п.

Такое семантическое развитие, сужающее семантику *честного* до значения с внутренним отрицанием: *честный* ‘не лживый, не обманной’ или ‘не тайный (открытый)’ (ср. *честно говоря* = откровенно говоря, по правде говоря), свидетельствует о том, что важной ценностью для современного языка оказываются правда и справедливость, тогда как изначально с честью связывалось прежде всего представление о славе, почитании, уважении.

Интересные рассуждения о понятиях «честный» и «честность» содержатся в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (часть 7, глава 17). Москвич Стива Облонский (Степан Аркадьич) рассказывает своему шурину, петербургскому сановнику Каренину, об обещанном ему хорошем месте в одном важном учреждении:

Место это, как и все такие места, требовало таких огромных знаний и деятельности, которые трудно было соединить в одном человеке. А так как человека, соединяющего эти качества, не было, то все-таки лучше было, чтобы это место занимал честный, чем нечестный человек. А Степан Аркадьич был не только человек честный (без ударения), но он был *честный* человек (с ударением), с тем особенным значением, которое в Москве имеет это слово, когда говорят: *честный* деятель, *честный* писатель, *честный* журнал, *честное* учреждение, *честное* направление, и которое означает не только то, что человек или учреждение не бесчестны, но и то, что они способны при случае подпустить шпильку правительству. Степан Аркадьич вращался в Москве в тех кругах, где введено было это слово, считался там *честным* человеком и потому имел более, чем другие, право на это место.

<...>

— Да, но ты согласишься, что открывается новое, несомненно полезное учреждение. Как хочешь, живое дело!

Дорожат в особенности тем, чтобы дело ведено было честно, — сказал Степан Аркадьич с ударением.

Но московское значение честного было непонятно для Алексея Александровича.

— Честность есть только отрицательное свойство, — сказал он.

Современный читатель с удивлением узнает, что то значение *честного*, соединяющее в себе не только моральную, но и политическую (или идеологическую) оценку, которое нам кажется новым в русском языке, появившимся совсем недавно (ср. лозунг «За честные выборы!»), существовало уже в середине XIX в. и такими чуткими к языку людьми, как Толстой, улавливалось. Еще одно замечание Толстого — об «отрицательности» свойства честности — обнаруживает в нем тонкого семасиолога, способного на уровне современной семантической науки определить семантическую структуру слова, включающего внутреннее отрицание (*честный* НЕ лжет, НЕ крадет, НЕ делает подлостей и т. п.).

Когда мы читаем у Пушкина в «Евгении Онегине»: «Но мне порукой ваша честь, и смело ей себя вверяю» (письмо Татьяны к Онегину) или «Я знаю, в вашем сердце есть и гордость, и прямая честь» (слова Татьяны Онегину), то мы понимаем, что речь идет о моральной сущности Онегина, о его личных качествах и его личном достоинстве, его благородстве и порядочности, которым доверяет Татьяна, а вовсе не о его репутации. Но когда в стихотворении Лермонтова «На смерть поэта» мы читаем: «Погиб поэт — невольник чести, пал, оклеветанный молвой», то нам очевидно, что речь идет уже о какой-то другой чести, — ведь поэт пал жертвой не своего благородства, но и не своей репутации — он пал жертвой своей верности дворянской чести, т. е. кодексу жизни и поведения, выработанному определенной социальной группой. Такая семантика «коллективной», или «групповой», чести в современном русском языке очень активна, ср. *офицерская честь*, *дворянская честь*, *честь школы*, *честь страны*, *врачебная честь*, *спортивная честь* и т. п. Эту честь обычно защищают, за нее борются

или же ее *позорят, пятнают*; этой чести необходимо *следовать* (ср. «Жить живи, да честь знай: чужого веку не заедай!»; «Пора и честь знать», т. е. не нарушать установленных правил). Она одновременно имеет отношение и к «внутренней» чести человека (потому что это «достоинство» группы, и тем самым достоинство каждого ее члена), и к «внешней» чести (т. е. к репутации всей группы, например школы, армии, науки и т. д., и тем самым к репутации каждого члена группы). Вместе с тем подобные значения отчасти переводят семантику *чести* из сферы морали в сферу установлений, закона, потому что обычно существуют некие писанные или неписанные кодексы чести, диктующие правила поведения [Санников 2006; Шмелев 2002].

Таким образом, в русском языке наблюдается постепенное ослабление «внешней» семантики *чести*, связанной с уважением и почитанием, закрепление ее за клишированными контекстами и усиление и развитие семантики «внутренней» *чести*. «Внешняя» семантика прилагательного *честный*, т. е. значение ‘почитаемый, уважаемый, пользующийся признанием, известный’ (ср. «Славен у чуждых, бесчестен у своих!» <Феофан Прокопович. Слово о власти и чести царской». 1718 г.>), в современном языке полностью вытеснено из употребления и воспринимается как сугубо устаревшее. Ср., однако, в наше время обращение патриарха Алексия II к своей пастве: «Возлюбленные о Христе Преосвященные архипастыри, боголюбивые пастыри, бесчестные иноки и инокини, дорогие братья и сестры» [http://www-old.srgc.msu.ru/bib_roc/jmp/04/01-04/01.htm], где слова *бесчестные иноки и инокини* означают, конечно, только ‘безвестные, незаметные, скромные’; такое употребление вне специального церковного контекста совершенно невозможно.

В польском языке сфера значений слова *cześć* уже, чем у русской *чести*, поскольку часть смыслов, прежде всего относившихся к «внутренней» *чести*, перешла к латинскому заимствованию *honor*¹. Однако польские слова *cześć* и *honor*

1 Этот латинизм, заимствованный из польского, есть и в русском языке, но в показательном узком значении: *гонор* ‘преувеличенная гордость, высокомерие’.

не распределились строго по линии «внешняя – внутренняя честь», а оба остались многозначными, хотя и в разной степени и применительно к разным контекстам.

При этом в латинском языке у слова *honor* преобладали как раз «внешние» значения, относящиеся не к самоощущению и моральным принципам личности, а к восприятию человека или явления другими людьми: 1. ‘честь, почесть, почет, уважение’ (выражения типа «оказать честь», «быть в чести», «считать честью», «в честь кого-л., чего-л.» и т. п.), 2. ‘слава’, 3. ‘почетная должность, государственный пост’, 4. ‘почетная награда, награждение, вознаграждение’, 5. ‘благодарственная церемония, воздание хвалы, хвалебный гимн’, 6. ‘жертвы’, 7) ‘поэт. украшение, краса’ [Дворецкий 1976: 478], — и отсутствовали значения, связанные с моралью, личным достоинством, и прочие значения «внутреннего» ряда.

Эти же «внешние» значения преобладают и у старопольского *cześć*: 1. ‘честь, доброе имя’, 2. ‘честь, слава, известность’, 3. ‘добродетель, добропорядочность’, 4. ‘сила, мощь’, 5. ‘уважение’, 6. ‘достоинство, честь’, 7. ‘гордость, слава’ и нек. др. [SSp 1/6: 375–378]. В польских диалектах, как и в литературном языке, для слова *cześć* тоже фиксируются исключительно «внешние» значения: 1. ‘уважение, признание, культ, преклонение’, 2. ‘торжество, пир’, 3. ‘честь, доброе имя, личное достоинство’ (с примерами типа «Naved dlo matki sfoii ni miou ćci» <Даже мать свою не почитал>), 4. ‘вид приветствия’ [SGP 5/13: 121]. При этом для выражения «внутренних» значений *czesti* в старопольском используются некоторые дериваты от *cześć*. Так, прилагательное *uczciwy*, производное от *uczcić* ‘почитать’ с «внешней» семантикой *czesti*, уже имеет в качестве основного «внутреннее» значение ‘порядочный, соответствующий принципам справедливости и морали’ [SSp 9/4 (58): 295].

В словаре Дорошевского [SJPD 1: 1137–1138] *cześć* получает дефиниции, относящиеся главным образом к «внешнему» типу значений, а именно: 1. ‘уважение, почтение’: *darzyć cześć* ‘почитать’, *ku czci* ‘к чести’, *na cześć* ‘в честь’, *odbierać cześć* ‘быть предметом поклонения’, *cześć jego pamięci* ‘честь его

памяти»; 2. 'честь, доброе имя, личное достоинство': «Mściwi i zazdrośni ludzie szarpali jego sławę, odsądzali go od czci i wiary» (= *pozbawiali go szacunku, poważania*) <Мстительные люди из зависти порочили его доброе имя, лишали его почтения и веры (= лишали его уважения, почтения)>²; 3. 'вид приветствия': *Cześć pracy!* <Слава труду!>; 4. '*ustar.* титул, вежливое обращение': *wasza cześć* 'ваша честь'. Прилагательные с «внутренней» семантикой *czesny, czestny* 'честный, порядочный' в современном языке являются архаизмами.

Основным лексическим знаком для выражения всего спектра концепта «честь» в польском языке стал латинизм *honor*. Но в отличие от латинского слова польский *honor* свободно выражает «внутреннюю» семантику чести как элемента самосознания и самоощущения, того, что в словаре Дорошевского определено как '*godność osobista, uczciwość, szlachetność*' («личное достоинство, порядочность, благородство»): «Punktem jego honoru, patriotyzmem jego stawała się wolność» <Вопросом его чести, его патриотизмом становилась свобода> [SJPD 3: 100–102]. Ясно, что здесь идет речь о личных моральных принципах, а не о репутации. То же значение имеет *honor* в выражениях *słowo honoru* (= рус. *слово чести* или *честное слово*), *sprawa honoru* (= рус. *дело чести*), *dług honoru* (= рус. *долг чести*), *sąd honoru* (= рус. *суд чести*), *na honor* (= рус. *честно говоря, ей-богу*).

Честь как уважение и почитание (т. е. «внешняя» честь, *zaszczyt*) выражается словом *honor* и его дериватами, как правило, в идиоматических конструкциях и особых формах. Множественная форма *honoru* получает значение 'почести', 'знаки отличия': *uczczuć honorami wojskowymi* 'отметить воинскими почестями'; выражения типа *zrobić honor* 'оказать честь' или «*Z kim tam honor?*» <С кем имею честь?> трактуют *honor* как 'уважение, признание, почет', т. е. как знак «внешнего» отношения и оценки. Прилагательное *honorowy* имеет оба типа значений: с одной стороны, связанное с «внутренним»

2 Но в примере *człowiek bez czci i wiary* букв. «человек без чести и веры» мы имеем дело уже с «внутренней» трактовкой чести (ср. рус. *человек без стыда и совести*).

понятием чести, порядочностью: «Niehonorowym jest tchórzstwo» <Трусость непорядочна>, с другой — с «внешней» честью, почетом: «Matejko był honorowym obywatelem Krakowa» <Матейко был почетным гражданином Кракова>; *straż honorowa* ‘почетный караул’. Производный глагол *honorować* имеет уже только «внешнюю» семантику: ‘okazywać honor, cześć’ (оказывать честь), ‘uznawać co za prawomocne’ (признавать что-л. справедливым) [SJPD 3: 103–104].

Во многих случаях параллелью к польскому *honor* в русском языке оказывается не *честь*, а *достоинство* (польск. *godność osobista*) — слово, которое в современном языке относится прежде всего к внутреннему миру отдельного человека, его личным качествам и способу его поведения (*чувство собственного достоинства, достойно себя вести, затронуть честь и достоинство человека* и т. п.), но никак не к тому, что связано с восприятием и оценкой человека другими людьми. Если «внутренняя» *честь* предполагает уважение к другим и диктует этические правила поведения (правдивость, благородство, уважение чужого достоинства и др.), то *достоинство* связано с сознанием собственной ценности как личности (или как члена некоторой группы), с самоуважением, диктующим соответствующее поведение человека.

Польское слово *godność* в одних случаях соответствует русскому *честь*, в других — русскому *достоинство*. В работе Р. Гжегорчиковой [Grzegorzczukowa 2012] слову *godność* приписываются следующие главные значения, относящиеся к человеку: 1. ‘«общечеловеческая», объективная ценность человека, независимо от его личных качеств и осознания им своей ценности’ (= рус. *человеческое достоинство*), 2. ‘поведение человека, основанное на признаваемой им системе моральных ценностей’ (= рус. *честь, честность, отчасти достоинство*), 3. ‘сознание собственной ценности и чувство самоуважения’ (= рус. *достоинство*), 4. ‘моральные ценности, присущие национальным, профессиональным и пр. объединениям (группам) людей’ (= рус. «групповая» *честь*). При этом отмечается диффузный характер семантики этого слова («*niedookreśloność semantyczna*»), нестрогое разграничение отдельных значений

при сохранении «инвариантного» значения ‘признание ценности человека им самим и другими людьми’.

А. В. Санников, сопоставляя понятия «честь» и «достоинство», приходит к заключению, что «*Честь* отличается от *достоинства* и тем, что связана с мнением о человеке других людей, в то время как *достоинство* совершенно независимо от такого мнения. Потеря *чести* связана с позором для человека, утрата *достоинства* — с ущербом для его личности. Поэтому сохранить сознание собственной ценности, на которое указывает слово *достоинство*, можно и в одиночестве, тогда как соответствие морально-этическим правилам, описываемое словом *честь*, возможно только тогда, когда есть другие люди. Сохранить *достоинство* можно и на необитаемом острове, тогда как понятие *чести* связано с социумом. <...> Связь семантики *чести* с мнением других людей выступает на первый план в контекстах типа *постоять за честь российского спорта (честь школы)*, а также в значении лексем *честь*₂ (≈ ‘почет, уважение’)» [Санников 2006: 418]. Между тем далее утверждается, что «в норме *достоинство* предполагает не только высокую самооценку субъекта, но и соответствующее отношение со стороны других людей. Тем не менее этот смысловой компонент не является для семантики *достоинства* обязательным» [Там же]. Заметное противоречие между приведенными высказываниями объясняется тем, что понятие «честь» рассматривается здесь только в аспекте «внешней» семантики и вне семантического спектра дериватов слова *честь*. В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что польское слово *godność* в отличие от рус. *достоинство* имеет оба типа значений — как не связанное «с мнением других людей»: ‘*rozczucie własnej wartości, szacunek dla samego siebie; honor, duma*’ (сознание собственной ценности, чувство собственного достоинства, самоуважение, гордость), соответствующее рус. *достоинство*, так и предполагающее оценку человека другими людьми: «*Nie był wprawdzie bogaty, cenił jednak wysoko swą oficerską godność*» <Он, правда, не был богатым, однако высоко ценил свое офицерское достоинство>; *obsypany godnościami* ‘осыпан почестями’ [SJPD 2: 1209–1210], что соответствует рус. *честь*.

Таким образом, как в русском, так и в польском языке понятия «честь» и «достоинство» обнаруживают близость и пересечение. В обоих языках обозначающие их слова — рус. *честь*, *достоинство*, польск. *cześć*, *honor*, *godność* — нестрого разграничены между собой и в некоторых контекстах оказываются взаимозаменяемыми, а нередко образуют устойчивые сочетания типа рус. *честь и достоинство человека* (ср. также устойчивое выражение *честь и совесть* (или *ни чести ни совести*) с «внутренней» семантикой *чести* в отличие от столь же устойчивого *честь и слава* с «внешней» семантикой). С другой стороны, между русскими и польскими словами тоже наблюдаются перекрестные отношения. Как было показано, русскому слову *честь* может соответствовать в польском как *cześć*, так и *honor*, и *godność*. Однако в польском языке мы не наблюдаем такого сужения значения, которое характерно для современного русского *честный*, *честность* ‘тот, кто не лжет, не обманывает и т. д.’, ‘правдивость, порядочность и т. п.’, при этом соответствующие понятия приверженности правде выражаются в польском языке другими словами того же гнезда — *uczciwy*, *zasny*, *uczciwość* и т. п.

Общей для обоих языков является историческая тенденция к выражению «внутренней» семантики слов *честь* и *honor*, отражающая актуальное для культуры нового времени внимание к внутреннему миру человека, к свойствам его личности. Вместе с тем эти «новые» значения раскрывают аксиологическое содержание и мотивы исконных значений *чести* и *honor*’а как формы «внешнего», общественного признания, уважения и почитания.

-II-

**ОТ СМЫСЛА К СЛОВУ.
ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ**

СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Памяти Н. И. Толстого

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Понятие «с е м а н т и ч е с к а я р е к о н с т р у к ц и я» может иметь абсолютную (более строгую, предельную) и относительную (более широкою, свободною) трактовку. В первом случае подразумевается восстановление исходного, первичного значения слова, присущего ему в праязыке; во втором случае речь идет о восстановлении семантической структуры слова (или группы слов), его семантических связей с другими словами и его семантических изменений независимо от праязыковой перспективы, применительно к любому этапу его развития.

Понятие т и п о л о г и и может применяться как к языку в целом, так и к любым фрагментам языка и любым отдельным языковым явлениям; типология может быть общей и частной, т. е. учитывать все языки мира или же ограничиваться отдельными группами языков или даже отдельными языками. Типология л е к с и ч е с к а я, с е м а н т и ч е с к а я и л е к с и к о - с е м а н т и ч е с к а я часто не разграничиваются, хотя в ряде случаев между этими понятиями усматривается содержательное разграничение.

Л е к с и ч е с к а я т и п о л о г и я обычно предполагает ономаσιологический подход, т. е. изучение того, как средствами лексики «обеспечивается» и членится то или иное денотативное поле (область действительности и соответствующая понятийная область), какие свойства и отношения реальных объектов оказываются релевантными для их номинации, и далее — каковы семантические (и структурные) характеристики обозначающей их лексики, какие другие денотативные сферы выступают по отношению к данному полю донорами и реципиентами. По этому принципу построены многочисленные исследования отдельных лексико-семантических полей или тематических лексических групп (таких как фитонимы, лексика рельефа, метеорологическая лексика, предикаты движения, лексика эмоций, лексика предметов-артефактов и т. д.).

Семантическая типология предполагает противоположный подход — от слова к внеязыковой действительности — и ставит своей целью изучение семантической структуры слова (словообразовательного или этимологического гнезда, «морфосемантического поля» в смысле П. Гиро [см.: Guiraud 1956]), возможных для слова сочетаний смыслов, типы изменений смыслов (семантические переходы) в рамках данного слова или гнезда слов. Этот подход (от слова к значению) востребован прежде всего этимологией и исторической семасиологией.

Наконец, лексико-семантическая типология сочетает в себе оба подхода: она либо исходит из денотативного поля, но ограничивает его лексически, либо, наоборот, исходит из лексического поля (гнезда и т. п.) и изучает набор и соотношение обозначаемых лексикой этого гнезда денотативных сфер [см., например: Blanár 1984].

В действительности речь идет, конечно, всего лишь об акцентах и о принципах выбора «начального» объекта исследования, а также о направлении анализа и его «цели», поскольку в обоих случаях ономасиологический подход так или иначе (но в разном соотношении) сочетается с семасиологическим. Естественно, что этимологи прежде всего ориентированы на анализ слов (гнезд), хотя и не могут игнорировать принципов номинации соответствующих объектов действительности. Представителей когнитивного направления будет прежде всего интересовать способ членения и категоризации разных фрагментов реального мира, но свои выводы они будут строить на семантике обслуживающей данную область лексики¹.

При этом типологические аспекты могут присутствовать и присутствуют при обоих подходах, только это будут разные типологии (с разными «объектами» типологического сопоставления). При лексическом «входе» (от слова к смыслу) это может быть типология многозначности слова или этимологического

1 Из новых славистических работ этого типа можно указать [Aquation 2007] с ценной обзорной вступительной статьей Е. В. Рахилиной и В. А. Плунгяна «О лексико-семантической типологии», [Концепт боль 2009], [Круглякова 2010], польскую серию «Исследования по сравнительной семантике» [Studia 1–2].

гнезда, типология конфигураций разных значений, установление типичности или индивидуальности сочетания конкретных значений в рамках одного слова или целого гнезда, а также типичности или нетипичности того или иного характерного для данного слова (гнезда) способа семантической деривации. При ономаσιологическом (номинационном, идеографическом, денотативном) «входе» это будет типология структуры (членения) денотативной или понятийной области, типология ее категоризации средствами лексики (принадлежащей разным гнездам) и характерных для данного семантического поля мотивационных (номинационных) моделей². Понятно, что такая типология обладает тем преимуществом перед типологией «семаσιологической» (от слова к смыслу), что она может опереться на «общее основание» для всех сравниваемых (классифицируемых) явлений в виде единой (в принципе), универсальной денотативной сферы, что позволяет охватить сопоставлением широкий круг языков независимо от их генетического и иного родства, тогда как «семаσιологическая» типология вынуждена ограничиваться родственными языковыми идиомами (языками, диалектами, группами родственных языков).

Если мы занимаемся семантической реконструкцией целого праславянского гнезда, например гнезда **xorniti*, для нас окажется важным определить сначала общий набор значений (семантическое поле или семантический спектр) слов данного гнезда, затем реконструировать «логику отношений» между этими значениями, т. е. восстановить семантические связи между конкретными, зафиксированными в словарях значениями, в том числе между

2 Это может быть и «атомарная» типология. В одной из первых работ по лексической типологии славянских языков, принадлежащей А. В. Исаченко [1958], анализируются такие сопоставления, как разные в разных славянских языках названия карандаша, разные обозначения картошки, очков, железной дороги и др., за которыми, однако, автору удается рассмотреть более общие принципы номинации, характерные для разных языков (например, тенденция к «расчлененным» структурам типа рус. *железная дорога* или конденсированным формам типа укр. *залізниця*). При противоположном подходе (от слова к смыслу) этому могла бы соответствовать типология многозначности одной и той же праславянской лексемы в славянских языках.

такими далекими друг от друга значениями, как ‘хоронить’ (рус. *хоронить*) и ‘кормить’ (серб. *хранити*, болгар. *храня*), а также другими значениями (такими как ‘сохранять’, ‘прятать’, ‘беречь’, ‘растить, разводить’, ‘пасти скот’ и др.) [подробнее см.: Толстая 2009; наст. изд., с. 41–61]. В плане типологии мы должны будем выяснить, насколько типично (или индивидуально) сочетание представленных в семантическом поле данного гнезда значений и моделей семантической деривации. Если же мы занимаемся «лексической» типологией в рамках денотативного и понятийного поля «хоронить, погребать», то нам придется рассмотреть все его лексическое «покрытие» (лексическое поле), т. е. набор и семантическое соотношение слов (гнезд) **xorniti* (рус. *хоронить*, серб. *сахрана*), **xovati* (укр. *ховати*, белор. *хаваць*, польск. *chować* и т. д.), **grebti* (ц.-слав. и рус. *погребать*, *погребение*, польск. *pogrzeb*, общеслав. *гроб* ‘могила’, рус. (вторично) ‘гроб’ и т. д.), **kopati* (словен. *kopati*, *pokop*), **klasti* (рус. *кладбище*, диал. *кlastь*, морав. *klast* ‘хоронить, погребать’ и т. д.), **prętati* (укр. *пратати*) и некоторых других (например, **kojiti*, **ryti*, **valiti*), способных обозначать акт погребения или реалии погребального обряда.

Более полувека тому назад вышли в свет пионерские статьи Н. И. Толстого «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава» [Толстой 1963; 1966; 1968]. Предложенный им метод построения лексико-семантической типологии основывается на понятии **с е м а н т и ч е с к о г о м и к р о п о л я**, которое по существу представляет собой некоторую ограниченную денотативную область (сферу внеязыковой действительности и соответствующую область понятий), на которую затем накладывается, по выражению А. В. Дыбо, номинационная решетка (англ. *mapping*), т. е. реальные для каждой исследуемой языковой или диалектной системы лексические единицы [Дыбо 1996: 27]. При этом сама денотативная область выбирается не на логико-понятийном, а на лингвистическом основании — она задается «семантической амплитудой опорной лексемы»³, т. е. ее максимальным

3 Специального замечания заслуживает термин *лексема*, который употребляется в семасиологических исследованиях в трех разных значениях:

для всех изучаемых систем набором значений. Так, в типологических построениях Н. И. Толстого славянская лексема **godina* служит «опорной лексемой», чья «амплитуда колебания», т. е. суммарный для всех славянских языков и диалектов набор ее значений, задает семантическое микрополе, в которое входят понятия (смыслы) «дождь», «время», «погода», «год», «час», выражаемые также другими лексемами, со своими индивидуальными семантическими спектрами. Принимая в целом подход Н. И. Толстого, А. В. Дыбо в своей семантической реконструкции соматических терминов в алтайских языках дополняет его «обратной» перспективой, считая целесообразным построение не только таблиц с «ономасиологическим входом», но и таблиц с «семасиологическим входом», т. е. имеющих «на входе» первичные лексемы, а в клетках — значения их рефлексов по языкам.

Опыт построения типологии семантических микрополей, предпринятый Н. И. Толстым, наглядно показал «непрерывность» семантической системы языка, в которой микросистемы, выделенные на основании семантических спектров («амплитуд колебаний») индивидуальных лексем, пересекаются друг с другом, накладываются друг на друга, образуя сложную сеть отношений и вовлекая в эту сеть все новые и новые лексические единицы с их семантическим спектром и потенциалом. Оборвать эти переплетающиеся цепи и выделить строго ограниченные автономные подсистемы или замкнутые микросистемы не всегда возможно (особенно для предикатной лексики). Характерной особенностью таких комплексов микрополей, или своего рода лексико-семантических макросистем, объединяющих в единую сеть на основе семантической связанности разные этимологические гнезда, называется их «парадигматическая» связь, т. е. наличие среди общих

1. 'единица лексической системы языка, слово, вокабула' (наиболее распространенное, традиционное значение, используемое в большинстве лексикологических трудов), 2. 'единица плана выражения слова, его внешняя оболочка, в противоположность *семеме* как содержанию слова, его значению' (используется в работах Н. И. Толстого и его последователей), 3. 'слово в одном из его значений' (принято в работах Московской семантической школы Ю. Д. Апресяна).

значений не только тех исходных значений, на основании которых складывается данное объединение, но и многих других, занимающих в семантической структуре каждого отдельного гнезда разное место — от доминантного до сугубо периферийного, от актуального до реликтового.

Например, понятия «любить» и «любовь» выражаются в славянских языках разными лексическими единицами (гнездами), главные из которых: **l'ub-* (рус. *любить, любовь*), **mil-* (польск. *miłość*), **lask-* (чеш. *lásky*), **kox-* (польск. *kochać*), **vol-* (с.-х. *волеми*) и **vuk-* (болг. *обич < *ob-vuk-*), а также, во вторую очередь: **dorg-* (болг. *драгувам* 'любить'), **drug-* (рус. диал. *другник* 'любовник'), **xot'* (рус. *похоть*), **gal-* (болг. *галя* 'любить'), **god-* (с.-х. *годити* 'нравиться', рус. *удобный*), **norv-* (рус. *нравиться*), **(po)dob-* (польск. *podobać się*), **priyat-* (рус. новг. *приятка* 'возлюбленный, возлюбленная'), **žal-* (рус. диал. *жалеть* 'любить'). При этом в большинстве гнезд так или иначе, на той или иной стадии семантической деривации представлены ключевые для данного семантического поля смыслы (мотивы) — желания, хотения (**xotěti, *volěti, *želati, *želěti*)⁴, заботы, опеки (**l'ub-, *mil-, *kox-*), физического контакта как способа выражения чувства (**kox-, *lask-, *l'ub-*), сострадания, жалости (**mil-, *žal-*), привычки, обычая, нрава (**ob-vuk-, *norv-*), радости и удовольствия (**l'ub-, *dorg-, *kox-*) [подробнее см.: Birnbaum 1978; Jakubowicz 2000; Толстая 2012а, 2012б; наст. изд., с. 216–238].

Более подробному анализу далее подвергается отвлеченная понятийная сфера, обозначаемая в славянских языках глаголом **iskati* (**jьskati*) и его синонимами.

4 Так, в ключевом для данного семантического поля глаголе **l'ubiti* мотив желания реконструируется не только на этимологическом уровне [см.: ЭССЯ 15: 176; Jakubowicz 2000], но и на уровне семантического толкования, ср. дефиницию рус. *любить*: «Х любит <обожает> Р = 'Х имеет свойство хотеть Р, потому что всякий раз, когда Х делает Р, использует Р или находится в контакте с Р, он испытывает большое удовольствие» [Апресян 2000а: 180], а также на уровне историко-семантических реконструкций, ср. о языке пушкинской эпохи: «Глагол *любить* наряду с обычными для современного языка значениями 'любить' и 'нравиться' мог широко и свободно использоваться в значении 'страстно желать (чего-либо)', 'мечтать (о чем-либо)» [Пеньковский 2012: 13].

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СФЕРА «ИСКАТЬ»**И ЕЕ ЛЕКСИЧЕСКОЕ «ОСНАЩЕНИЕ» В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ**

Если в качестве опорного слова в смысле Н. И. Толстого выбрать слав. **iskati*, то окажется, что его семантический спектр («амплитуда колебания») очерчивает некое смысловое пространство, не сводимое к какому-то одному определенному понятию, а покрывающее собой ряд достаточно автономных «ситуаций», связанных между собой набором признаков, которые в одних случаях приводят к лексикализации, порождая новые языковые номинации, в других — остаются в пределах семантики одной лексемы, формируя структуру ее многозначности. Поэтому, сравнивая славянские языки по ономаσιологическому (идеографическому) принципу, мы говорим не о трудно определимом в своих границах понятии «искать» как основе сравнения (типологии), а скорее о некоей диффузной семантической «сфере» (пользуясь удачным термином Х. Бирнбаума [Birnbauм 1978]) или семантическом поле, выделенных на основании собственно языкового признака — семантического спектра (набора значений) конкретной праславянской (общеславянской) лексемы.

Схематичный суммарный набор значений (семантическое поле, семантическая сфера) слав. **iskati* (**jьskati*) представлен в соответствующей статье (**jьskati*) в [ЭССЯ 8: 238]: ‘искать’, ‘хотеть’, ‘стремиться’, ‘просить’, ‘спрашивать’, ‘выскашивать’, ‘испытывать нужду в чем-л.’, ‘искать в голове’, ‘изучать, исследовать’. Будучи обозначенными словами русского языка, эти условные дефиниции, на первый взгляд, не обнаруживают явной семантической близости, тем не менее внутренняя связь этих значений подтверждается фактом их совместного присутствия в семантическом спектре других лексических единиц, используемых в славянских языках для обозначения тех же внеязыковых ситуаций и выступающих в роли межъязыковых синонимов⁵.

5 Показательно, что внешние (неславянские) параллели для **iskati* обнаруживают тот же «разброс» значений, ср. лит. *ieškoti* ‘искать’, др.-в.-нем. *eiskōn*, нем. *heischen* ‘требовать’, англосакс. *āscian*, англ. *ask* ‘спрашивать’, др.-инд. *icchāti* ‘искать, желать’, авест. *isaiti* ‘то же’ [ЭССЯ 8: 239].

Синонимический ряд, возглавляемый глаголом **iskati*, включает в славянских языках единицы следующих этимологических гнезд: **isk-* (ст.-слав., др.-рус. **искати**, рус. *искать*, с.-х. *искати*, словен. *iskati*), **šuk-* (польск. *szukać*, укр. *шукати*, белор. *шукать*), **ględ-* (чеш. *hledat*, словац. *hl'adat'*), **trag-* (с.-х. *тражити*), **trs-* (болг. *търся*), **bar-* (болг. *барам*, макед. *бара*), **dъr-* (болг. *диря*, серб. *дирати*), **sok-/sak-* (макед. *сака*, болг. *сакам*, с.-х. *сочити*, укр. *сочити*, белор. *сачыць*, рус. диал. *сачить*, *сочить*). Если далее рассмотреть семантические спектры каждого из перечисленных гнезд, то мы получим представление о том, как членится и концептуализируется интересующее нас смысловое пространство «искать» лексическими средствами разных славянских языков, какие признаки обозначаемых реальных ситуаций становятся релевантными для языковой номинации и как соотносятся между собой разные единицы общеславянского лексикона (разные члены межславянского синонимического ряда).

**iskati*

Праславянский глагол **iskati* (**jъskati*) известен в той или иной мере всем славянским языкам, однако в своем исходном значении ‘искать’ [ЭССЯ 8: 239] он присутствует далеко не везде — в качестве основного глагола он выступает в старославянском, древнерусском, церковнославянском, русском и словенском, в ограниченном наборе значений известен в сербскохорватском, тогда как в других языках он либо носит сугубо периферийный характер, либо является архаизмом, утратившим свое прежнее положение, либо получает другое значение (как в болг. *искам* ‘хотеть’). Однако и в сохраняющих исконное значение языках этот глагол имеет наряду с основным и другие значения. Так, в старославянском **искати**, кроме ‘искать’ (**иштѣти овѣрѣтѣтъ**), может означать ‘стремиться, хотеть, просить’ (**искааше видѣти**) и оказывается в разных контекстах синонимичным глаголам **възискати**, **изискати**, **поискати**, **въпрашати**, **просити**, **хотѣти**, **въстазати**, **истазати** [SJS 1: 791; CC: 264–265].

В русском литературном языке *искать* имеет довольно широкий круг значений: согласно [БАС 5: 440–441], это

1. Стараться найти, обнаружить кого-, что-л., 2. Добиваться чего-л., 3. *устар.* Желать, хотеть что-л. сделать, 4. Предъявлять иск, требовать судебным порядком, 5. Стремиться обнаружить местонахождение дичи (о собаке), 6. *устар.* Лестью и угодничеством добиваться расположения. В диалектах представлено также значение 'взыскивать, спрашивать с кого-л., предъявлять требования': «Мне сказали: ищи, бабушка, с колхоза (добивайся пенсии)», 'интересоваться чем-либо, вникать во что-л.' и др.; *искаться* 'искать', 'домогаться чего-л.': «Тятя, ты к маме не ищись», 'подавать иск в суд', 'случаться с самцом': «У тебя когда будет корова искаться?» [СРНГ 12: 214].

За этими очень общими дефинициями стоит ряд достаточно автономных значений, связанных с разной трактовкой и разной категоризацией ситуаций, охватываемых глаголом *искать* в русском языке. Этот предикат может обозначать некоторую активность, деятельность (занятие) субъекта, связанную с перебором мест, где может находиться объект поиска, или с выбором искомого из ряда однородных объектов; в этом случае *искать* коррелирует с «результативными» глаголами *находить*, *найти* [ср.: Толстая 2011а; наст. изд., с. 115–126]. В этой «деятельности» могут использоваться разные способы и «орудия»: можно искать «ногами», т. е. обходя те места, где предположительно находится объект поиска; можно искать «руками», т. е. перебирая содержимое шкафа, папки, книжной полки, листая словарь и т. п.; можно искать «глазами», высматривая искомое в поле зрения (последнее «орудие» поиска так или иначе используется и в двух предыдущих способах, предполагающих обязательный зрительный контакт между субъектом и объектом); реже орудием поиска служит слух (ср. поиск волны в радиоприемнике) или другие органы чувств (ср. рус. *вынюхивать*, укр. диал. *нюшити* 'искать, вынюхивать'). В других случаях *искать* акцентирует состояние (волю) субъекта и тогда обозначает желание, стремление к чему-л.: *искать знакомства*, *искать смерти* и т. п. Если же ситуация включает еще одного участника (косвенный объект), то *искать* может выражать желание, просьбу или требование к этому второму участнику (таковы, в частности, все «судебные» контексты предъявления иска). Наконец, по мере сужения,

конкретизации денотативного поля объектов поиска может происходить и сужение семантики предиката: *искать* ‘обращаться с иском в суд’, ‘выслеживать зверя’, ‘искать в голове’, ‘искать (стремиться, требовать) полового контакта’ и др.

В сербском языке «активное» (деятельностное) значение выделилось из сферы *искати* и получило отдельное лексическое выражение — *тражити*, соответственно, у *искати* произошло усиление «коммуникативного» аспекта значения: *искати* ‘стремиться к получению чего-л., просить о чем-л.’ (*искати хлеба, новаца* ‘просить хлеба, денег’), а при сужении значения и конкретизации ситуации — ‘просить руки, свататься’ или ‘просить цену за товар’. С другой стороны, может акцентироваться и внутреннее состояние субъекта, ср. значение ‘испытывать потребность в чем-л., нуждаться в чем-л.’: «Његово здравље иште потребу за лечењем» <Его здоровье требует лечения>; *искати помоћ* ‘нуждаться в помощи’ [РСЈ: 480]. В дальнейшем на этом пути естественно развивается значение ‘хотеть’, ставшее главным для этого глагола в болгарском языке, но периферийно присутствующее и в сербскохорватском, ср.: «Kad mi srce ište, nek ide učiti» <Раз сердце просит (хочет), пусть идет учиться> [RHSJ 3: 877] и словенском: *iskati pomoč, sočutje* ‘искать помощи, сочувствия’.

В словенском языке глагол *iskati* имеет следующие значения: 1. ‘стараться обрести нечто потерянное, спрятанное или отсутствующее на месте’, 2. ‘стараться получить то, чего человек не имеет (работу, квартиру, мужа, способ решения, выход из положения и т. п.)’, 3. ‘стараться определить или узнать нечто (искать дорогу, слово в словаре, информацию в книге и т. п.)’, 4. ‘желать, хотеть, ожидать (помощь, поддержку, сочувствие и т. п.)’, 5. при глаголах *идти, ходить* выражает цель; «Šel je iskat kruh» <Пошел за хлебом>, «Kaj spet iščeš tu?» <Зачем ты сюда пришел?> [SSKJ 2: 73–74].

Судьбу праславянского глагола **iskati* (**ьskati*) в разных славянских языках в общих чертах проследил польский лингвист З. Грень, который изучал способы выражения понятия «хотеть» в славянских языках [Грень 1988]. Не повторяя его данных, приведу основные значения этого глагола в остальных славянских

языках, чтобы очертить его общеславянское семантическое поле. В польском, словацком, в некоторых русских, украинских и белорусских диалектах этот глагол представлен только в узком значении 'искать вшей в голове' или 'о животных: выбирать насекомых из шерсти, перьев' [SJPД 3: 266; Karłowicz 2: 209; SSJ 1: 618; SSN 1: 705; Даль 2: 113; Гринченко 4: 238 — *ськати*; ЭСБМ 3: 399]. Остаточны сохраняются следы исходного значения в украинских и белорусских говорах: укр. закарпат. *иськати* 'искать': «Не йськай б'іду — б'іда сама прийде»; *иськатися* 'искать для себя то, что нужно': «Не майеш роботы, та йис'кайс'а, не сиди дома» [Сабадош 2008: 135]; гуцул. *искати* 'испрашивать, просить', *искати гроши* 'зарабатывать деньги' [Жерча 1: 381]; белор. диал. *искаць* (= *шукаць*): «Ён искаў яё па саседзях» [СПЗБ 2: 348], «Бягу свае маткі йскаць» [Бялькевіч 1970: 215]; они известны также в древнепольском и древнечешском, в староукраинском и старобелорусском языках (до XV–XVI вв.).

Смена исходного значения праслав. **iskati* в болгарском языке, где этот глагол получил значение 'хотеть', произошла в результате грамматикализации праслав. **xotěti* / **xьtěti* в функции показателя будущего времени, вызвавшей утрату его как основной лексической единицы со значением 'хотеть' и передачу этого значения глаголу с исходным значением 'искать'. Сам по себе этот семантический сдвиг весьма показателен и вполне закономерен, поскольку семантический компонент 'хотеть' является неотъемлемой составляющей семантики 'искать', что подтверждается данными семантической деривации в праславянском гнезде **isk-* во всех славянских языках.

***šukati**

Глагол **šukati* служит основным обозначением разнообразных ситуаций, относящихся к сфере «искать» в польском (засвидетельствован с XIV в.), украинском и белорусском языках (в последних признается полонизмом). Относительно его этимологии единого мнения не существует — его считают либо германизмом, родственным нем. *suchen* [Brückner 1957: 557], либо собственно славянским образованием первоначально звукоподражательного характера с исходным значением 'производить шум,

шорох' и дальнейшим развитием значения 'искать' через посредство 'ходить с шумом в поисках чего-л.' [Boryś 2005: 607–608]. В польском языке предикат *szukać* охватывает основной круг ситуаций, непосредственно связанных с поиском как «действием» (первый круг значений), а также наиболее типичные «субъективные» аспекты ситуаций поиска, акцентирующие волю субъекта и устраняющие, по существу, акциональный компонент (второй круг значений), а именно: 1. 'искать, т. е. выяснять, где (обычно во многих местах) находится кто-то или что-то, стараться найти': «Szukał jej po całym mieszkaniu. Zaglądał do wszystkich pokoiów» <Искал ее по всей квартире. Заглядывал в каждую комнату>; 2. 'стремиться к чему-то, стараться что-то получить': «Szukał rozrywki w zabawach szumnych, w sztukach, w literaturze» <Искал развлечений в шумных забавах, в спектаклях, в литературе> [SJPD 8: 1197–1198]. В толковании словаря справедливо подчеркнута при первом, главном значении роль локативного параметра ситуации. В древнепольских текстах этот глагол представлен также и в юридических значениях, воспринятых, вероятно, от исчезнувшего **iskati*: 'обращаться в суд с иском', и далее 'обвинять' и 'мстить'; отражено в них и значение 'исследовать, расследовать', характерное и для других единиц интересующего нас лексического поля [SSp 8/7: 586].

В украинском *шукати* (засвидетельствовано с XIV в.) также представлены оба основных типа значений — «акциональное» ('искать, перебирать') и «субъективное» ('стремиться к чему-л., желать чего-л., добиваться чего-л.'), с помехой «устар.» дается также «юридическое» значение 'предъявлять иск в суде' [СУМ 11: 558–559]. Украинский глагол, кроме беспредложного прямого объекта (*шукати кого, чого*), может иметь в диалектах управление с предлогом *за*: «Єї тато і єї чоловік за нею шукають» (пример из закарпатских записей В. Гнатюка) [Гринченко 4: 517], в чем можно видеть характерный акцент на поиске как движении в сторону искомого объекта.

В белорусском языке круг значений глагола *шукаць* и его дериватов в принципе совпадает с польским и украинским. В диалектах зафиксировано суженное значение *шукацца* 'искать вшей в голове' [СПЗБ 5: 504], ср. в этом значении рус. *искать, искатьсья*.

***ględati**

Лексика этого гнезда акцентирует один из видов поиска как действия, а именно поиск с помощью зрения, который имплицитно присутствует или подразумевается как один из прототипических видов поиска (наряду с хождением и перебиранием руками) в семантике всех других лексических средств данной сферы. В чешском и словацком глаголы этого гнезда (соответственно *hledat* и *hľadat*) выступают в качестве основных с общим значением ‘искать’; спорадически этот глагол известен в этом значении также и другим славянским языкам (например, укр. *глядіти* ‘искать’ [СУМ 2: 91; Гринченко 2: 292]; карпат. *γľadati* [Николаев, Толстая 2001: 84]; ср. также рус. *высматривать*; рус. диал. *глядеть* ‘высматривать’, ‘ожидать’: «Подарки дарят — отдарков глядят» [СРНГ 6: 230]; в.-луж. *hladać* ‘искать’ — наряду со значениями ‘смотреть’, ‘следить’, ‘ожидать’ и др.), семантические параллели можно найти и в неславянских языках (ср. англ. *look for* ‘искать’).

Для чешского *hledat* (*hledati*) характерны как «акциональные» значения, предполагающие физические действия хождения, перебирания (*hledat ve skříni* ‘искать в шкафу’, *hledat citát v knize* ‘искать цитату в книге’), так и значения, связанные с желанием, стремлением или потребностью субъекта (*hledat práci* ‘искать работу’, *hledat možnost* ‘искать возможность’ и т. д.), а также синкретичное значение ‘искать, усматривать’. Семантическое расхождение с исконным значением праслав. **ględati* ‘смотреть’ закреплено в морфологическом оформлении разных глагольных классов: *hledat* ‘искать’ и *hledět* ‘смотреть’. Аналогичное формальное размежевание претерпел этот глагол в словацком, где *hľadat* — ‘искать’, а *hľadiet* — ‘смотреть’, причем первый глагол может иметь как конкретное значение действия (*hľadat cestu* ‘искать дорогу’), так и абстрактное значение стремления, желания чего-л., потребности в чем-то (*hľadat prácu* ‘искать работу’, *hľadat šťastie* ‘искать счастья’). В словацких диалектах к этим основным значениям добавляется семантика поиска в смысле исследования, изучения — как в физическом смысле (‘ощупать’), так и в абстрактном (‘проникнуть, познать’) [SSN 1: 566] (ср. рус. *научный поиск*, *разыскания*, серб. *истраживање* ‘исследование’ при *traжити* ‘искать’ и др.).

Семантической параллелью к развитию ‘смотреть’ → ‘искать’ может служить устаревшее значение польск. *patrzeć* ‘искать’: «Ja, wierz mi, w kobiecie wzajemności patrzę samej» <Я, поверь, ищу в женщине только взаимности> [SJPД 6: 198], а также кашуб. *patřec* 1. редк. ‘искать чего-н. глазами’, 2. ‘следить’, 3. ‘щупать курицу, чтобы узнать, не снесла ли она яйцо’ [Sychta 4: 44].

**tražiti*

Этот глагол⁶, производный от южнославянского (возможно, и праславянского [Skok 3: 487; Bezlaj 4: 210]) **tragъ* / **traga* ‘след’, является основным в сербскохорватском языке и одним из глаголов с этим значением в македонском (*тражи*, *трага* ‘искать’ как синоним основного *бара*). Его семантическое развитие представляется совершенно прозрачным: ‘идти по следу’, ‘следить’ → ‘искать’. Как и в других языках, его первое значение связано с «акциональным» аспектом поиска (изначально с хождением), т. е. он означает действия, направленные на то, чтобы найти то, что потеряно, скрыто, спрятано. Однако дальнейшие значения развивают в большей степени, чем глаголы поиска в других языках, «коммуникативную» семантику, направленную на внешнего участника: ‘желать, чтобы адресат появился’: «Отац ти је на смрти. Тражи те» <Твой отец при смерти. Хочет, чтобы ты пришел>, и далее ‘просить’, ‘нуждаться в чем-л., требовать чего-л.’: «Дете тражи негу» <Ребенок нуждается в уходе> — и ‘предлагать руку и сердце (свататься)’ [РСЈ: 1329]. Подобно своим синонимам в других языках, серб. *тражити* получает значения, связанные с поиском знания, т. е. с исследованием: *истраживати* ‘исследовать’, *истраживање* ‘исследование’ (ср. с той же внутренней формой рус. *исследование*, болг. *изследване*).

**barati*

Этот глагол, известный только южнославянским языкам (болг. разг. и диал. *барам* ‘трогать’, ‘искать’, ‘спрашивать’, макед. *бара*

6 Диалектное косовское также в огласовке *трагати* ‘расспрашивать, стараться узнать’, *трагача* ‘любопытная женщина’ [Елезовић 2: 332].

‘искать’, ‘стараться получить’, ‘испытывать нужду, потребность’, ‘назначать цену’, серб. диал. *барати* ‘искать’, ‘трогать’ и др., словен. устар. *barati* ‘спрашивать’), с исходным «физическим» значением ‘трогать, щупать, касаться’ этимологи предположительно связывают с **borti / *boriti*, считая его итеративом к этому глаголу и предполагая сложный и не очень понятный путь семантического развития: ‘проникать, искать, спрашивать, просить, требовать’ с дальнейшим сужением значения: ‘ломать, сокрушать’ → ‘трогать, щупать’, ‘рыться’, ‘работать’ [ЭССЯ 1: 159] (там же обзор предшествующих мнений). В краковском «Праславянском словаре» глаголы **barati* ‘бороться’ (как итератив от **borti / *boriti*) и **barati* ‘трогать, щупать, искать, хватать’ признаются омонимами, причем второй не получает определенного истолкования; не исключается и его родство с первым [SP 1: 192]. Подробную сводку сербских диалектных значений глагола *барати* дает новый «Этимологический словарь сербского языка»: ‘искать’, ‘касаться, дотрагиваться’, ‘дергать, задевать, вызывать’, ‘сердить’, ‘вмешиваться в чужие дела’ и некоторые другие [ЕРСЈ 2: 191]. Этот набор, как нетрудно заметить, совпадает с семантическим спектром многих других глаголов поиска, отличаясь, может быть, только семантикой воздействия на адресата — ‘задевать, сердить’, которая, впрочем, вполне согласуется с общей линией семантической деривации (ср. нередкое у глаголов этого круга значение ‘вмешиваться в чужие дела’).

**tręsti*

В болгарском глагол *търся* (от **tręsti* ‘трясти’ [БЕР 8: 566]) обладает широким кругом значений: ‘искать, стремиться найти нечто (вещественное), конкретный объект’, ‘стремиться найти кого-л., установить его местонахождение’, ‘стремиться получить или узнать нечто необходимое’ (*търся квартира* ‘искать квартиру’, *търся щастие* ‘искать счастья’), ‘стремиться открыть, узнать’ (*търся минерални залежи* ‘искать залежи минералов’), ‘ожидать, требовать’ (платы, вознаграждения, награды и т. п.), ‘хотеть’ (что-то делать) [РСБКЕ 3: 452–453]. Его синонимы *барам* (см. выше) и *диря* отличаются более узким значением или употреблением: *барам* разг. ‘трогать,

касаться', *диря* 'искать', 'стремиться получить, открыть нечто новое' [РСБКЕ 1: 35, 250].

****dьrati*, **diriti***

Болгарский глагол *диря* составляет полную параллель с.-х. *тражити*, поскольку он является дериватом имени *диря* со значением 'след' и первоначально означал 'следить, выслеживать' [БЕР 1: 396]. С другой стороны, с.-х. *дирати*, относящийся к тому же праславянскому гнезду **dьr-*, семантически соответствует другим глаголам с исходным акциональным значением 'трогать, касаться, прикасаться': «Гране су дирале прозора» <Ветки касались окна>, в том числе и в переносном смысле — 'затрагивать какую-то тему, вопрос, касаться какой-то темы, вопроса' [РСJ: 282] — с дальнейшим развитием: 'вторгаться, вмешиваться', 'задевать, задирать', 'возбуждать, сердить' (ср. выше сходное развитие *барати*). С этими глаголами этимологи сопоставляют лит. *dyrėti* 'следить, подкарауливать, подглядывать', которое, возможно, тоже развилось из 'прокладывать след' ← 'продирать, драть' и также восходит к и.-е. **der-* 'драть, рвать' [ЭССЯ 5: 31].

****sokati*, **sakati*, **sočiti***

В македонском и болгарском этот глагол имеет широкий круг значений, включающий 'хотеть', 'любить', 'искать', 'думать, считать', 'казаться', и сопоставляется этимологами с лит. *sakyti* 'говорить' и латин. *sequor* 'следить, преследовать' [БЕР 6: 427]⁷. Этот ряд значений оказывается очень близким к тому смысловому полю, на которое проецируется лексика поиска в славянских языках. На первый взгляд, несколько выпадает из этого поля значение 'любить', однако оно оказывается логическим «продолжением» семантики желания, составляющей ключевой мотив лексики любви во многих языках мира (подробнее см. [Jakubowicz 2000; Толстая 2012в; наст.

7 Некоторые этимологи считают, что эти слова восходят к двум разным омонимичным индоевропейским глаголам — соответственно со значением 'говорить, показывать' и 'следовать' [см.: Gołąb 1961].

изд., с. 216–238]), так же как и ключевой мотив лексики поиска. Значение ‘искать’, наряду с другими и часто в суженном объеме, присуще также глаголам этого гнезда в других языках и диалектах: с.-х. диал. *sočiti* ‘искать, находить (жену)’, ‘искать, выслеживать (вора)’, ‘свидетельствовать в суде’, ‘ловить, охотиться’ [RHSJ 15: 871]; др.-рус. *sočuti* ‘искать, отыскивать’, ‘выскивать по суду’, ‘разузнавать, расспрашивать’, ‘доносить’ [СРЯ XI–XVII]; рус. диал. пск. *sacitъ* ‘искать’: «Уж мы сачили, сачили да толк потеряли», арханг. *sacкатъ* ‘выпрашивать, выманивать’ [СРНГ 36: 158], диал. *soचितъ* ‘искать’, ‘выслеживать’ [СРНГ 40: 93]; укр. *soचितи* ‘подстерегать’, ‘выслеживать’ [Гринченко 4: 171; ЕСУМ 5: 364]; белор. *sачыць* ‘следить, наблюдать’, ‘выискивать’, ‘гнать зверя’ и др. [ЭСБМ 10: 330–331]; польск. *soczyć* ‘выслеживать зверя по следу’ [Karłowicz 5: 187].

Сравнение семантических спектров рассмотренных выше основных славянских глаголов, которым присуще значение ‘искать’, обнаруживает, что их объединяет не только это значение, но и многие другие, которые, таким образом, можно считать семантически связанными с ‘искать’. Таковы значения ‘трогать, касаться’, ‘шарить, ворошить’, ‘хотеть, желать’, ‘просить’, ‘требовать, нуждаться’, ‘спрашивать’, ‘следовать’, ‘изучать, исследовать’, ‘предъявлять обвинение, иск’ и др., обнаруживаемые в спектрах сразу нескольких или даже многих глаголов. Суммарный набор этих значений образует некую диффузную область смыслов, связанных друг с другом по принципу сети. При этом одни и те же значения в спектре разных гнезд занимают разное место и по-разному соотносятся со значением ‘искать’, которое, в свою очередь, может иметь разный статус — оно может быть этимологически исходным, как в праслав. **iskati*, а может быть семантически производным и появляться на разных стадиях семантической деривации. Иначе говоря, глагол со значением ‘искать’ в славянских языках может быть немотивированным, первичным (**iskati*), а может быть мотивирован одним из признаков (параметров) ситуации поиска.

Для того чтобы понять логику такого рода номинаций и их мотивировок, необходимо снова обратиться к исходной ситуации поиска и способам ее категоризации с помощью предиката. Какие параметры или виды этой ситуации могут быть определяющими для номинации? К числу наиболее релевантных признаков относятся следующие.

1. Состояние субъекта поиска, его желание, стремление, намерение, потребность найти что-то или кого-то. Акцент на этом признаке, органически входящем в понятие поиска, делает естественным сочетание семантики желания с семантикой поиска в семантическом спектре большинства лексем, имеющих значение 'искать', ср. также показательное развитие 'искать' → 'хотеть' в болгарском языке (хотя бы и обязанное не внутреннему, а внешнему импульсу, т. е. грамматикализации **xotěti* / **xъtěti*).

2. Характер объекта поиска и связанный с ним характер предиката. Если искомое — конкретный объект (предмет или лицо), поиск будет состоять в переборе мест, где он может находиться; если это неопределенный желаемый объект (работа, квартира, жена и т. п.), то поиск будет предполагать выбор одного из однородных объектов, удовлетворяющих определенным критериям; если же искомым оказывается некое абстрактное состояние, чувство (счастье, признание, внимание, смерть и т. п.), то, по существу, поиск становится тождественным стремлению не столько найти, сколько получить (или каузировать) желаемое, что отмечается большинством словарных дефиниций, предлагаемых для *искать* и его синонимов⁸.

3. Характер самого предиката, его принадлежность к классу действий или состояний. Этот признак связан с предыдущим: поиск конкретного объекта носит акциональный характер, он требует совершения некоторых физических действий (ходить, перебирать руками, рассматривать и т. п.) с целью найти искомое, поиск — выбор неопределенного объекта также предполагает совершение (многократных)

8 Компонент 'получать' присутствует также в семантике глагола *находить* [Толстая 2011а; наст. изд., с. 115–126].

конкретных действий (хождения, знакомства, осмотров и т. п.), тогда как абстрактный объект не требует физических действий для его нахождения-обретения, а предполагает (кроме желания) скорее желание-ожидание благоприятного случая.

4. Прототипическим предикатом поиска следует считать поиск-действие. При этом важными признаками оказываются способ действия и орудие действия. Выше уже говорилось о том, что на первом месте по важности стоит зрение, поскольку всякий поиск предполагает в качестве результата зрительный контакт с искомым объектом. Значимость этого признака подтверждается его генерализацией в чеш. *hledat* и словац. *hl'adat'*, обозначающих не 'искать глазами', но 'искать вообще'. Ср. также рус. диал. *зарить* 'смотреть, искать': «Зарил, зарил кобыленку, да нетути» [СРНГ 10: 384], *зырить* 'рассматривать, разглядывать' и 'искать' [СРНГ 12: 38], *нырить* 'высматривать, выслеживать' и 'искать' [СРНГ 21: 324] и т. п.

Из других физических способов поиска основой номинации могут становиться действия, производимые руками (рыться, шарить, перебирать) и ногами (ходить), или какие-то характеристики этих действий: сопровождающие их звуки (ср. приведенную выше этимологию польск. *szukać* от 'ходить, производя характерный шум'), способ движения — по следам (с.-х. *тражити*, рус. *выслеживать* и др.) и т. п. Во многих случаях такого рода номинации оказываются не основными, а вторичными, часто экспрессивными, обозначениями поиска, ср. русские диалектные глаголы: *барабать*: «Не знаю, где и барабать свою табакерку» (первое значение 'рыть, копать, перебирать руками' [СРНГ 2: 99–100]), *гоножить* 'искать' и 'копаться, рыться', *грабастать* 'хватать', 'искать', 'нащупывать', *зобать* 'клевать, хватать клювом', 'брать, хватать', 'искать', *колупать* 'искать, рыться', *копать* 'искать' и т. п. Значение поиска способом хождения демонстрирует прежде всего основной для всех славянских языков глагол со значением 'находить' и внутренней формой 'достигать хождением' (рус. *находить*, серб. *налазити* и т. п.), ср. также рус. диал. *батать* 'искать, бегая', *сваишить* 'слоняться', 'искать', 'копаться' (все примеры из [СРНГ]).

Среди мотивирующих значений для лексики поиска отмечаются также 'достигать', ср. *добираться* 'искать': «Чтобы

вывести кикимору, добираются человека, который ими заведует, т. е. колдуна или колдуньи» [СРНГ 8: 74], ‘проникать, вторгаться, вмешиваться’, ср. *ныкать* ‘проникать’ и ‘искать’: «Схоронила его фонарик, так он полдня ныкал, пока и не сказала ему, где он» [СРНГ 21: 322], ‘получать’, ср. *наживать* ‘искать’: «Пошел он (мужик) работы себе наживать» [СРНГ 19: 268].

Нельзя не заметить, что эти же значения, т. е. значения, выступающие в качестве мотивирующих для лексики поиска, оказываются совмещенными со значением ‘искать’ в многозначных глаголах, в том числе и в семантическом спектре основных глаголов поиска. В то же время некоторые другие значения не могут быть мотивирующими для основных глаголов поиска, а появляются только в качестве их семантических дериватов. К ним относятся, например, значения ‘просить, спрашивать, взыскивать’, которые актуализируют «коммуникативный» (в том числе «юридический») аспект поиска, его ориентацию на партнера, или ‘изучать, исследовать’, которое закономерно развивается на базе значения ‘искать’ путем ограничения понятия ‘искать’ сферой знания⁹.

Метод, предложенный Н. И. Толстым, таким образом, позволяет реконструировать состав единиц и внутренние связи как лексического, так и семантического поля поиска в славянских языках, установить основные семантические признаки, лежащие в основе их членения в лексике разных языков, и выявить разные в разных языках способы категоризации соответствующей денотативной области (выбор разных признаков и параметров ситуации в качестве основы номинации), хотя в случае отвлеченных понятий эта типология выглядит менее четкой, чем в случае конкретных номинаций.

9 Семантический компонент знания с необходимостью присутствует в значении глаголов поиска-действия, поскольку они предполагают определение (узнавание) того места, где находится искомый объект, и далее — контакт с ним и, как правило, «получение» его (включение в свою личную сферу). Этого компонента нет в семантике поиска-ожидания (человек, ищущий счастья, не должен выяснять, где оно находится).

ПАЛИТРА ЧУВСТВ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА

Видеть музыку, слышать танец.
(кредо Дж. Баланчина)

Посмотри, как вкусно,
попробуй, как красиво.
(рекламный щит в московском метро)

Речь идет о пяти главных чувствах — зрении, слухе, осязании, обонянии, вкусе, т. е. о тех способностях и состояниях человека, которые определяются действием специальных органов человеческого тела — это глаза, уши, кожа, нос и язык. С помощью этих органов человек воспринимает свойства объектов внешнего мира, поэтому эти виды восприятия иногда называются *внешними* чувствами в отличие от внутренних ощущений и чувств, т. е. восприятия того, что происходит внутри человека (например, чувства боли, жажды, голода) или между людьми (например, чувства обиды, зависти, уважения и т. п.). Их называют также *физическими* в отличие от физиологических (боль, голод), психологических (обида, зависть), эмоциональных (радость, страх), ментальных (гордость, ответственность, вина) ощущений и состояний. Все люди в норме обладают этими способностями и состояниями, и, казалось бы, никаких особенных различий в этом отношении между разными языками и культурами быть не должно. Тем не менее это не так — культура и язык накладывают весьма сильный отпечаток на восприятие мира органами чувств, на трактовку этих способов восприятия, на их разграничение и иерархию. Дальше я постараюсь на некоторых (самых простых) примерах показать особенности трактовки этих чувств в русском и других славянских языках, обращая внимание на различия между ними. Изложение будет состоять из двух частей. Сначала будет рассмотрена сфера чувственного восприятия «извне» — как одна из «систем человека» (термин Ю. Д. Апресяна), как составная часть единого пространства внутреннего мира человека, а затем — «изнутри»,

т. е. соотношение разных видов чувственного восприятия друг с другом и явление синестезии чувств, т. е. отсутствия четких границ между ними с точки зрения языка.

Начнем с базовых терминов *чувство* и *чувствовать*. Прежде всего мы заметим, что по отношению к зрительному, слуховому, осязательному, обонятельному и вкусовому восприятию в русском языке слово *чувство*, по существу, не употребляется. Оно употребительно только для книжного выражения *органы чувств*. Но мы не говорим *чувство зрения*, *чувство слуха* и т. д. Слово и понятие «чувство» оказывается слишком широким в своей семантике, для него более естественно употребление по отношению к другим видам или сторонам внутреннего мира человека, а именно к области физиологических ощущений (*чувство голода, жажды, боли, жара, головокружения, тошноты* и т. п.), к области эмоциональных состояний (*чувство бодрости, радости, раздражения, печали, грусти, тревоги, страха* и т. п.), к особой области так называемых эмоций-отношений (*чувство любви, восхищения, неприязни, ненависти, вражды, зависти, дружбы, родства* и т. п.), наконец, к области ментальных состояний (*чувство долга, ответственности, чувство нового* и т. п.). Поскольку все эти разные состояния могут в русском языке обозначаться общим словом *чувство*, то семантический объем этого слова оказывается очень широким; вместе с тем эта широта показывает непрерывность мира человеческих чувств, их единство.

Однако все названные сферы восприятия, объединяемые словом и понятием «чувство», разграничиваются по другим языковым признакам, по их сочетаемости с другими единицами словаря. Об этом здесь нет возможности говорить подробно, ограничусь несколькими примерами. Мы можем сказать и *чувство голода*, и *ощущение голода*, но мы вряд ли скажем *ощущение любви, ощущение ответственности, ощущение долга* (при нормальном *чувство ответственности, долга*). Мы говорим *сознание долга*, но не *сознание боли*, мы можем *питать отвращение*, но не *печаль* и т. д. Таким образом, каждая сфера внутреннего мира человека имеет свои средства и способы выражения. Тем не менее единство всех этих «внутренних»

сфер человека (т. е. его физического, физиологического, эмоционального и ментального состояния), выражающееся в русском языке посредством единого слова *чувство*, находит отражение и в других сторонах лексической семантики, в частности в системе регулярной многозначности лексики чувств, способной обозначать состояния разного типа (ср. физиологическую *жажду* и *жажду знаний*, *интеллектуальный голод*, *головокружение от успехов*, *раздражение кожи* и *раздражение* как эмоциональное состояние и т. п.).

Русское (русско-церковнославянское) слово *чувство* восходит к праславянскому глаголу **čuti* со значением ‘чувствовать, замечать, распознавать’, т. е. глаголу с первоначальной синкретичной чувственно-ментальной семантикой, имеющему в других индоевропейских языках лексические соответствия с разнообразными «чувственными» значениями: греч. κοῦω ‘замечать’ и ἀκούω ‘слышать’, др.-инд. *kavi* ‘ясновидец, мудрец, поэт’, др.-в.-нем. *scouwōn* ‘смотреть’ и т. д. — и восходящему к и.-е. *(s)keu- [ЭССЯ 4: 135–137; SP 2: 295–297]. Праславянское значение реконструируется как синкретичное ‘чувствовать, ощущать, распознавать’, однако в отдельных славянских языках представлены также и специализированные значения: болг. *чуя*, *чувам* ‘слышать, слушать’, и далее ‘стеречь, охранять, защищать’ и ‘ходить, ухаживать (за кем-нибудь)’; то же семантическое развитие показывают сербскохорватский, македонский и словенский языки. Другая линия семантической деривации характерна для западнославянских языков: чеш. *čítí* ‘чуять’, ‘чувствовать, ощущать’ и ‘предчувствовать’, в.-луж. *čiś*, *čiwac* ‘чувствовать, ощущать’, ‘чуять, нюхать’, ‘пробовать на вкус’; польск. *czuć* ‘чувствовать’. В восточнославянских языках этот глагол получил разное семантическое развитие: др.-рус. *чутѣ* ‘чувствовать, ощущать’, ‘слышать’, ‘знать, сознавать’; рус. *чуять* ‘ощущать, познавать чувствами, преимущественно обонянием’, однако диал. ‘слышать’, ‘обонять’, ‘понимать’, укр. *чутѣ* и белор. *чуць* — ‘чувствовать, чуять’ и ‘слышать’. Мы видим, что славянские языки в целом сохраняют семантический потенциал праславянского глагола и покрывают весь спектр значений — от физических

и физиологических до сугубо ментальных ('понимать, сознавать') — и, таким образом, тоже подтверждают «единство» всего мира чувств человека; вторично они развивают новые значения (как юж.-слав. 'беречь, хранить', 'ухаживать'). Итак, основные значения праслав. **čuti* 'получать разные чувственные впечатления, особенно слуховые', 'осознавать' в славянских языках таковы:

ст.-слав. **чюѣти** 'чувствовать, ощущать, замечать, узнавать';

болг. *чуя, чувам* 'слышать, слушать', 'стеречь, охранять, защищать', 'ходить, ухаживать (за кем-н.)', диал. 'слышать';

макед. *чуете* 'слышать';

с.-х. *чутти* 'слышать, слушать';

словен. *čuti* 'слышать', 'бодрствовать';

чеш. *čítí* 'чуять', 'чувствовать, ощущать' и 'предчувствовать';

словац. *čut'* 'слышать';

в.-луж. *čuć, čuwać* 'чувствовать, ощущать', 'чуять, нюхать', 'пробовать на вкус';

польск. *czuć* 'чувствовать' (особенно об обонянии), ст.-польск. 'бодрствовать', 'знать, сознавать';

др.-рус. *чутти* 'чувствовать, ощущать', 'слышать', 'знать, сознавать';

рус. *чуять* 'ощущать, познавать чувствами', диал. 'слышать', 'обонять', 'понимать';

укр. *чутти* 'слышать' и 'чувствовать, чуять';

белор. *чуць* 'слышать', 'чуять, чувствовать'.

В южнославянских языках для обозначения чувственного восприятия, кроме дериватов праславянского глагола **čuti*, используется лексика еще одного гнезда — праславянского глагола **sětiti* (*se*) с тем же общим значением 'чувствовать, ощущать':

болг. *сетя, сещам* 'чувствовать, почувствовать' и 'разбирать, понимать', 'припоминать, напоминать', *сещам се* 'догадываться', *сетивни органи, сетивó* 'органы чувства', *усет* 'чутье';

с.-х. *сетити се* означает 'вспомнить, припомнить' и 'догадаться', но *осетити* означает 'почувствовать, ощутить', ср. *осет, осећај* 'ощущение, чувство, внешнее восприятие';

макед. *setи* ‘чувствовать’, *uset* ‘ощущение, чувство’, ‘нюх’, *сетило*, *сетила*, *сетиво* ‘орган чувства’ и — *чувство*, *чуло* (книжн.), ср. *сетило за вкус* и с.-х. *чуло укуса*;

словен. диал. *setiti se* ‘вспомнить’, *posetiti* ‘посетить’, устар. *poset* ‘визит, посещение’.

Этимология глагола **sētiti (sę)*, предложенная в словаре Скока и принятая в [БЕР], возводит его к индоевропейской форме **soi-to* с семантикой колдовства, чародейства и сопоставляет его с кельтским и старонордским словами со значением ‘колдовать, чары’ [БЕР 6: 628; Skok 3: 252]. Эту этимологию, однако, не принимает Безлай, который связывает славянский глагол с и.-е. **sueti-* ‘гость’ [Bezljaj 3: 231]. Но для нас важно то, что мы видим снова, что понятия чувственной и ментальной сферы обозначаются в разных языках одними и теми же словами.

В сербскохорватском и словенском главным способом обозначения органов физического восприятия все же оказываются дериваты глагола **čuti*: с.-х. *чула* ‘органы чувств’ (*чуло вида*, *слуха*, *мирица*, *укуса*, *пипања*), словен. *čutnica* ‘орган чувств’ (*slušne*, *vidne*, *vonjavne čutnice*, *čutnica za okus*), в то время как состояния более высокого уровня выражаются словом **čustvo*: *materinsko čustvo*, *prijateljsko čustvo*, *čustvo hvaležnosti*, *ljubezni*, *čustvo groze* и т. д.

В западославянских языках для выражения общего значения ‘чувство’ используется лексика ментального круга: польск. *zmysł (zmysł słuchu, wzroku* и т. д.), чеш. *mysl, orgány smyslové* ‘органы чувств’, т. е. слова, связанные с понятием мысли, мышления; но также и дериваты глагола **čuti*: в чешском *čidlo* ‘орган чувств’, в польском *czucie* ‘ощущение, чувство’, ср. укр. *почуття*, *органи почуттів*; белор. *пачуццё*, *органы пачуццяў* — *пачуццё зроку*, *слыху*, *смаку*, *нюху*, *дотыку*.

Как видим на примере слова и понятия «чувство», язык тем или иным способом, в большей или меньшей мере стремится выразить общность внутреннего мира человека, мира его ощущений и чувств, его «непрерывность», нестрогую дискретность отдельных видов восприятия и состояний и даже не абсолютную разграниченность сферы чувственного, эмоционального и ментального.

Ту же особенность языковой концептуализации мы можем наблюдать на примере глагольных обозначений ощущений и чувств человека. Понятие «чувствовать» (и «чувство») является одним из четырех фундаментальных, неопределяемых предикатов, относящихся к внутреннему миру человека. Это: 1. «мыслить», 2. «знать», 3. «хотеть» и 4. «чувствовать» (кроме них, среди «систем человека» есть только физические действия и «деятельность», включая речь). Иначе говоря, любая словарная или иная дефиниция лексики внутреннего мира человека должна включать в качестве основы (вершины толкования) одно из этих понятий. При этом «чувствовать» в данном случае понимается максимально широко и покрывает собой весь спектр чувственно-эмоциональных, психологических и интеллектуальных переживаний и состояний человека.

В русском языке основными предикатами чувственных состояний являются *чувствовать*, *ощущать* и *испытывать* (более ограниченно — *питать*). Сочетаемость этих глаголов лишь отчасти соответствует разным видам состояний, о которых говорилось выше. Например, глагол *ощущать* скорее относится к области физических и физиологических состояний (*ощущать прикосновение, тепло, вкус, запах* и т. п.), но может применяться и к более «высоким» сферам, например *ощущать свою вину, ответственность, ощущение опасности*, но не **ощущение долга* или **ощущение ненависти*. Глагол *чувствовать*, как и слово *чувство*, носит универсальный характер и в принципе может применяться к любым состояниям, хотя он ограниченно применим к «нижним» уровням. Подобно тому как мы не говорим **чувство зрения* или **чувство слуха*, точно так же мы не говорим **чувствовать свет* или **чувствовать звук, шум, стук* (для этих видов восприятия существуют специализированные глаголы *видеть* и *слышать*), хотя можем *чувствовать прикосновение* или *тепло*, можем *чувствовать вкус пищи* (о них говорится также *ощущать*). Следовательно, здесь границы видов восприятия и состояний не совпадают с границами сочетаемости (в данном случае граница сочетаемости проходит внутри сферы «внешнего», физического восприятия). Глагол *испытывать* также не обслуживает область

физического восприятия (мы не говорим **испытывать* звук, вкус или запах), он оказывается синонимичным глаголу *чувствовать* в некоторых более «высоких» сферах: хотя мы говорим *испытывать жажду, боль, зуд, мучения* и т. п., но более характерным употреблением следует признать *испытывать симпатию, неприязнь* и другие «чувства-отношения».

При этом глаголы с ограниченной сочетаемостью — *ощущать, испытывать*, и тем более *питать*, — имеют каждый свои семантические особенности, отличающие их от универсального *чувствовать*. Так, *ощущать*, как кажется, может выражать меньшую степень чувственного восприятия (по времени или интенсивности), чем *чувствовать* (ср. *чувствовать голод* и *ощущать голод*); тем более различны в этом отношении *чувствовать* и *испытывать* (ср. *чувствовать голод* и *испытывать голод* — в первом случае моментальное состояние, во втором — как моментальное, так и длительное). Кроме того, *испытывать* может почти утрачивать чувственный компонент (ср. *испытывать нехватку чего-н.*), впрочем, и в выражении *чувствовать нехватку чего-н.* этот компонент ослаблен (здесь *испытывать* и *чувствовать* по существу означают ‘иметь’). О различии глаголов-синонимов *испытывать* и *питать* писал Ю. Д. Апресян: «Во-первых, *питать*, в отличие от *испытывать*, сочетается исключительно с именами внутренних ментальных или эмоциональных состояний человека; нельзя, например, **питать боль, голод, жажду, зуд, колотье, мучения, покалывание в боку; *питать вождделение, похоть; *питать лишения, нехватку, крайнюю нужду.* Во-вторых, *питать* сочетается преимущественно с именами так называемых чувств-отношений, т. е. слов типа *доверие, любовь, ненависть, презрение, уважение* и т. п., описывающих эмоциональное или ментальное отношение субъекта к какому-то другому человеку или явлению» [Апресян 2006а: 103].

Таким образом, и на примере имен *чувство, ощущение*, и на примере глаголов *чувствовать, ощущать, испытывать, питать* мы видим, что интересующая нас сфера «внешнего», «физического» восприятия (с помощью органов чувств) оказывается составной частью более общей системы, иерархически

организованной и включающей следующие уровни (от низших к высшим):

1. физическое восприятие и состояние, предикаты: *воспринимать* (глазами, ушами и т. д. или зрением, слухом и т. д.); «конкретные» предикаты: *смотреть, видеть, слушать, слышать, касаться, обонять* и т. д.; предикаты «обладания» (способностью): *иметь, обладать, терять* (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус);

2. физиологическое состояние (боль, голод, жажда), предикаты: *чувствовать, ощущать, испытывать*;

3. эмоциональное состояние (радость, гнев, раздражение, страх), предикаты: *чувствовать, ощущать, реже испытывать*;

4. психологическое состояние (любовь, ненависть, зависть, стыд), предикаты: *чувствовать, испытывать, питать*;

5. ментальное состояние (долг, ответственность, вина), предикаты: *чувствовать, сознавать, реже ощущать*.

Особое место занимают ситуации «желания»: *чувствовать (испытывать, ощущать) желание, нужду, потребность, необходимость*, по существу, уже не относятся к чувственной сфере и приближаются к семантике чисто ментальной и волитивной («сознавать» + «желать»).

	«чувство», «ощущение»	«орган чувств»	«зрение»
рус.	<i>чувство, ощущение</i>	диал. <i>чуло</i>	диал. <i>вид</i>
укр.	<i>почуття, відчуття</i>	<i>органи чуттів</i>	<i>зір</i>
белор.	<i>пачуццё, адчуванне</i>	<i>органы пачуццяў</i>	<i>зрок</i>
польск.	<i>zmysł, uczucie, czucie</i>	<i>narządy zmysłowe</i>	<i>wzrok</i>
чеш.	<i>mysl, pocit</i>	<i>myslové orgány, čidlo</i>	<i>zrak</i>
словац.	<i>zmysel, cit, vjem</i>	<i>čudlo</i>	<i>zrak</i>

Это, так сказать, внешняя рамка, контекст, в который входит область пяти главных чувств, составляющих нижний уровень всей чувственно-эмоционально-психологически-ментальной конструкции (модели) внутреннего мира человека. При этом в разных языках, в том числе и в разных славянских языках, границы между этими сферами не совпадают. Интересующая нас сфера физического восприятия неотделима (с точки зрения языка) от этих других сфер в том смысле, что одни и те же слова и выражения могут использоваться для обозначения понятий, относящихся к разным чувственным сферам.

Теперь сосредоточимся на «нижнем» уровне, имея в виду внутренние отношения между разными видами чувственного восприятия. Здесь мы имеем «общие» имена типа *зрение, слух, осязание, обоняние, вкус*. Они означают прежде всего способность человека воспринимать мир соответствующими органами чувств (но также, как показала Е. В. Урысон [2003], могут обозначать нечто вроде «внутреннего органа», о чем ниже). Посмотрим, как эта способность обозначается в других славянских языках (базовая лексика).

«слух»	«осязание»	«обоняние»	«вкус»
<i>слух</i>	<i>осязание</i>	<i>обоняние</i>	<i>вкус</i>
<i>слух</i>	<i>дотик</i>	<i>нюх</i>	<i>смак</i>
<i>слых</i>	<i>дотык</i>	<i>нюх</i>	<i>смак</i>
<i>sluch</i>	<i>dotyk, patacanie</i>	<i>węch, powonienie</i>	<i>smak</i>
<i>sluch</i>	<i>hmat</i>	<i>čich</i>	<i>chut'</i>
<i>sluch</i>	<i>hmat</i>	<i>čuch</i>	<i>chut'</i>

болг.	<i>чувство, усещане</i>	<i>сетиво</i>	<i>зрение</i>
макед.	<i>осет, чувство, чуло</i>	<i>сетило, чуло</i>	<i>вид</i>
с.-х.	<i>осет, осећај</i>	<i>чуло, осетило</i>	<i>вид</i>
словен.	<i>čut</i>	<i>čutnica, čutilo</i>	<i>vid</i>

Мы видим, что даже эти несколько искусственные слова демонстрируют разные модели номинации (по диалектам эти различия еще заметнее). Самым устойчивым оказывается обозначение слуха (единый способ номинации во всех языках), все остальные названия заметно варьируют, в особенности это характерно для лексики осязания, что свидетельствует о достаточно позднем формировании соответствующих абстрактных понятий.

Но далее нас будут интересовать не столько языковые обозначения разных способов чувственного восприятия и состояний человека, сколько то, что эти способы (и соответствующие органы) в языковом представлении неравноправны, что, в свою очередь, отражает неодинаковую роль разных видов восприятия в жизни человека. Обычно и лингвисты, и психологи на первое место ставят зрение. К. Мошиньский в своей книге «Духовная культура славян», ссылаясь на психолога Горовского, говорит: «Człowiek jest wzrokowym zwierzęciem» <Человек — это зрительное животное> [Moszyński 2/1: 84] (в отличие от многих животных, для которых на первом месте стоят слух и нюх, обоняние). В этом убеждены и лингвисты. Ю. Д. Апресян, характеризуя систему восприятия и ее подсистемы, соглашается с общим мнением, что главной подсистемой является зрение. «За ней следует слух, затем обоняние, вкус и осязание, хотя относительный порядок трех последних не столь очевиден, как первых двух» [Апресян 1995а: 363]. Подтверждением этого может служить, во-первых, число обслуживающих каждую подсистему лексем (наиболее разнообразна и богата лексика зрительного восприятия, затем идет слуховое, остальные виды восприятия еще беднее в лексическом отношении); во-вторых,

<i>слух</i>	<i>осезание, усещание</i>	<i>обоняние, нюх</i>	<i>вкус</i>
<i>слух</i>	<i>допир</i>	<i>сетило, осет за мирис</i>	<i>вкус</i>
<i>слух</i>	<i>опит</i>	<i>њух</i>	<i>окус</i>
<i>sluh</i>	<i>tip</i>	<i>čut za vonj</i>	<i>okus</i>

подсистемы зрения и слуха особенно богаты метафорами типа *теплые (холодные) краски, острые звуки, сладкие речи* и т. п., поскольку «словарь именно этих систем обслуживает наибольшее число коммуникативных ситуаций и скорее всего изнашивается от постоянного употребления» [Там же: 354]. Е. В. Урысон, сравнивая высказывания с глаголами *видеть* и *слышать*, показывает, что ситуации, которые можно воспринимать и зрением, и слухом, всегда могут быть описаны с помощью глагола зрения и не всегда — с помощью глагола слуха; если есть хоть какие-то указания на визуальные характеристики, то обычно их «достаточно для того, чтобы слуховая ситуация сдвинулась в сторону зрительно-слухового класса. Выбор именно такого преломления действительности в языковой картине мира имеет, разумеется, внелингвистическую основу. В этом преломлении отражается безусловное доминирование зрения над всеми остальными органами чувств человека» [Урысон 2003: 150].

Следствием такого «неравноправия чувств» оказывается то, что лексика главных чувств (зрения и слуха) используется для называния «менее главных», например о запахе во многих языках говорят «слышать», так же иногда обозначают тактильные ощущения (ср. рус. диал. *слыхать в руке*, т. е. ‘ощущать’: «Портяные нитки, своедельные, слыхать хорошо в руке, они толстые» [СРНГ 38: 325]). С другой стороны, лексика зрения особенно легко «уходит» в высокие сферы внутреннего мира, прежде всего в сферу ментальную: *видеть* означает также ‘понимать, сознавать’ (*Я вижу, что времени мало*); выражения *посмотрим, увидим* часто вовсе не предполагают зрения; *слушать* и *слушаться* в значении ‘выполнять указания, подчиняться’ тоже

уже отрываются от исконной звуковой семантики и переходят в сферу поведения и взаимоотношения людей; *касаться, затрагивать* (с первоначальной «тактильной» семантикой) широко употребительны вне чувственной сферы (*касаться важных вопросов, затрагивать национальное чувство* и т. п.). Как показывают южнославянские языки, глаголы чувственного восприятия могут «уходить» не только в ментальную сферу, но и в сферу действий и поведения, ср. развитие **čuti* от обозначения способности (‘чувствовать, чутый, слушать’) к семантике действия: ‘бодрствовать, охранять, защищать’ и ‘ухаживать (за детьми, больными)’ [Младенов 2008], то же в рус. *смотреть (смотреть за детьми, больными)* и т. п.

Чешский этимолог В. Махек замечал: «Язык не придерживается точности в описании чувств и часто употребляет одни и те же выражения для разных перцепций» [Machek 1955: 22]. Можно сказать и наоборот: для одних и тех же ситуаций в разных языках могут использоваться разные коды, ср. рус. *прислушиваться к общественному мнению* (слуховой код) и с.-х. *обазрети, обазирати на јавно мњење* (визуальный код, как и рус. *с оглядкой на общественное мнение*). Неравноправие разных видов физического восприятия выражается еще и в том, что они неодинаково лексически оснащены в языке. В одних языках все пять видов восприятия имеют собственные обозначения и обладают, так сказать, равным положением в языке, одинаковой представленностью в лексике и фразеологии; в других же особым образом называется только зрительная способность, а все остальные обозначаются одним словом с общим значением чувственного восприятия; третьи языки занимают промежуточное положение. С другой стороны, в случае одних перцепций язык имеет особые наименования для всех или большинства компонентов ситуации восприятия, а в случае других обнаруживает значительные лакуны. Чтобы это показать, надо обратиться к структуре ситуации чувственного восприятия, обозначаемой языком.

Эта ситуация включает следующих участников.

1. **Субъект восприятия** — тот, кто видит, слышит, осязает, воспринимает запах, ощущает вкус.

2. **Орган восприятия:** глаз, ухо, тело (кожа), нос, рот (язык). Е. В. Урысон считает «невидимыми» органами также зрение (взгляд), слух и обоняние, но не осязание и вкус [Урысон 2003: 84]. Слова, обозначающие орган восприятия, могут в то же время обозначать способность восприятия. Ср. выражения *на глаз*, *на слух*, *на ощупь*, *на вкус* (где *глаз* означает ‘зрение’, *уши* означают ‘слух’, «*ощупь*» и *вкус* — как бы невидимые органы), так же как и обратное, ср. рус. диал. *нюх* ‘нос’: «Нюх ему разбил» [СРНГ 21: 329].

3. **Предикат ситуации**, т. е. само восприятие. Здесь возможны два случая, различие между которыми очень важно, однако оно для одних ситуаций восприятия выражается обязательно, для других не выражается. Речь идет об активном «действии» и пассивном «состоянии». Это различие отражено в противопоставлении глаголов *смотреть* (активное восприятие) и *видеть* (пассивное состояние), *слушать* (активное действие) и *слышать* (пассивное состояние). Это различие релевантно для всех ситуаций, но выражается оно по-разному в разных языках: в одних случаях есть специальные глаголы для активного и пассивного предиката, в других их нет; в одних случаях более важным оказывается активный глагол, в других — глагол, обозначающий состояние. Так, для осязания активными предикатами будут *трогать*, *щупать*, *касаться* (эти действия необходимы для восприятия температуры, фактуры, влажности и др.) при пассивном неспециализированном *чувствовать*, *ощущать* (ср. *чувствовать тепло руки*, *ощущать мягкость ткани*); для обоняния активный предикат — *нюхать* и *вдыхать*, а пассивный — *чувствовать*, *воспринимать запах* (т. е. специальный глагол отсутствует). Наименее полна парадигма вкусового восприятия: активным здесь является глагол *пробовать* (польск. *smakować* в одном из значений, болг. *вкусвам*, *опитам* / *опитвам*), тогда как специального пассивного глагола со значением ‘ощущать вкус пищи’, кажется, нет ни в одном славянском языке. Уже эта картина показывает неравноправность физических ощущений. Наличие активных предикатов отличает физический уровень от остальных, более высоких сфер восприятия и внутреннего состояния, в которых представлены только «пассивные» состояния.

4. Четвертым участником ситуации является, конечно, **объект восприятия**, т. е. то, на что смотрят, что слышат, осязают, нюхают или вкушают. Здесь приходится различать два вида объектов: во-первых, непосредственно воспринимаемый чувственный стимул, т. е. некоторое свойство объекта (свет, звук, фактура, запах, вкус), а во-вторых, сам воспринимаемый предмет в его целостности. Мы видим, что в русском языке есть специальное обозначение стимула для зрения (*свет*), для слуха (*звук*), для обоняния (*запах*), а для осязания используется приблизительное и необязательное понятие «фактура» или указание на конкретные физические свойства — температуру, влажность и т. п., для вкуса как «стимула» используется общее видовое название (ср. *потерять вкус* и *чувствовать вкус* — в первом случае способность, во втором — вкусовые свойства). В других языках это может быть иначе.

5. Еще одним участником общей ситуации восприятия оказывается, условно говоря, **предикат (свойство) объекта** как источника («субъекта») соответствующего стимула. Чтобы слушать или слышать что-либо, нужно, чтобы объект издавал звук, звучал; чтобы его видеть или на него смотреть, нужно, чтобы он был виден (чтобы у него был вид); чтобы воспринимать объект осязанием, нужно, чтобы он пришел в соприкосновение с вашим телом; чтобы обонять, нужно, чтобы объект источал запах; чтобы воспринимать вкус, нужно, чтобы объект обладал вкусовыми качествами (имел вкус). Здесь мы снова сталкиваемся с тем, что для ситуации слуха есть специальный глагол (условно — предикат объекта) *звучать* (его более «активный» вариант — *доноситься*), для обоняния — специальный глагол *пахнуть* (более «активный» вариант — стилистически окрашенное *шибать в нос*, простореч. *вонять*), для осязания и вкуса такого «активного» глагола воздействия нет (ср., однако, *обдавать жаром*, *колоть* и т. п., предполагающие квазиактивное действие объекта восприятия). Опять же в других языках это может быть по-другому. Например, в болгарском глагол *мириша* означает и ‘нюхать’ (предикат субъекта восприятия со значением активного действия), и ‘пахнуть’ (предикат объекта восприятия со значением пассивного состояния объекта).

Заметим, что нет специального предиката и для объекта зрения (в самом деле, о нем мы можем сказать только то, что он виден). Это свойство зрительной ситуации неслучайно. В исследованиях не раз отмечалось, что слух и зрение (как два основных вида восприятия) разнонаправленны: когда мы слушаем и слышим, звук идет от объекта к субъекту восприятия, а когда мы смотрим и видим, от объекта ничего не исходит, наоборот, глаз человека как бы устремляется в сторону объекта. Тем не менее в русском языке есть «квазиактивный» предикат зрения — *бросаться в глаза* (ср. также *выделяться*, *выступать из тьмы* и т. п.). Квазиактивный — потому что эти выражения характеризуют не столько активность объекта, сколько восприятие объекта субъектом.

В отношении числа объектов-стимулов выделяется осязание как более сложная, множественная форма восприятия. Если у зрения это однородные визуальные стимулы — свет, цвет, размер, форма, у слуха — акустические: звук, шум, у обоняния — только запах, у вкуса — вкус, то у осязания это и температура (теплый, холодный, горячий), и влажность (сухой, сырой, мокрый и т. п.), и фактура (гладкий, шершавый, колючий), и материал (шелковый, деревянный, железный, стеклянный и т. п.), и консистенция (твердый, мягкий, пышный) и др. В отношении же предметов-стимулов на первом месте, безусловно, стоит зрение, посредством которого человек способен воспринимать любые предметные объекты, в том числе и звучащие, и осязаемые, и пахнущие, и имеющие вкус. По словам Е. В. Урысон, «с точки зрения восприятия предметы образуют всего один — зрительный — класс. <...> Вещам противопоставляются звуки, ср. щебет, свист, шорох, скрип, хруст, гул, гуд, дробь (барабана) и т. п. Они образуют слуховой класс» [Урысон 2003: 153]. Иначе говоря, согласно такому представлению, у зрительного восприятия есть только предметный объект, а у остальных видов — только объект-стимул (звук, запах, вкус).

Таким образом, парадигма чувственной сферы в русском языке выглядит следующим образом (схематично).

участники ситуации	зрение	слух
субъект восприятия	человек, животное <i>зритель</i>	человек, животное <i>слушатель</i>
орган восприятия	глаз	ухо
активный предикат	<i>смотреть, глядеть</i>	<i>слушать</i>
предикат состояния	<i>видеть</i>	<i>слышать</i>
объект-стимул	вид (цвет, форма, размер)	звук, шум
объект-предмет	любой видимый объект	любой звучащий объект
предикат объекта	<i>быть видимым, светиться, белеть</i>	<i>издавать звук, звучать, скрипеть</i>

Мы видим, что наиболее заполненной оказывается парадигма слуха, для которой почти все выделенные признаки релевантны. Остальные парадигмы в большей или меньшей степени ущербны (наименее ущербны в этом отношении зрение и обоняние, наиболее — вкус).

Лексика восприятия включает, конечно, не только базовые категориальные понятия физического восприятия, но и огромный массив слов, в которые эти понятия входят как составная часть, образуя ядро их семантики. Мы не можем определить значения прилагательных *темный, красный, яркий, высокий, круглый, слепой* и т. п. без обращения к понятию зрения, прилагательных *мягкий, толстый, жирный, острый, горячий* и т. п. без обращения к понятию осязания; *кислый, соленый, пресный, вяжущий* — без обращения к понятию вкуса и т. д. Кроме того, очень многие глаголы и их дериваты включают в себя основные понятия перцепции и не могут быть определены без обращения к неопределяемым понятиям «чувствовать», «ощущать». Е. В. Падучева в своей книге привела большой список глаголов (более 250), которые она определила как тематический класс восприятия и которые с необходимостью включают семантический компонент того или иного вида чувственного восприятия (зрения, слуха и т. д.). К ним отнесены, например,

осязание	обоняние	вкус
человек, животное	человек, животное	человек, животное
тело (кожа)	нос	рот (язык)
<i>касаться, трогать, щупать</i>	<i>нюхать</i>	<i>пробовать</i>
<i>ощущать</i>	<i>обонять, чувствовать</i> запах	<i>чувствовать</i> вкус
фактура, температура и др.	запах (аромат, вонь, смрад)	вкус (соль, сладость, кислота)
любой физический объект	любой объект, имеющий запах	пища, растение
<i>быть теплым, влажным, твердым</i> и т. д.	<i>пахнуть, смердеть, вонять</i>	<i>быть соленым, кислым, терпким</i> и т. д.

белеть, вообразить, встретить, заметить, исчезнуть, обнажить, наткнуться, показаться, проступить, появиться, прозевать, раздаться, умолкнуть и т. д. [Падучева 2004: 197–255]. Заметим, что бóльшая часть таких глаголов отсылает к зрительному коду. Язык других подсистем восприятия значительно беднее. Так, у подсистемы обоняния фактически нет своего словаря: «Для обозначения элементарных запахов используется метафорически переосмысленная номенклатура элементарных вкусов, ср. *сладкий (горький, кислый, соленый) запах*. Более сложные запахи, особенно острые, обозначаются либо с помощью соответствующих вкусовых терминов (ср. *терпкий (пряный) запах, приторный запах*), либо через отсылку к предмету с характерным запахом (ср. *грибной запах, запах горького миндаля, хвойный запах* и т. п.). Собственно «обонятельными», не заимствованными, являются только оценочные прилагательные типа *вонючий, ароматный, душистый* и т. п.» [Апресян 1995а: 366].

С точки зрения лингвистики заслуживают внимания как семантика и узус слов со значением чувственного восприятия (зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса), так и вторичные денотативные сферы, обслуживаемые этой лексикой, в том числе метафорические (ср. *черные мысли, светлая голова,*

острый слух, горькое раскаяние, кислая мина, сладкие звуки, художественный вкус, мягкий характер, теплый взгляд, громкое имя и т. п.). Подобные метафорические употребления, так же как одинаковые языковые (лексические) способы выражения разных видов восприятия, различные в разных языках, замещение одного кода другим и т. п., считаются проявлением *с и н е с т е з и и*, т. е. нерасчлененного восприятия разных чувственных сигналов, прежде всего слуховых и зрительных. Этому явлению посвящена большая литература — как психологическая, так и лингвистическая [см.: Machek 1955; Judyska 1963; Zaręba 1973; Урысон 2003 и др.].

И. Юдицка среди разных проявлений синестезии выделяет «этимологическую синестезию», приводя в пример лексические единицы, этимологическое значение которых связано с разными видами чувственного восприятия, как, например, рус. *стыд*, польск. *wstyd*, восходящие к праслав. **stud-* ‘холодный’. В этом случае слово с «психологическим» значением скрывает в себе семантику другого, более «низкого», физического, вида восприятия — тактильного. Противоположным примером могут служить праславянские **slěp-* и **glux-*, обозначающие во всех славянских языках соответственно зрительное и звуковое восприятие (и развивающие дальнейшие метафорические или метонимические значения типа *слепой текст, глухая ссылка*). Эти общеславянские термины зрительного и слухового восприятия первоначально, скорее всего, были мотивированы семантикой физических действий типа ‘закрыть’, ‘залепить’ и т. п. [Wojtyła-Świerzowska 1991; Толстая 2007].

СЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К РУССКИМ VERBA И NOMINA DICENDI

Каждый славянский язык в отдельности и славянские языки в целом располагают чрезвычайно богатым набором лексики (прежде всего глагольной), относящейся к семантическому полю речи, говорения, языка и обозначающей самые разнообразные параметры и характеристики речи и речевых ситуаций¹. В то же время в каждом языке может быть выделено несколько «основных» глаголов, которые своей частотностью, синтаксической поливалентностью, полифункциональностью и полисемантической резко контрастируют с остальными единицами словаря *dicendi*, отличающимися несравненно меньшей частотой, более специализированными значениями и закрепленностью за ограниченным кругом речевых ситуаций и контекстов (ср., например, значения и узус рус. *молвить*, *гласить*, *заявлять*, *бубнить*, *шептать* и т. п.). В русском языке к таким основным глаголам относятся *говорить* и его видовой коррелят *сказать*, обладающий более узким набором значений и прагматических функций. Для русского глагола *говорить* выделено 11 значений, сгруппированных в четыре блока: 1.1. ‘сообщать’, 1.2. ‘утверждать’, 1.3. ‘велеть’, 1.4. ‘иметь предметом обсуждения’; 2.1. ‘произносить осмысленный текст’, 2.2. ‘произносить звуки’, 2.3. ‘употреблять выражение’; 3. ‘общаться’; 4.1. ‘передавать смысл’, 4.2. ‘быть источником информации’, 4.3. ‘означать’ [см.: Зализняк Анна 1991]. Примерно этот же круг значений характеризует основные глаголы в других славянских языках. Для польского языка это *mówić* и *powiedzieć*, для сербскохорватского — *говорити*, *рећи*, *казати* и отчасти *велим* (инфинитив отсутствует) и т. д. При этом некоторые из основных глаголов могут иметь неполный (а иногда и весьма редуцированный) набор значений и синтаксических конструкций, но все они укладываются

1 Так, в монографии Збигнева Греня, посвященной польским и чешским глаголам, обозначающим речевые акты [Greń 1994], число анализируемых глаголов для каждого языка превышает тысячу.

в стандартный перечень «обязательных» значений, к которым могут быть условно отнесены значения первых двух групп в приведенном списке (таковы, в частности, *velim* в сербско-хорватском, *rzec* в польском, *vraviet'* в словацком и др.).

Всего таких основных глаголов *dicendi* в славянских языках насчитывается не более десятка. Все они принадлежат к древнейшему праславянскому фонду: **govoriti*, **kazati*, **rekti*, **mьlviti*, **povědati* / **pověděti*, **praviti*, **golgolati*, **velěti*, **besědovati*, **sьbьrati* / **sьbirati*, и только один из основных глаголов, а именно словац. *vraviet'*, не может быть безоговорочно причислен к праславянскому лексикону, поскольку он не засвидетельствован в других славянских языках². Все остальные лексемы известны во всех славянских языках, однако лишь в некоторых они имеют статус основных, оставаясь в других языках на периферии семантического поля речи или же вообще вне его. С другой стороны, только один из перечисленных глаголов по своему этимологическому значению (для праславянского) может считаться глаголом речи в собственном смысле слова — это **rekti* [Фасмер 3: 465–466]. Остальные глаголы, для которых значение ‘говорить’ является вторичным, репрезентируют следующие семантические модели:

- ‘шуметь, издавать звук’ → ‘говорить’ (**govoriti*, **mьlviti*, **golgolati*);
- ‘указывать, узнавать, пометать’ → ‘говорить’ (**kazati*, **povědati*);
- ‘брать, собирать’ → ‘понимать, читать’ → ‘говорить’ (макед. *збор*, *зборувам* от **sьbьrati*);
- ‘делать’ → ‘говорить’ (**praviti*);
- ‘сидеть, общаться’ → ‘говорить’ (**besědovati*);
- ‘думать’ → ‘говорить’ (болг. *дума* ‘слово’, диал. *думам* ‘говорю’ [БЕР 1: 446]);
- ‘хотеть, изъявлять волю, желание’ → ‘говорить’ (**velěti*).

2 До недавнего времени этот глагол не имел надежной этимологии. Однако Л. Кралик в своем этимологическом словаре словацкого языка предложил весьма убедительную этимологию: словац. *vrava* ‘разговор, беседа, шум голосов’ (в свою очередь, от **vьrěti*) > *vraviet'* ‘говорить’ [Králík 2015: 669], что вполне согласуется с семантическими моделями *verba dicendi*.

Показательно, что большинство этих глаголов являются деноминативами, и, следовательно, столь важное отличительное свойство человека, как способность говорить и сама «деятельность» говорения, не имели в праславянском собственного обозначения, кроме **rekti*.

Среди основных глаголов выделяются по числу языков, в которых они занимают ведущую позицию, **govoriti*, **kazati*, **rekti*, **mьlviti*, **povědati*; остальные выступают в качестве основных всего лишь в одном из языков — **praviti*, **sьbьrati*, **velěti*, **golgolati*, **besědovati*, **dumati*, *vrviet'*:

**govoriti* — рус., словац., болг., с.-х., словен.;

**kazati* — рус., укр., белор., в.-луж., н.-луж., болг., макед., с.-х.;

**rekti* — ст.-слав., в.-луж., н.-луж., чеш., болг., макед., с.-х., словен.;

**mьlviti* — укр., белор., польск., чеш.;

**poveděti* — ст.-слав., польск., в.-луж., н.-луж., чеш., словац., словен.;

**praviti* — словен. (отчасти словац.);

**sьbьrati* — макед.;

**velěti* — с.-х.;

**golgolati* — ст.-слав.;

**besědovati* — ст.-слав.;

**dumati* — болг. диал.;

vrviet' — словац.

Рассмотрим подробнее эти лексемы и их место в лексико-семантическом поле речи каждого славянского языка, уделяя особое внимание прямым параллелям к русским основным глаголам *говорить* и *сказать*³.

**govoriti*

Глагол представляет собой праславянский деноминатив от **govorь* ‘шум’ и признается в конечном счете звукоподражательным [ЭССЯ 7: 75–77]⁴. Известен всем славянским

3 Недокументированные иллюстрации почерпнуты из основных словарных источников: [Героу 1–5; Гринченко 1–4; Носович 1870; PMJ; РСХКJ; РСХКНJ; СРЯ XI–XVII вв.; СС; Мука 1–2; PSJĆ; RHSJ; SJPD; SSJ; SSKJ].

4 В. Н. Топоров высказал мнение о возможном родстве **govoriti* с праславянским и индоевропейским названием коровы и быка (корневой элемент

языкам, но занимает в них разное положение — от основного, как в русском языке, до сугубо периферийного, как в македонском, или практически не входящего в поле речи, как в польском. Единственный язык, где **govoriti* вообще не входит в семантическое поле речи и сохраняет свое исконное значение, — старославянский, в котором *govoriti* означает ‘шуметь’ (греч. *θουρυξέω*, *θρουξέω*), а *говор* — ‘шум’ [СС] (ср. *говор волн* с сохранением исконного значения имени). Этот глагол по-разному в разных языках соотносится с другими основными и неосновными глаголами, прежде всего с **(sъ)kazati*. Если для русского языка *говорить* / *сказать* — видовая пара (хотя и для части значений), то в других языках каждый из них — самостоятельный глагол.

В семантическом отношении заслуживает внимания характерное для этого глагола, как и для некоторых других основных глаголов, развитие значений, связанных с сакральными функциями речи: как сам глагол **govoriti*, так и — в особенности — его производные с префиксом **za-* в разных языках обозначают действие магического заговаривания и сами тексты заговоров (рус. *заговор*, укр., белор. *замова*, словен. *zagovor* и т. п.; во многих восточнославянских диалектах *говорить*, *поговорить*, *наговорить* и др. означают ‘совершить магический акт заговаривания’, ср. также *шептать*)⁵.

**gov-/gu-*; ср. также *verbum dicendi gutoriti*); мотивацией подобной семантической модели могло быть сакральное и символическое значение «коровьего звукопроизводства» в архаической культуре [Топоров 1999: 517–518].

5 Глаголы со значением ‘говорить’ и ‘читать’ в славянских языках приобретают также значение, связанное с погребальным или поминальным ритуалом, — ‘причитать, оплакивать покойника’: рус. *причитывать*, *причет*, *причитания*, влад. *сказывать*, *спрашивать*, *говорить*: «Отец посадит тебя за стол, матери говоришь» (т. е. причитаешь) [Данченкова 1993: 80], пск. *говорить* (*разговаривать*) *с кукушкой* ‘плакать на могиле’ [Разумовская 1984]; белор. *гаварыць*, *прыгаварваць*; укр. карпат. *наказують*, *приказують*, *наговорюють* ‘голосят, причитают’ [Свенцицкий 1912: 23]. Центральное место в лексическом поле обрядового голошения по покойнику занимает глагол **golsiti* ‘голосить’ (от **golsъ* ‘голос’), а также обширный ряд глаголов с исходным значением ‘кричать’, ‘плакать’ и ‘петь’. К первому типу обозначений, кроме самого глагола *кричать* (ср. белор. «Свой як паміраець, і то крычыш і валасы рвеш» [Пахаванні 1986: 62]; рус. «Невесту

В украинском языке *говорити* примыкает к группе основных глаголов *мовити* и *казати*, но имеет по сравнению с ними достаточно ограниченную семантику и сочетаемость, обозначая преимущественно физическое действие говорения и не имея, как правило, валентности на прямой объект (или же этот объект определяется «оценочно»: «Говорить богато, та все чорт зна що»). Наиболее типичные употребления: «Говорив би, та рот замазаний»; «Говорить — як с письма бере». Глагол имеет также значение ‘общаться, разговаривать’: «Чом до мене не говоришь, мое мале серце?»; «Та про волю нишком в полі з вітрами говорить». В остальных значениях употребляются *мовити* и *казати*.

В именных лексемах также преобладают значения, относящиеся к внешней стороне речи, ее звучанию или самому «действию» произнесения: *говір* ‘говор’: «Почувся людський говір, крик»; *говірка* ‘выговор, диалект, манера говорить’: «Пані наша була висока, огрядна, говірки скорої, гучної», ‘разговор, говорение’: «А я хотів би почути говірки женихової», ‘молва’: «Пішла вже скрізь по селу про його говірка»; *говіркий* ‘разговорчивый, словоохотливый’ (ср. *мовний* ‘то же’).

накроуюць шалью, и сиди кричи) [СРНГ 15: 261]), относятся рус. *вопить* и *вопеть* (а также *воп*, *вопь*, *воплъ*, *вопленица* и т. д.), *выть*, *выть зорю*, *выть плачи* (и *вытьё*, *вытьица* и др.), *вякать*, *визжаться*; болг. *писък*. Ко второму типу относятся рус. *плакать*, *плакать голосом*, *плач плакать*, *плакать приревом*, *плаканье*, *гудать*, *гудеть*: «Полька ходит на погост и всё гудёт об Иване» [СРНГ 8: 201] и т. д.; серб. *плач*, *плакати*, *плакање*: «Свак те жали, свак те плаче» <Каждый по тебе скорбит, каждый тебя оплакивает> [Врчевич 1986: 33]; черногор. *лелек*, *залелекати*; болг. *плач*, *плачене*, *оплакване*; белор. *плакаць*: «Я плачу свае гора» [Пахаванні 1986: 71], *праплакаць голас* [Там же: 68]; укр. *приплакувати*, *ревти*; рус. *реветь*; серб. *ридање*. К третьему типу относятся рус. пск. *напевать*: «Начинаешь свою мамку напевать» [Разумовская 1984: 163]; белор. *спяваць*: «А мой ты хазяїн, а мой ты кармілец, можа ты не чуешь, як я спяваю?» [Пахаванні 1986: 290]; серб. *запевати*, *запеваља*, *запевке*, *жалопојке*; болг. *припяване*. Специальные термины для обозначения обрядового голошения, прежде всего вост.-слав. *голосити* и восточно- и южнославянские дериваты от корня **kik-*: рус. пск. *куковать*, смол. *каковать*; белор. *кукаваць*: «Памрэ твой муж, тады будзеш кукаваць» [Станкевич 1990: 597], серб. *кукати*, *кукати на глас*, *кука* — совмещают в себе все три названные значения (‘кричать’, ‘плакать’, ‘петь’).

Глагол *казати* в большинстве контекстов соответствует рус. *говорить / сказать* и может считаться самым главным глаголом *dicendi*, значительно превосходящим по объему семантических и синтаксических функций два других основных глагола: *говорити* и *мовити*. О первенстве и универсальности именно этих трех глаголов свидетельствуют также обилие и продуктивность префиксальных дериватов от каждого из них: *говорити* (*за-, на-, об-, пере-, в-, від-, під-, пере-, з-, роз-, ви-, при-, о-, до-, недо-, по-, попо-, про-, у-*); *казати* (*за-, на-, в-, від-, під-, пере-, роз-, ви-, при-, о-, до-, по-, про-, с-, ви-с-, іс-, у-*); *мовити* (*за-, на-, об-, в-, від-, під-, пере-, з-, ви-, при-, до-, про-, у-, об-у-, з-у-*).

В белорусском языке *гаварыць* также занимает достаточно периферийное положение (основные глаголы — *мовіць* и *казаць*). В словаре Носовича [1870] слово вообще не отмечено; в этимологическом словаре белорусского языка [ЭСБМ 3] фиксируются следующие слова этого корня: *гаварыць* ‘говорить’, *гаварэц* ‘говорун’, *гаворка* ‘разговор’, *гаварун* ‘говорун’, *гаварок* ‘то же’, *гаваркі* ‘разговорчивый’. В словаре Станкевича: *гаворка* ‘разговор’ (*бязглуздая гаворка* ‘галиматья’, *з гаворкі вышла* ‘к слову пришлось’), *гаварок* ‘краснобай’, *гавара* ‘речь’: «У яго гавара нехарошая, слоў не разьбярэш», ‘разговор, высказывание, мнение’: «Усяякаю гавару запісаць трэба», ‘диалект, говор’, ‘молва’: «Пусьцілі людзі гавару», *гаваркі* ‘говорливый, разговорчивый’, *гаварня* ‘разговор’, ‘рассказни’, ‘молва’, *гаваруха* ‘говорунья’, *гаварун* ‘говорун’, *гаварыць* ‘говорить, владеть устной речью’: «Дзяцё ўжо гавара», ‘вести разговор, разговаривать’: «Праз усе яны з намі гаварылі» [Станкевіч 1990: 206–207].

В польском языке глагол фактически отсутствует, хотя в словаре под редакцией В. Дорошевского отмечается стилистически маркированный глагол *gwarzyć* в следующих значениях: ‘вести доверительную беседу, болтать’, ‘рассказывать, повествовать’: «Starzec lubił gwarzyć o tym co robił za młodu. Ja słucham, a on mi gwarzyć» <Старик любил рассказывать о том, что он смолоду делал. Я слушаю, а он мне рассказывает>, ‘говорить невнятно (в том числе о детском языке)’, устар. ‘галдеть, шуметь’. Именные лексемы преимущественно

обозначают громкий говор, шум, гам: *gwarz* ‘гам, шум’, ‘*смаp.* разговор, болтовня’, *gwarnu* ‘громкий, шумный’, *gwarno* ‘громко’. Единственное активно употребляющееся слово этого корня — *gwara* ‘говор, диалект’ [SJPD 2: 1378–1383].

В лужицких языках **govoriti* практически отсутствует; лишь в верхнелужицком отмечается *howrić* в своем исконном «физическом» значении ‘глухо гудеть, выть, шуметь’ и его дериваты *howrjaty* ‘гудящий, воющий, производящий шум’ и *howrjeńca* ‘шум, гам, вытье и т. п.’ [Muka 1; Zeman 1967].

В чешском языке *hovořiti* не входит в число основных глаголов говорения, хотя имеет с ними общие значения, прежде всего ‘вести разговор, разговаривать’. Имя *hovor* означает ‘разговор речь’: «*Hovor se točil kolem hospodárství*» <Разговор шел о хозяйстве>; «*Hovor přešel na jinou kolej*» <Разговор перешел на другую тему>; *přátelský hovor* ‘дружеский разговор’ [SSJČ 1: 639].

Для словацкого языка, единственного из западнославянских, **govoriti* (*hovorit*) — основной глагол речи (видовой коррелят — *povedat*), обладающий полным набором значений: ‘говорить, произносить звуки’ («*Reči sa hovoria, chleb sa je*» <Слова говорят, хлеб едят>), ‘выражать мысли с помощью слов’ (*hovorit slovensky* ‘говорить по- словацки’), ‘говорить что, о ком, о чем’ («*Hovorí o vlasti, o kráľoch a o nepriateľoch*» <Говорит о власти, о королях и о неприятелях>), ‘говорить кому, обращаться’, ‘называть, звать’ («*Hovorte mi sváko!*» <Говорите мне все!>), ‘свидетельствовать, быть доказательством’ (*dokazy hovoria* ‘доказательства говорят’; *jeho oči hovorili* ‘его глаза говорили’) и др. Имя *hovor* означает ‘говорение, разговор, речь’ (*živý, veselý, telefónsky hovor* ‘живой, веселый, телефонный разговор’ и т. п.), *hovorný* ‘разговорный’ (*hovorná reč* ‘разговорная речь’), *hovorný* ‘разговорчивый, говорливый’, *hovorné* ‘квитанция за телефонный разговор’, *hovorna* ‘место, предназначенное для разговоров’ (*telefónská hovorna* ‘телефонная кабина’), *hovoridlá* ‘органы речи’ [SSJ 1: 515].

В болгарском языке *говоря* — основной глагол говорения, обладающий полным спектром значений: от обозначения физического производства звуков (*говоря високо* ‘говорить громко’) до называния коммуникативных действий

(‘произносить речь, делать доклад’) или семиотических понятий («Това говори зле за тебе» <‘Это плохо о тебе говорит’>). Однако именные лексемы, как и в русском языке, имеют значительно более узкий спектр значений, акцентируя преимущественно внешние (акустические, физические или артикуляторные, физиологические) признаки речи и само «действие» говорения: *говор* ‘говор, разговор’, ‘выговор, произношение’, ‘способность говорить, дар речи’ (*загубвам говора* ‘терять дар речи’), ‘говор, диалект’, *говорен* ‘речевой’ (*говорни органи*), ‘диалектный’ (*говорни особености*), *говорим* ‘разговорный’ (*говорим език*), *говорител* ‘диктор’, *говорлив* ‘говорливый, словоохотливый’ [Бернштейн 1966: 93].

В македонском языке глагол **govoriti* (*говори*) известен как периферийный синоним к основному глаголу *зборува*. Несколько более активен в приставочных образованиях. Имя *говор* также занимает более заметное место в поле речи и обозначает ‘говорение’, ‘речь’ (*поздравен говор* ‘поздравительная речь’), ‘говор, диалект’ (*прилепскиот говор* ‘диалект Прилепа’). Другие именные и глагольные дериваты с этим корнем: *говорен* ‘разговорный’ (*говорен јазик* ‘разговорный язык’), ‘речевой, речепроизводящий’ (*говорни органи* ‘органы речи’), *говорење* ‘говорение, разговор’, *говорник* ‘говорящий, собеседник’, *говорница* ‘телефонная трубка’, *говорништво* ‘ораторство, красноречие’, *изговори* ‘сказать, произнести’, *предговор* ‘предисловие’ и др. [РМЈ].

В сербскохорватском языке, как и в других языках, где интересующий нас глагол (*говорити*) является одним из основных *verba dicendi*, он может обозначать как физические, так и информационные признаки и характеристики речи, т. е. иметь значения, относящиеся как к форме, так и к содержанию речи: ‘говорить, пользоваться речью, языком’ (*говорити француски* ‘говорить по-французски’), ‘сообщать’ («Имам нешто да јој говорим» <‘Мне нужно ей что-то сказать’>), ‘повествовать, рассказывать (о ком, о чем)’, ‘разговаривать, беседовать’ («Немам ја што с тобом да говорим» <‘Мне не о чем с тобой говорить’>), ‘свидетельствовать, подтверждать’ («То би говорило за исправност овога појма» <‘Это бы говорило

о правильности такого понимания>), ‘общаться’ («Са обема комшикама не говори» <Он не общается с обеими соседками>) и др. Любопытно отметить, что в отличие от русского и других славянских языков с.-х. *govor* является полноценным именем действия, соотносительным со всем кругом значений глагола *говорити*, и в большинстве своих употреблений он эквивалентен русским словам *речь*, *язык*, реже *говор*, *разговор*, ср. *говор и мишьєньє* ‘язык и мышление’, *неми говор* ‘бессловесная, немая речь’, *везани говор* ‘стихотворная речь’, *говор држати* ‘держатъ речь’, *уравни говор* ‘прямая речь’ и т. п. [РСХКJ 1: 515–517].

В словенском языке глагол *govoriti* также является одним из основных, наряду с *praviti* и *reči* (и в меньшей степени *kazati*), и имеет полный набор значений, свойственных рус. *говорить*. Но в отличие от русского в словенском представлена богатая деривация от этого глагола и от соотносительного с ним имени *govor*, причем производные в совокупности реализуют все или почти все семантические потенции производящих слов. Само слово *govor* в большинстве своих употреблений соответствует рус. *речь*, реже — *говор*, иногда также словам *язык* и *слово*, ср. *dar govora* ‘дар слова’, *svoboda govora* ‘свобода слова’, *ni govora* ‘об этом не может быть и речи’, *predsednikov govora* ‘речь председателя’, *pesniški govora* ‘поэтическая речь’ и т. п. Дериваты имени *govor* достаточно широко воспроизводят (и дополнительно оснащают экспрессивно-оценочными оттенками) исходную семантику, связанную преимущественно с внешними характеристиками и процессом речи: *govorač* ‘праздный болтун’, *govoranca* ‘выступление, доклад’, *govorancar* ‘многословный оратор’, *govorančanje* ‘краснобайство’, *govorančiti* ‘ораторствовать’, *govorica* ‘слухи’, ‘язык в его разговорном варианте’, ‘способ, характер и манера речи’, ‘разговор’, *govoričenje* ‘пустая болтовня’, *govoričiti* ‘много и попусту говорить’, *govorilen* ‘речевой’ (*govorni organi*), *govorilnica* ‘помещение для допроса; телефонная кабина’, *govorjenje* ‘говорение, речь’, *govorljiv* ‘говорливый’, *govornik* ‘диктор, оратор; краснобай’, *govorništvo* ‘умение говорить перед публикой’, *govorun* ‘говорун’ и т. п. [SSKJ 1: 737–740].

**(sъ)kazati*

Исходное значение глагола — ‘указывать, показывать, делать знак’, откуда вторично — ‘говорить’ [ЭССЯ 9: 168–170]. В русском языке основным глаголом речи в паре с *говорить* выступает приставочный дериват **sъ-kazati* (церковнославянизм) и производные от него (*высказать, рассказать, подсказать* и т. д.), в определенной степени семантика *dicendi* присутствует в других приставочных производных (причем у именных в большей степени, чем у глагольных): *наказ(ать), приказ(ать), указ(ать), отказ(ать), доказать*, в меньшей мере *показать, выказать* и др., однако бесприставочный глагол **kazati (sę)* и некоторые его дериваты находятся уже за пределами семантического поля речи: *казаться, показаться, указать* (жестом) и др. Аналогичное положение (причем без ограничений по виду) занимает *съказати* в старославянском языке, где у этого глагола представлены значения: 1. ‘разъяснять, истолковывать’: *съкажи намъ притѣчъ плѣвель сельныхъ*; 2. ‘иметь значение’: *и нарежтѣ имѧ емоу еманоуилѣ · еже есть съказѧемо съ нами в(ог)ъ*; 3. ‘сообщать’: *і пришедѣше съказаша г(осподи)ноу своемуу вѣсѣ бывѣшаа*; 4. ‘возвестить’: *съкажи ми г(оспод)і конѣчинъ моѣ*; 5) ‘указать’: *пжтѣ твоѣмъ г(оспод)і съкажи ми* [СС: 651].

Бесприставочный глагол **kazati* входит в число основных глаголов речи в украинском и белорусском языках (наряду с **mъlviti*): укр. *казати* ‘говорить’ («Хоч будуть питати, не буду казати»; *казати з уст* ‘говорить изустно’), ‘приказывать, велеть’ («Обіцяв Бог дати, тіко казав заждати»), *казання* ‘говорение’, *казань* ‘слово, речь, проповедь’ («Попи тільки раз у год кажуть казань перед постом») [Гринченко 2: 207]; белор. *казаць* ‘говорить’ («Адзін кажа адно, другі — другое»; «Ён яму кажа: не пайду»), ‘сообщать’ («Я нікому навуку сваёй не казаў»), ‘произносить речь, проповедь’ («Вышаў да народу да як стаў казаць — усе аж слухаюць!»), ‘предвещать’ («Сорока щеко-тала, госцей казала»), ‘велеть’ («Табе казалі, каб паждаў, а ты не паслухаў»), *казанне* ‘проповедь’, *наказаць* ‘наговорить, рассказать’ (*наказав казок*), *сказаць* ‘сказать’ («Яна гэта сказала мужу і ўсім госьцям») [Носович 1870: 227].

В южнославянских языках — болгарском, македонском и сербскохорватском — этот глагол выступает в качестве синонима к соответствующему «первому» глаголу (болг. *говоря / река*, макед. *зборува*, с.-х. *говорити / рећи*) и имеет почти столь же широкий круг значений: болг. *казвам* ‘говорить’, ‘рассказывать’, ‘сообщать’, ‘извещать, уведомлять’, ‘приказывать’, ‘именовать’ и др.; *кажа* ‘сказать’, ‘произнести’, ‘рассказать’, ‘сообщить’; макед. *каже* ‘сказать’, ‘рассказать’ («*Кажи ми една приказна*» <Расскажи мне сказку>), ‘сообщать’ (*немој никому да кажеш* ‘никому не говори’); с.-х. *казати* ‘сказать’, ‘назвать, упомянуть’, ‘объяснить’, ‘предсказать’, ‘сообщить’, ‘выразить’ и др. В словенском же языке из речевых значений **kazati* известно лишь ‘предсказывать, означать’: «*To kaže dolgo zimo*» <‘Это предвещает долгую зиму’>.

В западнославянских языках **kazati* и некоторые его производные употребляются главным образом в значении ‘приказывать, повелевать’ (в.-луж. *kazać*, н.-луж. *kazaś*, польск. *rozkaz*, *rozkazać*, *rozkazywać*), а также применительно к церковной проповеди (ср. польск. *kazanie* ‘проповедь’, словац. *kazateľ* ‘проповедник’). В лужицких языках глагол имеет также значение ‘заказывать’, ‘приглашать’, ‘домогаться чего-л.’ и т. п.

**rekti*

Как уже было сказано, это единственный в славянских языках немотивированный *verbum dicendi* с исходным, этимологическим значением ‘говорить’ и отсутствием для праславянского уровня внутренней формы [Фасмер 3: 465–466]. В той или иной степени он известен в этом значении всем современным славянским литературным языкам, но в некоторых из них он и его префиксальные производные сохраняются рудиментарно, будучи малоупотребительными архаизмами (таково, в частности, положение в русском и других восточнославянских языках, а также в словацком и польском).

К числу языков, где этот глагол занимает первое или одно из первых мест, относится прежде всего старославянский, в котором *рещи*, *рѣчь* обладают достаточно широким спектром значений: ‘говорить, сообщать (кому, что, о чем)’, ‘нарекать,

называть, именовать', 'предсказывать'; 'речь', 'слово', 'беседа', 'обвинение' и др. Из других южнославянских языков наиболее широкой употребительностью и широким спектром значений отличается с.-х. *peћu*; менее значимы болг. *peka* и макед. *peче*, хотя и они должны быть отнесены к основным *verba dicendi*. В словенском глагол *reči* означает 'сказать', 'велеть, повелеть' и также сохраняет свой статус основного глагола.

Из западнославянских языков почти утратил этот глагол словацкий язык, где *riect'*, *rieknuť* признаются устаревшими, хотя имя *reč* остается употребительным и имеет развитую семантическую структуру ('язык', 'способность пользоваться языком', 'стиль', 'говорение', 'речь как устное выступление' и др.). В чешском глагол *říci* достаточно многозначен и употребляется в качестве коррелята «первого» глагола *mluviti*. В польском глагол *rzec*, будучи синонимичным глаголу *powiedzieć* (в части значений), уступает последнему в употребительности и объеме контекстов. Сравнительно неплохо сохранил свои позиции этот глагол в лужицких языках: в.-луж. *rjec*, *rjeknuć* 'сказать, говорить', н.-луж. *řac*, *raknuć* 'то же', *řakńeńe* 'речи, слова'.

Имя **rečь* в своем семантическом развитии оказалось достаточно автономным по отношению к глаголу **rekti* и проявило тенденцию к сужению и конкретизации своего значения и даже к выходу за пределы исконного семантического поля. Так, с.-х. *peћ* получило значение 'слово' (отчасти это значение известно болгарскому и македонскому разговорному и диалектному языку), польск. *rzecz*, словен. *reč* означают 'вещь, дело'; в остальных языках это имя сохраняет семантическую соотносительность с глаголом, обозначая 'речь', 'язык', 'стиль речи', 'разговор' и т. п.

**mьlviti*

Этот глагол также является деноминативом, образованным от имени **mьlva* 'шум, гам, громкая речь, говор'; значение *dicendi* возникло лишь постольку, поскольку звуки речи воспринимались наравне с любым другим шумом. Имя сохраняется на активных позициях в тех языках, где речевое значение

возобладало (чеш. *mluva*, польск. *mowa*, укр., белор. *мова*); там же, где слово сохранило «неязыковую» семантику, оно, как правило, оттеснено на периферию: ст.-слав. *млѣва* ‘говор, шум, мятеж, возмущение’, др.-рус. *мѣва*, *молва* ‘слух, весть, толки, голос, звук голоса’, болг. *мѣва* ‘слухи, говор, перебранка’, с.-х. *mluva* (редк., книжн.) ‘то же’. Интересно отметить, что прямая речевая семантика этого слова иногда проявляется и в тех славянских ареалах, которые не знают глагола **mьlviti* в качестве основного глагола речи. Так, в русских диалектах *молва* может означать ‘способность говорить’: «Молвы нет», костр. «Молва отнялась» (без указ. м.) [СРНГ 18: 214], сев.-рус. «У него нет молвы, как у людей, а только рык да крик, подобно лесному зверю, — волку бы что ли сказать» [Максимов 1890: 6]; ‘разговор, рассказ’, ‘весть, сообщение’ [СРНГ 18: 214].

Глагол **mьlviti* занимает первое место среди *verba dicendi* в польском и чешском языках, а также в украинском и белорусском, но и в этих языках роль этого глагола неодинакова. Наиболее полный объем функций он имеет в польском, где у него практически отсутствуют конкуренты и где остальные глагольные лексемы, кроме его видового коррелята *powiedzieć*, оттеснены на далекую семантическую или прагматическую периферию. В остальных названных языках **mьlviti* делит свое место с одним из других глаголов: в чешском — с **rekti*, в украинском и белорусском — с **kazati*. В лужицких этот глагол (н.-луж. *molwiś*, *małwiasź*, в.-луж. *mołwić*) сохраняется лишь как архаизм; в словацком имеется только именной ряд (*mluva* устар., книж. ‘речь, говорение’, *mluvčí* ‘говорящий от имени других’, *mluvidla* ‘ограны речи’, *mluvnica* ‘устар. грамматика’); рус. *молвить* имеет узкое значение ‘произнести’ (ср. также приставочные дериваты *промолвить*, *вымолвить*). В старославянском *млѣвити* (как и *говорити*) означает ‘шуметь, волноваться’ и ‘заботиться, беспокоиться’; *млѣва* — ‘шум, волнение, смятение’. Ближайшее к этим значением сохраняют в той или иной степени южнославянские языки: словен. *mólvi* ‘ворковать, ворчать, неразборчиво говорить, шуметь, жужжать’ [Bezlej 2: 194] (слово, видимо, диалектное; его не дает словарь литературного языка [SSKJ]), болг. *мѣвя* ‘говорить, молвить’.

**pověděti / *povědati*

Этот глагол в двух вариантах — **pověděti* и **povědati* — представляет собой древнее префиксальное образование от основного славянского глагола со значением ‘знать’ (**věsti / *věděti / *vědati*), которое, по-видимому, очень рано было вовлечено в семантическое поле речи и актуализировало тем самым глубинную связь концептов знания и речи (а в более отдаленной ретроспективе, с учетом индоевропейской этимологии корня **vēd-*, — трех концептов: зрения, знания и речи, ср. также ст.-слав. **вѣдѣти** ‘знать’, ‘видеть’ [СС]). Уже в старославянском оба глагола имеют развитую речевую семантику и богатую деривацию: **повѣдати** (**заповѣдати**, **исповѣдати**, **проповѣдати**, **повѣдовати** и др.) 1. ‘рассказывать, сообщать’, 2. ‘возвещать, провозглашать’, 3. ‘показывать, свидетельствовать’; **повѣдѣти** 1. ‘рассказать, сообщить’, 2. ‘объявить, возвестить, провозгласить’, 3. ‘показать, засвидетельствовать’, причем последний глагол во многих контекстах выступает как синоним чисто речевых глаголов **реци** и **сѣказати**.

В дальнейшем эти глаголы (как и исходный глагол знания) сохранили свои позиции не во всех языках. Из южнославянских только в словенском *povedati* активно употребляется в значении ‘сказать, рассказать’, претендуя в какой-то степени на роль основного *verbum dicendi* (наряду с *reči* и *praviti*), ср. «Povedal sem vam, da ne grem» <Я сказал вам, что не приду>; «Kot smo že zgoraj povedali, proizvodnja narašča» <Как мы уже сказали, производство растет>; «Gluhonemi je to povedal s prsti» <Глухонемой это сказал на пальцах>; «Tvoje bele roke so mi povedali, da nisi kmet» <Твои белые руки мне сказали, что ты не крестьянин>; «To ime mi ne pove nič» <Это имя мне ничего не говорит> и т. п. [SSKJ 3: 921–922].

В русском и других восточнославянских языках глагол **povědati* занимает весьма скромное положение и означает ‘рассказать, сообщить’; в русском с определенной стилистической окраской. Другие приставочные производные от **věsti / *věděti / *vědati* также подключены к семантическому полю речи, ср. рус. *выведа́ть*, *разведа́ть* (в отличие от *проведа́ть*, *изведа́ть*, *отведа́ть* и др.).

На первых ролях среди *verba dicendi* глагол **pověděti* оказывается лишь в западнославянских языках, и прежде всего в польском, где он фактически является единственным видовым коррелятом к «первому» глаголу речи — *mówić* (глагол *rzec* имеет значительно более узкое употребление) и в этом отношении составляет аналогию к рус. *сказать*. В лужицких языках этот глагол также достаточно употребителен (в.-луж. *powěšć, powědać*; н.-луж. *powěžeš, powědaś*), однако ему составляет более сильную, чем в польском, конкуренцию **rekti* (в.-луж. *rjec, rjeknyć*; н.-луж. *řac, řaknuć*).

**praviti*

Этот глагол, репрезентирующий семантическую модель ‘указывать, направлять’ → ‘говорить’ (ср. выше **(sъ)kazati*) и имеющий в своем спектре значение ‘делать’ (болг. *правя*, с.-х. *praviti*), относится к основным глаголам речи только в словенском языке: *práviti* ‘говорить, выражать мысль словами’ («Take je pravil, da so se vsi smejali» <Он так рассказывал, что все смеялись>; «Kaj praviš?» <Что ты говоришь?>), ‘сообщать’ («Kdo ti je pravil o tem?» <Кто тебе об этом говорил?>), ‘рассказывать’ («Rada jim pravi pravljice» <Она с удовольствием рассказывает им сказки>), ‘издавать звуки’ («Zvon pravi bim bam» <Колокол звонит: бим-бом>), ‘называть’ («Ime mu je Jože, pravijo mu pa Dolgolasec» <Его имя Йоже, а его зовут Длинноволосый>) и т. д. [SSKJ 3: 968–969]. В Загребском словаре сербскохорватского языка для этого глагола приводятся практически все те же значения, что и в словенском языке, однако при этом в качестве его первого значения (ряда значений) указывается ‘делать, работать’ [RHSJ 11: 410]. По-видимому, такая ситуация характерна прежде всего для хорватского литературного языка и хорватских диалектов, ибо в словаре Матицы сербской значение *dicendi* у глагола *praviti* отмечается только как областное [PCXKJ 4: 842].

Во всех остальных языках **praviti* либо вовсе не входит в ряд *verba dicendi* (как, например, в русском языке), либо имеет лишь некоторые, иногда очень частные, соприкосновения с семантической сферой речи и языка, чаще всего через свои префиксальные дериваты. И только в словацком

языке *rozprávať* — один из полноценных, хотя и не первых, глаголов *dicendi* с относительно широким кругом значений: ‘говорить, выражать мысли с помощью языка’ («*Dieťa ešte nerozpráva*» <Ребенок еще не говорит>), ‘рассказывать, сообщать’ («*Rozprávať vesele príhody, žarty*» <Рассказывать веселые истории, шутки>), ‘свидетельствовать, быть доказательством и т. п.’; дериваты этого глагола (*porozprávať*, *vyrozprávať*, *rozprávať sa*) также употребительны в сфере речи; имя *rozpráva* означает ‘разговор, обсуждение’, ‘устный или письменный текст, доклад, статья, рассуждение’, ‘*успав.* повествование, рассказ’. В польском языке *rozprawiać* — ‘рассуждать, разглагольствовать’; *prawić* ‘*успав.*, *шутл.* разглагольствовать’, ср. также *odprawa* ‘церковная служба’. В чешском еще существует в качестве архаизма *praviti* в значении ‘говорить, сказать’, употребляющееся в связанных оборотах типа *v předmluvě se praví* ‘в предисловии говорится’, *pověst praví, že...* ‘рассказ повествует о том, что...’; приставочные дериваты: *rozprávěti* ‘разговаривать, беседовать’, *rozprava* ‘обсуждение, прения, дебаты’, *rozprávka* ‘разговор, беседа’.

В восточнославянских языках речевые значения глагола **praviti*, безусловно, следует отнести к редким и периферийным. Тем не менее даже в русском языке такие случаи отмечены: рус. диал. *править* в одном из значений — ‘говорить, рассказывать’: «Любит байки править» [СРНГ 31: 57]. В белорусском *правиць* — ‘говорить вздор, выдумки’; «Ать! ён забабоны правиць. И слухаць нечего, што ён правиць» [Носович 1870: 492], в ряде диалектов — ‘говорить’ [ЭСБМ 9: 236]. И в белорусском, и в украинском языках отмечено значение ‘говорить, твердить, настаивать, упорно повторять свое’: белор. «Ёму одно говоришь, а он своё правиць»; укр. «Я йому кажу одно, а він своє правиць» [Гринченко 3: 399].

**golgolati*

Это слово звукоподражательного происхождения с древней редупликацией корня (деноминатив) входит в семантическое поле речи на правах основного глагола только в старославянском языке, где оно имеет в разных синтаксических

конструкциях значения: ‘говорить, проповедовать’: **повелѣ никомоу же не г(лаго)лати**, ‘высказываться’, ‘жаловаться’, ‘обвинять’: **имѣли на нь что г(лаго)лати**, ‘называть’, ‘именовать’: **въмь вѣко месиа придет · г(лаго)лемы х(ристос)ъ** и др. Имя глаголъ означает одновременно ‘слово, речь’: **всєи стрѣнѣ подѣисѣи · повѣдаєми бѣахъ вси г(лаго)ли си** и ‘вещь, событие’: **видимъ г(лаго)лъ съ бывъши иже г(оспод)ъ съказа намъ** [СС: 169–170].

В живых славянских языках эти слова сохраняются либо как церковнославянизмы (ср. рус. *устами младенца глаголет истина*) и имеют терминологическую закрепленность (ср. лингвистический термин *глагол*), либо, наоборот, сохраняют исконный звукоподражательный характер и используются для обозначения неречевых звуков: в чешском и словацком устар. *hlahol* означает ‘звучание, звук, звон’; словац. *hlaholit’* — ‘звучать’ (*zvony hlaholia* ‘колокола звонят’; *smiech hlaholi* ‘смех раздаётся’), *hlaholivý* — ‘звучный’. В ряде языков, однако, на периферии семантического поля речи представлены лексемы этого корня с различными, несколько специализированными значениями: с.-х. *глаголати*, *глаголюати*, *глаголоти*, *глаголюти* ‘устар. говорить, поговаривать, разглагольствовать’ [РСХКНД 3: 302–303]; макед. диал. *глаголя* ‘болтать’ [ЭССЯ 6: 204]; рус. диал. *гологолить* ‘шутить, балясничать’ [СРНГ 6: 314] (слова этого корня известны в русских диалектах и в церковнославянской огласовке: *глаголить*, *глаголовать* ‘говорить’, *жить по глаголу* ‘жить в согласии’ [Там же: 177]).

Имя **golgolъ*, лежащее в основе глагольной лексемы, также засвидетельствовано лишь как периферийное в отдельных южно- и западнославянских диалектах в значениях ‘речь, дар речи’ (болг. диал. *глагоул*), ‘речь, разговор’ (с.-х. устар. *глаголь*), ‘шум, гам, пение’ (чеш., словац. устар. *hlahol*); неречевое значение отражено в болг. диал. *глаголец* ‘язычок колокольчика у скотины’.

**(sъ)brati*

Македонское существительное *збор* ‘слово’ и образованный от него глагол *зборува* ‘говорить’ — единственные в славянских языках случаи использования корня со значением

‘брать, собирать’ для образования универсального глагола *dicendi* и обозначения основной единицы языка и речи — слова. Глагол *зборува* обладает всей полнотой семантических и синтаксических функций и может иметь значения: ‘пользоваться языком, уметь говорить’ («Вашето дете зборува ли веќе?» <Ваш ребенок уже говорит?>), ‘владеть языком’ (*тој зборува руски* ‘он говорит по-русски’), ‘сообщать, говорить, излагать мысли’ (*зборува за своите погледи* ‘излагает свои взгляды’), ‘вести разговор’ («Зборуваме за тоа со учителот» <Мы обсуждаем это с учителем>), ‘произносить речь’ («На прославата ќе зборува председателот» <На праздновании выступит председатель>) и т. д. [РМЖ 1: 249–250]. Видовыми коррелятами этого глагола в македонском выступают *каже* и *рече*.

Хотя в других славянских языках отсутствуют прямые параллели к македонскому глаголу *зборува*, некоторые косвенные факты позволяют прояснить характер подобной номинации и ее семантические мотивировки. Прежде всего можно указать на словен. *brati*, в котором исходное конкретное значение ‘брать, собирать’ сочетается с ментальными значениями ‘понимать’ (*brati note* ‘читать ноты’, *brati sledove* ‘разбирать следы’; ср. рус. *разбирать, разбираться в чем-л.*), ‘узнавать, распознавать, гадать’ (*brati misli* ‘читать мысли’, *brati z dlani* ‘гадать по руке’) и ‘читать’ (*zna brati in pisati* ‘умеет читать и писать’). Далее нельзя не заметить подобного синкретизма (или сочетания значений) в видовом корреляте глагола **bъrati* — **vъzъti* / **-jîmati* (ср. рус. *понять, понимать*, польск. *pojęcie* и т. д.). Наконец, семантическая модель ‘брать’ → ‘понимать’ подтверждается рус. *схватить, схватывать* (*суть, смысл* и т. п.), ср. также внутреннюю форму таких выражений, как рус. *складывать слова, читать по складам, складно говорить*, укр. *говорить як з письма бере* и т. п.

**velěti*

Этот глагол с исходным значением волеизъявления оказался вовлеченным в круг *verba dicendi* только в южнославянских языках. В сербскохорватском он не имеет полной парадигмы (отсутствует инфинитив, представлены формы презенса и имперфекта)

и ограничен в своем употреблении прежде всего ситуациями прямой речи: «Тако и ја вама велим: иштите и датће вам се» <Так и я говорю вам: ищите и обряцете>; реже используется для ввода косвенной речи: «Но ја вељу, да су њена младост и љепота замамније» <Но я говорю, что ее молодость и красота притягательнее> [РСХКНЈ 2: 500]. Во всех контекстах он синонимичен глаголу *казати*, а по виду соотносится с *рећи*. В болгарском он характеризуется теми же признаками, но значительно менее употребителен и, кроме значения ‘говорить’, имеет значение ‘велеть, предписывать, требовать’: «Деца правят што вели баща им» <Дети делают то, что велит им отец> [Геров 1: 118]. В македонском глаголе сильнее выражена семантика речи и нет тех семантических и синтаксических ограничений, которые характерны для сербскохорватского глагола; он может обозначать ‘говорить’ (*немој тоа никому да го велиш* ‘никому этого не говори’), а с возвратной частицей — ‘называться’ («Ние отсекогаш сме се велеле Македонци» <Мы извечно назывались македонцы>) [РМЈ 1: 58]. В словенском языке глагол преимущественно выражает волеизъявление, а речевые значения оцениваются в словарях как архаические и редкие.

Следует отметить, что в русском языке *велеть* также относится к глаголам *dicendi*, хотя имеет более специализированное значение ‘приказывать, предписывать, требовать’. В русских диалектах и просторечии фиксируются еще значения ‘звать’ (твер. «Велит тебе — зовет тебя») и ‘позволять, разрешать’ (ср. *совесть не велит, закон не велит* и т. п.) [СРНГ 4: 106].

vraviet’

Эта словацкая лексема, не имеющая параллелей в других славянских языках, как и многие лексемы *dicendi*, объединяет в своей семантике значения, связанные со знаковой стороной речи, и значения, относящиеся к внешней стороне звучащей речи. В большинстве случаев глагол *vraviet’* выступает как синоним глагола *hovorit’*, ср. «Reči sa vracia, chleb sa je (= Reči sa hovoria, chleb sa je)» <Слова говорят, хлеб едят>; «Mrzko vraviš o kňazovi!» <Ты мерзко говоришь о ксендзе>; «Mojmu starému ojcovi vraeli ъ» <Моему старому отцу

говорили *вы*>; *vrvviet' zle na l'udi* 'говорить о людях плохо'; *to tu nic nevravi* 'это ему ни о чем не говорит' и т. п., тогда как имя *vrava* сохраняет, видимо, исконное значение 'говор, гул разговора' (*vrava utichla* 'гул затих'), 'перебранка, перепалка' («*Dala sa do vravy s druhými ženami*» <Она вступила в перебранку с другими женщинами>) [SSJ 5: 163], ср. польск. *wrzawa* 'говор, гам, гвалт, шум', 'возбуждение, ажиотаж, разговоры' («*Obrazy wzbudziły dużo wrzawy*» <Картины вызвали большой ажиотаж>).

**besěda, *besědovati*

Эти праславянские лексемы, сохранившиеся в той или иной степени во всех славянских языках (не всегда в пределах лексики *dicendi*) и не имеющие до сих пор полного объяснения своего происхождения, тем не менее, по общему признаку, содержат в своей исконной семантике значение 'сидеть' и репрезентируют семантическую модель, возводящую ситуацию речи, разговора к совместному сидению и общению [ЭССЯ 1: 211–214], ср. также рус. *сообщать*. Это определяет преимущественную для этих слов семантику совместного разговора, словесного общения и т. п. И только в двух случаях эти слова приобретают статус основных лексем в семантическом поле речи: в старославянском (глагол *бесѣдовати* и имя *бесѣда*) и в словенском (*beseda* 'слово')⁶.

Ст.-слав. *бесѣда* означает 'слово, речь, разговор': *юже не за твоѣж бесѣдѣ вѣроуемъ* и 'проповедь', а *бесѣдовати* — 'говорить' и 'общаться': *не можаахъ бесѣдовати къ ѿмоу народу*. Глагол можно считать неполным синонимом к *глаголати* и *повѣдати*.

В словенском языке *beseda* как основное слово для обозначения единицы речи и языка имеет весьма обширный набор значений, типичных для соответствующих слов в других

6 В древнерусском языке слово *бесѣда*, кроме значения 'разговор', имело значение 'язык, наречие': «Четцы чтение чтяху пермскою бесѣдою» [СРЯ XI–XVII 1: 149]. Это значение сохраняют украинские диалекты карпатской зоны (см., например: [Керча 1: 72]); оно отмечено и в словаре Желеховского [1886].

славянских языках: ‘звуковая единица языка, слово’ (*beseda s več pomeni* ‘многозначное слово’), ‘мысль, выраженная посредством языка’ («Rad slišim take beside» <Мне приятно слышать такие слова>; «Vztrajam pri svojih besedah» <Я остаюсь при своем мнении>), ‘обещание, поручительство, обязательство’ (*dati časno besedo* ‘дать честное слово’), ‘разговор, беседа’ («Beseda teče gladko» <Разговор течет гладко>), ‘выступление, слово’ (*dati komu besedo* ‘дать кому-л. слово’), ‘речь, разговор’ (*o tem ni bilo beside* ‘об этом не было речи’) и др.; слово имеет также богатую деривацию: *besedilo* ‘текст, слова’, *besednik* ‘оратор’, *besedica* ‘словечко’ и мн. др.; *besedovati* ‘книжн. разговаривать, беседовать, вести разговор’ [SSKJ 1: 121–122].

**duma, *dumati*

Эти слова входят в сферу основных речевых номинаций только благодаря болг. *дума* ‘слово’, имеющему полный набор необходимых значений, и глаголу **dumati*, отмеченному на периферии нескольких славянских языков (прежде всего болгарского, македонского и сербскохорватского) в общем значении ‘говорить, разговаривать’ [ЭССЯ 5: 154–156].

Анализ *verba dicendi* в славянских языках показал, что семантика и функции каждого отдельного глагола в том или ином языке зависят от того, является ли он основным глаголом говорения в своем лексико-семантическом поле (или одним из нескольких основных) или же он занимает в нем периферийное положение. Если это основной глагол, то он обладает всем спектром значений — и «физических», и знаково-коммуникативных, т. е. может обозначать как собственно действие, занятие говорения (наряду с другими действиями — ходить, пить, рубить и т. д.), так и передачу информации или воздействие на адресата, на состояние мира (подобно другим прагматически направленным глаголам). Если же глагол оттеснен на периферию, то он сохраняет главным образом «физические» значения.

Параллельно с глаголами частично были рассмотрены и некоторые имена из семантического поля речи. Остановимся на них подробнее.

Ряд лексем, обозначающих в славянских языках минимальную единицу «продукта речи» («сказанного»), также невелик, он включает семь лексем: *slovo*, *glagol*, *reč*, *wyraz*, *duma*, *zbor*, *beseda*. В некоторых языках известно более одной лексемы, но, как правило, одна из них основная, а вторая — периферийная и часто связанная идиоматическим употреблением. В русском языке *слово* практически не имеет синонимов в своем основном значении, если не считать церковнославянизма *глагол* в таких контекстах, как «глаголом жечь сердца людей» (впрочем, здесь имеет место более широкое значение: слово как речь, язык, сказанное).

В качестве основной лексемы **slovo* характерно для русского, украинского, чешского, словацкого и лужицких языков; на положении второго (синонима к основному) оно находится в старославянском (наряду с *глаголъ*, *рѣчь*, *вѣсѣда*) и белорусском (наряду с *выраз*); еще более периферийно оно в польском и в южнославянских языках.

В старославянском все четыре лексемы: *слово*, *глаголъ*, *рѣчь*, *вѣсѣда*, — имеют значение ‘слово’; для всех это значение указывается в словарях на первом месте, однако всегда вместе со значением ‘речь’, хотя есть контексты, в которых *слово*, несомненно, означает именно ‘слово’: **нѣ отъвѣшта кмоу ни кдногю словесе** (Супр.). Но если эти четыре лексемы совпадают по первому, основному, значению, то по последующим значениям они расходятся: *глаголъ* — в направлении ‘вещь, событие’, *вѣсѣда* — в направлении ‘разговор, проповедь’, *рѣчь* развивает прагматически маркированное значение ‘обвинение’, а *слово* — значение ‘речь’ во всем семантическом спектре, с тенденцией к «жанровым» характеристикам: ‘молва, весть, проповедь, заповедь, текст, книга, Священное Писание’, и далее ‘разум’. По противоположному пути идет развитие в сербскохорватском, где *слово* означает ‘буква’.

**Glagolъ* уходит из сферы речевых номинаций, и в других языках он не представлен, хотя в качестве грамматического

термина он известен многим языкам (рус., юж.-слав.); впрочем, в этой функции известно и *slovo*, ср. чеш., словац. *sloveso* ‘глагол’.

**Besěda* развивает в некоторых славянских языках дальнейшие значения ‘сборище гостей’, ‘пир, свадебный пир’, ‘свадьба’ и т. п., и только в словенском оно закрепляется в значении ‘слово’ (см. выше).

**Rečь* в значении ‘слово’ представлено только в сербско-хорватском (см. выше).

Польск. *wyraz* и белор. *выраз* (оба в значении ‘слово’) пришли в семантическое поле речи со стороны и исконно не связаны со значением ‘говорить’ (ср. аналогично **kazati*); болг. *дума* вводит в это поле лексему с исходной ментальной семантикой (хотя в дальнейшей ретроспективе в ней обнаруживается семантика ‘дуть, надувать’ [ЭССЯ 5: 155–156]); макед. *збор*, соотношенное с основным глаголом *зборува*, также подключает к полю говорения «чужую» лексему со значением ‘собирать’ (см. выше).

Параллелизм между глаголами говорения и обозначением слова как минимального продукта речи, характерный для старославянского языка (*слово* — *слоуѣти*, *глаголъ* — *глаголати*, *рѣчь* — *рѣци*, *бесѣда* — *бесѣдовати*), в других славянских языках не сохранен (кроме макед. *збор* — *зборува*), и «слово» как более конкретное понятие принимает лексические обозначения «со стороны». При этом производные часто сохраняют старые значения. Так, в польском при *wyraz* ‘слово’ лексика называется *slownictwo*, а словарь — *slownik*. Так же в словенском: слово — *beseda*, но словарь — *slovar*. В остальных южнославянских языках словарь называется *речник*, чему соответствует только с.-х. *реч* ‘слово’ при болг. *дума*, макед. *збор*.

Предложенные выше наблюдения над типологией славянской глагольной и именной лексики из сферы речи можно наглядно представить (с некоторым упрощением) в виде таблицы основных для славянских литературных языков лексем со значениями ‘говорить’, ‘речь’, ‘слово’, ‘язык’, ‘словарь’, ‘говор, диалект’.

	‘говорить’ / ‘сказать’	‘речь’
ст.-слав.	реци, повѣдати / повѣдѣти, глаголати, бесѣдовати	глаголаник, рѣчь, бесѣда
рус.	<i>говорить, сказать</i>	<i>речь</i>
укр.	<i>мовити, казати</i>	<i>мова</i>
белор.	<i>мовіць, казаць</i>	<i>мова</i>
польск.	<i>mówić, powiedzieć</i>	<i>mowa</i>
в.-луж.	<i>kazać, rjec / rjeknyć, powěsć / powědać</i>	<i>rěč</i>
н.-луж.	<i>kazaś, řac / řaknuć, powěžeś</i>	<i>rěc</i>
чеш.	<i>řic / říkat, mluvíti, poveděti</i>	<i>řeč, mluva</i>
словац.	<i>hovoriť, povedať, vraviť</i>	<i>reč, hovor</i>
болг.	<i>говоря, казвам / кажа</i>	<i>реч, говор</i>
макед.	<i>каже, рече, зборува</i>	<i>реч, говор</i>
с.-х.	<i>говорити, казати, рећи, велим</i>	<i>говор, реч</i>
словен.	<i>govoriti, reči, povedati, praviti</i>	<i>govor, beseda</i>

‘слово’	‘язык’	‘словарь’	‘говор, диалект’
глаголь, слово, рѣчь	ѡззыкѣ		
<i>слово</i>	<i>язык</i>	<i>словарь</i>	<i>говор</i>
<i>слово</i>	<i>мова</i>	<i>словник</i>	<i>говор, говірка</i>
<i>слова, выраз</i>	<i>мова</i>	<i>слоўнік</i>	<i>гаворка</i>
<i>wyraz</i>	<i>język</i>	<i>słownik</i>	<i>gwara</i>
<i>słowo</i>	<i>řeč</i>	<i>slovník</i>	<i>narěč</i>
<i>słowo</i>	<i>řeč</i>	<i>slovník</i>	<i>narěc</i>
<i>slovo</i>	<i>jazyk, řeč</i>	<i>slovník</i>	<i>nářečí</i>
<i>slovo</i>	<i>jazyk, řeč</i>	<i>slovník</i>	<i>nářečie</i>
<i>дума</i>	<i>език</i>	<i>речник</i>	<i>говор</i>
<i>збор</i>	<i>јазик</i>	<i>речник</i>	<i>говор</i>
<i>печ</i>	<i>језик</i>	<i>речник</i>	<i>говор</i>
<i>beseda</i>	<i>jezik</i>	<i>slovar</i>	<i>narečje, govor</i>

ЛИКИ ЛЮБВИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Концепт любви неоднократно привлекал внимание лингвистов. На русском материале он исследовался в работах Ю. Д. Апресяна [2000а: 180–187; 2000б] и Анны А. Зализняк [2006: 374–391]. Польской лексике любви посвящена работа Анны Вежбицкой [Wierzbicka 1971]. В общеславянской перспективе сфера любви и ее лексическое оснащение в славянских языках были темой доклада Х. Бирнбаума на Загребском съезде славистов [Birnbaum 1978], где были высказаны важные положения относительно двух ключевых для этой сферы лексических единиц — **l'ub-* и **mil-*, их соотношения друг с другом и некоторыми другими лексемами. В 2000 г. М. Якубович рассмотрела основные семантические модели любви в индоевропейских языках и языковые образы этого чувства, реконструируемые на основе фразеологии [Jakubowicz 2000]. В настоящей работе также затрагивается типологический аспект этой темы, но речь пойдет не о «большой» типологии (в рамках всего индоевропейского континуума), а скорее о «малой» типологии, ограниченной славянскими языками. Самый беглый взгляд на славянские языки обнаруживает, что хотя глагол **l'ubiti* известен всем языкам и диалектам славянского мира, ключевые понятия любви выражаются в них по-разному: в русском это *любить*, *нравиться* и *любовь*, в украинском языке мы имеем *кохати* наряду с *любити* и *кохання*, в белорусском — *кахаць*, *любіць* и *каханне*, *любасць*, *любоў*, в польском — *kochać*, *lubić*, *miłować* и *miłość*, в чешском — *milovat*, *mít rád*, *líbit se* и *láska*, в словацком — *ľubiť*, *milovať* и *láska*, *ľubosť*, в болгарском — *обичам*, *обикна*, *любя*, *либя* и *обич*, *любов*, в македонском — *љуби*, *сака* и *љубов*, *сакање*, в сербском — *волети* (ср., однако, *залубити се* ‘влюбиться’ при *љубити* ‘целовать’) и *љубав*, в словенском — *ljubiti* и *ljubezen*, в старославянском — **ЛЮБИТИ** и **ЛЮБЫ**, **ЛЮБОВЬ**. Это разнообразие лексических способов выражения понятия любви и их несовпадение в разных славянских языках свидетельствует о достаточно позднем формировании данной семантической сферы, ср. [Birnbaum 1978: 155–156].

Итак, лексический ряд интересующего нас семантического микрополя включает ключевые единицы (т. е. единицы, способные выражать главные понятия — ‘любить’ и ‘любовь’) следующих гнезд: **l'ub-* (рус. *любить, любовь*), **mil-* (польск. *miłość*), **lask-* (чеш. *láska*), **kox-* (польск. *kochać*), **vol-* (с.-х. *волету*), **vyk-* (болг. *обич* < **ob-vyk-*), **sak-* / **sok-* (макед. *saka*). При этом в ряде языков могут использоваться или могли использоваться (как в разных значениях и контекстах, так и в одном значении) одновременно несколько лексических единиц, например в украинском — *кохати* и *любити*, в белорусском *кахання* и *любасць*, в польском *kochanie* и *miłość* и т. п. Эти лексические знаки могут обозначать любовь в ее нескольких видах: 1. как сексуальное гендерное чувство (любовь к представителю противоположного пола); 2. как чувство привязанности, близости, заботы (любовь к детям, родителям, к родному краю, к природе); 3. как предпочтение того, что нравится, приятно (любить или не любить кого, что, любить или не любить что-либо делать и т. п.).

Кроме этих ключевых для данного поля лексических знаков, у которых семантика любви является центральной, но которые могут иметь и другие значения, в разной степени соприкасающиеся с основным, в нем представлены еще некоторые периферийные единицы, способные выражать названные значения окказионально или лишь в некоторых диалектах или некоторых контекстах. К ним относятся гнезда: **dorg-* (болг. *драгувам* ‘любить’, с.-х. *драговати* ‘то же’), **drug-* (рус. диал. *другник, дружница, дружень* ‘любовник, любовница’), **xot'-* (рус. *хотеть* ‘испытывать сексуальное желание’, *похоть*), **gal-* (болг. *галя* ‘любить’, *галевник* ‘любовник’), **god-* (с.-х. *годити* ‘нравиться’, рус. *угодный*), **norv-* (рус. *нравиться*), *(*po*)*dob-* (польск. *podobać się* ‘нравиться’), **prijat-* (рус. новг. *приятка* ‘возлюбленный, возлюбленная’), **žal-* (рус. диал. *жалеть* ‘любить’). Слова этих гнезд, как правило, получают не все, а лишь некоторые значения, остающиеся периферийными для их семантического спектра. В дальнейшем нас будут интересовать не только ключевые слова (глагол и имя), но и другие лексические единицы этих и иных этимологических гнезд,

включившихся в семантическое поле любви «со стороны». Именно этот широкий взгляд дает возможность проследить пути семантической деривации и установить типологически значимые семантические связи и мотивационные модели, релевантные как для «исконных» для сферы любви гнезд, так и для «вторичного» лексикона любви. Рассмотрим эти гнезда кратко по отдельности.

**l'ub-*. Отношения между именным и глагольным корнем в этом гнезде нетривиальны: оба они имеют свои индоевропейские подтверждения, что не позволяет считать глагол **l'ubiti* дериватом от имени **l'ubъ, l'ubъjъ*, несмотря на стандартное словообразовательное соответствие: имя → глагол на *-iti*; этому препятствует также и семантика, а именно отсутствие у глагола каузативного значения¹ [см.: ЭССЯ 15: 176]. Значения 'любить' и/или 'нравиться' у глагола **l'ubiti (se)* так или иначе представлены во всех языках. Однако в лужицком основное значение этого глагола — 'обещать' (возможно, опосредованное «матримонциальными» мотивами любви), а в сербскохорватском — 'целовать'; окказионально или на диалектном уровне это «физическое» значение известно также другим языкам, ср. болг. диал.

1 Ср. заключение О. Н. Трубачева о глаголе **l'ubiti*: «Глагол на **-iti* — типичный каузатив, однако слав. **l'ubiti*, имея внешние приметы каузатива, лишено каузативного значения и обладает переходным значением отличного характера, что позволяет нам видеть в славянском глаголе продолжение более длительных древних отношений; не случайно **l'ubiti* также вполне допускает реконструкцию индоевропейской глагольной темы **leubhei-* (ср. сюда же др.-инд. *lobháyati* 'вызывать, возбуждать желание'). Самостоятельность **l'ubiti* в том, что касается семантики и грамматики, не дает возможности согласиться с распространенным мнением о прямой производности его от слав. **l'ubъ*; они оба продолжают еще индоевропейские отношения» [ЭССЯ 15: 176]. Однако подобная семантическая модель вовсе не чужда «полю любви», ср. **milъ* 'милый, дорогой' > чеш. *milovat* 'любить', с.-х. *милити се* 'нравиться', макед. *милува* 'ласкать', 'любить', *милее* 'любить, быть привязанным', *мили се* 'ласкаться, ластиться'; **dorg-* 'дорогой' > болг. *dragувам* 'любить', на фоне которых деривация слав. **l'ubъ > l'ubiti* не кажется невозможной. Обратное соотношение семантики имени и глагола находим в **priјati* 'быть расположенным, благосклонным, сочувствовать, любить' > **priјатьнъ(jъ)* 'милый, дорогой, приятный'.

любя ‘целовать’ [БЕР 3: 574], рус. сиб. *любоваться* ‘миловаться, ласкать друг друга’ [СРГС 2: 242], чеш. *libati* ‘целовать’, словац. диал. *ľubat’* ‘целовать’ [SSN 2: 89], словен. *ljubiti* ‘любить, ласкать, целовать; обещать’ [Pleteršnik 1: 524].

Имя **l’ubъ(jь)* семантически близко к **milъ(jь)*, а также к **dorgъ(jь)* и к отглагольному **prijatъn(ъjь)* и представлено во всех языках в значении ‘милый, дорогой, любезный, приятный’² с дальнейшим развитием в сторону обращений (ср. рус. *милейший, милоч, милаша, милаха, ваша милость, любезный, приятель*, диал. *любушка* и т. п.) и личных имен (типа *Любовь, Љубица, Љубинко, Милан, Милица, Миленко, Драгица, Драгана* и т. п.). В значении ‘любовь’, кроме русского, слова этого гнезда представлены в украинском (*люба, любва, любість*), белорусском (*любоў, любасць*), болгарском (*любов*), македонском (*љубов*), сербскохорватском (*љубав*), словенском (*ljubezen*) языках.

Параллелизм **l’ubъ(jь)* и **mil(jь)* распространяется и на их деривативные потенции: оба гнезда развивают значение ‘быть любителем чего-л., охотником до чего-л.’, ср. рус. *любителъ*, чеш. *milovník*, польск. *miłośnik*; в обоих гнездах представлен глагольный дериват с суффиксом **-ovati*, хотя и с разной семантикой: рус. *любоваться* ‘рассматривать с удовольствием’, чеш. *milovat* ‘любить’, *milovat se* ‘заниматься любовью’. В большинстве словарей слова этих и других гнезд «поля любви» используются для взаимного толкования, ср. рус. *ласковый* ‘приветливый, любовный, дружеский, милостивый и благодушный’

2 В словарных дефинициях, как правило, не различаются (даются как эквиваленты) определения, относящиеся к субъекту и к объекту чувства, а также к разным семантическим типам предикатов. Ср. *милый, приятный, дорогой* — это ‘тот или такой, кто вызывает положительные чувства у «субъекта» восприятия, нравится ему’ (ср. синоним *любимый*, имеющий «пассивную» форму), а *любезный* или *приветливый* — ‘тот или такой, кто «действует» (ведет себя) любезно и приветливо, т. е. проявляет внимание, готовность помочь, говорит вежливые слова и т. п.’; *милый* может означать, с одной стороны, ‘милосердный, милостивый’, а с другой — ‘заслуживающий сострадания, жалкий’, иначе говоря, в первом случае это «предикат чувства», во втором — «предикат свойства», в первом случае выступает «активное» значение, во втором — «пассивное». Очевидно, что эти различия существенны для семантической деривации и важны для типологии.

[Даль 2: 615]; они обнаруживают параллелизм и взаимное притяжение также в сложных именах собственных (ср. серб. *Драгољуб, Миодраг, Радољуб, Милорад* и т. п.) и нарицательных (рус. *любезность, с.-х. радозналост*; в.-луж. *lub-jerad* ‘охотно, с радостью’).

**mil-*. Исходное значение **mil-* (этимологически родственного **mir-*) — ‘дружба, дружественный, любовный союз, связь’, откуда ‘милый, дорогой, приятный’ [ЭССЯ 19: 46–48]. Отношения между именным и глагольным элементами гнезда в данном случае стандартны: глагол является вторичным по отношению к имени. Однако в отличие от **l’ubъ(jъ)* именное **milъ(jъ)*, кроме значения ‘милый’, имеет еще значение ‘сострадательный, милостивый’ (ст.-слав., др.-рус., с.-х., словен.). Эту семантическую двойственность сохраняют и его производные — как глагольные, так и именные, ср. польск. *miłość* ‘любовь’ и рус. *милость* ‘милосердие, сострадание, доброта’ и т. д. Глагол этого гнезда является основным для поля любви в чешском языке (*milovat*), ср. также *milovaný* ‘любимый’, *mileneš*, устар. *milý* ‘любовник’, в то время как производное имя — основное обозначение любви в польском (*miłość*), где то же значение представлено в глаголе *milować* — одним из синонимов основного глагола любви *kochać*.

За пределами западнославянских языков глаголы гнезда **mil-* не имеют столь устойчивой семантики любви, как **l’ubiti*. Они выражают широкий круг значений и способны обозначать как чувство и отношение (любовь и милосердие), так и физические проявления чувства (ласки, объятия, поцелуи и т. п.). Ср. сев.-рус. *милить* ‘нравиться’: «Не милит мне теперь на свете ничего: ни петь, ни сказки сказывать» [СРГК 3: 240]; смол. *милуваться* ‘оказывать милосердие’: «Бог милуецца, аглядываицца на нас грешных», ‘обниматься, целоваться’: «Милуютца мижда сабе, як голубки, — лестна узглянуть», ‘спасаться’: «Мужик, сматри: твой дом запалит Ягорья. — А чим жа мне милуватца?»; *милеться* ‘очаровывать, казаться милым’: «Бяроза бялеитца, мая жана милеитца» [Добровольский 1914: 410–411]; укр. *милувати* ‘ласкать’ (ср. аналогичный русский глагол *миловать*, имеющий

значение ‘щадить, прощать вину’); болг. *милвам* ‘гладить, ласкать’ и *милувам* ‘любить, окружать заботой’, макед. *милува* ‘ласкать, любить’, с.-х. *миловати* ‘гладить, ласкать’, словен. *milovati* ‘миловать, ласкать, жалеть, сострадать’.

lask-*. В лексике этого гнезда неразрывно сплетены семантические комплексы чувства, физического контакта и отношения, причем первичным в данном случае, в отличие от других гнезд (ср. **kox-*), следует считать не значение физического действия, а чувственное значение, о чем говорят и этимологические связи этого гнезда с гнездом **las-* (lasъ*, **lasiti*), для которого восстанавливается первичное значение ‘хотеть, жаждать, желать’ [ЭССЯ 14: 36–37]: ср. ст.-слав. *ласкръдъ* ‘желание, страсть’, *ласкръдъ* ‘жаждущий, желающий’ (возможно, результат гаплогонии — из **lasko-sъrd-* [см.: ESJS 7: 403–404]); кашуб. *lasëc sq* ‘о людях и животных: ласкаться, ластиться’, ‘хотеть чего-л., иметь охоту к чему-л.’ [Sychta 3: 9].

В чешском языке к этому гнезду принадлежит ключевое имя любви: *láska* ‘любовь, предпочтение, склонность’ (в последнем значении возможно также *zalíba, oblíba*), что составляет типологическую специфику чешского языка, в то время как значения *laskavý* ‘любезный, милый, приветливый’, *laskavě* ‘любезно’ объединяют его с другими западнославянскими языками и украинским (польск. *laskawy*, укр. *ласкавий*). Ср. также общее для этих языков этикетное клише со значением вежливой просьбы: польск. *baǳ tak laskawy*, чеш. *bud'te laskav*, словац. *laskavě prosím*, укр. *будь ласка*.

Имя отсутствует в лужицком и словенском, глагол — в верхнелужицком, польском, украинском и белорусском [Кореšný 1981: 180]. Ср. укр. *ласка* ‘любовь, привязанность, ласка’: «Утерля дівчинонька у козака ласку», ‘милость, благосклонность, благоволение, благодать, покровительство’: «Паньска ласка до порога»; *ласкавець* ‘любовник’, ‘милостивец, благодетель’ [Гринченко 2: 345]; рус. смол. *ласка* ‘милость, расположение’ [Добровольский 1914: 369], олон. *власкатся* ‘?’: «Я влюбился и власкался, Не могу тобой владеть» [СРНГ 4: 318]; кашуб. (редкое) *laskav'íc sq* ‘дружить, благоприятствовать кому-л.’ [Sychta 3: 9].

В других языках слова этого гнезда получают также значение физического действия как выражения любви, доброго отношения ('ласкать', 'гладить', 'щекотать') или соответствующего вербального действия ('льстить'): рус. *ласкать*, болг. *лаская* 'хвалить, льстить', *ласкателен* 'льстивый', *ласкател* 'льстец', *ласкателство* 'льстивость', н.-луж. *laskošéne* 'щекотание', *laskošiš*, *laskotaś* 'щекотать, приятно возбуждать', *laskošiwu* 'щекотливый', *laskotańe* 'щекотание' [Мука 1: 775], ст.-слав. **ласкати** 'льстить', словен. *laskati* 'то же', *laskanje* 'лесть, ласка', *laskač* 'льстец', *laskav* 'льстивый'.

***kox-**. Связь глагола **koxati* (*se*) с физическим действием, устанавливаемая на основе его родства с глагольным корнем **kos-* 'касаться' [ЭССЯ 10: 110–111] (другие этимологии менее убедительны), находит подтверждение во многих языках, где этот глагол может сохранять (или развивать) значения 'трогать, прикасаться', 'гладить', 'ласкать', 'щекотать'. «Чувственно-эмоциональную» семантику он имеет прежде всего в польском, украинском и белорусском, в части русских диалектов (западных и южных): польск. *kochać* 'любить', простореч. 'совокупляться', 'обнимать, лапать', *kochać się* 'coïge', кашуб. *koxac* 'любить', однако *obkoxac* 'обцеловать со всех сторон', *ukoxac* 'обнять': «Parobk ukoxał dzèwčã» <Парень обнял девушку>, *koxac sq* 'обниматься' [Sychta 2 :183–184]; укр. *кохати* 'любить', *кохання* 'любовь, любовная страсть' [Гринченко 2: 294]; белор. *кахаць* 'любить', *кохаць* 'целовать, обнимать, говорится к малым детям' [Носович 1870: 249]; чеш. диал. *kochat se* 'любоваться, находить удовольствие, наслаждаться' [Bartoš 1906: 149], ст.-чеш. *kochati* 'ласкать, тешить, забавлять, развлекать' [Gebauer 2: 73–74]; словац. *kochat' sa* 'увлекаться, наслаждаться' [SSJ 1: 713]; рус. диал. *кохатъ* 'любить' (зап.-рус., юж.-рус.), *кохаться* 'предаваться неге, наслаждаться, нежиться' (терск., курск., дон.) [СРНГ 15: 120].

***vol-**. Самый яркий представитель этого гнезда в «поле любви» — с.-х. *волетти*, эксплицирующий универсальную семантическую связь 'любить' — 'хотеть' [ср.: Jakubowicz 2000]:

1.1. ‘любить (родину, детей, искусство, работу)’, 1.2. ‘испытывать сексуальное чувство’: «Oj, девојко, реци да ме волиш» <Ой, девушка, скажи, что любишь меня>, 1.3. ‘любить что-л. делать (путешествовать, читать, заниматься рукоделием и т. п.)’, 1.4. ‘испытывать радость, удовольствие от чего-л.’; 2. ‘предпочитать что-л.’: «Волим да одлежим једно запаљење плућа него једну министарску кризу» <Предпочитаю пережить одно воспаление легких, чем один министерский кризис>; *волидба* ‘любовь’, *волији* ‘охотнее’, диал. *вольба* ‘любовь’ [РСХКJ 1: 414–417]. В других языках любовная семантика в данном гнезде встречается спорадически и представляется вторичной, ср. рус. *довольный*, сев.-рус. *волевать* ‘развратничать, распутничать’: «А там така бабица живѣт, а така самовольна, так всё мужиков волюет, настоящего мужика нет, так вот и волюет» [СРГК 1: 221]. Главным же для этого гнезда остается значение ‘воля, желание’ (и далее — ‘свобода’): ст.-слав. *волити* ‘хотеть’, ‘предпочитать, выбирать’ [SSJ 1: 210]; ср. укр. *воліти* ‘желать, хотеть’, ‘предпочитать’: «Волів бим я не родити, та й того не знати, як мя тежко в нещастію породила мати», *волись, волися* ‘лучше, предпочтительнее мне’: «Волісь я їхати» [Гринченко 1: 249–253]; польск. *woleć* ‘предпочитать’; в.-луж. *wolba* ‘выбор’, *wólny* ‘избирательный’, *wolernja* ‘избирательный участок’ [Zeman 1967: 513] и т. д.

**vyk-*. Это гнездо только в болгарском участвует в лексическом выражении основных понятий любви: болг. *обич* ‘любовь’, *обичлив* ‘милый, дорогой’, *обичам*, *обиквам*, *обикна* ‘испытывать чувство любви, любить’. Однако окказионально семантика любви у слов этого гнезда встречается и в других языках, ср. рус. диал. *обычай* ‘склонность, интерес, любовь к кому-, чему-либо’: «Выбирай себе девицу по обычью», *(не) в обычай* ‘(не) нравится, (не) по вкусу’: «Сноха-то им не в обычай», *обычливый* ‘вежливый, обходительный’ [СРНГ 22: 289–290]. Неслучайный характер подобной семантической деривации (‘делать привычным, своим’ → ‘любить’) подтверждает также гнездо **porv-* с исходным значением ‘нрав, привычка’ и дальнейшим развитием любовной семантики (ср. рус. *нравиться*).

***sak-/sok-**. Лексика этого гнезда представлена в семантическом поле любви в македонском (*сака, сакање*) и болгарском (диал. *сакам*) языках на правах вторых лексических единиц (в македонском она выступает параллельно с *љуби, љубов*, а в болгарском — с *обичам, обич*). Семантика любви появляется у этого гнезда на базе исходных значений ‘хотеть’, ‘стремиться’, ‘искать’, ‘(пре)следовать’, ср. др.-рус. *сочити* [СДРЯ 11: 446], рус. диал. *сочить*: «Сочила, сочила, и никак не нашла кошелку» [СРНГ 40: 93] и *сачить* [СРНГ 36: 158], укр. *сочити*, белор. *сачыць* ‘искать, выслеживать’. Этимологи считают это слово родственным латин. *sequor* ‘следовать, преследовать’, лит. *sèkti, sèku* ‘то же’ и др. Любовная семантика присутствует и в некоторых русских диалектных номинациях, например *сачок* ‘ухажер’: «К нашей Нюшке каждый вечер сачок ходит, тятка ругается», «Смотри-ка, опять Зинка со своим сачком в клуб пошла» [Там же].

***bog-**. В русском литературном языке *любить* и *обожать* являются синонимами, различающимися по соотношению рационального и эмоционального начала (у *обожать* преобладают эмоции), по интенсивности чувства (*обожать* выражает более сильное чувство) и некоторым другим признакам [Апресян 2000а: 180–187]. В семантическом отношении *обожать* отличается ограниченными деривационными возможностями (*обожание, обожаемый, обожатель*) по сравнению с *любить*. В литературном словенском *božati* означает физическое действие ‘ласкать, гладить’: *božati otroka po laseh* ‘гладить ребенка по волосам’ [SSKJ 1: 178]. Ср. также **božiti (se)*, **božati (se)* ‘обожествлять’ и ‘божиться, клясться’: чеш. *božit se*, словац. *božiť sa*, рус. *божиться*, укр. *божитися*, белор. *бажыцца*.

***dob-**. К лексике любви относятся прежде всего польск. *podobać się* ‘нравиться’, а также укр. *подобати ся* ‘то же’, *до подобии* ‘по нраву, любо’: «Ой, дівчино, то-сь ми до подобии», *подобень* ‘красивый человек’ [Гринченко 3: 242]; белор. *падабацца* ‘то же’. Семантически эти глаголы и выражения производны от исходного значения ‘добрый, хороший, счастливый’, представленного в слав. **dobrъ* [ЭССЯ 5: 45–46].

***dorg-**. Хотя участие слов этого гнезда в лексическом поле любви незначительно (болг. *драгувам* ‘любить’, *драгуване* ‘любовь, любовные ласки’, *драговник* ‘любовник’, *драговница* ‘любовница’, *драговный* ‘любовный’ [Геров 1: 364]; с.-х. *драгати* ‘ласкать’, *драгати се* ‘ласкаться, нежничать’, *драгање* ‘ласка, ласки’ [РСХКНЈ 4: 643–644]), оно семантически неотделимо от гнезд **l’ub-* и **mil-*, будучи во многих контекстах полностью синонимично им в именной зоне, ср. их параллельное употребление в толкованиях (‘милый, дорогой, любимый’ и т. п.), личных именах и словосложениях (см. выше). Этот полный параллелизм **dorg-*, **mil-* и **l’ub-* в семантике и употреблении, их взаимное притяжение и соположение во всех славянских языках следует признать результатом позднейшего сближения, если согласиться с Х. Бирнбаумом, считающим вслед за некоторыми другими этимологами значение ‘дорогой, милый, любимый’ у **dorg-* вторичным, производным от значения ‘ценный, дорогой’ [Birnbauм 1978: 173]. Ср. иначе в [ЭССЯ 5: 77], где «чувственное» значение **dorg-* считается исконным: «Этимология слова должна быть поставлена в зависимость от вероятного направления развития его значений: ‘милый, дорогой, любимый’ → ‘дорогостоящий’».

***drug-**. Слова этого гнезда, безусловно, относятся к периферии лексического поля любви, однако они обнаруживают значительную семантическую близость любви и дружбы как чувств и отношений, объединяемых положительной окраской, но различных в том, что касается объектов (у дружбы — только люди), взаимности (дружба в отличие от любви не может быть односторонней) и соотношения чувственно-эмоциональной и акциональной составляющих (дружба предполагает определенные поступки). Кроме того, окказионально семантика любви присутствует и в лексике дружбы, ср. рус. диал. *дружник* ‘любовник’: «Дружник, любовник-то к ней заходил, когда мужа не было» (новг.), *дружить* 1. ‘любезничать, завлекать’, 2. ‘заботиться’: «Бабка не дружила порато с ребятами, вниманья не обращала, как плачут» (арханг.), *дружелюбить* ‘ласкать, нежить’: «Дружелюбит, приласкивает

овца ягнятков своих» (арханг.) [СРГК 2: 6–7], *дружевься*, *дружься* ‘любовники’, *дружелюбить* ‘говорить ласковые слова’, *дружень* ‘любовник, ухажер’, *дружница* ‘любовница’: «Жену бросил, завел себе дружницу на стороны, стыда у его нет» (новг.) [СРНГ 8: 206–218].

***xot’-**. Лексика этого гнезда не используется для выражения основных понятий поля любви; как правило, она акцентирует плотский аспект любви и отличается сниженной стилистикой (ср. рус. *хотеть*, *похоть*, *похотливый* и т. п.). Однако семантика «хотения» оказывается важнейшим мотивом всей сферы любви (см. ниже).

***gal-**. Праслав. **galiti* (*se*) имеет очень широкий и разнородный круг значений, трудно поддающихся систематизации и сведению к одному семантическому источнику, ср. ‘открывать(ся), обнажать(ся)’ (с.-х. *galiti se* ‘проясняться (о погоде)’), ‘укрывать(ся), покрывать(ся)’ (чеш. книжн. *haliti* ‘закутывать’), ‘желать (добра)’ (ст.-польск. *galić* ‘способствовать, желать добра, помогать’ [SSp 2: 381]), ‘насмехаться, издеваться’ (рус. *изгаляться*, диал. *галиться*, *гальба* ‘шутка’ и т. п. [СРНГ 6: 111–113, 122]), ‘пристально смотреть, засматриваться, любоваться’ (рус. диал. *галиться* [СРНГ 6: 113; АОС 9: 33]), ‘тосковать, ласкать’ и др., см. [ЭССЯ 6: 92–94]. Краковский словарь выделяет четыре омонимичных праславянских лексемы, из которых одна, а именно **galiti*₂, относится к полю любви и признается каузативом к **želěti* [SP 7: 36]. Ср. болг. *галя* ‘нежить, ласкать, баловать, любить’, *галежник* ‘любовник’, макед. *гали* ‘ласкать, нежно гладить’, *галеник* ‘любимец’, *галеж* ‘ласки, нежности’ [ТРМЖ 1: 331], ст.-слав. *галици* ‘радоваться, ликовать’ [SJS 1: 390], рус. диал. *галкий* ‘падкий до чего-нибудь’: «До девок галок» [СРНГ 6: 115] и т. п.

***god-**. Семантика любви представлена в с.-х. *годити* ‘нравиться’, ‘веселиться, блаженствовать’, *угодан* ‘приятный, милый’, словен. *goditi* ‘быть приятным, доставлять удовольствие’: «Godi mu, da se ga ljude boji» <Ему нравится,

что люди его боятся» [SSKJ 1: 711], а также в рус. *угодный*, *угодить*, *пригожий*, ср. новгородскую берестяную грамоту № 752 (XI–XII в.): «а тобѣ вѣдѣ ако есть не годьнѣ аже бы ти годьнѣ то [из] оцю бы са вытьрьго притькль» <А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под [людских] глаз и примчался» [Зализняк 2004: 249–250]. Сюда же относятся болг. диал. родоп. *гуд’а* ‘ласкать’, макед. диал. *годи* ‘нравиться, быть приятным’, словен. *to mi godi* ‘это мне приятно, нравится’ [Pleteršnik 1: 225] (подробнее об этом гнезде и его семантической структуре см. [Šivic-Dular 1999]).

****norv-***. Рус. *нравиться*, диал. смол. *норовить* ‘угождать’, ‘применяться к обстоятельствам’: «Ты живи, да нарови, да здароўя биряги» [Добровольский 1914: 489], диал. *нрав*, *не по нраву* ‘без любви, не по любви’: «Не по нраву и отдали Пашку за Панаса» (брян.), *нравенье* ‘симпатия, любовь’, *нравить* ‘любить’, *нравный* ‘такой, который нравится’: «Не то хорошо, что хорошо, а то, что нравно», *нраво* ‘приятно’: «Всем стало нраво и крикнули ура», *нравый* ‘любимый’: «Родимая матушка, она мне не нравая» [СРНГ 21: 307–308]³.

****prijat-***. Это гнездо имеет косвенное отношение к сфере любви, однако прилагательное **prijatъnъ* часто оказывается синонимом **milъ* и **l’ubъ*. Непосредственно семантика любви представлена в рус. диал. новг. *приятка* ‘возлюбленный, возлюбленная’, *приятный* ‘любимый’: «Я сидела и стегала одеяло ватное: неужели не придется одевать приятного» [НОС 9: 36]; ср. укр. *приятити* ‘благоприятствовать, содействовать’.

****rad-***. Семантика этого гнезда в целом близка сфере любви, их объединяет прежде всего общая положительная окраска чувства и состояния субъекта любви, поэтому, с одной стороны, выражения со словами гнезда **rad-* могут быть синонимичны

3 Любопытно, что ту же семантику может иметь лексика «интеллектуального» поля, ср. рус. волог. *не по мысли* ‘не по нраву, не по вкусу, не по любви’: «Ей не по мысли здесь жить», «Замуж меня не по мысли выдали» [СВГ 5: 13].

любвонной лексике и фразеологии (ср. чеш. *mít rád* ‘любить, предпочитать’), а с другой — слова с любвонной семантикой могут выражать значение удовольствия и радости (ср. с.-х. *goditi* ‘веселиться, радоваться, блаженствовать’ [РСХКНД 3: 418]). Ср. также рус. *любознательность* и с.-х. *радознаlost* ‘любознательность’.

**vlek-*. Ср. рус. лит. *влечение, волочитьcя, увлечьcя, привлекательный*, диал. *влекать* ‘увлекать’ [СРНГ 4: 319], *волочитьcя* ‘вести безнравственный образ жизни, развратничать’ [СРНГ 5: 71] и т. п.

**žal-*. Слова этого гнезда входят в сферу любви прежде всего в русском народном языке, ср. рус. диал. *жалеть* ‘любить’: «Он меня жалеет, с другою не сменяет», ‘проявлять заботу, бережно относиться к кому-либо’: «Смотри-ка, стал как муж ее жалеть: ничего не даваеть делать», ‘ласкать, обнимать’: «Ну, жалей, скорей жалей меня, обними меня, — обращается мать к ребенку»; *жалетьcя* ‘любить, ласкать друг друга’, ‘жалеть, сожалеть о чем-либо’: «А после и жалелись, что не поехали на целину»; *жалить* ‘жалеть, любить’: «Тебя жалеючи, взял», ‘внушать кому-н. жалость, разжаловливать’; *жалинье* ‘любовь, жалость’: «У меня никакого жалинья к нему нет» [СРНГ 9: 63–64]. Отчасти эта семантика присутствует в укр. *жалування* ‘сожаление, соболезнование’, ‘заботливость, выражение любви’; *жалувати* ‘жалеть, сожалеть о ком, чем’, ‘жалеть кого, чувствовать сострадание’, ‘относиться к кому с заботливостью, с любовью, любить, ласкать’: «Ой, ідеш ты, доню, між чужії люде: ой, хто ж тебе, доню моя, жалувати буде?», ‘жалеть, беречь, скупиться’: «Ганна грошей не жалувала»; *жаль* ‘скорбь, горе, горесть’, ‘жалость, сострадание’ [Гринченко 1: 473]. В этимологии вопрос о родстве глаголов *желать* и *жалеть* остается нерешенным [см.: Фасмер 2: 40–41], между тем типология свидетельствует в пользу их родства, поскольку сочетание значений ‘любить’, ‘заботиться’ и ‘обнимать, ласкать’ типично для большинства глаголов семантического поля любви. См. также наст. изд., с. 71–81.

Все рассмотренные гнезда обнаруживают не только семантическую общность (наличие одних и тех же сквозных мотивов и тем), но и синтагматическую связанность, своего рода взаимное притяжение, частое текстовое соположение, ср. клишированные формулы типа рус. *любо-дорого*, «Мил да люб, так и будет друг» [Даль 2: 733], диал. *любо-мило* 1. ‘удобно, приятно’ (волог.), 2. ‘охотно’: «Пошел бы любо-мило» (арханг.) [СРГК 3: 167]; параллелизм конструкций типа *хочешь – не хочешь, вольному воля, волей-неволей*, с.-рус. *любо-нелюбо* ‘волей-неволей’, *мило – не мило* ‘то же’ [Там же: 167, 240]; словац. *chtiac-niechtiac* ‘волей-неволей’ и т. п., а также отмеченное выше параллельное употребление разных единиц из лексикона любви в составе личных имен и в словосложениях, использование их во взаимных толкованиях (ср. дефиницию Даля: *нравиться* ‘быть угодну, люблю, приятну, прийтись по нраву, по вкусу и по желанью, полюбиться кому, показаться’ [Даль 2: 1448], где в одной формуле соседствует почти весь лексикон любви и все его основные мотивы).

Обратимся теперь к семантике и структуре **семантического поля** любви в славянских языках. Первое, что бросается в глаза, — это повторяемость мотивов в разных гнездах при их неодинаковом иерархическом статусе в составе отдельных гнезд. Далее показательно в типологическом и этнокультурном отношении, что славянские языки не имеют особых обозначений для разных видов любви, т. е. одними и теми же словами они называют любовь земную, плотскую и — возвышенную, духовную, любовь к человеку и любовь к предмету, занятию и т. д. Каждая из перечисленных лексических морфем (гнезд) способна выражать любые виды любви, хотя и с разной степенью регулярности и исторической последовательности: в одних гнездах та или иная семантика (например, семантика желания или физического контакта) изначальна, в других она появляется на определенном этапе семантической деривации благодаря действию собственно семантических механизмов и связей. Еще одна заметная черта сферы любви — устойчивость мотивов, которые воспроизводят себя на разных уровнях и этапах развития,

начиная от этимологического исходного значения и кончая позднейшими деривационными (в том числе метафорическими) явлениями. Далее будут рассмотрены основные из таких сквозных мотивов, характеризующих лексику любви в целом.

1. ЖЕЛАНИЕ, ХОТЕНИЕ. Этот мотив считается исходным как для этимологического значения слав. **ľub-* и соответствующих обозначений любви во многих индоевропейских языках [см.: ЭССЯ 15: 174–176; Jakubowicz 2000], так и для понятия любви вообще. Ср. толкование русских синонимов *любить* и *обожать*, предложенное Ю. Д. Апресяном: «*X любит <обо- жает> P* = ‘*X* имеет свойство хотеть *P*, потому что всякий раз, когда *X* делает *P*, использует *P* или находится в контакте с *P*, он испытывает большое удовольствие’» [Апресян 2000а: 180] (подчеркнуто мной. — *С. Т.*). Связь понятий ‘любить’ и ‘хотеть’ двусторонняя. С одной стороны, лексика любви может быть связана с семантикой желания либо этимологически (как в случае **ľubiti*, **ľaskati*), либо вторично, ср. рус. диал. пск. *на любки* ‘добровольно, по желанию’ [ПОС 17: 266], сев.-рус. *любить* ‘хотеть, желать’: «Я бы любила одна пожить» (ленингр.) [СРГК 3: 167]; ср. также этимологическую связь **ľask-* ‘любить’, ‘ласкать’ и **ľas-* ‘хотеть, жаждать чего-л.’ (укр. *ласий* ‘лакомый, охотный до чего’: «До грошей я дуже ласий» [Гринченко 2: 345]).

С другой стороны, лексика с исходной семантикой желания (**xotěti*, **želati* / **želěti*, **voliti* / **volěti*) вовлекается в сферу любви: рус. *похоть*, *похотливый*, *хотеть* (кого-л.) ‘испытывать половое влечение’; словен. *hotenje* ‘телесное желание’, *hotiven*, *pohoten* ‘похотливый’, ср. еще параллелизм лексических обозначений в случае рус. *охотник* (до чего-л.) = *любитель* (чего-л.) = польск. *miłośnik* и т. д. Сюда же можно отнести макед. *сака* (с исходным значением ‘хотеть’, ‘стремиться’, ‘искать’).

Глагол **želati* включается в сферу любовной семантики прежде всего в русском народном языке, ср. рус. диал. *желанный* ‘любящий, ласковый; душевный, сердечный; жалостливый’, ‘чувствующий влечение, страсть, любовь к кому-либо’; *желанчик*, *желаницик* ‘милый, симпатичный

человек', 'любовник'; ср. также в обращении: *желанный мой*: «Желанный ты мой батюшка, желанная моя матушка, на кого же вы меня бросили»; *желаньице* 'любовь, доброта', 'прихоть, каприз', 'милый, любимый человек', *от желаньица* 'с любовью' [СРНГ 9: 101]. Аналогичную семантику развивает в русских диалектах его синоним **bažati*: рус. диал. *бажать* 'желать, сильно просить, жаждать, алкать', 'искренне, сердечно любить', 'пламенно желать чего', 'любить, ласкать'; *баженье* 'милость, сострадание', 'любовь, расположение'; *бажанный, баженый, бажатный* 'милый, любимый, дорогой', 'баловень, изнеженный любимец'; *бажатик, бажатица, бажёна, баженка, бажутка* и т. п. — ласковые обращения к любимым, к детям [СРНГ 2: 44–46].

Слав. **vol-* с исходным значением 'хотеть' (ср. рус. *по собственной воле*) только в современном сербскохорватском формирует основной лексикон любви (**volěti, voliti* 'любить'), однако и в других языках некоторый семантический «оттенок» любви можно усмотреть в тех регулярных употреблениях, где **vol-* выражает идею предпочтения (с естественной положительной оценкой предпочитаемого), как в польском *wolęć*, укр. *volіти*, или же идею выбора на основе предпочтения, как в в.-луж. *wolba* 'выбор', чеш. *volba* 'выборы', *volební* 'избирательный', словац. *volit'* 'выбирать', словен. *voliti* 'выбирать', *volitev* 'выбор' и т. п.

Мотив выбора присутствует и в некоторых других единицах лексикона любви, в том числе в рус. *любой* (какой нравится, какой хочешь)⁴, *любок* 'любая вещь, любое, что выбрано', *любки* 'свобода, воля выбора': «Любки тебе, бери что по нраву», *облюбовать, любовать* 'выбирать любое, выбирая по нраву' [Даль 2: 733], сев.-рус. *подобить* 'выбрать, отдать предпочтение кому-н.': «Каждый подобрал себе девушку, подлещи», ленингр. *подобный* 'подходящий, пригодный' (арханг.)

4 Рус. *любой* в значении 'каждый' неправомерно, на мой взгляд, считать возникшим под влиянием немецкого *beliebig*, как его трактует Х. Бирнбаум [Birnbäum 1978: 158–159], поскольку оно вполне органично вписывается в модели славянской семантической деривации. Ср. также союз **l'ub(o)*.

[СРГК 4: 651]; укр. *любувати* ‘любить’, ‘выбирать по вкусу’: «Любує кобилу» [Гринченко 2: 387]; чеш. *libovolně* ‘произвольно, по своему усмотрению’ и т. п.

С идеей выбора косвенно связан и мотив брака и помолвки, характерный для лексики любви в некоторых языках. Ср. кашуб. *koґba* ‘период от помолвки до свадьбы’ [Sychta 2: 184], польск. *ślub* ‘свадьба’ (< *s-*ľub*-), болг. *годя* ‘праздновать помолвку’, *годеж* ‘помолвка’, с.-х. *хтети* ‘добиваться брака с кем, быть женихом, невестой, любить, мечтать о ком-л.’: «Ни га хоһу, нит һу иһи с һиме» <Я не хочу его и не пойду за него> [РСХКJ 6: 753] и т. п. Вместе с тем мотив брака и помолвки может быть продолжением семантики обещания, привносимой в поле любви в некоторых языках (ср. в.-луж. *lubić* ‘вступать в брак’, ‘обещать, давать обет’, *lubiciel*, *lubyak* ‘любитель обещать’), которая, с другой стороны, сопрягается с темой лести, словесного «ласкания» (см. выше гнездо **кох*-).

На базе исходных значений ‘хотеть’, ‘искать’, ‘преследовать’ развивается семантика макед. *сака* ‘любить’⁵.

2. ЗАБОТА, ОПЕКА. Этот мотив присутствует в тех единицах лексикона любви, которые обозначают чувство и отношение, связанное с «акциональным» компонентом любви, т. е. предполагающее определенное поведение по отношению к объекту любви — внимание, заботу, опеку (согласно Апресяну, для русского языка *любить* в этом значении — это особая «лексема» со своими особыми свойствами). Дальнейшая семантическая деривация приводит к появлению уже собственно «акциональных, поведенческих» значений: укр. *кохати* ‘взлелеивать, возвращать, воспитывать (о детях, животных, растениях)’, *кохастий* ‘о растении: хорошо выросшее, выращенное’: «Кохасте зілля» [Гринченко 2: 294]; рус. пск. *кохать*, *коханить* ‘заботливо ухаживать, нежить’: «Кахали, адин сынок был у матки з батький» [ПОС 16: 29], брян. *кохать* ‘воспитывать’: «Их кохаеш, кохаеш, а они и не глянут

5 Ср. рус. диал. *сочить* и *сачить* ‘искать’, ‘выслеживать’: «Уж мы сачили, сачили да толк потеряли» (пск.) [СРНГ 36: 158; 40: 93]; белор. *сачыць* ‘следить, выслеживать’.

на тебя» [СРНГ 15: 120], арханг. *волить* ‘следить, наблюдать, присматривать за кем-н.’: «Где близко ферма, тут волят, наблюдают, а где далеко — не видать ницего» [АОС 5: 36]; ср. с.-х. диал. *љубити (јагње)* ‘об овце: вскармливать ягненка, давать ему сосать’ [РСХКНЈ 11: 677]. Если в славянской лексике любви этот мотив, скорее всего, вторичен по отношению к чувственной семантике, то для других языков, в частности скандинавских, он может быть признан исходным, этимологическим [Jakubowicz 2000: 235]. Впрочем, вопрос о соотношении чувственной и акциональной семантики в сфере любви в славянских языках не находит однозначного решения.

3. ФИЗИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛЮБИ. Связь семантики физического действия (типа ‘гладить’, ‘ласкать’, ‘*soige*’) и семантики чувственно-эмоциональной (‘любить’, ‘испытывать добрые чувства’, ‘нравиться’ и т. п.) в интересующем нас поле любви характерна для большинства гнезд, при этом отношения здесь двусторонние, т. е. имеет место как деривация типа «действие → чувство», так и деривация типа «чувство → действие». Исходная семантика действия характерна в первую очередь для глагола **koxati*, этимологическое значение которого — ‘касаться, трогать’ [ЭССЯ 10: 110–111], см. выше. Противоречиво в этом отношении гнездо **lask-*, где в глаголе (**laskati*) представлены либо значения ‘гладить, ласкать’ (ср. словац. диал. *laskotka* ‘щекотка’ [SSN 2: 33]), либо вторичные значения вербального действия — ‘льстить, заискивать’, — тогда как «чувственная» семантика характерна прежде всего для имени: в чешском и словацком, где *láska* означает ‘любовь’, отчасти в польском, украинском и белорусском, где это имя выражает чувство и отношение (‘любовь, доброе расположение, привязанность, благосклонность’) наряду с характеристикой поведения (‘нежность, ласка’, ‘лесть’). С другой стороны, наоборот, семантика физического действия (‘ласкать, гладить’) может быть производной от чувственного значения ‘любить’, на что как будто указывает этимологическая (и словообразовательная) связь этого гнезда с гнездом **las-* (**lasъ*, **lasiti*), для которого восстанавливается первичное значение ‘хотеть, жаждать, желать’ [ЭССЯ

14: 36–37]: ср. кашуб. *lasëc sq* ‘о людях и животных: ласкаться, ластиться’, ‘хотеть чего-л., иметь охоту к чему-л.’ [Sychta 3: 9], т. е. деривация может иметь вид ‘хотеть’ → ‘любить’ → ‘проявлять, выразить любовь, ласкать’.

Однозначное направление от «чувства» к «действию и поведению» демонстрирует гнездо **l'ub-*, где имя остается целиком в «чувственной» сфере, т. е. выражает значение ‘милый, дорогой, любимый, приятный’⁶, а глагол при преобладающем в славянских языках «чувственном» значении (‘любить, относиться благосклонно и т. п.’) в ряде языков развивает «акциональное» значение (‘ласкать’, ‘целовать’, ср. также русское выражение *заниматься любовью*). Ср. с.-х. *ljubiti* ‘целовать’; болг. *любя* ‘целовать, лобызгать’, *любе* ‘целовать икону, крест и другие сакральные предметы’ [БЕР 3: 575]; макед. *љуби* ‘любить, целовать’; словен. *ljubiti* ‘любить, ласкать, целовать; обещать’, *ljubiti se* ‘нравиться’ [Pleteršnik 1: 524]; чеш. *libati (se)* ‘целовать(ся)’, *políbek* ‘поцелуй’, словац. диал. *ľubat'* ‘целовать’ [SSN 2: 89]; др.-рус. *любить* ‘целовать, ласкать’ [СРЯ XI–XVII 8: 327]; сев.-рус. *любимкать* ‘ласкать, забавляться’: «Их (котят) никто не любимкает: маленьких-то нет» (волог.) [СРГК 3: 167], сиб. *любоваться* ‘ласкать друг друга’: «И вот начали любоваться, обниматься» [СРГС 2: 242].

«Акциональная» семантика представлена и в других гнездах «поля любви», в частности в гнездах **mil-*, **gal-*, **dorg-*, **žal-*, ср. белор. *мілавацца, мілаваць* ‘ласкаться, обниматься’; укр. *милощі* ‘ласки’; болг. *милвам, милувам* ‘гладить рукой, ласкать, миловать’; рус. *миловать* ‘изъявлять любовь, ласку, обнимать, целовать, холить, нежить, ласкать’, *миловаться*: «Миловались долго, да расстались скоро», «Примилуй ее (приголубь, приласкай)» [Даль 2: 852]; болг. *галя* ‘нежить, баловать’, ‘гладить, ласкать’, ‘любить’ [Геров 1: 209], *драгувам* ‘любить’: «Малки моми галило и драгувало» <Маленьких девочек любили и баловали>, ‘гладить, ласкать’ [Там же: 364], *милвам, милувам* ‘гладить рукой, ласкать, миловать’ [Геров 3: 64];

6 Эта же исходная семантика должна быть признана и для **l'ubь(jь)* в значении ‘любой, всякий, каждый’, т. е. ‘такой, какой нравится, какой хочешь’.

укр. *жалувати* ‘относиться к кому с заботливостью, с любовью, гладить, ласкать’ [Гринченко 1: 473].

В некотором смысле разновидностью «акциональной» семантики можно считать значение вербального действия, закономерно развивающегося на базе действия физического, когда акцент делается не на форме, а на прагматике действия, его цели. Так, физическое значение ‘гладить, ласкать’, выражающее положительное отношение и добрые чувства к объекту действия, естественно порождает представление о возможности выразить те же чувства словами, откуда появляются в «поле любви» такие значения, как ‘льстить, хвалить, заискивать’⁷, а затем и ‘обещать, тешить обещаниями’, как в лужицком (см. выше гнезда **l’ub-*, **lask-*).

4. СОСТРАДАНИЕ, ЖАЛОСТЬ (как свойство субъекта и объекта: ‘сострадать, сочувствовать, жалеть’ и — ‘вызывать сочувствие, быть жалким’). Эта семантика, восходящая к книжной традиции и к концепции христианской любви, характерна прежде всего для гнезда **mil-*. Она оказалась очень устойчивой во всех языках и сформировала еще один «эпицентр» семантического поля любви (наряду с чувственно-эмоциональным и «физическим»), в некотором роде автономный, поскольку между любовью и состраданием вне христианской концепции любви к ближнему нет обязательной связи (сострадать можно и тому, к кому не испытываешь положительных эмоций, хотя сострадание как «присвоение» чужих страданий означает включение другого в свою личную сферу, что как раз характерно для любви⁸): ст.-слав. *милъ* ‘достойный сострадания, жалости’;

7 В [ЭССЯ 15: 175] соответствие слав. **l’ub-* литовскому **liaupsė* ‘хвала’ отвергается по причине «несходства значений». Между тем в свете имеющихся данных по всему «полю любви» семантическая связь значений ‘любить’ и ‘хвалить’ представляется вполне реальной (ср. сочетание значений ‘любовь’ и ‘лесть’ в слав. **laska*).

8 Ср. выделяемую М. Якубович семантическую модель «*kochany to własny*» <любимый — это свой, собственный>, характерную для германских языков: др.-англ. *swaēs*, др.-исл. *svās*, др.-в.-нем. *swās* в значении ‘любимый, свой’ из и.-е. **sue-* ‘свой, собственный’ [Jakubowicz 2000: 236].

др.-рус., ц.-слав. *милъ* ‘вызывающий сострадание, жалкий’; рус. *милость* ‘сострадание, милость, милосердие, пощада’ (ср. *оказать милость, на милость Бога, милость к падшим, милостыня* и др.), *миловать* ‘прощать, щадить, снисходить’, *помиловать* ‘оказать снисхождение, пощадить, освободить от наказания’; с.-х. *mio* ‘милостивый, достойный сострадания, жалкий’ [Mažuranić 1: 657]; словен. *mil* ‘сострадательный, жалостливый, милостивый’ [Pleteršnik 1: 58])⁹.

5. Привычка, обычай. Кроме болг. *обичам, обич* (см. выше гнездо **вук-*), релевантность этой семантики для поля любви подтверждается наличием значений ‘любить, любовь’ в гнезде **norv-*. По определению Даля, «ко нраву относятся как понятия подчиненные: воля, любовь, милосердие, страсти» [Даль 2: 1448]. Глагол *нравиться* во многих своих употреблениях синонимичен глаголу *любить*, прежде всего когда речь идет не о любви сексуальной, а о положительном эмоциональном отношении, хотя в просторечии рус. *нравиться* может употребляться и по отношению к любви к противоположному полу. Ср. *нравный* ‘что нравится, что пришлось по нраву, приятный, угодный, желанный’: «Нравен ли тебе жених?», «Не то хорошо, что хорошо,

9 Одни и те же слова могут иметь и субъектное, и объектное значение, ср. *любопытный* (человек и пример), *нетерпимый* (человек и поступок), *подозрительный* (человек и предмет) и т. п. Прилагательное *любезный* при обычном субъектном (и акциональном) значении ‘тот или такой, кто действует (ведет себя) любезно’ может иметь объектное значение ‘тот, кто мил, приятен’: ср. «И долго буду тем любезен я народу». В свою очередь, *милый*, обычно имеющий объектное значение (*милый ребенок, милый рисунок*), может характеризовать субъекта, т. е. означать ‘милосердный, милостивый, мягкий’: «Он был мил со мной». Очевидно, что эти различия существенны для семантической деривации и важны для типологии, но они далеко не всегда отмечаются словарями. Ср. в [МАС]: *любезный*: 1. Обходительный, предупредительный, учтивый, 2. устар. и разг. Милый кому-, чему-л., дорогой (где представлено и субъектное, и объектное значение), и *милый* 1. Располагающий к себе, славный, хороший, 2. Близкий сердцу, родной, дорогой, 3. Возлюбленный, возлюбленная (где субъектное значение не представлено). Между тем именно субъектные значения порождают такую сугубо «акциональную» семантику, которая присутствует в выражениях типа *оказать милость*.

а то, что нравно», *нравить кого* ‘полюбить, найти себе по нраву, по вкусу, облюбовать’: «Он ее понравил», *нравиться* ‘быть угодну, любу, приятну, прийтись по нраву, по вкусу и по желанию; полюбиться кому, показаться’ [Там же]. Первые два слова (*нравый* и *нравить*) в современном языке неупотребительны, а третье (*нравиться*) — основной способ выражения «пассивной» семантики любви (‘нравиться, быть тем, что или кого любишь’). Ср. еще сев.-рус. *нравство* ‘взаимное влечение, любовь’: «С милым везде хорошо, если замуж по нравству выйдешь» (волог.), *нравый* ‘такой, который нравится’: «Если он тебе не нравен, так венчать не будут» (карел.) [СРГК 4: 52]. Однако значение ‘нравиться’ может выражать в говорах и глагол *любиться*: пск. «Нам-то не любница, када дефка ф штанах ходит» [ПОС 17: 264], сев.-рус. *любиться* ‘то же’: «Не любится ей невестка, очень не любится» (карел.) [СРГК 3: 167].

6. Радость, удовольствие, наслаждение. Этот мотив — неотъемлемый компонент семантики любви, концентрирующий в себе положительные эмоции субъекта чувства при восприятии им объекта любви. Как и в случае с другими мотивами, здесь наблюдается двусторонняя связь: лексика любви (и прежде всего гнездо **l'ub-*) может в разной степени выражать семантику удовольствия и наслаждения, а лексика радости и удовольствия (прежде всего гнезда **rad-* и **vol-*) — семантику любви. Ср. укр. *любо* ‘приятно, хорошо’, ‘с наслаждением’, ‘с любовью’, *любота* ‘наслаждение, удовольствие’: «Любота глянути на молодят, як вони гарненько живуть укупці», *милуватися* ‘любоваться’ [Гринченко 2: 385–387]; польск. *lubować się, kochać się z kogo, czego* ‘радоваться кому, чему’, *kochanie z czego* ‘радость, удовольствие’ [SW 2: 385]; чеш. *libovati si* ‘быть довольным’, *libost* ‘удовольствие’, *kochati se* ‘наслаждаться’, ‘любоваться’; словац. *ľubovať si* ‘увлекаться’, *kochať sa* ‘наслаждаться’, ‘любоваться’ и т. п. Неслучайно на первом месте здесь стоит визуальное впечатление от объекта любви, ср. предикаты со значением ‘любоваться’, т. е. ‘смотреть, наблюдать с удовольствием’. Ср. рус. *любо-дорого* (*смотреть*), диал. *навидеть* ‘любить’, ‘любоваться’: «Люблю

и навизу купецкого сына» [СРНГ 19: 166]; белор. *любота, любута, любаценне, любенне, любавацца, любавачь*; словен. *ljubovati se*; с.-х. *љубовати*; макед. *љубува се*; болг. *любувам се* и т. д. С другой стороны, в поле любви вовлекается лексика с исходной семантикой радости и удовольствия: чеш. *mít rád* 'любить', рус. *доволен, удовольствие* и т. п.

Вся совокупность относящихся к сфере любви форм (лексических элементов) и совокупность смыслов (семантических элементов) составляют своего рода лексико-семантическую сеть, пронизанную определенными регулярными отношениями, формальными и смысловыми. Оказывается, что, с одной стороны, все или почти все знаки (члены каждого гнезда) могут выражать практически все смыслы, с другой стороны — каждый смысл может выражаться с помощью лексических знаков разных (многих) гнезд, хотя и с разной степенью регулярности и в разной исторической последовательности: в одних гнездах та или иная семантика (например, семантика желания или физического контакта) изначальна, в других она появляется на определенном этапе семантической деривации благодаря действию собственно семантических механизмов и связей. Как лексическое, так и семантическое наполнение «сферы любви» в славянских языках демонстрирует устойчивость основных мотивов, формирующих языковой образ любви, и их взаимную связь. Какой бы лексический знак (гнездо) ни служил «входом» в эту сферу, в нем так или иначе будут присутствовать (на какой бы то ни было стадии семантической деривации и на какой бы то ни было иерархической ступени семантической структуры) основные мотивы любви — мотивы желания, удовольствия, включения в свою личную область, сочувствия и соответствующих им форм поведения, начиная от объятий и поцелуев и кончая воспитанием и опекой.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПИЩИ И ПИТАНИЯ

ЛШТЕ БО НАСЫТИЛЪ СЪ КСИ ПИШТЕЮ

НАКЪРМИ АЛЬЧНААГО

Изборник 1076 г.: 19 об.

Тема пищи и питания — одной из ключевых сфер человеческой жизни — в последние десятилетия привлекала внимание лингвистов, культурологов, этнологов. Лингвистов интересовала главным образом номенклатурная лексика пищи (названия блюд и видов кушаний в славянских языках и диалектах); в меньшей степени изучались категориальные признаки пищи («сладкий — соленый», «кислый — пресный», «жирный — постный» и т. д.), хотя и такие исследования, часто с этнолингвистическим уклоном, можно указать [см.: Гура 2008; Кабакова 2013; Пьянкова 2008; Седакова 2000; Толстая 2006б] и др. Этнографы и культурологи занимались пищевыми ритуалами, застольным этикетом, социальными функциями пищи и питания и т. п. Этим темам посвящены диссертации, монографии, статьи и специальные тематические сборники [например: Кодови 1997; Традиционная пища 2001; Белова 2005; Традиционное застолье 2008; Коды повседневности 2011; Вайс и др. 2013].

В данной статье речь пойдет об общих терминах, относящихся к пище и питанию в славянских языках. Лексическое поле пищи обширно и разнородно, оно включает следующие основные группы (гнезда) праславянских имен и глаголов: **ed-* (*еда, есть*), **kъrm-* (*корм, кормить*), **pit-* (*питать, пища*), **trav-* (польск. *strawa*), **syt-* (*сытый, насыщать*), **xorn-* (юж.-слав. *храна, хранити*, кашуб. *xarna*), **živ-* (польск. *pożywienie*, чеш. *živiti*), **sil-* (польск. *posilek*), **krěp-* (польск. *krzepić*). Эта разнородность означает, что соответствующие номинации сложились не в праславянском, а в отдельных славянских языках, и довольно поздно, хотя использовались при этом лексические ресурсы очень древние — праславянские и индоевропейские. Кроме этих основных номинаций, в славянских языках и диалектах существуют и другие лексические единицы

с общим значением ‘кормить(ся)’ и ‘питать(ся)’, у которых пищевые значения находятся на периферии их семантических спектров. Таковы, например, **pasti*, **godovati*, **xovati*, **bergti*, **stergti*, **gojiti*.

Проблема общих названий — особая в лексикологии, общие (родовые) названия отличаются от номенклатурной (видовой) лексики. Они возникают на основе обобщенной систематизации и категоризации целой области жизни и отражают разные способы упорядочения и осмысления этой области в разных языках. Типология моделей номинации общих (родовых) понятий показывает степень и способы реализации логических возможностей при концептуализации крупных фрагментов действительности. Интересный опыт такой типологии на материале так называемых «народных царств» — общих названий растений и животных — излагается в статье [Руссо 2011], обобщившей данные по многим языкам мира. Я бы хотела показать, что учет этих данных исключительно важен не только для лексической типологии, но и для семантической реконструкции и этимологии, он составляет один из необходимых видов системного анализа лексики.

Начну с нескольких общих замечаний. Во всей сфере питания и пищи и соответствующей лексике надо различать две стороны, два плана. Первый — условно *п р я м о й*, а второй — *к а у з а т и в н ы й*, их можно обозначить через глаголы *есть* и *кормить*: *есть* — это значит потреблять пищу, а *кормить* значит каузировать потребление пищи, делать так, чтобы человек ел. Эти два плана (прямой и каузативный) прослеживаются во всей лексике, хотя они противопоставляются не очень строго. Для носителей русского языка *еда* и *пища* — одно и то же, хотя изначально *еда* (*снeдь*) — это то, что человек ест, а *пища* — скорее то, чем человека кормят (за ними стоят разные субъектно-объектные характеристики прототипической ситуации еды и кормления). Важно еще отметить, что глагол и соответствующее имя могут не совпадать в отношении данной оппозиции, причем имя в большей степени, чем глагол, нейтрализует различие по признаку каузативности: в польском языке глагол *trawić* ‘переваривать пищу’ относится к сфере еды, а *strawa*

‘пища’ может относиться как к сфере еды (‘то, что человек ест’), так и к каузативной сфере кормления (‘то, чем человека кормят’), так же и рус. *пища*, с.-х. *храна* семантически соотносятся как с глаголами с прямым значением ‘есть’, так и с каузативными глаголами со значением ‘кормить’.

Существенной для данного лексического поля является также оппозиция «человек — животное (скот)», хотя граница между пищей людей и скота не всегда четко выражена и может стираться. В русском языке глагол *кормить* относится к питанию как людей, так и скота, но при этом *корм* — это пища животных (ср. также *подкормка* растений), а в некоторых языках и диалектах *кормить* применяется только к животным (см. ниже). Что касается глагола *питать* и имени *пища*, то в русском языке *питаться* могут и люди, и животные, и растения, а *пища* употребляется в большей степени (хотя не только) по отношению к человеку.

Еще одним значимым параметром, определяющим семантику глаголов питания – кормления, является так называемый фундаментальный класс предиката [Апресян 2006], т. е. принадлежность глагола к классу действий (*Мать кормит ребенка*), занятий или деятельности (*Он один кормит всю семью; Она все еще кормит ребенка грудью*), состояния или свойства (*Птицы питаются насекомыми; Реки питают моря*). Тип предиката противопоставляет, например, *кормить* как глагол, способный наряду с другими значениями иметь значение действия (*Она сейчас занята — кормит детей ужином*), и *питать*, не способный иметь такого значения (невозможно: **Мать питает детей ужином*).

Дальше речь пойдет главным образом о «каузативной» лексике, т. е. скорее о кормлении, чем о еде. Поэтому здесь о еде кратко скажу, что в этой сфере, помимо основного праславянского глагола с индоевропейским корнем **ed-* и глагола **žьrati*, известных всем славянским языкам и диалектам, употребляется большое число глаголов и их дериватов экспрессивного характера, которые, однако, в семантическом отношении маловыразительны и не дают значимых параллелей в других сферах лексики, в отличие от каузативных глаголов кормления. Напротив,

лексика каузативного плана разнообразна в отношении мотивационных моделей, и для нее существенны все основные параметры ситуации кормления, а именно: субъект (кто кормит), прямой объект (кого кормят), косвенный объект или средство (чем кормят) и — отчасти — цель (зачем кормят). Эти параметры связаны друг с другом: если тот или иной параметр принимает то или иное значение, то и другие параметры получают определенное значение, сочетающееся с ним. Первый параметр (кто кормит) сравнительно малозначим; он дает только различие между общим кормлением и материнским вскармливанием, но это различие согласуется с различием объекта, способа и средства кормления: *Мать* (субъект) *кормит ребенка* (прямой объект) *молоком / грудью* (косвенный объект). Второй параметр (кого кормят) дает главное противопоставление — «человек — животное», о чем уже было сказано (а в случае «человек» может быть существенно дальнейшее различие взрослого и ребенка / младенца). Третий параметр (чем кормят) снова зависит от того, кого кормят (пища человека, молоко грудного ребенка, корм скота). Четвертый параметр (цель) важен для дальнейшего (метафорического) процесса семантической деривации, при этом он также соотносится с объектом и средством воздействия: ср. *воспитывать* (детей), *выкармливать* (скотину), *подкармливать* (растение) и т. д.

В славянских языках представлено несколько мотивационных моделей глаголов кормления – питания: 1. «давать пищу» (**kьrmiti*, **horniti*, производные от соответствующих имен со значением ‘еда, пища’); 2. «держат, содержать, разводить скот» (**xovati*, **pasti*, **godovati*, а также **bergti*, **stergti*); 3. «делать сытым, насыщать» (глаголы, производные от причастных форм **syть*, **pitь*); 4. «каузировать жизнь, наделять жизнью, жизненными силами» (дериваты именных основ **živ-*, **sil-*, **krěp-*).

Вне этих моделей остается глагол **traviti* и его дериваты, которые будут рассмотрены особо. При этом основным праславянским каузативным глаголом питания – кормления является **kьrmiti*, для которого пищевое значение можно считать исходным, а другие значения — производными, метафорическими

(ср. *кормить обещаниями*). Глаголы **pitati* и **xorniti* с пищевой семантикой представлены лишь в части славянских языков; для остальных гнезд пищевые значения или сосуществуют с другими значениями (например, для **pasti* и **xorniti* — со значениями ‘хранить, сохранять’ и ‘спасать’, для **živiti* — со значениями ‘оживлять’, ‘исцелять’), или производны от других значений (например, для дериватов **sil-* и **krěp-* — от физических значений ‘укреплять, усиливать’).

Рассмотрим подробнее эти мотивационные группы номинаций.

1. Давать пищу. К этой семантической модели относятся несколько древнейших праславянских глаголов, имеющих индоевропейские корни и демонстрирующих сложную структуру семантической деривации; для некоторых из них пищевое значение является основным, для других — одним из ряда значений.

Глагол **kьrmiti* (отыменной, от **kьrma* ‘корм, пища’¹) известен практически всем славянским языкам: ст.-слав. *крьма* ‘пища, корм’, *крьмити* ‘кормить, питать’, *крьмленик* ‘кормление’, *крьмленикъ* ‘грудной ребенок’, *крьмилъць* ‘пестун, воспитатель’, *крьмла* ‘корм, пища’, *накрьмити* ‘накормить, насытить’, *прекрьмити*, *въскрьмити* ‘взрастить, воспитать’, болг. *кърмя*, макед. *крми* ‘кормить скот’, с.-х. *крмити* ‘кормить скот’, словен. *křmiti* ‘кормить скот’ (по отношению к человеку может употребляться в сниженном значении ‘кормиться, питаться’: *křmi se samo s fižolom* «питается одной фасолью» [SSKJ 2: 501]), словац. *křmit'*, чеш. *křmit* ‘питаться’, в.-луж. *kormić*, н.-луж.

1 Этимологи реконструируют для праславянского два имени: **kьrma* ‘корма лодки’ и **kьrma* ‘корм’, считая их омонимами. Между тем О. Н. Трубачев, вопреки общему мнению, допускает родство этих имен: «У истоков значения ‘корма, кормовое весло’ лежало, думается, уже готовое значение ‘корм, скармливание’. Можно предположить, что погружение в воду кормового весла — важнейшего корабельного весла — понятию соприкасалось с магией кормления, задабривания опасной водяной стихии. Лишь готовое значение ‘корм, пища’ позволительно в таком случае уже прямо возводить к известному глагольному корню и значению **(s)ker-* ‘резать’» [ЭССЯ 13: 221–222].

kjarmiś, польск. *karmić (się)* ‘кормить(ся), питать(ся)’, *kar-towu* ‘кормовой’, *pokarm* ‘пища’, ‘корм’, *pokarmić (się)* ‘покор-мить(ся)’, *pokarmowu* 1. ‘пищевой’, 2. ‘кормовой’; *karma* ‘корм для скота’; *karmia* ‘корм, еда, питание, пища’, укр. *кормити* ‘кормить’, *кормига* ‘иго, ярмо, власть’, *під кормигу підгор-нути* ‘подчинить под власть’ [Гринченко 2: 285], белор. *кар-міць*, диал. тур. *корміць* ‘кормить’: «Богатому то й чорт дзеці корміць»; *кормля* ‘еда, харч’, *кормны* ‘откормленный’: «Возіў кормных свіней у Пінск» [ТС 2: 219], рус. *кормить* ‘кормить, питать’, ‘вскармливать грудью’, диал. *кормёж* ‘поминки’, *кормёжка* ‘часть дня с утра до полудня’, *кормля* ‘пища, корм’, ‘кормление, кормежка’, *кормно* ‘сытно’, *кормный* ‘откорм-ленный’, *кормчий* ‘о животном с хорошим аппетитом’, *кормить* ‘держать, иметь в хозяйстве животных и птиц’, *корми-тесь!* ‘при угощении: кушайте!’, *кормка* ‘кормежка’, *корм-кий* ‘питательный (о травах)’, *кормлёжь* ‘кормление’, *кормо-вать* ‘питаться’, *кормовище* ‘пастбище для скота’ [СРНГ 14: 235–237]; перм. *скормить* ‘вырастить’: «Скормила парнишко и в армию отдала» [СПГ 2: 346] и др.

Для этого глагола и всего гнезда существенны оппозиции «человек — скот» (в южнославянских языках глагол означает только ‘кормить скот’) и «взрослый человек — ребенок» (ср. болг. *кърмя* ‘вскармливать грудью’). Часто по этим признакам не совпадают глагол и имя: так, в русском языке *кормить* можно и человека (в том числе кормить грудью младенца), и животных, тогда как *корм* соотносится прежде всего со скотом: «Теленок уж белого корма не ест, это солома с овса, пшеницы, ржи», и гораздо реже может употребляться в значении ‘пища чело-века’: *довольный корм* ‘хорошее питание’ [СРГК 2: 430–431]. Аналогичные ограничения известны и другим языкам: польск. *karma* ‘корм для животных’, ст.-польск. *karmia* ‘еда, пища’, чеш. *krmení* ‘корм, корма, фураж’, словац. диал. *krma* ‘корм для скота’, ‘питание (для младенца)’, белор. диал. *карма*, *корма* ‘корм’, словен. *kírma* ‘пища, обычно растительная, для животных’, *kírmilec* ‘тот, кто кормит животных’ [SSKJ 2: 501].

В дальнейшем **kǝrmiti* может получать значения ‘достав-лять пищу’, ‘содержать’, ‘воспитывать’ (главным образом

в русском языке): др.-рус. *кърмити* ‘питать, кормить’ и ‘воспитывать’: «кормящи сна своего до мужества и до возраста его», *кърмичичь* ‘дядька, воспитатель’ [Срезневский 2: 1406], рус. диал. карел. *кормить* ‘держать, иметь в хозяйстве животных и птиц’ [СРНГ 14: 235–237], *кормить подолом* ‘кормиться подаванием’, *кормить свою голову* ‘жить за свой счет’: «Я с семи лет кормлю свою голову» [СРГК 2: 431], перм. *скормить* ‘вырастить’: «Скормила парнишко и в армию отдала» [СПГ 2: 346], сиб. *кормом кормить* ‘содержать кого-либо’: «Мы сироты оставались, нас леля взяла, она нас кормом кормила» [СРГС 2: 117] и т. п.

Для глагола **xorniti*, производного, по мнению большинства этимологов, от имени **xorna* ‘пища’ [ЭССЯ 8: 78–79], исходным считается значение ‘кормить, вскармливать, растить, воспитывать’. Это значение характерно прежде всего для южнославянских языков: с.-х. *hrana* ‘еда, пища’, ‘материнское молоко’, *hraniti* ‘кормить, питать’ [RHSJ 3: 679–682], словен. *hrana* ‘пища, еда, питание’, *hraniti* ‘кормить’, *hranitev* ‘кормление, содержание’, *hranitelj* ‘кормилец’ и т. д. [SSKJ 1: 824–825], болг. *храня* ‘питать, кормить’ и т. п. В остальных восточно- и западнославянских языках глагол **xorniti* имеет другие значения — ‘хранить, сохранять, беречь’, а также ‘хоронить’ (последнее значение присуще также глаголу **xovati*). Эти, казалось бы, далекие от пищевых значения тем не менее представляют, по мнению этимологов, единую линию семантической деривации: ‘кормить, вскармливать’ → ‘содержать (скот)’ → ‘опекать, охранять, защищать’ → ‘прятать’, нашедшую воплощение в семантическом спектре многих глаголов [ср.: Вору́с 2005: 68; Толстая 2009, наст. изд. с. 41–61].

2. ДЕРЖАТЬ, СОДЕРЖАТЬ, РАЗВОДИТЬ СКОТ, ПТИЦУ. Исключительно со сферой кормления животных (домашнего скота, птицы) связана пищевая семантика праславянских глаголов **xovati* и **pasti*, у которых пищевое значение оказывается производным от более общего значения ‘держат скот’.

Глагол **xovati* в подавляющем большинстве употреблений относится к кормлению животных (скота): укр. *ховати* ‘выкармливать, воспитывать’, *ховатися* ‘выкармливаться’,

польск. *chować* ‘выращивать, разводить (кур, цыплят, кроликов и т. п.), держать коров и т. п.’, *chow bydła* ‘разведение скота, животноводство’, чеш. *chovati (dobytek)* ‘содержать скот’, морав. *chovat dobytek* ‘держать скотину’: «Chová si páru koní a páru volů» <Он держит пару лошадей и пару волов> [Bartoš 1906: 120], словац. *chovať* ‘разводить (о животных, овощах, фруктах и т. п.)’, *chovateľ dobytku* ‘скотовод’, *chovateľ včiel* ‘пчеловод’ и т. п. [Isačenko 1: 225].

Однако этот глагол также имеет «социальные» значения, связанные с воспитанием, что сближает его с аналогичной семантикой дериватов сугубо пищевого глагола **pitati* (ср. рус. *воспитание*): рус. диал. *выхованец, выхованка* ‘воспитанник, воспитанница, приемыш, подкидыш, внебрачный ребенок’, *выхованство* ‘воспитание’, *выховывать* ‘вспаивать и вскармливать, воспитывать’ [СРНГ 6: 50], укр. *хований* ‘вскормленный, ручной’: «Вовк хований», *хованець* ‘воспитанник, приемный сын, вскормленник’ [Гринченко 4: 406], польск. *wychować* ‘воспитать’, *wychowanie* ‘воспитание’, кашуб. *ховас (sq)* ‘воспитывать(ся)’: «Ховас dz’eci» <Воспитывать детей>, «Po sm’erci matk’i ja są hował u starki» <После смерти матери я воспитывался у бабушки> [Sychta 2: 51]. Ср. также типичное выражение о новорожденных детях, состояние или телесные недостатки которых внушают опасение за их жизнь: польск. «Nie będzie się chować» <Не будет жить, расти, не жилец> [SGP 4/1(10): 44–47]. Известны, однако, и вполне конкретные пищевые значения слов этого гнезда, составляющие параллель к основному значению глагола **xorniti*, ср. польск. диал. *chowa* ‘средства к жизни, содержание, пропитание, харч (в частности, наемного пастуха или рабочего)’ [Там же: 43–44], *chowanie się* ‘питание, кормление; провиант, харч’ [Там же: 49–50] (см. также наст. изд., с. 52–53).

Глагол **pasti* — яркий пример связанности семантической сферы защиты, охраны и сферы питания – кормления, что сближает этот глагол с **xorniti* (см. выше). Глагол **pasti* в славянских языках представляет две столь далекие друг от друга семантические сферы — «пасти скот» и «спасать, запасть, опасаться», — что они заставляли исследователей

сомневаться в этимологическом единстве этого глагола, имеющего (в обоих своих значениях) надежные индоевропейские соответствия [Топоров 1959; Иванов 1961; 2007]. Семантика кормления в гнезде **pasti* во всех славянских языках закрепи-лась прежде всего за сферой животноводства ('пасти скот'), но в разных славянских языках фиксируются и более широкие значения пищи и кормления, ср. словен. *pásti, pásem* 'следить за скотом, который пасется на траве' (*pasti živino na planini* 'пасти скот в горах'), *pásti se* 'поедать траву или ветки растений с целью наесться' («Krave se pridno pasejo» <Коровы усердно пасутся>), *pasti oči, poglede na kom* 'разглядывать с интересом, наблюдать', *napásti* 1. 'наесться (о скоте)': «Živina se je dobro napasla» <Скотина хорошо наелась на пастбище>, 2. *экспресс.* 'наесться (о людях)': «Goste se dobro napasli in napojili» <Гости хорошо наелись и напились>, 3. *экспресс.* 'утолить': «Napasil je svojo strast» <Он утолил свою страсть> [SSKJ 2: 356] (см. подробнее наст. изд., с. 55–58).

Таким образом, сочетание значений 'кормить' и 'беречь, защищать', 'блюсти, наблюдать', свидетельствуемое несколькими праславянскими (общеславянскими) глаголами, можно считать закономерным и мотивированным. Если в гнезде **xorniti* пищевые значения наиболее непосредственно связываются с семантикой защиты (и далее — сохранения, сбережения) через идею, так сказать, каузации жизни (ср. в разных языках глагол *живить* 'давать, сообщать жизнь, жизненные силы'), то в гнезде **xovati* эти два смысла («пища» и «защита») соединяются в значении 'пасти скот, кормить его, выхаживать', и далее 'растить, разводить'. Устойчивость этой связи подтверждает семантический спектр глагола **pasti*, в котором при основном значении 'пасти, кормить (скот)' широко распространено значение 'хранить, охранять, спасать'.

Совместимость и внутренняя связанность значений 'кормить' и 'беречь, защищать' подтверждается семантикой глагола **bergiti* 'беречь', у которого также отмечены оба значения при исходном и главном 'беречь, хранить': рус. пск. *беречь* 1. 'угощать', 2. 'проявлять заботу, оберегать', 3. 'содержать в целостности, сохранности', 4. 'растить, воспитывать' [ПОС 1: 182–183]; *берёга* 'хорошее

угощение': «У нас плохая берёга», 'кормление скота': «А каровам раньшэ во кака была бярёга: на ночь аржаной саломы дам, а патом пойва с пялам, а малака была больша» [Там же: 173–174] (см. подробнее наст. изд., с. 54–55).

Сочетание «пищевых» (в широком смысле) и «охранительных» значений отмечается и у глагола **stergiti* 'стеречь': рус. диал. забайк. *стережить* 'стряпать, готовить что-л.'; диал. *стеречь* 'пасти скот': «Ребята погнали лошадей стеречь» (курск.); «У нас стерегут коров на бударке (заливной луг)» (ворон.); диал. *стеречи* 1. 'охранять, караулить, стеречь', 2. 'пасти скот': «Нанялся скотину стеречи» (орл.) [СРНГ 41: 148–149].

Со сферой разведения скота связан также глагол **godovati*. Распространение глагола ограничено восточнославянской территорией; его проникновение в польский язык объясняется украинским влиянием [Brückner 1957: 172; Boryś 2005: 194]. Будучи производным от праславянского **godъ*, глагол имел закономерное основное значение 'соблюдать, почитать, праздновать (день, праздник)' [ЭССЯ 6: 190–191; Šivic-Dular 1999], ср. ст.-польск. *godować* 'праздновать' [Boryś 2005: 194], кашуб. устар. *godovac* 'праздновать Рождество' [Sychta 1: 335]. В русских диалектах *годовать* получает значения, связанные как с абстрактной семантикой содержания, вскармливания, воспитания, так и с конкретным физическим значением кормления — 'выращивать, вскармливать, воспитывать': курск. «Кабана годовала под самую войну», пск. «Ночью телился <теленок>, будет он в зиму пускаться, годовать его будут»; 'откармливать животное на убой' (курск., орл., тул., калуж.); 'вскармливать, воспитывать (о детях)': курск. «Сама детей годовала, в люди произвела»; 'кормить, угощать': сарат. «Придет — не знают уж, чем его и годовать: и едова и пойла всякого на стол наставят» [СРНГ 6: 271].

Более отчетливо семантика питания проявляет себя в украинском языке, где *годівля* 'корм, кормление': «На годівлю птиці треба багато зерна»; *годованець* 'животное, откармливаемое на убой'; *годування* 1. 'кормление', 2. 'воспитание', 3. 'откармливание'; *годувати* 1. 'кормить': «Багач ся дивує, чим убогий діти годує», 2. 'воспитывать, вскармливать': «Тяжко дітей годувати у безверхій хаті», 3. 'откармливать': «Годують на сало»; *годуватися*

1. ‘кормиться, пропитываться’: «Багатий дивується, як убогий годується», 2. ‘кушать, есть’ (употребляется преимущественно в выражении, которым «припрашивают» гостей): «Не турбуйтесь, люде добрі, годуйтеся на здоров’я» [Гринченко 1: 298–299]. Ср. последний пример с приведенными выше аналогичными контекстами угощения для **pitati* и **kьrmiti*.

В белорусском языке *гадаваць* имеет преимущественно значения ‘растить детей’ и ‘разводить домашних животных и растения’, хотя в «Туровском словаре» приводится наряду с другими значение ‘кормить’: «Ходзем свінья годоваць» [ТС 1: 210]. Семантика питания отражена также в «Историческом словаре белорусского языка», причем для глагола *годовати* пищевое значение указывается на первом месте: *годовати* 1. ‘угощать, кормить’, 2. ‘растить, воспитывать’, *годованье, годоване* ‘угощение, кормление’ [ГСБМ 7: 27].

3. Делать сытым, насыщать, наполнять. К этой семантической модели относится праславянский глагол **pitati* с исходным пищевым значением и глагол **-sytit*, производный от древней причастной формы **syť*.

Глагол **pitati* в отличие от **kьrmiti* употребляется преимущественно по отношению к человеку. Для праславянского реконструируется несколько типов глагольных основ этого гнезда: помимо *a*-основы **pitati* (*se*), это ятевый глагол **pitěti* (*se*) (ст.-слав. **питѣ-ник**, др.-рус. *пѣти* (*са*), *пѣние*, рус.-ц.-слав. *пѣюся* ‘ращу в неге’: «Отроча питѣющеся» [САР 4: 821]), затем незасвидетельствованный атематический глагол ***pisti²* (< **pit-ti*), представленный страдательным причастием **pitomъ* (болг., макед., с.-х., словен., ст.-чеш., словац.) в значении ‘накормленный, вскормленный’, и далее дериваты этого причастия (ср. рус. *питомец, питомник*), а также **pišt’a* и ее дериваты³. Наиболее убедительной

2 Здесь и далее двойным астериском отмечены праславянские формы, реконструируемые на основании косвенных данных и не имеющие прямого отражения в славянских языках.

3 Не исключено, что в праславянском могли существовать и другие оформления данной основы, поскольку «разноосновность» вообще была характерна для праславянского глагола (см. наст. изд., с. 297–328).

этимологической версией следует считать возведение этих глаголов к реконструируемому причастию **pitъ* от глагола **piti* с исходной нерасчлененной семантикой питья – питания (ср. др.-инд. *pitu-* ‘пища, напиток’) [ESJS 11: 647], объясняемой прототипической ситуацией грудного вскармливания детей.

Диффузность семантики питья – пищи подтверждается и некоторыми позднейшими дериватами праславянских **pitati* и **piti*, нивелирующими в своей семантике границу между питьем и питанием, ср. общеслав. **pirъ*, рус. *впитать / впитывать, пропитать / пропитывать, напиться* (прежде всего о жидкости), рус. диал. орл. *питать* ‘вбирать в себя; впитывать’: «Растёр да трёх рас и тада ни сталь уже питать» [СОГ 9: 103], арханг. *питейное горло* ‘пищевод’, карел. (рус.) *питаться воздухом* ‘дышать’: «Стара стала, худа, уж и питаться воздухом скоро не смогу, смертушку жду» (ср. *питье воздухом*), курск. *питёра* ‘обжора’ [СРНГ 27: 52–53], белор. тур. *пиць* ‘склевывать зерно в колосьях (о птицах)’ [ТС 4: 53], то же серб. *питу* ‘клевать (о птицах)’ [РСХКJ 4: 437]⁴.

В славянских языках глагол **pitati* имеет весьма ограниченное распространение. Он известен в старославянском, русском и отчасти в южнославянских языках (включая диалекты) и практически не известен западнославянским, украинскому и белорусскому языкам, где основными глаголами питания служат другие лексемы: польск. *karmić*, чеш. *živit, využívat*, словац. *vyžívať*, укр. *годувати, живити*, белор. *жывіць, сілкаваць*. Но и в южнославянских языках глагол **pitati* не является основным обозначением соответствующего понятия, уступая другим лексемам (болг. *храня*, макед. *јадев*, с.-х., словен. *hraniti*), и отличается суженным или специализированным значением: болг. *питая* ‘питать’, ‘чувствовать, ощущать’, *питателен* ‘питательный’, *питомен* 1. ‘прирученный (о животных)’, 2. ‘культивированный (о растениях)’, *питомец* ‘питомец,

4 Дальнейшее расширение семантики **piti* находим в сербском, где глагол может относиться не только к питью жидкости, но и к другим видам «поглощения» и иметь следующие значения: ‘впитывать’, ‘всасывать’, ‘вдыхать’, ‘воспринимать запах’, ‘внимательно слушать, внимать’, ‘смотреть не мигая’ (ср. рус. *поедать глазами*), ‘наслаждаться чем-л.’ [РСХКJ 4: 438].

воспитанник’, *възпитам* ‘воспитать’, *възпитание* ‘воспитание’, *възпитател* ‘воспитатель’ и т. п., макед. *питом* 1. ‘прирученный, ручной, домашний’, 2. ‘перен. кроткий, тихий’, *питомец* ‘питомец, воспитанник’, *питому* ‘приручать’, словен. *pitati* ‘откармливать (на убой)’, *pitан* ‘упитанный, толстый’, *pitanje* ‘откармливание, кормление’, *pitoven* ‘откормленный’, *pitovna živina* ‘откормленный скот’. Наиболее устойчивым элементом этого гнезда в разных языках оказалась форма страдательного причастия **pitomъ* от незасвидетельствованного атематического глагола ***pisti*⁵: болг. *питом* ‘взращенный, воспитанный человеком’, диал. ‘обработанный’ или ‘пригодный к обработке’ [БЕР 5: 267], укр. *питимий*, *питомий* ‘свой, родимый, близкий’ [ЕСУМ 4: 380], рус. диал. пск., твер. *питомок* ‘приемыш в доме’, онеж. *питомство* ‘питание’ [СРНГ 27: 53–54]⁶.

Как видно даже из этого краткого обзора, в семантическом спектре гнезда **pitati* имеются два полюса — на одном концентрируются исходные «пищевые» значения (иногда ограниченные сферой скотоводства), на другом — «социально-этические» значения, акцентирующие характер отношений между субъектом и объектом прототипического действия «питать» и его главную цель — поддержание жизни [см.: Толстая 2016б].

Наиболее полно семантический спектр глагола **pitati* представлен в русском языке и его диалектах, где также имеет место отмеченная тенденция отхода от прямых пищевых значений. Ср. толкование глагола *питаю* в «Словаре Академии Российской»: 1. «кормлю, доставляю кому пищу, снабдеваю пищею»: *Питать детей; Птицы питают птенцов своих;*

5 Эту форму обычно считают страдательным причастием настоящего времени от глагола **pitati*, однако такие формы стандартно образуются от атематических глаголов, ср. *несомый*, *влекомый*, *пасомый*, *рекомый*, *лакомый* (< **alkti*).

6 Рус. иван. *питомый* с «активным» значением ‘вскормивший, воспитавший кого-либо’: «Еще раз, моя питомая, прикоснусь к тебе головушкой, испрошу у тебя благословеньца, благословеньца со прощеньцем» [СРНГ 27: 53], вероятнее всего, представляет собой вторичное оценочное образование, утратившее связь со страдательным причастием, подобное укр. *питомий* ‘родимый, близкий’.

2. «в славянском языке инде значит: нахожусь при ком дядькою, пестуном; имею присмотр за чьим воспитанием»: «Остави Лисию человека славна питати Антиоха сына своего, дондеже возвратится сам»; 3. «говорится в отношении к вещам, способным к питанию, к рощению, к продолжению существования чьего-либо»: *Пища питает тело; Добрая земля питает растения*; 4. «относительно к наукам значит: способствую к усовершенствованию разума, к большему просвещению»: «Науки юношей питают, отраду старым подают» [САР 4: 819]. «Непищевые» значения представлены уже в древнейших текстах: в Супрасльской рукописи отмечено *питати* в значении ‘воспитывать’: *живѣаше въ чистотѣ, питаа дѣти своа въ наказани и оучении господѣни, а питатиса* наряду с ‘питаться, кормиться’, ‘получать средства к жизни’ — в значении ‘наслаждаться’, ‘роскошествовать’, ‘быть любимым, пользоваться ласкою’ [Срезневский 2: 942]⁷.

Дериваты причастия **syto*⁸ в значении ‘кормить’ представлены главным образом в польском и восточнославянских языках: польск. *syćić (się)* ‘насыщать(ся)’, *syćący* ‘насыщающий(ся)’, ‘сытый’, *nasycić (się)* ‘насытить(ся), накормить досыта, наесться досыта’, белор. *сыты* 1. ‘сытый, не голодный’: *Сытый по голодному не погадаець*; 2. ‘жирный’: «Сытшаго кобана выбирай», *сыце* 1. ‘жир’: «Кабан еще сыця не набрався», 2. ‘довольство, сытость’: «Дай Боже, каб жито родзило <...> А у печи ростом, на столе сыщем», *сыць* ‘насыщение, сытость’: «Не великая была сыць за обедом», *Переев сыць, захоцелося пиць* [Носович 1870: 630], рус. диал. *сыта* ‘сыта, вода, подслащенная медом или сахаром’, новг. ‘о вкусном аппетитном блюде’: «Кашу из печки вынула румяну, духмяну — то-то сыта была», новг. *сытенный* ‘упитанный, толстый’: «Кот-от какой

7 Если последнее значение (‘быть любимым, пользоваться ласкою’) находит подтверждение в других славянских языках и может считаться органическим продолжением значения ‘воспитывать, пестовать’, то предыдущие два несут «случайный» характер, не являются продуктом семантической деривации, а обязаны, по мнению Срезневского, смешению греческих глаголов *τροφᾶν* и *τρέφεσθαι* [Срезневский 2: 942].

8 Об этимологии слав. **syťь* (< **suti, sovati*) см. [Журкина 2013].

сытенный да здоровенный», *сытеть* диал. ‘наедаться’, ряз. ‘становиться толстым, полнеть’: «Человек сытеет, у него подбрудки свешиваются вот сюда», влад. ‘прибывать, наполняться (о воде)’, сарат. *сытит* ‘потчевать молодых’, *сытый* ‘сытый’, ‘жирный, толстый, упитанный’, ‘сочный, налитой’, ‘пьяный’: том. «Че, кума, сытый он?», яросл. «Не сытые твои зенки!», ‘о чем-то наполненном’, ср. *сытая вода*, *сытая кутья*, *сытая рыба*, *сытый фунт*, диал. *сыть* ‘еда, корм, пища’: *Едешь в дорогу на день, а сыти бери на неделю*, ‘сытость, состояние сытого’, ‘питательность чего-л.’, ‘земля, насыщенная влагой’ [СРНГ 43: 177–179].

4. КАУЗИРОВАТЬ ЖИЗНЬ. Этот мотив, подчеркивающий значение пищи и питания как условия поддержания жизни, лежит в основе двух глаголов, этимологически связанных между собой и восходящих к глаголу **žiti* ‘жить’. Первый из них — **živiti* — образован от причастия **živъ* и имеет буквальное значение ‘делать живым’; второй — **gojiti* — считается каузативом к глаголу **žiti* и также буквально означает ‘делать живым, оживать’, однако их семантика не полностью тождественна. Глагол **živiti*, являющийся основным в семантическом поле питания для западнославянских языков, означает именно ‘каузировать жизнь’, делать так, чтобы обеспечить человеку и животному жизнь, чтобы они «были живы», тогда как глагол **gojiti* скорее трактует питание как одно из средств «улучшения, совершенствования» жизни, повышения ее «качества» и включает питание в ряд других условий жизни, прежде всего здоровья (основное значение глагола **gojiti* — ‘лечить, исцелять, возвращать к жизни’; иногда это последнее значение имеет и глагол **živiti*). Так же ограниченно трактует питание лексика гнезд **sil-* и **krěp-*, связывая с питанием только физическую силу. Рассмотрим эти номинации питания подробнее.

Глагол **živiti* берет на себя роль главного в семантическом поле питания (как деятельности) в западнославянских языках и — частично (под польским влиянием) — в украинском и белорусском: польск. *żywić* ‘кормить’, *żywić się* ‘питаться, кормиться’, *żywienie* ‘питание’, *żywnościowy* ‘продовольственный’,

żywność ‘пища, продовольствие, продукты’, *odżywiać* ‘питать, кормить’, *устар.* оживлять, возвращать к жизни’, *pożywny* ‘питательный’, *pożywienie* ‘пища’, чеш. *vyživování*, *výživa* ‘питание’, *výživný* ‘питательный’, *živit (se)*, *vyživovat (se)* ‘питать(ся)’, *dobře živyný* ‘сытый, накормленный’, укр. *живити* ‘питать, кормить, продовольствовать’: «Хозяйське око товар живить», *живитися* ‘питаться, кормиться’: «Богатий дивиться, як убогий живиться», *живність* ‘пища, продовольствие, припасы’: «Як полетів старий сокіл на чужу україну живности доставати» [Гринченко 1: 481, 482], белор. *жывіцца* ‘кормиться, питаться’: «Людзі того звера, шо м’асом жывіцца, не едзяць» [ТС 2: 68], *поджывіць* ‘подкормить, накормить’: «Нада поджывіць сад» [ТС 4: 93], ср. диал. зап.-рус. *живина* ‘домашний скот и птица’ [СРНГ 9: 151], *живить* ‘содействовать выздоровлению, иметь целительную силу’, диал. *живот* ‘домашний скот (преимущественно лошадь)’. В словенском языке (единственном из южнославянских) этот глагол также обнаруживает пищевую семантику: *živiti se* устар. ‘кормиться, содержать себя’: «Živil se je s tem, kar je ujel ali ustrelil» <Кормился тем, что поймает или застрелит>, *živež* ‘съестные припасы, пища, продовольствие’: *dati komu živež in stanovanje* ‘дать кому-л. пропитание и жилье’ [SSKJ 5: 1005–1006].

Глагол **gojiti* имеет общеславянское распространение и отличается особым ракурсом восприятия и способом категоризации ситуации кормления – питания с точки зрения объекта воздействия — он делает главный акцент на цели и результате действия, т. е. на пользе, доставляемой объекту, откуда наиболее распространенная семантика — ‘уход, пестование, преобразование, улучшение, исцеление’ и т. п., ср. рус. диал. *гоить* ‘улучшать, ухаживать, холить, делать годным’, ‘приводить в порядок’: «Надо бы избу гоить, да недосуг все»; ‘очищать зерно от мякины и сора’, ‘расчищать что-л.’, ‘делать годным для пользования’: *гоить дорогу*, *гоить луга*, ‘удобрять’, ‘хорошо обрабатывать’, и даже ‘любить, ласкать, ухаживать’, *гоиться* ‘ухаживать за скотом’, ‘готовиться к чему-либо’, ‘строиться’ и т. п. [СРНГ 6: 279–280]. Уже из этих примеров видно, что объектом воздействия в данном случае могут служить

как люди (без специального акцента на детях), так и животные и предметы (артефакты). В отдельных языках актуализируются разные аспекты этой семантики. Так, в западнославянских языках глагол **gojiti* относится почти исключительно к залечиванию, исцелению, заживлению (ран): польск. *gojić* (*się*), чеш. *hojit* (*se*), словац. *hojit'* (*se*), в.-луж. *gójs'*; эта семантика известна и украинскому и белорусскому языкам, а также некоторым, прежде всего южным и западным, говорам русского языка: укр. *goiti*: *Трудно рану гоїти, а не вразити, гоїтисся* 'заживать, залечиваться', *goinnya* 'залечивание, заживление' [Гринченко 1: 299], белор. *gaiць, goiць, goiцца* с теми же значениями [ТСБМ; СПЗБ; ТС], рус. диал. *goit'* 'заживлять (раны), излечивать' [СРНГ 6: 279].

Чисто пищевая семантика этого глагола представлена в русских диалектах — *goit'* 'кормить': сев.-рус. «А хлеба нет, чем детишек гоить» [СГРС 3: 64], перм., волог., сиб., урал., том. 'хорошо кормить, холить', 'угощать': «Нас шибко гоили» (т. е. радушно потчевали в гостях, угощали), «Хорошо ли вы гоили гостя?» [СРНГ 6: 279], а также болг. *goya* 'откармливать, пичкать', *goya se* 'жиреть, толстеть', *ugoyavam* 'откармливать (животное или человека)' [РСБКЕ 1: 198; 3: 466], макед. *goi* 'откармливать (скот, птицу)', *goi se* 'отъедаться, жиреть', *zgoen* 'откормленный' [Мургоски 2005: 114, 233]. В западной части южнославянского ареала мотив физического питания, кормления и насыщения выступает наряду с мотивом воспитания и ухода, а в отглагольных дериватах даже преобладает: с.-х. *gojiti* 1. 'питать, откармливать', 'устар. угощать', 'удобрять почву', 2. 'растить, опекать, заботиться, пестовать, воспитывать' (о растениях, животных, детях и др., например чувствах, надеждах, ср. рус. *питать надежду, неприязнь* и т. п.): «Ово дијете <...> сам чувао и гојио толико година» <Этого ребенка ... я растил и воспитывал столько лет>; 'питаться, толстеть, расти, развиваться': «Твоја се срећа родила / Сунчаним зраком повила / Мјесецем сјајним гојила / Звјездама сјајним росила» <Счастье твое родилось, солнечный свет его повивал, месяц ясный его пестовал, звезды ясные его орошали>, *goj* 1. 'воспитание, вскармливание, содержание', 2. 'спокойствие, мир': «Уз своје тамбурице

заиграли коло <...> да називљу гој и покој» <Под свои мандолины начали танец ... чтобы призвать мир и покой>, *gojencu*, *gojenik* ‘воспитанник’ [РСХКНЈ 3: 423–427], словен. *gójiti* 1. ‘выращивать, ухаживать за растениями, животными и др.’, 2. ‘заниматься чем-н. (спортом, музыкой и т. п.)’, *gojenec* ‘воспитанник’ [SSKJ 1: 712–713]. Эта же семантика фиксируется в некоторых русских диалектных словарях, ср. *гоить* сев.-рус., сиб. ‘заботиться о ком-либо; ухаживать, ходить за кем-либо (ребенком, скотиной и др.)’: «Как же я не буду гоить свою мать — я сын ей!», «Коня гоить, шерeditь надо» [СГРС 3: 64; СРГС 1: 249–250], арханг. ‘заботиться о ком-н., чем-н., ухаживать за кем-н., чем-н., беречь’: «Мать-то стала управлять и говорит: я пойду скота гоить», «Опять старуха осьлепела, за йей ухот надо, шчѣ поделаш, надо йейе гоить» [АОС 9: 216]⁹.

Показателен семантический спектр соотносительных с глаголом имен **gojъ*, **gojъnъ*, во многих случаях более определенно проявляющий мотивы, разрабатываемые глаголом (с добавлением оценочных значений). Кроме закономерных *nomina abstracta* (типа словен. *goj* ‘уход, возвращение, разведение’, рус. диал. *гой* ‘уход, присмотр’), это, с одной стороны, мотивы изобилия, богатства (ст.-чеш., словац. *hoj* ‘изобилие, избыток’, чеш. *hojný* ‘частый, обильный, богатый’, укр. *гойний* ‘щедрый, роскошный’), с другой — мотивы любви, радости, мира, спокойствия, красоты, чистоты, совершенства (укр. диал. *гой* ‘радость, забава’, рус. диал. *гойный* ‘видный, красивый, величавый’, ‘чистый’, белор. *гойна* ‘старательно, хорошо’,

9 В этом и близких значениях употребляются также глаголы с исходным значением «естественных» действий — ‘ходить’ (ср. *ухаживать*, *выхаживать*, *уход* за больным, ребенком и т. п.) и ‘смотреть’: рус. *присматривать*, *смотреть за детьми*, диал. *смотря* ‘няня’, ‘кормилица’ [СРНГ 39: 51], белор. *глядзець*, *даглядаць* ‘ухаживать за детьми, стариками, больными’: «Нэ маю дачкі, то нэма кому мэна і гледіеті», ‘кормить, вскармливать, воспитывать’: «Цяпер добра дзяцей глядзяць, німа што сказаць», ‘пасти, ухаживать за скотом, птицей’: «Я кураня буду глядзець», «Нада пчол глядзець», ‘соблюдать’: «Унучкі глядзелі чыстату» [СПЗБ 1: 453] и т. п. Примеры подобного развития значений можно найти и в других славянских языках (например, болг. *отглеждам* ‘воспитывать’, *отглеждане* ‘воспитание’).

с.-х. *goj* ‘мир, спокойствие’, *gojni* ‘спокойный, мирный’¹⁰). Все эти смыслы находятся в ближнем или более отдаленном коннотативном поле самого глагола **gojiti* и могут быть связаны с ним цепью элементарных семантических переходов.

Таким образом, глагол **gojiti* представляет (хотя и с иными акцентами) тот же семантический ряд, что и предыдущие глаголы, за исключением одного звена — в нем крайне слабо по сравнению с другими глаголами прослеживается мотив поддержания, содержания, обеспечения жизни, поскольку главный акцент делается на ее «улучшении, усовершенствовании».

На периферии семантического поля питания – кормления находятся глаголы с буквальным значением «придавать силы, делать крепким» — дериваты от имен **sil-* и **krěp-*. Мотив «физиологической» силы лежит в основе таких слов, как польск. *posilek* ‘прием пищи, питание’, *posilac* ‘кормить, давать пищу’, откуда вторично (метафорически) *posilac* техн. ‘питать’, *zasilac się* техн. ‘питаться’ (ср. *питание электроприборов, блок питания* и т. п.), белор. *сіліць* ‘поддерживать силы едой’, *сіліцца* ‘подкрепляться пищей’ [ЭСБМ 12: 82], укр. *посилкувати* ‘кормить’ [Гринченко 3: 359], рус. диал. смол. *силят* ‘есть, черпать, есть с аппетитом’: «Грибы так и силят» [СРНГ 37: 316]. В меньшей степени пищевая семантика свойственна производным от прилагательного **krěpъkъ*: ср. рус. *подкрепиться*, белор. *подкрэпленье* ‘подкормка’: «Яблука сыплюцца, ей подкрэпленье трэба, этой яблоні» [ТС 4: 96].

Остается сказать несколько слов о праславянском глаголе **traviti*, который имеет широкий спектр значений: ‘переваривать пищу’, ‘кормить скот’, ‘уничтожать’, ‘отравлять’, ‘тратить время’, среди которых присутствуют как прямое значение ‘есть’, так и каузативное значение ‘кормить’: др.-рус. *трути*, *трову* или *травити* ‘потреблять’, ц.-слав. *трыти*, *трыю* ‘истребляю, пожираю’, рус. диал. перм. *травить* ‘кормить’: «Коров-то

10 Ср. рус. диал. сиб. *гоить* ‘успокаивать’: «Гоить значит также угомонить» [СРНГ 6: 280].

травили на лугах, зерна не было тогда», *травёж* ‘потрава’ [СПГ 2: 445], укр. *травить*, *травлю* ‘переваривать, потреблять, поедать, травить’, с.-х. *травити*, *травим* ‘кормить травой’, чеш. *trávití* ‘переваривать, потреблять, отравлять’, польск. *trawić* ‘истреблять, переваривать’. Однако именные дериваты этого глагола и их производные имеют устойчивое пищевое значение: польск. *strawa* ‘пища’, *strawny* ‘легко перевариваемый, удобоваримый’, чеш. *strava* ‘пища, еда’, *stravovat se* ‘питаться (в столовой)’, укр. *страва* ‘кушанье, корм, продовольствие’, *стравний* ‘съестной, съедобный’, *стравня* ‘пропитание, корм’, *стравувати* ‘кормить, питать, содержать’ [Гринченко 4: 212], *потрава* ‘кушанье, блюдо’: «Ріжуть на потраву птицю або й поросю» [Гринченко 3: 381], белор. *страва* ‘еда, кушанье’: «Всяку страву, ека е, загадваюць на дзеды, шоб я несла у Прыпець, дзе вон утопіўса», *стравіна* ‘то же’, *стравіць* ‘съесть’: «Зайшлі корову ў жыто да стравілі ўсе» [ТС 5: 103–104].

Приведенный выше краткий обзор основных лексических средств, используемых славянскими языками для выражения понятий питания и пищи, позволяет сделать два заключения. Во-первых, он еще раз подтверждает, что сфера питания, потребления пищи, рассматриваемая в перспективе индивидуума (потребляющего пищу человека), несмотря на cardinalную роль питания как источника жизни, разработана в славянских языках слабо в отношении лексическом и семантическом (при очень богатой номенклатуре конкретных видов пищи), тогда как соответствующая каузативная лексика, категоризирующая питание в аспекте взаимодействия субъекта и объекта, наоборот, отличается богатством мотивов и семантической глубиной. Во-вторых, каузативная лексика кормления – питания обнаруживает отчетливую тенденцию к трактовке питания в социально-этическом ключе, в контексте взаимодействия людей друг с другом (в том числе с детьми, стариками и немощными), с животными (прежде всего со скотом), растениями и вообще с окружающим миром, по отношению к которому «кормящий» человек выступает как личность,

принимающая на себя ответственность за жизнь, видящая в кормлении – питании способ поддержания жизни. Отсюда устойчивая семантическая связь кормления с мотивами содержания, заботы, защиты, сохранения, наблюдения, ухода, лечения, воспитания, взращивания и т. п.

Каждое из двух понятийных полей — питания и воспитания — имеет в славянских языках свое лексическое оснащение и свои характерные мотивы, среди которых пересекающиеся (общие) мотивы занимают определенное место. В лексическом поле питания – кормления, включающем праславянские гнезда **ed-* (*еда, есть*), **kъrъm-* (*корм, кормить*), **pit-* (*питать, пища*), **trav-* (польск. *strawa*), **syt-* (*сытый, насыщать*), **horn-* (юж.-слав. *храна, хранити*, кашуб. *xarna*), **pas-* (*пасты, паша*), **živ-* (польск. *pożywienie*, чеш. *živit*), **sil-* (польск. *posilek*), **kręp-* (польск. *krzepić*), мотивы воспитания присущи прежде всего основным «пищевым» глагольным гнездам **pitati* и **kъrmiti*; в меньшей степени — гнездам **horniti* и **pasti*; остальные гнезда этих мотивов практически не знают. С другой стороны, в лексическом поле воспитания, основными составляющими которого являются рус. *воспитание*, укр. *виховання*, белор. *выхавання*, польск. *wychowanie*, чеш. *výchova*, словац. *výchova, vzdelanie*, болг. *възпитание*, макед. *образование*, серб. *образовање*, босн. *obrazovanje*, хорв. *odgoj*, словен. *izobražavanje, vzgoja*, с мотивами питания непосредственно связаны дериваты **pitati*, **xovati* и **gojiti*, обслуживающие большую часть «воспитательной» лексики славянских литературных языков и диалектов.

Иначе говоря, отправляемся ли мы от лексики питания или от лексики воспитания, мы неизбежно приходим к одним и тем же мотивам, причем связь между двумя понятийными сферами обеспечивается органичным для обеих сфер комплексом понятий защиты, опеки, вскармливания, содержания, т. е. обеспечения жизни. Этот комплекс так или иначе присутствует во всех лексико-этимологических гнездах, но в одних из них он оказывается вторичным, производным от питания (как в **pitati*, **kъrmiti*), а в других, наоборот, он оказывается мотивирующим для питания (как в **horniti*, **bergiti*, **stergiti*),

в третьих он совмещает в себе питание и защиту, охрану, наблюдение (как в **xovati*, **godovati*, **pasti*). Важным для всего рассматриваемого здесь семантического поля является различие объектов воздействия: кормление — питание — содержание людей вообще, детей, стариков или домашних животных, растений, поддержание и развитие каких-то областей внутренней жизни человека (чувств, состояний) или его деятельности (занятий). В разных языках и разных контекстах какие-то из этих различий могут оказываться значимыми, а могут нейтрализоваться или группироваться тем или иным способом: одни значения могут быть общими для человека и животных, другие — для животных и детей, для животных и растений и т. п.

Вся затронутая здесь область в целом представляет собой нечто вроде объемной семантической сети, связывающей разные семантические микросистемы, в узлах которой концентрируются смыслы, значимые для каждой из них. Когда лексико-семантическое пространство расширяется до общеславянских пределов, мы сталкиваемся с системностью иного типа, чем когда мы ограничены материалом одного языка. Иной смысл приобретают понятия синонимии, многозначности, семантического параллелизма, семантической деривации и т. п.

СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ ОШИБКИ

В славянских языках отсутствует единое, общее для всех языков обозначение понятий «ошибаться» и «ошибка»; в этих значениях в разных славянских языках используются разные глаголы и имена, что указывает на сравнительно позднее формирование этого лексического поля, хотя сами используемые лексемы по большей части принадлежат к праславянскому фонду. К наиболее употребительным в этом поле относятся слова следующих этимологических гнезд, имеющие значение ‘ошибка’, ‘ошибаться’: **blazn-* (ст.-слав. *блaзнѣ, блaзна*), **blęd-* (польск. *blęd*), **gręx-* (юж.-слав. *грешка*), **xyb-* (чеш. *chyba*, укр. *хиба*), **max-* (рус. *промах*, серб. *промаштити*), **myl-* (польск. *omyłka, potyka*, чеш., словац. *omyl*), **šib-* (рус. *ошибка, ошибаться*). Одни из этих номинаций могут быть отнесены к общеславянскому лексическому фонду (таковы **gręx-*, **blęd-*, **blazn-*), другие характерны для одной группы языков (как зап.-слав. **myl-*), третьи ограничены рамками одного языка (рус. *ошибка*).

Большая часть перечисленных этимологических гнезд имеет широкий спектр значений, причем семантика ошибки, как правило, не является для них главной, а может быть вполне периферийной. Например, значения в гнезде **blazn-* (**blaznъ(jь)*, **blazna*, **blazno*, **blaznъ*, **blaznъnъ(jь)*, **blazniti (se)*, **blazněti*, **blaznovati*, **blaznivъ(jь)* [ЭССЯ 2: 103–107]) составляют следующий, на первый взгляд разнородный, ряд: ‘ошибка, заблуждение’, ‘обман’, ‘обольщение, соблазн’, ‘искушение’, ‘призрак’, ‘чудовище’, ‘сумасшедший, помешанный’, ‘клоун’, ‘дурак, глупец, дурачок’, ‘безрассудный’, ‘олух’ и т. п. плюс соответствующие прямые и каузативные предикаты (со значением ‘ошибаться’, ‘соблазняться’, ‘колебаться’, ‘сходить с ума’, ‘ошибочный, неправильный’ и т. п.). Иначе говоря, понятие ошибки оказывается связанным с мотивами обмана и соблазна, с одной стороны, и с понятием безумия, с другой.

В гнезде **blęd-* (**blęsti*, **blędъ*, **blędati*, **blędivъ(jь)*, **blędъ*, **blędъnъ(jь)*, **blęditi (se)* [ЭССЯ 2: 114–115, 125–128]) представлен следующий спектр значений: ‘болтать, говорить вздор’,

‘сбиться с дороги, потерять путь’, ‘скитаться, слоняться’, ‘заблуждаться, ошибаться’, ‘развратничать’, ‘видеть во сне’, ‘бредить’; ‘пустая болтовня, бред’, ‘заблуждение, ошибка, ересь’, ‘разврат, прелюбодеяние’, ‘помешательство’, ‘затмение, туман в голове’; ‘болтун, пустомеля’, ‘обман, обманщик’, ‘развратная женщина’, ‘дурак’ и т. п. В данном случае к семантической сфере ошибки добавляются мотив скитания и потери пути, мотивы пустой болтовни и разврата; общими с предыдущим гнездом являются мотивы сумасшествия и обмана.

Казалось бы, совсем другие мотивы присутствуют в гнезде **grěx-*, которое в семантическом отношении оказывается более однородным, поскольку понятия греха, ошибки, проступка, порока, недостатка внутренне связаны и по сути дела представляют собой категоризацию одного и того же явления, рассмотренного в разных ракурсах: с точки зрения субъекта и его моральных характеристик (грех, порок), с точки зрения действий субъекта и их соответствия норме (проступок, ошибка, огрех, вина) или с точки зрения результата развития ситуации ошибки (ссора, раздор, спор) и оценки воздействия субъекта ошибки на объект его действий (недостаток, изъян) [см.: ЭССЯ 7: 114–116].

В гнезде **хуб-* семантический спектр включает, помимо значений ‘ошибка’, ‘проступок’, ‘изъян’ и соответствующих предикатов, еще семантику колебания, шатания, неустойчивости (и в физическом, и в переносном, психологическом, значении), и далее значения сомнения, недостатка (в том числе в конкретном, предметном смысле нехватки), недуга, изъяна, неудачи, непопадания в цель, блуждания [ЭССЯ 8: 153–155]. Лексика этого гнезда подключает семантику ошибки к смысловой сфере колебания, неустойчивости и уклончивости и в конечном счете сближает ее с семантикой наклона и кривизны. Эта же смысловая сфера обнаруживает семантическое родство с понятием ошибки и в гнезде **myl-*, если принять этимологию, предложенную О. Н. Трубачевым [ЭССЯ 22: 24], о чем подробнее ниже. Совокупное семантическое поле этого гнезда включает значения: ‘делать недостоверным, сомнительным’, ‘вводить в заблуждение’, ‘путать’, ‘сбивать с толку,

обманывать', 'не попадать в цель', 'блуждать, плутать', 'болтать, говорить много и неправду', 'бранить, журить', которые во многом совпадают с мотивами, представленными в лексике других гнезд, а именно с мотивами блуждания, пустой болтовни, непопадания в цель. Вместе с тем здесь обнаруживается семантика, сближающая это гнездо с гнездами **max-* и **šib-*, в которых понятие ошибки связывается с неудачей в физическом действии бросания и битья.

Как видно из этого краткого обзора, семантические спектры рассмотренных гнезд во многом повторяют друг друга, пересекаясь между собой, как правило, сразу в нескольких звеньях. Совокупность значений этих гнезд образует своего рода семантическую сеть, в узлах которой сосредоточены мотивы, конституирующие смысловое поле ошибки и указывающие на «родственные» по отношению к этому понятию смыслы. Эти ближайшие смыслы могут быть связаны с понятием ошибки разными отношениями: они могут быть этимологически исходными, относящимися к предшествующим этапам семантического развития и не нашедшими прямого отражения в семантике славянских лексем (как, например, мотив «кривой» в гнезде **grěx-* и, возможно, в гнезде **myl-*), они могут быть смысловыми единицами, внутренне связанными с понятием ошибки (таков, например, мотив обмана в нескольких гнездах, о чем ниже), а могут быть и «продолжениями» понятия ошибки, развивающими его содержание в том или ином направлении, как, например, *grēx* в религиозном значении [Толстая 2000; Грковић-Мејдор 2013] или *блуд* в значении 'распутство, разврат' [Grković-Major 2015]. Существенно, однако, то, что те или иные сочетания мотивов повторяются, с одной стороны, в разных гнездах, а с другой — в одних и тех же гнездах разных языков; это означает, что они связаны определенным смысловым (мотивационным) родством. Если учесть, что многие из приведенных праславянских слов интересующего нас семантического поля не имеют общепризнанной этимологии, то анализ отношений внутри семантической сети может в каких-то случаях поддерживать, уточнить, прояснить или, наоборот, поставить под сомнение имеющиеся этимологические версии.

Рассмотрим подробнее наиболее распространенные мотивы, лежащие в основе номинации ошибок или «смежные», т. е. внутренне связанные с понятием ошибки.

1. Потеря пути, блуждание. Наиболее устойчивой формулой, самым типичным «толкованием» понятия ошибки, ее наиболее распространенной интерпретацией можно считать абстрактную семантику, которая условно может быть обозначена понятием «мимо». Эта общая семантика может конкретизироваться в пространственном смысле — применительно к потере направления (непопадание в нужную траекторию или точку пути, отклонение от правильной, прямой линии). К этому типу относится прежде всего гнездо **bled-*, где основным, исходным для значения ‘ошибка’ служит семантика блуждания, потери направления. Ср. рус. *блудить*, *блуждать* ‘скитаться, шататься, плутать’ и *заблуждение* ‘неправильное, ошибочное мнение, представление’, *блуд* ‘уклонение от прямого пути в прямом и переносном смысле’ (Даль), новг. *блуд* ‘нечистый дух, живущий в лесу, который «водит», сбивает с дороги’: «Прасковья вечером вернулась в деревню чуть живая и без грибов, с ужасом рассказывала, как ее по лесу водил блуд вокруг Лысой Поляны и ей чудом удалось выбраться» [НОС 1: 60]; польск. *bląd* ‘ошибка’ и *blądzić* ‘сбиваться с пути’ и ‘заблуждаться’; укр. *блудити* ‘блуждать, сбиваться с пути’ и ‘ошибаться’, *блуд* ‘блуждание’, ‘нечистая сила, сбивающая с дороги’; словен. *bloden* ‘бродячий’ и ‘ошибочный’, ‘сумасшедший’ и т. д.¹ Этот мотив не чужд и другим гнездам, ср. **myl-*: польск. диал. *omylić* ‘заблудиться’: «Panna omyliła w lesie» <Девушка заблудилась в лесу> [Kałowicz 3: 443]; белор. *мыляцца*, *мыліцца* ‘ошибаться, путаться, терять дорогу’: «Йа ўчора доўга мыл’алас’ ў л’ес’е» [Сцяшковіч 1983: 264]; н.-луж. *zmoliś se* ‘заблудиться, сбиться с дороги’ [Мука 1: 928].

1 Семантический переход от блуждания (без пути и цели) к ошибке и заблуждению известен также балтийским и германским языкам [Срмоленко 2009: 230].

2. НЕПОПАДАНИЕ В ЦЕЛЬ. Общая семантика «мимо» может конкретизироваться и в акциональном отношении, т. е. отсылать к конкретным, в том числе физическим, действиям и указывать на неправильность применительно к совершению именно данного действия, т. е. на ошибку (непопадание в цель) в узком, конкретном смысле (в стрельбе, битье и т. п.) с последующей утратой этого конкретного мотива и приобретением обобщенного (интерпретационного²) значения неправильного, ошибочного действия вообще (любого действия): ср. др.-рус. *грешити, грешати* ‘промахнуться, не попасть в цель’, ‘миновать, пропустить что-л.’ и юж.-слав. *грешка* ‘ошибка’, рус. *ошибка* (< *шибать*), *промах* (< *махать*); укр. *хибити* ‘минуть, обойти’ [Гринченко 4: 396], чеш. *chybiti* ‘ошибаться’, ‘промахнуться’, морав. *chybat’* ‘бросать’ и ‘недоставать’ [Bartoš 1906: 124], словац. *chybit’* ‘ошибиться’, ‘не попасть в цель’, *chybit’ sa* ‘не достичь цели’, *chyba* ‘ошибка, нарушение правила’, ‘ошибочное действие, проступок’, ‘недостаток (телесный, в характере)’ [SSJ 1: 581–582].

Мотив битья, удара как одного из элементарных физических действий, лежащий в основе рус. *ошибка* (< *-шибить, шибать*), оказывается неслучайным, поскольку он обнаруживается и в других гнездах лексического поля ошибки, правда, на более глубоких уровнях реконструкции. По-видимому, с этим же действием можно связывать значение ошибки

2 Понятия «ошибка» и «ошибаться» и соответствующий тип слов мы называем *интерпретационными* вслед за Ю. Д. Апресяном [2004б]. Это значит, что такие слова, как правило, не имеют конкретного «предметного» или акционального содержания и не соотносятся непосредственно с реальной ситуацией, а обозначают оценку, интерпретацию всей ситуации или ее главного предиката (независимо от его природы) по отношению к некоей норме. Существенно также, что «ошибаться» может относиться как к разряду акциональных предикатов (‘совершать ошибку’: *ошибаться в счете*), так и к разряду предикатов ментального состояния (‘иметь ошибочное мнение, заблуждаться’: *ошибаться в оценке, мнении, предостережении, ошибаться на чей-нибудь счет*); эти две разновидности ошибки (акциональная и ментальная) имеют разные семантические и грамматические характеристики (так, *ошибаться* в значении ментального состояния, как правило, не имеет форм совершенного вида, как и *зablуждаться*).

в гнезде **хуб-*, если согласиться с мнением А. Брюкнера, который считает **хуб-* родственным **šib-* [Brückner 1957: 188]. Показательна также семантическая деривация ‘бить’ → ‘ошибаться’ в самом гнезде **biti*, ср. рус. *сбиться* ‘ошибиться в счете, перечислении, распределении по порядку’; *сбиться с пути* ‘потерять направление, заблудиться’, *сбой* ‘нарушение в работе механизма, технического устройства и т. п.’. Мотив битья обнаруживается и в индоевропейской этимологии слав. **blazn-* (< и.-е. **bhlāg*’ [ЭССЯ 2: 105]), возможно, косвенно он присутствует и в индоевропейской этимологии слав. **blęd-*, ср. балтийские и германские продолжения и.-е. **bhlendh-* со значением ‘размешивать, бить, колотить’ [Срмоленко 2009: 230]³.

В подобных номинациях ошибки часто используется лексика с префиксами **o-/ob-* и **pro-*, семантика которых связана с понятием «мимо», ср. то же значение приставки в глаголах *оступиться* ‘ступить мимо’, *обмануть* (букв. ‘приманить неправдой’), *проехать* (мимо нужной остановки), *пропустить* ‘оставить без внимания’ и т. п. Эта модель используется не только в номинациях общего характера типа рус. *ошибка*, *ошибиться*, *осечка*, диал. *обмашка*; укр. *омилка*, *помилка*, *омиляти*, польск. *omyłka*, *omylić* и т. п.; рус. *промах*, *промахнуться*, диал. *проступка*, *попасть впросак*, серб. *промашишти*, но и при номинации «конкретных» (частных) ошибок, подразумевающих неудачу в определенном действии, типа рус. *описка* (ошибка при писании), *оговорка* (ошибка при говорении), *ослышаться* (ошибиться при слушании), *прослушать* (не услышать, пропустить мимо ушей) и т. п. Ср. еще рус. разг. *обознаться* (< *знать*) ‘опознать неверно’, диал. *осмотреться* (< *смотреть*) ‘увидеть не то, что было на самом деле’, ‘принять одно за другое’, *облаяться* (о собаке) ‘ошибиться, полаять напрасно, без причины’: «Собака облаялась, знать, сидела тут белка» (без указ. м.) [Даль 2: 1522], *обмер*,

3 Ср. также семантику битья в **grēti*, с которым некоторые этимологи связывали происхождение слав. **grěx*, — др.-рус. *огрѣти*, рус. разг. *огреть* ‘ударить’.

промера (< мерить), *прогадка* (< гадать), *просторожа* (< сторожить), *проглядеть* (< глядеть) арханг. *прометиться* ‘промахнуться’ и ‘ошибиться, прогадать’ (одновременно и в конкретном, и в абстрактном значении) [СРГК 5: 277]⁴ и т. п.

3. Кривизна. Мотив кривизны, играющий существенную роль в сфере мифологических представлений славян, древнего народного права и обычая [Толстая 1998б; Грковић-Мејдор 2007: 367–384], имеет непосредственное отношение и к языковой концептуализации ошибки. Он близок и к рассмотренному выше мотиву «мимо», который может пониматься, в частности, как отклонение от прямого (правильного) пути. Идея кривизны реконструируется для целого ряда ключевых слов данного семантического поля. Прежде всего следует говорить о слав. **grěxъ*, этимология которого достаточно убедительно возводит его к балто-славянскому слову **groi-so* со значением ‘кривой’ [ЭССЯ 7: 114]. Значение мотива кривизны для языкового образа ошибки специально отметил О. Н. Трубачев в связи с глаголом **myliti* (*sę*): «Представленный с различными наращениями (*g(a)-*, *x-*, *x(o,a)*, *sko-*, *s-*), глагол *myliti* ‘косить, кривить’ должен быть этимологически связан с глаголом **myliti* (*sę*) ‘ошибаться’. Значение ‘ошибаться’ обычно вторично. Мы наблюдаем в индоевропейских языках такую семантическую универсалию, как ‘прямой’ → ‘правильный’, ‘кривой, косо́й’ → ‘ошибочный, ложный’. Ср. рус. *правый*, *правильный*, *правда* и *кривда* и т. д. Значение же ‘кривой’, как правило, произошло от значений ‘резать, бить, драть’ или ‘гнуть’. Ср. **krivъ* к *(*s*)*ker-* ‘резать’, **kosъ* к **čes(a)ti* и мн. др. О связи и производности значений ‘бить, ударять, резать’ → ‘ошибаться’ см. статью И. П. Петлевой [1978]. Автор приводит среди других примеров рус. диал. *урэзина* ‘ошибка’» [ЭССЯ 22: 24].

4 В русских диалектах в подобном значении используется также приставка *за-*: ср. яросл. *занизаться*, *занизываться* ‘ошибаться при низании’, урал. *зашиваться*, *зашитъся* ‘запутаться в чем-н., сбиться с толку’ [СРНГ 10: 279; 11: 189]. Ср. также рус. *заговариваться*.

Тем не менее если общая идея кривизны как основы понятия ошибки может быть признана убедительной ввиду ее внутренней связи с идеей «мимо», то конкретный путь семантической деривации — как в случае с **grěxъ*, так и в случае с **myliti (sę)* — остается не вполне ясным. Слав. **grěxъ* продолжает ощущаться как некое отглагольное образование, особенно это относится к таким его производным, как **obgrěxъ* в общем значении ‘ошибка’: рус. диал. *огрех* ‘полоска земли на пашне, по ошибке не вспаханная’, укр. *огрѣх* ‘то же’, белор. *агрэх* ‘то же’, представляющим собой закономерное развитие предметной (результативной) семантики на базе акциональной. Что же касается **myliti (sę)*, не имеющего до сих пор надежной этимологии, то мотив кривизны хотя и подтверждается косвенно некоторыми реальными значениями глагола, на которых основывает свою этимологию О. Н. Трубочев (редкий сербскохорватский диалектный глагол **nag(a)myliti sę* ‘нагнуться, скривиться’ [ЭССЯ 22: 24]), тем не менее не решает окончательно проблемы этимологии слова⁵. Как и в случае с **grěxъ*, здесь остается непроясненным реальный путь семантической деривации, поэтому реконструкция «глубинного» мотива кривизны не должна в данном случае закрывать путь к другим толкованиям, на основе других мотивов — прежде всего мотива обмана и обольщения, «морочения», преобладающего в данном гнезде и чрезвычайно продуктивного в лексиконе ошибки вообще (см. ниже).

Этимологии слав. **myliti (sę)* посвящена специальная статья Л. В. Куркиной [2003], где признаются неудачными

5 Глагол **myliti (sę)* ограничен западнославянским ареалом, а данные украинского и белорусского языков считаются полонизмами (правда, украинские этимологи с этим не согласны [ЕСУМ 3: 460]). Особого объяснения в связи с этим требуют русские диалектные данные. Если смоленские, брянские и другие западнорусские примеры могут считаться продолжением украинского и белорусского ареала этого глагола, то архангельский (пинежский) глагол *обмыляться* ‘ошибаться’: «Вам, подпорожные гости, прошу покорно на месте не смеяться, а говорить, не обмыляться» [СРНГ 22: 139] подобным образом объяснен быть не может. Ср. также пск. «Извините, я обмылилась: признала за другого» [Там же].

версии, возводящие этот глагол к и.-е. **mel-* со значением ‘ложь, обман’, принимаемые (хотя и гипотетически) и в новейших этимологических словарях [см.: Boryś 2005; Králik 2015]. Л. В. Куркина реконструирует для праславянского параллелизм **myliti* / **muliti* с первичной семантикой неустойчивого разнонаправленного движения (ср. рус. смол. *обмудитъся* ‘ошибиться, обмануться’ [СРНГ 22: 136]).

Предполагая этимологическую связь слав. **myliti* (*se*) с и.-е. **mel-* ‘ложь, обман’, этимологи исходят из несомненной семантической связи понятий «обман» и «ошибка» (ср. рус. *обмануть* и *обмануться*, т. е. ‘ошибочно воспринять или оценить что-л.’), но не обращают внимания на то, что значение ‘ошибаться’ свойственно только возвратному глаголу **myliti se*, тогда как прямой (невозвратный) глагол **myliti* в западнославянских языках, в украинском и белорусском значения ‘обманывать’ не имеет. Спектр значений этого глагола в названных языках подтверждает приведенное выше положение О. Н. Трубачева о вторичности значения каузативной семантики ‘вводить в заблуждение’ и производного от нее значения ‘ошибаться’. Ср. чеш. *mýliti* ‘смущать, сбивать с толку’, *mýliti si (koho s kým)* ‘путать одно с другим’ [SSJČ 1: 1306], *mýliti koho v čem* ‘мешать, препятствовать’, *mýliti koho* ‘вводить в смущение, удивление, растерянность’ [PSJČ 2: 1012], словац. *mýlit’* ‘смущать, путать, сбивать с толку’ и ‘мешать, тревожить’ [SSJ 2: 206], ст.-словац. *mýlit’* ‘тревожить, беспокоить’, *mýlenie* ‘помеха’ [HSSJ 2: 354], укр. *милити* ‘вводить в заблуждение’, ‘беспокоить’, ‘шевелить, трогать’, белор. диал. *мыляць* ‘мешать’: «Не хацеў мыляць адзін аднаму» [СПЗБ 3: 93], *мыліць* ‘обойти, пройти мимо’: «Ляпей мыліць ліхога чалавека, чым з ім сустрэцца» [А. Цыхун 1993: 89]. Из этого следует, что в основе понятий «ошибка», «ошибаться» лежит представление о некоем физическом воздействии на человека, препятствующем адекватному восприятию им действительного положения дел (ср. *сбивать с толку*, *сбиться с пути* — в прямом смысле и применительно к совершению какого-либо действия). Следовательно, славянская лексика со значением лжи и обмана семантически производна скорее не от индоевропейского корня

с этим значением, а от названий некоторых действий более конкретного характера (мешать, мутить, путать, сбивать, заманивать, соблазнять и т. п.); ср. словен. *motiti se* ‘ошибаться, заблуждаться’ (при рус. *смутить*, *мутить*); рус. диал. *оплетаться*, *оплестись* ‘обмануться, ошибиться’ [СРНГ 23: 264]; н.-луж. *blužiš* ‘запутывать, смущать’ [Мука 1: 45]; рус. *снутать* ‘ошибиться, принять одно за другое’, диал. *напутлять* ‘перепутать’, *нахомутать* ‘напутать’ [СРНГ 20: 113, 270] и другие примеры, приведенные выше. Противоположное направление деривации (от абстрактного понятия лжи, обмана к конкретным видам воздействия на человека) было бы трудно объяснить.

4. НЕУСТОЙЧИВОСТЬ, КОЛЕБАНИЕ, СОМНЕНИЕ. Этот мотив, который в определенной степени также может считаться родственным рассмотренным выше «пространственным» мотивам «мимо» и «кривой» (колебание как отклонение от прямой, правильной линии), оказывается представленным в семантическом спектре нескольких гнезд, участвующих в номинации ошибки. Ср. **xybiti*, **xybati*, **xybnoŭi* — в разных языках значение ‘ошибаться’, ‘промахнуться’, ‘заблудиться’ совмещается со значениями ‘качаться’, ‘колебаться, сомневаться’ и т. п. [ЭССЯ 8: 153–155]. Ср. польск. *chybać* ‘качать, колыхать’, *chybnąć* ‘качнуть, тряхнуть, махнуть’; чеш. *chybati* ‘сомневаться’ [Kott 1: 577], *chyba* ‘ошибка, проступок’, ‘изъян, недостаток’, *chybiti* ‘ошибаться’, ‘промахнуться’; н.-луж. *chyba* ‘недостаток, ошибка’, устар. *chyblas* ‘шататься, качаться’ [Мука 1: 509]; укр. *хибати* ‘колебать, шатать’, *хиба* ‘ошибка, промах’, *хибнути* ‘покачнуть, наклонить’, ‘минуть, обойти’ [Гринченко 4: 396]; с.-х. *hiba* ‘сомнение’, ‘ошибка’ [Skok 1: 665]; рус. *хиба* ‘кто или что колеблется, болтается’ [Даль 4: 1181]. Этот же мотив присутствует в гнезде **myl-*: белор. могил. *мыліцца* ‘колебаться, быть в нерешительности’: «Сусед мыліўся, мыліўся ды пазычыў-ткі хлеба» [Бялькевіч 1970: 269]; укр. *змильний* ‘хибный, невірний’ [ЕСУМ 3: 460].

5. БЕЗУМИЕ. Многие слова со значением ‘ошибка’, ‘ошибаться’ имеют в том же или в другом языке (диалекте) значение,

связанное с недостатком ума, помрачением рассудка, означают ‘дурак’ или ‘сумасшедший’ и имеют соответствующие предикаты. Самым ярким примером такого сочетания значений может считаться гнездо **blazn-*, которое имеет значение ‘ошибка’ только в старославянском, церковнославянском и древнерусском, а во всех остальных славянских языках означает либо ‘дурак’, ‘сумасшедший’, ‘глупец’ (польск., кашуб., в.-луж., чеш., словац., укр., словен.), либо ‘обман, обольщение, соблазн’, ‘искушение’, ‘призрак, чудовище’ и т. п. [SP 1: 254]; то же в соответствующих глаголах: словен. *blaznéti* ‘сходить с ума, безумствовать’ [Pleteršnik 1: 32], чеш. *blazniti* ‘быть не в своем уме’, *bláznivý* ‘душевнобольной, ненормальный’, словац. *blazniet’* ‘быть не в своем уме, быть душевнобольным’; рус.-ц.-слав. *блaзнитися* ‘сходить с ума’. Но это сочетание значений характерно и для других гнезд, например для гнезда **bled-*, одного из основных в семантическом поле ошибки для западнославянских языков: ср. чеш. *bloud* ‘дурак’, *blud* ‘заблуждение, ошибка’; в.-луж. *blud* ‘заблуждение, ошибка’, ‘помешательство’. Ср. также рус. диал. *сдурнуть* ‘совершить ошибку, оплошать’ [СРНГ 37: 87], *оглупать* ‘то же’ [СРНГ 22: 320], *обумиться* [Там же: 252], *одуриваться* [СРНГ 23: 68], *ошалеться* ‘одуреть, ошибиться’ [СРНГ 25: 78], *недоумление* ‘ошибка, оплошность’ [СРНГ 21: 35] и т. п. Иначе говоря, ошибка понимается как «блуждание» и «заблуждение» ума.

6. ОБМАН, ОБОЛЬЩЕНИЕ, СОБЛАЗН. Понятия «обман» и «ошибка» связаны отношением каузативности: *обмануть* значит ‘заставить другого ошибаться, ввести его в заблуждение’. Поэтому мотив обмана неотделим от семантики ошибки и присутствует в большинстве лексических гнезд (ср. рус. *обмануться* ‘ошибиться’). Этим можно объяснить неоднократные попытки этимологизации лексики со значением ‘ошибка’ на основе лексики лжи, которые с достаточным основанием отверг О. Н. Трубачев [ЭССЯ 21: 40]. Если обман определяет общий характер воздействия на адресата (ввести в заблуждение, сделать так, чтобы адресат заблуждался, имел ошибочное представление или мнение), то обольщение и соблазн представляют собой

более конкретные тактические приемы воздействия, в результате которых объект воздействия должен оказаться в «состоянии» заблуждения или ошибочного представления, мнения. Примеры: болг., с.-х., ст.-слав. *блѣзнь* ‘соблазн, искушение’ [СС: 91]; рус.-ц.-слав. *блѣзнь* ‘обман, обольщение, соблазн’, др.-рус. *блѣзнь* 1. ‘ошибка, заблуждение’, 2. ‘соблазн, искушение, обман’, *блѣзнитель* ‘обманщик, вводящий в заблуждение’, *блѣзнитися* 1. ‘ошибаться, заблуждаться, обманываться’, 2. ‘сомневаться’, 3. ‘прельщаться кем-л.’ [СДРЯ 1: 226–227]; рус. диал. *блѣзна* ‘обман чувств, наваждение’, *блѣзнеть* ‘казаться, чудиться’, ‘делать вид, притворяться’, *блѣзнить* ‘казаться, чудиться, мерещиться’, ‘стоять перед глазами’, ‘делать вид, притворяться’, ‘манить, соблазнять’ [АОС 2: 30], болг. *блѣзня* ‘манить, искушать’, словен. *blázniti* ‘смущать’, ‘обольщать’, ‘соблазнять’ [Pleteršnik 1: 32]. При этом этимология славянского слова указывает на его происхождение от индоевропейского глагола со значением ‘бить’ [ЭССЯ 2: 103–107].

Семантика обмана (наряду со значением ошибки) характерна и для других гнезд: ст.-чеш. *omyľiti* ‘одурманить, обмануть’; ст.-польск. *omyłać* ‘обманывать, вводить в заблуждение’ [ЭССЯ 28: 100–101]; ст.-польск. *omył, omyła* ‘обманщик, мошенник’ [SW 3: 779] и др. Ср. еще рус. диал. *обдуться* ‘ошибиться’ (и *надуть* ‘обмануть’) [СРНГ 22: 25], *обморочать* (< *морок*) ‘вводить в заблуждение’ [Там же: 135], пск. *оболваниться* ‘ошибиться’ [Там же: 163].

7. Пустословие, вздор. Если предыдущие мотивы воспринимаются как внутренне связанные с понятием ошибки, то некоторые другие значения слов из лексикона ошибок прямой связи с этим понятием, на первый взгляд, не обнаруживают, но тем не менее они часто сопутствуют семантике ошибки. К ним, в частности, относятся мотивы пустословия и брани, и далее ссоры. По мнению авторов [ЭССЯ 21: 39], «не представляется очевидной принадлежность к рассматриваемой группе рус. диал. *мылить* ‘ругать, бранить, журить’ (ряз., сарат.), ‘расстраивать’ (КАССР), ‘много говорить, болтать’ (свердл.) <...> поскольку фразеологизм *мылить голову* явно обнаруживает связь семантики ‘ругать’

с *мыло*». Между тем связь мотива пустословия и брани с понятием ошибки подтверждается материалом нескольких гнезд. Ср. др.-рус., ц.-слав. **блѣсти** ‘блуждать, плутать’, ‘говорить вздор’ и ‘заблуждаться, ошибаться’; **блѣдство** ‘обман, ложь, пустословие’, **блѣденик** ‘вздор, обман, празднословие’, **блѣдогласити** ‘говорить вздор, пустословить’, **блѣдословити** ‘пустословить’, **блѣдъ, блѣднѣ** ‘вздор, обман, ошибка’ [СДРЯ 1: 243–246]; словен. *blazniti se* ‘сердиться, браниться, богохульствовать’, ‘нести вздор’ [Pleteršnik 1: 32], *blaznovati* ‘нести вздор, дерзить, сквернословить’ [Там же: 33], *bloditi* ‘говорить вздор’ [Там же: 36], *hibati* ‘бранить, хулить’ [Там же: 266]; белор. *мыліцца* говорить путано, сбивчиво: «Перастань ты! Ужо мылісься» [СГЦРБ 1: 233], ст.-польск. *zmylić, zamylić* ‘оговориться’ [SSp 11: 132, 440], рус. арханг. *грех* ‘несогласие, ссора, скандал’: «Можно жить не в греху, а в согласии»; *в грех упасть* ‘поссориться’ [АОС 10: 48]; волог. *грех* ‘ссора, раздор’, *грех развести* ‘поссориться’: «Может с ребятами грех развести» [СВГ 1: 129]; чеш. *hřešiti* ‘бранить, ругать’, словац. *hrešit’* ‘то же’ [SSJ 1: 524], *грешишь* рус. диал. ‘браниться, ссориться’ [АОС 10: 54; СРНГ 7: 138], печор. ‘ругать, всячески поносить кого-н.’ [СРГНП 1: 155]; арханг. *греховодной, греховой* ‘склонный к ссорам, скандалам’ [АОС 10: 52] (ср. *греть* ‘ругать, бранить’ [Там же: 48]).

8. Недостаток, изъян, ущерб. В словарях представлены также значения, которые могут считаться продуктом дальнейшей семантической деривации на базе понятия ошибки. Так, в результате ошибки появляется семантика недостатка, изъяна, ущерба, т. е. последствия совершенной ошибки: польск. стар. *chyba* ‘ошибка’ и ‘ущерб, порок’, чеш. *chyba* ‘ошибка, проступок’ и ‘изъян, недостаток’, диал. *chybat* ‘не хватать, недоставать’ [Hruška 1907: 36], словац. *chyba* ‘ошибка, проступок’, ‘нарушение’, ‘недостаток, порок’, *chybat’* ‘ощущать недостаток, отсутствовать’ [SSJ 1: 581–582], словен. *hiba* ‘недостаток, изъян, недуг’ [Pleteršnik 1: 266]; н.-луж. *chyba* ‘недостаток, ошибка’ [Muka 1: 509]; рус. арх. *грех* ‘недоделка, погрешность в работе’: «А это плинтус: угловые грехи убрать, пóлы местá, щели — песку насыпающца, а пазы — мох» [АОС 10: 49].

Поскольку совершенная ошибка может стать причиной какой-то негативно оцениваемой ситуации, то она может порождать понятие вины, преступления, греха в отношении субъекта действия: рус. арханг. *грех* ‘вина’: «Теперь на Анне Николаевне грех, что это она всё понасылала» [АОС 10: 49], *грешить* ‘винить, обвинять’: «Пускай Роза на меня не грешит: я был в другой лодке» [Там же: 54]; см. также [Толстая 2017а; наст. изд., с. 275–288].

Таким образом, совокупное семантическое пространство, очерчиваемое лексикой ошибок, оказывается чрезвычайно широким, но в нем отчетливо выделяются повторяющиеся мотивы, внутренне связанные с понятием ошибки и определяющие типы ошибок (потеря направления, непопадание в цель, колебание), причины совершения ошибки (помрачение сознания, воздействие на субъекта внешних сил, обман, соблазн), последствия ошибки для объекта действия (недостаток, ущерб) и для самого субъекта (вина, преступление). Повторяемость этих мотивов в разных гнездах свидетельствует об их внутренней связи на концептуальном уровне, на уровне понятий и представлений о мире и человеке, традиционной системы ценностей и нормативов поведения.

ОШИБКА ПО-РУССКИ

Все, что известно о мировоззрении древних славян, позволяет говорить о серьезной озабоченности их явлениями нарушения порядка, о страхе перед беспорядком, где бы он ни обнаруживал себя.
В. Н. Топоров

Серьезный интерес к понятию ошибки как нарушению некоторой нормы, лада и порядка проявляют философы и специалисты по лингвистической прагматике и актам речи. Для философов, занимающихся так называемой теорией и историей практик, ошибки и другого рода нарушения — инструмент изучения самих действий (практик). Ср. высказывание одного из представителей этой ветви философии: «В теории практик действие часто исследуется через его разного рода нарушения — поломки, осечки, задержки и т. п. Во-первых, многие повседневные и рутинные действия часто только и становятся заметными в результате того, что нарушается их плавный ритм; например, именно нехватка чего-либо или, наоборот, чрезмерное изобилие делает его заметным. Во-вторых, именно в это время как бы приоткрываются “черные ящики” механизмов наших рутинных операций; мы замечаем — например, через отсутствие — характеристики того, присутствие чего гарантирует успешное и непроблематичное исполнение рутинной деятельности» [Хархордин 2012: 7–8]. Среди других примеров этот философ разбирает и понятие «ошибка». Он ссылается на слова Джона Остина, который говорит, что «два типа ошибки в английском языке не совсем равнозначны: *mistake*, понимаемое как *mis-take*, ‘взятое не так, мимо или как промашка при попытке взять’, — это не совсем *error*, производное от английского глагола *err* ‘сбиться с пути, свернуть с тропинки’. <...> Говорит ли что-то интересное о русской культуре тот факт, что корневая метафора термина “ошибка” связана с уда- ром, шибанием, а не с взятием или блужданием, как нам это

представлено в центральных английских терминах для обозначения, как кажется, того же самого феномена неудачи действия» [Там же: 16–17].

«Ошибка» и «ошибаться» принадлежат к разряду понятий (и соответствующему типу слов), которые в семантической школе Ю. Д. Апресяна называются *интерпретационными* [Апресян 2004б]. Это значит, что они, как правило, не имеют конкретного «предметного» или акционального содержания и не соотносятся непосредственно с реальной ситуацией, а обозначают оценку, интерпретацию всей ситуации или ее главного предиката (независимо от его природы) по отношению к некоей норме. В самом деле, под понятие «ошибка» могут быть подведены самые разные действия, отклоняющиеся от правильного поведения или не приводящие к ожидаемому результату. Ошибка — это нечто неправильное, не соответствующее цели, назначению или ожиданию, поэтому возможны «общеоценочные» номинации ошибки: ср. *сплоховать*, самар. *плошить* ‘допускать промах, ошибку’: «На бога надейся, а сам не плоши» [СРНГ 27: 160], смол., костр., волог., карел. (рус.) *оплошиться* ‘сделать ошибку, промах, оплошать’: «Оплошился, забыл письмо взять» (смол.) [СРНГ 23: 267], «Замуж неудачно вышла, оплошилась, значит» (карел. рус.) [СРГК 4: 215], карел. (рус.), арханг. *неладно* ‘ошибочно’: «Я вам неладно сказала, у отца спросите, он помнит» (карел. рус.), карел. (рус.) *неляпый* ‘неправильный, ошибочный’: «Там слов было много неляпых» [СРГК 3: 410, 411].

Существенным компонентом понятия «ошибка», помимо идеи нарушения нормы, неправильности, является семантический элемент случайности, непреднамеренности: ср. *по ошибке* ‘случайно’, ‘не желая того’, пск. *грехом* ‘непреднамеренно, случайно’: «Грехом напали на куст чарники, набрали гранатовый стакан» [ПОС 8: 18]. Как и многие другие общие, абстрактные понятия, понятие ошибки часто «конструируется» на основе вполне определенных, в том числе конкретных, образов, представлений и мотивов. Так, *ошибка*, *ошибаться* отсылают в конечном счете к конкретному физическому действию битья (*шибания*) мимо цели, *просчет*, *недочет* — к конкретному действию счета, пересчитывания.

Еще одно существенное свойство понятия ошибки — способность соответствующих слов обозначать оценку как реального действия, физического или ментального (ср. *Он ошибся в вычислениях*), так и ментального состояния субъекта (*Вы ошибаетесь, считая его компетентным в этих вопросах*); во втором случае глагол *ошибаться* имеет синонимы *заблуждаться*, *обманываться*, а имя *ошибка* — синонимы *заблуждение*, *самообман*, не имеющие «акциональной» семантики¹.

Наконец, необходимо отметить близость понятия ошибки к понятию обмана; их связывает не только общий семантический компонент неправильности, несоответствия действительности, но и отношение конверсии и каузативности: обманывать — это значит заставлять ошибаться, внушать ошибочное мнение. Поэтому нередко слова, означающие ‘ошибка’, ‘ошибаться’, имеют также значение ‘обман’, ‘обманывать’. Ср. пск., твер. *облыгаться* ‘лгать’, ‘ошибаться’ [СРНГ 22: 113], смол. *блышит* ‘лгать, клеветать’, ‘ошибаться’: «Кыда кроиш кохту, блышит асоба нильзя, а то материи не хватить» [ССГ 1: 196], смол. *сблышит* ‘ошибиться’: «Ни бярись ты за ету работу, усё равно зблышыш усё», ‘сказать неправду, вздор’ [ССГ 9: 164], урал. *фальшит*, *сфальшит* ‘фальшивить’, ‘обманывать’ и ‘ошибаться’: «Сам ли сфальшил, ружье ли сфальшило, не скажу хорошенько» [Малеча 5: 214, 538].

1 В [Апресян 2004б] рассматривается синонимический ряд *ошибаться*₁, *заблуждаться*, *обманываться* и *просчитаться*. В этом ряду глаголы принадлежат к разным классам предикатов: *ошибаться*₁ может означать как ментальное действие («Прокуратор никогда не ошибается, но на сей раз ошибся»), так и ментальное состояние («Он всю жизнь ошибался на мой счет»); *заблуждаться* — это только глагол состояния, *обманываться* — глагол ментального действия и состояния; *просчитаться* — глагол исключительно действия. Принадлежность к разным классам предикатов определяет многие различия в их семантике. При этом к *ошибаться*₂ [Там же] отнесены только физические действия («Сапер ошибается только один раз»). По-видимому, для *ошибаться* следовало бы выделить три «лексемы»: *ошибаться*₁ со значением ментального состояния (форма совершенного вида отсутствует, как и у *заблуждаться*), *ошибаться*₂ со значением ментального действия и *ошибаться*₃ со значением физического действия.

Анализ семантического поля ошибки не может обойтись без обращения к прагматической стороне ошибки, к самой «ситуации» ошибки, поскольку мотивационные признаки, лежащие в основе соответствующей лексики, могут относиться к разным «участникам» этой ситуации. Таковыми «участниками» являются: субъект ошибки, т. е. тот, кто ошибается; его действия или его состояние, которые оцениваются как ошибочные, не соответствующие действительности или не достигающие поставленной цели; сама поставленная цель, причины (источник) и последствия ошибки, содержание или «объект» ошибки, т. е. то, в чем именно субъект отступил от нормы. В конкретных лексических единицах акцент может делаться на разных компонентах ситуации. Например, диал. *опрозориться* указывает на неадекватное поведение субъекта как причину ошибки (ср. *недосмотр*), а *одуриться* или *обумиться* — на ментальное состояние субъекта, *прогадка* — на последствие ошибки для субъекта, оказавшегося в проигрыше (ср. *прогадать*), и т. д.

В славянских языках в значении ‘ошибаться’ и ‘ошибка’ используются разные глаголы и имена, принадлежащие к праславянскому фонду (**blazn-*, **blōd-*, **grěx-*, **xyb-*, **max-*, **myl-*). Все эти гнезда многозначны, и семантика ошибки занимает в них разное место, сочетаясь с другими, часто не менее значимыми семантическими элементами, такими как потеря пути, блуждание, колебание, безумие, обман, соблазн, обольщение и др. (см. подробнее наст. изд., с. 261–274). На фоне данных других славянских языков общерусские *ошибка*, *ошибаться* стоят особняком — характерная для них мотивационная модель, связывающая понятие ошибки с неудачей в совершении простого физического действия (битья, «шибания»), не используется (или не столь значима) в других языках. Зато этот мотив широко представлен в русской диалектной лексике ошибки, которая по своим мотивационным моделям исключительно богата и разнообразна, что объясняется естественным для языковой концептуализации этого типа понятий присутствием оценочного и экспрессивного элемента. Рассмотрим основные типы номинаций ошибок в русских диалектах, которые в абсолютном большинстве случаев относятся к ошибочным действиям (а не состояниям).

Прежде чем привести материал, необходимо сделать две оговорки. Во-первых, приходится считаться с тем, что дефиниции диалектных словарей часто очень приблизительно, неточно, а иногда и ошибочно определяют значения толкуемых слов, а приводимые иллюстрации нередко не подтверждают словарных дефиниций или даже противоречат им. Во-вторых, многие слова в силу их экспрессивного характера и сложности, разноаспектности самой ситуации ошибки могут обладать диффузным значением, покрывающим разные рубрики семантической классификации. Например, в толковании урал. *устряпаться* 'совершить промах, попасть впросак, ошибиться': «Мы с мамой давеча устряпались: хлеб из печи забыли вынуть» [Малеча 5: 339] остается неясно, действительно ли глагол имеет общее значение 'ошибаться' и может применяться к разным ситуациям или же он имеет более конкретное значение, соответствующее приводимому примеру и относящееся именно к ситуации «стряпания». Или: вят. *накаверзить*, толкуемое в словаре как 'наделать ошибок, набедокурить' и иллюстрируемое примером: «Накаверзил парень, мучается теперь» [ОСВГ 6: 155], скорее всего, означает просто 'набедокурить, совершить неблагоприятные поступки, напроказничать' (в соответствии с семантикой производящего *каверза*), что, конечно, может оцениваться в том числе как неправильное, ошибочное поведение, совершение ошибок, но прямого значения ошибки все же не имеет. Действительно ли вят. *обмирошиться* означает 'ошибиться при измерении чего-либо' или же это узкое значение «наведено» иллюстрацией: «Я обмирошился, на вершок дальше пробил дырку для нагиля» [ОСВГ 7: 23]? Ср. приводимые в [СРНГ 22: 129–131] *обмишуриться*, *обмишуливаться*, *обмишутиться*, *обмихнуть* и др. с общим значением 'ошибиться, попасть впросак'.

1. Ошибки в конкретных действиях. Выше было сказано об «интерпретационном» характере семантики ошибки, т. е. о независимости ее от вида конкретного неудавшегося действия. Однако в русском языке существуют и «конкретные» обозначения ошибок, относящихся к определенным видам

действий, например *оговорка, описка, ослышаться, обознаться, оступиться* и т. п., сохраняющие связь с соответствующими действиями и обозначающими их глаголами (*говорить, писать, слышать, узнать, ступить*).

В диалектной лексике подобных обозначений «конкретных» ошибок очень много. Например, яросл. *занизаться* ‘ошибиться при низании’: «А, чтоб ты разорвало. Опять занизался» [ЯОС 4: 89], смол. *обгледиться* ‘ошибиться’: «Ти ни абгледилысь ты? Ти спешат часы?» [ССГ 7: 111], перм. *оглядеться* ‘ошибиться, обознаться’: «Настю за Дарью приняла, чё-то огляделася я» [СПГ 2: 866], без указ. м. *облаиваться* ‘лаять невпопад’: «Собака облаялась, знать сидела тут белка — ошиблась» [СРНГ 22: 83], без указ. м. *обложка* ‘ошибка при укладке, раскладывании чего-л.’ [Там же: 106], яросл. *обсадка* ‘что-л. не посаженное по ошибке’, яросл. *обсева, обсевица* ‘случайно обойденное при посеве место’ [ЯОС 7: 22], сев.-рус. *обсевина* ‘то же’ [СРГК 4: 117], урал. *обсеяться* ‘совершить ошибку при посеве, допустить огрех’: «Мне не доверял (отец) пшеницу, а то могу обсеяться, огрехами сделать могу» [Малеча 3: 37], пск., твер. *окупиться* ‘ошибившись, переплатить за что-л.’ [СРНГ 23: 175], вят. *опознать* ‘обознаться, не узнать кого-либо, ошибочно принять одно за другое’ [ОСВГ 7: 107], вят. *оприметиться* ‘не заметить, просмотреть, ошибиться’ [Там же: 111], урал. *прогляд* ‘просмотр, недосмотр, упущение, ошибка, грех’: «Это наш с тобой прогляд, проглядели мы дичь» [Малеча 4: 422], смол. *усчитаться* ‘ошибиться при подсчетах, обсчитаться’: «Пышшитай-ка ты снова, ти ни ушшитальсь ты» [ССГ 11: 29].

В подобных номинациях ошибочных действий часто используются глаголы и их дериваты с префиксами **o-/ob-* и **pro-*, которые семантически связаны с мотивом «мимо», идеей непопадания в цель (ср. то же исходное значение приставки в глаголах *оступиться, обман, проехать, пропустить* и т. п.). Эта модель представлена в разных славянских языках как в номинациях общего характера типа рус. *ошибка, ошибиться, осечка*, диал. *обмашка*; укр. *омилка, помилка, омиляти*, польск. *оmyłka, оmyłóć* и т. п.; рус. *промах, промахнуться*, диал. *продуматься* ‘принять неправильное решение, ошибиться’

[СРНГ 32: 127], серб. *промашити*, так и в номинациях «конкретных» (частных) ошибок, подразумевающих неудачу в определенном действии, типа рус. *описка* (ошибка при писании), *оговорка* (ошибка при говорении), *ослышаться* (ошибиться при слушании), *прослушать* (не услышать, пропустить мимо ушей), *промериваю*, *промеряю* ‘ошибаясь в мере, с лишком чего отмериваю’: «У холста промерял два аршина» [САР 4: 410], *опечатываюсь* ‘ошибаюсь в печатании’ [Там же: 405] и т. п. В русских диалектах в подобном значении используется также приставка *за-*: ср. яросл. *занизаться*, *занизываться* ‘ошибаться при низании’, урал. *зашиваться*, *зашиться* ‘запутаться в чем-н., сбиться с толку’ [СРНГ 10: 279; 11: 189]. Реже в лексике ошибок используется модель с приставкой *пере-*, которая также обозначает отклонение от нормы, но, так сказать, в другую сторону — в сторону ее превышения: пск., твер. *переглянуться* ‘ошибиться’: «Переглянулась налить, ишь как натуронила» (т. е. налила больше, чем нужно. — С. Т.) [СРНГ 26: 66], пск., твер. *передернуться* ‘ошибиться’ [Там же: 84]. Ср. *недосмотр*, *недочет* в значении ‘ошибка’.

Тем не менее общая тенденция данного семантического поля состоит в абстрагировании от этих действий и распространении «конкретного» понятия на другие (разные) действия, ср. *промахнуться* в конкретном значении неудачного действия и *промах* в общем значении ‘ошибка’, *опрометиться* может значить ‘промахнуться’, а *опрометчиво* не содержит указания на конкретное действие.

2. «АБСТРАКТНЫЕ» ОШИБКИ, МОТИВИРОВАННЫЕ ФИЗИЧЕСКИМИ ДЕЙСТВИЯМИ. Эта общая тенденция приводит к тому, что обозначения изначально конкретных ошибочных действий приобретают общее значение ошибки и применяются к разнообразным ситуациям, утрачивая семантическую связь с конкретным действием: ср. *оступиться*, диал. *проступка* ‘проступок, вина, ошибка, промах’ [СРНГ 32: 255], смол. *обступочка*: «Девушка обступочку сделала — парня любить бросила» [СРНГ 22: 239], свердл. *попускаться* ‘ошибаться’: «Я хорошо считаю, не попускалась» [СРНГ 30: 18], пск., твер. *осекаться* ‘допустить

ошибку, ошибиться' [СРНГ 23: 362], пск., твер., костр. *обсечка* 'ошибка, промах': «Я сделал обсечку» [СРНГ 22: 232], забайк. *пасёк* 'промах, ошибка': «Пасек небольшой, но все ж урон. Пасек дал, не рассчитал» [СРНГ 25: 252], смол. *обмах*: «У етым дели дау я аммаху, прыгадау» [ССГ 7: 128], смол. *обмахнуться* 'ошибиться': «Аммахнууса я при аммени» [Там же], вят. *обмаховаться* 'ошибиться': «Не спеши, не обмаховаться бы» [ОСВГ 7: 21], без указ. м. *обмашка* 'промах, ошибка': «вышла обмашка», «сделать обмашку» [СРНГ 22: 122], пск., твер. *смахиваться* 'совершать ошибку' [СРНГ 38: 347], смол. *ошибнуться*: «Ашыбнулсь я у табе, саседушка», «Апяты ты, тётка, ашыбнулсь» [ССГ 7: 214], смол. *сишибнуться* 'ошибиться': «Нихай уже шшыбница рас, а то и другой, и третий» [ССГ 10: 160], *прометиться* влад. 'не попасть в цель', костр. 'ошибиться' [СРНГ 32: 185], сев.-рус. *прошиб* 'невспаханый участок поля': «Прошибы называются, когда остаются неспаханые места» (арханг.) [СРГК 5: 324], урал. *прошибиться*: «Прошиблись, верно (в покупке)» [Малеча 4: 453], костр. *подшибаться* 'ошибаться': «Смотри не подшибись» [СРНГ 28: 255], костр. *прошибтись* 'ошибиться, сделать промах, просчитаться': «Там путаная дорога-то, долго ли прошибтись в теми-то» [СРНГ 33: 48], онеж. *пошибка* 'ошибка' [СРНГ 31: 33], пенз. *прешибиться* 'ошибиться' [Там же: 98], с.-рус. *сбивка* 'ошибка, неправильность': «Сбивок понаделали» (новг.) [СРГК 5: 640], брян. *скопошиться* 'сделать ошибку, промах' [СРНГ 38: 81], пск., твер. *объехаться* 'ошибиться в расчете' [СРНГ 22: 278], влад. *оскользнуться* 'ошибиться в расчетах, просчитаться' [СРНГ 24: 14], брян. *пронестись* 'ошибиться, потерпеть убыток' [СРНГ 32: 199], урал. *зашиваться* 'ошибаться', сов. 'запутаться в чем-нибудь, сбиться с толку' [СРНГ 11: 189], вят. *обрыбиться* 'сделать что-либо неудачно, оплошать; попасть в неудобное положение': «Обрыбилась я давеча перед зятем» (при «конкретном» значении 'поймать мало рыбы', т. е. 'потерпеть неудачу в ловле рыбы'. — С. Т.) [ОСВГ 7: 37].

Особенно активны в такого рода номинациях глаголы с корнями *ступ-*, *мах-*, *сек-*, *шиб-*.

3. НЕПРАВИЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТА. Причиной ошибки может быть невнимание, небрежность субъекта при совершении действия: сев.-рус. *обзабыться* ‘ошибиться, перепутать по забывчивости’: «Не хочу говорить. Я обзабудусь да и скажу цё-нибудь» [СРГК 4: 79]; вят. «Обзабылись да и уехали по другой дороге» [СРНГ 22: 50], вост.-рус. *обзепиться* ‘ошибиться, оплошать’ [СРНГ 22: 54], вят. *просторожа* ‘всякая ошибка, неосторожность, промах’ [СРНГ 32: 250], арханг. *позора* ‘грамматическая ошибка’: «Как-никак, с позорой напишу» [СРНГ 28: 337], ср. *недосмотр*.

Причиной ошибки могут стать также неправильные операции субъекта над объектом (предметом), обозначаемые такими глаголами, как *мешать*, *мутить*, *путать*, *плести*. От этих глаголов особенно часто образуются слова с общим значением ‘ошибка’: юж.-рус. *путлять* ‘ошибаться, сбиваться в делах, вести их плохо, небрежно’ [СРНГ 33: 153], смол. *напутлять* ‘напутать, ошибиться’ [ССГ 7: 35], с.-рус. *перепутаться* ‘ошибиться’: «На шею вешат (знаки) кожаны или деревянные, чтоб хозяин не перепутался» [СРГК 4: 465], ворон. *попутать*, *попутлять*, *попутаться* ‘сделать ошибку в счете’, ворон. *попутка* ‘путаница, ошибка’: «Тут вышла попутка небольшая от скопления бумага» [СРНГ 30: 19], с.-рус. *заплестись*: «Еще мама жила долго, она годов семь умерла, ой, заплелась, годов шесть» (мурм.) [СРГК 2: 176], без указ. м. *оплетаться*, *оплестись* ‘обманывать, ошибаться’: «Сам ты оплелся, никто тебя не оплетал» [СРНГ 23: 264], арханг. *замешня* ‘ошибка в каком-нибудь деле, в исполнении какой-л. работы’: «До сих пор кончено было б дело, если б не палась замешня» [СРНГ 10: 240], вят. *омешка* ‘ошибка’: «Омешка-то к чему ведет?» [ОСВГ 7: 97], пск., твер. *замутиться* ‘начать ошибаться в каком-л. деле’ [СРНГ 10: 266], литов. (рус.), смол. *бунтоваться*: «Сеня никак не может запомнить стихотворения, все бунтуется», «Ни кричитя, а то бунтуюсь и ни магу съшшытать» [СРНГ 3: 277; ССГ 1: 289], брян. *сбунтоваться* ‘ошибаться’: «Я сбунтовалась и стала считать сначала» [СРНГ 36: 194].

4. НЕАДЕКВАТНОЕ СОСТОЯНИЕ СУБЪЕКТА. Многие слова со значением ‘ошибка’, ‘ошибаться’ имеют в том же или в другом

языке (диалекте) значение, связанное с недостатком ума, помрачением рассудка, т. е. означают ‘дурак’ или ‘сумасшедший’. Самым ярким примером такого сочетания значений может считаться праславянское гнездо **blazn-*: значение ‘ошибка’ представлено в старославянском, церковнославянском и древнерусском, тогда как во всех остальных славянских языках — ‘дурак’, ‘сумасшедший’, ‘глупец’ (польск., кашуб., в.-луж., чеш., словац., укр. ‘дурак, олух’, словен.) либо ‘обман, обольщение, соблазн’, ‘искушение’, ‘призрак, чудовище’ и т. п. [см.: SP 1: 254]: словен. *blaznéti* ‘сходить с ума, безумствовать’, чеш. *blazniti* ‘быть не в своем уме’, *bláznivý* ‘душевнобольной, ненормальный’, словац. *blazniet’* ‘быть не в своем уме, быть душевнобольным’, рус.-ц.-слав. **блѣзнитисѧ** ‘сходить с ума’. Но это сочетание характерно и для других гнезд, например для гнезда **blǫd-*, одного из основных в семантическом поле ошибки для западнославянских языков (ср. польск. *bląd*): ср. чеш. *bloud* ‘дурак’, *blud* ‘заблуждение, ошибка’, в.-луж. *blud* ‘заблуждение, ошибка’, ‘помешательство’. Иначе говоря, ошибка понимается как «блуждание» ума.

Эта семантическая модель характерна и для русской диалектной лексики ошибок: пск. *замутиться* ‘начать ошибаться в каком-н. деле’ [ПОС 11: 342] (к сожалению, без примеров, ср. *помутиться умом, в уме*), волог., ленингр., мурм. *оглупать*, волог. *оглупить* ‘совершить промах, нелепую ошибку, сглупить’: «Три брата были, оглупили, раскулачили по-пустому их» [СРГК 4: 136], свердл. *недоумленье* ‘ошибка, оплошность’ [СРНГ 21: 35], амур. *сдурнуть* ‘совершить ошибку, оплошать’ [СРНГ 37: 87], перм. *ошалеться* ‘одуреть; ошибиться’ [СРНГ 25: 78], пск., твер. *обаламутиться* ‘ошибиться, будучи не в себе’ [СРНГ 21: 345], пск., твер. *оболваниться*, пск., твер. *обумиться*, иркут. *обазумиться* ‘обмануться, ошибиться’ и ‘одуреть’ [СРНГ 22: 163, 252; 21: 342], тамб. *одуриваться, одуриться* ‘одуреть, ошибиться’ [СРНГ 23: 68], ряз. *мешаться* ‘плохо различать, путать, смешивать кого-л., что-л.’: «Я ошибаюсь, то Галя, то Валя, мешаюсь» [СРНГ 18: 148], *мешаюсь* ‘сбиваюсь в чтении или рассказывании, ошибаюсь’: «Урок нетвердо знает, мешается» (при *мешаться, мешаться в уме* ‘потерять рассудок от болезни’)

[САР 4: 442], без указ. м. *обмёк* ‘ошибка в расчетах, в предположениях или в счете’: «Кулак и обмеком и обмером берет», без указ. м. *обмекаться* ‘ошибаться в расчетах, надеждах, предположениях, обмануться’ [СРНГ 22: 123], тамб., влад. *обмешкаться*: «Смерил и обмешкался на целый аршин» [Там же: 128], пск., твер. *поглумиться* ‘ошибиться, промахнуться’ и ‘показаться, померещиться’, ‘выжить из ума’ [СРНГ 27: 293], без указ. м. *ошарашиться* ‘ошибиться себе в убыток’ [СРНГ 25: 79].

5. ОБМАНУТЬСЯ, ПРИНЯТЬ ОДНО ЗА ДРУГОЕ. Причиной ошибки могут быть заблуждение, обман зрения, наваждение или соблазн, заставляющие человека видеть, слышать и воспринимать не то, что есть на самом деле, а то, что кажется, мерещится, манит. Этот мотив представлен в лексике ошибки разных славянских языков и находит свое выражение в том, что одни и те же слова могут означать и ошибку, и обман, ср. др.-рус. *блзнь* ‘ошибка, заблуждение’, ‘соблазн, искушение, обман’, ‘ошибочный, ложный’, др.-рус. *блзнитель* ‘обманщик, вводящий в заблуждение’, др.-рус. *блзнитися* ‘ошибаться, заблуждаться, обманываться’, ‘сомневаться’, ‘прельщаться кем-л.’ [СДРЯ 1: 226–227]; урал. *вклёпаться*: «Это Федька идет, если я не вклепалась» [СРНГ 4: 312], вят. *оклепаться* ‘ошибиться, не узнать кого-либо’: «Я ведь оклепалась, не узнала тебя» [ОСВГ 7: 82], арханг. *оглядеться* ‘ошибочно принять кого-н. за другого, обознаться’: «Огляделась поди-ка, а так-то видела она Тосю, знает» [СРГК 4: 136]. В западнославянских языках такую же семантическую двойственность обнаруживают слова гнезда **myl-*, основного в лексическом поле ошибок: ст.-польск. *omył, omyła* ‘обманщик, мошенник’ [SW 3: 779], ст.-чеш. *omyłiti* ‘одурманить, обмануть’ (наряду с ‘ошибиться’ и под.), ст.-польск. *omyłać* ‘обманывать, вводить в заблуждение’, чеш. *mylit se*, словац. *omyl* и др. [ЭССЯ 28: 100–101], укр. *обмила* [Гринченко 3: 18]; рус. диал. *помылиться* ‘ошибиться’ (особенно в счете), юж.-рус., курск., ворон., лит. (рус.) *помылка* ‘ошибка’: «Это моя помылка, что я не пошла с им разом» (лит. рус.) [СРНГ 29: 236], арх., пск. *обмылиться, обмыляться* ‘ошибиться, ошибаться’, смол. *обмылка* ‘ошибка’ [СРНГ 22: 138–139].

В русской лексике к этой мотивационной модели относятся: литер. *обмануться* (от *обман* < *манить*), пск., твер. *обазулиться*, *обазуриться* ‘ошибиться, обмануться’ [СРНГ 21: 342] (при пск., твер. *обазулить*, *обазурить* ‘обмануть, надуть’ [Там же]), костр., волог. *огануться* ‘ошибиться, обмануться’ [СРНГ 22: 310], том. *обморочать* ‘вводить в заблуждение, внушать ошибочное представление’ [Там же: 135], казан., нижегор. *офалиться* ‘ошибиться, обмануться’: «Офалиться недолго» (казан.) [СРНГ 25: 20] (при казан., нижегор. *офалить* ‘надуть, обмануть’ [Там же]) и др. Ср. также *ошибаться* и тул., пск. *ошибать* ‘сбивать с толку, путать’, пск. ‘обмануть’: «Ошибить хотел тебя» [СРНГ 25: 87].

6. ПРОИГРАТЬ, ПОТЕРПЕТЬ НЕУДАЧУ, ПОПАСТЬ ВПРОСАК, ПРОСЧИТАТЬСЯ, ПРОГАДАТЬ (НЕУДАЧА, ПРОИГРЫШ И Т. П.). Ошибка может восприниматься через состояние человека, совершившего и осознавшего ошибочное действие и его последствия, и тогда она обозначается словами со значением неудачи, проигрыша, провала и т. п. Лексика этого круга многочисленна и отличается особой экспрессивностью, связанной с разочарованием и досадой от неудачи. Наиболее продуктивны здесь дериваты с префиксом **ob-/o-*, означающим либо положение оставленного позади (ср. *обогнать*), либо состояние непоправимости совершившегося (ср. *опростоволоситься*), в этом же втором значении выступают глаголы и их дериваты с префиксом **pro-*. Ср. пск., твер., смол. *обдуться* ‘ошибиться’: «Обдулся: отдал пятерку заместо трояка» (смол.) [СРНГ 22: 25], урал. *вдуться*: «Ну и вдулся я с этим конем — чистая корова» [Малеча 1: 200; СРНГ 4: 89], яросл. *врезаться*: «Ох и врезался я: купил сапоги на базаре, а они развалились» [ЯОС 3: 43], волог., урал. *обложиться* ‘ошибиться, сплеховать’: «Я обложила, не в ту комнату зашла» (волог.), «На бога расположишься — не обложишься» (урал.) [СРНГ 22: 80; Малеча 3: 21], яросл. *обмишутиться*, *обмишуриться*, *обмишентиться*, *обмишуриться*, яросл., смол. *обмишениться* ‘ошибиться, попасть впросак’: «Считала, считала борозды, да и обмишенилась» (яросл.) [ЯОС 7: 14], «Ни раз абмишенивыльысь, пыка ни узнала, как ета дельтыть» (смол.) [ССГ 7: 129], яросл. *околпачиться*, вят. *омешулиться* ‘то же’: «Вот как омешулилась!» [ЯОС

7: 41; ОСВГ 7: 97], урал. *обмишулка, обмишулочка* ‘ошибка’: «Сидим все, поём, я в обмишулках её чай выпил» [Малеча 3: 24], сев.-рус. *окатиться* ‘совершить оплошность, ошибиться’: «Миленький, не окатись, не ошиби лап: куда попало можно уехать» [СРГК 4: 171], яросл. *окрутиться* ‘обмануться, ошибиться’ [ЯОС 7: 42], арханг. *омишениться* ‘ошибиться, промахнуться’: «Он (птенец) омишенился, наверное, поэтому упал в трубу» [СРГК 4: 199], сев.-рус. *опахнуться* ‘допустить оплошность, ошибиться’: «Моя доць замуж вышла, опахнулась, восемь лет прожила, никак не подошел» [Там же: 208], яросл. *опрохвоститься* ‘ошибиться, оплошать’ [ЯОС 7: 53], яросл. *опрочапиться* ‘просчитаться, ошибиться’: «Ну, гляди опрочапишься» [Там же], новг. *провалиться* ‘ошибиться’: «Замуж выходите, да не провалитесь» [СРГК 5: 237], урал. *прогадаться* ‘просчитаться, ошибиться в расчетах’: «Крепко бились, не давались Дунай быстрый переплыть, но в расчетах прогадались бусурманы-дураки» [Малеча 3: 421], влад., вят. *опростоваться* ‘ошибиться, оплошать, обмануться’ [СРНГ 23: 302]. В том же значении в разных диалектах засвидетельствованы: *обмешкаться, обмихнуться, обмишка, обмишуриться, оболокнуться, обраховаться, обрашеться, обрешеться, окараться, окара, окутаться, омикулиться, омишуриться, ошашениться* и мн. др.

Далеко не все экспрессивные предикаты ошибки поддаются интерпретации, многие из них требуют специальных этимологических или семасиологических разысканий и учета самых разнообразных семантических параметров и связей; таковы, например, *окануниться, окутаться, очередиться, охватиться, обмаячиться, пронемириться, просточиться, скопошиться, ошашениться, опростоваться* и мн. др. Ср. попытку этимологизации русских диалектных слов *прочадь, прочадка* ‘ошибка’ на основе понятия недостатка, нехватки, отсутствия чего-л. в статье [Петлева 1978].

7. Вина субъекта. Поскольку совершенная ошибка может стать причиной какой-то негативно оцениваемой ситуации, то она может порождать понятие вины, преступления, греха субъекта ошибочного действия: арханг. *грех* ‘вина’: «Теперь на Анне

Николаевне грех, что это она всё понасылала» [АОС 10: 49], арханг. *грешитъ* ‘винить, обвинять’: «Пускай Роза на меня не грешит: я был в другой лодке» [Там же: 54].

Связь понятий ошибки и вины наиболее очевидна в семантическом спектре слав. **grěxъ*, прежде всего в семантике юж.-слав. (серб., болг.) *грешка* ‘ошибка, вина, проступок’, серб. (*по*) *грешити* ‘ошибаться, заблуждаться, ошибиться’, *погрешити се о некога* ‘быть виноватым перед кем-н.’, рус. *грешитъ на кого-н.* ‘предполагать виновным кого-н.’, а также в некоторых значениях западнославянских продолжений праслав. **grěxъ*, например польск. *grzech* ‘грех, провинность, ошибка’, словац. *hriech* ‘грех, вина’. Семантика вины сохраняется в рус. разг. *огрех* ‘ошибка, промашка’, в выражениях извинения за совершенную ошибку типа *Это мой грех* или *Виноват*, а также в ряде диалектных употреблений слова *грех* и его производных: пск. *грехом* ‘случайно, неожиданно’ [ПОС 8: 10].

8. УЩЕРЬ ОБЪЕКТУ ОШИБОЧНЫХ ДЕЙСТВИЙ. В словарях представлены также значения, которые могут считаться продуктом дальнейшей семантической деривации на базе понятия ошибки. Так, осознание ошибки с точки зрения объекта ошибочного действия приводит к появлению семантики недостатка, изъяна, ущерба, нанесенного объекту: арханг. *грех* ‘недоделка, погрешность в работе’: «А это плинтус: угловые грехи убрать, пóлы местá, щели песку насыпающа, а пазы — мох» [АОС 10: 49].

Выше были рассмотрены далеко не все мотивационные модели русской лексики ошибок, а только наиболее регулярные и словообразовательно наиболее прозрачные. Очень большое число слов этого семантического поля остается этимологически (следовательно, и мотивационно) темным и нуждающимся в дополнительных разысканиях. Не исключено, что среди них окажутся слова, манифестирующие какие-то иные, не отмеченные до сих пор мотивационные и семантические модели.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СВАДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Терминология брака и свадьбы в славянских языках не отличается единством — ни в отношении лексического состава, ни в отношении заключенных в лексике смыслов и мотивов. Общие названия брака и свадебного обряда восходят в разных языках к разным праславянским лексемам: **bьrakъ* (**bьrati sę*), **ženitьba* (**ženiti sę*), **sl'ubъ*, **svatьba*, **veselьje*, **pirъ*, **kwasъ* и др. [Трубачев 1959: 142–147; Eckert 1965; Гура 2012: 429–437], что свидетельствует о достаточно позднем формировании самой номенклатуры, несмотря на ее архаические языковые и культурные корни. Характерной чертой лексики этого круга является ее «диффузный» характер, т. е. нечеткое разграничение в семантике собственно брака как юридического акта, своего рода договора с клятвой верности, и ритуального оформления этого акта, т. е. свадебного обряда. Особенно это касается общих терминов: ср. **bьrakъ* в значениях 'бракосочетание' и 'свадьба'; в свою очередь, **svatьba* нередко выступает в обоих значениях: акта, события и — обряда. Иногда также названия одного этапа обряда метонимически «переносятся» на другой этап или на весь обряд, например со сватовства, обручения или венчания на всю свадьбу (ср. в.-луж. *slub*, н.-луж. *zlub* 'обручение, помолвка' и польск. *ślub* 'бракосочетание, свадьба'; с.-х. *veridba* 'помолвка, обручение' и луж. *węrowanie* 'бракосочетание'; **svatati* 'сватать' и **svatьba* 'свадьба, свадебный обряд'), со свадебного пира на весь обряд (ср. **pirъ*, **kwasъ*) — или наоборот (ср. **bьrakъ* в значении 'свадебный пир' или даже 'вид пирога' [см.: ЭССЯ 3: 160–161] и т. п.).

Важной особенностью свадебного (в широком смысле) словаря (но прежде всего и исконно — лексикона брака) следует считать его внутреннюю связь с древнейшей славянской терминологией права и соответствующими юридическими понятиями, такими как «договор», «обещание, клятва», «свидетель». В сущности, язык свадьбы представляет собой подраздел юридической терминологии, а сам обряд — разновидность юридического акта. Соответственно, словарь свадебного обряда

включает такие ключевые термины права, которые относятся к понятиям договора, обещания (клятвы), поручительства и употребляются также и в собственно правовых контекстах (законодательном, судебном и т. п.). При этом язык свадьбы нередко сохраняет глубокие семантические архаизмы, утраченные другими видами дискурса. К ним относится, в частности, лексика, восходящая к праславянскому **věra*, известному всем славянским языкам главным образом в значении ‘вера’, ‘доверие’ [Толстая 2016а, наст. изд., с. 28–40]. Правовая, и в том числе свадебная, семантика слов этого гнезда имеет в основном периферийные подтверждения в исторических и диалектных свидетельствах разных славянских языков.

В материалах лужицкого тома Оскара Кольберга приводится текст приглашения на свадьбу из записей Я. Смолера, иллюстрирующий употребление этого глагола в верхнелужицком языке: «*Ja přīnesu wam wé le dobreho wot česneho nawoženje NN. a wot česneje něwesty NN., kotrajž so pšed etc. nědželemi slubištaj. Wonaj chcetaj so přichodnu wutoru wjerować dać* (курсив мой. — С. Т.) *a dataj was luboznje prosyć, wy chcyli tak dobry (dobra) być a nawoženi (něwesći) jako słónka (družka, swat etc.) hić. Tj.: Przynoszę wam pozdrowienie od szanownego narzeczonego NN. i od szanownej narzeczonej NN. i od szanownej narzeczonej NN., którzy się przed itd. tygodniami zaręczyli z sobą. Chcą oni w przyszły wtorek *wiarę dozgonną sobie zaprzysiąc* i każą was uprzejmie prosić, byście chcieli być tak dobrzy i narzeczonemu (lub narzeczonej) jako słonka (družka, swat itd.) towarzyszyć» <Приветствую вас от имени почтенного жениха NN и почтенной невесты NN, которые несколько недель тому назад обручились друг с другом. Они хотят в будущий вторник *присягнуть на верность до гроба* и поручили мне просить вас о любезности быть их поручителем (дружкой или сватом)> [Kolberg 1985: 9]. Это значение данный глагол сохраняет в литературном верхнелужицком языке: *wěrować* ‘женить, венчать’, *wěrować so* ‘жениться, венчаться’, *wěrowanje* ‘брак, свадьба’, *wěrowanski* ‘брачный, свадебный’, *wěrowanski čah* ‘свадебный поезд’, *wěrowanski pjeršćeń* ‘свадебный перстень’ [Zeman 1967: 488].*

В словаре Э. Муки представлено целое гнездо соответствующих нижнелужицких глаголов и их дериватов, относящихся к свадьбе, браку и бракосочетанию (к сожалению, без примеров употребления): *wěrowaś* ‘обвенчивать, обвенчать’, *dowěrowaś* ‘обвенчать по нужде, дополнительно обвенчивать’, *huwěrowaś* ‘довенчивать’, *nawěrowaś* ‘сочетаться браком’, *rozwěrowaś* ‘разводить, развести’, *zwěrowaś* ‘венчать, отправлять венчальные церемонии’, *wěrowańe* ‘бракосочетание, браковенчание’, *wěrowaństwo* ‘венчание, брак, супружество’, *wěrowar* ‘священнослужитель при бракосочетании’, *wěrowarški* ‘венчальный, свадебный’ [Muka 2: 854].

Параллелью к лужицким данным могут служить южнославянские свадебные термины: с.-х. *veriti se* ‘обручаться, заключать помолвку’, *veridba* ‘помолвка, обручение’, *vjerеник* ‘жених’, *vjeriti koga (za koga)* ‘обручить кого-л. (с кем-л.)’, *vjeriti* ‘обвенчать’, *vjeriiti se za kim, kime* ‘заключить брак с кем-л.’ [RHSJ 21: 92–93]; макед. *вереник* ‘жених’; черногор. *вера* ‘обручальное кольцо’; ср. также некоторые аналогичные словацкие и восточнославянские термины: словац. *verеник*, укр. *вірник* ‘жених’ [Гура 2012: 109, 409, 413], рус. диал. *из веры выйти* ‘расторгнуть помолвку’ [СРГК 1: 172] и др. Ср. также польск. литер. *nie dochować wiary* ‘нарушить клятву верности’ [SJPD 9: 976].

Имеют отношение к свадебному дискурсу также западнославянские (кашубские и польские) диалектные лексемы с «противоположным» значением ‘безбрачный союз, отсутствие юридически утвержденного брака’: кашуб. *vara: žęc na varq* ‘жить без церковного брака’ (букв. «на веру») [Syhta 6: 120]; польск. диал. *wiarok* ‘человек, живущий с женщиной без церковного брака’; *wiarownik, wiaruśnik* ‘то же’, *wiarownica, wiarówka* ‘женщина, живущая с мужчиной без брака’, *wiaruśnica* ‘женщина легкого поведения’ [Kařłowicz 6: 99–100], ср. также польск. разг. *żyć na wiare* ‘жить вне брака’ [SJPD 9: 976]. Известны они и южнославянским языкам, ср. словен. устар. *živita na veri* ‘о мужчине и женщине, живущих без официального брака’ [SSKJ 5: 404]. Однако такие употребления представляют собой скорее не архаизмы языка права, а результат вторичной семантической деривации на основе значения взаимного доверия,

не требующего формального подтверждения. Таким же результатом вторичной деривации можно считать значение ‘кредит’ (как жест и акт доверия), ср. в.-луж. *wěrićel* ‘кредитор’, польск. *wierzyciel* ‘то же’, болг. *на вяра* ‘в кредит’, *верител, веровател* ‘кредитор’, макед. *на вера* ‘в кредит’: «Купих коња на вера» [РМНП 1: 239–240], укр. *virumti* ‘давать в долг’: «Не вірять шинкарі горілки» [Гринченко 1: 239] и т. п.

С понятием обещания обнаруживает тесную связь и главный западнославянский свадебный термин — **sl’ubъ*. Как и в гнезде **věra*, здесь представлена и семантика обещания, клятвы, и «диффузная» свадебная семантика. В польском литературном языке *ślub* имеет два основных значения: 1. ‘бракосочетание’: *brać ślub* ‘заключать брачную связь’; 2. ‘клятва, присяга’, то же, что *ślubowanie* ‘торжественная присяга’: «Uczyniony ślub bezżenstwa i czystości całe życie dotrzymywał» <Принесенной присяге безбрачия и целомудрия был верен всю жизнь>. При этом прилагательное *ślubny* имеет уже только значение, связанное с бракосочетанием, а глагол *ślubować* — преимущественно значение ‘присягать, клясться’: «Wspominał dawne przysięgi, wieczną przyjaźń, jaką sobie ślubowali» <Он вспоминал старые клятвы в вечной дружбе, которые они друг другу приносили> [SJPD 8: 1273–1274]. В истории польского языка иерархия значений существительного *ślub* была иной: на первом месте стояло значение ‘обещание, клятва, присяга’, на втором — значение ‘договор, союз’, на третьем, и только в сочетании *brać ślub*, — значение, относящееся к свадьбе, т. е. ‘сочетаться браком’. Семантика обещания была основной и для глаголов *ślubić, ślubować*, в отличие от прилагательного *ślubny* и наречия *ślubnie*, засвидетельствованных только в свадебных значениях [SSp 9/55: 14–18]. В диалектах глаголы *ślubić, ślubować* наряду с основным значением ‘обещать’ (ср. «Przyślubiłeś mi na Wojciecha lichwe wupłacić» <Ты мне обещал в день св. Войцеха проценты заплатить>) имеют и свадебные значения: *ślubić kogo, ślubić się* ‘сочетаться браком’, *ślubiny* ‘помолвка’, *ślubowiny* ‘годовщина бракосочетания» [Karłowicz 5: 347–348]. В кашубском для *ślub* и его дериватов по существу фиксируются только свадебные (брачные) значения [Sychta 5: 77–78].

В лужицких языках семантика обещания, присяги свойственна не только приставочным образованиям, но и производящему бесприставочному глаголу **l'ubiti*: в.-луж. *lubić* 'клясться, обещать, присягать, давать надежду на что-л.', *lubićel*, *lubjak* 'тот, кто много обещает', *lubjeńca* 'бесконечные обещания' и т. п. [Zeman 1967: 203]; н.-луж. *lubiś*, *lubjowaś* 'свято обещать, дать слово' [Muка 1: 842]. Приставочные производные, сохраняя правовую семантику в качестве основной, имеют также и брачные значения: в.-луж. *slub* 1. 'обещание, обязательство', 2. 'клятва, обет', 3. 'обручение, помолвка'; *slubić* 'обещать, обзаться', *slubić so* 'обручиться, заключить помолвку'; *slubjena* 'невеста' [Zeman 1967: 424]; н.-луж. *zlub* 1. 'обещание, обет, союз', 2. 'сговор, помолвка, обручение'; *zlubjony* 'обещавшийся, обрученный' и т. п. [Muка 2: 1094].

В чешском и словацком языках **sl'ubъ* и его производные имеют исключительно «правовую» семантику обещания, обета, присяги и не развивают брачных значений: чеш. *slib* 'обещание', *slibiti* 'обещать', *slibně* 'многообещающе', *slibný* 'многообещающий', *slibovati* 'обещать, сулить' и т. п.; словац. *slub* 'обещание', *sľubiť* 'обещать', *sľubne* 'многообещающе', *sľubný* 'многообещающий', *sľubovať (si)* 'обещать друг другу' и т. п.

Из приведенных данных можно заключить не только то, что понятие обещания, клятвы, присяги, относящееся к правовой сфере, и понятие брака, бракосочетания, относящееся к свадебной сфере, устойчиво связаны в истории славянских языков, что эта связь обнаруживает себя в разных лексических единицах (здесь были рассмотрены гнезда **věra* и **sl'ubъ*), но и то, что семантическая реконструкция определенно указывает на вектор развития значений — от правового дискурса к свадебному. Ключевым моментом этого развития следует считать понятие «договор, союз, полюбовное соглашение» (откуда семантика обещания у лужицких глаголов, восходящих к **l'ubiti*). Это же исходное юридическое значение реконструирует для серб. **věra* на основе исторических документов Я. Гркович-Мейджор [Грковић-Мејџор 2016]. Наконец, оно представлено, хотя и не столь ярко, в истории польского *ślub* (см. выше). Это ключевое правовое понятие «договор»

естественным образом связано с понятием обещания, присяги, клятвы верности, скрепляющей договор. Далее — путем сужения денотативной области (любой договор → брачный договор) — это понятие закрепляется за сферой свадьбы и распространяется сначала на предшествующую бракосочетанию помолвку (ср. ее обозначения, отражающие ритуал заключения договора: рус. *сговор*, *уговор*, *договор* и т. п., серб. *уговор*, укр. *змовини*, польск. *zmówiny*, *zareczyny* и т. п. [Гура 2012: 388, 406–417]), а потом и на всю сферу брачного ритуала. В разных славянских языках семантическая деривация останавливается на разных вехах этого пути, чтобы продолжить развитие от достигнутой точки в каком-то своем направлении.

-III-

**ОТ ФОРМЫ К СМЫСЛУ.
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
И МОРФОНОЛОГИЯ**

ПРАСЛАВЯНСКИЕ ТИПЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ИХ ЛЕКСИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Сравнительные грамматики славянских языков и специальные труды, посвященные праславянскому глаголу [Stang 1942; Белић 1935; Леков 1934; Топоров 1961; Иванов 1981 и др.], реконструируют систему праславянского глагола на материале древнейших памятников письменности и на показательных примерах отдельных славянских языков, причем преимущественно в ретроспективном плане, по отношению к индоевропейскому состоянию. Появление общеславянских этимологических словарей [ЭССЯ; SP; Kopečný 1981], восстанавливающих праславянский лексический фонд в максимально возможном полном объеме применительно к определенному (позднему) состоянию праславянского языка, позволяет составить до определенной степени целостное представление о праславянском глаголе на основе если не полного, то во всяком случае значительного по объему лексического материала, не только и не столько ориентируясь на индоевропейское или балто-славянское прошлое, сколько двигаясь в «перспективном» направлении — с учетом последующего развития глагольной системы в отдельных славянских языках и диалектах. В данном случае нас будет интересовать л е к с и ч е с к а я п р о е к ц и я праславянской глагольной системы, т. е. отражение в глагольной лексике системных отношений праславянского глагола.

С лексико-словообразовательной точки зрения среди основного корпуса глаголов (глагольных лексем) выделяются первичные глаголы, непроеводные для праславянского уровня, или корневые: **bosti*, **klasti*, **nesti*, **viti*, **čuti* и т. д., и вторичные двух видов — производные от имен: **bělēti*, **běliti* < **běľь*, **lixovati* < **lixь*, **nagotovati* < **nagota*, **strašiti* < **straxь* и т. д. — и отглагольные, производные: от первичных глаголов: **bodati* < **bosti*, **padati* < **pasti*, **bodnŋti* < **bosti*, **badati*, **mignŋti* < **migati*, **nositi* < **nesti* и т. п. — и от вторичных глаголов: **lipnŋti*, *ľpnŋti* < **lipěti*, **lipati* < **ľpti* [ЭССЯ 15: 119], **nalivati* < **naliti* < **liti*, **nasilovati* < **nasiliti* < **siliti* < **sila* и т. п. Производные глаголы (как отыменные, так

и отглагольные) во многих случаях сохраняют отчетливую семантику и функцию (значения каузативности, инхоативности, дуративности, итеративности и др.) и потому могут рассматриваться как полноценные словообразовательные типы; некоторые из них сохраняют продуктивность в истории славянских языков вплоть до нашего времени. Таковы, например, глаголы на *-i* с семантикой каузатива, соотносительные с однокоренными ятевыми глаголами, имеющими стативное или процессуальное значение (ср. **černiti* и **černěti*), или однократные глаголы на *-ŋo* с инхоативным значением (ср. **kričati* и **krikŋoti*), имперфективные дериваты от перфективных глаголов: **pasti* — **padati*, **jъzbęgti* — *jъzbęgati*, **jъzбaviti* — **jъzбavjati*, **naduti* — **naduvati*, **kusiti* — **kušati*, **nastopiti* — **nastopati* и т. п., итеративные дериваты от глаголов разных семантических классов типа **-goditi* — **-gadjati*, **nalěpiti* — **nalěpjati* и т. п. Однако многие глагольные основы (особенно в отдельных славянских языках) остались вне этих продуктивных типов и утратили свою исходную семантическую функцию и связь с производящими именами или глаголами либо были втянуты в продуктивные типы глаголов с другими видами основ.

Тем не менее общая система отношений между разными типами праславянских глагольных основ выглядит достаточно стройной: большинство глаголов имеет свои однокоренные параллели в нескольких других глагольных классах, так что этимологическое гнездо, в которое входит глагол, оказывается оснащенный разными (иногда многими) типами основ. Примеры такой «многоосновности» можно в изобилии почерпнуть из этимологических словарей: **bęgti* — **bęgati* — **bęgnoti* — **bęžati*, **blazněti* — **blazniti* — **blaznovati*, **blęsti* — **blędati*, **čupati* — **čupiti* — **čupěti* — **čupŋoti*, **dvigti* — **dvigati* — **dvignoti* — **dvizati* — **dvižati* — **dvižiti*, **glęsti* — **ględati* — **ględěti* — **ględiti* — **ględnoti*, **goldati* — **golděti* — **golditi* — **goldovati*, **gorěti* — **goriti* — **gorati* — **gornoti*, **gosti* — **godati* — **goděti* — **goditi*, **gręzti* — **gręzati* — **gręziti* — **gręznoti*, **gybati* — **gyběti* — **gybiti* — **gybŋoti*, **jъzbęgti* — **jъzbęgati* — **jъzbęgnoti* — **jъzbęžati*, **kortati* — **kortěti* — **kortiti*, **krępiti* — **krępěti* — **krępnoti*,

**krivati (sę) — krivěti — *kriviti (sę) — *krivjati (sę), *kysati — *kysěti — *kysiti — *kysŋoti, *nastigti — *nastigati — *nastignoti, *legti — *legŋoti — *ležati — *lěgati, *sěsti — *sědati — *sěděti* и т. д. Это значит, что по существу мы имеем дело со своего рода парадигмой глагольных основ (в каждом отдельном случае более или менее полной), члены которой находятся между собой в отношении формальной и семантической производности. Теоретически от каждого первичного (корневого) глагола могут быть последовательно или параллельно образованы все типы основ, однако в действительности подобные парадигмы чаще всего неполны (или неравномерно заполнены): одни типы основ представлены массово, у многих глаголов, другие — только в некоторых гнездах. Так, во всяком случае, выглядит картина лексического распределения праславянских глагольных основ по данным общеславянских этимологических словарей.

Прежде чем обратиться к материалу, необходимо уточнить понятие глагольной основы. Принято говорить, что каждый праславянский глагол как единица лексической системы имеет две основы — презентную, от которой образуются личные формы настоящего времени, императива и причастий настоящего времени, и претеритную (или аористную, или основу инфинитива), от которой образуются все остальные формы глагола (личные формы аориста, имперфекта, инфинитива, причастий прошедшего времени). В дальнейшем нас будет интересовать не морфология глагола, а глагол как лексическая единица, поэтому мы будем исходить из «словарной» формы, т. е. инфинитива, но в случае неоднозначности инфинитивного исхода будем учитывать также презентные основы. Например, инфинитив на *-ati* может принадлежать как глаголам типа **pisati / pišŋ* (**a-основы**), так и глаголам типа **čitati / čitajŋ* (**aj-основы**) и **minovati / minujŋ*, **risovati / risujŋ* (**ov-uj-основы**), каждый из которых имеет не только свои формальные (морфологические) особенности в парадигмах спряжения, но и разные соотношения с основами других глагольных лексем своего гнезда. Так же приходится различать основы на *-ěti* типа **kupěti / kupl'ŋ* (**ě-основы**) и типа **bolěti / bolějŋ* (**ěj-основы**), основы на твердый сонорный типа **derti / dьrŋ*, **perti / pьrŋ*

(**R-основы**) и основы на мягкий сонорный типа **borti / bor'ɔ*, **kolti / kol'ɔ* (**R'-основы**), многочисленные основы на *-iti* типа **groziti / groʒɔ*, **prošiti / prošɔ* (**i-основы**) и основы глаголов на *-iti* типа **biti / bʲɔ*, **liti / lʲɔ* (**корневые основы**) и некоторые другие подгруппы внутри инфинитивных основ одного вида¹. Между разными типами глагольных основ существуют более или менее регулярные деривационные отношения.

1. Начнем с первичных глаголов «**корневого**» типа, с атематической инфинитивной основой (имеющих в презенсе тематический гласный *e*).

1.1. К ним относятся прежде всего глаголы с консонантной основой (**C-основы**), т. е. глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на согласный плюс *-ti*: **bagti*, **bergti*, **bēgti*, **blēsti*, **bl'usti*, **bosti*, **brestī*, **čēkti*, **čerti*, **čersti*, **čīsti / čʲtɔ*, **čʲlpti*, **čʲrsti / čʲrtɔ*, **delbti*, **depsti*, **dvigti*, **gosti*, **gnesti*, **grebti*, **grēsti / grēdɔ*, **grēzti*, **gryzti*, **krasti*, **kvisti*, **legti*, **lēkti*, **lēzti*, **melzti*, **mesti*, **mogti*, **nesti*, **pasti / padɔ*, **pasti / pasɔ*, **pekti*, **plesti*, **pʲlzti*, **rekti*, **stigti*, **tekti*, **vesti*, **vezti*, **vęzti*, **zēbsti*² и др.

Эти глаголы стоят первыми, исходными в деривационной цепочке праславянских глагольных основ. Они, как правило, не имеют производящих в рамках праславянского, но многие из них находят прямое соответствие за его пределами, прежде всего в балтийских и германских языках. С другой стороны, они могут быть производящими для многих других типов основ — **aj-основ**: **čʲsti > *čʲitati*, **bosti > *bodati*, **pasti > *padati*, **bēgti > *bēgati*³, **dvigti > *dvigati*, **sēsti > *sēdati*,

1 ЭССЯ в глагольных статьях не указывает презентных форм, а имеющийся материал не всегда позволяет их восстановить и тем самым определить тип основы. В отличие от него SP последовательно указывает презентные формы, что позволяет однозначно определить тип основы, однако в некоторых случаях неочевидны основания для их реконструкции (как по причине неизбежной неполноты материала, так и по причине позднейшего взаимовлияния и смешения основ разного типа).

2 Ср. рус. диал. *зѣбти*, *зѣбу*, *зѣбѣшь* 'мерзнуть, зѣбнуть' [СРНГ 12: 49].

3 Ср. мнение О. Н. Трубачева о соотношении форм **bēgti* и **bēgati*: «Несмотря на то что здесь представлено несколько случаев совершенно

grebti* > **grebati* / **grēbati*; **ě-основ: **sěsti* > **sěděti*, ***glęsti* > **ględěti*, **gōsti* > **gōděti*; **i-основ**: **nesti* > **nositi*, **vezti* > **voziti*, **klasi* > **kladiti*, **lezti* > **laziti*, **sěsti* > **saditi*, **pъlzi* > **polziti se*, **borti se* > **boriti se*, **dъlbtі* > **dъlbiti*; **nq-основ**: **zēbsti* > **zēbnōti*, **gręzti* > **gręznōti*, **bosti* > **bodnōti*, **kvisti* > **kvitnōti*, **lēgti* > **lēgnōti*. При этом семантика тематических дериватов атематических основ и их оппозиция исходным глаголам не вполне четкая: иногда производящий и производный глаголы почти не отличаются по значению, следовательно, тематическое оформление служит лишь большей формальной «выразительности» и подключению к более регулярному классу: **bosti* — **bodati*, **dъlbtі* — **dъlbiti*, **gōsti* — **gōděti*, **gręzti* — **gręznōti* (ср. рус. *стыть* и *стынуть*, *избежать* и *избегнуть*, *достичь* и *достигнуть* и т. п.)⁴, тогда как в других случаях дериват получает новое аспектуальное (акциональное) значение — разнонаправленного или повторяющегося действия (**vezti* — **voziti*) или однократного действия (**bosti* — **bodnōti*).

Как видим, в перечне производных от корневых основ отсутствуют *a*-основы и *ěj*-основы. Для глаголов с *a*-основой объяснение состоит в том, что они наравне с корневыми глаголами чаще всего выступают как первичные, непродуцированные для праславянского состояния и сами служат производящими для других типов (подробнее см. ниже).

очевидной вторичной репродукции <...> праславянской модели **bęg-ti* в новых условиях <...> а также несмотря на то обстоятельство, что **bęg'ti* охватывает меньшее сравнительно с **bęgati*, **bęžati* число славянских языков, следует именно форму **bęg'ti* считать основной и наиболее древней формой этого глагольного гнезда. Об этом говорят такие внутриславянские данные, как тенденция к имперфективности (и в целом — к развитию видовых отношений) славянских глагольных основ, причем выразителем дуративно-итеративного значения стало именно новообразование **bęgati*; далее о том же свидетельствует типологическое сравнение атематического (и следовательно — древнего) **bęg-ti* и тематизированного **bęgati* (инновация)» [ЭССЯ 2: 59].

4 Семантический параллелизм корневых атематических глаголов и глаголов на *-nq* облегчается формальным совпадением их парадигм при усечении *nq* (ср. рус. *достиг* — и от *достичь*, и от *достигнуть*).

Тем не менее следы былой связи *a*-основ (и других тематических основ) с корневыми глаголами в некоторых случаях реконструируются на основе косвенных свидетельств — данных внешнего сравнения, внутренних системных отношений или каких-то «аномалий» формального характера. Так, в [ЭССЯ 4: 86] реконструируется глагол с консонантной основой ***česti* (к **česati*), сопоставимый с лит. *kàstu, kasù* ‘рыть’ и поддерживаемый другими деривативными парами той же модели, например **čisti* — **čitati*. Несколько глаголов, для которых не засвидетельствованы производящие корневые глаголы, тем не менее в отдельных своих формах указывают на возможность своего происхождения от них. Таковы реликтовые формы страдательных причастий настоящего времени (впоследствии превратившиеся в прилагательные): **olkomъ* (рус. *лакомый*), соотносимое с **olkati*, **vědomъ* (рус. *неведомый*, польск. *wiadomy*), соотносимое с **vědati*, которые, однако, закономерны только для незасвидетельствованных корневых глаголов ***olkti*, ***věsti* [ср.: Фасмер 2: 453; Vaillant 3: 115–116]. По образцу корневых глаголов образованы также рус. *искомый* от **jьskati*, польск. *nie-widomy* ‘слепой’ от **viděti* (при «правильном» рус. *видимый*)⁵, ср. «правильное» причастие *rzekomu* от корневого глагола **rekti*. Вероятно, к этому ряду можно было бы добавить причастие **pitomъ* (ср. рус. *питомец, питомник*), соотносимое с глаголом

5 Недавно А. А. Гиппиус обратил внимание на древнерусские формы причастий наст. вр. *видучи, завидуочи* в надписи-граффито XII в. из новгородского Софийского собора, которые он истолковал как формы глагола *видѣти*, образованные по атематическому типу, и указал на аналогичные формы в новгородских грамотах и в летописях, а также в чешском языке [Гиппиус 2017]. К этому можно добавить, что подобные формы от не засвидетельствованной в свободном употреблении атематической основы хорошо известны в русских говорах: арх. *видущей* ‘представительный, породный’, *видомость* ‘возможность видеть’, *видость* ‘зрительный опыт, увиденное воочию’ [АОС 4: 93], пск. *видущий, видучий* ‘обладающий зрением, зрячий’ и ‘видный, заметный’ [ПОС 4: 13], забайк. *видущий* ‘обладающий зрением’: «Он тёмный, а мы видущие» [СГСЗ: 78], влад. *завидуущий* ‘привлекательный’: *Завидуущи семяны в поле — горох да репа, в народе — вдова да девка* (пословица), *завидость* арх., яросл., костр., волог., сиб., алт. ‘зависть’, смол. ‘жадность’ [СРНГ 9: 315].

pitati*, но формально восходящее к незасвидетельствованному атематическому *pisti (pit-ti)*. Глагол **orati* ‘пахать’ имеет в славянских языках двойкие формы — по типу *a*-основ (**orati, or’o*) и по типу атематических основ (**orati, orq*), ср. рус. диал. *Дураков не сеяют, не орют, они сами родятся* и «Пашут плугом, а орут оралкой» [СРНГ 23: 329]⁶, чеш. *orat, oru* при словац. *orať, orie* и т. п., что дает основание этимологам реконструировать незасвидетельствованную праславянскую основу ***orti*, находящую соответствие в лит. *árti* [см.: Borys 2005: 394; ЭССЯ 32: 106–110].

Аномальная парадигма русских *i*-глаголов *ошибиться, ушибиться (ошибётся, ушибётся, ошибся, ушибся)* указывает на исходный глагол с консонантной основой ***šibti*, для которого такие личные формы были бы стандартны. В ряде случаев корневые глаголы с консонантной основой, утраченные в литературном языке, сохраняются в диалектах, например, в русских диалектах отмечены *бечь, бечи, бегти, бегчи, густы, ревити* и т. п.; о закономерности последних двух форм свидетельствуют «аномальные» личные формы: *гудёт* («Идёт-гудёт зеленый шум») — форма, закономерная для атематического глагола, но не для ятевого глагола *гудеть* (ср. *свистеть — свистит*); ср. также формы *ревёт, ревут*, невозможные для ятевого глагола *реветь* (должно быть **ревит, *ревят*) и т. п. [см.: Толстая 2006а; наст. изд., с. 321–323]. При этом не исключено, что некоторые из подобных форм могли возникать вторично, по образцу других атематических глаголов с консонантной основой, но и в этом случае они лишь подтверждают устойчивость праславянской модели⁷.

Что касается отсутствия *ěj*-глаголов среди дериватов от атематических основ, то это объясняется тем, что они, как правило,

6 Оманимичный глагол **orati* ‘кричать’, который ЭССЯ тоже относит к праславянскому фонду, образует личные формы и причастия наст. вр. по образцу атематических глаголов (*ору, орут, орущий*).

7 А. Мейе среди глагольных форм, восходящих к атематическому типу основ, указывает, помимо причастий *лакомь* и *видомь*, еще старославянское причастие *горжще*, чеш. *horoucí*, польск. *gorący* [Мейе 2011: 164].

имеют в качестве производящих не глаголы, а имена. В отличие от них среди *i*-глаголов, которые тоже в большинстве случаев производны от имен, некоторые могут соотноситься с корневыми глаголами, когда они связаны с семантикой многократности или разнонаправленности действия: **nesti* > **nositi*, **vesti* > **voditi*, **vezti* > **voziti* и т. п.

В качестве первичного глагола консонантные основы могут иметь дублетные образования с *nɔ*-основой: **bagti* — **bagnɔti*, **dvigti* — **dvignɔti*, **kvisti* — **kvitnɔti*, **zɛbsti* — **zɛbnɔti* и т. п.

В семантическом плане тематические дериваты корневых глаголов по-разному соотносятся со своими производящими: *aj*-основы, когда они образуются от перфективных консонантных основ, получают имперфективное значение (**pasti* — **padati*), когда они образуются от имперфективных основ — итеративное значение; дериваты с *i*-основами имеют имперфективное или итеративное значение (**vezti* — **voziti*); дериваты с *nɔ*-основами регулярно получают инхоативное значение; тогда как в остальных случаях (дериваты с *ě*-основами и *i*-основами) семантические отношения между производящими и производными не столь регулярны; в некоторых парах производные почти синонимичны производящим основам, ср. **gɔsti* — **gɔdĕti*, **borti sɛ* — **boriti sɛ*, **dʌlbtɪ* — **dʌlbɪti*, почему впоследствии один из членов таких пар утрачивался или отеснялся на периферию (в просторечие, диалекты и т. п.) [см.: Толстая 2006а; наст. изд., с. 319–328].

1.2. Корневые глаголы с основой **на сонорный** представлены в праславянском двумя вариантами — твердым в презенсе (**derti* / *dʌrɔ*, **merti* (**mьrti*) / *mьrɔ*, **perti* / *pьrɔ*, **terti* / *tьrɔ*, **verti* / *vьrɔ*, **žerti* / *žьrɔ*) или мягким в презенсе (**borti* / *bor'ɔ*, **kolti* / *kol'ɔ*, **melti* / *mel'ɔ*, **porti* / *por'ɔ*). Первые из них, как уже упоминалось, имеют дублетные инфинитивы на *-ati* (**derti* — **dʌrati*, **perti* — **pьrati*) и соотносятся с *aj*-основами, которые с помощью префиксации превращают их в имперфективы-итеративы (**-dirati*, **-mirati*, **-pirati*, **-tirati*, **-virati*, **-žirati*). Глагол **bьrati* / *berɔ* с твердым сонантом в исходе основы имеет аномальный для этого типа основ инфинитив на *-ati* и образует стандартный имперфектив *-birati*; в отличие

от **dъrati* у него нет консонантного варианта инфинитивной основы. Вторые образуют презентные формы по образцу *a*-основ (ср. рус. *колю, колющий* аналогично *пишу, пишущий*).

Корневые глаголы с носовыми гласными в основе инфинитива и сонорными в презентной основе: **dъti / dъmъ*, **-čъti / -čъnъ*, **-jъti / -jъmъ*, **klъti / klъnъ*, **mъti / mъnъ*, **pъti / pъnъ*, **žъti / žъmъ*, **žъti / žъnъ* — образуют имперфективы на *-ati* с *aj*-основой: **-dъmati*, **-čъnati*, **-klinati*, **-minati*, **-pinati*, **-žъmati*, **-žъnati*.

1.3. Корневые глаголы с **вокалической основой** инфинитива и йотовой основой презенса: **biti*, **briti*, **cati*, **čuti*, **duti*, **gniti*, **grěti*, **kryti*, **liti*, **myti*, **nyti*, **pěti*, **piti*, **ryti*, **směti*, **spěti*, **šyti*, **tyti*, **viti*, **znati*, **žiti* и т. п. — в качестве производных имеют, по существу, только имперфективы с суффиксом **-vati / -vajъ*, присоединяемым непосредственно к корневому гласному: **-bivati*, **-brivati*, **-čъvati*, **-duvati*, **-gnivati*, **-grěvati*, **-kryvati*, **-livati*, **-myvati*, **-nyvati*, **-pěvati*, **-pivati*, **-ryvati*, **-spěvati*, **-vivati*, **-znavati*, **-žъvati*.

1.4. К корневым глаголам по существу относятся также несколько глаголов на *-ati*, имеющие аналогичную презентную парадигму: **bъrati / berъ*, *bereši*, **dъrati / derъ*, *dereši*, **pъrati / perъ*, *pereši*, аналогично **gъnati / ženъ*, **lъgati / lъgъ*, **sъsati / sъsъ*, **sъrati / serъ*, **tъkati / tъkъ*, **zъvati / zovъ*, **žъdati / žъdъ*, **žъrati / žerъ*. В некоторых случаях они имеют параллельные формы с консонантной основой, например **derti* — **dъrati*, **žerti* — **žъrati*, однако между ними не устанавливается отношение производности и обе они выступают как первичные основы, ср. мнение О. Н. Трубачева, согласно которому глагол **dъrati* «едва ли имеет смысл воспринимать как некую тематизацию в славянском духе, скорее мы имеем здесь использование аористической основы и.-е. **drā-*» [ЭССЯ 5: 218]⁸.

8 Однако в случае имперфектива **-dirati* (от **derti / *dъrati*) мы имеем дело именно с тематизацией консонантной основы как средством основообразования, когда эта тематизация приводит к образованию основы другого типа (*aj*-основы).

Таким образом, из корневых глаголов наиболее продуктивными в системе праславянского глагольного основообразования оказываются глаголы с консонантной основой (С-глаголы), могущие служить производящими практически для всех других видов основ. Вместе с тем архаичностью этого типа объясняется утрата многих конкретных консонантных основ или их замена «ближайшими» производными — с *a*-основами (***orti* > **orati*, *or'ǫ*, ***česti* > **česati*, *češǫ*), *aj*-основами (***olkti* > **olkati*) или *nǫ*-основами (**bagti* > **bagnǫti*, **dvigti* > **dvignǫti*, **vęzti* > **vęznǫti*), что не исключает возможности вторичного образования глаголов этого типа, не засвидетельствованных в праславянском, в отдельных славянских языках (ср. рус. диал. арх. *грабти*, *прозобти*, *сонти* и т. п.).

2. Глаголы с *a*-основой, оканчивающиеся в инфинитиве на *-ati* и имеющие в презенсе тематический гласный *e*⁹ с йотацией конечного согласного основы (**pisati* — *pišǫ*, *pišetъ*, **plakati* — *plačǫ*, *plačetъ*), как уже было сказано, в большинстве случаев наряду с корневыми основами возглавляют деривативную цепочку глагольных основ и служат производящими для многих других типов основ, при этом для некоторых из них известны или реконструируются производящие корневые инфинитивы, т. е. сами они являются производными (вторичными).

Они выступают в основном в качестве первичных глаголов и во многих случаях имеют соответствия в других индоевропейских языках (или только в балтийских): **batati*, **čapati*, **čepati*, **česati*, **čipati*, **depъsati*, **divati* (*div'ǫ*), **drěmati*, **dristati*, **dvoxati*, **glamati*, **glodati*, **gvizdati*, **jachati*, **jъskati*, **kļepati*, **klikati*, **kolěbati*, **kresati*, **kazati*, **lizati*, **maxati*, **mazati*, **metati*, **olkati*, **orati*, **pisati* (**pъsati*), **plakati*, **plęsati*, **rězati*, **skakati*, **sypati*, **sъlati*, **stъlati*, **ščipati*, **svistati*, **tesati*, **trepati*, **trepetati*, **tykati* и т. п. Сюда же относятся глаголы с йотовым исходом корня: **bajati*, **brujati*, **smějati*

9 Три глагола на *-ati* аномально имеют в презенсе тематический гласный *i*: **sъpati* — *sъpjo*, *sъpitiъ*, **sъcati* — *sъčitiъ*, **bojati sę* — *bojiti sę*.

se и т. п. Будучи мало продуктивными и сравнительно немногочисленными, *a*-основы тем не менее хорошо сохранились в большинстве славянских языков.

В качестве вторичных *a*-основы могут быть дериватами *C*-основ: **jьmati* < **jęti*, **čitati* < **čisti*, **vežati* < **vežti*, для некоторых из них с разной степенью убедительности реконструируются незасвидетельствованные корневые основы (см. выше). Единственно, где *a*-основы обнаружили продуктивность, — это звукоподражательные и экспрессивные глаголы: **babrati*, **balamōtiti*, **blebetati*, **blemotati*, **blykati*, **bolbotati*, **bōbotati*, **brechati*, **brekati*, **brękotati*, **brьsati*, **брьmotati*, **buchati*, **бьblati*, **drebьtati*, **druzgotati*, **дьpotati*, **ękotati*, **gogotati*, **golgolati*, **gromotati*, **ščebetati*, **шьрьtati* и т. д. В отыменной деривации *a*-основы практически не участвуют.

Наиболее тесно *a*-основы связаны с *aj*-основами и во многих случаях составляют с ними параллельные образования (особенно в звукоподражательных и экспрессивных глаголах): **bekati* — *bečq* и *bekajq*, **brьsati* — *brьšq* и *brьsajq*, **brękotati* — *brękočq* и *brękotajq*, **bręzгati* — *bręždžq* и *bręzгajq*, **brukati* — *bručq* и *brukajq*, **bukati* — *bučq* и *bukajq*, **cipati* — *cip'q* и *cipajq*, **drapati* — *drap'q* и *drapajq*, **duxati* — *dušq* и *duxajq*, **дьрьtati* — *дьрьčq* и *дьрьtajq*, **gasati* — *gašq* и *gasajq*, **globati* — *glob'q* и *globajq*, **гьтьzati* — *гьтьžq* и *гьтьzajq*, **klokotati* — *klokočq* и *klokotajq* и т. д. Семантически они оказываются тождественными, и можно сказать, что *aj*-основы при своей явной продуктивности (в том числе за счет вторичной имперфективации) замещают непродуктивный тип *a*-основ, принимая на себя обобщающую (не специализированную) акциональную семантику глагола. Эта тесная взаимосвязь двух типов глагольных основ дает о себе знать до сих пор: ср. колебания в русских парах *махая* (*aj*-основа) и *машу* (*a*-основа), *метаю* и *мечу*, *пахая* и *пашу* и т. п.

Для отдельных *a*-глаголов отмечается семантический параллелизм с *i*-глаголами и *ě*-глаголами: **batati* — **batiti*, **gamati* — **gaměti* — **gamiti*, **golgolati* — **golgolěti* — **golgoliti*, **gogьnati* — **gogьniti*, **gorati* — **gorěti*, **гьмzati* — **гьмzěti* — **гьмziti*, **kresati* — **kresiti*, **krěvati* — **krěviti*.

В некоторых случаях глаголы с *a*-основами выполняют роль имперфективов-итеративов по отношению к *no*-основам: **bekati* — **beknoṭi*, **blyxati* — **blyxnoṭi*, **br̥sati* — **br̥snoṭi*, **carati* — **carnoṭi*, **čapati* — **čarnoṭi*, **čepati* — **čepnoṭi*, **česati* — **česnoṭi*, **čupati* — **čupnoṭi*, **dr̥mati* — **dr̥mnoṭi* и т. д., однако маркированными (и, следовательно, производными) здесь выступают вторые члены указанных пар с инхоятивным значением.

3. Глаголы с *ě*-основой, оканчивающиеся в инфинитиве на *-ěti* и имеющие в презенсе тематический гласный *i* (**b̥děti*, **bolěti* (**bolit̥*), **gorěti*, **gōděti*, **gr̥mět̥i*, **kypět̥i*, **letět̥i*, **polět̥i*, **sědět̥i*, **sv̥rbět̥i*, **tyrpět̥i*, **velět̥i*, **vidět̥i*, **visět̥i*, **v̥rtět̥i*, **zv̥nět̥i*), подобно многим *a*-глаголам, относятся к первичному глагольному фонду и обычно находят соответствие в балтийских языках. Они еще малочисленнее, чем *a*-глаголы, и лишь единичные из них могут считаться производными, вторичными по отношению к корневым глаголам, ср. **běžati* (**bėgět̥i*) < **bėgti*, **gōdět̥i* < **gōsti*, **sědět̥i* < **sěsti*. Формы презенса *ě*-основ совпадают с презентной парадигмой *i*-основ, поэтому уже в праславянском эти два типа могли быть параллельными и семантически эквивалентными, ср. **čadět̥i* — **čaditi*, **čytět̥i* — **čyiti*, **d̥r̥žati* (< **d̥rgět̥i*) — **d̥r̥žiti*, **gomět̥i* — **gomiti*, **gomonět̥i* — **gomoniti* (оба < **gomon̥*), **gōdět̥i* — **gōditi*, **gymět̥i* — **gymiti* и т. п.¹⁰ С другой стороны, некоторые из них имеют параллельные *aj*-основы: **gl̥dět̥i* — **gl̥dati*, **letět̥i* — **letati*, **sědět̥i* — **sědati*, **skripět̥i* — **skripati*, **svistět̥i* — **svistati*, **vidět̥i* — **vidati*.

К этому типу основ относятся также глаголы на *-ati* (< *-ěti*) с шипящими (исторически заднеязычными) в исходе основы: **d̥r̥žati* (< **d̥rgět̥i*) — *d̥r̥žit̥ь*, **bažati* — *bažit̥ь*, **běžati* — *běžit̥ь*, **čurčati* — *čurčit̥ь*, **dyšati* — *dyžit̥ь*, **ležati* — *ležit̥ь*, **slyšati* — *slyžit̥ь*, **gorčati* — *gorčit̥ь* (< **gorč̥k̥*).

¹⁰ Ср. у Мандельштама: «А ведь раньше лучше было, / И, пожалуй, не сравнишь, / Как ты прежде *шелестила*, / Кровь, как нынче *шелестишь*». Первая из выделенных мной глагольных форм построена по типу *i*-основ, вторая нормальна как для *i*-основы, так и для *ě*-основы, к которой в литературном языке принадлежит глагол *шелестеть* (форма прош. вр. *шелестела*).

4. Глаголы с *aj*-основой, оканчивающиеся в инфинитиве на *-ati* и имеющие в презенсе тематический гласный *e* (**čitati* — *čitajo*, *čitajetъ*, **padati* — *padajo*, *padajetъ*), составляют, вероятно, самый многочисленный класс, получивший продуктивность уже в праславянском благодаря своей роли в системе видообразования (имперфективации). Среди них сравнительно мало первичных глаголов: **jbgrati*, **xvatati*, **kosati*, **laskati*, **motati*, **pleskati*, **pytati* и некоторые другие. Вторичность, производность характеризует даже самые старые глаголы этого типа, которые оказываются либо отыменными дериватами (**čьrtati* < **čьrta*, **dělati* < **dělo*, **dolati* < **dola*), либо дериватами с итеративно-дуративным или имперфективным значением от глаголов с разным видом основы, в том числе от корневых (**badati* < **bosti*, **barati* < **borti*, **běgati* < **běgti*, **birati* < **брьати*, **bivati* < **biti*, **čitati* < **čisti*, **děbati* < **debsti*, **dirati* < **derti*, **-gnětati* < **gnesti*, **grěbati* < **grebti*, **-kupati* < **kupiti*, **klikati* < **klikti*, **legati* < **legti*, **-magati* < **mogti*, **načinati* < **načeti*, **pinati* < **pęti*, **-rěkati* < **rekti*, **-tręsati* < **tręsti*, **-tinati* < **tęti*, **kryvati* < **kryti*, **-myvati* < **myti*, **-žimati* < **žęti*), *ě*-глаголов (**bydati* < **бьдęti*, **-gorati* < **goręti*, **-kipati* < **kipęti*, **-zirati* < **зьрęti*), *i*-глаголов (**dobavjati* < **dobaviti*, **doxadjati* < **doxoditi*, **dogon'ati* < **dogoniti*, **gadjati* < **goditi*, **glušati* < **glušiti*, **gnušati* < **gnušiti*, **-grožati* < **groziti*, **končati* < **končiti*, **-lěp(j)ati* < **lěpiti*, **naučati* < **naučiti*), *nę*-глаголов (**-čezati* < **čeznęti*, **dostigati* < **dostignęti*, **drъgati* < **drъgnęti*, **ględati* < **ględnęti*, **-lipati* < **lipnęti*, **-mekati* < **meknęti*, **-visati* < **visnęti*, **-vykati* < **vyknęti*).

К этому же типу основ относятся глаголы на *-vati*, разделяющиеся на две морфонологические группы: глаголы на *-ovati* (*-evati* / *-ьvati*), преобразующие в презенсе *ov* (*ev*, *ьv*) в *uj* (**blъvati* / *bl'uję*, **radovati sę* / *raduję sę*), и имперфективы-итеративы на *-ivati* (*-yvati*), не отличающиеся от «стандартных» *aj*-глаголов. Глаголы первой группы представляют собой либо первичные глагольные типы: **blъvati*, **klъvati*, либо вторичные — отыменные дериваты (**bičevati* < **bičъ*, **čęlovati* < **čęль*, **čarovati* < **čаръ*, **čьstovati* < **čьstъ*, **darovati* < **darъ*, **dędovati* < **dęдъ*, **dęverovati* < **dęverъ*, **dęvovati* < **dęva*, **dıvovati* < **dıvъ*, **dobrovati* < **dobrъ*, **domovati* < **domъ*, **gadovati* < **gadъ*, **gostevati* <

gostь*, **mozgovati* < **mozgь*, **milovati* < **milь*, **radovati se* < **radь* и т. п.) или отглагольные дериваты: **dodavati* < **dodati*, **-kameněvati* < **kameněti*, **-livati* < **liti*, **nasilovati* < **nasiliti*. Глаголы второго типа регулярно соотносятся с несколькими видами производящих основ: *a*-основ (dokazyvati* < **dokazati*), *aj*-основ (**čityvati* < **čitati*, **-xvatyvati* < **xvatati* и т. п.), *i*-основ (**-xvalivati* < **xvaliti*, **-manivati* < **maniti*) и др.

В своем общем значении, не маркированном с точки зрения аспектуальности (акциональности), *aj*-глаголы нередко обнаруживают параллелизм с другими типами основ: *i*-глаголами, *ěj*-глаголами, *ě*-глаголами, *nɔ*-глаголами: **apati* — **apěti* — **apiti*, **avati* — **aviti*, **bajati* — **bajiti*, **běsedovati* — **běsediti*, **botati* — **botiti*, **bratati* — **bratiti*, **brъzati* — **brъziti*, **capati* — **capiti*, **dryxati* — **dryxŋoti*, **xvatati* — **xvatiti*, **gabati* — **gabiti*, **gan'ati* — **goniti*, **glědati* — **glěděti*, **glōbati* — **glōbiti*, **glъzdati* — **glъzděti* — **glъzditi*, **gnětati* — **gnětiti*, **gněvati* — **gněviti*, **goldati* — **golděti* — **golditi* — **goldovati* (< **goldь*), **gotovati* — **gotoviti*, **grabati* — **grabiti*, **grakati* — **gračiti*, **grudati* — **gruditi* — **gruděti*, **gubati* — **gubŋoti*, **gvarati* — **gvariti*, **gybati* — **gyběti* — **gybŋoti*, **гъмъzati* — **гъмъziti* — **гъмъzěti*, **kapati* — **kapiti*, **katati* — **kotiti*, **klopati* — **klopiti*, **kortati* — **kortěti* — **kortiti* (< **kortь*), **kysati* — **kysěti*, **lazati* — **laziti*, **lomati* — **lomiti* и т. п.

5. Праславянские глаголы с **ěj-основой**, оканчивающиеся в инфинитиве на *-ěti* и имеющие в презенсе тематический гласный *e* (**bělěti* — *bělějɔ*, **bolěti* — *bolějɔ*, **gověti* — *govějɔ*, **jьměti* — *jьmějɔ*, **odolěti* — *odolějɔ*, **uměti* — *umějɔ*, **zъrěti* — *zъrějety*), обнаруживают продуктивность главным образом в сфере отыменной деривации, где они выступают в паре с *i*-глаголами. Эти два типа основ составляют семантическую оппозицию по признаку стативности, состояния ('быть, выглядеть, становиться каким-л., чем-л., кем-л.') и каузативности ('делать каким-л., чем-л., кем-л.'): **bělěti* — **běliti* (< **bělь*), **bermeněti* — **bermeniti* (< **bermę*), **blazněti* — **blazniti* (< **blaznь*), **bogatěti* — **bogatiti* (< **bogatь*), **cělěti* — **cěliti* (< **cělь*), **čěrněti* — **černiti* (< **černь*), **čъrstvěti* — **čъrstviti* (< **čъrstvь*),

**debelēti* — **debeliti* (< **debelъ*), **dobrēti* — **dobriti* (< **dobrъ*), **durēti* — **duriti* (< **durъ*), **ędrēti* — **ędriti* (< **ędro*), **gladēti* — **gladiti* (< **gladъ*), **glupēti* — **glupiti* (< **glupъ*), **gōstēti* — **gōstiti* (< **gōstъ*), **korenēti* — **koreniti* (< **korenъ*), **korēti* — **koriti* (< **kora*), **krasēti* — **krasiti* (< **krasa*), **kurēti* — **kuriti* (< **kurъ*), **mokrēti* — **mokriti* (< **mokrъ*) и т. п. Понимается, существуют и непарные дериваты этих типов, ср. **blēdēti* (< **blēdъ*), **bolēti* (< **bolъ*), **cępēnēti* (< **cępēnъ*) с *ęj*-основой, с одной стороны, и **bagriti* (< **bagrъ*), **babiti* (< **baba*), **blazniti* (< **blaznъ*), **bliziti*, **bliziti* (< **blizъ*), **bočiti* (< **bokъ*), **bolžiti* (< **bolgъ*), **cēniti* (< **cēna*) с *i*-основой — с другой.

6. Глаголы с *i*-основой, оканчивающиеся в инфинитиве на *-iti* и имеющие в презенсе тематический гласный *i*, отличаются высокой продуктивностью. Об их активности в сфере отыменной деривации было сказано выше. К приведенному перечню можно добавить имперфективы: **besēditi* < **besēda*, **bēditi* < **bēda*, **blōditi* < **blōdъ*, **borniti* < **borna*, **bъdriti* < **bъdrъ*, **čistiti* < **čistъ*, **diviti* < **divo*, **dostatčiti* < **dostatčкъ*, **doržiti* < **dorgъ*, **drōčiti* < **drōкъ*, **družiti* < **drugъ*, **ętriti* < **ętro*, **ěžviti* < **ěžva*, **gatiti* < **gatъ*, **gněviti* < **gněvъ*, **gnězditi* < **gnězdo*, **gnojiti* < **gnojъ*, **goliti* < **golъ*, **golsiti* < **golsъ*, **gorditi* < **gordъ*, **graniti* < **grana*, **grěšiti* < **grěхъ*, **gromiti* < **gromъ*, **groziti* < **groza*, **grustiti* < **grustъ*, **gvozditi* < **gvozdъ* и еще немалое число отыменных дериватов. Им соответствуют регулярные префиксальные перфективы: **naučiti*, **poraziti*, **zasloniti* и т. п. Лишь немногие *i*-глаголы выражают перфективность в своем исходном, бесприставочном виде: **aviti*, **kupiti*, **pustiti*, **rešiti*, **skočiti*, **stōpiti*, **vortiti*; несколько глаголов являются двувидовыми: **raniti*, **rešiti*.

Другой областью активности *i*-основ является образование каузативных глаголов — как от имен, так и от глаголов: **baviti*, **buditi*, **daviti*, **děliti*, **drobiti*, **gasiti*, **goniti*, **grōziti*, **gubiti*, **kaditi*, **kropiti*, **lěpiti*, **lomiti*, **loviti*, **ložiti*, **lupiti*, **maniti*, **močiti*, **moriti*, **pojiti*, **raniti*, **rušiti*, **saditi*, **točiti*, **učiti* и т. д. Ряд старых имперфективов этого типа относится к древнейшему глагольному фонду и имеет соответствия в других

индоевропейских языках: **blōditi*, **broditi*, **činiti*, **grabiti*, **groziti*, **xvaliti*, **xoditi*, **kropiti*, **mēsiti*, **prositi*, **orbiti*, **slēditi*, **svētiti*, **služiti*, **tratiti*, **tvoriti* и др. В этой функции *i*-основы количественно значительно превышают другие типы основ. По типу *i*-основ образуются также многочисленные звукоподражательные и экспрессивные глаголы: **bolboliti*, **bolbositi*, **bъrboriti*, **bъrbositi*, **buniti*, **bušiti*, **glomoziti*, **gomoniti* и т. п.

Еще одна, исторически древнейшая и узкая, сфера присутствия этого типа основ — производные от корневых глаголов с разными аспектуальными оттенками значения — итеративности, недетерминативности и др.: **bl'uditi* < **bl'usti*, **broditi* < **bresti*, **gnětiti* < **gnesti*, **laziti* < **lěsti*, **nositi* < **nesti*, **otvoriti* < **otverti*, **voditi* < **vesti*, **voziti* < **vezti*.

Имперфективы и итеративы от самих *i*-глаголов образуются двойным способом — с суффиксом *-a* (йотирующим) по типу *aj*-основ (**lěpiti* > **lěpljati*, **saditi* > **sažati*) и с суффиксом *-yval-iva* (**maniti* > **-manivati*, **nositi* > **-našivati*). Принцип выбора из этих двух моделей не до конца ясен, во многих случаях от одного и того же глагола возможны оба типа дериватов (**prositi* > **-prošati* и **-prašivati*; **saditi* > **sažati* и **-saživati*)¹¹.

7. Глаголы с *nŕ*-основой, оканчивающиеся в инфинитиве на *-nŕti* и имеющие в презенсе тематический гласный *e*, составляют значительную по числу группу глаголов в праславянском и сохраняют продуктивность в истории отдельных славянских языков (вплоть до наших дней). Они являются прежде всего вторичными глаголами (за редкими исключениями, например **gasnŕti*¹²), дериватами

11 Для русского языка, во многом сохраняющего праславянскую модель имперфективации, правила выбора модели, как недавно установил А. А. Зализняк, определяются в подавляющем числе случаев акцентологическими характеристиками глагола (местом ударения в страдательном причастии прош. вр.) [см.: Зализняк 2016].

12 В [ЭССЯ 6: 104–105] этот глагол признается первичным, продолжающим индоевропейскую форму с *ne-*, тогда как в [SP 7: 59] он трактуется как инхоатив к **gasiti*. В пользу первой трактовки говорит то, что **gasiti* имеет явное каузативное значение ('делать так, чтобы нечто погасло').

с более или менее отчетливым инхоативным значением, и тем самым принадлежат системе видообразования, производя перфективы от разных типов основ (кроме *i*-основ) — корневых (**bodnŋti* < **bosti*, **sęgnŋti* < **-sęgti*, **dvignŋti* < **dvigti*, **legnŋti* < **legti* и т. п.), *a*-основ (**l̥znŋti* < **l̥zati*, **maxnŋti* < **maxati*, **skaknŋti* < **skakati*), *aj*-основ (**bacnŋti* < **bacati*, **groxnŋti* < *groxati*, **klepnŋti* < **klepati*, **kliknŋti* < **klikati*, **krętnŋti* < **kretati*, **mignŋti* < **migati*, **motnŋti* < **motati*, **minŋti* (ср. **mijati*), **tisknŋti* < **tiskati*, **zěvnŋti* < **zěvati* и т. д.), *ě*-основ (**bьdnŋti* < **bьděti*, **kriknŋti* < **kričati* (< **krikěti*), **gybnŋti* < **gyběti*, **lepŋti* < **l̥pěti*, **mьrnŋti* < **mьrzěti*) [ЭССЯ 21: 164].

Имперфективное (а не инхоативное) значение имеют древние *nŋ*-глаголы, производные от корневых глаголов: **gręznŋti* ‘погрязать’ (< **gręzti*), **kvitnŋti* ‘цвести’ (< **kvisti*), **zębnŋti* ‘зябнуть’ (< **zębsti*), реже от тематических глаголов, ср. **bagnŋti* ‘жаждать’ (< **bagati*), **visnŋti* ‘виснуть’ (< **visěti*), а также сравнительно немногочисленные деноминативы с процессуальным значением: **blědnŋti* ‘бледнеть’ (< **blědьnъ*), **glъxnŋti* ‘глохнуть’ (< **gluxъ*), **gorьknŋti* ‘горкнуть, горчить’ (< **gorькь*), **gŋstnŋti* ‘густеть’ (< **gŋstь*), **kysnŋti* ‘киснуть’ (< **kys(ě)лъ*), **krěpnŋti* ‘крепнуть’ (< **krěpькь*), **moknŋti* ‘мокнуть’ (< **mokrъ*), **sъxnŋti* ‘сохнуть’ (< **suxъ*) и др.

Глаголы на *-nŋ* с инхоативным значением завершают деривационную цепочку основ, от них дальнейшее основообразование невозможно, однако возможна префиксация, не меняющая тип основы, но допускающая дальнейшую имперфективацию, т. е. образование вторичных имперфективов с новым типом основы. Вторичные имперфективы от приставочных перфективных *nŋ*-глаголов образуются по типу *aj*-основ с усечением форманта *-nŋ* двояким способом: с суффиксом *-a* (**-gybnŋti* > **-gybati*, **-kisnŋti* > **-kysati*, **-moknŋti* > **-mokati*, **-mьlnŋti* > **-mьlkati* и т. п.) и с суффиксом *-yva/-iva* (**-xlebnŋti* > **-xlebyvati*, **-prygnŋti* > **-prygivati* и т. п.).

Приведенный обзор праславянских глагольных основ дает основание заключить, что распределение глаголов по классам

основ (и соответственно типам спряжения) не является собственно распределением (т. е. закреплением каждого «лексического» глагола за определенным типом основы), а представляет собой в полной мере деривационную систему, в которой каждый «лексический» глагол характеризуется «многоосновностью», причем соотношение между разными основами в пределах словообразовательно-этимологического гнезда обладает свойством регулярности — как в формальном, так и в семантическом отношении.

Эта многоосновная система глагола скрепляется двумя основными факторами — регулярностью образования глаголов от имен и регулярностью видовых корреляций между основами. В области отыменного словопроизводства участвуют и взаимодействуют разные виды основ. О продуктивности *д е н о м и н а т и в о в с ѓ*-основами и *i*-основами и их семантической коррелятивности было подробно сказано выше. Менее продуктивны глаголы, образованные от имен и оформленные по другим типам основ (или по нескольким типам основ): **čьrvenati* (< **čьrvenъ*), **drozгati* (< **drozга*), **besѣdovati* и **besѣditi* (< **besѣda*), **bičevati* (< **bičь*), **bojevati* (< **bojь*), **čarovati* (< **čarь*), **časovati* (< **časъ*), **domovati* (< **domъ*), **drębnqti* (< **drębь*), **dъrnovati* (< **dъrnь*), **durovati* — **duręti* — **duriti* (< **durь*), **ęsnęti* — **ęsniti* — **ęsnqti* (< **ęsnь*) [SP 6: 145], **godęti* — **goditi* — **godovati* (< **godь*), **gostiti* — **gostevati* (< **gostь*), **kupovati* (< **kupь* ‘купля, покупка’) и т. п. Часть таких дериватов представляет собой продукт «конденсации» словосочетаний с соответствующими именами типа *вести беседу* > *беседовать*, *бить бичом* > *бичевать*, *воздействовать чарами* > *чаровать*.

Главным фактором, обеспечивающим взаимодействие разных типов глагольных основ в праславянском языке, безусловно, являются имперфективация и перфективация, связанные с формированием и все возрастающим значением категории вида в истории славянских языков: «Эволюция видовых отношений в славянских языках в течение их истории обнаруживает все большее стремление

к универсализации этой категории и к подчинению всей глагольной системы (даже в ее неличных формах) видовой дихотомии. Этот процесс еще и сейчас не закончен полностью, хотя во всех славянских языках категория вида стала уже определяющей и основной» [Топоров 1961: 48]. Абсолютное большинство бесприставочных праславянских глаголов — имперфективы, и лишь несколько глаголов с разными типами основ имеют перфективное значение: среди атематических глаголов это **pasti / padq* (в отличие от **pasti / pasq*), **legti*, **rekti*, среди тематических — это *i*-глаголы: **aviti*, **kupiti*, **pustiti*, **rešiti*, **skočiti*, **stopiti*, **vortiti*, а также **minqti*. Главным средством перфективации является префиксация, при которой тип основы не меняется, а также присоединение суффикса инхоативности *-nq*, при котором глагол получает новый тип основы.

Высокой продуктивностью в праславянском отличается вторичная имперфективация с помощью суффиксов и изменения типа основы, остающаяся актуальной до нашего времени. От части корневых глаголов вторичные имперфективы образуются путем трансформации их в *i*-основы (**nesti* > **nositi*, **vesti* > **voditi*, **vezti* > **voziti* и др., см. выше) или *aj*-основы (**běgti* > **běgati*, **bosti* > **bodati*, **čisti* > **čitati*, **dviḡti* > **dviḡati*, **pasti* > **padati*, **stiqti* > **-stiqati* и т. д.); этот же способ характерен для ряда *nq*-глаголов с процессуальным значением: **gasnqti* > **-gasati*.

Вторичная имперфективация префиксальных глаголов происходила путем суффиксации и оформления глаголов по типу *aj*-основ; она затронула все типы производящих основ, причем во многих случаях имперфективная основа в бесприставочном виде не выступает (ср. **-bl'udati*, **-činati*, **-gryzati*, **-kupati*, **-pasati*, **-pirati*, **-pletati*, **-rėkati*, **-stiqati* и т. п.; **-xvatyvati*, **-lizyvati*, **-mazyvati*, **-pisyvati*, **-prašivati*, **-pytyvati*, **-skakivati*, **-vezyvati* и т. п.). Благодаря продуктивности этого типа деривации *aj*-основы получают исключительно широкое распространение во всех славянских языках. В следующей таблице приведены примеры вторичных имперфективов для разных типов праславянских основ.

Тип основы	Первичная форма	-iti	-ati	-ivati/-yvati/-ěvati
С-основы	*nesti *vesti *pasti *mertī *běgti *gręzti * -čęti *kolti *piti *borti	*nositi *voditi	*padati * -mirati *běgati *gręzati * -činati	*kalyvati *pisyvati * -baryvati
а-основы	*pisati *kazati *lizati *drěmati *mazati			* -pisyvati * -kazyvati * -lizyvati * -drěmyvati * -mazyvati
ě-основы	*gorěti *zbrěti *tbrpěti *bolěti *ględěti *dbržati *kričati		* -garati * -zirati	* -tbrpěvati * -balivati * -ględyvati * -dbrživati * -krikivati
aj-основы	*čitiati *kazati *xvatati *brękati *cikati			*čityvati * -kazyvati * -xvatyvati
ěj-основы	*kameněti *pustěti *zbrěti *blěděti			* -kameněvati * -pustěvati * -zbrěvati
i-основы	*xvaliti *prositi *učiti *groziti *xoditi		* -xval'ati * -prašati * -učati * -grožati	* -xvalivati * -prašivati * -učivati *xaživati

	<i>*činiti</i>		<i>*-čín'ati</i>	
	<i>*děliti</i>		<i>*-děl'ati</i>	
	<i>*gorditi</i>			<i>*-goraživati</i>
	<i>*govoriti</i>			<i>*govarivati</i>
<i>nq</i>-основы	<i>*-xlebnqti</i>			<i>*-xlebyvati</i>
	<i>*-gybnqti</i>		<i>*-gybati</i>	
	<i>*-kisnqti</i>		<i>*-kisati</i>	
	<i>*-moknqti</i>		<i>*-mokati</i>	
	<i>*-mьlknqti</i>		<i>*-mьlkati</i>	
	<i>*-prygnqti</i>			<i>*-prygivati</i>

Таким образом, праславянские глагольные основы составляют определенную систему с устойчивыми деривационными отношениями между ее составляющими. В начале деривационной цепочки стоят первичные корневые глаголы, от которых могут образовываться все другие виды основ, а ее завершающим звеном являются инхоативные *nq*-глаголы, а также вторичные имперфективы на *-ivaj* / *-yvaj* / *-ěvaj*, которые не образуют дальнейших глагольных дериватов.

В целом, как уже было сказано, система праславянских глагольных основ в более или менее преобразованном виде сохранилась во всех славянских языках до наших дней. Тем не менее в ходе развития она, естественно, не оставалась неизменной. Непродуктивные, формально невыразительные и семантически немотивированные типы уступали место продуктивным и мотивированным: атематические консонантные основы и *a*-основы переходили в класс продуктивных *aj*-основ, *ě*-основы — в класс *i*-основ или *ěj*-основ. В результате принцип «парадигмы» (многоосновности), характерный, хотя и не абсолютный, для праславянского, нарушился в пользу принципа «распределения» глаголов по типам основ (одноосновности), а двуосновность (реже многоосновность) сохранилась лишь в тех случаях, когда эти основы имели четко выраженную грамматическую семантику — каузативности, однократности, завершенности, итеративности и т. д. При этом нередко модель «разноосновности», преодоленная в целом литературными

языками, осталась не чужда диалектам (ср. рус. диал. *гудеть* — *гудать* — *гудить* — *густь* / *густи* при единственном литературном *гудеть*; *глядеть* — *глядать* — *глянуть* — *глястися* при литер. *глядеть*, *глянуть*; *сопеть* — *сопти* — *сопать* — *сопить* при литер. *сопеть* и т. п.). С другой стороны, большая часть старых глагольных лексем оформлена в разных языках одинаково, а процесс преобразования системы основ, их контаминации и подчинения продуктивным моделям продолжается до сих пор и обнаруживает значительную общность в разных языках. Как бы то ни было, очевидно, что в обоих случаях праславянская морфонологическая модель глагольной основы, определяющая парадигму спряжения и формальные правила отглагольной деривации каждой глагольной лексемы, оказывается важнейшим структурным фактором, сохранившим свое значение на протяжении веков самостоятельного развития грамматической системы отдельных языков; она проступает сквозь все слои позднейших изменений и напластований в глагольном словоизменении и отглагольном словообразовании современных славянских языков.

«РАЗНООСНОВНЫЕ» ГЛАГОЛЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сравнительный материал разных славянских языков и диалектов позволяет реконструировать для многих глагольных лексем целую «парадигму» праславянских основ, оформленных разными тематическими показателями. Примеры такой «многосновности» можно в изобилии почерпнуть из этимологических словарей, в частности из ЭССЯ (ср. **blęsti* — **blędati*, **kortati* — **kortěti* — **kortiti*, **nastigti* — **nastigati* — **nastignoti* и т. д.). Из этого можно сделать двойкий вывод. Можно предположить, что в праславянском показателе глагольных основ играли роль словообразовательных суффиксов, а типы основ представляли собой подобие словообразовательных моделей с отчетливой семантикой и структурой (ср. *ej*-глаголы состояния и соотносительные с ними каузативные *i*-глаголы: *белеть* — *белишь*). В ходе дальнейшего развития эта система претерпела преобразование, в результате чего принцип «парадигмы» (многосновности) сменился принципом «распределения» глаголов по типам основ (одноосновности), а двуосновность (реже многосновность) сохранилась лишь в тех случаях, когда эти основы имели четко выраженную грамматическую семантику — каузативность, однократность, завершенность, итеративность и т. д. (ср. *кричать* — *крикнуть*, *бросать* — *бросить*, *ходить* — *хаживать* и т. п.). Подробнее см. наст. изд., с. 297–318.

Но столь же допустимо предположение, что глагольные лексемы, как и в современных языках, были изначально распределены по типам основ, так что каждая лексическая глагольная морфема получала оформление только одним показателем и тем самым закреплялась за одним морфологическим и морфонологическим типом спряжения и определенной моделью деривации. Тогда множественность реконструируемых глагольных основ должна объясняться позднейшими процессами эволюции и взаимодействия основ в истории отдельных языков. Наконец, можно предполагать, и это наиболее вероятно, что эти два механизма изначально сосуществовали в системе праславянского языка, т. е. в одних случаях глагольные основы оформлялись в соответствии с первой

(разноосновной) моделью, другие — со второй (одноосновной); это зависело прежде всего от семантики и функции формального показателя, от того, доминировала ли в нем лексическая или грамматическая семантика.

В пользу первого предположения говорит то, что сама модель «разноосновности», «преодоленная» в целом литературными языками, не чужда диалектам (ср. рус. диал. *гудеть* — *гудать* — *гудить* — *густь* / *густы* при единственном литературном *гудеть*; *глядеть* — *глядать* — *глянуть* — *глястися* при литер. *глядеть*, *глянуть*; *сопеть* — *сопти* — *сопать* — *сопить* при литер. *сопеть* и т. п.); в пользу второго — то, что бóльшая часть старых глагольных лексем оформлена в разных языках одинаково и что процессы преобразования системы основ, их контаминации и подчинения продуктивным моделям продолжаются до сих пор и обнаруживают значительную общность в разных языках. Как бы то ни было, очевидно, что в обоих случаях праславянская морфонологическая модель глагольной основы, определяющая парадигму спряжения и формальные правила отглагольной деривации каждой глагольной лексемы, оказывается важнейшим структурным фактором, сохранившим свое значение на протяжении веков самостоятельного развития грамматической системы отдельных языков; она проступает сквозь все слои позднейших изменений и напластований в глагольном словоизменении и отглагольном словообразовании современных славянских языков.

Если не считать регулярной многоосновности, выражающей категориальные видовые значения (*забрать* — *забирать*, *наладить* — *налаживать*, *прыгнуть* — *прыгать* и т. п.), то в литературном русском языке полноценных парных глаголов, оформленных как разные типы основ и имеющих полностью различные парадигмы спряжения и модели деривации, сравнительно мало. К таковым могут быть отнесены, например, *видеть* и *видать*, *свистеть* и *свистать*, *катить* и *катать*, *ломить* и *ломать*, *хватить* и *хватать* с не вполне четким семантическим соотношением. Но помимо них имеются примеры неполной двуосновности, т. е. совмещения в одной глагольной парадигме форм, относящихся к разным

основам. Бóльшая часть аномалий в сфере парадигматики глагола носит именно такой характер.

Так, аномальный литературный глагол *реветь* манифестирует в своей парадигме две основы: в настоящем времени он полностью тождествен атематическим глаголам типа *нести* (ср. *реву* = *несу*, *ревёт* = *несёт*, *ревут* = *несут*, *ревущий* = *несущий*, *реви* = *неси*), а в прошедшем времени — ятевыми глаголам типа *кипеть* (*ревел* = *кипел*, *реветь* = *кипеть*). Если реконструировать недостающие формы каждого типа, то мы получим для презентной парадигмы «ятевые» формы **ревлю*, **ревишь*, **ревят* (= *киплю*, *кипишь*, *кипят*), а для парадигмы прошедшего времени — атематические формы **рѣв*, **ревла*, **ревли*, **ревти* (укр. *ревти*, др.-рус. *рюти*, праслав. **reuti*) (= *нёс*, *несла*, *несли*, *нести*).

Данные здесь под звездочкой реконструированные «правильные» (для «ятевой» основы) и неизвестные литературному языку презентные формы широко представлены в диалектах. Ср. в [СРГК 5: 504–505]: «Лежу на кровати и ревлю лихим матом»; «У той-то бабы нет самовара, так ко мне ходит, поставлю и ревлю ее: “Иди чай пить”»; «Она рѣвушком ревит и ревит»; «Станем на качели, ревим, ревим песню-то»; «Куры ривят»; «Коровы не ривят».

В [СРНГ 35] имеются две отдельные статьи — *реветь* и *ревить*. В первой приводятся двойные формы — от **ревти* как атематической инфинитивной основы: «кролики ревут, кошка ревет» (арханг.), «лисы ревут» (новосиб.), «соловей ревет» (сиб.), «петух ревет» (якут.), «кураца ревет» (том.), «ревет муха» (арханг.), «кошки ревут блажь» (кемер.), «Собаки ревут лихим матом» (арханг.), «Овцы глотки ревут» (арханг.), «я реву на него» (арханг.), «на урев реву» (арханг.), «Ты чё на меня реवेशь?» (сиб.), «в ухо ему реведем» (Бурят. АССР), «ревет сын матери» (свердл.), «она села и ревет у окошечка» (вят.), «Ревет ребеночек голос в уголос» (новосиб.) (при этом отдельно дана статья *ревти* с пометой «пск.» и без иллюстраций) — и от *реветь* как ятевого глагола: «я в школу приду и ревлю» (яросл., волог., влад., ленингр.), «кошка ревит» (новг., нижегор., Мар. АССР, киров., урал.), «Сорок сороков зверей

лютых ревом ревит» (олон.), «на крыльце старичок сидит и ревит» (арханг.), «Петя по деревне песни ревит» (арханг., дон.), «подслушал, что ревлю» (новг., твер., пск., калуж.), «куры ревят» (новг.), «родные ревят по покойнику» (яросл., Мар. АССР, перм., Башк. АССР), «Всю ночь и на заре ревел гусь» (вят., печор.), «Он глухой, дак с им говорить тяжело: надо реветь шибко» (перм.), «Я тебе-то ревила» (арханг.), «Шибко плясала тогда и песни ревила» (перм.). Во второй статье (*ревить*) глагол дается в значениях, совпадающих с литер. *реветь*, и иллюстрируется такими примерами: «ревит волк» (калуж.), «телок ревит» (ряз.), «корова все ревит» (Азерб. ССР), «Прямо в избе ревит мужик» (ряз.), «Мотоциклет гдей-то ревит» (ряз.). Глагол с *i*-основой реконструируется в данном случае на основе единственной формы 3 л. ед. ч. наст. вр. *ревит*. Между тем это нормальная форма от ятевого глагола: *реветь* ~ *ревит* (ср. *гудеть* ~ *гудит*, *свистеть* ~ *свистит* и т. д.).

Основанием для реконструкции *i*-глагола *ревить* могут быть только формы инфинитива и прош. вр. *ревить*, *ревил*, *ревили*, поскольку презентная парадигма у *i*-глаголов и ятевых глаголов совпадает. Одна такая форма действительно приводится в иллюстрациях: «Мы не виноваты, мы столько ревили, говорили» [СРГК 5: 505]. Но такие формы могут считаться в полной мере показательными только для диалектов с *e*-рефлексом ятя, поскольку для говоров с *i*-рефлексом они могут объясняться фонетически и при последовательной рефлексации ятя как *i* различить старые ятевые и *i*-основы глаголов в спряжении вообще невозможно.

В «Архангельском областном словаре», который еще не дошел до слова *реветь*, о трактовке этого глагола можно судить по его приставочным дериватам. В [АОС 8] находим одну статью *выреветь* (*выревить*) с двумя рядами форм: *выреву* и *выревлю*, *выревет* и *выревит*, которые, как уже было сказано, репрезентируют атематическую и ятевую инфинитивные основы глагола; только одна из приведенных в статье форм теоретически может быть идентифицирована как *i*-основа («Дак я до церкви фсё выревила»), но не исключено, что это как раз случай *i*-рефлекса ятя. В [АОС 11] даются две отдельные

статьи: *дореветь* с формами *дореву*, *доревёт*, т. е. совпадающими с литературными, и *доревить* с формами *доревлю*, *доревит*, т. е. отличающимися от литературных, но стандартными для ятевой основы (*дореветь*); лишь одна форма оправдывает восстановление глагола *доревить* («Сестра моя до того доревила, што худая зделаласе»), с той же оговоркой, что и к форме *выревила*.

Любопытно, что в СПГ статья *реветь* содержит примеры, полностью совпадающие с литературным распределением основ в парадигме этого глагола, т. е. в презентной парадигме это формы атематической инфинитивной основы **ревити* (*реву*, *ревёшь*, *ревут*), а в претеритной парадигме — формы ятевого глагола *реветь* (*ревел*, *реветь*). Маловероятно (судя по географии форм этого глагола), чтобы пермские говоры не знали характерной для него контаминации основ, следовательно, либо «правильные» формы типа *ревит* не попались собирателям, либо составители словаря не включили их в статью по соображениям «системности».

В Деулинском словаре [Деулино] дан только один глагол *ревить* с формами *реву*, *ревишь* (первая из них, как было сказано, аномальна для *i*-глагола) со следующими иллюстрациями: «тялок рявить»; «рявуть как каровы»; «матацыклет гдей-тарявить». Все эти формы недостаточны для восстановления в заглавной позиции статьи инфинитива *ревить* (т. е. *i*-основы), поскольку они вполне объяснимы контаминацией тех же основ, что и в литературном языке (но с другим распределением в парадигме): 3 л. ед. ч. наст. вр. *рявить* — нормальная форма от ятевого глагола (*реветь*), а 3 л. мн. ч. наст. вр. *рявуть* — от атематической инфинитивной основы (**ревити*).

Иногда в подобных сложных случаях лексикографы приводят в одной статье две словарные формы. Например, в [АОС 5] помещена статья *вопеть* (*вопить*) — *воплю*, *вопит*, в которой действительно подтверждаются обе основы глагола: ср. диагностические формы прош. вр. *вопела* и *вопили* и самого инфинитива — *вопеть* и *вопить* (с ударной темой), идентифицируемые соответственно как ятевая основа и как *i*-основа, однако большая часть иллюстраций — это формы наст. вр. и императива

(*воплю, вопишь, вопит, вопят, вопи, вопите*), которые одинаково возможны от обеих основ.

Еще один пример множественности основ в диалектном лексиконе — упомянутый выше глагол *гудеть*. [СРНГ 7] фиксирует следующую «парадигму» его основ: *гудать, гудаю, гудайшь* (к сожалению, без примеров), *гудеть, гужу, гуду* и *гудю, гудишь* и *гудёшь*; *гудить, гужу* и *гудю, гудишь*; *густи* и *густь, гуду, гудёшь*. В действительности отнесенные к ятевому типу инфинитивной основы (*гудеть*) формы *гуду, гудёшь, гудёт* (ср. у Некрасова: «Идёт-гудёт зеленый шум»), *гудут* (тул., калуж., казан. «Чего это бабы там гудуть?») принадлежат глаголу *густи* с атематическим инфинитивом, тогда как ятевая основа подтверждается формами прош. вр. *гудела*, а *i*-основа — формами *гудить, гудила*: «Будешь там гудить» (брян.); «Всех ребяток гудила» (смол.).

[АОС 10] дает два глагола: *гудать, гудаю, гудает* («лапками гудает») и *гудеть* в значении ‘быстро двигаться’, который здесь трактуется как омонимичный глаголу звучания *гудеть*, а для последнего — только одну основу *гудеть, гужу, гудит* и *гудёт*. Однако не отмеченные словарем две другие основы (*i*-основа *гудить* и атематическая инфинитивная основа *густи / густь*) все же проявляют себя в аномальных для *ё*-глагола формах, представленных в иллюстрациях к статье *гудеть*: «вода *гудёт*» — это атематический класс (т. е. глагол *густи*), а «Раньше не было моды *гудить*» — это, возможно, форма *i*-глагола (т. е. глагола *гудить*).

В [СРГК 1] в статье *гудеть* наряду с «нормальными» формами также встречаем «лес *гудёт*», т. е. форму глагола *густи*. [ПОС 8] в статье *гудеть* среди «правильных» для ятевого глагола форм приводит одну форму атематической основы: «кости к погоды *гудут*»; при этом в словаре есть отдельная, хотя и отсылочная к *гудеть*, статья *густи*, в которой такая форма была бы на месте.

Глагол *бежать* в литературном языке совмещает в своей парадигме формы, типичные для глаголов на *-ать* с шипящим в исходе основы (исторически ятевых основ: *бежать, бежишь, бежит, бежал, бежавший* = *кричать, кричишь,*

кричит, кричал, кричавший), и формы, соответствующие словоизменению атематических глаголов (**бечь, бегу, бегут, беги, бегущий = печь, пеку, пекут, пеки, пекущий*). Более сложная картина наблюдается в диалектах. [СРНГ 2] приводит инфинитивы *бегти, бегчи* (с формой прош. вр. *бегли*), *бечь, бечи, бечть* (к сожалению, без примеров и без других форм парадигмы) — все они продолжают праславянский атематический тип **běgti*, — а также *бежать*, не полностью совпадающий в своих формах с литературным языком: в 3 л. мн. ч. в иллюстрации дается форма *бежат* («купцы *бежат*» при «сапоги *бегут*»), закономерная для указанных глаголов на *-ать* (ср. *кричат*); из других форм в примерах встречаются лишь *бежать, бежит* и *бежали*. [ПОС 1] посвящает этому глаголу следующие статьи: *бегать* (с формой *бегала*; в иллюстрациях есть еще *бягали* и *бягают*), *бегаться* (*бегаются*), *бежать* с двоякими формами: *бяжу, бяжыш, бяжыт, бяжат(ь)* и «*бежаит* ручей»; в последней форме, вероятно, следует усматривать вторичную *aj*-основу, но ввиду единичности примера уверенности в этом нет. В этой же статье почему-то приводится форма *бегут* («По небу бегут тучья»), относящаяся к глаголу *бечь*, и *бягить* (3 л. ед. ч.), контаминированная форма атематической основы и основы *бежать*. Статья *бечь, бечи, бечь* снабжена лишь формами наст. вр. *бегёт* и прош. вр. *бег, бегла*, хотя к этой же основе, несомненно, принадлежит упомянутая форма *бегут*; все они манифестируют атематический тип основы (праслав. **běgti*). [АОС 1] в статье *бегать* дает стандартные формы *бегаю, бегают*; в иллюстрациях, кроме инфинитива, встречаются также *бегаю, бегают, бегали*. Есть еще итератив *бегивать* и статья *бегить* с не очень понятными формами *бегу, бегит* и одной иллюстрацией: «Ой, дак надо бегить» (форма инфинитива *бегить* — явно контаминированного характера). Под словом *бегчи* приводятся формы: *бегу, бегёт, прош. вр. бег, бегла, бегло*. В статье *бежать* даются стандартные для глагола этого типа формы *бежу, бежит*, 3 л. мн. ч. *бежат*, императив *бежи* (ср. *лежать, дрожать*), но также и в качестве вариативной форма *бегу*, относящаяся к другой основе (*бечь, бегчи*).

Проблема идентификации глагола по типу основы неизбежно встает перед составителями диалектных словарей, которым приходится восстанавливать словарную форму (каковой традиционно является форма инфинитива), нередко не имея такой формы в живых примерах. Другой показатель глагольного класса — диагностическая презентная форма 1 л. ед. ч. и 2, 3 л. ед. ч. — дается в словарях крайне непоследовательно (например, в СРНГ начиная с 27 выпуска эти формы в глагольных статьях не приводятся); во многих диалектных словарях, например карельском, орловском, новгородском, пермском, уральском, они вообще отсутствуют (напротив, в ПОС, АОС, каждый глагол снабжается показателями презентной основы).

Уклонение составителей словарей от приведения этих показателей имеет и свои мотивы, и свои последствия — как отрицательные, так и положительные. К отрицательным следует отнести утрату необходимой морфологической информации. Например, в случае инфинитивов на *-ать* и *-еть* презентные формы не выводятся автоматически: они могут быть с йотовым элементом и без него, ср. *говеть*: арханг. *говлю, говит, говят* (при более распространенном *говею, говеет, говеют*), причем приводимые иллюстрации далеко не всегда позволяют однозначно восстановить презентную основу глагола (во многих случаях даются только «недиагностические» формы прош. вр., особенно в приставочных глаголах, например *говели, пахали*, возможные как от *говеть* — *говею, пахать* — *пахаяю*, так и от *говеть* — *говлю, пахать* — *пашу*).

Положительная сторона состоит в том, что снижается риск ошибок при «реконструкции» незасвидетельствованных форм. «Автоматическое» восстановление «правильных» презентных форм (обычно по литературному образцу), форм, которые не зафиксированы собирателями и не подтверждаются иллюстрациями, снижает степень аутентичности словаря и может исказить реальную картину глагольного формообразования (поскольку диалектное спряжение может отличаться от литературного) и глагольного узуса (например, стоит ли для глагола *длиться* указывать «ради порядка» форму 1 л. ед. ч. наст. вр. *длюсь*, как это сделано в [АОС 11], ведь такая форма маловероятна?); исключение в этом отношении

могут составить продуктивные глагольные классы, у которых презентная форма действительно автоматически выводится из инфинитивной / претеритной (например, у глаголов на *-нуть*, *-овать*, *-ивать*). Отказ от приведения диагностических презентных форм может находить оправдание (правда, сомнительное) в том, что, как было показано, разные глагольные основы нередко контаминируются в одной глагольной парадигме, так что часть стандартных форм глагола манифестирует одну основу, часть — другую и даже третью.

Возвращаясь к литературному языку, приведем еще несколько примеров, демонстрирующих аномалии глагольного словоизменения, обязанные скрещению разных типов основ (соответственно, разных моделей словоизменения) в парадигме одного глагола. Если в случае с глаголом *реветь* эти разные модели маркировали большие блоки внутри единой парадигмы, противопоставляя презентную подпарадигму претеритной, то в других глаголах соотношение разных основ может быть неравным. Так, у глаголов *ошибить(ся)*, *зашибить(ся)* и т. д. в парадигме преобладают формы атематической основы: *-шибушь*, *-шибешься*, *-шибутся*, повел. накл. *-шибись*, *-шибся*, *-шиблись* (= *скребу*, *скребёт*, *скребут*, *скреби*, *скрёб*, *скребли*), и только инфинитив и страдательное причастие прош. вр. манифестируют *i*-основу: *-шибить(ся)* (= *рубить*), *(у)шибленный* — эффект йотации или переходного смягчения (ср. *-рубленный*) при отсутствии йотации в причастиях атематических основ (ср. *соскребённый*, *погребённый*).

Глагол *колебать*, представляющий стандартный словоизменительный тип (= *трепать*, *дремать*, *писать*), имеет, однако, нестандартную форму пассивного причастия прош. вр. (*по*) *колебленный*, соответствующую морфонологической модели *i*-глаголов (ср. *погубить* — *погубленный* при *истрепать* — *истрёпанный* у *a*-глаголов). Так же устроена парадигма глагола *щекотать*: *щекочу*, *щекочешь*, *щекочут*, *щекочи*, *щекотал* (один из стандартных типов глаголов на *-ать*), но *защекоченный* (модель причастия *i*-глаголов).

Несколько *i*-глаголов, имеющих переднеязычный согласный в исходе основы, аномально не знают стандартной для такого типа основ йотации в формах страдательного причастия

прош. вр. (*обезлесить* — *обезлесенный*, *обуржуазить* — *обуржуазенный*, *пропылесосить* — *пропылесосенный*), а также в соотносительных с ними абстрактных именах (*облесение*, *обезлесение*, ср. *поразить* — *пораженный*, *поражение*), воспринимаемая образец подобных форм от глаголов с атематической основой (*нести* — *унесенный*, *несение*) и *ej*-основой (*облысеть* — *облысение*). Ср. еще *клеить*, *заклеймён* (без ожидаемой йотации) от *i*-глагола *клеить* (ср. *изумить* — *изумление*, *изумлён*). Точно так же отклонения от правила, определяющего наличие или отсутствие йотации в имперфективах и итеративах с суффиксом *-iva*, объясняются «притяжением» *i*-глаголов к соотносительным ятевым глаголам на *-еть*, ср. *обуржуазивать*, *обремизивать*, *обезлесивать* при морфонологически закономерных *офранцузивать*, *окрашивать* с эффектом переходного смягчения [см.: Толстая 1998а; наст. изд., с. 438–443]. С другой стороны, аномальная йотация представлена, например, в *верчение*, производном от ятевого глагола *вертеть* (ср. стандартное для этих глаголов отсутствие йотации: *потеть* — *потение*, *кипеть* — *кипение*). Отклонение от нормы в данном случае обязано деривационной модели *i*-глаголов (ср. в польском оформлении этого глагола по стандартному типу *i*-основ: *wiercić* — *wiercenie*) [см. подробнее: Толстая 1996; наст. изд., с. 423–437].

Таким образом, диалектные глаголы демонстрируют сложную систему лексического распределения и взаимодействия глагольных классов: сохраняя неизменным набор основных праславянских типов глагольных основ, диалекты значительно свободнее, чем литературный язык, пользуются предоставляемыми разными типами основ возможностями глагольного словоизменения и словообразования. Кроме диалектов, областью активного взаимодействия глагольных основ является просторечие, стремящееся в ряде случаев «выправить» исторически сложившиеся и закреплённые узусом аномалии литературного языка, ср. просторечные формы типа *хочут* (вместо *хотят*), *ляжу*, *ляжь* (вместо *лягу*, *ляг*), *побегли* (вместо *побежали*) и т. п., часть из которых со временем принимается нормой в качестве факультативных вариантов, ср. *махаю* и *машу*; *трепет*, *сыпет*, *щипет* и *треплет*, *сыплет*, *щиплет* и т. п. [см.: Зализняк 2003].

ПРАСЛАВЯНСКИЕ ГЛАГОЛЫ С ПРЕФИКСОМ *OB-/O-: МОРФОНОЛОГИЯ, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, СЕМАНТИКА

Приставочным глаголам в славянских языках посвящена очень большая литература, что объясняется прежде всего той ролью, какую префиксация играет в славянском видообразовании [Аркадьев 2015]. По большей части в этих трудах рассматриваются функции, семантика, реже история приставочных глаголов в отдельных славянских языках; в меньшей степени исследуется глагольная префиксация в общеславянском масштабе. Немало трудов посвящено и специально образованиям с префиксом *ob-/o-, которые известны всем славянским языкам и в основной своей массе надежно возводятся к праславянскому состоянию [Słoński 1928, 1937; Koblischki 1957; Марков 1970; Аверьянова 1974; Алексеева 1978; Roberts 1976; 1981; Andrews 1984; Нефедьев 1995; Кронгауз 1998; Кошелев 2004; Wędkowska-Kopczyk 2012; Эндресен 2013].

В данном случае делается попытка рассмотреть этот вопрос на материале праславянского языка. В шести томах «Этимологического словаря славянских языков» [ЭССЯ 26–31] реконструируется основной корпус праславянской лексики с префиксом *ob-/o- (всего примерно 3 500 слов); это в подавляющем большинстве глаголы и их дериваты, репрезентирующие разные словообразовательные и семантические модели, и некоторое количество (несоизмеримо меньшее) прилагательных, образованных с помощью этого префикса. Впервые столь обширный массив слов с префиксом *ob-/o- собран воедино, и это дает возможность систематически исследовать их в словообразовательном, морфонологическом, семантическом и иных отношениях (ареальном, историческом и др.).

Этимология и общая формальная и семантическая характеристика праславянского префикса *ob-/o- (и соответствующего предлога) даны в [ESSJ 1: 132–141]; о предлоге и его индоевропейских соответствиях (др.-инд. *abhi*, греч. ἀμφί, гот. *bi* и др.) см. также [ЭССЯ 26: 71–74], о семантике предлога см. [Triomphe 1958]. Как для предлога, так и для приставки

исходным для праславянского считается алломорф *ob- и вторичным — алломорф *o-, объясняемый утратой b- перед согласными или «сокращением *obъ» [Miklosich 4: 218], «ослаблением ob-» [ESJS 9: 559]. Помимо вопросов, относящихся ко всем приставочным глаголам (функции префикса, семантические типы дериватов, словообразовательные модели префиксальных глаголов), при изучении образований с префиксом *ob-/o- затрагиваются два специальных вопроса: вопрос о соотношении вариантов *ob- и *o- в истории отдельных славянских языков и — судьба сочетания *obv- на границе морфем при присоединении префикса *ob- к корню, начинающемуся с v-. В этой позиции возможны три варианта — 1. выпадение b-: *ob-v- > ov- (*obviti > словен. oviti ‘обвить, обмотать’, *obvelikъ > с.-х. ovelik ‘довольно большой’); 2. выпадение v-: *ob-v- > ob- (*obviděti > обидеть, *obvěť > обем); 3. сохранение сочетания: *ob-v- > obv- (*obvoditi > обводить, *obviniti > обвинить). Все три варианта мог иметь один праславянский глагол, даже в одном языке, например *obvaliti — с.-х. obaliti, чеш. obaliti и obvaliti, рус. обвалить, диал. обалить, овалить. Этот второй вопрос здесь рассматриваться не будет, поскольку ему посвящена отдельная работа [Толстая 2017б; наст. изд., с. 354–366], хотя соответствующий материал будет учтен при рассмотрении семантики и словообразовательных моделей праславянских глаголов с интересующим нас префиксом.

Что касается распределения вариантов префикса *ob- и *o-, то ни в этимологических словарях, ни в сравнительных грамматиках славянских языков условия этого распределения не определяются. Сплошной просмотр праславянской лексики с этой точки зрения обнаруживает отсутствие строгого распределения форм на *ob- и *o- в зависимости от семантики, словообразования или морфонологии: для одних и тех же праславянских лексем в разных славянских языках и даже в одном языке обнаруживаются рефлексy обоих типов с одним и тем же значением и в одном и том же фонемном окружении, ср. *obgorditi: болг. обградж и ограда, с.-х. obgraditi и ograditi, чеш. obhradit (диал. морав.) и ohradit, словац. obhradit’ (редко) и ohradit’, рус. огородить и обгородить (диал.) и т. д.

В литературе о славянских образованиях с префиксом *ob-/o- выявлены три главных принципа, определяющих соотношение алломорфов *ob- и *o-: морфонологический, словообразовательный (деривативный) и семантический. Первый из них ставит распределение алломорфов в зависимость от качества начальной фонемы глагольной основы: перед гласными и сонорными *r l m n j* исконно выступал вариант *ob-, перед шумными — вариант *o-. Этому принципу приписывается абсолютный характер для праславянского языка, и все отклонения от него считаются результатом позднейших преобразований в отдельных славянских языках. Соответственно этому в ЭССЯ для всех без исключения дериватов с этим префиксом реконструируется вид *ob-, который в праславянском автоматически принимает вид *o- перед шумными согласными. Второй фактор, определяющий распределение алломорфов *ob- и *o-, — словообразовательный (или деривативный): перед отыменными дериватами при прочих равных условиях чаще выступает алломорф *o-, ср. *осилить, осиротеть, осовать* при разных возможностях в отглагольных дериватах: *обсудить* и *осудить*, *обступить* и *оступить*, *осыпать* и *обсыпать*, *обхватить* и *охватить*, *оставить* и *обставить* и т. п. Третий фактор — семантический: значение окружения, всестороннего охвата объекта и т. п. во всех языках чаще выражается с помощью варианта *ob-, ср. *объехать, обступить, обхватить, обрубить* и т. п.

Ни один из этих принципов не имел абсолютного характера, каждый из них имел те или иные ограничения и отступления; в разное время преимущественное значение получал один из них, и в этом случае он мог вступать в противоречие с другими принципами, и этим объясняется непоследовательность и ограниченность действия каждого отдельного принципа. При этом все исследователи исходят из некоторой идеальной ситуации, якобы существовавшей в праславянском языке и подчиненной только одному, морфонологическому, принципу. По мере развития отдельных славянских языков эта исходная идеальная ситуация разрушалась и постепенно трансформировалась за счет выдвижения на первый план

других продуктивных словообразовательных и семантических моделей деривации. В данной работе делается попытка показать, что уже в праславянском распределение алломорфов префикса подчинялось в той или иной степени всем трем факторам и отражало их сложное взаимодействие.

Морфонология. Одной из первых работ о глаголах с приставкой **ob-/o-* (не считая сравнительных грамматик Миклошича, Вондрака и др.) была небольшая статья польского слависта С. Слоньского, посвященная с т а р о с л а в я н с к о м у я з ы к у [Słoński 1928], однако автора интересовало не столько распределение вариантов **o-* и **ob-* (**obъ-*), сколько соотношение (формальное и семантическое) префиксов **ob-/o-* и **ot-/o-*, а также явление морфонологического переразложения на стыке префиксов и корневых согласных. В статье отмечается, что нормально префикс **ob-* выступает перед гласными и перед сонорными *r l v* и непоследовательно — перед *n* (**онѣмѣти**, но **обнажити**, **обносити**, **обновити** и **обновляти**); в остальных позициях префикс имеет вид **o-*. Случаи же отступления от этого правила автор склонен объяснять тем, что «формы с *ob-* перед согласными являются позднейшими образованиями, внесенными в тексты переписчиками на место прежних форм с *o-*. Несколько иначе обстояло дело с формами **объшьдѣ**, **объстоати**, **объходити**, где форма префикса *obъ-* была обусловлена желанием избежать совпадения с формами **ошьдѣ**, **оходити**, ***остоати**, нормальных продолжений форм **отъшьдѣ**, **отъходити**, **отъстоати**, которые, в свою очередь, выступают на месте **ошьдѣ**, **оходити**, чтобы отчетливее подчеркнуть их отличие от форм с *obъ-*» [Słoński 1928: 225].

Если наблюдения С. Слоньского основывались на выборочном материале старославянских памятников, то в наше время есть возможность опереться на достаточно полный корпус материала, собранного в пражском «Словаре старославянского языка» [SJS 2], и на данные «Этимологического словаря старославянского языка» [ESJS 9–10].

Преимущественная роль морфонологического фактора в старославянском языке в полной мере подтверждается

данными этих словарей (материал приводится по [ESJS 9–10]), где префикс имеет вид *ob- перед производящими глагольными основами, начинающимися с г л а с н ы х, с о н о р н ы х и *v* (в последней позиции с дальнейшими преобразованиями): *obagniti* — *agniti*, *obarjati* — *oriti*, *obaviti* — *avě*, *oboriti* — *oriti*, *obumorjenz* — *u-moriti*, *obuti* — *ob-uti*; *obědъ* — *jasti*, *objęti* — *jęti*, *obętriti* — *jętriti (sę)*, *obličije*, *obličiti* — *lice*, *obnavljati* — *novъ*, *obradovati* — *radъ*, *obraziti sę* — *raziti*, *obrěkati* — *rešti*, *obrěsti* — (*st*)*rěsti*; *obaditi* — *vaditi*, *-obetšati* — *vetъsch¹*, *oběnyčati* — *věnyсь*, *oběsiti*, *-šati* — *visęti*, *oběštati (sę)*, *obětz* — *větz*, *obęzati* — *vęzati*, *obidęti* — *vidęti*, *obilъ* — *obvilъ (?)*, *obinęti* — *vinęti*, *obitati* — *vitati*, *obiti* — *-viti*, *oblačiti* — *oblakъ* — *obvolkъ*, *obladati* — *vlasti*, *oblasti*, *oblastъ* — *vlastъ*, *oblašъ* — (?), *oblęsti* — *vlęsti*, *obonjati* — *vonja*, *obozъ* — *obvęzati*, *obratiti (sę)* — *vratiti*, *obręnęti* — *obvęrnęti*, *obyčai*, *obynęti* — *vynęti*, *obъdovęti* — *vъdova*.

Перед корнями, начинающимися с ш у м н ы х, префикс достаточно последовательно выступает в виде *o-: *obajanije* — *bajati*, *obavati* — *bajati*, *obrysati* — *brysati (brusiti, brъsati, brъsęti)*, *ocępati* — *cępati*, *ocępęnęti* — *cępęnęti*, *ocęzdati* — *ocęditi*, *očręsti* — *čersti*, *očrъšte* — *čersti*, *odęti*, *odęvati* — *dęti*, *odolęti*, *odelęti* — *dol'a*, *odъžditi* — *dъždъ*, *ogaviti* — *gaviti*, *ogręnęti* — **gręnęti* (глагол не засвидетельствован), *ochabiti (sę)* — *chabiti*, *chabъ*, *ochapati (sę)* — *chapati*, *ochoripiti* — *chapati*, *ochręnęti* — *chromъ*, *okameniti*, *okamęniti* — *kamy*, *oklosniti* — *klosъnz*, *okolo* — *kolo*, *okonyčati* — *konъсь*, *okoreniti* — *korenъ*, *okovi* — *kovati*, *okraštati*, *okratъčati* — *kratъkъ*, *okrinъ* — *krinica*, *okrišlъ* — *kryti*, *okročiti* — *krokъ*, *okrojenije* — *krojiti*, *okroglъ*, *okrožiti* — *kroglъ*, *okrъstъ* — *krъstъ*, *okusiti* — (*is*)*kusiti*, *opašъ* — *pachati*, *opečaliti* — *pečalъ*, *oręti* — *reți*, *oręti* — *reța*, *opletati* — *plesti*, *oplęnjenije* — *plęnz*, *oplъčiti* — *plъkъ*, *oroiti* — *piti*, *opręti sę* — *perti*, *pъro*, *oprok'istъ* — *prok'istъ*, *oprometati sę* < (*pro*)*mesti*, *oprovręsti* <

1 В словаре ESJS, откуда почерпнут старославянский материал данной статьи, принято при транслитерации кириллицы в латиницу букву *хер* передавать диграфом *ch*.

(*pro*)vrěšti, *osedъlati* — *sedъlati*, *osěděti* — *sěsti*, *osegnōti* — (*do*) *sěšti*, *oslъnōti* — *slъpnōti*, *osnovati* — *snovati*, *osvētiti* — *svētъ*, *osъry* — *suti*, *sъpъ*, *ošibъ* — *šibati*, *otěkati* — *tešti*, *otędzati*, *otęgotěti* — *težati*, *otirati* — *trěti*, *otišati* — *tichъ*, *otqъživъ* — *težati*, *otrovenije* — *traviti*, *otrъti* — *trěti*, *otučněti* — *tukъ*, *tyti*, *ozirati* — *zъrěti*, *ozmъrenъ* — *zmürъna*, *ozobati* — (*i*)*zobati*, *ozrakъ* — *zъrěti*, *ozъljenije*, *ozъlobiti* — *zъlъ*, *ožęželiti* — *žęželъ*, *ožidati* — *žъdati*, *oživati* — *živъ*.

Отклонения от этого распределения следующие: с одной стороны, большая группа глаголов с приставкой перед сонорными *l* (один случай) и *m* имеет, вопреки правилу, рефлекс, характерный для шумных, т. е. **o*-: *olęděti* — *lędina*, *omakati* — *močiti*, *omamiti sę* — *matъnъ*, *omanъkati* — *manъkati*, *ometa* — *mesti*, *omōtiti* — *mōtъ*, *omračiti* — *mrъknōti*, *omraziti sę* — *mrъžěti*; с другой стороны, в двух случаях, наоборот, перед шумным начальным согласным представлен рефлекс **ob*-, характерный для позиций перед сонорным, но с добавлением *ъ*-: *obъchodъ* — *choditi*, *obъchytiti* — *chyštenje*.

В позднейших исследованиях глаголов с префиксом **ob*-/*o*- в разных славянских языках этот морфонологический принцип распределения алломорфов находил свое общее подтверждение, однако отмечались и заметные отклонения от него в зависимости от действия других принципов, из которых самыми главными можно считать семантический и деривативный (словообразовательный).

Почти полвека тому назад было опубликовано обстоятельное исследование польской лингвистики А. Крупянки «Глагольные дериваты с префиксом *o*- (*ob*-) в польском языке» [Krupianka 1969], основанное на материале современного польского языка (по данным словарей и картотек) и истории польского языка (начиная с XIV в.). Основное внимание в работе обращено на семантику и словообразование приставочных глаголов: подробно рассматриваются отглагольные образования с пространственными и непространственными значениями префикса, отсубстантивные глаголы, дериваты с двойной (глагольной и именной) мотивацией, глаголы, мотивированные прилагательными и местоимениями, а также

функциональное и семантическое соотношение приставки *o-(ob-)* с другими глагольными приставками. Относительно распределения вариантов префикса **o-* и **ob-* автор приходит к следующему заключению: «Праславянская закономерность, выражающаяся в том, что приставка *ob-* выступает перед гласными и *l n r v*, а приставка *o-* перед остальными согласными, оказывается на почве польского языка нарушена. Об этом свидетельствует, с одной стороны, появление уже в старопольских памятниках приставки *ob-* не только перед согласными *l n r v* (ср., например, *obchodzić, obciżyć, obciemnić, obcieszyć, obdarzyć, obdzierżyć, obsadzić, obsądzić, obsiąć; obślać, obstać, obstrzec, obsyłać, obszacować, obszyć, obtykać*); с другой стороны, распад фонетических отношений подтверждают случаи появления в древнейших памятниках приставки *o-* в позициях, закрепленных прежде за *ob-*. Так, в текстах XIV–XV вв. встречаются формы *oniemić, oniemieć, owinać, owinić*. Обнаруженная тенденция усиливается по мере исторического развития. Менее всего подобные изменения затрагивают старую позицию перед *l l* и *k g*» [Там же: 146].

В «Словаре польского языка» под редакцией В. Дорошевского в статье о приставке *o-, ob(e)-* приводятся цифры, показывающие соотношение этих вариантов в современном литературном языке: глаголы с приставкой *ob(e)-* составляют около 17%; глаголы, допускающие оба варианта приставки, — около 15%, причем вариант *ob-* выступает, как правило, перед гласными, преобладает перед сонорными, реже представлен в позиции перед переднеязычными и среднеязычными, еще реже — перед заднеязычными и вовсе отсутствует перед *p b*; параллельные образования с *ob-* и *o-* чаще встречаются в позиции перед фрикативными и аффрикатами [SJPD 5: 408–409].

В недавней работе А. Эндресен [2013] критически разбираются разные подходы к решению вопроса о соотношении *o-* и *ob-* в современном русском языке, а затем этот вопрос исследуется на материале Национального корпуса русского языка и результатов специального психолингвистического эксперимента. Автор приходит к заключению,

что *об-* и *о-* являются алломорфами одной префиксальной морфемы, они имеют единый ряд функций, общие семантические и структурные характеристики, хотя некоторая тенденция к «расщеплению» исторически единого префикса на две самостоятельные морфемы, отмечаемая рядом исследователей, все-таки прослеживается в их распределении. В статье подробно рассматриваются фонологические, словообразовательные (производность от глаголов или от имен) и семантические условия дистрибуции этих алломорфов, впервые обращается внимание на зависимость выбора варианта от ударения производящего глагола, и тем не менее, признавая значение всех этих факторов, автор считает, что они не приводят к полной независимости алломорфов и префикс *о-/об-* остается единой морфемой.

Рассмотрим далее на материале праславянских реконструкций [ЭССЯ 26–31] роль каждого из трех главных принципов, определяющих распределение форм на **об-* и **о-*.

Морфонологический принцип изначально определял дистрибуцию вариантов в зависимости от вокалического и сонорного начала корня (вариант **об-*) или консонантного начала корня (вариант **о-*), однако он не носил категорического характера, и во всех славянских языках наблюдаются многочисленные отступления от него, объясняемые как морфонологическими причинами, так и (главным образом) функциональными, т. е. закреплением этих вариантов за разными словообразовательными и семантическими моделями деривации. Этот исконный принцип, отличающийся, безусловно, наибольшей силой и сохраняющий свое определенное значение в истории всех славянских языков, тем не менее, вероятно, уже в позднем праславянском не был абсолютным. Из приведенных выше примеров старославянского языка видно, что *т* трактовался скорее как шумный, чем как сонорный, и требовал варианта **о-*, а не **об-*, а потребность передать значение кругового обхода вызывала отступление от морфонологического принципа и выбор, вопреки правилу, варианта **об-* в случаях **объchoditi*, **объchytiti* (вставка *ъ-* компенсировала нарушение правила). Семантическими причинами вызвано распределение вариантов префикса **об-* перед шумными в таких глаголах,

как *občiniti: болг. *обчинѣ* ‘совершить, наделать’, с.-х. *opčiniti* ‘околдовать; очистить, провеять хлеб’, диал. *очини*, словен. *občiniti* ‘обработать, просеять, провеять (хлеб); очистить (душу от грехов)’, также *očiniti*, стар. *občiniti*, в.-луж. *wobčinić* ‘устроить, совершить; завещать’, н.-луж. *hobcuniś* ‘переделять, обносить’, польск. диал. *oczynić* ‘навести чары, околдовать’, др.-рус. *очинити* ‘устроить, создать’, ‘очинить’, рус. *очинить* ‘заострить’, *обчинить* ‘починить все’, диал. *очинить* ‘снять шкуру (с туши животного)’, *обчинить* ‘уложить’ [ЭССЯ 26: 139], где вариант *ob- используется, например, для выражения значения заверщенного действия и всестороннего охвата. При этом нередко формы с разными вариантами префикса выступают параллельно в одних и тех же языках и в тождественных значениях, ср. словен. *očesati* и *občesati* ‘ободрать, оборвать; очесать, вычесать’, кашуб. *ołosac* и *obłosac* ‘отесать’, рус. *очесать* и *обчесать*, укр. *очесати*, *обчесати* ‘расчесать’, белор. *ачасаць* и *абчасаць* [Там же: 138], что свидетельствует либо о конкуренции префиксов в тех или иных словообразовательных моделях, либо о каких-то намечающихся семантических различиях алломорфов.

Наиболее строго соблюдался морфонологический принцип по отношению к основам на гласный и сонорный, где безусловно преобладает вариант *ob-. Последовательные отступления от этого принципа могут свидетельствовать о неокончательно выясненной морфемной структуре и этимологии слова, как, например, в случае *obrǫdъje ‘орудие’, где ни в одном славянском языке не засвидетельствованы формы с ожидаемым *ob-, или *obrěхъ ‘орех’, где также отсутствуют формы на *ob-. Если же такие отступления появляются наряду с «правильными» формами, то их следует объяснять действием определенных продуктивных семантических или деривационных моделей. Например, в позиции перед начальным n- представлены в основном закономерные формы на *ob- (ср. *обнищать*, *обновить*, *обнаружить*, *обнести*, *обнизать* и т. д.), однако в некоторых случаях в этой позиции обнаруживаются формы, противоречащие правилу, т. е. формы с начальным *o-. Наиболее последовательно они выступают в глаголе *obněměti ‘онеметь’ и его

дериватах, а также в словах, содержащих отрицательный префикс **ne-*, ср. **obnečistiti (se)*: с.-х. *onečistiti* ‘запачкать, осквернить’, польск. *onieczyścić się* ‘запачкаться, загрязниться’; в глаголе **obnemog’i (se)* ‘обессилеть, изнемочь’ наблюдаются оба варианта префикса (ср. др.-рус. *онемочи*, белор. *абнемагчы*). Таким образом, заслуживают специального рассмотрения прежде всего случаи нарушения главного морфонологического принципа распределения вариантов префикса, т. е. появление форм на **o-* в позиции перед гласными и сонорными и форм на **ob-* в позиции перед шумными согласными. Именно в этих случаях мы можем наблюдать действие других факторов, влияющих на распределение вариантов префикса (словообразовательных и семантических моделей деривации).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ. С помощью приставки **ob-/o-* в праславянском образовывались следующие типы дериватов: 1. отглагольные глаголы (внутриглагольная префиксальная деривация с дальнейшими глагольными и именными производными), например **obkopati < *kopati*, **obvoditi < *voditi*, **obdariti < *dariti*, **obkositi < *kositi* и т. п.; 2. отыменные глаголы, мотивированные прилагательными, например **občъrstviti*, **občъrstvēti < *čъrstvъjъ*, **obbosēti < *bosъ*, **obxromēti < *xromъ*, **obglupēti < *glupъ*, **obglušiti < *gluхъ*; 3. отыменные глаголы, мотивированные существительными, например **obbabiti < *baba*, **občirēti < *čirъ*, **obbezumēti < *bezumъ*, **obkamenēti*, **obkameniti < *kamenъ*, **obsvoboditi < *svoboda*; 4. префиксально-суффиксальные отыменные дериваты: **abdolъje < *dolъ*, **obdvorъje < *dvorъ*, **obgolvъje < *golva*, **obgъrdlica < *gъrdlo*, **obvētrēti < *vētrъ*, **obvēstiti < *vēstъ*; 5. прилагательные, образованные от прилагательных, с «ограничивающим» значением: с.-х. *očrven* ‘красноватый’, *obpedak* ‘довольно редкий’, чеш. *abdolný* ‘продолговатый’, *obstárný* ‘староватый’, польск. *obstary* ‘староватый’, *obrzędni* ‘более редкий’, *obwysz* ‘более высокий’, рус. *обишпный* и т. п., на которые указал уже Миклошич [Miklosich 4: 218].

В ЭССЯ этот ряд расширен за счет материала разных славянских языков и включает: **občъrnъ(jъ)* ‘черноватый’,

*občistъ(jь) ‘довольно чистый’, *obdальnъjь ‘далековатый’, *obdьlgъ(jь) ‘довольно длинный’, *obnizъkъ ‘довольно низкий’, *obpьlnъ(jь) ‘довольно полный’, *obrědъkъ(jь) ‘довольно редкий’, *obstarъ(jь) ‘староватый’, *obsuxъ(jь) ‘суховатый’, *obvysokъ ‘достаточно высокий’, *obvelikъ ‘довольно большой’; ср. еще словен. *osiv* ‘сероватый’, *otemen* ‘темноватый’, в.-луж. *wobčorn* ‘черноватый’, н.-луж. *hopozdže* ‘поздновато’, *homlody* ‘сравнительно молодой’. С семантической и словообразовательной точки зрения эти прилагательные вполне однозначны («сложение префикса *ob-* и прилагательного») и потому далее рассматриваться не будут. Они представляют интерес лишь с точки зрения морфонологической, поскольку не всегда подчиняются общему правилу распределения и во многих случаях сохраняют вариант *ob- перед консонантным корнем.

Принадлежность префиксального глагола к одной из словообразовательных моделей не всегда может быть определена однозначно. В ЭССЯ при наличии соответствующего бесприставочного глагола выбор всегда делается в пользу внутриглагольной деривационной модели (например, «сложение *ob-* и глагола **gnesti*»); если же такого глагола нет, то он объявляется «слабо засвидетельствованным» (ср. о глаголе **obdolěti* в [ЭССЯ 26: 162]). Между тем реальное словопроизводство может быть двояким — отглагольным и отыменным. Например, глагол **obkrušiti* (*se*) в ЭССЯ однозначно трактуется как «сложение *ob-* и глагола **krušiti* (*se*)». Однако в статье наряду с глаголами, семантически соотносимыми с глаголом **krušiti* (*se*), например словен. *okrušiti* ‘обломать, сломать’, ‘отбить’, *okrušiti se* ‘обрушиться’, чеш. *okrušiti* ‘отломить’, ст.-польск. *okruszyć* ‘облупить, уменьшить в объеме’, приводятся глаголы совсем иной модели, мотивированные существительным: с.-х. *okrušiti* ‘есть что-л. с хлебом’, ‘давать кому-н. хлеба’, ‘запастись хлебом’, ‘поесть хлеба’ и т. п. от хорв. *kruh* ‘хлеб’. Примером двойственной деривационной модели может служить и глагол **obkaliti*, который соотносится в одних случаях с глаголом **kaliti* и имеет значения ‘закалить сталь’, ‘сделать обжиг посуды’ и т. п., а в других — с существительным **kaľь* и имеет значение ‘испачкать’, ‘запачкать грязью’ и т. п. (в ЭССЯ

однозначно возводится к глаголу **kaliti*). Двойственность деривационной модели может быть и не столь очевидной: для многих глаголов, соотносительных с прилагательными, в принципе возможны оба способа производства — как от соответствующего бесприставочного глагола, так и непосредственно от прилагательного, которым мотивирован бесприставочный глагол. Например, глаголы **obbělěti*, **obběliti* могут восходить как к глаголам **bělěti*, **běliti*, так и к прилагательному **bělъ* (это зависит уже от семантической модели: ‘сделать(ся) белым’ или ‘завершить побелку’). Наконец, немало таких приставочных глаголов, которые вообще не имеют соотносительных бесприставочных и, следовательно, производны непосредственно от имен, ср. рус. *обновить*, *обнажить*, *обнаружить*, *обнулить*, *обветрить*, *опоясать*, *омолодить* и т. п.

От принадлежности префиксального деривата на **ob-/o-* к той или иной модели деривации в значительной степени зависит выбор алломорфа префикса. В общем случае можно сказать, что по-разному ведут себя отыменные и отглагольные дериваты: вариант **o-* независимо от морфонологического фактора чаще выступает в отыменных дериватах, чем в отглагольных, и наоборот — выбор варианта **ob-* вопреки общему правилу распределения в большей степени характерен для отглагольных производных, чем для отыменных. Так, глаголы **obxolděti*, **obxolditi* не обнаруживают в славянских языках продолжений с вариантом **ob-*, как и глаголы **obdičati*, **obdurěti*, **obxroměti*, *obxuděti*, *obkolěti*, **obkrivěti*, соотносимые с именами **dikъ*, **durъ*, **xoldъ*, **xromъ*, **xudъ*, **kolъ*, **krivъ* или имеющие двойственную (глагольно-именную) мотивацию. В статьях **občeljъe* (< **čelo*) или **obgolva* (< **golva*), **obkrōgliti* (< **obkrōglъjъ* < **krōglъjъ*) нет ни одного примера с **ob-*; в статье **občistiti* (< **čistъ* или < **čistiti*) формы с вариантом **ob-* представлены либо как факультативные (ст.-словац. *očistit’* и *občistit’*, укр. *очистити* и *обчистити*, белор. *ачысціць* и *абчысціць*), либо как семантически маркированные (ср. рус. *очистить* ‘сделать чистым’ и *обчистить* ‘обокрасть’).

Можно сказать, что подобные случаи просто выдерживают общее правило, по которому консонантные корни выбирают

алломорф *o-, однако в отглагольных дериватах это общее правило нарушается слишком часто, что обусловлено семантикой (о чем ниже).

Эту же зависимость вариантов не только от морфонологического (фонетического), но и от грамматического фактора установила по отношению к современному русскому языку А. Эндресен: «Результаты обоих исследований (корпусного и экспериментального. — С. Т.) сходятся на признании статистической значимости двух факторов выбора приставки — наличия сонорного согласного в начале производящей основы и морфологического типа этой основы (глагол или имя). Анализ экспериментальных данных позволил выявить, что в механизмах активного словопроизводства фонетический фактор имеет больший вес, чем структурно-семантический. Наличие начального сонорного согласного мотивирует выбор приставки и в случае глагольных, и в случае именных производящих основ и предполагает общие фонологические принципы дистрибуции приставок o- и ob-» [Эндресен 2013: 65].

Семантика. Таким образом, если отклонения от генерального морфонологического принципа распределения алломорфов *ob- и *o- могли в определенной степени зависеть от грамматической (словообразовательной) модели деривации (в одном и том же фонологическом окружении случаев нарушения этого принципа больше в отглагольной деривации, чем в именной), то в области внутриглагольной деривации разная степень следования общему принципу очевидным образом зависела от семантической модели деривации. Ср. глаголы *obděti, *obděvati и их производные, где во всем материале представлены исключительно дериваты на *o- (в соответствии с общим правилом), и глаголы *obgļedati (sę), *obgļedēti (sę), где формы на *ob- (противоречащие общему правилу) и на *o- (соответствующие общему правилу) сосуществуют в примерном соотношении 1:5, или глагольное гнездо *obdirati, где также сосуществуют дериваты на *ob- и на *o- (нередко в качестве параллельных), причем первые даже преобладают (особенно в восточнославянских примерах).

Появление противоречащих морфологии глагольных форм на **ob-* в [ЭССЯ 27: 29] объясняется так: «Формы с префиксальным *ob-* (*объ-?*) — вероятно, следствие позднего аналогического восстановления префиксальной структуры». В действительности, скорее всего, это вторичное, «инновационное» **ob-*, эмансипировавшееся и ставшее продуктивным в определенных значениях (окружения, разностороннего охвата и т. п.) независимо от морфологической позиции. Чтобы это подтвердить, рассмотрим основные семантические типы праславянских глаголов с префиксом **ob-/o-*. Необходимо, однако, учитывать условность предлагаемой семантической классификации, связанную с краткостью и неполнотой словарных дефиниций, с отсутствием контекстов, а главное — с диффузностью самих значений, многозначностью конкретных глаголов и двойственностью словообразовательных моделей. Несмотря на это, некоторые семантические модели выделяются достаточно надежно. Так, в чешском пособии для данного префикса выделяются значения кругового движения (*обойти*), фактитива (*ослабить*), перфективирующее (*оклеветать*, *очистить*) [ESSJ 1: 138]

1. ПЕРФЕКТИВАЦИЯ (завершенность – результативность).

Префикс **ob-/o-* — один из способов перфективации, т. е. образования глаголов совершенного вида от соответствующего бесприставочного глагола несовершенного вида, например **obbriti* ‘обрить’ < **briti* ‘брить’, **obbodati* ‘забодать’ < **bodati* ‘бодать, колоть’, **obborniti* ‘защитить’ < **borniti* ‘защищать’, **obbuditi* (*se*) ‘пробудиться’ < **buditi* ‘будить’, **občekati* ‘подождать’ < **čekati* ‘ждать’, **obgniti* ‘сгнить’ < **gniti* ‘гнить’, **obtruti* ‘отравить’ < **truti* ‘травить, отравлять’. В этом значении глаголы с данным префиксом соблюдают общее морфологическое правило распределения вариантов, т. е. в позиции перед шумными согласными не имеют форм с начальным **ob-*. Однако таких «чистых» примеров перфективации немного — в большинстве случаев перфективное значение сочетается с другими значениями, прежде всего с семантикой полного охвата действием объекта, например **obběgti* ‘обежать всюду или со всех сторон’, **obbīiti* ‘сбить’ и ‘обить (со всех сторон)’, **občistiti* ‘очистить (полностью, со всех сторон)’, **obderti* ‘ободрать (со

всех сторон), *obgoriti ‘обжечь (со всех сторон)’, *obkaditi ‘окурить (со всех сторон)’ и т. п. В этом типе глаголов появление варианта на *ob- мотивировано именно этими сопутствующими значениями.

2. ПРЕКРАЩЕНИЕ – ОКОНЧАНИЕ. Разновидностью перфективной семантики можно считать значение прекращения действия в связи с его завершением. В глаголах этого типа префикс *ob- оказывается синонимичным префиксу *ot-, для которого подобная семантика вполне регулярна [Толстая 2013б: 238; наст. изд., с. 367–386]: ср. *obdojiti / *otdojiti ? (знак вопроса стоит в ЭССЯ) < *dojiti: 1. (перфектив) *odouiti* ‘вскормить грудью’, рус. диал. *одоить* ‘подойти (корову)’; 2. прекращение, рус. арханг. *обдоиться* ‘закончить дойку коров’, словен. *ubdójt* ‘отнять ребенка от материнской груди’, ‘прекратить что-л., не давать более’, кашуб. *obdojic* ‘выдоить в последний раз’; рус. диал. *обкоситься* ‘окончить покос’; с.-х. *ocvasti* (< *obkvisti) ‘отцвести’, словен. *ocvesti* ‘отцвести’ (наряду с противоположной семантикой начала действия: укр. *обцвісти* ‘зацвести’, относящееся скорее к перфективному типу и имеющее значение ‘расцвести’).

3. РАЗНОСТОРОННИЙ (ПОЛНЫЙ) ОХВАТ ОБЪЕКТА. Если же смысловой акцент смещается с самого действия на объект, приставочный глагол получает значение разностороннего или всестороннего охвата объекта: *obbryzgati ‘забрызгать, покрыть брызгами’, *obcěpiti ‘оцепить’, *obdělati ‘обработать, окружить и т. п.’, *abdōti ‘обдуть’, *obdrapati (sę) ‘ободрать, поцарапать(ся)’, *abdumati ‘обдумать’, ‘обсудить’, ‘договориться’, ‘уговорить, объяснить’, *obgovoriti (sę) ‘оговорить, оклеветать, обвинить’, ‘наслать порчу’ и т. п. При таком акценте вероятность употребления варианта на *ob- возрастает, ср. *obstrigt’i ‘остричь’: ц.-слав. *остришти*, болг. *острижа*, с.-х. *ostrići*, словен. *ostriči* и *obstriči*, польск. *ostrzyć* и *obstrzyć*, рус. *остричь* и *обстричь* (первый глагол скорее со значением перфективности к *стричь*, второй — с семантикой окружения или полного охвата); то же польск. *ostrugać* и *obstrugać* ‘острогать, ободрать, очистить’, рус. *обстригать*, *обстрогать* ‘выстригать кругом’, ‘выстригать со всех сторон’, словац. *obstat’* ‘остаться’

и ‘обступить, окружить’, польск. *obestać*, редко *ostać* ‘постлать кругом’. Ср. также вост.-слав. *обнищать* (сплошь с *об-*) и *онеметь* (только с *о-*): при одинаковой морфонологической позиции (перед начальным *n-* корня) и одинаковой словообразовательной модели (глаголы, мотивированные прилагательными) они выбирают разные варианты префикса, что может быть объяснено, скорее всего, семантическим фактором: понятие обнищания включает в себя сему «полностью, во всех отношениях, совершенно» (*нищий*), чего нет в случае *онемения*.

4. КРУГОВОЕ ДВИЖЕНИЕ. Представляет собой частный случай полного охвата (в его пространственном варианте), и далее идеи завершенности, полноты исполнения действия. Но конкретная пространственная семантика кругового движения отчетливо выделяет глаголы с этим значением на фоне более диффузных глаголов, и потому именно они характеризуются наиболее устойчивой формой с **ob-*. Именно с них, по-видимому, начинается «эмансипация» этого варианта префикса в качестве автономной морфемы, продуктивность которой в истории отдельных славянских языков со временем возрастала (особенно в восточнославянских языках). Наиболее показательный в этом отношении пример — глагол **obxoditi*. На фоне сплошных форм разных славянских языков на **ob-* в этом гнезде отмечено всего несколько слов с начальным **о-*: болг. диал. *оходило ма ѝе* ‘безл. обидело меня’, с.-х. *ohoditi* ‘обходить, пропускать, окружать’, словен. *ohoditi* ‘обходить, проходить’, ст.-чеш. *ochoditi* ‘обходить’, чеш. *ochoditi* ‘обойти, обмануть’, ст.-польск. *ochodzić* ‘обходить, обойти кругом’; ср. еще рус. диал. *оход* ‘пищеварение’, ‘прямая кишка’, ‘испражнение’ [СРНГ 25: 43]. Среди этих примеров есть такие, в которых префикс имеет не значение кругового движения, а другое значение, связанное с понятием «мимо» (о чем см. ниже). В словарной статье **obstopiti* глаголы со значением кругового движения имеют формы на **ob-*: с.-х. *opstupiti*, словен. *obstopiti*, чеш. *obstoupiti*, словац. *obstúpiti*, рус. *обстунуть* (некоторые наряду с формами на **о-*). Аналогично в статье **obskakati* представлены формы на **ob-* и на **о-*. Ср. еще польск. *obciskać* ‘сжимать вокруг’, рус. диал. *отискать* ‘унимать, разнимать

кого-л.' и *обтискать* 'обжимать, обминать, плотно укладывающая', укр. *обтискати* 'сжимать, придавая размер или форму', белор. *абціскаць* 'обжимать, обминать'. Во всех этих случаях в ЭССЯ указывается, что «форма префикса *ob-* — следствие вторичного восстановления». Если это так, то «вторичное восстановление», противоречащее основному (морфонологическому) принципу распределения алломорфов, и есть проявление более сильной тенденции к семантическому распределению алломорфов **ob-* и **o-*, т. е. появлению самостоятельного префикса **ob-* с семантикой кругового движения.

5. ДИСТРИБУТИВНАЯ СЕМАНТИКА. Глаголы с префиксом **ob-/o-* могут иметь значение действия, направленного на множество объектов, ср. рус. *обойти* (все дворы), *обнести* (гостей чаем), *одарить* (всех детей), *обстирать*, *обшить* (всю семью) и т. п. Ср. еще болг. *обдавамъ* 'раздавать многим, подавать', чеш. *obdávati* 'окружать, обносить кругом', н.-луж. *hobdawaś* 'окружать, обложить, снабдить', польск. диал. *obdawać* 'давать корм скоту'. Это значение по существу производно от значения полного охвата, отличаясь от последнего тем, что этот «охват» подразумевает не один объект целиком, а множество объектов как единое целое.

6. ДЕЙСТВИЕ «МИМО ОБЪЕКТА». Парадоксальным образом та же модель может иметь противоположное значение — исключения одного из ряда объектов. При сугубо пространственном характере действия это может пониматься как движение мимо, в обход некоторого объекта, ср. *обойти* (лужу), *объехать* (препятствие), а в случае других действий — как исключение объекта из сферы действия, ср. рус. *обделить* 'лишить при разделе' (при *оделить* 'дать подарки, наделить, одарить'), *обнести* (пронести мимо, миновать, обходить при угощении) и т. п. При акценте на самом исполнителе действия глагол может получать значение **опережения** (опередить = оставить позади), ср. рус. *обойти* 'опередить, превзойти', *обогнать* 'то же', диал. *оббежать* 'опередить в беге', *окосить* 'обойти, оставить кого-л. без внимания, места', с.-х. *obkositi* 'опередить кого-л. в косьбе' и т. п. При включении прагматического (оценочного) фактора действие подобного типа может пониматься как **ошибочное**,

ср. рус. перм. *оглядеться* ‘ошибиться, приняв кого-н. за другого’, пск., твер. *обглянуться* ‘ошибиться напогляд’, ‘то же, что *обгадаться*, *обознаться*, ошибочно принять одно за другое’, *обкроить* ‘обделить, обмерить меркою, кроить так, чтобы кому-л. не достало’, *обкроиться* ‘обкроить себя самого, ошибиться в кройке’, *оступиться* ‘неловко, неудачно ступить’ и т. п. (все примеры из статей ЭССЯ). Ср. еще рус. *оговориться*, *ослышаться*, *обсчитаться*, *обознаться* и т. п.

7. ДВИЖЕНИЕ В СТОРОНУ. Еще одно «пространственное» значение префикса **ob-/o-* можно определить как движение в сторону, удаление или опускание вниз, нисхождение, уменьшение, освобождение от чего-л., лишение чего-л., ср. рус. *облететь*, *опась*, *оползать* (и далее *оползень*), *осесть*, *отечь*, *осунуться*, *осыпаться*, рус. диал. *обтрусить* ‘стряхнуть плоды с дерева’, ‘встряхнув, очистить, освободить от чего-н.’ и т. п. Интересен польский пример, приводимый Я. Карловичем: *oboleć* ‘начать меньше болеть’ [Karłowicz 3: 365]. То же в случае движения объекта действия: с.-х. *obdúnuti* ‘сдуть’. В подобных глаголах префикс **ob-* семантически сближается с префиксом **sъ-*, передающим движение вниз (ср. *спустить*, *снять*, *сбросить*, *снести*).

Рассмотренные выше семантические модели деривации относились к внутриглагольному словопроизводству. Если же обратиться к о т ы м е н н ы м д е р и в а т а м, то они представляют следующие модели: два основных «субъектных» семантических типа — активный, представленный глаголами на *-ěti* (‘стать кем, каким’), и каузативный, представленный соотносительными глаголами на *-iti* (‘сделать кем, каким’), ср. **obvǔdověti* ‘овдоветь, стать вдовой’, **obsirotěti* ‘осиротеть’, **obxroměti* ‘охрометь, стать хромым’ и **obxromiti* ‘сделать хромым, искалечить’, **obbosěti* ‘стать босым’, **obbr’uxatěti* ‘забеременеть’ (< **br’uxatь*). Очень редко это бытийные глаголы — ‘быть кем, каким’: ст.-слав. **обилувати**, макед. *обилува*, с.-х., словен. *obilovati*, др.-рус. *обилувати* — все в значении ‘изобилывать, быть обильным’. Затем два «объектных» типа (с участием объекта) — каузативный (‘наделить кого чем’) и активный: ‘овладеть чем’, ‘получить что-л.’, ср., с одной стороны,

**obbabiti* ‘женить’ < **baba*, **obgraničiti* ‘ограничить’ < **granica*, **obgnojiti* ‘удобрить навозом’, рус. *опоясать* (букв. «наделить поясом»), **obkridliti* ‘взять под защиту’, ‘воодушевить’ (букв. «наделить крыльями»), **obkoriti* ‘покрыть корой’, **obgolviti* ‘сделать к обуви головки’ и т. п., с другой — **obbabiti se* ‘жениться’ < **baba* (букв. «получить бабу»). Соотносительные с именем глаголы могут иметь двойную мотивацию — непосредственно от имени (*очистить* < *чистый*, т. е. ‘сделать чистым’) и от отыменного глагола (*очистить* < *чистить* < *чистый*, т. е. ‘совершить действие очищения’).

Как уже было сказано, в сфере отыменных дериватов (если не считать позиций перед сонорными) форм на **ob-* практически нет, поскольку пространственная семантика, носителем которой выступает этот вариант префикса, в данном случае нерелевантна, и отыменные глаголы и их дериваты последовательно соблюдают главное (морфонологическое) правило распределения алломорфов. Если же у таких глаголов появляются образования на **ob-*, то это прежде всего касается каузативных глаголов на *-iti* (а не глаголов на *-ěti*), поскольку они предполагают воздействие на объект и, следовательно, возможность его всестороннего охвата (ср. **obšalěti*, где нет форм на **ob-*, и **obšaliti*, где такие формы есть; ср. еще рус. *одуреть* и *обдурить*). Кроме того, формы на **ob-* в таких случаях репрезентируют те семантические модели, которые характерны для внутриглагольной деривации, прежде всего модель с семантикой перфективации, ср. приводимые в статье **obcěliti* (*se*) формы: с.-х. (редкое) *ocijeliti*, словен. *oceliti* ‘исцелить, залечить’, польск. *ocalić*, также диал. *obcalić* ‘спасти, избавить’, *ocalić się*, *obcalić się* ‘спастись, уцелеть’, словин. ‘то же’ (все эти формы в [ЭССЯ] считаются «сложением *ob-* и **cěliti*»).

Можно думать, что, скорее всего, в случае двойной мотивации (от имени и от соответствующего бесприставочного глагола) формы на **o-*, соответствующие морфонологическому принципу, репрезентируют отыменную модель, а формы на **ob-*, противоречащие этому принципу, — внутриглагольную (и более позднюю) модель деривации. Продолжения глагола **občistiti*, соотносимые с именем (‘сделать чистым’),

имеют форму на *o- (в соответствии с общим морфонологическим принципом), тогда как глаголы, соотносимые с глаголом *чистить*, и тем более с акцентом на перфективной семантике или мотиве полного охвата, имеют форму на *ob- (вопреки общему принципу), ср. польск. диал. *obczyścić* 'очистить ствол от сучьев', рус. *обчистить* 'вычистить; обокрасть, обворовать'. Глаголы **obdebelěti*, **obdebeliti*, производные от прилагательного **debelь*(ь), вообще не имеют форм на *ob-, поскольку их не требует семантическая модель деривации. Отыменные глаголы **obsyťěti*, **obsyťiti* < **syť* также не образуют дериватов на *ob-, а глаголы той же структуры **obsyrěti*, **obsyřiti* (< **syřь*) обнаруживают всего одно отклонение от этого правила, имеющее при этом свое объяснение: рус. диал. *обсыреть* 'отсыреть' (вероятно, в интенсивном значении 'отсыреть сплошь, насквозь, совсем, со всех сторон').

Обращает на себя внимание тот факт, что семантическая и словообразовательная самостоятельность алломорфа *ob-, проявляющая себя в глаголе, нередко «сходит на нет» при дальнейшей отглагольной деривации. Так, например, если в глаголах **obstrigt'i*, **obstrigati* в разных славянских языках появляются формы на *ob- (примеры были выше), то в именных дериватах от этих глаголов (ср. **obstrižěnyje*, **obstrižina*, **obstrižьkь* / **obstrižьka*) они отсутствуют (однако в **obstrigь* несколько таких примеров есть: чеш. **obstřih* 'отрезок', рус. диал. *обстриг* 'шерсть, выбитая пулей из зверя'); среди продолжений глагола **obržiti* представлены как формы на *o-, так и формы на *ob-, тогда как в производном от него **obržьje* нет ни одного примера на *ob-.

Префикс *ob- мотивирующего глагола чаще (что естественно) сохраняется в именных дериватах с акциональной семантикой, но редко встречается в дериватах с «объектной» семантикой или со значением «отходов». Так, если в продолжениях глагола **obsypati* формы на *ob- и на *o- сосуществуют и распределяются по семантическому принципу, то в именных дериватах они сохраняются лишь в случае особой семантической маркированности, ср. в статье **obsypanьje*: с.-х. *obasipaňe*, словен. *obsipanje*, польск. *osypanie* и *obsypanie*,

др.-рус. *осыпанье* и *обсыпание*, укр. *осипання* и *обсипання*, белор. *асыпанне* и *абсыпанне*; тогда как в статьях **obsurь*, **obsurьka*, **obьsurьku* форм на *ob- почти нет (ср., однако, рус. диал. *обсыть* ‘овраг’ с семантикой движения вниз).

Многозначность. Большинство праславянских глаголов с префиксом *ob-/o- характеризуются широким спектром значений. Полисемия этих глаголов может иметь три основных источника: разные семантические и морфологические модели деривации, разные значения производящего слова (глагола или имени) и разные значения самого префикса. Каждый из этих факторов мог быть причиной многозначности конкретных праславянских глаголов не только в границах всего славянского мира, но нередко и в пределах одного языка. Приведем несколько примеров. В русских диалектах глагол *обабить* репрезентирует три разные модели деривации и, соответственно, имеет разные значения (вплоть до антонимичных): 1. ‘женить’ < *баба* ‘замужняя женщина’ (т. е. «наделить бабой»); 2. ‘выдать замуж’ < *баба* ‘замужняя женщина’ (т. е. «сделать бабой»); 3. ‘оказать помощь при родах’ < *баба* ‘повивальная бабка’ (т. е. «исполнить функции бабы-повитухи») [СРНГ 21: 339].

Регулярную многозначность обнаруживают префиксальные глаголы, восходящие к именам, поскольку они могут мотивироваться как самими именами (прилагательными или существительными), так и производными от них беспривставочными глаголами, например **občistiti* может восходить как к глаголу **čistiti* (< **čistь*), так и непосредственно к прилагательному **čistь*; в первом случае он будет скорее иметь перфективирующую семантику (т. е. означать исполнение действия «чистить»), во втором — семантику наделения объекта признаком «чистый», хотя эти значения разграничиваются с трудом, ср. польск. диал. *obczyścić* ‘очистить ствол от сучьев’, рус. *обчистить* ‘вычистить, обокрасть, обворовать’. Глагол **obkoriti*, имеющий два противоположных значения — ‘покрыть корой’, ‘превратиться в кору’, ‘покрыться корой’, с одной стороны, и ‘содрать кору’, ‘очистить от коры, обтесать’, с другой, — однозначно возводится

в [ЭССЯ] к бесприставочному глаголу **koriti*, хотя, скорее всего, здесь присутствуют также дериваты от имени **kora*. Глагол **obstaviti* по существу распадается на два самостоятельных семантических типа, противопоставленных и по структуре, и по семантике. Один из них оформляется вариантом **o-* и имеет значение ‘оставлять’ (каузировать стояние, отсутствие движения, перемещения), другой же оформляется вариантом **ob-* и имеет значение окружения: словен. стар. *obstaviti* ‘поставить вокруг’ или ‘обступить, окружить’, ст.-чеш. юридич. *obstaviti* ‘задержать, заключить в тюрьму, наложить запрет, конфисковать’ (ср. *обложить данью, налогом* и т. п.), словац. *obstaviti* ‘разложить вокруг, окружить’ (то же в н.-луж., в.-луж., польск., ст.-рус., рус.). По-видимому, это семантическое раздвоение, закрепившееся во всех славянских языках и приведшее почти к омонимии, следует возводить к праславянскому состоянию. Ср. еще одно значение этого глагола: рус. *обстavitь* ‘обойти, обогнать, опередить, превзойти’.

Вот еще несколько примеров многозначности глаголов с префиксом **ob-/o-*:

**obsěsti*: ● перфективность: ст.-чеш. *osjesti* ‘поселиться, занять определенное место’, словац. *osiest'* ‘занять место, захватить’, ● круговое действие: словен. *obsesti* ‘сесть вокруг’, ● движение вниз: с.-х. *osjesti* ‘осесть, наклониться’, польск. *osiąść, obsiąść* ‘завалиться, обрушиться, оползти, осесть’, рус. *осесть* ‘опуститься вниз’;

**obběžati*: ● круговой охват: рус. *оббежать*, ● перфективность: н.-луж. *hoběžas'* ‘проходить, пробегать (о времени и воде)’, ● опережение: рус. диал. *оббежать* ‘опередить в беге’;

**občepiti*: ● охват: польск. *oczepić* ‘обвешать, навешать’, с.-х. *orčepiti se* ‘обмотаться, закрутиться’, ● наделение чем-л.: чеш. *očepiti* ‘одеть чепец на голову’, кашуб. *očer'ic* ‘обрядить невесту в чепец’;

**obděliti*: ● охват: польск. *obdzielić* ‘наделить, раздать’, ● «мимо»: рус. *обделить* ‘лишить при разделе’;

**obdojiti*: ● перфективность: др.-рус. *одоити* ‘вскормить грудью’, ● прекращение: рус. арханг. *обдоиться* ‘закончить

дойку коров', словен. *ubdójt* 'отнять ребенка от материнской груди', 'прекратить что-л., не давать более', кашуб. *obdojic* 'выдоить в последний раз';

**obgan'ati* (*sę*): ● удаление: ст.-чеш. *oháněti* 'защищать, отражать нападение', ст.-польск. *oganiać* 'защищать', н.-луж. *hogańaś* 'прогонять, выгонять (например, мух)', ст.-белор. *обгоняти* 'отгонять', белор. диал. *абганяць* 'сдувать ветром', ● круговое движение: чеш. *oháněti* 'гнать вокруг, окружать, обносить оградой, стеной, обводить участок земли бороздами', в.-луж. *wobhanjeć* 'обегать, объезжать', польск. *oganiać, obganiać* 'обегать, объезжать, окружать, обносить, опоясывать, защищать'; ● охват: рус. диал. *обгонять* 'окучивать картофель', ● опережение: рус. *обгонять* 'опережать', ● перфективность: рус. диал. *обгонять* 'оплодотворять при случке';

**obkositi*: ● перфективность: с.-х. *okositi* 'скосить', ● круговое действие: словац. *obkosit'* 'обкосить вокруг', ● окончание: рус. диал. *обкоситься* 'окончить покос', ср. укр. *обкіски* 'праздник окончания косьбы', ● приобретение нужных качеств вследствие долгого употребления (о косе): рус. *обкоситься*, ● пропуск: рус. диал. *окосить* 'обойти, оставить кого-л. без внимания, места', ср. белор. диал. *абкосык* 'сено, случайно оставленное косцами'.

Диффузность значений. Во многих случаях глаголы с префиксом *ob-/o- отличаются диффузностью значения, т. е. совмещением разных значений или некоторой семантической неопределенностью. В особенности трудно разграничить семантику перфективности и семантику полного охвата, поскольку перфективность, т. е. законченность и результативность действия, часто предполагает полный охват объекта действием. Например, в глаголах **obstrigt'i*, **obstrigati* представлены формы на *o- (соответствующие общему морфонологическому правилу) и формы на *ob- (нарушающие общее правило) почти в равном соотношении, и можно подумать, что первые выражают перфективность (завершенность действия), а вторые — полный охват или круговой характер действия. В действительности же формы с обоими вариантами префикса могут

практически не различаться и выступать как параллельные, ср. польск. *ostrzyć* и *obstrzyć*, рус. *остричь* и *обстричь*, тот же параллелизм отмечается в кашубском, украинском и белорусском. И все-таки формы на **ob-* в какой-то степени отражают «круговой» характер действия и, как более выразительные, замещают формы с **o-*.

Не всегда удается четко разграничить и значения окружения (кругового движения) и полного охвата, ср. **obgorditi* ‘обнести стеной, забором’ и ‘окружить, взять в кольцо’, **obdrapati* ‘ободрать’ и ‘разорвать, поцарапать’, **obduŋoŋi* ‘обдуть’ и ‘сдуть’, **obgatiti* ‘построить плотину, запрудить’ и ‘обнести изгородью дом, двор’, **obgladiti* ‘сделать гладким, выгладить’ и ‘обрубить ветки со ствола, сделать гладким со всех сторон’ и т. д.

Семантика глагола может расширяться за счет подключения прагматических факторов, особенно оценки. Так, продолжения глагола **obkŕmiti* имеют оценочные значения ‘обкормить, накормить до отвала’ и ‘отравить’, которые «надстраиваются» над исходным перфективным значением, причем отрицательная оценка в первом случае относится к самому действию как к излишне интенсивному, а во втором — к объекту (качеству пищи).

Многозначность префикса **ob-/o-* связывает его синонимическими отношениями с рядом других глагольных префиксов прежде всего в значении перфективации (завершенности – результативности), но также в значении прекращения – окончания, начала, чрезмерного действия и др., а именно с префиксами **ot-* (ср. **obkvisti* ‘отцвести’, **obpusiti* ‘отпустить’), **za-* (ср. **obbodati* ‘забодать’, **obbolēti* ‘заболеть’, **obgorēti* ‘загореться, начать гореть’, **obnemogŋi* ‘занемочь’), **sŕ-* (ср. **obgniti* ‘сгнуть’, **obgrēti* ‘согреть’), **per-* (**obkŕmiti* ‘перекормить’, польск. *opasć się* ‘обкормиться, объесться’, **obpiti* (*sę*) ‘слишком много выпить’), **vy-* (**obbrysati* ‘вытереть’), **po-* (**obkryti* ‘покрыть’, **obraniti* ‘поранить’, **obbělēti* ‘побелеть’, **obxudēti* ‘похудеть’), **pri-* (**obgnesti* ‘придавить, прижать’), **orz-* (**obbuditi* ‘разбудить’) и др.

Рассмотренный здесь материал разных славянских языков позволяет заключить, что представленный в ЭССЯ корпус праславянских образований (главным образом глаголов и их дериватов) с префиксом **ob-/o-* отражает разные стадии преобразования предполагаемого исходного праславянского состояния, в котором распределение алломорфов префикса зависело исключительно от морфонологического фактора (перед корнями, начинавшимися с гласного или сонорного, был представлен алломорф **ob-*, а перед корнями, начинавшимися с шумного согласного, — алломорф **o-*). В так называемом позднем праславянском языке, который реконструируется в ЭССЯ, это правило претерпело существенное ограничение под действием двух других факторов — продуктивных деривационных моделей и семантических моделей, закрепивших за собой один из вариантов префикса и тем самым положивших начало частичной эмансипации этих вариантов, продолженной в истории отдельных славянских языков (при этом в разных языках эта тенденция реализовалась в разной степени).

ПРАСЛАВЯНСКИЙ ПРЕФИКС *OB-/O- ПЕРЕД КОРНЕВЫМ V-

А и Б сидели на трубе.
А упало, Б пропало.
Что осталось на трубе?
Загадка-шутка

Дериваты с префиксом *ob-/o- (прежде всего глагольные) известны всем славянским языкам и в основной своей массе надежно возводятся к праславянскому состоянию. Общая формальная и семантическая характеристика префикса (и соответствующего предлога) дана в [ESJS 1: 132–141]; о предлоге и его индоевропейских соответствиях см. также [ЭССЯ 26: 71–74], о семантике предлога см. [Triomphe 1958]. Как для предлога, так и для приставки исходным для праславянского считается алломорф *ob- и вторичным — алломорф *o-, объясняемый утратой -b перед согласными или «сокращением *obъ» [Miklosich 4: 218], «ослаблением ob-» [ESJS 9: 559]. Между тем материал [ЭССЯ 26–31], где содержится вся основная праславянская лексика, для которой реконструируется этот префикс, не обнаруживает строгого распределения данных алломорфов по дистрибутивному признаку: в одних и тех же праславянских лексемах в разных славянских языках и даже в одном языке обнаруживаются рефлексy обоих типов — с начальным *ob- и начальным *o-, ср. рус. *осудить* и *обсудить*, *остановка* и *обстановка*, *овал* и *обвал* и т. п. Префиксу *ob-/o- применительно к отдельным славянским языкам посвящена большая литература [см., например: Krupianka 1969; Roberts 1976; Кронгауз 1998; Кошелев 2004; Wędkowska-Korczyk 2012; Эндресен 2013]. В этих работах по-разному решается вопрос о статусе вариантов префикса *ob- и *o-; они могут трактоваться как самостоятельные морфемы или как алломорфы одной морфемы.

Вторая проблема, связанная с данным префиксом, касается морфонологических преобразований на границе префикса *ob-/o- и корня, начинающегося с v-, т. е. изменений группы *obv-*.

Именно этой проблеме посвящена настоящая статья. В данной позиции, как показывает материал [ЭССЯ 30–31], происходит либо **утрата корневого v** (преобладающий вариант): *obviděti¹ > *obiděti, *obvodъ > *obodъ, *obvaliti > *obaliti, *obvora > *obora, либо (реже) **утрата b**: *obvēděti (sę) > *ovēděti (sę), *obvējati (sę) > *ovejati (sę), *obverděti > *overděti, *obvēriti > *ověriti, *obvēkověčiti (sę) > *ověkověčiti (sę), *obvvršiti (sę) > *ovvršiti (sę), либо **сохранение всей группы obv-**: *obvezti (sę) > *obvezti (sę), *obvoziti (sę) > *obvoziti (sę), *obvoditi > *obvoditi. В одних случаях (статьях ЭССЯ) в приводимом материале из разных славянских языков и диалектов преобладают одни формы (например, в *obvēriti (sę) формы на ov-), в других — другие (например, в *obviděti, *obvolъka/-kol/-kъ, *obvora — формы на ob-), в третьих — третьи (например, в *obvoditi, *obviniti — формы на obv-). Но чаще всего одной и той же праславянской лексеме соответствуют разные рефлексy — всех трех (или двух из трех) видов (в том числе и в одном языке), иногда с преобладанием одного из них, например: *obvēsiti (sę) > ст.-слав. обѣсити, болг. обеса, обвеса, с.-х. objesiti, ovjesiti, словен. obesiti, чеш. obvēsiti, obēsiti, ovēsiti, словац. ovesiť, ст.-польск. obiesić, польск. obwiesić, др.-рус. обѣсити, обвѣсити, рус. обвесить, диал. овесить, белор. абвесіць. В сравнительно редких случаях на месте исходной последовательности obv- имеет место еще один, четвертый, рефлекс — b как следствие **двойной редукции**, т. е. утраты o и v, например *obvēsiti: болг. бѣсж, беса, с.-х. диал. бесити ‘вешать кого на виселице’.

Как можно объяснить эти различные рефлексy исходного комплекса *obv-? Почему, например, в *obvoditi нет никаких упрощений и согласные на стыке приставки и корня, судя по приведенному материалу, сохраняются практически во всех языках и диалектах, тогда как в продолжениях *obvodъ лексем с упрощением очень много? Читатель сам не в состоянии вывести правило, которому подчиняется выбор одной из трех

1 Праславянские лексемы приводятся в статье в той форме, в какой они даются в ЭССЯ.

форм, но и авторы словарных статей ЭССЯ не только не помогают ему в этом, но и вообще не сигнализируют о наличии проблемы. Единственное, что сообщается, — это то, что в случае сохранения обоих согласных на стыке морфем имеет место «вторичное восстановление». Но почему и в каких условиях происходит это «восстановление», остается неясным. В какой мере изменения праславянского инициального комплекса зависят от условий фонологических, морфонологических, словообразовательных, семантических? Рассмотрим подробнее каждый из четырех рефлексов праславянского префикса **ob-/o-* перед корневым *v-*.

1. РЕФЛЕКС *ob-*. В ЭССЯ признается абсолютным и универсальным правило перехода *obv- > ob-*, а сохранение *obv-* трактуется как «вторичное восстановление», т. е. как результат двуступенчатого изменения: *obv- > ob- > obv-*. Действительно, наиболее последовательно, как показывает материал словаря, на морфемном стыке приставки **ob-/o-* и корня, начинающегося с *v*, представлен рефлекс *ob-*. Само по себе сочетание *bv* в славянских языках возможно только на морфемной границе, и его преобразование (выпадение *v*), скорее всего, обусловлено исконным фонетическим качеством *v*, а именно его фрикативным и «сонорным» характером, определяющим и другие его особенности (ср. отсутствие ассимиляции шумных по глухости – звонкости перед *v-*, как и перед другими сонорными: *звон* и *свой*, *звать* и *сват*). Самая древняя лексика с префиксом **ob-* и корневым *v-* обнаруживает строгое следование этому правилу. Например, лексемы **obvida*, **obviděti (se)*, **obvidjati (se)* и их именные дериваты в славянских языках не знают ни одного отклонения от данного правила, т. е. нигде не сохраняют этимологического *v*-². В дальнейшем по мере перехода *v* в разряд шумных смычных согласных правило изменения *bv > b* (утраты

2 Упомянутый в ЭССЯ македонский глагол *обвидели* с семантикой ‘восстановить кому-л. зрение’ — явно поздний отглагольный дериват с внутренней формой ‘сделать видящим’ и особым, «возвратным» значением префикса; другое значение префикса и в рус. диал. *обвидеться* ‘ошибиться зрением’, ср. *ослышаться*, *оступиться*.

«сонорного» v после шумного b) перестает быть актуальным, чем и объясняются многочисленные отклонения от этого правила, т. е. случаи сохранения v после b [для русского языка см.: Иткин 2007: 83–84].

К числу наиболее последовательных случаев такой древнейшей рефлексии *obv-* в виде *ob-* относятся лексемы с глагольными корнями: **vad-*: **obvada*₁, **obvadjenъje*; **var-*: **obvarati* (sę)₂, **obvarica*, **obvarina*, **obvariti* (sę)₂; **velk-*: **obvelčь*, **obvelčъje*, **obvelčьka* / **obvelčькь*, **obvelkъ* / **obvelka*, **obvelk(ъ)lo*; **věs-*: **obvēšadlo*; **vět-*: **obvēt(j)anъje*, **obvēтъnica* / **obvēтъникъ*; **vid-*: **obvida*, **obviděti* (sę), **obvidjati* (sę), **obvid(j)ěньje*, **obvidьникъ*; **vit-*: **obvita(d)lišče*, **obvitанъje*, **obvitatel'ь*, **obvitělišče*, **obvitěль*; **volk-*: **obvolčati* (sę)₁, **obvolčati* (sę)₂, **obvolčěньje*, **obvolčica*, **obvolčidlo*, **obvolčiti* (sę)₂, **obvolčъje*, **obvolčьka*₂ / **obvolčькь*₂, **obvolčьнь(jь)*, **obvolkonъjь*; **vold-*: **obvolda*, **obvoldatel'ь*, **obvolstьнь(jь)*; **von'-*: **obvon'анъje*; **ver-*: **obvora*₁ / **obvorъ*₁, **obvorišče*; **vert-*: **obvortati* (sę), **obvortišče*, **obvortjadlo*, **obvortjanъje*, **obvortьka* / **obvortькь*; **vor-*: **obvorъka* / **obvorъкь*, **obvorъсь*, **obvorъникъ*, **obvorънь(jь)*; **vyk-*: **obvučajь*, **obvučajьнь(jь)*, **obvučьнь(jь)*, **obvukt'i* (sę); **vьl-*: **obvьlica*, **obvьličьka*, **obvьlika* / **obvьликъ*, **obvьlikonъ(jь)*, **obvьlina* / **obvьlinъ*, **obvьlinьka* / **obvьlinькь*, **obvьliti* (sę), **obvьlizna*, **obvьl'акъ* / **obvьlakъ*, **obvьlokъ* / **obvьloka*, **obvьлонь* / **obvьlona*, **obvьlostь*, **obvьlouхъ(jь)*, **obvьль* / **obvьла*, **obvьль(jь)*, **obvьльсь*, **obvьльнь(jь)*; **vьrt-*: **obvьrtанъje*, **obvьrtьсь*, **obvьrtьликъ*, **obvьrtьникъ*. В перечисленных лексемах практически нет других инициальных вариантов (o- и obv-).

Однако в значительной группе слов с глагольными корнями ожидаемый переход *obv-* > *ob-* отсутствует. К ним относятся: **obvada*₂, **obvaditi* (sę)₃, **obvarati*₁, **obvedьнь(jь)*, **obverditi* (sę), **obvezti* (sę), **obvēdati* (sę), **obvēděti* (sę), **obvēja* / **obvējь*, **obvējati* (sę), **obvēsidlo*, **obvēsti* (sę), **obvēščěньje* / **obvьvēščěньje*, **obvēvati* (sę), **obvęd(j)ati*, **obvęditi*, **obvędliti*, **obvęzti*, **obvidьněti*, **obvidьniti*, **obvixnотi* (sę), **obvijača* / **obvijačь*, **obvijьka* / **obvijькь*,

**obvirati (se)*, **obvirьka / *obvirькь*, **obvisati*, **obvisěti (se)*, **obvitькь*, **obvivьka*, **obvivьнъjь*, **obvoditi (se)*, **obvodjenъje*, **obvodь₂ / *obvodь₂*, **obvortica*, **obvorzь / *obvorzъ*, **obvoziti (se)*, **obvozьнъjь*, **obvьrěti*, **obvьrgnōti*, **obvьrgь / *obvьrga*, **obvьrzati (se)*.

Причины этого отсутствия могут быть разными и даже случайными, когда просто не оказалось (не сохранилось) слова какой-то конкретной словообразовательной модели, тогда как в других словообразовательных типах данного гнезда эффект перехода *obv-* > *ob-* представлен. Таковы, например, **obvēsidlo* — без рефлекса *ob-* при множестве форм с таким рефлексом у других слов этого гнезда (**obvēsiti (se)*, **obvēсь / *obvēсь / *obvēsa*, **obvēсьka / *obvēськь*, **obvēсьнъ(jь)*, **obvēšati (se)*, **obvēšenъje*); **obvēščenъje / *obvьvēščenъje* — без рефлекса *ob-* при наличии таких форм в других словах гнезда (**obvēstiti (se) / *obvьvēstiti (se)*); **obvidьněti*, **obvidьniti* — без форм с начальным *ob-* при обилии таких форм в других словах гнезда (**obvida*, **obviděti (se)*, **obvidjati (se)*, **obvid(j)ěнъje*, **obvidь / *obvidь*, **obvidьникь*, **obvidьнъ(jь)*); **obvijača / *obvijaчь*, **obvijьka / *obvijькь* — без форм на *ob-* при множестве их в других лексемах гнезда (**obvijadlo / *obvijadla*, **obvijati (se)*); **obvitькь*, **obvivьka* — без форм на *ob-* при **obvitъje*, **obvivati (se)*, **obvivьнъjь* с такими формами; **obvolděti* не имеет форм с *ob-*, тогда как в **obvoldьнъjь* такие формы представлены; то же несоответствие наблюдается у лексемы **obvortica* без форм на *ob-* со всеми остальными лексемами гнезда, где такие формы присутствуют (**obvorta / *obvortь / *obvortь*, **obvortati (se)*, **obvortišče*, **obvortiti (se)*, **obvortijaчь*, **obvortjadlo*, **obvortjanъje*, **obvortjati (se)*, **obvortjenъje*, **obvortьka / *obvortькь*, **obvortьнъ(jь)*); **obvьrgnōti*, **obvьrgь / *obvьrga* без форм на *ob-* и **obvьrgt' i*.

Более последовательным выглядит отсутствие форм с начальным *ob-* у слов с глагольными корнями: **věj-*: **obvěja / *obvějь*, **obvějati (se)*, **obvěvati (se)*; **věd-*: **obvědati (se)*, **obvěděti (se)*, **obvěsti (se)*, **obvěščenъje / *obvьvēščenъje*; **vęd-*: **obvęd(j)ati*, **obvęditi*, **obvędnōti*; **vor-*: **obvirati (se)*, **obvirьka / *obvirькь*; **vis-*: **obvisati*, **obvisěti (se)*.

Семантической причиной, скорее всего, объясняется отсутствие ожидаемого перехода *obv-* > *ob-* в глаголах **obveziti* (*se*), **obvoziti* (*se*), **obvoditi* (*se*) с отчетливым пространственным значением префикса, хотя в дериватах этих глаголов, кроме имен со значением действия (**obvodjěnyje*, **obvodь₂* / **obvodь₂*), такой переход представлен (**obvozь*, **obvozьnyjь*, **obvodina*, **obvodja*, **obvodь* / **obvodь₁* / **obvoda*, **obvodьka* / **obvodьkь*, **obvodьсь*, **obvodje*, **obvodьnyjь*). Возможно, семантически могут объясняться и случаи типа **obvьrěti* ‘облепить’ или **obvьrzati* (*se*) ‘обвязать, обмотать’, не имеющие форм на *ob-*.

Абсолютное большинство примеров, подтверждающих переход *obv-* > *ob-*, относится к глагольной лексике (приставочным глаголам и их именным дериватам), тогда как производные от имен в большинстве случаев такого перехода не знают (они имеют инициальные комплексы *ov-* или *obv-*). Правда, вообще примеров с префиксом **ob-/o-* при именных корнях сравнительно с глагольными немного. К ним относятся праславянские прилагательные со значением неполноты качества, засвидетельствованные в разных славянских языках: с.-х. *oveli* и *ovelik* ‘довольно большой’, с.-х. *ovisok* ‘достаточно высокий’, ст.-чеш. *obvůšný*, ст.-словац. *obvušný* ‘довольно высокий’, польск. диал. *obwusno*³; затем это глаголы с именными корнями, которые в ЭССЯ последовательно реконструируются как дериваты соответствующих бесприставочных глаголов (хотя они могут быть и непосредственными производными от имен, ср. рус. *вдова* > *овдоветь*): **obvedrěti*, **obvedriti* (*se*) ‘проясниться’ — болг. *оведря се*, словен. *ovedriiti se*, рус. диал.

3 Таких прилагательных с «аттенаутивным» значением немало, все они в ЭССЯ реконструируются с префиксом **ob-*: **občьrnь(jь)*, **obdalьnь(jь)*, **obdesnь(jь)*, **obdьlgь(jь)*, **obdьlžьnь(jь)*, **obnizьkь*, **obpьlnь(jь)* и т. д. Однако последовательное отсутствие в прилагательных с корневым v- перехода *obv-* > *ob-* заставляет думать о появлении данной словообразовательной модели или отдельных дериватов, образованных по этой модели, в более позднее время, когда правило перехода перестало действовать. Семантика «смягчительности» выражается в славянских языках и другими префиксальными моделями [ср.: Филин 1972; Богуславский, Иомдин 2009].

обведрутъ (< *vedro); **obvěkověčiti* (sę) ‘увековечить’ — болг. *овековеча*, макед. *овековечи*, с.-х. *ovjekovječiti*, словен. *ovekovečiti* (< *věkь); **obverděti* ‘покрыться нарывами’ (< *verďь); **obvěriti* (sę) ‘заверить, засвидетельствовать’ — макед. *оверу*, с.-х. *ovjeriti*, словен. *overiti* (se), чеш. *ověřiti*, словац. *overit* (< *věra); **obvětriti* (sę) ‘обветрить(ся)’ — болг. *увѣтръ*, чеш. морав. *ověřiti*, рус. *обветрить(ся)*, укр. *обвітрути(ся)*, белор. *абветрыцца* ‘обветриться’ (< *větrь); **obvolžiti* (sę) ‘увлажнить(ся)’ — макед. *овлажу* (se), с.-х. *овлажити*, словен. *ovlažiti* (se), чеш. *ovlažiti*, словац. *ovlažiť* (sa), рус. диал. *оволожить* ‘покрыть жиром’ (однако древнерусское церковнославянское с рефлексом *ob-*: *облажитися* ‘увлажниться’); **obvolžniti* ‘увлажнить’ — болг. *овлажня*, с.-х. *ovlažniti* (< *volga); **obvoniti* (*ob* + *von*’a): ц.-слав. **ОБВОНИТИ**, **ОБЪВОНИТИ**, ст.-чеш. *obvoniti*, ст.-рус. *обвонити* (< *von’a); **obvoščiti* ‘намазать воском’ — с.-х. *ovoštiti*, ст.-словен. *ovoščiti*, польск. *owoszczyć*, рус. *обвоицить* (Даль) (< *voskь); **obvǔdověti* ‘овдоветь’ — болг. *овдовея*, с.-х. *obudovjeti*, словен. *ovdoveti*, ст.-чеш. *ovdověti*, *obvdověti*, словац. *ovdovieť*, польск. *owdowieć*, рус. *овдоветь*, укр. *овдови́ти*, белор. *аўдавецъ* (< *vǔdova); **obvǔlgnǔti* ‘увлажниться’ — болг. диал. *овльгна*, с.-х. *ovugnuti*, словен. *ovolgniti*, *obvolgniti*, чеш. *ovlhnouti*, словац. *ovlhnuť*, польск. *owilgnąć* (< *vǔlga); **obvǔrxt’i* — с.-х. *оврѣти* ‘обмолотить’ (< *vǔrxь).

Однако в части лексем с именным корнем эффект перехода *obv-* > *ob-* все-таки присутствует (наряду с примерами без этого эффекта). Таковы, например, дериваты имени **vǔrxь* — **obvǔrša*, **obvǔršina*, **obvǔršiti*₂, **obvǔršje*, где среди примеров имеются лексемы с начальным *ob-*, относящиеся к старославянскому, церковнославянскому и южнославянским языкам: с.-х. *obrš* ‘холм, возвышение’, словен. *obrša* (при болг. *уврѣш*, рус. *оверш*, *обверша*, *обвершь* с другими рефлексами), др.-рус. *обръшати* ‘покрывать крышей’ (при рус. *обвершать*), черногор. *обръшина*, с.-х. *обршити* (наряду с *ovršiti*) ‘завершить, закончить’ (при словен. *ovršiti*, чеш. *ovršiti*, словац. *ovršit’*, др.-рус. *обвершити*, рус. диал. *обвершить*, *овершить*), с.-х. *obršje* ‘вершина, верховье реки’, словен. *obršje* и *ovršje* (при рус. *обвершье*, *овершье*). Есть такие примеры и среди

производных от *veselъ — ц.-слав. **ОБЕСЕЛИТИ** наряду с **ОБВЕСЕЛИТИ**, **ОБЪВЕСЕЛИТИ**, с.-х. *obeseliti* и *oveseliti*; в остальных языках представлены рефлексы с *obv-*. То же самое соотношение рефлексов исконного **obv-* характерно для праславянских дериватов от **vetъxъ*: эффект перехода *obv-* > *ob-* отражен только в ст.-слав. **ОБЕТЪШАТИ** (наряду с **ОБЪВЕТЪШАТИ**) при иных рефлексах в остальных языках. Непоследовательно оформляются и дериваты от имени **vina*: в продолжениях праславянской лексемы **obvinenъje* следы перехода *obv-* > *ob-* наблюдаются только в др.-рус. *обинение* ‘обвинение’, во всех остальных языках сочетание *obv-* сохраняется: болг. *обвинение*, чеш. *obvinění*, словац. *obvinenie*, польск. *obwinienie*, рус. *обвинение*; в глаголе **obviniti* (*se*) утрата *v* имеет место в ц.-слав. **ОБИНИТИ** (наряду с **ОБВИНИТИ**), др.-рус. *обинити*, рус. диал. *обинить* (наряду с *обвинить* и *овинить*).

Эти отклонения (как в позиции перед именными, так и в позиции перед глагольными корнями) могут быть следствием позднейшей «эмансипации» алломорфов **ob-* и **o-*, их закрепления за определенными (разными) словообразовательными и семантическими моделями деривации. Так, в случае **obvodъ*₁ / **obvoda* / **obvodъ*₁ лексемы разных языков со значением ‘обод колеса’ (как и ‘обод решета, сита’ и ‘поля шляпы’) устойчиво имеют форму без *v*, тогда как лексемы с близким значением ‘периферия, округ, окружность’, и тем более со значением отглагольного действия, часто сохраняют *v* (чеш., словац. *obvod*, польск. архаич. *obwód*, др.-рус. *обводъ* ‘межа, граница’, рус. диал. *обводы* ‘окольные пути, обходы’, укр. *обвід* ‘контур’, белор. *абвод* ‘участок земли, окопанный канавой’). Естественно, что то же соотношение форм с *v* и без *v* находим в производных от этих имен: рус. *обводка* ‘действие по глаголу *обводить*, *обвести*’, диал. *обводка* ‘украшение на одежде в виде узкой вышивки, тесьмы и т. п.’, *обводки* ‘косяки, рамы двери, окна’ и под., но — *ободок* ‘ум. к *обод*’, польск. *obodek*, словен. *obodek* ‘то же’; ср., однако, противоречащие общему распределению рус. арханг. *обводка* ‘обод колеса’, волог. *оводка* ‘ряд снопов льна, отделяющих один участок поля от другого’, чеш. *obvodek* ‘край монеты, на котором делается надпись’.

Таким образом, абсолютное большинство фиксируемых в славянских языках и диалектах лексем с инициальным *ob-* является продолжением праславянских слов на *obv-*, претерпевших системный переход *obv-* > *ob-*. Однако в некоторых диалектах отмечается вторичный переход *obv-* > *ob-* в тех же условиях, что и в праславянском, но на базе не исконных, а «восстановленных» инициалей *obv-*: рус. арханг. *обвенчать* > *обвенчать* наряду с *оввенчать*, *овенчать* (< **obvĕnčati*), *обече* наряду с *овече* (< **obvĕsje*), укр. *обітрити* (< **obvĕtriti*), т. е. вся история подобных образований в трактовке ЭССЯ выглядит так: **obv-* > *ob-* > *obv-* > *ob-*.

2. РЕФЛЕКС *ov-*. Он представлен заметно меньшим количеством примеров, чем *obv-* > *ob-* и *obv-* > *obv-*, причем очень часто соответствующая лексема имеет и другие рефлексy праславянского сочетания *obv-*. Например, в глаголе **obviti* имеются формы на *ob-* (ст.-слав., с.-х., словен., польск. диал., др.-рус.), на *ov-* (болг. диал., с.-х., словен., чеш., словац., польск., кашуб., рус.), на *obv-* (болг., макед., с.-х., чеш., словац., в.-луж., польск., кашуб., рус., укр., белор.). Такое распределение рефлексов свидетельствует о разновременности возникновения форм и о разных причинах и условиях преобразования праславянского инициального комплекса. Теоретически развитие *obv-* > *ov-* может пониматься либо как выпадение *b*, что представляется менее вероятным, чем предыдущее изменение *obv-* > *ob-* (поскольку естественнее предположить редукцию «слабого» *v*, чем «сильного» *b*), либо как результат фонетического изменения *b* > *v* (т. е. *obv-* > *ob-* > *ov-* или *obv-* > *ovv-* > *ov-*), которое известно многим славянским диалектам, и в частности русским⁴. И в том и в другом случае такие пре-

4 Ср. [Михайлова 2008]. Промежуточная стадия такого процесса отражена в русских диалектах (особенно уральских и сибирских) — в формах типа *оввенчать* ‘обвенчать’, *овветрити* ‘обветрить’, *оввязать* ‘обвязать’, *оввиться* ‘обвиться’, *овводить* ‘обводить’, *оввернуть* ‘обвернуть, обернуть’ и т. д., которые затем могли давать формы с одним *v* (ср. **obvĕtiti*: *оветить* и *ветить*). В архангельских говорах переход *obv-* > *ovv-* > *ov-* происходит регулярно: *овести* ‘обвести’, *овезти* ‘обвезти’, *овенчать(ся)*

образования происходили, скорее всего, не на праславянской почве, а на базе «восстановленных» комплексов *obv-*. В то же время формы на *ov-* могли появляться не только как результат преобразования праславянского инициального комплекса *obv-*, но и как продукт словообразовательной модели с самостоятельным префиксом *o-*, ставшей продуктивной на том этапе, когда этот вариант праславянского префикса **ob-/o-* обрел самостоятельность и оказался связанным с определенными словообразовательными и семантическими моделями [ср.: Кошелев 2004]. Поэтому реконструкция всех лексем с начальным *ov-* как рефлексов праславянских образований с *obv-* неоправданна и требует хронологических уточнений.

3. РЕФЛЕКС *obv-*. Как уже было сказано, ЭССЯ во всех случаях рассматривает образования на *obv-* не как продолжение соответствующей праславянской формы, поскольку она закономерно должна была перейти в *ob-*, а как результат ее «восстановления»⁵. Однако такое решение не кажется безупречным. Во-первых, потому, что подобное «восстановление» тоже должно было иметь свои причины и условия, и их необходимо установить и сформулировать. Главной причиной «восстановления» могло быть ощущение этимологического и семантического единства префиксальных производных и соответствующих бесприставочных производящих основ. Но скорее всего, это обстоятельство служило причиной, по которой какие-то слова вообще избегали действия праславянского перехода *obv- > ob-*, и таким образом префиксальные образования на *obv-* могли сохраняться в праславянском языке наряду с образованиями, подвергшимися переходу. Различия между одними и другими следует искать в характере семантической деривации, в степени удаления семантики дериватов от семантики производящих. Во-вторых, среди образований с инициальным

и *оввенчаться* 'обвенчаться', *оветиться* 'дать обет', *оветрить* 'обветреть, обсохнуть', *овидь* 'линия горизонта', *овинить* 'обвинить' и т. п.

5 «Форма префикса *ob-* при наличии начального *v-* корня — следствие вторичного восстановления» [ЭССЯ 31: 56, 57, 59, 60, 79, 84 и др.].

комплексом *obv-* могли быть вторичные, более поздние образования и целые модели, скрепленные семантически, которые возникали уже после того, как правило перехода *obv- > ob-* утратило силу. Прежде всего это «эмансипированные» образования с отчетливой пространственной семантикой (кругового движения), широко распространенные во всех славянских языках и диалектах и характерные не только для префиксальных дериватов с корневым *v*, но и для образований с другими корневыми инициалами. Иначе говоря, среди фиксируемых в славянских языках и диалектах слов с начальным комплексом *obv-* представлены либо соответствующие праславянские образования, по каким-то (пока не до конца выясненным) причинам избежавшие перехода *obv- > ob-*, либо лексемы с вторичными, «восстановленными» инициальными комплексами *obv-*, не подвергшимися, в отличие от слов на *ov-*, дальнейшей фонетической адаптации.

4. РЕФЛЕКС *b-*. Лексемы, имеющие в славянских языках начальное *b-* на месте праславянского комплекса *obv-*, могут пониматься прежде всего как результат закономерного преобразования *obv- > ob-* с дальнейшей утратой начального гласного *o* [ср.: Аникин 3: 262–263]⁶. Такой рефлекс, согласно ЭССЯ, имеют следующие лексемы: рус. диал., укр. *бада* ‘помеха, препятствие’ (< **obvada*₂); укр. диал. *бал* ‘невысокая гора’ (< **obvalь*); рус. *бередить* (< **obverditi* (*se*)); белор. диал. *бічай* ‘круглая дырка в верхнем ручном жернове, куда сыплются зерна’ (< **obvěčaja* / **obvěčajь*); рус. диал. *бечайка* ‘лыко, лубок’, ‘обод колеса для кручения веревок’, укр. *бечайка* ‘деревянный короб вокруг мельничных камней’, белор. *бічайка* ‘крышка кадки’, ‘обод решета’, ‘незасеянная полоса поля’ (< **obvěčajьka* / **obvěčajькь*); болг. *бѣсило* ‘виселица, вешание’, с.-х. диал. *бесило* ‘место или дерево, где кто-то повесился’ (< **obvěsidlo*); болг. *бѣсѣ*, *беся*, с.-х. диал. *бесити* ‘вешать кого на виселице’ (< **obvěsiti*); рус. диал. *болочина* ‘хворост’

6 Однако не для всех слов этого типа засвидетельствованы формы с начальным *ob-*; их нет у *obvada*₂, **obverditi*, **obvьlonьje*.

(< *obvolčina₁); рус. диал., белор. диал. *балачына* ‘туча’ (< *obvolčina₂); рус. диал. *болокаты* ‘обволакивать’, ‘одевать’ (Даль) (< *obvolkati (sę)); польск. *blonia* ‘луг’ (< *obvylonyje [ЭССЯ 31: 123]); кашуб. *bértac sq* ‘крутиться, вертеться’ (< *obvȳrtati (sę)); укр. диал. *бэрэцен* ‘полоса вспаханного поля’ (< *obvȳrtъnъ). Не все такого рода реконструкции этимологически убедительны⁷. В действительности число славянских лексем с таким рефлексом может быть значительно большим. Так, А. Лома привел для сербского языка более 80 примеров с вероятным эффектом *obv-* > *b-* [Лома 2000].

Итак, префикс *ob-/o- перед корнем, начинающимся с v, представлен в лексике славянских языков и диалектов четырьмя рефлексами — *ob-*, *ov-*, *obv-* и *b-*, которые являются продуктом определенных фонетических, словообразовательных и семантических процессов. Фонетический фактор лежит в основе переходов *obv-* > *ob-* > *b-* и *obv-* > *ov-* (как первичных, так и вторичных); морфонологическим и словообразовательным факторами обусловлено распределение рефлексов *ob-* и *obv-* (т. е. сохранение или «вторичное восстановление» *obv-* в условиях, требовавших изменения *obv-* > *ob-*), а также рефлексов *obv-* и *ov-* (возможная эмансипация позиционных вариантов префикса *ob-/o-); семантический фактор мог присутствовать во всех процессах: в частности, семантическая соотносительность префиксальных дериватов с производящими основами могла препятствовать фонетическому переходу *obv-* > *ob-* (ср. *obvoditi), а продуктивность словообразовательных моделей с устойчивой семантикой — разделению позиционных

7 Так реконструируется в словаре (вслед за Р. В. Кравчуком) и русский диалектный фитоним *березка* ‘растение вьюнок’: *obverzъka от «слабо засвидетельствованного» глагола *obverzti с эффектом устранения *o* и *v*», с чем трудно согласиться. Мне кажется более естественной версия, связывающая это название с *березой*, поскольку такого рода «внутриботанические» переносы в высшей степени характерны для фитонимии, а предлагаемая интерпретация покоится на не слишком убедительных семантических доводах [см. также: Лома 2000: 602].

вариантов префикса. Наконец, необходимо учесть и ареальный фактор — все упомянутые процессы могли иметь разную продуктивность в разных славянских языках и диалектах. Так, например, переход *obv-* > *ob-* в большей степени характерен для южнославянского ареала, а развитие *b* > *v* — для восточнославянского (и особенно для говоров Русского Севера и Урала). И наконец, многие особенности рассмотренных здесь слов (с *v* в начале корня) оказываются общими для всего корпуса славянской лексики с префиксом **ob-/o-*, независимо от начального согласного корня. Это касается словообразовательных и семантических факторов — различия приименных и приглагольных образований, эмансипации алломорфов *ob-* и *o-* и др.

СЕМАНТИКА ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛОВ С ПРЕФИКСОМ *ОТЬ-¹

Семантика префиксального глагола представляет собой сложное производное от значения префикса и категориальной семантики соответствующего бесприставочного глагола. Основные значения славянского префикса **оть-* определил уже Миклошич в своей «Сравнительной грамматике славянских языков»: «В качестве префикса *оть* сохраняет а) значение предлога *оть* и обозначает соответственно разнообразные оттенки значений удаления, отделения; б) прекращения, окончания; в) ответного действия, возвращения к предшествующему состоянию» [Miklosich 4: 223]. Далее в коротком разделе, посвященном префиксу **оть-*, Миклошич приводит примеры этих трех значений (условно — значения отделения, прекращения и ответного действия) из каждого славянского языка². Например, к первому значению он отнес³ ст.-слав. *otъbĕgnati*, *otъvrĕsti*, *otъgnati*, *otъdoiti*, *otъkryti*, *otъmoliti*, *otъskočiti*, *ostati*, *otvoriti*; словен. *odvaditi*, *odvezati*, *odgrizti*, *odjĕsti*, *odati*, *oddĕti*, *odkriti*, *odzebsti*, *odklenoti* (: *zaklenoti*), *odprĕti* (: *zaprĕti*); болг.

1 Относительно исконного праславянского вида предлога **оть* и соответствующего префикса нет единого мнения. В [ЭССЯ 36: 101] предлог дается в форме **ot(ъ)* и снабжается следующим замечанием: «Первичной формой праславянского предлога большинством исследователей признается **ot*, однако и вариант *оть* с конечным *ъ* может быть достаточно старым». При этом префикс последовательно реконструируется в форме **оть*, например **otъbiti* (*se*): «Производное с преф. **оть-* от гл. **biti*» [Там же: 140]. Это решение вызвало критику В. Б. Крысько: «Общим конститутивным недостатком 36–38 вып. является игнорирование исконного безъерового облика приставки **ot-* — хотя ранее авторы словаря исходили из реконструкции **ot-*, обоснованно выделяя варианты **občĭtati* / **otčĭtati* и **obplatiti* / **otplatiti* (вып. 26, 28) и сопоставляя образования с префиксом **ob-* и **ot-* (вып. 20, с. 51)» [Крысько 2014: 101]. В настоящей работе, основанной на материале ЭССЯ, префикс приводится в том виде, в каком он дается в [ЭССЯ 36–38].

2 В старославянском выделено дополнительное, четвертое, значение, приписанное глаголу *otъnemošti* ‘viribus deficere’.

3 Примеры приводятся в той форме, в какой они даны в источнике.

otvrъza, otkjuči, otkupi, otpira, otvori; серб. *odbaciti, odbjeći, odvrzti (konja), odagnati, odadrijeti, odigrati, odlajati, odmiljeti, odmoliti, odmoriti, odaprijeti, odslužiti, odastrijeti, odsjesti, odjahati, odljutiti, odreći, odumiti, odraniti, odbaciti (komu), otiti, oteti*; рус. *otbratъ, otbyть, otvaditъ, otgovotitъ, otnjatъ, otkazatъ, otolgatъ sja, otmoliti (ljudi otъ bēdy), otomknutъ, otperetъ, otvoritъ, otrabotatъ, otstavitъ* и т. д. Ко второму значению он отнес: ст.-слав. *otpēti*; словен. *odbiti, odvečerjati, odgrmēti, odmēniti, odpresti, odpēti, odčvesti, odjēsti*; серб. *odorati, odstajati*; рус. *otbritъ, otbēgatъ, otgovētъ, otgovoritъ (svoju rēčъ), otgorētъ (lampada otgorēla), otžitъ (svoj vēkъ), otlovitъ (rybu)* и т. д. К третьей семантической группе (со значением ответного действия) отнесены: ст.-слав. *otvēti (otvê) 'respondere' (sic!), otъdati*; болг. *otpisati*; серб. *odvratiti, odvikati, odgovoriti, odreći, odazvati se, odjeknuti*; рус. *otbritъ (datъ kolkij otvētъ), otognutъ (zagnutoe), otdatъ, otovzatъ sja (na klikъ), otъigratъ, otroditъ sja* и т. д.

Те же три основных значения **otъ-* (отделение, завершенность действия и ответное действие) вслед за Миклошичем выделяет В. Вондрак: «В качестве префикса он также означает 1. отделение: ст.-слав. *otъbēgnōti*, 2. окончание действия: ст.-слав. *otъpēti* 'перестать петь', 3. ответ, возвращение к предшествующему состоянию: ст.-слав. *otъvēštati* 'отвечать', *otъdati* 'вернуть'» [Vondrák 2: 309].

В многочисленных последующих работах — грамматиках и специальных исследованиях отдельных славянских языков — предложены более дробные семантические классификации (особенно в рамках первого — «аблативного» — значения), которые, однако, не отменяют предложенной Миклошичем схемы, а только усложняют ее. Семантике славянских префиксов в отдельных языках посвящено множество работ [см., например: Добрушина и др. 2001; Ивић 2000; Кронгауз 1997; Зализняк Анна 2006: 298–346], в которых число значений, приписываемых интересующему нас префиксу, колеблется в очень больших пределах (от трех-пяти до нескольких десятков).

Обобщение семантики и этимологии префикса **otъ-* в общеславянском масштабе предложено в этимологическом словаре грамматических слов Ф. Копечного, где представлена

иерархия значений — начиная от основного, аблативного, к которому отнесены не только «удалительные» значения глаголов движения (типа *отойти*, *отступитъ*), но и «отделительные» значения других глаголов физического действия (типа *отрезать*, *отвинтитъ*), до более частных рубрик: «обратные действия» (*opračné činnosti*) типа *отленитъ*, «возвратные» действия, восстанавливающие исходное состояние (*restaurace*), типа н.-луж. *odnowić*, *odmłodzić*; «возмещающие», или «компенсирующие», действия (*činnosti nahraditelné*) типа *отработать долг*, *отпоститъ*; значение «реванша» (типа *отомститъ*, *ответитъ*); значение «завершенного действия» типа *отработать*, *отужинать*, *отблагодаритъ*, *отмолитъ* [ESSJ 1: 154–155].

Выход в свет трех томов московского «Этимологического словаря славянских языков» [ЭССЯ 36–38], включающих почти весь корпус праславянских глаголов с префиксом **otъ-* начиная с **otъbadati* и кончая **otъtęgnŏti* (*se*), дает новые возможности для изучения данного типа глаголов в разных отношениях. Во-первых, может быть уточнена на относительно полном материале семантическая характеристика и функция самого префикса; во-вторых, может быть заново поставлен вопрос о том, какие семантические модели действительно принадлежат праславянскому языку, а какие должны считаться вторичными, возникшими в отдельных славянских языках или группах языков, притом что сама словообразовательная модель «глагол + префикс **otъ-*», безусловно, является праславянской и имеет хорошие соответствия в других индоевропейских языках (хотя не все детали этимологии префикса и соответствующего предлога окончательно установлены [см.: ЭССЯ 36: 96–102; ESJS 10: 607–608]). Систематическая обработка всех собранных в ЭССЯ данных в названных и иных аспектах не может быть, конечно, осуществлена в рамках одной статьи, поэтому здесь предлагаются лишь самые первые и в какой-то мере предварительные наблюдения над семантикой интересующих нас глаголов, тем более что в статьях ЭССЯ никакой систематизации приводимого материала не дается, и многозначность большого числа глаголов с префиксом **otъ-*, возможно, восходящая к праславянскому состоянию, остается невыявленной

и необъясненной⁴. Например, не получают объяснения такие разные, на первый взгляд, или даже несовместимые значения, как **otъpomatati* ‘мешать’ и ‘помогать’, **otъpomogt'i* ‘помешать’ и ‘помочь’; **otъpisati* ‘выписать из списка’, ‘закончить писание’, ‘ответить на письмо, дать ответ’ и др.; **otъsaditi* ‘отделить, отставить’, ‘ответно пригласить’, ‘закончить посадку’, ‘отбить’; **otъstrojiti (se)* ‘отстроить’, ‘раздеть’, ‘вытянуть’ и др. Необходимо, конечно, считаться с тем, что приводимые в ЭССЯ словарные дефиниции источников далеко не всегда точны и полны, в них часто не учитываются релевантные признаки и параметры обозначаемых глаголом ситуаций (роль субъекта, объекта, пространственных и временных характеристик, цели, адресата действий и т. п.), наконец, следует учесть и то обстоятельство, что эти дефиниции приводятся в ЭССЯ без иллюстраций.

Выделенные Ф. Миклошичем типы значений неравнозначны по своему «объему» — глаголы первого типа (с «отделительной» семантикой) составляют очень обширный класс, превышающий по числу представителей два остальных, но он неоднороден семантически и может быть разбит на несколько самостоятельных групп, различающихся как семантикой префикса, так и семантикой глагольной основы. Иначе говоря, этот тип носит слишком общий характер, а семантика префикса определена слишком широко и нуждается в более дифференцированной характеристике. Два других типа более однородны, хотя и они могут быть подразделены на несколько самостоятельных подтипов. Следует, однако, учитывать, что далеко не во всех случаях семантика префикса и префиксального глагола может быть установлена однозначно, так что некоторые случаи могут быть отнесены к разным типам в зависимости от интерпретации. Тем не менее часть наиболее продуктивных типов выделяется вполне надежно и может быть идентифицирована как со стороны префикса, так и со стороны глагольной основы. Ниже дается обзор наиболее регулярных

4 Здесь и далее примеры и дефиниции, взятые из соответствующих статей ЭССЯ, приводятся без указания источников.

семантических моделей праславянских глаголов с префиксом **otъ-*, содержащихся в [ЭССЯ 36–38].

1. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ – УДАЛЕНИЕ. Самую большую группу среди **otъ-* глаголов составляют глаголы, имеющие общее пространственное значение перемещения или удаления от некоторой исходной точки, которая, как правило, эксплицитно названа или подразумевается и может быть восстановлена из контекста (*отступить от края платформы, отплыть от берега, отодвинуть от огня*). Однако нередко эта точка идентифицируется «дейктически», как локус актуального или типичного местонахождения субъекта или объекта, и потому не нуждается в специальном обозначении (*отбыть в неизвестном направлении, отправиться на охоту*), а смысловой акцент делается на конечной точке перемещения (*отправиться в город, отнести на место, отвести домой*).

Для семантики глаголов перемещения – удаления существенны следующие характеристики ситуации: перемещается ли только субъект (*отойти, отъехать, отлететь*), субъект вместе с объектом (*отнести, отвезти, отвести*) или же субъект каузирует перемещение объекта (*отодвинуть*); имеет значение и характер связи между субъектом и объектом — контактный (*оттолкнуть*) или бесконтактный (*отослать*), исходная точка движения, цель, адресат и другие параметры действия. В зависимости от этих характеристик выделяются несколько семантических типов глаголов перемещения с префиксом **otъ-*.

1.1. Перемещение субъекта. Прототипическими глаголами, образующими подобные приставочные дериваты, являются глаголы движения типа *идти, брести, ехать, бежать, плыть, лететь* и т. п., предполагающие перемещение самого субъекта действия.

Типичными представителями этого семантического класса могут служить праславянские глаголы **otъbĕgati* (*se*), **otъbĕgŋoti*. Стандартным, представленным во всех языках значением этих глаголов является физическое значение ‘отбегать, убежать, отступать’ с акцентом на целевом векторе движения субъекта (куда?) или ‘покидать, оставлять, сбегать’ с акцентом

на исходной точке движения, на покидаемом локусе (откуда?), ср. словен. *odbežati* ‘убежать, отбежать’, в.-луж. *wotběžeć* ‘убежать, отбежать’, ‘утечь’, ‘пройти, утечь, миновать’, польск. *odbiec* ‘покинуть, бросить’, др.-рус. *отъбѣци* ‘оставить’, укр. диал. *відбічи* ‘покинуть’, с.-х. *odhóditi, òdlaziti* ‘уходить’, словен. *odhoditi* ‘уходить, отходить’, польск. *odchodzić* ‘отходить’, чеш. *odletěti* ‘летя, удалиться откуда-н.’ и т. д. На базе этих первичных значений затем развиваются вторичные, не физические значения типа ‘отступать в мыслях, поступках, уклоняться, удаляться’ и т. п. О другом регулярном (не пространственном) значении этих глаголов будет сказано ниже.

Значение удаления субъекта могут получать префиксальные дериваты не только от глаголов движения, но и от глаголов состояния, например ст.-рус. *отбыти* ‘уехав, потерять связь с кем-л., чем-л.’, рус. *отбыть* ‘тронуться в путь, уехать’, укр. *відбавити(ся)* ‘отлучить(ся)’.

Устойчивые системные отношения связывают эти глаголы во всех славянских языках с дериватами тех же бесприставочных глаголов, имеющими «синонимичные» (с тем же вектором движения) образования с префиксами **и-*, **у-* (*отойти* ≈ *уйти*, *выйти*) и «антонимичные» (с противоположным вектором движения) образования с префиксами **подъ-*, **при-*, **до-* (*отбежать* — *подбежать*, *прибежать*, *добежать*).

1.2. Перемещение с объектом или перемещение объекта. К глаголам перемещения относятся также глаголы физического действия, которые обозначают ситуации, включающие не только субъект, но и объект перемещения. Субъект действия перемещает объект и при этом сам перемещается, ср. *нести*, *вести*, *везти* и т. п. (1.2.1), или же субъект остается на месте, но, каузируя движение объекта, он перемещается «частично» за счет движения части своего тела (руки, ноги), ср. *двигать*, *тянуть*, *брать*, *толкать* (1.2.2); наконец, субъект вообще не перемещается, а только каузирует перемещение (удаление) объекта, как в случае *гнать*, *слать* (1.2.3). Различие между этими подтипами значений не всегда четко выражено. Например, глагол **отъбити* может означать ‘каузировать движение’ как контактным, так и бесконтактным способом, ср.

отбить мяч, отбить атаку, отбиться от стаи. Необходимо, однако, заметить, что далеко не все глаголы физического действия, включающего перемещение субъекта или объекта, способны иметь дериваты с префиксом *отъ-; это возможно лишь при условии, что в фокусе внимания оказывается именно перемещение, а не другие семантические компоненты предиката: например, у глаголов типа *прятать*, предполагающих совместное перемещение субъекта и объекта, в фокусе находится не локативный компонент действия (удаление, перемещение), а его цель — не удаление, а сокрытие, поэтому такие глаголы не образуют префиксальных дериватов с *отъ-.

Приведем несколько примеров каждого из выделенных типов.

1.2.1. (тип *отнести*): макед. *однесе* ‘отнести, отвести, увести’, с.-х. *òdati* (редко) ‘отнести, унести’, с.-х. *odnesti* ‘взяв нечто, уйти, удалиться’.

1.2.2. (тип *отодвинуть*): др.-рус. *отъбити* ‘выбить ударами’, рус. *отложитъ, отодвинуть* ‘переместить’, диал. *отдать* ‘убрать, отодвинуть в сторону’, *отгрести* ‘гребя, отбросить, удалить в сторону’, словен. *odložiti* ‘отложить в сторону’, болг. *отмятам* ‘откидывать, отбрасывать в сторону’, др.-рус. *отъбити* ‘отбить, выбить ударами’.

1.2.3. (тип *отогнать*): с.-х. *òdbiti* ‘отогнать, прогнать’, *òdati* ‘выдать замуж’, ст.-слав. **отъдати** ‘передать, отдать’, др.-рус. *отъдати* ‘продать’, словен. *oddaliti* ‘удалить на определенное расстояние, отдалить’, ст.-чеш. *otdáliti* ‘удалить, отдалить, разместить далеко; отогнать, прогнать’, рус. *отдалить* ‘переместить на более далекое расстояние от чего-н.; отослать; отнести’, ст.-чеш. *odkřičěti* ‘отогнать кого-л. криком’, словен. *odlajati* ‘отогнать лаем’, рус. *отмахнуть* ‘отбросить, откинуть, отогнать взмахом руки’, польск. *odmanić* ‘маня, отвлечь, отвести’.

Эти типы глаголов с семантикой перемещения – удаления составляют ядро всего класса рассматриваемых префиксальных глаголов во всех славянских языках, при этом семантика префикса *отъ- в большинстве случаев полностью соответствует семантике предлога *отъ; нередко семантика удаления выражается дважды: в префиксе и предлоге (*отойти от дома*).

1.3. Отделение части. Разновидностью (частным случаем) перемещения можно считать действие «отделения», предполагающее, что предмет (или множество предметов) остается на месте, но от него отделяется его часть, ср. *отрезать, оторвать, откусить, отделить* и т. п. При этом исходные действия, обозначаемые производящим глаголом, не являются перемещением и могут вообще не предполагать перемещения объекта даже в виде сопутствующего действия. Иначе говоря, префикс берет на себя не только семантику отделения, но и — в качестве пресуппозиции — семантику перемещения. В этом случае возможны два варианта в зависимости от логического акцента (фокуса восприятия действия).

Если в фокусе внимания оказывается отделяемая часть (объект отделения), то соответствующий глагол может получать значения типа ‘высвободить’, ‘выбросить’, ‘выделить’, ‘отправить’ и т. п., ср. с.-х. *òdbiti* ‘отбить, отколоть, отломать’, *odbaviti* ‘выбросить, изгнать, освободить’, ‘отделить, оторвать’, ‘отбить, отбросить, освободить, вытащить’, словен. *odbáviti* ‘снять, убрать, скинуть, устранить’, рус. *отбавить* ‘отделить, отнять, отлить, отсыпать и т. п. часть чего-н.’, с.-х. *odbúčiti* ‘отодрать, оторвать’, макед. *отцени* ‘отцепить, отщепить, отколоть, отделить’, словен. *odcepiti* ‘откалывая, отделить’, польск. *odczepić* ‘отцепить, отвязать, отстегнуть’, ст.-рус. *отчумати* ‘отделять, объявлять чужим, неродственным’, словен. *oddréti* ‘отодрать, оторвать’, в.-луж. *wotdrěc* ‘то же’, болг. *отдялам* ‘тесанием отрезать, отсечь щепки, суки’, ст.-слав. *отгъдѣлити* ‘отделить’, болг. *отделя* ‘отложить часть чего-то в сторону’, с.-х. *odélitu* ‘отделить, выделить’, чеш. *oddělití* ‘отделить, разъединить’, ‘устар. дать кому-л. волю’, словен. *oddrobíti* ‘открошить’, *oddrúžiti* ‘отделить, обособить’, *odgristi* ‘отгрызть, откусить’ и т. д.

Если же семантический акцент падает на целое, от которого отделяется часть, то глагол может получать значения типа ‘повредить (нарушить целостность)’, ‘избавить, освободить (от чего-н.)’, ‘лишить (чего-н.)’, ‘сократить’ и т. п., т. е. обозначать то или иное воздействие на целое, от которого отделяется часть, и изменение его состояния: болг. диал. *отбавем* ‘повреждать’,

‘разваливать’, ст.-польск. *odbawić* ‘лишить чего-л., избавить’, рус. диал. *отбавить* ‘убавить, уменьшить’, белор. диал. *адбавіць* ‘убавить, уменьшить’, в.-луж. *wotbjerać* ‘сократиться, уменьшиться’ (*měsačk wotběra* ‘луна на ущербе’, букв. «уменьшается»), ст.-рус. *отбыть* ‘лишиться, потерять кого-л.’, укр. диал. *відбути* ‘безл. ухудшиться, уменьшиться’, с.-х. *odàdrětu* ‘ободрать, ограбить’, польск. диал. *odbierać* ‘лишать чего-л.’, чеш. *odníti* ‘избавить кого-л. от чего-л.’. Во многих случаях, однако, подобные акценты выражены слабо и семантика глагола носит диффузный характер, т. е. совмещает в себе значения ‘отнять’ и ‘лишить’.

Многие праславянские глаголы с пространственной семантикой префикса способны, подобно глаголу **otъbaviti* (*se*), выражать разные значения рассматриваемого широкого блока значений перемещения – удаления, ср. **otъbadati*: с.-х. *odbádati* ‘отойти, удалиться’ (перемещение субъекта), чеш. *odbádati* ‘отодвинуть, оттолкнуть’, с.-х. *odbádati* ‘двигать, сдвигать, толкать’ (перемещение объекта), с.-х. *odbádati* ‘отбивать, откалывать’ (отделение части)⁵.

Кроме характера предиката (перемещение субъекта, каузирование перемещения объекта контактным или бесконтактным способом), для пространственной семантики приставочного глагола существенно направление движения с точки зрения субъекта действия, т. е. удаление от субъекта (как в *отогнать*, *отодвинуть*) или приближение к нему (как в *отобрать*, *отнять*, *откупить*, *отсудить*); при этом по отношению к исходной точке движения объекта это в обоих случаях удаление. Ср. в русском языке семантическую двойственность глагола *отбить*, имеющего, с одной стороны, значение ‘отражать, отталкивать’: *отбить мяч* (удаление), а с другой — ‘отнять что-н.’: *отбить жену у друга* (приближение, присвоение). Ср. также ст.-польск. *odbić* ‘отбить, взять силой’, ‘освободить’,

5 В работе [Добрушина и др. 2001: 71–72] русские глаголы «отделения» называются *ОТ-глаголами «расщепления»* и разбиваются на четыре типа в зависимости от статуса «части» по отношению к «целому»: 1. *открыть от ступеньки щепку*, 2. *оттереть пятно со стола*, 3. *отделить белок от желтка* и 4. *отколоть значок с воротника*.

польск. *odebrać* ‘получить’, словен. *oddobiti* ‘получить’, в.-луж. *wotdobyć* ‘отвоевать’, рус. диал. *открасть* ‘выкрасть, украсть’ — все со значением присвоения – присоединения.

Кратко рассмотренными выше значениями удаления (субъекта, объекта — лица или предмета, части предмета или части множества объектов) от некоторой исходной точки пребывания исчерпывается, в принципе, пространственная семантика⁶ праславянских глаголов с префиксом **otъ-*. Остальные семантические типы этих глаголов не имеют прямой связи с пространственным перемещением и представляют собой иные семантические модели глагольного словопроизводства. Они отличаются от рассмотренных типов как семантикой и функцией префикса, так и классом производящих глаголов.

2. ПРЕКРАЩЕНИЕ – ОКОНЧАНИЕ. Второй семантический блок глаголов с префиксом **otъ-*, определенный Миклошичем как «прекращение действия» (*Aufhören*), представляет собой столь же регулярную модель, как и предыдущий тип «перемещения – удаления», он широко известен во всех славянских языках и с полным правом может считаться праславянским. Производящие глаголы (несовершенного вида) в этом случае обозначают самые разные действия и состояния, протяженные во времени, имеющие начало и конец, а их дериваты с префиксом **otъ-* означают завершенность этого действия, его конец, прекращение. Если и можно в этой семантике усмотреть какой-то пространственный смысл, то только в том, что действие (состояние) как бы отделяется от той ситуации, с которой оно было связано, — от своего субъекта, временных и пространственных параметров и прочих условий, обстоятельств, способов действия.

Однако семантика прекращения – завершения неоднородна. В зависимости от семантического акцента в фокусе внимания оказывается то полное прекращение действия, его истощенность, то завершенность действия, истечение его

6 Пространственная семантика, как известно, может иметь и временное измерение. Ср. *отложить* (в сторону) и *отложить* (на некоторое время).

срока. В первом случае (2.1) в фокусе находится временная точка, начиная с которой действие не происходит, прекращается (*отлюбить* означает ‘уже не любить’, ‘больше не любить’, *отцвести* — ‘уже не цвести’, ‘больше не цвести’). Во втором случае (2.2) в фокусе внимания — само действие во всей его полноте и на всей протяженности его исполнения (временной и пространственной), поэтому глаголы с этой семантикой, в отличие от предыдущего типа, свободно принимают определения со значением срока или расстояния (например, *отслужить десять лет*, *отбыть весь срок* или — *отшагать десять километров*, *отмерить десять шагов* и т. п.). Эти последние оказываются переходным звеном к следующему (третьему) семантическому блоку — собственно результативным глаголам завершенности с чисто видовой семантикой — и практически синонимичны глаголам с префиксом *pro-, ср. *прослужить*, *проболеть*, *пробыть*, которые также сочетаются с обстоятельствами срока и расстояния (ср. *проболеть два месяца*, *проспать полдороги*). При этом *отъ-глаголы обоих типов означают отсутствие действия (действие не происходит), но во втором типе конечная точка действия (процесса) не акцентируется: *отслужить* (где-то, определенный срок) не означает, что субъект больше вообще не будет служить.

Словарные дефиниции, как правило, не различают двух указанных видов значений и в обоих случаях пользуются формулировкой типа «перестать, кончить» по отношению к предикату действия, процесса или состояния. Поэтому не всегда возможно на основе таких дефиниций (без обращения к контекстам) определить точное значение глагола, тем более что во многих случаях глаголы этого блока могут иметь оба типа значений. Например, **otъslužiti* (*se*) может означать и ‘перестать служить, закончить службу’ (ср. рус. *отслужить* ‘уйти со службы по истечении ее срока’, польск. *odslużyć* ‘отслужить, закончить службу’), и ‘прослужить определенное время’ (ср. рус. *отслужить два года*, укр. *відслужити* ‘отбыть срок военной службы’), тогда как *отцвести* определенно означает ‘перестать цвести’ (вряд ли возможно: **отцвел две недели*).

2.1. Прекращение. Это значение свободно принимают дериваты от глаголов движения (перемещения), рассмотренные выше, ср. рус. *отб́егать* ‘перестать, кончить бегать’, диал. *отъездить* ‘прекратить поездки, закончить ездить’, *отлетать* ‘кончить полет, полеты’ и т. п. Но эти же значения прекращения некоторого длившегося определенное время действия или состояния могут иметь и дериваты от глаголов других семантических классов (глаголы деятельности, занятия, состояния, процесса): чеш. *odboleti* ‘перестать болеть’, рус. *отболеть* ‘то же’, *отборонить* ‘закончить, завершить боронование’, *отбросать, отбросаться* ‘кончить, перестать бросать’, *отпеть* ‘перестать, кончить петь’, *отлазить* ‘кончить, перестать лазить’, *отчёрпнуть* ‘кончить черпанье’, *отчертиться* ‘кончить чертить’ (далее — ‘отделаться’), *отгневаться* ‘перестать, кончить гневаться’, в.-луж. *wothněwać so* ‘перестать сердиться’, польск. *odczytać* ‘кончить чтение’ (наряду с ‘прочитать’), *odczytać się* ‘оторваться от чтения, начитаться’, чеш. *otčísti* ‘закончить чтение’, с.-х. *одб́учиму* ‘отбушевать, отшуметь’, ц.-слав. *отгъдонити* ‘отнять от груди, перестать кормить грудью’, болг. *отдоя* ‘то же’, с.-х. *одд́жити* ‘то же’, ст.-польск. *oddoić* ‘то же’, рус. диал. *отдружить* ‘перестать дружить’, польск. *oddumać* ‘перестать думать, мечтать’, ст.-рус. *отдержати* ‘перестать держать какое-н. дело’, рус. *отходить* ‘перестать ходить’, *отцвести* ‘перестать цвести’, болг. *отлюбя* ‘перестать любить’, рус. *отлюбить* ‘то же’, словац. *odľúbit'* ‘то же’. К этой семантической модели можно отнести и **отъčajати (se)* ‘отчаяться’ (т. е. перестать надеяться и ждать).

2.2. Окончание. Глаголы этого типа (многие из которых могут иметь также значение прекращения) в случае, когда они ассоциируются с временным или пространственным промежутком (сроком, расстоянием), представляют собой видовые дериваты глаголов несовершенного вида, обозначающих протяженные действия, процессы, состояния. Они объединяются с предыдущей группой семантикой окончания и прекращения действия, а с глаголами следующей группы — своей видовой семантикой завершения, результативности, ср. рус. *отгостить* ‘кончить гостить’, *отгответь* ‘кончить говеть’, рус.

диал. *отбыть* ‘закончить пребывание где-н., пробыть’, *отстоять* ‘простоять, выстоять’, укр. *відстояти* ‘простоять известное время или до конца’, болг. *отседя* ‘отсидеть, насидеться’, словен. *odsedéti* ‘отбыть наказание’ (и ‘прекратить высиживать птенцов’), чеш. *odseděti* ‘отбыть наказание’.

3. ЗАВЕРШЕННОСТЬ – РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ. Этот весьма продуктивный во всех языках тип в отличие от предыдущего фокусирует не временную точку окончания действия, а сам факт его исполнения и достигнутый результат и, следовательно, имеет не столько лексическое, сколько грамматическое значение перфективности. Глаголы этого типа соотносятся с бесприставочными глаголами несовершенного вида, обозначающими длительное действие, состояние или процесс, и выражают завершенность действия и достижение соответствующего результата.

Примеры: ст.-слав. *отъчисти* ‘прочитать’, др.-рус. *отъчисти* ‘отсчитать’, ст.-чеш. *otčísti* ‘отсчитать, вычестъ’, ст.-польск. *odczyść* ‘прочитать вслух, прочитать до конца’, польск. *odczytać* ‘прочитать, прочесть’, с.-х. диал. *odbavit* ‘выполнить, исполнить’, словац. *odbavit* ‘сделать быстро, поверхностно, отделаться от чего-л.’, *odbavit vec* ‘уладить, оформить’, диал. *odbavit* ‘выполнить, исполнить, закончить’ (от **baviti* (*se*) ‘заниматься чем-н., медлить, задерживаться, проводить время и т. п.’), укр. *відбути* ‘отбыть, исполнить, отработать’, макед. *одбрани* ‘защитить, оборонить’, польск. *odbronić* ‘защитить, отбить силой’, белор. *атбараніць* ‘защититься от нападения’, словен. *odbrusiti* ‘отшлифовать, сделать гладким’, чеш. *odbrousiti* ‘отшлифовать, отточить’, др.-рус. *отбрысати* ‘очистить’, словен. *odbrisati* ‘отмыть’, польск. *odczuć* ‘почувствовать’, *odjesti* ‘съесть, поесть’.

Особую группу в данном семантическом типе составляют глаголы с результативным значением, производные от прилагательных — названий качеств и свойств: рус. *отсыреть* ‘стать сырым’, чеш. *odměkati* ‘смягчать(ся)’, польск. *odmięknąć* ‘стать мягким, размякнуть’, рус. диал. *отмякнуть* ‘сделать мягким, смягчить’ [СРНГ 24: 245], укр. *відмолодіти* ‘вернуть молодость, стать молодым’, польск. *odnowić* ‘сделать новым, обновить’.

4. ОТМЕНА. Этот семантический блок отличается от предыдущих семантикой отмены действия или состояния, выраженного беспривставочным производящим глаголом⁷ или — чаще — однокоренным глаголом с приставкой-антонимом: *завязать, привязать — отвязать; закрыть, накрыть — открыть; научить, приучить — отучить*. В этой функции **отъ-* оказывается синонимичным или близким к **orz-*, ср. *отвязать* ≈ *развязать*, *открыть* ≈ *раскрыть*, *отучить(ся)* ≈ *разучить(ся)*.

Примеры: польск. диал. *odczarzyć* ‘расколдовать, освободить от чар’ (то же кашуб., словин.), словен. *oddélati* ‘расколдовать, освободить от чар’, ст.-польск. *oddziałać* ‘снять чары’, др.-рус. *отъдати* ‘отменить, прекратить что-л.’ (например, *отъдати болезнь* [СДРЯ 6: 234]), с.-х. *odaduti* ‘опась, уменьшиться (об опухоли)’ (как противоположность ‘надуться, опухнуть’), в.-луж. *wothaćić* ‘разгатить, убрать запруду’, чеш. *odhlásiti* ‘отозвать, отменить заявку, отозвать приглашение’, болг. *отграда* ‘разрушить ограду, разгородить’, макед. *одгради* ‘то же’, с.-х. *odgráditi* ‘то же’, чеш. *odhraditi* ‘то же’, болг. *отговоря* ‘разговеться после поста (перестать говеть)’, рус. диал. *отговорить* ‘отвести, снять колдовство’, ст.-слав. **отъклати сѧ** ‘очиститься от заклятья’, словен. *odkleti* ‘снять с кого-л. проклятье’, с.-х. диал. *òtklinjati* ‘сбрасывать чары, удалять заклятье’, др.-рус. *отъключити* ‘отомкнуть, открыть’, с.-х. *otklòpiti* ‘открыть закрытое’, рус. *открепить* ‘отделить что-н. прикрепленное’, словац. *odkryť, odokryť* ‘снять покрытие, открыть то, что закрыто’, словин. *odmañic* ‘освободить от чар’, в.-луж. *wotmróćić* ‘прояснить’, болг. *отмразя* ‘отогреть’, чеш. *odmráziti* ‘разморозить’, ст.-рус. *отмыслити* ‘передумать, раздумать’.

5. ОТВЕТ, ВОЗВРАТНОЕ ДЕЙСТВИЕ, ВОЗМЕЩЕНИЕ. Данный тип характеризуется семантикой возвратности и соотносится

7 М. Ивич определила этот тип следующим образом: «Есть и такие случаи, когда присутствие *од-* служит указанием на аннулирование той ситуации, которую обозначает беспривставочный глагол, ср. *Конопци су везани* “Веревки связаны” и *Конопци су одвезани* “Веревки развязаны”, *Паковали су ствари* “Паковали вещи” и *Отпаковали су ствари* “Распаковали вещи”» [Ивић 2000: 204].

одновременно с двумя ситуациями — некоторой исходной (остающейся в пресуппозиции) и вторичной, представляющей собой ответную реакцию на первую, причем субъект действия первой ситуации становится адресатом (объектом) второй. Производящими глаголами для дериватов с префиксом *отъ-выступают, как правило, бесприставочные глаголы со значением самых разнообразных действий, направленных на адресата. Этот семантический тип активен во всех славянских языках.

Примеры: ц.-слав., др.-рус. *отъдари́ти* ‘подарить что-н. в знак благодарности за полученный подарок’, рус. *отда́рить* ‘сделать ответный подарок’, укр. *відда́рити*, белор. *ада́рыць* ‘то же’ (ср. словен. *oddarek* ‘ответный подарок’); ст.-слав. *отъда́ти* ‘отплатить, воздать’, чеш. *oddati* ‘отдать, вернуть’, ст.-словац. *oddat’* ‘выплатить долг, возместить, вернуть что-л.’, в.-луж. *wotedać* ‘отдать, вернуть’, ‘простить кого-л., извинить кого-л.’, польск. *oddać* ‘вернуть долг, вознаградить, отплатить’ (‘перен. отразить звук’), др.-рус. *отъда́ти* ‘простить кого-н.’, рус. *отда́ть* ‘вернуть взятое, вручить обратно’, разг. ‘заплатить за купленное’, диал. *отда́ть* ‘ответить, дать ответ’, *отда́ть вину* ‘простить, оставить без наказания’, укр. *відда́ти* ‘вернуть назад взятое’, *віддава́тися* ‘отдаваться (о звуке)’, ст.-рус. *отдру́жити* ‘ответить на чью-л. дружбу’, *добром отдру́жити* ‘отплатить добром’, укр. *віддру́жити* ‘то же’, болг. диал. *отду́мам* ‘ответить’, др.-рус. *отдол́житися* ‘вернуть то, что взято взаймы, отдать долг’, болг. *отглася се* ‘откликнуться, отозваться’, ц.-слав. *отъгво́рити* ‘contradicere’, польск. *odgra- bić* ‘отомстить за грабеж грабежом’, *odgryźć* ‘укусить в ответ’, белор. *адказа́ць* ‘ответить’, с.-х. *òtkliknuti* ‘отозваться’, *òtklinati* ‘отвечать клятвами на клятву’, польск. *odklinać* ‘проклинать в ответ на проклятье’, словен. *odkričati* ‘ответить, крича’, *od- mlátiti* ‘заплатить долг отмолотом’, польск. *odrobić* ‘отработать долг, отплатить работой’.

6. ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ, ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ. Этот тип по своей логической структуре сходен с предыдущим: он также характеризуется соотносительностью двух разных ситуаций и меной их субъектов и объектов, но отличается от него

наличием компонента отрицания и семантикой противодействия. Поскольку в обоих типах взаимодействуют две ситуации, здесь снова возникает пространственный вектор действий, направленных от субъекта второй ситуации к субъекту исходной. И это сближает семантику обоих типов глаголов с чисто пространственной семантикой «удаления».

Различие между этими двумя семантическими типами можно показать на примере глагола **otъgovoriti*, который может получать, с одной стороны, значение ответного действия (но не противодействия), ср. с.-х. *odgovoriti* ‘ответить (говорить в ответ)’, болг. *отговоря* ‘ответить на вопрос, ответить письмом на письмо’, а с другой — значение «отрицательного ответа», ср. рус. *отговорить* ‘убедить не делать чего-л.’, словац. *odhovorit’* ‘отсоветовать’. Ср. также «отрицательное» значение в болг. *откажа* ‘ответить отрицательно на приглашение, просьбу, прошение’, диал. ‘не хотеть иметь или делать что-л.’, с.-х. *otkázati* ‘отрицать, отклонить, отказать’, рус. *отказать* ‘то же’, макед. *откаже* ‘высказаться против’; чеш. *odmlouvati* ‘противиться, перечить’, польск. *odmówić* ‘отказать’, др.-рус. *отмолвити* ‘отказать’; чеш. *odčítati* ‘отказывать’, *odčítati se* ‘отказываться, отречься’; рус. диал. *отмагаться* ‘отказываться от какого-л. дела’, укр. *відмагатися* ‘давать отпор’, ‘отговариваться, не соглашаться’, белор. *атмыгацца* ‘отказаться’.

В других глаголах семантика сопротивления, противодействия и отвержения возникает вторично на основе пространственного значения префикса **otъ-*, т. е. значения отделения, удаления, отторжения, ср. ст.-слав. *отъпърѣти* ‘отвергнуть, опровергнуть, отвратить’, чеш. *odepřiti* ‘воспротивиться’, ‘дать отпор’, ‘отречься’, словац. *odopriet’* ‘то же’, др.-рус. *отъложити* ‘отменить, прекратить, упразднить’, чеш. *odhryzati* ‘оттолкнуть’, словац. диал. *odhrýzat’ sa* ‘противиться, упрячиться’, рус. *отгрызаться* ‘отбраниваться’, белор. диал. *атгрызацца* ‘огрызаться, отвечать грубо’, польск. *odjeść* ‘едко ответить, поквитаться с кем-л.’, словен. *otimati* ‘отбивать, отвергать, сопротивляться, отражать нападение’ (наряду с ‘отнимать’). Более сложная семантическая модель отрицания представлена в словац. *odhliadnuť* ‘игнорировать, пренебречь’

(с буквальным значением ‘не глянуть’) и ст.-чеш. *ot'úbiti sě* ‘отвергнуть что-л., отказаться от чего-л.’ (с буквальным значением ‘не полюбиться’).

Диффузность значений. Из приведенных примеров видно, что во многих случаях праславянские глаголы с префиксом **otъ-* имеют не четко выраженное значение, однозначно подпадающее под выделенные рубрики, а размытое, не вполне определенное, диффузное значение, которое может быть одновременно отнесено к разным рубрикам. В части случаев такая неоднозначность может быть устранена путем более внимательного анализа контекстов, однако она может объясняться и семантической близостью самих значений или разной интерпретацией одних и тех же семантических признаков и параметров обозначаемой ситуации. Иногда трудно разграничить семантику завершения и окончания (последняя всегда связана с временным пределом и разрывом связи с самим действием), ср. ц.-слав. *отъдоити* ‘вскормить грудью’ (завершенность) и ‘отнять от груди’ (прекращение), или семантику удаления и завершения (если цель — удаление), ср. рус. *отчистить* ‘удалить, чистя’ (= ‘отчистить, удалив грязь, пятно, пыль и т. п.’). Рус. диал. *отчинить* ‘отпереть (дверь, ворота и т. п.)’ и ‘открыть, распахнуть окно’ могут пониматься и как удаление (преграды, затвора), ср. ‘отодвинув вьюшку, открыть отверстие печной трубы’, и как отмена предыдущего действия (состояния), т. е. как соотносительное с ‘закрыть, запереть’. Ср. еще ст.-чеш. *otčísti*, получающее дефиниции: ‘отсчитать, вычесть’, ‘отделить для передачи’, ‘заплатить, возместить, погасить долг’, ‘подсчитать’ — все эти действия, в сущности, представляют собой продолжение основного действия ‘отсчитать’, т. е. отделить с определенной целью (для передачи, возмещения долга и т. п.).

Многозначность. Статьи ЭССЯ демонстрируют чрезвычайную многозначность праславянских глаголов с префиксом **otъ-*, обусловленную прежде всего многозначностью самого префикса, причем во многих случаях эта многозначность выявляется не только при совокупном рассмотрении данных разных

славянских языков, но и в пределах одного языка. Приведем несколько примеров многозначных глаголов, свидетельствующих о том, что семантическая «парадигма» праславянских **otъ*-глаголов носит достаточно регулярный характер.

**otъčesati* (*se*): ● удаление: польск. *odczesać* ‘чесанием отделить, отчистить; гребнем, щеткой отчесать, отбросить’, чеш. *odčesati* ‘чесанием устранить’, н.-луж. *rybu wótcesas* ‘чистить рыбу, снять с рыбы чешую’; ● завершение: н.-луж. *wótcesas* ‘прочесать, прочистить щеткою, скребницею’, рус. диал. *отчесать* ‘нарезать, отмерить, наделить (о земле)’; ● прекращение: чеш. *odčesati* ‘закончить чесание’, рус. диал. *отчесать* ‘кончить чесать’, ‘потерять возможность чесать что-л.’; ● отмена: польск. *odczesać* ‘зачесать назад (волосы)’ (ср. рус. *начесать* с противоположным значением).

**otъčiniti* (*se*): ● удаление: ст.-чеш. *otčiniti* ‘отложить в сторону, удалить’; ● отделение: ст.-чеш. *otčiniti* ‘устранить; убрать что-н. из большого количества; убрав, уменьшить что-л.’, польск. *odczynić* ‘отнять’, в.-луж. *wótčiniš* ‘снять, убрать, отцепить’, ст.-словац. *odčiniť* ‘отделить, оторвать, отломить’, рус. диал. *отчинить* ‘отделить, оторвать что-л.’; ● отмена: с.-х. *odčiniti* ‘освободить от чар, заговора, снять колдовство’, *otčiniti* ‘отменить, уничтожить то, что было сделано ранее’, ‘снять колдовство, освободить от чар’, польск. *odczynić* ‘снять чары’, диал. *odczynić uroki* ‘то же’, польск. диал. *odczynić* ‘открыть, отворить’ (открыть прежде закрытое), рус. диал. *отчинить* ‘открыть, отпереть’, укр. *відчинити* ‘отворить’, белор. *адчыніць* ‘открыть, отворить; откупорить’; ● ответ, возмещение: ст.-чеш. *otčiniti* ‘искупить что-л., возместить пострадавшему что-л.; отблагодарить, отплатить’, ‘восполнить, исправить, отплатить добром, искупить’, ст.-словац. *odčiniť* ‘отплатить, отблагодарить, вознаградить’, словац. *odčiniť* ‘исправить то, что произошло’, польск. *odczynić* ‘возместить что-н.; исправить, отработать, отплатить, ответить взаимностью’.

**otъdojiti* (*se*): ● отделение части: словац. *oddojit* ‘выдоить немного’, польск. *oddoić* ‘выдоить часть’, рус. *отдоить* ‘подоить немного’; ● завершенность: польск. диал. *oddoić* ‘подоить’, словен. *oddojiti* ‘выкормить грудью’, др.-рус. *отъдоити*

‘выкормить грудью’; • прекращение: болг. *отдоя* ‘отлучить ребенка от груди, перестать кормить грудью’, рус. диал. *отдоить* ‘кончить доиться’.

В случае **отъдѣлати* (*se*) многозначность связана не только с семантикой префикса, но и с семантикой производящего глагола (общее значение ‘делать’ и «специализированное» значение ‘обрабатывать дерево’, ‘строить’, ‘наводить порчу’ и др.): • удаление: чеш. *oddělati* ‘убрать, снять, отложить, отставить, отодвинуть, отстранить’; • отделение части: болг. *отделям* ‘отрезать, отсечь’, чеш. *oddělati* ‘оторвать, отодрать’, ‘выделить из чего-н. целого’, ст.-рус. *отъдѣлати* ‘отсечь, отрубить’; • прекращение: ст.-рус. *отъдѣлати ся* ‘освободиться, перестать использоваться для какого-н. дела’, рус. *отделаться* ‘освободиться от какого-н. дела, перестать им заниматься’; • завершение: ст.-рус. *отъдѣлати* ‘кончить делать, строить что-л., доделать до конца’, рус. *отделать* ‘окончательно обработать что-н., придать чему-н. законченный вид’; • отмена: словен. *oddělati* ‘расколдовать кого-л., освободить от чар’, ст.-польск. *oddziałać* ‘снять чары’, рус. диал. *отделать* ‘расколдовать, освободить от колдовства, снять сглаз, наговор’; • ответ, возмещение: в.-луж. *wotdźelać* ‘отработать (долг)’, польск. *oddziałać* ‘ответить действием’.

Рассмотренные выше семантические типы **отъ-*глаголов отражают только наиболее регулярные модели; за пределами нашего внимания осталось немалое число образований, носящих менее системный, более индивидуальный характер, а также образований вторичного типа, представляющих собой продукт дальнейшей семантической деривации, в том числе и достаточно регулярной. Например, семантика удаления может порождать значения устранения, исчезновения, исчерпания, ср. др.-рус. *отходити* ‘кончаться, прекращаться, подходить к концу (о каком-л. процессе)’, ‘умирать’, ‘исчезать’, ‘проходить (например, о боли, беспокойстве)’. Вторичным значением по отношению к пространственному перемещению – удалению объекта может быть значение (с акцентом на цели удаления)

‘сберечь, сохранить’, ср. рус. *отложить* ‘сберечь’ (ср. *отложить на черный день*). Производным от семантики завершенного действия оказывается значение с акцентом на результате этого действия по принципу метонимии, ср. *отмерить, отвесить* в значении ‘отделить отмеренное, отвешенное’: *отмерить полкило, отвесить сто граммов*, и т. п. Наконец, вполне регулярными могут считаться семантические переходы от физических действий к психическим, ср. с.-х. *одбаци* ‘отбросить (предмет)’ и ‘отвергнуть (предложение)’⁸.

8 Ср. замечание Милки Ивич: «Нельзя не упомянуть и такую возможность: без приставки *од-* глагол обозначает некую физическую данность, а если добавить *од-*, он обозначает некую психическую данность, ср. *Баццо је Верин поклон* “Бросил подарок Веры” и *Одбацио је Верин предлог* “Отклонил предложение Веры”» [Ивић 2000: 204].

ТИП СУБЪЕКТА И МНОГОЗНАЧНОСТЬ ГЛАГОЛА

Проблеме лексической многозначности вообще и глагола в частности посвящена огромная литература, см., например, работы российских исследователей [Апресян 1974: 164–215; 2009; Падучева 2004; Зализняк Анна 2006; 2013; Кустова 2004; Розина 2005]. На материале разных групп глаголов убедительно показано, что многие механизмы и типы многозначности носят регулярный характер и охватывают целые классы и категории глаголов. Однако если обратиться к словарям, то легко увидеть, что строгих критериев выделения, разграничения и упорядочения разных значений многозначных слов (в том числе глаголов) в них нет, и во многих случаях однотипные различия в словарных статьях трактуются по-разному: то как разные значения, то как оттенки одного значения, то как переносные значения, то как фразеологически связанные значения; либо (что очень часто встречается) какие-то «вторичные» (производные) значения, в том числе случаи регулярной многозначности, вообще не учитываются. В данной статье высказываются некоторые общие соображения о проблеме глагольной многозначности и специально рассматриваются типы многозначности глагола, связанные с меной субъекта. Многие из них уже не раз привлекали внимание исследователей; здесь предлагается попытка некоторого обобщения и комментарии к уже высказанным идеям и имеющимся опытам описания.

Как известно, семантическое толкование глаголов представляет особую трудность, поскольку семантика глагола связана с трактовкой (категоризацией) целой ситуации, и значение глагола может зависеть от семантики его актантов — субъекта, объекта, инструмента, цели, оценки и прочих характеристик ситуации и способа восприятия ситуации в целом¹.

¹ Ср. «Всякий раз, когда мы выбираем слово или словосочетание, вместе с ним мы автоматически привлекаем тот более широкий контекст, или рамку, в терминах которой отобранное слово или словосочетание получает определенную интерпретацию. Описания значений элемента должны как бы задавать одновременно “изображение” и его “фон”» [Филлмор 1981: 521].

В теории и практике Московской семантической школы, возглавляемой академиком Ю. Д. Апресяном, основой разграничения разных значений слова является толкование, и разными лексемами (в терминологии Московской школы лексема — слово в одном из его значений) многозначного слова считаются лексемы, имеющие разные толкования. Но для того чтобы пользоваться этим критерием на практике, должны быть сформулированы строгие правила самих толкований, и в частности для глагола — то, какие именно параметры и характеристики стоящей за глаголом ситуации должны считаться релевантными для толкования глагола. Например, для глагола *идти* в толкование его исходного, прототипического значения, связанного с субъектом — человеком или животным, должен включаться способ передвижения ('с помощью ног'), а дефиниции без указания на этот способ (просто 'перемещаться с одного места на другое') недостаточно, поскольку есть глаголы *ехать*, *плыть*, *лететь* со значением перемещения; необходимо также указание на характер самого хождения ногами, который отличает *идти* от *бежать* или *прыгать* (все три глагола требуют указания на способ перемещения с помощью ног). Иначе говоря, при толковании необходимо учесть также системные (парадигматические) отношения толкуемого слова (лексемы) к другим единицам языка.

Для того чтобы толкования разных лексем многозначного слова можно было сравнивать, необходимо, чтобы эти толкования были полными, т. е. включали все релевантные признаки. В свое время Анна Вежбицка убедительно объяснила, почему английский глагол *to kill* нельзя толковать как 'cause to die': такая дефиниция носит слишком общий характер и не содержит необходимого указания на значение физического действия (ведь причиной смерти могут быть и другие действия или события) [Wierzbicka 1980]. Если мы возьмем глагол *будить* / *разбудить* (*Отец разбудил меня в семь часов*), то для него, на первый взгляд, возможно толкование без указания на способ действия, а именно — 'каузировать прекращение сна', поскольку способ этого действия — будет ли это бужение совершаться путем тормошения спящего,

или голосовым призывом, или путем поливания спящего водой, или же спящего разбудит будильник — кажется нерелевантным, он не влияет на семантику глагола, ибо во всех перечисленных случаях имеет место одна и та же «каузация прекращения сна» и один и тот же результат — «прекращение сна». Однако и этот глагол оказывается многозначным, если учесть свойства других «участников» ситуации — субъекта и предиката (об этом ниже).

Многозначность глагола может быть связана и с типом (характером) о б ъ е к т а. В многочисленных примерах глагольной многозначности, приводимых в [Апресян 1974], представлены именно такие случаи — когда значение глагола определяется типом объекта: *рыть землю* и *рыть яму*, *лечить больного* — *лечить туберкулез* и т. п. В сущности, характер действия, обозначаемого глаголом, здесь не меняется, меняется лишь фокус восприятия всей ситуации, в которой присутствуют одновременно оба объекта (роя землю, вырывают яму — или роют яму в земле; лечат туберкулез, лечат больного), но в одном случае делается акцент на одном участнике ситуации, в другом — на другом. Этот принцип метонимической (в широком смысле) замены (*лечить болезнь больного* > *лечить больного*) носит универсальный характер (ср. *читать стихи Пушкина* — *читать Пушкина* и т. п.), но до каких пределов он должен учитываться при толковании глагола? Мы ведь можем сказать не только *лечить больного* и *лечить язву*, но и *лечить желудок* (*лечить язву желудка*), т. е. в качестве объекта может выступать и больной, и больной орган, и сама болезнь. Должны ли здесь быть признаны отдельными значения глагола *лечить* во всех трех случаях: *лечить язву*, *лечить желудок*, *лечить больного*? С другой стороны, во фразе *Он поехал на курорт лечить свой желудок* глагол *лечить* означает уже вообще не действие (или занятие) данного субъекта, а совсем другую ситуацию, предполагающую другого субъекта (и агенса) лечения, и это различие уже не связано с различием объекта. Возможен также «метафорический» субъект и другое значение предиката: *Время лечит*.

Различия между объектами действия лежат в основе многозначности множества глаголов с исходным конкретным и вторичным переносным (метафорическим) значением, например: *доставить* (*посылку / удовольствие*), *открыть* (*дверь / доступ*), *закрыть* (*окно / возможность*), *показать* (*рисунок / высокие результаты*), *привести* (*знакомого / пример*), *принести* (*книгу / славу*), *прийти* (*домой / в упадок / на ум*) и т. д.

В значение глагола может быть встроено и указание на инструмент действия: *резать* можно ножом (хлеб) или ножницами (ткань), но не пилой, ибо для этого в русском языке есть отдельный глагол — *пилить*, хотя собственно характер действия, тип субъекта, его цель и результат в этих случаях одни и те же. На важность объекта и инструмента указывает и то, что в других славянских языках и диалектах *резать* может означать именно ‘пилить дерево’, а ‘резать хлеб’ будет обозначаться другим глаголом — *кроить*, который в русском языке закреплен только за резанием ткани или бумаги ножницами [Дюрович 2000].

Регулярная многозначность глагола обусловлена не только характером его актантов (субъектом, объектом, инструментом и т. д.), но и (даже в первую очередь) свойствами самого предиката. К наиболее значимым признакам относится принадлежность предиката к одному из «фундаментальных классов» [Апресян 2006б; 2009: 27–57], или, по другой терминологии, «таксономических категорий» [Падучева 2004], т. е. выражаемое глаголом предикативное значение: действие, состояние, процесс, занятие, свойство, отношение, положение в пространстве и т. д. Принадлежность глагола или отдельной глагольной лексемы к тому или иному классу (категории) предикатов определяет их семантические, синтаксические, деривационные свойства и парадигматические отношения с другими словами, а также выбор (свойства) их актантов. По словам Е. В. Падучевой, таксономическая категория — «это не просто один из параметров лексического значения, а параметр, определяющий всю структуру толкования. Таксономическая категория играет такую же важную роль для семантики слова, как часть речи — для грамматики» [Там же: 34]. Поскольку

разные значения глагола (разные глагольные лексемы) могут относиться к разным классам предикатов, например *входить в комнату* (действие) и *входить в состав комиссии* (свойство), *защищать город* (занятие) и *защищать от солнца* (свойство), *ребенок сидит и читает* (занятие) и *ребенок уже хорошо читает* (способность) и т. п. (примеры подобного рода многократно приводились), то они должны выделяться как разные лексические значения глагола (хотя далеко не всегда выделяются в словарях). Принадлежность к классу предикатов, таким образом, лежит в основе одного из типов регулярной глагольной многозначности.

Еще одним важным параметром, определяющим семантические свойства глагола, является тематический класс, в который входит глагол, т. е. денотативная область его значений (согласно Е. В. Падучевой — аналог семантического поля [Падучева 2004: 42–49]). По этому признаку различаются глаголы перемещения, физического действия, восприятия, мнения, глаголы речи, ментальные глаголы и т. д. Глаголы одного тематического класса обычно имеют какие-то общие свойства и характеристики. Таксономические категории (Т-категории) и тематические классы взаимно пересекаются: «Состояния могут быть физическими, физиологическими, ментальными, эмоциональными и т. д.: одна Т-категория, но разные тематические классы. С другой стороны, ментальные глаголы могут быть действиями, состояниями, происшествiями: один тематический класс, но разные Т-категории» [Там же: 50].

Обратимся теперь к роли с у б ъ е к т а. Как и в случае с предикатом, для субъекта значимы и онтологические, и функциональные характеристики. К первым относится принадлежность субъекта к одному из денотативных классов (семантических полей) — лица (люди), животные, растения, предметы, явления природы, стихии, события, отношения, свойства и т. д.; ко вторым — их семантические роли (агенса, пациенса, экспериенсера и др.). Функциональные признаки (семантические роли) субъекта оказываются для семантики предиката важнее онтологических (денотативных). Разным классам предикатов соответствуют разные функциональные типы субъектов: действиям, занятиям,

деятельности — агенсы, процессам — пациенсы, состояниям — экспериенсеры, свойствам — посессоры, воздействиям — каузаторы и т. д. Конкретный многозначный глагол, лексемы которого могут принадлежать к разным рубрикам фундаментальной классификации, соответственно, может иметь разные значения и разных субъектов: *Начальник вызывает подчиненных и требует представить отчет о работе за прошедший год* (речевое действие) и *Квартира требует ремонта* (состояние). Очевидно, что эти два фактора связаны между собой: в первом примере субъект (начальник) «активен» и глагол обозначает действие, которое совершается по его воле и с определенной целью, во втором — субъект (квартира), так сказать, «пассивен» и глагол обозначает состояние (и свойство) субъекта.

Упомянутый выше глагол *будить / разбудить* с общим значением «каузировать прекращение сна» тоже может относиться к разным классам предикатов и, соответственно, иметь разных субъектов. Во фразе *Отец каждое утро будит меня в семь часов* он имеет агентивное значение, т. е. обозначает сознательное, целенаправленное, контролируемое действие субъекта-лица. Но во фразе *Отец будит меня по ночам своим кашлем* тот же глагол обозначает ненамеренное действие при «пассивном» субъекте-лице. Наконец, в случае *Меня разбудили крики за стеной* субъектом оказывается вообще не лицо, а событие (крики за стеной), а глагол приобретает значение чистой каузации, т. е. получает значение причины. В толковании [МАС] для глагола *будить* даются два значения: 1. ‘прерывать чей-л. сон, заставлять проснуться’, 2. ‘перен. вызывать к жизни, возбуждать’: *Будить воспоминания*, которое отличается прежде всего отсутствием прямой связи со сном; кроме того, в этом значении глагол имеет другую форму совершенного вида: не *разбудить*, а *пробудить* или *возбудить воспоминания*. В первом из этих значений, таким образом, словарь объединяет три разных значения; «активное» (агентивное), «пассивное» (ненамеренное) с субъектом-лицом и «каузальное» (причинное) значение глагола с событийным субъектом.

Прямой зависимости между онтологическим (денотативным) классом субъекта и его семантической ролью нет.

По словам Ч. Филлмора, «даже если некоторый универсум будет содержать только один класс объектов — скажем, человеческое существо, — то все равно можно будет показать отождествляемую с ролями функцию падежей. Один человек может схватить и поднять другого человека, воспользоваться его телом как инструментом для того, чтобы сбить третьего человека, последний может быть ошеломлен и так далее. Короче говоря, в универсуме только с одним классом объектов легко представить себе падежные отношения агенса, инструмента, пациенса и испытывающего лица» [Филлмор 1981: 508].

Конечно, стандартным, прототипическим активным субъектом (агеном) является человек (или другое живое существо), но человек, как мы видели, может быть и «пассивным» субъектом состояния или воздействия, ср. *Больной требует врача* (речевое действие, субъект-агеном) и *Больной требует ухода* (= *Больному требуется уход*, *Больной нуждается в уходе*, состояние, субъект-пациент); *Сын радуется матери своими успехами* (субъект «пассивен» и не играет роль деятеля, а служит причиной радости матери). С другой стороны, предметы, явления и события отнюдь не всегда выступают в качестве «пассивных» субъектов, они, так же как и люди, могут быть субъектами действий (хотя и не целенаправленных), воздействий или событий, ср. *книга упала с полки*, *дом рухнул*, *шарик улетел*, *ветер опрокинул столб*, *волна унесла лодку* и т. п. Активным мыслится и предмет, в частности инструмент, прибор, механизм или устройство, специально предназначенные для определенного действия и определенной цели: *поезд тронулся*, *часы бьют*, *будильник звонит* и т. п. Поэтому, на мой взгляд, во фразах *Меня разбудила мать* и *Меня разбудил будильник* значение глагола *разбудить* будет одним и тем же, в отличие от *Меня разбудили крики за стеной*. Активной может представляться и природная сила: *Буря мглою небо кроет*, *вихри снежные крутя*, *то как зверь она завоет*, *то заплачет, как дитя*². Это значит, что «онтологический» тип субъекта

2 Ср. мнение Ю. Д. Апресяна: «Вполне корректно толковать через 'действовать' только такие глаголы, первым актантами которых является человек

екта, т. е. принадлежность его к классу лиц или вообще живых существ, к классу предметов, классу ситуаций или абстрактных сущностей, может быть релевантен не сам по себе, а лишь постольку, поскольку он влияет на функциональный тип субъекта (его семантическую роль), т. е. его активность (агентивность) или пассивность (неагентивность).

или похожие на него существа, например боги, ангелы, демоны, животные, птицы, насекомые и т. п. Все они в языковой картине мира в той или иной степени наделены свободной волей — хотя бы потому, что они могут создавать разные вещи, перемещаться по своему выбору и т. п. Однако имеются объекты, которые выполняют некоторые чисто человеческие операции (*копают, дезактивируют, перевозят, считают, переводят* и т. п.), но при этом функционируют не самостоятельно, а только по воле человека и в соответствии с его целями и планами. Таковы, например, автономно работающие механизмы, в частности автоматические транспортные средства. Толковать через 'делать' применимые к ним предикаты, например глагол *ходить*, во фразах типа *Туда дважды в день ходит прогулочный катер*, было бы некорректно. Тем не менее такие предикаты обнаруживают много свойств, характерных для классических акциональных глаголов, например способность употребляться в контексте целевых слов и выражений; ср. *Катер дважды в день ходит на остров за отставшими пассажирами (забрать отставших пассажиров), Автобусы везут детей на отдых.*

Есть еще один класс предикатов, которые имеют характерные свойства акциональных глаголов, но не допускают толкований через примитив 'делать'. Их уместно назвать воздействиями. Это предикаты типа *выбрасывать, разрушать, размывать, разъедать, смывать* и т. п. в применении к природным объектам и процессам. Ср.: *Во время извержения вулкан выбрасывает на склоны горы тонны пепла; Селевые потоки дважды разрушали дорогу; Солнце прогревает верхний слой воды до 20 градусов; Дожди размывают полотно; Ржавчина разъедает металл; Наводнение смывало целые деревни* и т. д. Первые актантаы таких предикатов, т. е. вулканы, реки, солнце, дожди, ржавчина, наводнения и т. п., не выполняют никаких действий в точном смысле слова, т. е. не являются агенсами (каузаторами). Они смогут быть лишь причинами определенных процессов, состояний и положений вещей. Не случайно соответствующие глаголы не встречаются в контексте обстоятельств цели» [Апресян 2004а: 20–21].

Соглашаясь в принципе с такой трактовкой субъектов трех типов (человек, механизм, природная сила) и соответствующих предикатов, я в то же время считаю, что в этих трех случаях представлены разновидности одного и того же фундаментального класса предикатов, а именно действия (хотя и не целенаправленные).

Особо следует сказать о признаке целенаправленности (намеренности, контролируемости) действия, который сравнительно недавно привлек пристальное внимание исследователей. Хотя этот признак обычно относится к предикату, очевидно, что он одновременно или даже прежде всего характеризует субъекта, его волю, его желание, намерение, готовность совершить действие³. Обычно этот признак не отделяют от агентивности, поскольку всякое активное действие предполагает некоторую цель. Субъект такого действия — целенаправленно действующий агент, роль которого может исполнять только человек (или приравняемое к нему существо, группа людей). Но человек может производить как целенаправленные, так и непреднамеренные действия. Это хорошо видно на много раз обсуждавшихся примерах, таких как *встретить* (на вокзале) и *встретить* (на улице случайно); *найти* (в результате целенаправленных поисков или случайно), *упасть* (намеренно или случайно, поскользнувшись), *толкнуть* (намеренно или случайно) и т. п. Такие пары значений противопоставлены по признаку целенаправленности (намеренности), но они, на мой взгляд, не противопоставлены по признаку акциональности (активности). Их субъект в обоих случаях остается действующим лицом, а глаголы — глаголами действия, занятия или события. Считать ли глаголы с намеренным и ненамеренным значением разными лексемами? В пользу такого решения говорит, в частности, различие в семантике производных форм и конструкций, например: отрицательная форма *не нашел* предполагает только *найти* в намеренном значении (*не нашел* — значит искал, старался найти), *находка* обычно означает нечто найденное случайно, непреднамеренно и т. п.⁴

3 Ср. определение А. А. Зализняка: «Если агентивность или активность есть свойство субъекта, а намеренность — свойство действия, то контролируемость представляет собой свойство ситуации в целом» [Зализняк Анна 1992: 138].

4 По мнению Ю. Д. Апресяна, «скорее всего, оппозиция намеренности – ненамеренности в этом случае (речь идет о глаголах *замереть* и *застыть*. — С. Т.), как и в других подобных (например, *упасть*, *разбить*,

Столь же проблематична интерпретация предикатов при неличных субъектах. В примерах *Ваня стучит в окно* и *Ветка стучит в окно* (или *Дождь стучит в окно*) Е. В. Падучева усматривает разные значения глагола и называет механизм семантической деривации, связанный с подобной меной субъекта, «деагентивацией» [Падучева 2001: 57–58]⁵. Однако решение о различии или совпадении значений глагола *стучать* в этих фразах зависит, помимо прочего, от способа толкования: если *стучать* понимать как ‘производить стук’, то никаких различий между *Ваней* и *веткой*, которые бы влияли на семантику глагола, не будет (ср. еще *мотор стучит, сердце стучит*). Если же толковать *стучать* как ‘производить соответствующее целенаправленное физическое действие, например с помощью руки или какого-либо предмета’, то в этих примерах придется усматривать разные значения. Подтверждением релевантности этого различия в значениях может служить дериват *постучать* в специальном «информационном» значении — ‘постучать с целью привлечь внимание, узнать, можно ли войти, и т. п.’, — который возможен для человека (т. е. для субъекта-лица при целенаправленном предикате) и невозможен для дождя, ветки или мотора. Иначе говоря, здесь «скрытая» (по определению Т. В. Бульгиной) категория целенаправленности (или контролируемости) действия получает свое выражение, но, как мне кажется, не меняет лексического значения глагола и во всяком случае не переводит физическое действие в разряд процессов. Возможно, впрочем, и другое решение: признак контролируемости релевантен для глагола *постучать* (ибо для него исключается неличный субъект), но не релевантен (безразличен) для глагола *стучать*.

сломать тоже можно намеренно и ненамеренно), создает различие лишь в употреблениях *замереть* и *застыть*, но не в их лексических значениях. Собственно значение этих глаголов было истолковано выше как ‘на короткое время стать неподвижным’» [Апресян 2006б: 74].

5 Ср.: «Одна из мощных моделей деривации, деагентивация, переводит действие в неагентивный процесс: *Ваня / ветка стучит в окно*» [Падучева 2004: 526].

В словарных представлениях многозначных глаголов нередко отдельные значения (лексемы) различаются именно характером субъекта, ср. при глаголах частую помету «о том-то», включающую таким образом в дефиницию указание на тип субъекта. Например, *рычать* ‘издавать громкие, низкого тона, угрожающие звуки (о животном)’; *раздаться* ‘стать слышимым (о звуке, звуках)’; *каменеть* ‘становиться неподвижным, безжизненным (о лице, частях тела)’ и т. п. [МАС]. Если первое (главное, основное) значение предполагает в качестве субъекта лицо (или группу лиц), то вторичные значения могут быть предикатами разного рода предметных или событийных субъектов и, соответственно, иметь какие-то особые свойства формального или семантического порядка. В структуре многозначности глагола *выйти* / *выходить*, предложенной Ю. Д. Апресяном [2010: 75–76; 2014], значения первого блока (1.1., 1.2. и 1.3.) отличаются друг от друга своими субъектами: в первом случае это человек (или животное, т. е. вообще живое существо): *выйти из дома*; во втором — транспортное средство: *корабль вышел из гавани, трамвай вышел из депо*; в третьем — светило: *луна вышла из-за облаков*. В этих трех случаях различается и характер действия (т. е. значение глагола): *выйти из дома* предполагает физическое перемещение с помощью ног; в случае корабля или трамвая имеется в виду движение (перемещение) с помощью движущего устройства (по воде или по рельсам); в случае луны — видимое перемещение по небу. Во всех трех выделенных лексемах имеется в виду физическое движение (перемещение), и это отличает данный блок значений от других, где физическое движение (будь то с помощью ног, движущего механизма или как зрительное представление) вообще отсутствует (*выйти из положения* или *выйти замуж, выйти в отставку* и т. п.).

Таким образом, в классе субъектов выделяются следующие типы по их денотативной природе и ролевой функции, влияющие на семантику предиката (точнее, согласованные с семантикой предиката): 1. активное лицо (агенс) как субъект целенаправленного, намеренного действия, занятия или деятельности: *Отец разбудил меня в семь часов; Начальник*

требует отчета; 2. «пассивное» лицо как субъект ненамеренного (или случайного) действия: *Отец разбудил меня ночью своим кашлем*; *По дороге домой я встретил приятеля*; 3. лицо-пациент: *Больной требует ухода*; 4. событие-каузатор: *Меня разбудили крики за стеной*; 5. предмет как субъект свойства (посессор): *Квартира требует ремонта*; *Очки защищают от солнца*; 6. предмет как активный каузатор: *Ветка стучит в окно*; *Камень ударил в стекло*; 7. явление природы (стихия) как активный каузатор: *Вода снесла плотину*; *Ветер сломал дерево*.

Во всех этих случаях субъект сочетается с глаголом, прототипическое значение которого — активное, целенаправленное действие, а прототипический субъект — агенс. Механизм появления вторичных значений (семантических дериватов) — смена типа субъекта (и его роли, и его денотативной природы) и класса (категории) глагола. К сожалению, не для всех этих типов субъектов имеются терминологические наименования.

Рассмотрим подробнее несколько денотативных групп глаголов, для которых характерна регулярная многозначность, связанная с меной субъекта.

Глаголы физического действия: *делать, бить, ударять, разбивать, поражать, ранить, располагать, открывать, держать, поддерживать, удерживать, нести, приносить, приводить, доставить, будить, затрагивать, связывать, встречать, толкать, угнетать, терзать, задевать, трогать, касаться, мучить, стирать, отнимать, отталкивать* и т. д. обладают регулярной многозначностью, в основе которой — отказ от собственно действия, превращение агенса в каузатора и актуализация дополнительных смыслов, сопровождающих чисто акциональный смысловой компонент. Например, глагол *бить* в своем прототипическом значении, помимо семантики контакта с объектом в результате применения силы и эвентуального использования орудия, имеет несколько сопутствующих семантических компонентов, таких как «причинить боль объекту» (если это живое существо), «деформировать или разрушить объект» (*бить врагов, бить орехи*), «заставить его двигаться» (*вбить гвоздь*) и др. Общий смысл «наносить урон»

лежит, например, в основе таких переносных значений глагола, как *бить по самолюбию* (*Низкая оценка его работы бьет по его самолюбию*), с утратой физического значения и, следовательно, категориального значения действия. Этот же механизм лежит в основе семантической деривации остальных глаголов: *ударить по самолюбию, разбить сердце, ранить словом, открыть доступ, держать в напряжении, поддерживать отношения, нести ответственность, приводить в движение, встречать восторженный прием, стирать различия* и т. д.

В словарях лишь в немногих случаях такие вторичные (производные) значения отмечаются. Так, в [БАС 8: 1643–1644] у глагола *отталкивать* выделяется три значения: 1. чисто физическое — ‘толчком отодвигать, отстранять’; 2. метафорическое с устранением физического движения — ‘порывать связь, близкие отношения с кем-н.’, ‘отстранять, удалять от себя кого-л.’; 3. переносное неагентивное — ‘внушать кому-л. отвращение к себе, отвращать от себя’: «Этот ловкий, азартный мальчик пугал и даже отталкивал Клима своим властным характером» (Горький); «Во всем ее существе <...> было что-то такое, что не могло всем нравиться, что даже отталкивало иных» (Тургенев). Здесь и субъект-лицо, и неличный субъект одинаково неагентивны. Аналогично представлена [Там же: 1298–1299] структура многозначности глагола *отвращать* (с той лишь разницей, что чисто физическая семантика отмечается у него как устаревшая). Или: *отнимать, отнять* — в прямом физическом значении (‘отобрать силой’), в значении непреднамеренного (нефизического) действия: «Нынче доктор был у меня и отнял час времени» (Толстой) и в «причинном» значении с «событийным» субъектом (*дорога отняла почти целый день*) [Там же: 1486–1487].

Вторичные значения изначально «физических» глаголов (глаголов физического действия) во многих случаях обнаруживают зависимость от объекта, ср., например, разные значения глагола в случаях *принимать награду, принимать посетителя, принять на работу, принять лекарство, принять решение, принять близко к сердцу, принять вид, позу* и т. д. В отношении субъекта они, однако, не слишком различаются — в большинстве

случаев это активное действие с личным субъектом-агентом. В отличие от него глагол *приносить*, в своих вторичных значениях также связанный с определенным объектом, сочетается как с личным (*Сын принес матери много страданий*), так и с неличным субъектом (*приносить плоды, приносить результаты, успех, неприятности* и т. п.).

Наиболее обстоятельно многозначность интересующего нас вида (связанная с субъектом) изучена применительно к **глаголам речевых актов**, которые, помимо прямого, речевого, значения, регулярно развивают другие, неагентивные, значения, связанные с неагентивными типами субъектов [см.: Падучева 2004; Гловинская 2010]. Для сферы речи прототипическим субъектом является, конечно, человек, противопоставленный по способности говорения всему остальному миру, поэтому употребление глаголов речи с другими субъектами приводит к появлению новых значений глагола. Так, глаголы речи *говорить, убеждать, требовать, отвечать, грозить, угрожать, оскорблять, обещать, сулить, доказывать, объяснять, свидетельствовать, напоминать, подтверждать, опровергать, позволять* и т. п., у которых «вершину» толкования образует смысл «говорить», регулярно развивают неречевые значения, меняя при этом тип субъекта с агентивного (активного, целенаправленного, контролирующего) на неагентивный: *Докладчик говорил сорок минут — Весь его вид говорил о его бедственном положении, Он никого не убедил своими доводами — Его доводы никого не убедили, Начальник требует срочного завершения работы — Статья требует доработки, Диссертант отвечает на вопросы оппонентов — Диссертация отвечает всем требованиям, Рабочие грозят остановить конвейер, если не будут выполнены их требования — Предприятию грозит банкротство, Обвиняемый убедительно доказал свое алиби — Показания свидетеля доказывают невиновность подозреваемого, Как вы объясняете свое опоздание? — Это обстоятельство многое объясняет, Наблюдатели свидетельствуют, что нарушений не было — Возросшие показатели свидетельствуют об эффективности принятых мер, Напомни мне последние цифры — Пейзаж напомнил мне детство* и т. п.

Во всех подобных случаях меняется не только тип субъекта, но и класс предиката: глаголы с исходным значением речевого действия становятся глаголами с другим категориальным значением (состояния, свойства, отношения и т. д.). Для некоторых из речевых глаголов, например *кричать*, *вопить*, *просить*, неагентивное значение возможно только во вторичных фразеологически связанных или метафорических употреблениях: *кричащие противоречия*, *вопяущая нищета*, *земля просит дождя*, *сердце просит покоя* и т. п.

Регулярная многозначность этих глаголов основана прежде всего на устранении самого акционального компонента, т. е. мотива речи, что характерно для подавляющего большинства таких глаголов. Устранение акционального (в данном случае речевого) компонента, естественно, приводит к замене агенса на другой, неагентивный тип субъекта (пациенс). Именно такие значения (с неагентивным субъектом) обычно в словарях трактуются как переносные и снабжаются соответствующей пометой. Однако конкретные виды вторичных неагентивных значений речевых глаголов, утрачивающих значение 'говорить', зависят от того, какие другие смыслы совмещались с говорением в исходном (прямом, первом, основном) значении. Например, у *требовать* смысл «говорить» совмещался со значением «каузировать какие-то действия адресата или какие-то состояния» (*требовать ускорить работу*, *требовать наведения порядка*, *требовать чистоты* и т. д.), у *оскорбить* к «говорению» добавлялось значение «вызвать у адресата чувство обиды, унижения», у *доказать* — дополнительная к говорению семантика «убедить адресата, заставить его поверить», у *грозить* — смысл «случится нечто плохое» и т. д. Во вторичных (неагентивных) значениях устраняется или ослабляется значение «говорить», а актуализируется именно это дополнительное значение. Например, в случае *Предприятию грозит банкротство* речевое значение полностью утрачено, актуализировалось дополнительное значение «случится нечто плохое» (в данном случае банкротство).

М. Я. Гловинская [2010], говоря о регулярной многозначности глаголов речи, приводит три типа значений,

характерных для них: 1. собственно речевое: *Он грубо оскорбил учительницу*; 2. переносное с агенсом, действия которого могли иметь и не иметь цель: *Своим поведением вы оскорбляете верующих*; 3. «причинное в широком смысле, где одна ситуация порождает другую»: *Ваше поведение оскорбляет верующих*. При этом отмечается, что третье значение часто образуется меной диатезы из второго. Как видно, два первых значения, имеющих субъекта-лицо, отличаются как раз по признаку целенаправленности, преднамеренности действия (оскорбил учительницу сознательно, а оскорбляет верующих, скорее всего, непреднамеренно), но также и по признаку агентивности (хотя в первом случае имеет место действие, а во втором — скорее воздействие); вообще же *оскорблять* можно считать не только речевым, но и отчасти интерпретационным глаголом, поскольку он может подразумевать самые разные конкретные действия — оскорбительные слова, жесты, действия, мысли, рисунки и т. д. В [МАС 2: 647] для *оскорбить / оскорблять* дается только одно общее значение (как раз не речевое): ‘крайне обидеть, унизить кого-н., уязвить, задеть в ком какие-л. чувства’, а «причинное» (по определению М. Я. Гловинской) значение (типа *Этот спектакль оскорбляет чувства верующих*) не отмечается.

Аналогично в [БАС 16: 23–24] в статье *убеждать / убедить* неагентивное значение (*Его доводы никого не убедили* — из *Он никого не убедил своими доводами*) в качестве отдельного не выделяется. Даются только агентивные значения: 1. ‘внушать что-н., добиваясь, чтобы поверили, согласились’; 2. ‘уговаривать, увещевать, склонять к чему-н.’. При этом значение речевого акта вообще не фигурирует в толкованиях. То же положение находим в [Ожегов 1972: 753; Ушаков 4: 857]. Заметим, что два близких по исходному значению глагола — *убеждать* и *уговаривать* — различны в отношении структуры многозначности: первый допускает ненамеренный и неагентивный дериват (как в приведенных примерах), тогда как для второго такие семантические дериваты невозможны. Это объясняется тем, что значение «говорения» в глаголе *уговаривать*, по выражению Е. В. Падучевой, «неподавляемо»

[Падучева 2004: 371]. В [Ожегов 1972: 402] для *объяснить / объяснять* дается только «активное» значение: ‘растолковать другому или осмыслить для себя, сделать ясным, понятным’, а «пассивное» значение ‘служить объяснением’ не упоминается. В [Шведова 2007: 552] для этого глагола тоже дается только одно, агентивное, значение: *Учитель объяснил урок*, а значение с неличным субъектом типа *Его письмо ничего не объясняет* (= безличному *В его письме ничего не объясняется*) не отмечено, хотя в статье *объяснение* даются оба типа значений, т. е., кроме «акционального» (*объяснение учителя*), приводится и «причинное» значение: ‘то, что разъясняет, помогает понять, в чем дело, в чем причина’.

В то же время в словарных толкованиях таких «речевых» глаголов, как *грозить, требовать, отвечать*, отдельные значения с неагентивными субъектами, как правило, отмечаются: *Промедление грозит гибелью, Дом грозил обвалиться* [МАС 1: 348–349]; *Болезнь требует лечения, Работа требует квалифицированного руководителя* [Шведова 2007: 997]. Для глагола *отвечать* [МАС 2: 668] дает отдельным значение ‘быть в соответствии с чем-л., соответствовать’ (*Диссертация отвечает требованиям ВАК*). У глаголов этого типа, как правило, нет неагентивных (ненамеренных) значений с субъектом-лицом — вряд ли можно сказать **Он не отвечает требованиям ВАК своей диссертацией*. Нет такой семантики и у глагола *говорить*, поэтому он также имеет только одно семантическое производное — неагентивного типа: *Его поступок говорит о его невоспитанности*, а ненамеренного действия здесь, по-видимому, нет (**Он своим поступком говорит о своей невоспитанности*).

Многие глаголы ментального действия (*решать, определять, доказывать, извинять, подразумевать, оправдывать, предусматривать, предполагать* и др.) могут иметь вторичные значения с неличным («событийным») субъектом: *Сражение решило исход войны* или *Это решает дело* (при агентивных значениях и субъектах-лицах: *Ученик решил задачу, Он решил действовать самостоятельно*); *Программа предусматривала несколько этапов* (при агентивном: *Он предусмотрел все*

возможные опасности); Такой подход предполагает отказ от прежнего решения (при агентивном: *Что вы можете предположить?*) и т. п. Здесь представлена регулярная многозначность «двучленного» типа: агентивный предикат и активный субъект или неагентивный предикат и неличный субъект; наличие третьего члена — с субъектом-лицом, но непреднамеренным действием — вряд ли возможно: **Он решает судьбу театра* (= *От него зависит судьба театра*). Словари русского языка отмечают эти «пассивные», или «причинные», неагентивные значения, но не всегда трактуют их как отдельные лексемы. Так, [МАС 2: 630] для *определить* дает особое «каузальное» значение ‘послужить причиной чего-л., вызвать что-л., обусловить что-л.’: *Это в конечном счете определило всю мою дальнейшую судьбу.* «Причинные» значения выделяются в качестве особых и для *предполагать* (‘иметь своим условием, предпосылкой’), и для *решить* (‘стать определяющим, наиболее существенным в чем-л.’). Однако для *предусматривать* такое значение специально не выделено, хотя оно и приводится за двумя косыми чертами; толкование же выдержано в «активном» регистре: ‘учесть в своем содержании’, а пример демонстрирует «пассивную» семантику: *Уроки, не предусмотренные программой земской школы.*

Глаголам восприятия также свойственна многозначность, связанная с меной типа субъекта, которая сопровождает диатетический сдвиг: *Мы сразу обратили внимание на беспорядок в комнате — Беспорядок в комнате сразу обратил на себя наше внимание*; третьим членом этого ряда будет неагентивное («пассивное») значение при субъекте-лице: *Эта пара сразу обратила на себя внимание.* Другой тип многозначности демонстрирует глагол *обнаружить*, которому в литературе уделялось много внимания [Падучева 2004: 243–251]. Как и глагол *найти*, он может означать как преднамеренное, так и непреднамеренное действие субъекта. Фраза *Исследователь обнаружил новые данные, подтверждающие его гипотезу* может иметь двоякое прочтение: в одном случае глагол имеет агентивное значение преднамеренного контролируемого действия (ученый искал новые данные и нашел их), при этом фразовое

ударение падает на атрибутив *новые* или на сам глагол *обнаружил*; в другом случае — глагол имеет значение случайного, непреднамеренного действия (случайно обнаружил), а ударение падает на объект (*данные*). Фраза *Наутро он обнаружил, что сосед уже уехал* допускает только одно толкование, при котором глагол обозначает случайное непреднамеренное действие. Однако глагол *обнаружить* может сочетаться и с неагентивным («пассивным») субъектом и, соответственно, иметь неагентивное значение как при субъекте-лице (*Ребенок обнаружил яркие музыкальные способности*), так и при неличном субъекте (*Новые данные обнаруживают связь с уже описанными процессами*). Эти примеры наглядно демонстрируют автономность механизмов «деагентивации» и «диатетического сдвига»: замена субъекта-лица неличным субъектом необязательно приводит к изменению категориального значения глагола (*Ваня стучит в окно* ≈ *Ветка стучит в окно*; *Люди стоят на остановке* ≈ *Книги стоят на полке* — в обоих случаях значение глагола, по-моему, одно и то же), а диатетический сдвиг (превращение агенса в экспериенсера, т. е. субъекта действия в субъекта состояния), в принципе, возможен как при субъекте-лице (*Больной требует особого внимания*), так и при неличном субъекте (*Диссертация требует доработки*).

Глаголы «воздействия»: *примирять, развивать, изменять, укреплять, объединять, обогащать, обращать, захватывать, помогать, позволять, заставлять, принуждать, уступать, ослаблять, принижать, мешать, менять, сокращать, скрывать* и т. п., для которых исходным значением также следует признать агентивное, развивают вторичные каузативные или метафорические значения при неличном (прежде всего «событийном») субъекте: *Он легко примирил спорщиков — Рождение ребенка примирило супругов; Исследователи развивают новое научное направление — Чтение развивает речь и повышает грамотность учащихся; Рабочие укрепляют забор — Встречи и диалоги укрепляют взаимопонимание; Психолог помогает пациенту справиться со стрессом — Лекарство помогает от бессонницы; Начальник решил объединить два отдела — Что нас объединяет?* и т. д. Для глагола

примиришь в [МАС 3: 424] отмечаются только «активные» значения, а значения, связанные с субъектом-каузатором, типа *Рождение ребенка примирило супругов* или *Ребенок примирил родителей* (личный субъект при ненамеренном действии) не учитываются.

Глаголы **эмоционального воздействия** *радовать, удивлять, привлекать, смущать, возмущать, волновать, возбуждать, обижать, восхищать, покорять* и т. п. в отличие от предыдущего типа в своем исходном значении не имеют акционального (активного, агентивного) смыслового компонента; они обозначают состояние объекта воздействия, а субъект воздействия остается «пассивной» причиной этого состояния. Тем не менее они могут иметь три разных значения: *Не надо волновать родителей и рассказывать им о дорожном происшествии* (намеренное воздействие, субъект-агенса); *Он волнуется своим состоянием* (ненамеренное воздействие, субъект-каузатор); *Его состояние волнуется меня* (диатетический сдвиг, субъект-причина). Аналогично с глаголом *беспокоить*: *Простите, что вас побеспокоил* (намеренное действие или событие); *Он беспокоит меня своим подавленным настроением* (ненамеренное воздействие); *Меня беспокоит его подавленное настроение* (субъект — причина беспокойства). Для глагола *тревожить* [Ожегов 1972: 742] дает два значения — с субъектом-агенса (*Весь день тревожат посетители*) и субъектом-каузатором (*Состояние больного тревожит врачей*), а третье значение, предполагающее личного субъекта-каузатора (*Больной тревожит врачей своим состоянием*), вообще не выделяется. Агентивные значения у этих глаголов, включающие акциональный компонент (*Не беспокойте отца, он работает*), являются вторичными, производными от неагентивных.

К этому же типу относится и глагол *пугать*: *Он отговаривал меня от поездки, пугая трудностями получения визы — Своим неожиданным появлением он напугал меня — Его неожиданное появление напугало меня*. В первом случае прямое агентивное значение — ‘каузировать состояние (чувство) страха’; во втором — ‘ненамеренно вызвать страх, стать причиной

страха⁷; в третьем на основе диатетического сдвига каузаторм страха становится не лицо, а его поступок или состояние. У глаголов *беспокоить*, а также *тревожить*, *обижать* может не только актуализироваться компонент физического действия, но и появляться оттенок интерпретационного глагола, поскольку они могут обозначать самые разнообразные действия: *Простите, что беспокою вас в столь поздний час* (мешаю вам, отнимаю время и т. п.); *Простите, что вас потревожил* (оторвал от дела); *Нельзя обижать маленьких* (например, отнимать игрушки, дразнить, пугать и т. п.).

Многозначность такого рода, как уже было отмечено, может продолжаться в отглагольных **дериватах**: для *требовать* в акциональном значении (*требовать исполнения приказа*) именной дериват — *требование*, а для *требовать* в пациенсном значении (*требовать ремонта*) — *потребность*; глаголу *встречать* в намеренном и ненамеренном значениях соответствуют два значения имени: *встреча*₁ (на вокзале), и далее ‘прием’, и *встреча*₂: *неожиданная встреча*; глаголу *угрожать* — *угроза*₁ (*Я не боюсь твоих угроз*) и *угроза*₂ (*возникла угроза наводнения*); глаголу *тревожить* в значении ‘испытывать тревогу’ — прилагательное *тревожный*₁ (*тревожное чувство*), а в значении ‘вызывать тревогу’ — *тревожный*₂ (*тревожный симптом*) и т. п.

Таким образом, у глаголов, включающих акциональный компонент (т. е. смысл «делать»), регулярная многозначность связана с утратой этого компонента при одновременной замене субъекта-агенса на неагентивный субъект, который может быть как лицом, так и не лицом (ср. *Дети требуют заботы* и *Рукопись требует доработки*). В случае неагентивного субъекта-лица появляется возможность конверсии (диатетического сдвига): *Он оскорбил чувства верующих своими словами* — *Его слова оскорбили чувства верующих*; *Он меня бесит своим хладнокровием* — *Меня бесит его хладнокровие*; *Он радует меня своими успехами* — *Меня радуют его успехи*. При неличном субъекте акциональные глаголы утрачивают

свою акциональность и становятся носителями причинного значения. Другой тип регулярной многозначности связан с категорией намеренности (или целенаправленности, контролируемости) действия при сохранении акционального предиката и субъекта-агенса (тип *встретить на вокзале* и *встретить случайно в метро*, *упасть намеренно* и *упасть случайно*). В этом случае субъектно-объектные («залоговые») отношения остаются незатронутыми.

С точки зрения глагольной семантики (лексической многозначности) релевантными оказываются прежде всего функциональные (категориальные) признаки субъекта, его семантические роли — агенса, каузатора, пациенса, экспериенсера, согласованные с фундаментальными категориями предикатов. Второстепенное значение имеют онтологические (денотативные) признаки субъекта — его принадлежность к классу лиц, предметов, явлений, событий. С одной стороны, субъект-лицо может исполнять любые роли (агенса, пациенса, экспериенсера, причины и т. д.), с другой — одна и та же роль может исполняться разными денотативными типами субъектов (лицами, предметами, явлениями, событиями).

Остается не до конца выясненным вопрос о категориальном значении акциональных (по своему прямому значению) глаголов при неличном субъекте (*Меня разбудил будильник*; *Поезд тронулся*; *Вода разрушила переправу*; *Деревья сбрасывают листья* и т. п.) и при личном субъекте ненамеренного (случайного) действия или события (*Он нашел на лестнице кошелек*). Поскольку, как считают многие исследователи, такие глаголы не могут быть подведены под категорию собственно действий⁶, ибо они не удовлетворяют требованию

6 Недостаточная определенность понятия «действие» отмечается многими исследователями, ср.: «Подобно многим другим понятиям в лингвистике, понятие “действие” представляет собой понятие с нечеткими границами и должно интерпретироваться в виде полевой структуры. К центральному ядерному типу действия относится целенаправленное воздействие субъекта на объект, представленное обычно в предложениях трехчленной структуры. Ядерная акциональная структура включает подлежащее, обозначающее конкретный, активный, наделенный волею

агентивности (целенаправленности, намеренности, контролируемости, активности), для них должна быть предусмотрена какая-то дополнительная категория предикатов, так сказать, квазидействий. Совсем отказать им в акциональности было бы неправильно, это бы противоречило общепринятому (общезыковому) пониманию слова *действие*, а под другие категории фундаментальной классификации предикатов они явно не попадают. В свою очередь, остается неясным категориальный статус самих таких субъектов, поскольку они не могут быть признаны ни агенсами, ни пациенсами, ни экспериенсерами, ни причинами (может быть, квази-агены?).

субъект, конкретный объект, подвергающийся воздействию, конкретное время и место действия. Если какой-либо из этих компонентов отсутствует, то предикат может утрачивать признаки акциональности, отходить на периферию данного класса предикатов и даже переходить в иной класс, например в класс статальных или квалификативных предикатов» [Гак 1992: 78; см. также: Падучева 1992].

АКТАНТНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА И СЕМАНТИКА ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН: «СУБЪЕКТНЫЕ» И «ОБЪЕКТНЫЕ» ИМЕНА

Для начала придется высказать несколько вполне тривиальных положений. А именно: отглагольные именные дериваты — прилагательные и существительные (но не отглагольные глаголы) — в своей семантике воспроизводят значения разных актантов производящего глагола (в том числе и семантику самого предиката), или точнее — разные параметры и составляющие той ситуации, которая обозначена производящим глаголом. Иначе говоря, среди них есть имена «субъектные» и «объектные», «инструментальные» и «локативные», «результативные» и «темпоральные» и т. д. Имя может означать **субъекта** действия: *проситель* — к *просить* (тот, кто просит), *двигатель* — к *двигать* (тот / то, который / что двигает), *усталый* — к *устать* (такой, который устал); **объект** действия — прямой и косвенный: *похлебка* — к *хлебать* (то, что хлебают), *слышний* — к *слышать* (такой, кого / что можно слышать), *ноский* — к *носить* (такой, который можно (долго) носить), *неподражаемый* (такой, кому нельзя подражать); имя может означать **инструмент**: *открывалка* — к *открывать* (то, чем открывают); **«средство»** действия, ср. *курево*, *топливо* (то, что «расходуется» в процессе курения, топки); его **«продукт»**, ср. *выжимки*, *окурок*, *огарок*, *просьба*, *подарок*, *рубец* (то, что получается в результате выжимания, курения, горения и т. д.); **локус**, ср. *стоянка*, *спальня*, *парилка*, *каток*, *насед*, *училище*, *пристань*, *выгон* (место, где стоят, спят, парятся и т. д.); **способ действия**, ср. *походка*, *выговор* (манера речи), *склад* (характера) (то, как говорят, как сложен характер, и т. д.). Имя может соотноситься с семантикой самого предиката (*купание* к *купать*, *купаться*) или отсылать к обозначаемой им ситуации в целом (*купальный* может обозначать разные компоненты ситуации, ср. *купальный сезон* — время, *купальный костюм* или *купальное полотенце* — своего рода инструмент и т. д.). Соответственно, каждый глагол способен порождать целую парадигму именных дериватов, воспроизводящих обозначаемую глаголом

ситуацию. Впервые это было систематически показано на материале словацкого отглагольного словопроизводства в работе Клары Бузасъёвой [Buzássyová 1974], а затем и в других работах, например на русском материале — в статье Т. С. Морозовой [1984]. Однако далее нас будут интересовать только субъектно-объектные значения дериватов. В какой степени отглагольные прилагательные и существительные сохраняют «залоговые» свойства производящего глагола?

Понятно, что прежде всего и наиболее последовательно эти свойства сохраняют причастия: будучи компонентом глагольной парадигмы, они закономерно наследуют вид, время, залог (переходность), актантную структуру и схему управления своего глагола. После причастий ближе всего к глаголу по грамматическим свойствам и семантике стоят отглагольные существительные *nomina actionis*, которые, однако, в русском языке (в отличие, например, от польского) сохраняют глагольные категории неполно: лишь в редких случаях они указывают на видовую принадлежность производящего глагола, ср. *спасание, спасатель, спасательный* (от *спасать*) и *спасение, спаситель, спасительный* (от *спасти*); как правило, видовые противопоставления глагольных лексем в производных *nomina actionis* и других отглагольных дериватах нейтрализуются: *произведение* семантически соотносится и с *производить*, и с *произвести* (заметим, однако: при формальной соотнесенности только со вторым глаголом, на что указывает отсутствие йотации), *одобрение* соотносится и с *одобрять*, и с *одобрить*, *проверка* — с *проверять* и *проверить* и т. д. Что же касается залога (диатезы), то на морфологическом уровне он также нейтрализуется (*употребление* соотносится и с *употреблять*, *употребить*, и с *употребляться*, *быть употребленным*; *проверка* — и с *проверять*, *проверить*, и с *проверяться*, *быть проверенным*), опять же в отличие от польского, где *nomina actionis* от возвратных глаголов сохраняют показатель возвратности: *trzymanie* от *trzymać* ‘держат’ и *trzymanie się* от *trzymać się* ‘держатся’. Однако на синтаксическом уровне, как показала Е. В. Падучева, залоговые признаки производящего глагола остаются значимыми для дериватов и проявляют себя в моделях управления

отглагольных имен, в частности в субъектном или объектном значении зависимых от них притяжательных местоимений и форм генитива существительных [Падучева 1977; 1984]. Сами же отглагольные имена семантически безразличны к признаку активности (субъектности) и пассивности (объектности): неоднозначность выражений типа *объединение единомышленников* (их объединяют или они объединяются?) коренится в возможности двоякого истолкования существительного в родительном падеже — как субъекта или как объекта действия, выраженного производящим глаголом, но не самого отглагольного имени. Вместе с тем при дальнейшем семантическом развитии в сторону конкретных (предметных) значений такие имена (по происхождению *nomina actionis*) начинают соотноситься с объектными (пассивными), а не субъектными (активными) актантами производящего глагола: *объединение, укрепление* и т. п. означают 'то, что объединено' (ср. *создать объединение*), 'то, что укреплено' (ср. *построить укрепление*), тогда как «омонимичные» им имена абстрактных действий *объединение, укрепление* (*необходимость объединения, укрепления*), соотносительные не с актантами глагола, а с самим глаголом, в своей семантике остаются безразличными к субъектно-объектному противопоставлению или это противопоставление в них нейтрализуется.

Между тем многие другие отглагольные дериваты — как существительные, так и (особенно) прилагательные, — подобно причастиям, отчетливо разделяются на активные и пассивные — соответственно тому, с каким актантом производящего глагола (субъектом или объектом) они соотносятся.

АДЪЕКТИВНЫЕ ДЕРИВАТЫ. Прежде всего это прилагательные, происходящие из причастий (адъективированные причастия) или же образованные по причастным моделям с помощью «глагольных» суффиксов, т. е. таких, которые используются при образовании причастных форм или их вариантов (например, *-ущ/-ющ/-уч-, -ащ/-ящ/-ач-, -н/-ен-, -им/-ем/-ом-, -т-*). В большинстве случаев они получают, подобно причастиям, соответствующее «действительное»

или «страдательное» значение. Вот примеры «действительных» (активных, субъектных) прилагательных: *гнетущий, курящий, движущий, режущий, добывающий, отбеливающий, пахучий, ползучий, скрипучий, кусачий, жгучий, лежащий, кричащий, сидящий, бродячий* и т. д. (во всех случаях прилагательное указывает на того / то, кто / что производит соответствующее действие, является его субъектом); и примеры «страдательных» (пассивных, объектных) прилагательных: *вставной, составной, отставной, отрывной, накладной, надувной, раздвижной, заказной, врезной, раскладной, покупной, непрошенный, жареный, отвлеченный, подчиненный; несгибаемый, высокооплачиваемый, достигаемый, необходимый, орошаемый, неуловимый, осяутимый, приемлемый, неведомый; открытый, сжатый, забитый, убитый, помятый* и т. п. (все прилагательные указывают на лицо или предмет, над которыми производится или произведено действие).

При этом «пассивное» прилагательное может соотноситься не только с прямым дополнением глагола, но и с косвенным, ср. *неподражаемый, невредимый, угрожаемый, внушаемый* (такой, к о м у нельзя подражать, вредить, к о м у угрожают, внушают), *неприкасаемый* (такой, к к о т о р о м у нельзя прикасаться), *наказуемое деяние* (такое, з а к о т о р о е наказывают), *(не)обитаемый* (такой, г д е (не) обитают), *управляемый* (такой, к о т о р ы м управляют) и т. п. Синтаксические отношения между предикатом и объектом в этом случае вступают в противоречие с семантическими: формально непереходные глаголы, управляющие косвенными формами имени, оказываются «семантически переходными» и в силу этого способными породить «страдательные» дериваты.

Однако по мере того как адъектив семантически и синтаксически отрывается от глагольной системы, признак субъектности – объектности становится для него все менее релевантным; в результате возникает либо «омонимия» субъектных и объектных форм, либо несоответствие семантики прилагательного значению, предписываемому причастной моделью. «Омонимию» демонстрируют, в частности, такие прилагательные, как *терпимый* и *нетерпимый*, употребляющиеся как в субъектном, так

и в объектном значении, т. е. способные обозначать как того, кто терпит (не терпит), так и того, кого или что терпят (не терпят): ср. *(не)терпимый человек* и *нетерпимое поведение*; эту двусмысленность сохраняют и производные от них имена *терпимость* и *нетерпимость*: *нетерпимость подобных поступков* (объектное значение: поступки, которых не терпят) и *его нетерпимость* (он не терпит).

Примером несоответствия пассивной (страдательной, объектной) формы и активного (действительного, субъектного) значения могут служить прилагательные *зависимый*, *независимый* (о том, кто зависит, не зависит, — форма пассивного причастия, а значение активное), *значимый*, *незначимый* (о том, кто значит, не значит), *весомый*, *невесомый* (о том, что имеет вес, весит; герср. не имеет веса, не весит), *неувядаемый* (о том, что не увядает), *несмолкаемый* (о том, кто / что не смолкает), *непромокаемый* (о том, что не промокает), *неиссякаемый* (о том, что не иссякает), *(не)сгораемый* (о том, что (не) сгорает), *возгораемый* (о том, что возгорается), *недвижимый* (о том, кто / что не движется), которые оказываются «синонимичными» однозначно «активным» и «субъектным» *(не)зависимый* = *(не)зависящий*, *(не)значимый* = *(не)значащий*, *(не)весомый* = *(не)весащий*, *неувядаемый* = *неувядающий*, *несмолкаемый* = *не смолкающий*, *непромокаемый* = *не промокающий*, *неиссякаемый* = *не иссякающий*, *(не)сгораемый* = *(не)сгорающий*, *возгораемый* = *возгорающийся*, *недвижимый* = *неподвижный*. Стертое «страдательное» значение находим также в *родимый*, *нескончаемый*, *непогрешимый*; отчасти также в *несгибаемый* (его нельзя согнуть или он не сгибается?). На случаи несоответствия «пассивной формы и активной семантики» в некоторых праславянских отглагольных дериватах, в том числе **rьjanь* ‘пьяный’, ст.-польск. *ojrzany* ‘providus, предусмотрительный, осмотрительный’ от **obzrěti*, указывал О. Н. Трубачев, называя это явление «своеобразной славянской переформулировкой медиа» [ЭССЯ 31: 227–228].

В диалектном лексиконе в данном словообразовательном типе подобные явления нейтрализации субъектно-объектного противопоставления представлены значительно

шире, чем в литературном языке. Совмещение в одной диалектной лексеме активного и пассивного значений находим, например, в: *нежалимый* 1. 'такой, которого не жаль; недорогой по цене' (пассивное значение): «Нет ли у вас какого нежалимого топорика?», «Для кошки сделали какую ни нежалиму баночку»; 2. 'безжалостный' (активное значение): «Все он своих ребят бьет, такой нежалимый!» [СРНГ 21: 40–41]; *незнамый* 1. 'неизвестный, незнакомый' (пассивное значение: тот, кого не знают): «У чужого отца-матери, / У незнама роду-племени»; 2. 'несведущий, неосведомленный' (активное значение: тот, кто не знает): «Незнамого заведи, дак заблудится, все равно как в тайге» [Там же: 51–52]. Можно привести также многочисленные примеры «активных» значений у дериватов с «пассивным» суффиксом *-им-* (в том числе и от непереходных глаголов): *невредимый* 'не приносящий вреда, безвредный' (форма пассивная, значение активное): «Падевый мед. Он для человека невредим» [СРНГ 20: 360]; *невсходимый* 'невсхожий, бесплодный (о семенах и т. п.)': «Невсходимое семя, неуродимая земля» [Там же: 363]; *непереходимый* (о болезни): «Непереходимая болезнь, не пристает» (т. е. «не переходит») [СРГК 4: 6]; *невысыхаемый* 'не пересыхающий': «У нас пруд невысыхаемый» [СРНГ 20: 367]; *негодимый* 'негодный': «У ей поеди много негодимой остается» [Там же: 372]; *неженимый* 1. 'неженатый': «Он так и умер неженимый», «Оба брата неженимые»; 2. 'по возрасту не могущий жениться': «Барин был неженимых лет» [СРНГ 21: 41], ср. *женатый*, *неженатый* — тоже «пассивные» формы; *неигромый* 'то же, что *неигривый*': «Нам сказали, молод князь и неигром» [Там же: 53]; *непосидимый* 'непоседливый': «Вот непосидимый: все работает» [Там же: 121]; *нержавимый* 'нержавеющий': «Реку-то загородить нержавимой сеткой» [Там же: 143]; *неродимый* 'неплодородный, не родящий': «Земли-то бы и много, да неродимая она-то» [Там же: 144]; *нетерпимый* 'нетерпеливый' [Там же: 174] и т. п. Подобные примеры, в особенности распространение данной словообразовательной модели на непереходные глаголы (например, *неслужимый* 'непрочный, некрепкий, недолговечный, т. е. такой, который не будет долго служить'

[Там же: 155] или *неустоймый* 'нестойкий к полеганию, неустойчивый': «Лук-от неустоймый, падает всё» [СРГК 4: 18]; «Целина там, неустоймые хлеба были» [СРГС 2: 383]; *ездомые сани* [СРНГ 8: 331]), свидетельствуют об утрате суффиксом *-им-* своего исконного «страдательного» значения, и если в литературном языке это явление представлено единичными случаями, то в диалектах оно приобрело значительно более широкий масштаб, что, вероятно, можно объяснять слабостью грамматической категории причастий в диалектах сравнительно с литературным языком.

Исключительно субъектное («активное») значение имеют в литературном языке прилагательные, образованные с суффиксами *-ащ-/ящ-/ач-/яч-, -ущ-/ющ-/уч-/юч-, -ш-/вш-*, т. е. с суффиксами, с помощью которых образуются действительные причастия настоящего и прошедшего времени: *служащий, пропащий, восходящий, свистящий, лежащий, кусачий, всящий, ходячий; режущий, сосущий, дремлющий, усыпляющий, тягучий, плавучий, колючий, вонючий; погибший, потухший, устаревший, отживший* (во всех случаях речь идет о свойстве субъектов, обозначенных глаголом действий и состояний). В отличие от литературных диалектные словари содержат примеры на противоположную для действительных причастий «пассивную», объектную семантику: *неедущий* 'несъедобный, то же, что *недомый*' [СРНГ 21: 40]; *непримучий* 'не принимаемый, неподходящий, негодный' [Там же: 127]; *непроходячий* 'непроходимый': «Ручеек был призаросший, непроходячая мочевина» [СРГК 4: 8]; *невходящий день* 'день, в который нет приема' [СРНГ 20: 364]; *нелюбящий* 'некрасивый': «Мишка-то нелюбящий» [СРНГ 21: 75]; примеры косвенного объектного значения: *непрядущий день* 'день, в который не прядут': «Пятница — день непрядущий» [Там же: 135]; *невладущий* 'то же, что *невладимый*': «Руки-то невладушие» [СРНГ 20: 346]; *невидуший* имеет и субъектное, и объектное значения: 1. 'незрячий, слепой', 2. *время невидущее* 'сумерки' [Там же: 344]. Надо признать, однако, что таких примеров немного, и к тому же даваемые словарями толкования не всегда надежны. К образованиям с суффиксами *-ш-/вш-* семантически

близки прилагательные с «причастным» суффиксом *-л-*, во многих случаях составляющие с ними абсолютные синонимы: *былой* = *бывший*, *огрубелый* = *огрубевший*, *запоздалый* = *запоздавший*, *зачерствелый* = *зачерствевший*, *перезрелый* = *перезревший*, *пожелтелый* = *пожелтевший* и т. д.

Адъективные дериваты со «страдательными» суффиксами *-н-/-нн-* и *-т-* в семантическом отношении обнаруживают сложную картину. Наряду с ожидаемой и наиболее распространенной пассивной (объектной) семантикой (ср. *составной*, *наживной*, *накладной*, *врезной*, *отложной*, *покупной*, *насыпной*, *переносной*; *краденый*, *глаженный*, *вареный*, *беленый*, *мощеный*, *избранный*, *смешанный*, *раскаленный*, *установленный*; *сжатый*, *разбитый*, *рашитый*, *стертый* и т. д. — во всех случаях прилагательные относятся к объектам действия) среди таких дериватов встречаются «активные» прилагательные, соотносительные с субъектами переходных или возвратных (медиальных) глаголов: *больной* (о том, кто болеет = болеющий), *призывный* (о том, кто / что призывает = призывающий), *богохульный* (хулящий бога), *стеклорезный* (режущий стекло), *сдержанный* (о том, кто / что сдерживается), *разодетый* (о том, кто разоделся), *расположенный* (о том, кто / что располагается) и т. д. Нередко одно и то же прилагательное может иметь оба значения (активное и пассивное) в зависимости от того, к какому определяемому оно относится, ср. *сдержанный человек* (активное значение) и *сдержанный отзыв* (пассивное значение), *разводной ключ* (активное значение) и *разводной мост* (пассивное значение).

Среди отглагольных прилагательных со страдательным суффиксом *-т-*, кроме нормальных пассивных образований типа *убитый*, *принятый*, *забытый*, *сплюснутый* и т. п., есть дериваты от медиальных глаголов с активным значением, например *упертый* (тот, кто сам уперся, но не его уперли), *стертый* (такой, который стерся, стершийся, ср. *вытертый* с «правильным» объектным, пассивным значением), *распростертый* (= распростершийся), *развитый* / *развитой* (= развившийся), *тронутый* (= тронувшийся). Многие прилагательные этого типа могут иметь как активное, так и пассивное значение:

раздетый, одетый, приодетый 1. ‘такой, кто разделся, оделся, приоделся’ = раздевшийся, одевшийся, приодевшийся и 2. ‘такой, кого раздели, одели, приодели’; то же можно сказать о прилагательных *надутый* (*надутый человек* = надувшийся, *надутый мяч* = мяч, который надули), *согнутый, замкнутый, скрытый, занятый* и др.

Отглагольные прилагательные, образуемые с помощью других (не «причастных») суффиксов, в том числе сугубо «именных», таких как *-к-*, *-лив-*, *-чив-*, *-льн-*, *-тельн-* и др., тоже могут содержать в своей семантике субъектное или объектное значение. Среди отглагольных прилагательных с суффиксом *-к-* имеются как «действительные» (субъектные) — *дерзкий, липкий, верткий, стойкий, хрусткий* и др., так и «страдательные» (объектные) — *ковкий, плавкий, жалкий, сыпкий, варкий, ноский* и др., а также «амбивалентные»: например, *колкий* может иметь как активное, так и пассивное значение, ср. *колкий кустарник* (активное значение: он колет, колючий) и *колкие дрова* (их легко колоть; диал. *неколкие дрова* [СРНГ 21: 60]). Столь же амбивалентны диалектные производные этого типа, например *нежоркий* означает ‘с плохим аппетитом’: «Нежорка корова-то, плохо ест, плохо жрет», «Нежоркий он, худо ест» (о человеке) [Там же: 43], т. е. имеет активное, субъектное значение, а близкое к нему по структуре *неежкий* означает ‘непригодный для еды, корма’: «Осока — нехороша трава на лугу, неежка» [Там же: 40], т. е. имеет пассивное, объектное значение; *негоркий* (о древесине) означает ‘дающий мало тепла при сгорании’: «Негоркий березник» [Там же: 6]. Некоторые дериваты с *-к-*, будучи многозначными, сочетают в себе оба значения, например прилагательное *едкий* может значить ‘съедобный, вкусный’, т. е. относиться с к объекту, к еде (ср. также *неедкий* ‘несъедобный’: «Молоко неедкое будет»), а может иметь ряд субъектных значений: ‘неразборчивый в еде’, ‘кусающийся, кусачий’: «Мухи-то кусаткие, едкие»; ‘холодный, резкий’: «Вода зимою едкая»; ‘суровый’ (о человеке), ‘сварливый’ [СРНГ 8: 321]; так же и *невидкий* может значить ‘плохо видящий, подслеповатый’, а может иметь объектное значение: ‘едва различимый, плохо видный’ [СРНГ 20: 343]; для слова

неходкий отмечены четыре значения, из которых первые два субъектные: 1, 'передвигающийся с трудом, медленно': «Мы неходки все»; 2, 'не имеющий склонности уходить из дома', а вторые два значения — объектные: 3, 'труднопроходимый', 4) 'затрудняющий хождение, движение': «Погода неходкая» [СРНГ 21: 203].

Так же неоднозначны и дериваты с суффиксом *-тельн-*, среди которых преобладают «активные» (благодаря агентивной семантике суффикса *-тель*): *утешительный, освежительный, увлекательный, губительный, обвинительный, пригласительный, спасительный, продолжительный, учредительный, зажигающий* и т. п. (такой, который утешает, освежает и т. д.), но имеются и «пассивные»: *желательный, употребительный, примечательный, замечательный, оцутительный, позволительный, жевательный, предпочтительный* и т. п. (такой, кого / что желают, употребляют и т. д.), а также «двузначные»: ср. *чувствительный человек* («активное» значение) и *чувствительный укол* («пассивное» значение). Вместе с тем такие дериваты часто нейтральны по отношению к субъекту и объекту, обозначая вообще любую причастность к ситуации, названной производящим глаголом, и семантически соотносительны с *nomina actionis* (см. выше): *двигательный, исправительный, освободительный, состязательный* и т. д. (обо всем, что имеет отношение к движению, исправлению, освобождению, состязанию и т. д.; может актуализироваться семантика цели, локуса, инструмента, средства, косвенного объекта, продукта и т. п. соответствующего действия). В еще большей степени это относится к дериватам с суффиксом *-льн-*, среди которых преобладают именно такие, безразличные к диатезе глагола, ср. *раздевальный, копировальный, умывальный, гадальный, обручальный, плавильный, копильный, точильный* и т. д.

Напротив, отглагольные прилагательные с суффиксами *-лив-*, *-чив-* вполне определенно выражают активную, субъектную семантику: *молчаливый, бодливый, терпеливый, бережливый, гулливый, болтливый, хвастливый, трудолюбивый* и т. д. — это всегда такой, который молчит, бодает, терпит,

бережет и т. д. Ср. также *забывчивый, переимчивый, устойчивый, вспльчивый, привязчивый, прилипчивый* и т. д. (все с субъектным значением).

СУБСТАНТИВНЫЕ ДЕРИВАТЫ. Существительные в целом гораздо слабее, чем прилагательные, сохраняют залоговые свойства производящего глагола. Преимущественно «активное» (субъектное) значение имеют существительные разных словообразовательных моделей со значением лица, ср. *житель, создатель, смотритель, источник, шутник, мойщик, наладчик, рисовальщик, носильщик, кормилец, торговец, страдалец, чтец, говорун, плясун, писарь, пахарь, знаток, ходок* и т. п. Но есть и некоторое количество «пассивных» (объектных) дериватов со значением лица: *подкидыш, найденыш, выкормыш, посол, новобранец, любимец, отщепенец, лишенец, питомец, назначенец, выдвигенец, недоτροга, расстрига, помазанник, посланник, воспитанник, выученик, ученик* (в современном языке соотносится скорее с глаголом *учиться*, чем с глаголом *учить*: ‘тот, кто учится’, и, следовательно, не имеет объектного значения, а исконно *ученик* — это ‘тот, кого учат’). Если сравнить два внешне одинаковых деривата *любимец* и *проходимец* (они манифестируют один словообразовательный тип и содержат одинаковые суффиксы — «пассивный» *-им-* и «активный» *-ец*), то окажется, что они имеют разное «залоговое» значение: *любимец* — объектное, а *проходимец* — субъектное. В диалектах и здесь ситуация отличается от литературной: ср. *нелюбимец* ‘не охотник до чего-либо’, *нелюбимица* ‘то же’ [СРНГ 21: 75].

Относительно свободнее наделяются объектным значением дериваты с предметной семантикой, однако во многих случаях это нечетко выраженное объектное значение, в котором спаяна семантика объекта и результата или продукта действия: *подарок, набросок, отпечаток, рубец, отсевки, выжимки, выварки, выигрыши, подкоп, вырез, отворот, подтёк, отёк, ноша, одежда, запись, опись, брань, обувь, окись, примесь, припасы, помои, стряпня* и т. п., и, кроме того, нередко такие дериваты совмещают значение действия со значением результата, ср.

сбор налогов (= собрание) и валовой сбор (= собранное), объявить набор в институт и в этом году сильный набор (т. е. состав студентов). Но во всяком случае здесь полностью отсутствует субъектная семантика. Субстантивные дериваты, обозначающие инструменты, приспособления и орудия действия, напротив, как правило, имеют «активное» значение субъекта действия и часто «омонимичны» дериватам со значением лица, ср. *истребитель* (лицо и самолет), *проводник* (лицо и предмет), *счетчик* (лицо и устройство), *выключатель*, *паяльник*, *будильник*, *холодильник*, *резак*, *черпак*, *тягач*, *тесак*, *скребок*, *помазок*, *точило*, *каток*, *зажим*, *скакалка* и т. п. Такие предметы мыслятся исполнителями действия и регулярно наделяются функцией субъекта — за редкими исключениями, ср., например, объектное значение в современном *прикуриватель* ‘приспособление для прикуривания в автомобиле; то, от чего прикуривают’ или «локативное» значение в *вытрезвитель*, *накопитель* (помещение в аэропорту), *распределитель* (учреждение).

Если для каждого из приведенных девербативов реконструировать элементарную исходную (прототипическую) предикативную структуру (ситуацию), то нетрудно видеть, что она может быть воспроизведена средствами отглагольного словопроизводства во всей полноте. Каждый компонент этой структуры (актант глагола) может претерпеть преобразование в имя, мотивированное ядерным элементом исходной структуры, т. е. глаголом (предикатом): субъект, будучи обозначен через управляющий им глагол, получает активное значение (*скрипящий*, *кричащий*, *ворчун*, *учитель*), объект действия, выраженный на языке действия, получает пассивное значение (*складной*, *раздвижной*, *помятый*, *рисунок*, *отпечаток*), а само действие при его переводе в именной статус получает «нейтральную» по отношению к активности – пассивности семантику (*собрание*, *орошение*, *варка*, *опрос*). Другие актанты и сирконстанты — косвенные объекты, локативные, темпоральные и иные показатели — также при дальнейшей деривации могут получать обозначение через глагольную лексему.

Как видно из приведенного материала, семантическая категория субъекта и объекта, соотносительная с актантной структурой производящего глагола, сохраняет свою релевантность при отглагольной деривации — в большей степени у прилагательных, в более стертом виде у существительных¹, что, вероятно, можно объяснить «предикативным» характером семантики прилагательных, объединяющим их с собственно предикативами и отличающим от субстантивов. Хотя в целом следует согласиться с Е. В. Падучевой, что это еще не дает оснований говорить о наличии залога у отглагольных имен, поскольку «залог — это грамматическая категория, которая должна иметь не только содержание, но и формальное выражение, и если в каком-то грамматическом разряде слов (а именно у существительных) залоговых показателей никогда не бывает, то для этого разряда нет смысла говорить о залоге» [Падучева 1984: 61], тем не менее различная степень релевантности категории субъекта и объекта для разных типов отглагольной деривации (разных суффиксальных моделей прилагательных и существительных) и соотнесенность этих типов с семантическими актантами и грамматическими свойствами глагола (прежде всего переходностью), безусловно, заслуживают более пристального внимания как с точки зрения лексической семантики, так и с точки зрения семантики словообразования.

1 Ср. более общее утверждение: «Прилагательные отражают валентности производящего глагола более свободно, чем существительные» [Морозова 1984: 87].

К ТИПОЛОГИИ МОРФОНОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: ЙОТАЦИЯ В ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕНАХ НА *-ЕНЫЈЕ

В статье «Морфонологические модели *Луцѣ* — *Лучинѣ* и *Лукѣ* — *Лукинѣ* в славянских языках» А. А. Зализняк [Зализняк 1991] привел группировку славянских языков по признаку наличия / отсутствия результатов второй палатализации в парадигме существительных типа **rǫka*, **noga*, **tucha* и наличия / отсутствия результатов первой палатализации заднеязычных в притяжательных прилагательных с суффиксом **-in-* от тех же имен. Параллелизм в морфонологическом оформлении этих образований, имеющий семантическую и грамматическую мотивировку, характерен для всех славянских языков, тогда как результаты самих палатализаций представлены в одних языках и по разным причинам отсутствуют в других. Близкую к этому картину обнаруживают известные всем славянским языкам отглагольные имена на **-enъje*. Подобно притяжательным прилагательным, они располагаются на границе словоизменения и словообразования (в польской грамматической традиции, например, их обычно трактуют как парадигматические формы глагола), сохраняя морфонологическую и словообразовательную соотносительность с формами страдательных причастий прошедшего времени на **-en*: *nomina actionis* на **-enъje* образуются, как правило, от тех же типов глагольных основ и по той же морфонологической модели (с чередованием конечного согласного основы или без него), что и соответствующие причастия, ср. рус. *снабжен* — *снабжение*, но *приобретен* — *приобретение*; *утомлен* — *утомление*, но *произведен* — *произведение* и т. п. Эта соотносительность, однако, нарушена у производных от глаголов с темой *ǣ/i*, ср. рус. *терпеть* — *терпение*, но *претерпленный* (устар. *претерпенный* [Зализняк 1977]); *сидеть* — *сидение*, но *высиженный* и т. п. (исключение составляет *видеть* — *видение* — *увиденный*).

Что касается самого чередования, то в данном случае нас будут интересовать результаты пережитой всеми славянскими

языками йотации согласных (изменения сочетаний согласных с последующим *j*). В отглагольных именах на **-enъje* йотация имела место только в дериватах от *i*-глаголов, ср. ст.-слав. покорѣнникъ, но боренникъ; кажденикъ, но паденикъ, сѣденикъ; истрѣбленикъ, но погребеникъ; оугашеникъ, но принесеникъ, въскрьсеникъ (от въскрьсноути) и т. п. В современных славянских языках результаты йотации в производных от *i*-глаголов представлены непоследовательно, ср. с отражением йотации ст.-слав. хожденикъ, болг. *хождение*, др.-рус. *хожение*, с.-х. *хоженье*, словен. *hójenje*, польск. *chodzenie*, чеш. *chození*; и без следов йотации: макед. *одење*, словац. *chodenie*. Причины этой непоследовательности различны: аналогическое выравнивание с устранением йотированных рефлексов (или, наоборот, с их распространением на модели, исконно не знавшие йотации), фонологическая и фонетическая утрата палатальности согласными, не имевшими специальных рефлексов йотации, и др. Это отличает *deverbativa* на **-enъje* от существительных типа **medja*, **sadjja*, **světja*, **zemja*, **zorja*, **volja* и т. п., которые во всех языках сохраняют (хотя и в разном виде) йотированные рефлексы конечных согласных и на которые обычно опираются авторы сравнительных грамматик при анализе йотации.

Наличие или отсутствие йотированных рефлексов в отглагольных именах на **-enъje* позволяет сгруппировать славянские языки следующим образом: **I** — старославянский, русский и польский языки, в которых *deverbativa* на **-enъje* последовательно сохраняют следы йотации для всех типов согласных (в той степени и в том виде, в каком эти следы представлены в именах на **-ja*); **II** — белорусский, украинский, сербскохорватский и словенский, где йотированные рефлексы устранены лишь в серии сонорных и частично (т. е. возможны наряду с йотированными рефлексами) в других сериях согласных; **III** — чешский и болгарский, в которых йотация не отражена у губных и в той или иной степени сохранена в серии переднеязычных и сонорных; **IV** — словацкий и македонский, для которых характерно полное отсутствие следов йотации в интересующих нас образованиях.

Тип I. В старославянском языке в дериватах от *i*-глаголов на -еник (-кник) представлено регулярное чередование сонорных, губных и переднеязычных по типу йотации: $r \sim r'$, $l \sim l'$, $n \sim n'$, $m \sim ml'$, $p \sim pl'$, $b \sim bl'$, $v \sim vl'$, $t \sim št'$, $d \sim žd'$, $s \sim š$, $z \sim ž$, $st \sim št'$, $zd \sim žd'$, $sl \sim šl'$, $zn \sim žn'$, $tr \sim štr'$, ср. покоркеник, хвалкеник, чинкеник, крѣмлкеник, кроплкеник, истрѣблкеник, правлкеник, защищенкеник, кажденик, оугашеник, погржженик, крьщенкеник, помышлѣкеник, оупражкеник, общирѣкеник (обатрити) на фоне столь же регулярного отсутствия йотации в производных от глаголов других классов: бореник, коленик, терпеник, погревеник, обретенкеник, паденик, опасеник, принесеник и т. п. [Sadnik, Aitzetmüller 1955; CC].

Для большинства старославянских существительных на *-enъje засвидетельствованы производящие глаголы на -i, и лишь в отдельных случаях йотация или ее отсутствие не подтверждаются глагольными формами. Так, для оуныккеник, оусынкеник не обнаруживаются ожидаемых глаголов *оунынити (при наличии оуныти), *оусынити, которые бы оправдывали йотированный вид согласного перед *-enъje. Напротив, благословеник, которое принято считать искаженным вариантом закономерной формы с йотированным согласным — благословѣкеник от *i*-глагола благословити (аналогично благословенъ и благословѣнъ), в действительности может быть истолковано и как «правильное» образование, но от другой глагольной основы — слоути (в пользу правомерности обоих производных — с йотацией и без нее — говорит и устойчивость обоих вариантов в церковнославянском и русском языках: благословение и благословение, ср. воскресение от воскреснуть и воскресение от воскресить). Трудно объяснить и морфонологию форм благословественик и благословещвеник — в обоих случаях следовало бы ожидать йотированного рефлекса -вл- в соответствии с *i*-глаголом благословествити (наличие щ во втором случае также указывает на исконную йотированность конечного согласного основы). Морфонологически немотивированной выглядит и форма оумрьщвеник: от оумрътвити должно быть *оумръщвлкеник (ср. рус. умерщвление), от оумрътвѣти — *оумрътвѣкеник, а от оумръщвати

(оумръцвлгати) — *оумръцвлганик (*оумръцвлганик). Не получает объяснения и этимологически темное **въсхлациеник** (вероятно, родственно рус. *выхолощенный*), для которого нет подходящей производящей основы. Неясна также морфонологическая модель без йотации в **кръстеник** при **кръстити** (ср., однако, с.-х. *криһење* и *критење*, где последняя форма явно продолжает ц.-слав. **кръценик**); отсутствует требуемая глагольная основа для **гръжденик**.

Русский язык в интересующем нас отношении в принципе не отличается от старославянского, обнаруживая регулярную йотацию (переходное смягчение) согласных в исходе производящей глагольной *i*-основы: *стремление, накопление, ограбление, направление, свечение, брожение, приглашение, сражение, оснащение*. Переднеязычные *t* и *d* имеют два вида йотации — собственно русскую (*č, ž*) и церковнославянскую (*š, žd'*), ср. *коптитъ* — *копчение*, но *посетитъ* — *посещение*; *следитъ* — *слежение*, но *родитъ* — *рождение* [см.: Зализняк 1977].

Для сонорных результаты йотации совпадают с результатами непереходного смягчения, поэтому в *курение, соление, сочинение*, производных от *i*-глаголов, предшествующие суффиксу сонорные следует считать морфонологически йотированными, а в *горение, обмеление, помутнение*, соотносимых с глаголами на *-еть*, фонологически тождественные им сонорные должны быть признаны не йотированными, а смягченными по типу непереходного смягчения (ср. *гудение, везение, метение*). Как и в старославянском, производные на *-ение* от других классов глаголов не обнаруживают следов йотации, а лишь результаты непереходного смягчения: кроме упомянутого смягчения сонорных, здесь представлены мягкие корреляты губных и переднеязычных, отличные от йотированных, ср. *разумение, полевение, терпение, погребение, кряхтение, худение, трясение, везение, опустение*. Глагольные основы, имеющие в исходе заднеязычный, регулярно отражают результаты первой палатализации: *толку* — *толчение*, *свергну* — *свержение* (примеров на чередование *x ~ š* нет).

К трудным или отклоняющимся от нормы случаям в русском языке можно отнести производные с неоправданной йотацией: *верчение* от *вертеть* (морфонологически правильная форма — **вертение*, ср. *кряхтеть* — *кряхтение*; ср., однако, польск. *wiercić*, оправдывающее йотацию), *ржавление* (вместо **ржавение*) от *ржаветь*; *выздоровление* от *выздороветь* (впрочем, для этого глагола вообще характерны колебания в выборе морфологического класса, ср. распространенную в просторечии форму 1 лица ед. ч. наст. вр. *выздоровлю* вместо нормативного *выздоровею*). При наличии однокоренных глаголов разных классов, один из которых (*i*-глагол) требует йотации, а другой ее исключает, не всегда образуются параллельные *nomina actionis* типа *воскресение* (к *воскреснуть*) — *воскрешение* (к *воскресить*), *огрубение* (к *огрубеть*) — *огрубление* (к *огрубить*); чаще остается лишь одно образование на *-ение*, которое может соотноситься с обоими глаголами. Например, глаголам *отрезветь*, *протрезветь* и *отрезвить*, *протрезвить* соответствует по одному деривату — соответственно *отрезвление*, *протрезвление*, которые семантически связаны с неказативными *e*-глаголами, а морфонологически — с *i*-глаголами (наличие йотации). То же можно сказать о случае *охлаждение* к *охладить* и *охладеть*; *ослабление* к *ослабеть* и *ослабить* и т. п. Противоположное явление — отсутствие йотации в дериватах от *i*-глаголов — демонстрируют производные *клеймение* к *клеймить* (ср. также *заклеймен* вместо ожидаемого **заклеймлен*), *затмение* к *затмить* (о тяготении этого глагола к классу *e*-глаголов свидетельствует имперфектив *затмевать*), *благословение* к *благословить*.

В польском языке, где отсутствуют бифонемные рефлексy йотированных губных, противопоставление морфонологически палатальных (в русском им соответствуют результаты непереходного смягчения) и йотированных (в русском им соответствуют результаты переходного смягчения) сохраняется только в серии переднеязычных: $t \sim \acute{c} \sim c$, $d \sim \acute{z} \sim z$, $s \sim \acute{s} \sim \check{s}$, $z \sim \acute{z} \sim \check{z}$, $st \sim \acute{s}\acute{c} \sim \check{s}\check{z}$, $zd \sim \acute{z}\acute{z} \sim \check{z}\check{z}$ ($\acute{z}\acute{d}\acute{z}$). Для всех остальных согласных ступень палатальности и ступень йотации выглядят одинаково: $r \sim \acute{r}$, $l \sim \acute{l}$, $n \sim \acute{n}$, $m \sim \acute{m}$, $b \sim \acute{b}$, $p \sim \acute{p}$, $v \sim \acute{v}$, $f \sim \acute{f}$.

В дериватах на *-enie* от глаголов на *-ić* йотация представлена столь же последовательно, что и в именах типа **burja* (*burza*), **volja* (*wola*), **stajnja* (*stajnia*), **głobja* (*głębia*), **stopja* (*stępia*), **světja* (*świeca*), **medja* (*miedza*), **pasja* (*pasza*), **tixja* (*cisza*), **pustja* (*puszcza*), ср. *palenie*, *zwolnienie*, *karmienie*, *gubienie*, *bawienie*, *trafienie*, *placenie*, *chodzenie*, *gaszenie*, *mrożenie*, *pomieszczenie*, *przygwożdżenie* [SJPD Ind.].

Любопытной особенностью польского языка является то, что в дериватах на *-enie* от глаголов на *-eć* (праславянские *ě*-глаголы), где по правилу не должно быть йотации (ср. старославянский и русский), производные от глаголов с конечным **t* и **d* показывают йотированные рефлексы согласных: *chcenie*, *idiocenie*, *-siedzenie*, *-wiedzenie*, *-widzenie*, *zatwardzenie* при ожидаемых **chcienie*, **siedzenie* и т. д. (ср. рус. *хотение*, а не **хочение*; *поседение*, а не **носежение*). В случае других конечных согласных йотации не наблюдается: *lysienie*, *sfrancuzienie* и даже *zniewieścienie* (конечное **st*). Эта же особенность характерна для глаголов с консонантным исходом «базовой» основы: *-gniecenie*, *-plecenie*, *-kładzenie* (йотированные рефлексы исходных *t*, *d*), но *pasienie*, *niesienie*, *wiezienie*, *gryzienie* (палатализованные рефлексы **s*, **z*).

Общее правило, по которому производные от *i*-глаголов должны иметь йотированные рефлексы, а производные от остальных классов — нейотированные (палатализованные), может нарушаться в польском в обе стороны. Так, ряд дериватов от глаголов на *-ić* вопреки правилу не имеет йотации: *załęścić* — *załęsienie*, *-mięścić* — *-mięsienie*, *orzęścić* — *orzęsienie*, *-włóścić* — *-włoszenie* и т. п., т. е. совпадает по своей морфологической модели с производными от глаголов на *-eć*: *łyścić* — *lysienie*. Причина этой аномалии кроется, как кажется, в семантике этих глаголов и отглагольных имен. В принципе в каждом случае могли бы существовать пары глаголов, противопоставленные по каузативности, типа *kosmacieć* и *kosmacić*, причем от каждого из них возможен девербатив: соответственно *kosmacienie* (без йотации) и *kosmacenie* (с йотацией), ср. рус. *огрубеть* — *огрубение* и *огрубить* — *огрубление*. В действительности, однако, имеется лишь один дериват

на *-enie*, обслуживающий оба глагола. Но в одних случаях этим дериватом оказывается, независимо от семантики, производное от *i*-глагола, а в другом — производное от *e*-глагола. Например, от глаголов *zólćieć* ‘желтеть’ и *zólćić (się)* ‘*желтиться’ образуется *zólćenie*, формально производное от *zólćić*, а семантически производное от глагола со значением ‘желтеть’ (*zólćieć*), но соотносительное по значению и с глаголом на *-ić* благодаря возвратной семантике, привносимой частицей *się*: *zólćić się*, ср. рус. *золотиться* при *золотеть* и общий для них девербатив *золочение*, формально соотносительный лишь с *золотить(ся)*. Ср. также *bogacenie* от *bogacieć* и *bogacić się*; *kiszenie* от *kisieć* и *kisić* и т. п.

С другой стороны, в некоторых случаях дериваты на *-enie* без йотации, которым формально и семантически должны соответствовать *e*-глаголы, имеют производящую основу лишь в классе *i*-глаголов: *-lesić* — *-lesienie*, *mięsić* — *mięsienie*, *orzęsić* — *orzęsienie*, *-włosić* — *włosienie*, *rozgałęzić (się)* — *rozgałęzienie* (ср. «правильные» образования от *i*-основ с йотацией: *kwasić* — *kwaszenie*, *krasić* — *kraszenie*, *wiesić* — *wieszienie*, *wymusić* — *wymuszenie*, *łazić* — *łażenie*, *wozić* — *wożenie* и т. п.). Единственным примером обратного нарушения правила, т. е. использования йотации при производящем *e*-глаголе, является *wisieć* — *wiszenie* (ср. рус. *висение* без йотации).

Тип II. Белорусский язык сохраняет противопоставление йотированных и палатализованных рефлексов во всех сериях согласных, кроме сонорных (при этом *r* вообще не знает ни того, ни другого вида смягчения): *l ~ l'*, *n ~ n'*, *m ~ ml'*, *p ~ pl'*, *b ~ bl'*, *v ~ vl'*, *t ~ c' ~ č*, *d ~ ź' ~ dž*, *s ~ s' ~ š*, *z ~ z' ~ ž*, *st ~ s'c' ~ š*. В целом отглагольные имена на *-еньје соблюдают правило йотации в дериватах от *i*-глаголов: *тварэнне*, *хваленне*, *скланенне*, *тамленне*, *усыпленне*, *аграбленне*, *тапленне*, *маўленне*, *пасвячэнне*, *буджэнне*, *запрашэнне*, *заражэнне*, *апрашчэнне*; йотация закономерно отсутствует в большинстве производных от глаголов других классов: *агрубенне*, *пасівенне*, *аняменне*, *цярпенне*, *булькаценне*, *пляценне*, *гудзенне*, *вядзенне*, *вярзенне*, *палысенне*, *нясенне*, *грызенне*,

шальясценне и т. п. Однако есть немало примеров, где йотация производных от *i*-глаголов отсутствует или где допускаются нейотированные варианты наряду с йотированными: *вабіць* — *вабенне* и *вабленне*, *даўбіць* — *даўбенне*, *кукобіць* — *кукобенне*, *мовіць* — *моვენне*, *лазіць* — *лазенне*, *кляйміць* — *кляйменне* (ср. аналогично без ожидаемой йотации рус. *клеймение*), *зацьміць* — *зацьменне* (ср. рус. *затмение*); *абязлесець* и *абязлесиць* — *абязлесенне* и т. п. Подобные колебания наблюдаются и у страдательных причастий от *i*-глаголов: *обмовеный* и *обмовленный*, *кукобены* и *кукоблены* и т. п. Значительно меньше отклонений в противоположную сторону, т. е. неоправданной йотации в производных от *e*-глаголов: *пасядзець* — *пасяджэнне*, *вярцець* — *вярчэнне* (ср. аналогичное отклонение в рус. *верчение*) [SaTJB; Станкевіч 1990].

В украинском языке от глаголов на *-ити*, продолжающих праславянские *i*-глаголы, нормально образуются *nomina actionis* на *-ення* с чередованием предшествующего согласного по типу йотации: *повідомлення*, *захоплення*, *ваблення*, *давлення*, *свічення*, *справдження*, *квашення*, *зниження*, *змещення*, *обіждження* и т. п. (суффикс всегда безударен), в отличие от глаголов на *-іти*, продолжающих праславянские *ě*-глаголы, производные которых на *-іння* (всегда с ударением на суффиксе) йотации не знают: *здуміння*, *сопіння*, *огрубіння*, *терпіння*, *посивіння* и т. п. Ср. *голубити* — *голублення* и *голубіти* — *голубіння*. Такое распределение, однако, не является вполне регулярным, поскольку от глаголов на *-ити* нередко образуются дериваты на *-іння*: *дробити* — *дробіння*, *ловити* — *ловіння*, *кадити* — *кадіння*, *щадити* — *щадіння*, *голосити* — *голосіння* и т. д., которые, как правило, следов йотации не имеют. Ср., однако, *правління*, *управління*, *стремління*, *кормління* при наличии параллельных образований на *-ення*: *правлення*, *управлення*, *прокормлення*, для которых йотированные рефлексy являются закономерными. Параллельные дериваты на *-ення* и *-іння* от глаголов на *-ити* (но не от глаголов на *-іти*) встречаются достаточно часто: *садити* — *садіння* и *садження*, *крутити* — *крутіння* и *кручення*, *ходитьи* — *ходіння* и *ходження*, *сушити* — *сушіння* и *сушення*, *щадити* — *щадіння*,

но *заощадити* — *заощадження* и т. п. Подобная двойственность (наличие дериватов на *-ення* и *-іння*) наблюдается и в тех случаях, когда «базовая» глагольная основа оканчивается на согласный: *кладення, викрадення, наведення, прядення, плетення, несення* и — *погребіння, падіння, ведіння, бережіння, везіння, спасіння, плетіння, гризіння* и др. Здесь следов йотации не обнаруживается [ІСУМ].

В отличие от русского языка, где для *r, l, n* в дериватах на *-ение* выступают те же йотированные рефлексy, что и в **zorja, *volja, *tonja* и т. д., в украинских дериватах на *-ення* сонорные утратили следы йотации в результате общего отвердения согласных перед *-e*, тогда как в других позициях йотация сонорных сохраняется: *зоря, воля, тоня*. Следовательно, модель с морфонологической йотацией (переходным смягчением) характерна в украинском языке лишь для производных от глаголов на *-ити* с губным и переднеязычным конечным согласным производящей основы. В производных на *-іння* независимо от того, соотносятся ли они с глаголами на *-ити* или с глаголами на *-ити*, имеет место непереходное смягчение для всех согласных, вовлеченных в фонологическое противопоставление по палатальности: *варіння, соління, щеміння, свербіння, кипіння, ревіння, шкодіння, воркотіння, косіння, отверезіння*, а в случае глагольной основы с исходом на заднеязычный представлен результат первой палатализации: *бережіння* (то же перед *-ення*: *збереження*).

С е р б с к о х о р в а т с к и й язык хорошо сохраняет следы йотации во всех сериях согласных, утратив лишь йотированное *r*, и соблюдает в целом условия, определяющие наличие йотации. Как и в других языках, йотация характерна для производных от *i*-глаголов: *мољење, храњење, ломљење, искуљење, грабљење, прављење, памђење, рођење, прошење, погружење* (при этом, как и в старославянском, *l*-эпентетикум в рефлексах йотированных губных — палатальный). От глаголов на *-стити* образуются двойки йотированные формы — на *-шђење* и на *-штење* (первые отражают йотацию конечного *t* с последующей автоматической йотацией предшествующего *s*, т. е. *st > sč' > šč'*, а вторые — особую судьбу исконных

сочетаний **st*, т. е. *st* > *št*): *коришићење* и *кориштење*, *овлашићење* и *овлаштење*, *кришићење* и *криштење* и т. п. Аномальное отсутствие йотации имеет место в областной форме *светење* 'освященная еда', наряду с нормативной формой *свећење* при глаголе *светити* (*се*).

Производные от *ѣ*-глаголов в отличие от других славянских языков в сербскохорватском образуются без йотации лишь в нескольких лексикализованных случаях: *бдети* — *бдење*, *говети* — *говење*, *хтети* — *хтење*, *летети* — *летење* и *лећење*. В современном языке возобладала модель с йотацией: *видети* — *вићење*, *гудети* — *гућење*, *волетити* (*се*) — *вољење*, *разумети* — *разумљење*, *кипети* — *кипљење*, *ћутети* — *ћутћење*, *пламтети* — *пламћење* и т. п. (то же в екавском варианте: *видјети* — *вићење*, *разумјети* — *разумљење* и т. д.). В нормативных словарях иногда приводятся параллельные формы без йотации, которые, однако, снабжены пометой «нелитературное»: *врвење* (к *врвљење*), *гладнење* (к *гладњење*), *мрзење* (к *мржење*).

Многие *ѣ*-глаголы в сербскохорватском языке имеют параллели в классе *i*-глаголов: *лудети* и *лудити* (*се*), *-грубети* и *-грубити*, *-рудети* и *-рудити*, *-худети* и *-худити*, *-хладети* и *-хладити*, *-пустети* и *-пустити* (приводятся примеры экавского варианта) и т. п., причем для каждой из таких пар имеется лишь один deverbative на *-*епъје*, образуемый по модели *i*-основ, т. е. с йотацией: соответственно *лућење*, *грубљење*, *рућење*, *хућење*, *хлаћење*, *пушићење* и т. д.

В отличие от дериватов *ѣ*-глаголов производные от глаголов с консонантным исходом базовой основы никогда не имеют йотации: *гребење*, *скубење*, *предење*, *бодење*, *једење*, *тепење* (от *тепсти*), *црпење* (от *црпсти* и *црпети*), *тресење*, *несење*, *пасење*, *гњетење*, *нарастење* и т. п. [Matešić 1–2; RHSJ].

В словенском языке, где дериваты на *-*епъје* вообще менее продуктивны, чем в других славянских языках (из-за наличия других продуктивных словообразовательных моделей для оформления абстрактного имени действия, ср. *združitev* от *združiti*, *gonja* от *goniti*, *padec* от *pasti* и т. п.), в производных от *i*-глаголов йотированные рефлексy

регулярны для всех предшествующих суффиксу согласных, кроме переднеязычных взрывных *t* и *d*, ср. *govorjenje*, *gospodarjenje*, *goljenje*, *zadovoljenje*, *zvonjenje*, *glumljenje*, *zadimljenje*, *zastrupljenje*, *grabljenje*, *zabubljenje*, *zdravljenje*, *gnjavljenje*, *zanošenje*, *prošenje*, *groženje*, *voženje*. Конечное *-d* глагольной основы может выступать как в йотированном, так и в нейотированном виде, например *glajenje* и *gladenje* от *gladiti*, *počejenje* и *počedenje* от *počediti*; *bujenje* от *buditi*, *grajenje* от *graditi*, *hlajenje* от *hladiti*, но *grdenje* от *grditi*, *začudenje* от *začuditi (se)*, *začadenje* от *začaditi se* и т. п. Без йотации остается и конечное сочетание *-zd*: *zagozditi* — *zagozdenje*, *gnezditi* — *gnezdenje*, *gozditi* — *goženje* и *gozdenje*. Основы с конечным *-t* отличаются последовательным отсутствием йотированных рефлексов: *klatiti* — *klatenje*, *kotiti* — *kotenje*, *krotiti* — *krotenje*, *mlatiti* — *mlatenje*, *motiti* — *motenje*, *svetiti* — *svetenje*, *začutiti* — *začutenje* (пример из [Pleteršnik]), *pobratiti se* — *pobratenje* (пример из [SSHR]) и т. п. Форма с йотацией *gačenje* объясняется наличием наряду с *gatiti* глагола *gačiti*. Конечное *-st*, напротив, может иметь йотированный рефлекс: *gostiti se* — *goščenje*.

В производных от *ě*-основ и основ с консонантным исходом йотация последовательно отсутствует: *gorenje (goreti)*, *gostolenje (gostoleti)*, *brnenje (brneti)*, *grmenje (grmeti)*, *kopnenje (kopneti)*, *vrtjenje (vrteti)*, *hotenje (hoteti)*; *bređenje (brest)*, *gnetenje (gnesti)*, *godenje (gosti)*, *grebenje (grebsti)*, *grizenje (gristi)*, *pasenje (pasti)*, *pletjenje (plesti)* и т. д. [SSHR; Pleteršnik 1–2].

Тип III. В чешском языке полностью лишены следов йотации предшествующие суффиксу губные согласные: *vyrobení*, *zpodobení*, *topení*, *lepení*, *krmení*, *tlumení*, *mluvení*, *stavení*, *oslavení*. Йотированные рефлексы в deverbatives на *-еньје от *i*-глаголов выступают в случае **r* (*ř*), *t* (*c*), *d* (*z*), *s* (*š*), *z* (*ž*), *st* (*šť*), *zd* (*žd*): *paření*, *vaření*, *tvoření*; *obvinění*, *plenění*; *placení*, *obracení*, *svěcení*, *nasycení*; *hlazení*, *chlazení*, *nasazení*, *chození*, *buzení*; *kvašení*, *vyhlašeni*, *nošení*, *zkušeni* (*zkusiti*), *razení* (*raziti*), *čištění* (*čistiti*), *spuštění* (*spustiti*), *ježdění* (*jezditi*). Для **n* йотация проявляется графически в употреблении *ě* вместо *e*:

obvinění, plenění при *obviniti, pleniti*. Что касается *ř*, то его морфонологический статус двойственен, так как этот же рефлекс выступает в позициях, где йотации не было, ср. *pařiti, vařiti, tvořiti* и т. п. при *buditi, platiti* и т. п.

В деривативах от *ě*-глаголов согласные обнаруживают морфонологическую палатальность, которая, однако, не тождественна йотации. У переднеязычных, различающих эти два вида смягчения (ср. в русском переходное и непереходное смягчение), здесь выступают не йотированные рефлексы *c, z*, как в дериватах от *i*-глаголов, а мягкие *t', d'*. Для губных отличие носит исключительно графический характер, ср. *vidění, obrabění, hřmění, vypravění* (от *vypravěti*), *šumění, sladění, bdění, vrtění, chtění* и т. п. Дериваты от глаголов с консонантным завершением исходной основы следов йотации не обнаруживают: *kladení, napadení, vedení, pletení, čtení, kvetení, hnětení* и т. п. [RSSČ].

Б о л г а р с к и й я з ы к в отношении интересующей нас морфонологической модели производных от *i*-глаголов характеризуется противоречивостью из-за сосуществования в нем книжной (церковнославянской или русской по происхождению) нормы, требующей йотации, и более новой нормы без йотации. Колебания обнаруживают прежде всего производные от глагольных основ на губной. Наряду с *поздравление, направление, представление, удивление, съпротивление, приготовление, явление, закръпление, встъпление, отопление, томление, озлобление, заслепление* и т. п. имеются образования без йотации: *избавение, одушевление, уязвление, утъкмение, възстановение, отъждествение, осъществение* и т. п. или параллельные формы: *обновение* и *обновление, заслепление* и *заслепление, употребление* и *употребление, оскръбление* и *оскърбление*. Подобных колебаний, однако, не знают образования от глагольных основ на переднеязычный (*t, st, d, zd, s, z*), для которых нормой является йотация: *прекращение, освещение, запрещение, разхищение, въплъщение, угощение, отъмщение, охлаждение, насаждение, утвърждение, разсъждение, погашение, превишение, смешение, изкушение, преображение, унижение* и т. д.

Производные от других глагольных основ последовательно выступают без йотации: *погребение, падение, заведение, въведение, наблюдение, почтение, гризение, пълзение, спасение, унесение, угнетение, бдение, видение, кипение, нетърпение, въртение, запустение* и т. д. [ОРБЕ].

Тип IV. Македонский язык полностью устранил следы йотации в рассматриваемых здесь производных от *i*-глаголов: *вадење, дробење, губење, љубење, бавење, правење, готвење, ладење, кадење, следење, цедење, судење, газење, возење, тормозење, грозење, молење, братимење, кумење, поканење, хранење, кипење, апење, крпење, лупење, квасење, гласење, носење, просење, патење, китење, ишти-тење, пустење* и т. д. Естественно, что отсутствует йотация и в производных от *ě*-глаголов: *горење, скрбење, седење, болење, сипење, светлење, умење* и т. п., а также в производных от глаголов с основой на согласный: *гребење, скубење, падење, крадење, ведење, предење, везење, гризење, тресење, несење, клатење, гнетење, метење, растење, мелење*. Основы на заднеязычный, как и во всех языках, здесь представлены рефлексами первой палатализации: *течење, сечење, влечење, стрижење, можење* [ОРМЈ].

В словацком языке наблюдается то же полное отсутствие рефлексов йотации в дериватах на *-енѣ, ср. производные от *i*-глаголов: *podarenie, rozjarenie, stvorenie, nachylenie, delenie, odosobnenie, lomenie, prekvapenie, pobavenie, vyplatenie, zvrátenie, stratenie, krutenie, rodenie, ukrivdenie, rozladienie, skusenie, urazenie, vyobrazenie, odpustenie* и т. п. (исключение: *prirôdzenie*, ср. *prirôdzený*, но *urodený*). Дериваты других типов глагольных основ: *oslabenie, svrbenie, bdenie, sedenie, velenie, šumenie, zrozumenie, strpenie, otupenie, horenie, potenie, opustenie; pradenie, vedenie, spasenie, nesenie, mätenie, svätenie* и т. п. [Mistrík 1976].

Для наглядного представления рассмотренных рефлексов согласных перед суффиксом *-енѣ в производных от *i*-глаголов в разных славянских языках воспользуемся таблицей:

	*r	*l	*n	*m	*p	*b
ст.-слав.	rʹ	lʹ	nʹ	mlʹ	plʹ	blʹ
рус.	rʹ	lʹ	nʹ	mlʹ	plʹ	blʹ
польск.	ż	lʹ	nʹ	mʹ	pʹ	bʹ
белор.	r	lʹ	nʹ	mlʹ	plʹ	blʹ
укр.	r	l	n	ml	pl	bl
с.-х.	r	lʹ	nʹ	mlʹ	plʹ	blʹ
словен.	rʹ	lʹ	nʹ	mlʹ	plʹ	blʹ
чеш.	ř	l	nʹ	m	p	b
болг.	r	l	n	m/ml	p/pl	b/bl
макед.	r	l	n	m	p	b
словац.	r	l	n	m	p	b

Как видно из таблицы, наиболее устойчивыми в отношении йотации оказываются согласные *s* и *z*, сохранившие йотированные рефлексy перед **-enʹje* в дериватах от *i*-глаголов в большинстве славянских языков. Остальные серии согласных обнаруживают меньшую устойчивость. Старославянский, русский и польский языки полностью сохранили следы йотации во всех сериях согласных. В белорусском наблюдаются некоторые колебания, но полностью йотация устранена только в случае **r*, что объясняется фонетическими причинами (полным отвердением *r*). Несколько иной характер носят отклонения от правила йотации для сонорных в украинском: фонетически и фонологически мягкость сонорных не исключается, в том числе и перед *e* (ср. *полудне*, *заранне*, *завтре*), следовательно, устранение следов йотации в этой позиции можно считать явлением морфонологическим, которое, однако, охватило все позиции исконной йотации перед *e*. В сербскохорватском, кроме фонологического устранения йотации (мягкости) у *r*, наблюдаются признаки разрушения модели в случае переднеязычных смычных *t* и *d*, которые имеют параллельные (иногда факультативные) йотированные и нейотированные рефлексy. То же явление отражает словенский, где для *t* йотация устранена полностью, а для *d* допускаются двойные формы. В чешском по фонологическим причинам отсутствуют следы йотации губных; в болгарском в серии губных наблюдаются колебания, причем нейотированные и йотированные (с *l*-эпентетиком) рефлексy маркируют генетически разные модели (собственно болгарскую и церковнославянско-русскую).

*v	*t	*d	*s	*z	*st	*zd
vl'	št'	žd'	š	ž	št'	
vl'	č	ž	š	ž	š̄	ž̄
v'	c	z	š	ž	šč	ždž
vl'	č	dž	š	ž	š̄	ždž
vl	č	dž	š	ž	šč	ždž
vl'	č/t	ž/d	š	ž	šč	
vl'	t	dlj	š	ž	šč	
v	c	z	š	ž	št'	
v/vl	št	ž	š	ž	št	
v	t	d	s	z	st	zd
v	t	d	s	z	st	

Наконец, в македонском и словацком йотированные рефлексы в образованиях на *-enъje устранены полностью.

Сравнительно с другими исконными позициями йотации позиция перед суффиксом *-enъje отличается в целом значительно меньшей сохранностью йотированных рефлексов. Например, в словацком и македонском при отсутствии следов йотации в дериватах на *-enъje йотированные рефлексы сохраняются в других словообразовательных моделях, ср. словац. *sadza, medza, nudza, sviеса, noša* и т. п., макед. *меѓа, свеќа, спреќа, повраќа*; в словенском также различаются *meja, saja, sveќа*, с одной стороны, и *začudenje, svetenje* — с другой; в украинском в разных словообразовательных типах может быть представлено разное «качество» йотации, ср. *стужа*, но *ходження*. Причиной, обусловившей эти различия, следует, видимо, считать разный морфологический статус соответствующих словообразовательных моделей, а именно близость к словоизменительной парадигме глагола отглагольных имен на *-enъje и относительную автономность от словоизменения образований типа **medja, *svetja*. В парадигматических (словоизменительных) и близких к ним семантически и по степени регулярности деривативных (словообразовательных) моделях морфологические характеристики оказываются менее устойчивыми и более подверженными аналогическим выравниваниям, тогда как собственно словообразовательные модели лучше сохраняют свой исконный морфонологический вид.

ИЗ РУССКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ МОРФОНОЛОГИИ: ИМПЕРФЕКТИВЫ И ИТЕРАТИВЫ С СУФФИКСОМ *-Л/А

В 1948 г. в журнале «Word» вышла знаменитая статья Якобсона «Русское спряжение», которая оказала огромное влияние на развитие русской и славянской формальной морфологии и морфонологии и вызвала целый поток работ, развивающий предложенный Якобсоном подход на материале разных славянских языков (работы М. Халле, Г. Ланта, Т. Лайтнера, Г. Кучеры, А. Шенкера, Ф. Гладнея, Р. Ленчека, Г. Аронсона, Р. Ляковского, В. Г. Чургановой и мн. др.); она явилась толчком к возникновению целой области славистики — глагольной морфонологии, причем не только словоизменительной, но и словообразовательной (труды Э. Станкевича, Д. Ворта, А. Исаченко, В. В. Лопатина и др.). В этой статье Р. О. Якобсон предложил формальное описание русского спряжения и открыл простой и универсальный принцип строения глагольной словоформы, а именно правило, по которому закрытые основы, т. е. основы, оканчивающиеся на согласный, свободно сочетаются с морфемами, начинающимися с гласного, и наоборот; в случае, когда на стыке морфем возникают другие комбинации, происходят элементарные преобразования посредством усечения или наращения. В таком представлении морфонология выглядела как простой комбинаторный механизм, определяющий характер преобразования морфемных швов в зависимости от фонемного состава морфем и фонологических свойств контактирующих компонентов морфем. Универсальное значение этого механизма было в полной мере подтверждено последующими детальными разработками различных фрагментов славянской морфонологии, но вместе с тем было обнаружено немало других, не чисто комбинаторных и не только позиционных, но и содержательных — грамматических, лексико-семантических, стилистических и т. п. — факторов и условий, влияющих на характер морфонологических преобразований. Было обнаружено большое число индивидуальных или групповых отклонений от предписываемых комбинаторикой морфемных

модификаций, несмотря на то что фонологические характеристики и грамматические свойства сочетающихся морфем полностью соответствовали условиям правил.

Здесь рассматривается один случай такого рода отклонений от стандартной модели морфонологических преобразований на примере русских имперфективов и итеративов с суффиксом **-iva* и предлагается одно из возможных объяснений этих отклонений.

Присоединение суффиксов **-iva/-va* — одна из самых регулярных моделей имперфективации в русском языке. Она используется при всех типах производящих (инфинитивных) глагольных основ, причем суффикс **-va* образует имперфективы и итеративы от атематических открытых (оканчивающихся на гласную) основ: *дать* — *давать*, *знать* — *знавать*, *-стать* — *-ставать*, *-бить* — *-бивать*, *жить* — *живать*, *деть* — *девать* и т. п., а также от глаголов первого спряжения на *-еть*: *заболеть* — *заболевать*, *устареть* — *устаревать*, *уцелеть* — *уцелевать*, *разуметь* — *подразумевать* и т. д., а суффикс **-iva* и его морфонологический вариант **-uva* — от всех остальных морфологических классов (всех типов и подтипов спряжения). Распределение вариантов **-uva* и **-iva* регулируется достаточно простым правилом. Глаголы, имеющие перед суффиксом инфинитива (или усекаемым суффиксом *-ну*) твердую согласную, образуют имперфектив прибавлением **-uva* с сохранением твердости конечного согласного (*записать* — *записывать*, *прочитать* — *прочитывать*, *отхлебнуть* — *отхлебывать*, *расколоть* — *раскалывать* и т. д.), и только в случае, когда основа оканчивается заднеязычным *k*, *g* или *x*, суффикс автоматически принимает вид **-iva* и вызывает «непереходное» смягчение заднеязычных: *прискакать* — *прискакивать*, *подпрыгнуть* — *подпрыгивать*, *махать* — *помахивать* и т. д. Глаголы, имеющие перед суффиксом инфинитива (точнее, перед усекаемой тематической гласной) парную мягкую согласную, присоединяют «йотирующий» вариант имперфективного суффикса (т. е. **-iva*), вызывающий «переходное» смягчение (йотацию) переднеязычных и губных согласных: *ходить* — *хаживать*, *сгладить* — *сглаживать*, *засадить* — *засаживать*, *сузить* — *суживать*,

притормозить – притормаживать, любить – недолюбливать, озаглавить – озаглавливать, остановить – останавливать, подкормить – подкармливать, растопить – растапливать, укоротить – укорачивать, расплатиться – расплачиваться, завинтить – завинчивать, носить – нашивать, взвесить – взвешивать, вырастить – выращивать, закрестить – закрепивать, гулять – разгуливать и т. п. Таково стандартное правило, однако оно имеет несколько «индивидуальных» исключений (ср. отсутствие ожидаемой йотации в *обуржуазивать, обремизивать, обезлесивать* при морфонологически «нормальных» имперфективах *офранцузивать, окрашивать*) и ряд «групповых» (или «системных») отклонений.

Во-первых, от стандартного правила отступают глаголы второго спряжения на *-еть*. Вместо варианта **-iva* они присоединяют суффикс **-ува* и, соответственно, вместо йотации имеют отвердение парной мягкой согласной: *глядеть – заглядывать, подглядывать, приглядываться* и т. д., *свистеть – насвистывать, высвистывать* и т. д., *хрустеть – похрустывать, скрипеть – поскрипывать, видеть – видывать, сопеть – посапывать, хрипеть – похрипывать, храпеть – похрапывать, кряхтеть – покряхтывать*. В спряжении эти глаголы ведут себя так же, как *i*-глаголы, т. е. выбирают те же аффиксы и имеют тождественные морфонологические модификации: *пустить – пуцу, пустишь = свистеть – свицу, свиштишь; копить – коплю, копишь = храпеть – храплю, хранишь* и т. д. Однако в словообразовании они не всегда совпадают с *i*-глаголами. Так, deverбативы на *-ение* от глаголов на *-ить* показывают йотацию конечного согласного основы, а производные от глаголов на *-еть* йотации не знают: *будить – буждение, но гудеть – гудение, накопить – накопление, но сопеть – сопение, кипеть – кипение, сидеть – сидение, видеть – видение* и т. д. В этом типе деривации они ведут себя подобно глаголам на *-еть* первого спряжения: *уметь – умение, облысеть – облысение, отупеть – отупение, оскудеть – оскудение* и т. п. [подробнее см.: Толстая 1996; наст. изд., с. 423–437]. Однако в интересующем нас случае (т. е. в образовании имперфективов) они отличаются и от этих глаголов первого спряжения,

которые образуют имперфективы и итеративы с суффиксом **-va* (*устареть – устаревать, заболеть / заболею – заболеть, запотеть – запотевать* и т. д.). И только глаголы *терпеть, повелеть* и *заболеть / заболит* следуют модели глаголов на *-еть* первого спряжения: *претерпеть – претерпевать* (вместо ожидаемого по аналогии с другими глаголами этого класса **претерпывать*), *повелеть – повелевать, заболеть / заболит – заболевать* (но *разболеться / разболится – разбаливаться*, в соответствии с другими глаголами на *-еть* второго спряжения). Глагол первого спряжения *выздороветь*, наоборот, имеет имперфектив по образцу глаголов на *-ить*: с суффиксом **-iva* и йотацией (*выздоровливать*) вместо положенной формы **выздоровевать* (впрочем, этот глагол вообще тяготеет к классу *i*-глаголов, ср. просторечные формы *выздоровлю, выздоровишь* вместо нормативных *выздоровею, выздоровеешь*, а также вполне литературное образование *выздоровление*, воплощающее, однако, модель, характерную для производных от глаголов второго спряжения; «правильной» формой было бы **выздоровение*). Как и во многих других отношениях, причем не только в русском языке, отклоняется от нормы глагол *-вертеть* (и его префиксальные дериваты); он образует имперфектив по модели *i*-глаголов, т. е. с суффиксом **-iva* и йотацией: *навертеть – наворачивать* (при *навернуть – наворачивать*), ср. также *верчение* (по типу *крутить – кручение*) вместо ожидаемого **вертение* (по типу *опустеть – опустение*). Соответственно общему правилу, но вопреки другим глаголам второго спряжения на *-еть* ведут себя также глаголы *зудеть, сидеть* и *смотреть*, образующие имперфективы с суффиксом **-iva* и йотацией: *подзуживать, сиживать, высматривать* (для *r* йотация и «непереходное» смягчение не различаются и манифестируются мягким *r'*).

С другой стороны, некоторые *i*-глаголы в нарушение правила образуют, подобно глаголам первого спряжения на *-еть*, имперфективы на *-евать* без йотации: *затмить – затмевать* (столь же аномально отсутствие йотации в *затмение*), *растлить – растлевать* (при нормальном *истлеть – истлевать*), *продлить – продлевать, упокоить – упокоевать*.

Среди примеров, демонстрирующих непоследовательность морфонологических правил в русском языке, обычно приводятся имперфективы или итеративы от *i*-глаголов, в которых вопреки правилу отсутствует йотация переднеязычных, ср. *спросить* – *спрашивать* в соответствии с нормой, но *откусить* – *откусывать*; *взвесить* – *взвешивать*, но *сбросить* – *сбрасывать*; *уплатить* – *уплачивать*, но *проглотить* – *проглатывать*; *подкормить* – *подкармливать*, но *отломить* – *отламывать* [ср.: Лопатин 1977: 195, 243; Чурганова 1973: 217]. Между тем за этой непоследовательностью, как это часто бывает, скрывается определенная закономерность или «причина», объясняющая отклонение от нормы. Глаголы, отступающие от нормы, обнаруживают одну общую особенность, а именно — в основании их деривационной цепочки в качестве «первичного, исходного» производящего наряду с *i*-глаголом находится глагол с *a*-основой: *ломить* и *ломать*, *бросить* и *бросать*, *-кусить* и *кусать*, *хватить* и *хватать*, *катить* и *катать*, *-глотить* и *глотать*, причем эти пары не обязательно противопоставлены по виду. Именно эта деривационная «память» заставляет перечисленные глаголы отступать от нормы и следовать модели, присущей *a*-глаголам (показательно, что *i*-глаголы, соблюдающие стандартное морфонологическое правило имперфективации, т. е. образующие имперфективы с йотацией, подобных *a*-дублетов не имеют).

Любопытно, что и для глаголов на *-еть* второго спряжения подобное объяснение может быть принято. Их «притяжение» к морфонологической модели *a*-глаголов также может объясняться тем, что многие из них имеют параллельные (правда, иногда архаичные или диалектные) варианты с *a*-основой, например литер. *свистать*, *видать*. У Даля наряду с *глядеть* приводится ц.-слав., зап.-рус. и сев.-рус. *глядать* с императивом *глядай* и закономерным итеративом *глядывать* (ср. также литературный церковнославянизм *соглядатай*), хотя диалектные формы обнаруживают и притяжение его к *i*-глаголам: *гляженный*, *гляженое лучше хваленого*; наряду с *хрустеть* в диалектах представлено *хрустать* (новг., вят.) со значением

‘грызть, раскусывать’; существуют также диалектные формы *гудать, гудалка, храпать, храпывать; скрипать, скрипание, хрипать* и т. п.

Менее очевидно морфонологическое влияние *a*-глаголов в таких случаях, как *вскочить – вскакивать, оттащить – оттаскивать, стучать – постукивать*, однако и здесь нельзя не заметить наличия однокоренных *a*-глаголов: *скакать, таскать, стучать*. Другие примеры подобной депалатализации (точнее, дейотации) перед суффиксом **-iva* относятся к глагольным парам, воспринявшим морфонологическую модель образования имперфективов от глаголов с консонантным исходом основы (атематических): прост. *приволочить* (литер. *приволочь*) – *приволакивать* и другие глаголы с этим корнем. В парах *молчать – помалкивать, перекричать – перекрикивать, визжать – повизгивать* и т. п. мы имеем дело с той же мнимой депалатализацией, если считать производящими соответствующие основы с суффиксом *-ну* (*вскричать / вскрикнуть – вскрикивать*), или, при отсутствии непосредственно производящего глагола этого типа, — с эффектом его косвенного влияния, т. е. *молчать – помалкивать* под влиянием *умолкнуть, замолкнуть* и т. д.

Таким образом, большинство нерегулярностей и отклонений от правил в морфонологическом оформлении имперфективов и итеративов с суффиксами **-iva/-yva/-va* находит свое объяснение за пределами непосредственных морфонологических моделей, в более отдаленных, но, как оказывается, остающихся действенными глубинных системных связях.

ВОКРУГ ИСПУГА, СТРАХА И УЖАСА: КОРРЕЛЯЦИЯ ДЕНТАЛЬНЫХ И ВЕЛЯРНЫХ В СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Давно поставленный в этимологии вопрос о происхождении русского *пугать*, отсутствующего в других славянских языках и заменившего в литературном языке и отчасти в диалектах закономерную форму *пужать* из *пудить* ‘пугать, устрашать’, решался до недавнего времени в пользу «морфонологической» версии, объясняющей появление задненебного исхода корня на месте шипящего их регулярным соотношением в модели палатализации и йотации (ср. *бегать* – *бежать*, *стерегу* – *сторож* и т. п.). Однако в серии работ С. Л. Николаева [1988; 1994; 2005] это явление было поставлено в один ряд со случаями последовательной рефлексации йотированных дентальных **tj*, **dj*, **sj*, **zj* в виде велярных *k*, *g*, *x*, *γ* в псковских говорах, обнаруженными С. М. Глускиной [1962; 1979], и получило иную интерпретацию: «Псковские *x*, *γ*, *k*, *g* и сходные рефлексы в генетически близких говорах на месте праславянских **tj*, **dj*, **sj*, **zj* не только в глаголах, но и в существительных <...> где вторичное “восстановление” велярных, по теории С. М. Глускиной, вряд ли возможно, заставляют заключить, что мы имеем в данном случае результат не морфонологического, а именно фонетического процесса» [Николаев 1988: 136]. Область, о которой идет речь, называется условно кривичской диалектной зоной и включает псковские (и происходящие от них северные), смоленские, некоторые северо-восточно-белорусские говоры. Наличие иных, «общерусских» рефлексов (*ч*, *ж*, *ш*) в этих говорах «должно быть отнесено на счет междиалектных контактов и влияния литературного языка» [Там же: 144], а наличие велярных рефлексов за пределами кривичских говоров или в литературном языке предлагается объяснять происхождением соответствующих явлений из говоров кривичского типа.

Не оспаривая предложенной С. Л. Николаевым историко-фонетической трактовки большинства рассмотренных им псковских, смоленских и севернорусских примеров,

почерпнутых как из диалектных словарей, атласов и карто-тек, так и из письменных памятников, следует тем не менее признать, что мена дентальных и велярных в исходе корневых морфем в славянской лексике отнюдь не всегда соответствует фонетическим позициям палатализации или йотации и часто выходит далеко за границы кривичского диалектного ареала. Корреляции *t/k*, *d/g*, *s/x*, изначально связанные с морфонологическими отношениями (общими для каждой пары рефлексами палатализации и йотации: соответственно *č, ž, š*), могут лексикализироваться и порождать двойную (или даже тройную — с учетом йотированных рефлексов) репрезентацию одних и тех же морфем. Это раздвоение может быть поддержано разного рода формальными, словообразовательными, семантическими притяжениями и влияниями. С другой стороны, это устойчивое соотношение дентальных и велярных на конце корня может порождать противоположное явление — семантическое взаимодействие и скрещение этимологически разных лексем и целых гнезд. Некоторые случаи такого рода будут рассмотрены ниже.

1. Корреляция *d/g/ž*

Именно к этому типу, как представляется, относится параллелизм корней *пуд-* и *пуг-*, представленных как в глагольных, так и в именных лексемах. Оба вида имеют значительные ареалы на восточнославянской территории.

Пуд- Рус. диал. *пудало* ‘пугало’ (орл., тул.); *пудить* ‘пугать’ (вят., зап.-рус., пск., смол.), ‘гнать, выгонять’, ‘сильно лить (о дожде)’ (курск., орл., моск., калуж., смол., сталингр.), ‘бить, хлестать’ (ворон.); *пудиться* ‘пугаться’ (пск.); *пудкий* ‘пугливый’ (влад., волог.) [СРНГ 33: 107–108]; белор. *пуд* ‘страх, испуг’: *пудала, пудзіла, пудайло* ‘пугало’; *пудзіць* ‘пугать, отпугивать, заставлять убежать’; *пудкі* ‘пугливый’ [ЭСБМ 10: 198–200]; *пуд, спуд, упуд, перапуд* ‘болезнь, вызванная страхом, испугом’: «Пуд, пуд, ідзі у кут», «Пуд, пуд, застанься тут», «Божа, выгані спуд с костачак, з ручачак, з ножачак» (из заговоров) [НМ: 637, 641, 644, 663]; укр. *пудити* ‘пугать, гнать; мочиться; быстро ехать’; *пуд* ‘страх’; *пудило, опуд, опуда, опудало, пудло* ‘пугало, страшилище’; *пудний* ‘страшный’; *напуда*

‘тот, кто легко пугается’; *напронуд* ‘напролом’; *перепуд* ‘испуг, сильный страх’; *попудить* ‘бросить’; *попуд* ‘тяга, инстинкт’; *попудний* ‘распущенный, вольный’; *попудник* ‘леший’; *спуда* ‘испуг’ [ЕСУМ 4: 627]; *пудно* ‘страшно’ [Гринченко 3: 498]; полес. *пуд* ‘болезнь, вызванная испугом’ [ПЛНМ: 52].

Пуг-. Рус. литер. *пугать(ся)*, *испуг*, *пугач*, *пугливый*; диал. *пуг* ‘испуг’ (смол., новосиб.), *пуга* ‘то, что пугает, внушает страх’ (пенз., смол., арханг.); *пуга* ‘кнут, плеть, хлыст’ (калуж., орл., курск., брян., смол., твер., пск., зап.-рус., свердл., новорос.); *пугало*, *пугалка*, *пугач*, *пугло* ‘пугало, чучело, нечистая сила, которой пугают людей’; *пугаловка* ‘что-л. устрашающее’; *пугат* ‘бес, дьявол, черт, пугающий людей’ (арханг.); *пугасливый*, *пугатливый*, *пугачливый* ‘пугливый, трусливый’ (арханг., онеж., волог., перм.); *пугнуть* ‘позвать’ (смол.); *пугуч*, *пугыч* ‘сова’ (орл., ворон.) [СРНГ 33: 104–107]; белор. *пуг* ‘испуг, страх’ (могил., гомел.); *пуга* ‘бич, кнут и т. п.’ (повсеместно); *пугать* ‘жадно пить’, ‘лить, разливать’; *пугач* ‘ночная сова’; *пугнуць* ‘испугать, спугнуть, отогнать’ [ЭСБМ 10: 193–197]; *пуг*, *спуг*, *іспуг* ‘болезнь, вызванная испугом’: «Я цябе, спуг, не баюся, / Я ад цябе малітвай адсякуся» (заговор) [НМ: 616, 635, 649, 655, 658, 659, 663, 673, 674 и др.]; укр. *пуга* ‘бич, кнут, батог’; *пугати* ‘пугать’, *пугнути* ‘отпугнуть, спугнуть’; *пугало* ‘пугало’; *пугач* ‘палка, которой гонят рыбу, ударяя по воде’; *пугливий* ‘пугливый’ (все слова имеют более распространенные варианты с -ж-) [ЕСУМ 4: 625–626]; *пугати* ‘кричать (о филине)’; *пугання* ‘крик филина’; *пуга*, *пугач* ‘филин’; *пугом* ‘грозно, сердито’ [Гринченко 3: 497–498]; полес. *спуг*, *іспуг*, *перепуг* ‘болезнь, вызванная испугом’ [ПЛНМ: 52].

Пуж-. Рус. диал. *пужа* ‘страх, устрашение’ (костр.); *пужака* ‘тот, кто слишком пуглив’ (горьк., новг., ленингр.); *пужала* ‘тот, кто наводит страх’ (смол., вост.-сиб.); *пужалка* ‘пугало’ (моск., горьк.); *пужало* ‘то же’ (шир. распр.); *пужание* ‘пугание, страх’ (устар. и прост.); *пужанка* ‘домовой’ (якут.); *пужануть* ‘пугануть’ (забайк., курск.); *пужаний* ‘пуганый’ (волог., сев.-двин., чкал., омск., новосиб.); *пужать(ся)* ‘пугать(ся), страшить(ся)’ (повсем.); *пуженька* ‘прут’ (смол.); *пуживать* ‘пугивать’ (арханг., печор.); *пужистый* ‘пугливый’

(азерб.); *пужкой* ‘пугливый’ (арханг.); *пужливый* ‘пугливый’ (новг., пск., брян., калуж., вят., урал.) [СРНГ 33: 110–112]; белор. *пужала* ‘пугало’; *пужаць, пужацца* ‘пугать(ся), страшить(ся)’; *пужэйло* ‘бич, кнут’ [ЭСБМ 10: 201–203]; укр. *пуджати* ‘пугать’, *пуджало* ‘пугало’ [ЕСУМ 4: 425–426]; *пуджється* ‘пугаться (о лошадях)’; *пужално* ‘кнутовище’ [Гринченко 3: 498].

Приведенный материал (заведомо не исчерпывающий) дает основание считать параллелизм восточнославянских корней *пуд-* и *пуж-* явлением достаточно древним, о чем свидетельствует не только широкое распространение обоих вариантов на восточнославянской территории (прежде всего в русском и белорусском ареалах), но и его представленность в таких архаических сферах, как народная медицина и тексты заговоров¹. В семантическом отношении заслуживает внимания сочетание в рассматриваемых гнездах значений ‘пугать, страшить’, с одной стороны, и ‘гнать’, ‘бить’, с другой (ср. также польск. *peździć* ‘мчаться, нестись; гнать’, родственное вост.-слав. *пудить*), которое поддерживается этимологией слав. **bojati (se)*, возводимого к **biti* [Фасмер 1: 204; ЭССЯ 2: 163–164].

Из других примеров параллелизма данного типа рассмотрим лишь некоторые.

Студ-/стыд- (**stud-/styd-*). Рус. литер. *студить, студень, простуда, стыть / стынуть, студень, стужа*; диал. *остуда* ‘простуда, охлаждение’, *остудник, остудница* ‘постылый, немилый человек’; *остудный* ‘постылый’; *остудить, остужать* фольк. ‘отдалить, вызвав неприязнь’: «Остудили Михайлушка от батюшка»; *остудиться, остужаться* ‘ссориться, сердиться; горевать’; *остыднуть* ‘остынуть’: «Остыднет, дак тогда и выпью» (арханг.) [СРНГ 24: 91–95] (сюда же относятся этимологически родственные *стыд* и его производные); укр. *студ* ‘холод’, *студінь, студій, студорга* ‘сильный холод’, *студень* ‘устар. декабрь’, *студник, студница* ‘колодец’, *студити, студонути* ‘повеять холодом’, *остуда, перестуда* ‘простуда’ и др.; *стид* ‘стыд’ и его производные [ЕСУМ 5: 456–457, 415]; белор.

1 О возможном праславянском параллелизме **pod-/pog-* см. [ЕСУМ 4: 626].

студзіць ‘остужать’; *студзёны* ‘холодный’; *студзень*, *студэнь* ‘стужа’; *студзень* ‘январь’, *студзень*, *студня* ‘колодец’; *стыдзь* ‘мороз, стужа’; *студзька* ‘человек, который боится холода’; *стужа* ‘холод, стужа’; *стужны* ‘холодный, дождливый’; *стужаць* ‘затвердеть’ [ЭСБМ 12: 352–355, 363]; польск., в.-луж. *studzić*; н.-луж. *stužiś*; чеш. *studiti*; *stydnouti* ‘стыть, становиться холодным’; *stud*, *styd* ‘стыд’ [SSJČ 3: 595]; словац. *studit’*, *styd-nít’* ‘стыть, становиться холодным’; *stud*, устар. *styd* ‘стыд’ [SSJ 4: 320, 310]; болг. *студя*, макед. *студу*; с.-х. *студитум*; словен. *studiti*.

Стыз-/стуз- (**styg-/stug-*). Рус. диал. *остыгать*, *остыгнуть* ‘остывать, охлаждаться’ (пск., карел. рус., арханг.), ‘промерзнуть, простудиться’, *остыгиший* (смол.) [СРНГ 24: 94–95]; укр. *стигнути* ‘стыть, делаться холодным, застывать, твердеть’ [ЕСУМ 5: 414]; белор. *стыгнуць*, *стыгці* ‘стыть, остывать, мерзнуть’; диал. *стугнуты* ‘твердеть, черстветь’ [ЭСБМ 12: 362, 354]; польск. *stygnać* (при ст.-польск. *stydnać*). Таким образом, варианты с конечным *-г* (и преимущественно с вокализмом *-ы-*), по существу, ограничены восточнославянским ареалом.

Ярким примером семантического взаимодействия и скрещения этимологически разных гнезд служат славянские свадебные термины *посаг* и *посад*. Первый из них представлен в славянских языках всех трех групп: ст.-слав. *посагати* ‘выходить замуж’, *посагъ* ‘брак’, *веспосагани* ‘не вступивший в брак’, *непосагъши* ‘незамужняя’ [ССЯ 3: 181; 1: 84; 2: 387], др.-рус. *посагъ*, *посягъ* ‘замужество, брак’, ‘бракосочетание, свадьба’, *посагати*, *посягати* ‘выходить замуж’, ‘вступать в любовные, половые отношения’, *посагнути за мужь* ‘выйти замуж’, *посагание* ‘бракосочетание, свадьба’, *посагатель*, *посягатель* ‘тот, кто вступил с кем-л. в половые отношения’, *посягание* ‘замужество’, *посягаться* ‘вступать в брак’, *посягнение браку* ‘вступление в брак’ [СРЯ XI–XVII 17: 149, 276–277]; рус. диал. *посаг*, *посага* ‘приданое’; укр. *посаг* ‘то же’ [Гринченко 3: 356], белор. *пасаг*, *посага* ‘то же’ [Насовіч 1983: 476], серб.-ц.-слав. *посагати* ‘pubere’ [Фасмер 3: 338]; чеш. устар. *posah* ‘приданое’ [PSJČ 4/1: 762]; польск. *posag* ‘то же’, *posagowy* ‘относящийся к приданому’, *posażny* ‘(о девушке) имеющий

большое приданое', 'относящийся к приданому' [SW 4: 732–733]. Праслав. **posagъ* чаще всего возводится к и.-е. **seg-/seng-* 'прикрепляться, прилепляться, прикасаться' [Фасмер 3: 338; ESJS 11: 685], однако О. Н. Трубочев предполагает другой индоевропейский корень — **sāg-* со значением 'вести, предводительствовать' [Трубочев 1959: 144].

Второй термин (*nosad*) имеет в обрядовом (свадебном) значении более узкий ареал (восточнославянские и отчасти польский языки) и совершенно прозрачную этимологию — и в формальном, и в семантическом отношении он сохраняет связь с глаголом **saditi*². Тем не менее во многих контекстах *nosad* и *nosag* оказываются взаимозаменяемыми, хотя их исходные значения как будто имеют мало общего. Причиной и импульсом к скрещению гнезд в данном случае служат как формальные признаки, о которых здесь идет речь (морфонологическая корреляция *d/g*), так и особенности семантической деривации: с одной стороны, это вполне обычное сужение и конкретизация общего значения брака и свадьбы и появление конкретных (в том числе «предметных») значений у **posag*, а с другой — столь же обычное расширение первоначального значения 'сажать' до значения 'совершать обряд сажания (жениха и невесты)' с дальнейшим распространением названия центрального ритуала свадьбы на всю свадьбу и ее конкретные элементы и атрибуты.

Посаг — рус. диал. *nosag* 'брак, замужество', 'свадьба' (твер., орл., олон.), 'приданое' (орл., брян., зап.-рус., урал.); *nosaga* 'приданое' (смол., зап.-рус., брян., лит. (рус.), латв. рус.): «За девкою дали большую посагу» (смол.); «Я и без посаги замуж выйду» (лит.) [СРНГ 30: 130], смол. *nosажница* 'невеста с приданым' [ССГ 8: 178]; укр. *nosag* 'приданое', 'место, где сажают жениха и невесту': «Ішла красна Марусенька на посаг»; *nosагувати* 'сажать невесту на посаг (?)', 'наделять приданым (?)' [Гринченко 3: 356]; *nosaga*, *nosax*, *nosяг*, *nosяга* 'приданое', 'место молодых на свадьбе', *nosажна* 'невеста

2 По мнению А. Брюкнера, **posad* объясняется вторичным притяжением к **saditi* исконного **posag* [Brückner 1957: 432].

с большим приданым', *беспосажна* 'бесприданница', *посажений* 'подаренный в приданое'; *випосажити, спосажити, упосажити, спосаговувати* 'дать приданое' [ЕСУМ 3: 534]; белор. *пасаг, пасага* 'приданое', *пасажніца, пасажая, пасажна(я)* 'корова, овечка, свинья как приданое' [ЭСБМ 10: 175]; польск. *posag* 'приданое', ст.-польск. *posażyc* 'давать приданое', откуда совр. *uposażyc, wyposażyc* 'снабдить, наделить, обеспечить, оснастить' [Boгуś 2005: 465–466]; ст.-словац. *posag* 'приданое' [HSSJ 4: 140].

Посад — рус. *посад* 'свадебный обряд подготовки невесты к венчанию (когда ее усаживали в переднем углу избы или за столом для свадебного одевания)'; 'приданое': «Настюхе дерюжки на посад» (ворон.); *сажать на посад* 'усаживать за стол жениха и невесту'; *посадный* 'относящийся к свадебному обряду' (ворон., тамб.), *посадная рубаха* 'венчальная рубаха жениха', *посадная утирка* 'полотенце, которое готовят к свадьбе', *посадная скатерть* 'скатерть, которой накрывают стол во время свадебного пиршества'; *посажатый (отец)* 'посаженный отец' (твер., перм.) [СРНГ 30: 133–136]; перм. *посадить* 'выдать замуж': «Все равно мы тебя за Ваню посадим» [СПГ 2: 179]; укр. *посад* 'место, где сажают жениха и невесту во время свадьбы'; *посадный батько* 'посаженный отец' [Гринченко 3: 356–357]; белор. *посад* 'место (дежа, покрытая кожухом), на котором сидит невеста на свадьбе' [ЭСБМ 10: 176]; польск. *posad* 'место новобрачных за свадебным столом', 'приданое' [SW 4: 731].

Обильный этнографический и фольклорный материал по славянским свадебным обрядам, собранный А. В. Гурой [2012], содержит множество контекстов, в которых *посаг* и *посад* обнаруживают полный параллелизм. Это относится прежде всего к названию ритуала сажания молодых на почетное место в красном углу, обычно после венчания (*посад / посаг*), и названию самого этого места (*посадить / сажать на посад / посаг, сидеть на посаде / посаге, дарить на посаде / посаге* и т. д.). При этом в сфере номинации приданого, свадебного обряда в целом и самого брака эти гнезда взаимодействуют не столь активно (эти значения

специфичны для *посаг* и менее характерны для *посад*³). Тем не менее можно предполагать, что «сажание» молодых на почетное место могло быть смысловой доминантой общей концепции свадьбы архаического типа и всего ритуального и языкового текста свадьбы (во всяком случае, у восточных славян), и в этом смысле оба термина оказывались ключевыми для свадебного дискурса. Ср. мнение А. В. Гуры: «Название обряда бракосочетания могло быть связано с *посагом* или *посадом*, на что указывает распространенность у восточных и западных славян этих и родственных им названий (вост.-слав. *посаг*, *посага*, *посажок*, *посад*, *посада*, *посаженье*, *посаженье*, *сидение за столом*, перм. соликам. *посадить* ‘выдать замуж’, <...> польск. *posiad*, *posadziny*, словац. *posádeš*) для обозначения бракосочетания, ритуальных действий, символизирующих заключение брака, их места (дежи, козюха, свадебного стола как почетного места для молодых, для свадебного хлеба), атрибутов (хлеба для благословения новобрачных, скатерти для свадебного стола, венчальной рубахи, песни, благословляющей брак) и самих новобрачных (в песенных текстах), а также роль *посаженых* в брачном соединении и церковном венчании новобрачных» [Гура 2012: 792].

Еще одним примером появления морфонологически не оправданного велярного на месте дентального в исходе корня *ед-* на основе корреляции *d/g* может служить рус. диал. *сыроега*, *сыроедка* ‘гриб сыроежка’ [СРГК 6: 429], *суровега*, *суровяга* ‘то же’ [Даль 4: 641], *суроега* ‘гриб сыроежка’, ‘тесто на простокваше’ (ворон.) [Там же: 682]; *сероега* ‘гриб сыроежка’ [СРНГ 37: 218], *сладкоега* ‘сладена, сладкоежка’ (наряду со *сладкоеда*, *сладкоедец*, *сладкоеж*, *сладкоежа*), *сладноега* ‘то же’ [СРНГ 38: 236]; орл. *сыроега*, *сыроевега*, *суровега*, *суроега* ‘кушанье из гречневой муки, разведенной водой, квасом или простоквашей’, ‘гриб сыроежка’ [СОГ 14: 170–171], яросл. *суроега*, *суровега* ‘то же’, *сыроеги* ‘грибы сыроежки’ [ЯОС 9: 88, 94] и т. д.

3 Ср., однако, выше пермский пример, где *посадить* означает ‘выдать замуж’.

2. Корреляция *t/k (st/sk)*

С(м)рет-/с(м)рек-. На фоне общеславянской формы с ден-тальным исходом корня, восходящей к праслав. **sr̥-řesti* (ст.-слав. *сърѣсти, срѣтати*, рус. *встретить, сретение*, укр. *стритити*, белор. *стрэць*, ст.-польск. *pośrześć*, чеш. *střetnouti*, словац. *stretnúť*, болг. *срещна, с.-х. сресту*), вариант с веллярным представлен прежде всего в белорусском и отчасти украинском и западнорусском ареале: белор. *сустрекаць(ся)* ‘встречать(ся)’ [Насовіч 1983: 624], *прыстрэк* ‘болезнь, вызванная порчей, дурным глазом, опасной встречей’, ‘растение, употребляемое для лечения такой болезни’ [ЭСБМ 10: 146–147]; укр. *стрікати* ‘встречать’ [ЕСУМ 5: 446], *пристрік* ‘болезнь’, ‘растение’ [ЕСУМ 4: 578]; рус. *повстрекать* ‘повстречать’ (пск., твер.) [СРНГ 27: 265]. Параллелизм обеих форм особенно заметен в полесских номинациях порчи и вызываемых ею болезней: тур. *прыстэк, прыстрэт* ‘недомогание’: «Прыстрэк у ёго, нехто зурочыў, колісь шэптуху звалі, шоб пошэптала»; «Прыстрэт, ек дзіця более, кісне» [ТС 4: 256]; калинк. *прыстрыт* ‘то же’: «Хто-нібудзь подзівіцца і стане корові прыстрыт» [СПЗБ 4: 163]; лельч. «Од пристреку глядзяць круз ногі на небо і гукать сам сябе» [ПА]; ельск. «Прыстрэт — калі нешта паганае працябе падумалі. Тады ўсё баліць, у холад кідае, тэмпература падкідаецца, б’е. А пагаворыць бабка, дасць табе вады — і пройдзе» [НМ: 606]; ельск. «Пристрек. Ножом матка берэ да хрэсце заадзи» [ПА]; калинк. «Каб прыстрэт не становіўся, заткни хоть ложку, хоть нажа за пояс»; «Як прыстрэк, тады наберы вады в рот і бежы мерай дзвері тры раза, выплюнь воду, кажы: “Ат Бога — дак хвалиць Бога, ат людзей — дак нехай на людзей”» [ПА]. Ср. также *пристріт, пристрет* (более 150 пунктов) и *пристрік, пристрек* (33 пункта) в своде данных о народной медицине Полесья [ПЛНМ: 54–55].

Мет-/мек-. Речь может идти, в частности, о русских словах *наметнуть, намекать, намек*, не имеющих убедительной этимологии и сопоставляемых на семантических основаниях с **nametnŋti* [Фасмер 3: 41; ЭССЯ 22: 181], ср., однако, др.-рус. *намѣкъ* (с ятем); *мекать, смекать, смекнуть* ‘думать, соображать’ (по мнению А. Брюкнера, из *метить*) [Фасмер 2: 594,

610; ЭССЯ 18: 74], *смётка* ‘способность быстро соображать, догадливость’, *сметливый* ‘сообразительный, догадливый, находчивый’, *кумекать* ‘соображать’ (согласно [ЭССЯ 13: 101], сложение приставки **ku-* и глагола **тёкати*; такого глагола, с ятем, однако, в словаре нет); диал. *мекать* ‘думать, предполагать’, ‘догадываться’, ‘припоминать’ и т. п. (обширный ареал) [СРНГ 18: 94]; арханг. *мекась, мекось* ‘кажется, думается’, *мекаться* ‘казаться’, *намекачься* ‘намечаться’: «Окошки сразу намекаются, а иногда прорубливаются», *намёком* ‘как придется’: «В Важинах улиц не было, намёком ходили» [СРГК 3: 218]; *смекачь* ‘хотеть, намереваться’, ‘намекачь, подсказывать’, ‘уметь’ и др.; *смекалый, смекальный* ‘умелый, сообразительный’; *смекнуть* ‘найти, раздобыть’ [СРГК 6: 166–167]; пск. *мекать* ‘соображать, смекачь, понимать’, ‘считать’: «Мекай по пальцам»; *мекательный* ‘умный, сообразительный’ [ПОС 18: 127]; перм. *мекать* ‘искать’: «Мы пришли невест мекать», *намекачь* ‘предполагать’: «Я намекаю, что они здися вроде жили» [СПГ 1: 512, 558], *смекачь* ‘искать, высматривать’, ‘думать’, ‘узнавать’: «Смекайте, может быть, старушки-то на завалинке сидят» [СПГ 2: 355–356]; орл. *мекать* ‘обдумывать, прикидывать в уме’ [СОГ 6: 123]; *смекачь* ‘наблюдать, следить’: «Я смекаль за ней; ох, и виртлявья девка, на местие никак не сидит» [СОГ 14: 22].

Черт-/черк-. Исходным здесь является праславянский глагол **čersti, čьrtъ* со значением ‘очертить границу’ (ст.-слав. **чръ-сти, чрътж**), имеющий надежные индоевропейские соответствия [ЭССЯ 4: 75–76, 161–163; SP 2: 163] и засвидетельствованный в тех или иных рефлексах в южно- и восточнославянских языках (русском и украинском): рус. *черта, чертить, чертеж* и *черкнуть, черкать, очерк, почерк* и т. д.; укр. *чертити = черкати* ‘проводить черту, чертить’, *черкнути* ‘черкнуть’, ‘выпить сразу’, ‘броситься’, ‘ударить’, *черк* ‘удар’, ‘эффект быстрого, резкого движения’, ‘миг’ [Гринченко 4: 457, 459]; волын. *чертити* ‘проводить чем-н. над чем-н.’: «Йак йачм’ін <на оці>, то черт’ат’ пшоно і пташкам д:айут’» <Когда ячмень (на глазу), то обводят пшеном и птичкам отдают> [Аркушин 2: 250]; бойк. *черкати* ‘чертить’, *чертіжъ* ‘поле на месте выкорчеванного

леса', 'вырубка', 'заросли на вырубке', *черть* 'эффект быстрого, резкого движения' [Онишкевич 2: 367–368]; закарп. *черькати*, *черькнути* 'чиркать (спичкой)', *черькач* 'бок спичечного коробка, о который зажигают спичку' [Сабадош 2008: 415]; гуцул. *черти* 'сдирать кору с дерева': «Чрет стойечу смереку» <Обдирает стоящую пихту>, *чертіж* 'поляна в лесу' [ГГ: 211]; болг. *черта* 'черта, линия, граница', *чертая* 'чертить'; с.-х. *цртати* 'чертить, рисовать' [РСХКJ 6: 827], *цркнути* 'лопнуть, треснуть', 'околеть, сдохнуть'; словен. *crkati*, *crkniti* 'околеть'. Последние формы считаются звукоподражательными по происхождению (от **cyrk-/cvyrk-*) [Bezljaj 1: 67; Snoj 2003: 76], однако в свете приведенных данных они могут быть признаны семантически мотивированными дериватами глагола **čersti*, *čyrtō*. Впрочем, и в противном случае наблюдается интересующая нас корреляция *t/k*, ср. болг. *цвъркам* и *цврътя* 'чирикать, щебетать'; *цръкам*, *цръкнам* 'чирикать' и *црътя*, *црътение* 'чирикать, щебетать, щебет' [Геров 5: 521, 529]. Ср. в этом контексте рус. смол. *черкаться* 'ругаться, вспоминая черта', *черкаться* 'выругаться' [ССГ 11: 105].

Желт-/желк-. Рус. *жёлтый* и *жёлкнуть* 'желтеть, сохнуть'; диал. *желкнуть* и *жёлкнуть* 'желтеть, блекнуть, вянуть (о растениях)' (пенз., курск., орл., калуж.) [СРНГ 9: 108]; карел. (рус.) *жёлкий* 'пожелтевший': «Я рубила порченный лес, стоит в воды и сохнет, хвоя у него жёлка», новг., ленингр. *жёлкнуть* 'желтеть, блекнуть, вянуть (о растениях)': «Трава от холода жёлкнет» [СРГК 2: 46]; укр. *жовкнути*, *жовкніти* 'желтеть, становиться желтым': «Ой у саду на горбочку трава все жовкніє»; «Без милого дівча жовкне як трава без роси», *жовтий*, *жовклий* 'желтый' [Гринченко 1: 488]; белор. *жаўква* 'желтый песок', *жаўкляк* 'желтый огурец', 'перен. больной человек', *жоўкнуць* 'стать желтым', *жоўклы* 'желтый, увядший' [ЭСБМ 3: 218, 237]; польск. *żółknąć* 'желтеть'; чеш. *žluklý* 'тухлый, испорченный', *žluknouti* 'портиться, протухать', *žlutý* 'желтый' [SSJČ 4: 933–934]; словац. *žlknúť (sa)* = *žltnúť (sa)* 'желтеть' [SSJ 5: 819]; с.-х. диал. *жук* 'горький, едкий', *жукао*, *жукла* 'размягченный, разбавленный, водянистый', *жуковина* = *жутилица* 'вид травы' [РСХКНJ 5: 452]; чак. *žuk* 'испорченный, прогорклый', *žuknut*

‘портиться (о пище)’ [ČDL 1: 1414]; словен. *žolkniti, žolgniti* ‘испортиться (о пище)’ [Bezljaj 4: 477].

Пуст-/нукс-. Эта пара безоговорочно всеми этимологами рассматривается как вариативная и этимологически единая, связанная чередованием *sk/st* [Фасмер 3: 410; ЕСУМ 4: 638–639; ЭСБМ 10: 232, 242 и др.]. Прямой параллелизм обеих форм наблюдается, в частности, в народных названиях канунов календарных постов: *запуск, запуски* и *запуст, запусты, пуценье* и т. п. [Толстая 2005: 100–101, 201].

Блест-/блеск-. Рус. *блистать, блестеть* и *блеск*. Ср.: «В слове *блестеть* следует признать чередование *ст-/ск-*; ср. *блеск*» [Фасмер 1: 176; 174]; см. также статью **bliskati / *blistati* в [ЭССЯ 2].

Ласт-/ласк-. Рус. *ласкать(ся)* и *ластиться* [Фасмер 2: 461–463]. Глагол **lastiti (se)* произведен от **laska* «со вторичной субституцией *sk > st*» [ЭССЯ 14: 42]. Взаимодействие вариантов с велярным и дентальным исходом обнаруживают названия животного ласки из семейства кунных, ср. рус. арханг. *ласта*, дон. *ластовица*, волог. *ластовичок*, ряз. *ласточка*, перм. *ласточок* [СРНГ 16: 279–284]. Авторы украинского этимологического словаря без веских доводов отвергают мнение О. Н. Трубачева [1962] об этимологическом тождестве названий зверька ласки и птицы ласточки [ЕСУМ 3: 198]. Между тем это языковое родство поддерживается сходством мифологических представлений о зверьке и птице в славянской народной традиции [Гура 1997: 245–249].

Луст-/лукс-. О родстве праслав. **lusta* с **luska* см. [ЭССЯ 16: 203]. Юж.-рус., зап.-рус. *луска* и *луста* ‘шелуха, кожура’, *луста* и *луска* ‘ломоть хлеба’ [СРНГ 17: 204–205], пск. *лускать* ‘очищать, шелушить’, ‘издавать шелкающий звук’, ‘бить’, *лустерить* ‘шелушить’, *лустить* ‘жадно есть, уплетать’, *лустка, лусточка* ‘ломоть, кусок’ [ПОС 17: 231], смол. *луска* ‘шелуха, кожура’, *луста, лусть* ‘кусок, ломоть хлеба или сала’, *лустеть* ‘потрескивать, трещать’ [ССГ 6: 60–61]; орл. *луста* ‘пища, которую брали с собой в поле’ [СОГ 6: 80]; укр. *луска* ‘рыбья чешуя’, *луст, луста* ‘краюха хлеба’ [ЕСУМ 3: 310–311]; белор. *луска* ‘шелуха, кожура’, *луст, луста* ‘кусок хлеба’ [ЭСБМ 6: 64].

Ср. еще параллелизм *sk/st* в статьях «**xlastati* / **xlaskati*», «**xlustati* / **xluskati*», «**xlystati* / **xluskati*», «**xrōstati* / **xrōskati*» [ЭССЯ 8], «**kleskati* / **klestati*», «**kleskъ* / **klestъ*», «**klъkati* / **klъtati*» [ЭССЯ 10] и т. п.

3. Корреляция *s/x*

Прос-/прох-. При общеславянском распространении корня с дентальным исходом вариант с велярным характерен для украинского языкового ареала: *прохати* ‘просить’, *прохання*, *прохань* ‘прошение, просьба, приглашение’, *просатар* ‘лицо, приглашающее на свадьбу, крестины, похороны’ и *прохатар*, *прохач* ‘проситель’, ‘лицо, собирающее пожертвования’, ‘нищий, старец’, *проханий* ‘приглашенный’, *прохальный*, *прохатний* ‘полученный подаяниями’, *випрохувати* ‘выпрашивать’, *непроха* ‘тот, кто не просит’, *припрохувати* ‘упрашивать, уговаривать’, *припроха*, *припрохування* ‘упрашивание, уговаривание’ [Гринченко 3: 487–488, 433], ср. также юж.-рус. (курск.) *прохати* ‘склонять к исполнению своих желаний, убеждать, умолять, добиваться согласия’ [СРНГ 33: 23]. В этимологической литературе форма с велярным остается без объяснения [см.: ЕСУМ 4: 601–602].

Жас-/жах-. В словаре Фасмера слово *ужас*, известное всем трем группам славянских языков, признается «трудным словом» и предположительно связывается с глаголом *gacimь* [Фасмер 4: 151]. Другие этимологи допускают его родство с и.-е. **gheis-* и гот. *usgaisjan* ‘пугать’, лит. *gąsti* ‘пугать’ [Brückner 1957: 662, 595; Skok 3: 554; Rejzek 2001: 745]. Не приводя всего материала, обратим внимание только на варианты с велярным исходом, которые широко представлены в восточнославянском диалектном ареале и частично в западнославянском: рус. курск. *жах* (междометие в значении сказуемого) обозначает быстрый, резкий удар: «Ладонью жаж, жаж по щеке»; зап.-рус., юж.-рус., курск. *жах* ‘страх, ужас’: «Ночью напал такой жаж, алыни волос дубом становится»; курск., твер., нижегор. *жахать*, *жахаться*, *жахнуться* ‘испытать чувство страха, ужаса’: «Лошадь как увидела зверя, так и жажнулася»; новг. *жахнуть* ‘неожиданно, с размаху сильно придавить’, ‘тряхнуть’, лит. (рус.) *жахнуть*

‘полоснуть’: «Жахнул ножом и порезал руку» [СРНГ 9: 87]; ленингр. *жахнуть* ‘выпить залпом’: «Давайте жажнем по стаканчику», ‘укусить’: «Ну, меня комар жахнул, прямо в лоб», ленингр. *жахнуть* ‘упасть, свалиться’: «Не ходи туда, а то еще жахнешься, так не выберешься»; *ужахнуть* ‘испугаться, ужаснуться’, ‘удивиться’ (ленингр., новг.) [СРГК 2: 41; 6: 590]; печор. *жахнуть* ‘ударить’: «Ведром жахнули его», ‘выстрелить’; *ужахнуть* ‘испугаться’: «Я так ужахнулась, аж задрожала» [СРГНП 1: 203; 2: 374]; волог. *ужахаться* ‘пугаться’: «Да это куры крыльями хлопают, зря вы ужахаетесь», *ужахнуть* ‘испугать’: «Он-то ужахнул его своим отчаянием», *ужахнуть* ‘испугаться’, ‘удивиться’ [СВГ 11: 109]; яросл. *ужахаться* ‘ужасаться, пугаться’, *ужахнуть* ‘испугаться’: «Вот уж они ужахнутся» [ЯОС 10: 10]; пск. *жах* ‘страх, ужас’: «Памёр бы са жаху», *жахнуть* ‘издавать громкий звук’, ‘с силой ударить, тряхнуть’, *жахнуться* ‘сильно испугаться’ [ПОС 10: 171]; смол. *ужахнуть* ‘ужаснуться’ [ССГ 11: 14]; перм. *ужахнуть* ‘то же’ [СПГ 2: 468]; урал. *ужахаться*, *ужахнуть* ‘пугаться, бояться, испугаться’ [СРГСУ 6: 124; Малеча 4: 309]; сиб. *ужахаться*, *ужахнуть*, *ужахлиться* ‘то же’ [СРГС 5: 137]; алт. *жахнуться* ‘испугаться, шарахнуться от испуга’ [СРГА 2/1: 74]; орл. *жахнуть* ‘сильно, резко ударить’: «Как жакнул палкѣй, так сабакъ и скулить, скулить» [СОГ 3: 106–107]; ряз. *ужахаться*, *ужаснуться* ‘ужасаться, ужаснуться’ [Деулино 1969: 573]; ворон. *жахаться* ‘бояться, пугаться’: «Дитина часта жахаетца», *жахнуться* ‘упасть’: «Ох, я и жахнулась!» [СВорГ 2: 264].

В украинском находим не только соответствующие русским формам *жах* ‘ужас, страх’, *жахати(ся)* ‘пугать(ся), страшить(ся)’, ‘вырываться (о пламени)’: «Жахнуло полум’я с груби», *жахнуться* ‘вздрогнуть, броситься бежать от страха’, но и *жахота* ‘ужасы, страхи’, *жахливий* ‘пугливый’, *жахний* ‘страшный’ и т. п. и даже *ужах* ‘ужас’, *ужахнути(ся)* ‘испугать(ся)’ [Гринченко 1: 476; 4: 321]; укр. букв. *жахати*, *жахнути* ‘сердиться, рассердиться’, ‘полыхнуть (об огне)’ при *жасно* ‘страшно’: «Жасно в ночі в лісі» [СБГ: 110]. Авторы украинского этимологического словаря считают формы с велярным

результатом фонетического преобразования исходного вида корня с дентальным исходом под влиянием синонима *страх* [ЕСУМ 2: 189]. Белорусские данные аналогичны украинским: *жах* ‘ужас, жуть’, *жахаць* ‘сильно и быстро рубить, колотить’: «Жахае сякіраю па калодзе», *жахнуць* ‘ударить’, *жахацца* ‘ужасаться’: «Вада сцюдзёная, аж дзяцё жахаецца», *жахліва* ‘с ужасом’, *жахлівы* ‘ужасный’ [Станкевіч 1990: 476]; диал. *жахаць* ‘блеснуть (о молнии)’, ‘с силой ударить’ [СПЗБ 2: 145], тур. *жахко* ‘с ужасом’, *жахліву* ‘пугливый’, *жахнуць* ‘ударить’, *жахацца* ‘пугаться’ [ТС 2: 59]. «Этимологический словарь белорусского языка» поддерживает версию Фасмера [ЭСБМ 3: 222–223].

Из западнославянских языков только польскому известны варианты с велярным исходом корня (наряду с дентальными вариантами в диалектах): *żachać się*, *żachnąć się* ‘возмущаться, возмутиться, с негодованием отвергать, страшиться’, *żachliwy* ‘пугливый’ [SJPД 10: 1389]; диал. *żach* ‘междометие со значением резкого удара’, *żachnąć się* ‘наброситься в гнев» [Karłowicz 6: 432] и устар. *użasnąć (urzasnąć) się* ‘испугаться, удивиться’, *użasty (urzasty)* ‘испуганный’ [SW 7: 356]; диал. *użasnąć się* ‘испугаться’ [Karłowicz 6: 58]. По мнению В. Борыся, велярный исход корня вторичен и объясняется аналогией с глаголами типа *kochać*, *tachać* [Boryś 2005: 749–750].

В других славянских языках форм с велярным исходом не засвидетельствовано: чеш. *žasnout* ‘изумиться, поразиться’, *užasnout* ‘то же’, *úžas* ‘изумление’, *úžasný* ‘поразительный’, *úžaslý* ‘удивленный, пораженный’ [ЧРС 2: 508; Rejzek 2001: 745]; словац. *žas* ‘ужас’, *žasnút* ‘приходить в ужас’, *úžas* ‘ужас’, *úžasný* ‘ужасный, страшный’, *užasnút* ‘привести в ужас, поразить’ [SSJ 5: 788; 4: 751]; ст.-слав. *о҃ужасъ* ‘ужас, страх, изумление’, *о҃ужасъть*, *о҃ужасати*, *о҃ужасити*, *о҃ужаснѣти сѧ*, *о҃ужасътънь* [ССЯ 4: 614–617]; с.-х. *ужас* ‘ужас, страх’, *ужасан*, *ужасно*, *ужаснути*, *ужаснуто* и т. п. [РСХКJ 6: 435–436]; болг. *ужас* ‘ужас, страх’, *ужасен*, *ужасно*, *ужасия* ‘разг. нечто страшное, ужас, жуть’, *ужася*, *ужасявам* ‘ужаснуть, ужасать’ [РСБКЕ 3: 475].

В семантическом отношении формы с велярным, соотносительные с междометием резкого удара, оказываются более

мотивированными и подпадающими под общую семантическую модель ‘бить, ударять’ → ‘пугать, наводить страх’, ср. выше о *пугать*, **bojati* (*se*), а также **poraziti* ‘ударить’ и ‘удивить’.

Не имея возможности сколько-нибудь подробно рассмотреть здесь другие случаи параллелизма корней с дентальным и веллярным исходом, ограничимся приведением выборочных примеров.

Тряс-/трях-. Рус. *трясти*, *потрясать*, диал. карел. (рус.) *трясом* ‘потряхивая’, арханг., волог. *трясуха* ‘лихорадка’, ленингр. *трясучка* ‘топкое, вязкое место’ [СРГК 6: 527] и т. д. — *тряхнуть*, *встряхивать*, диал. *тряхлый* ‘тонкий, ломкий’, *тряхунок* ‘неровное место на дороге’ [СРГК 6: 527–528]; яросл. *тряханка* ‘смесь сена с соломой’ [ЯОС 9: 120]; сиб. *тряхать*, *тряхнуть* ‘грохотать, греметь’, *тряхануться* (*умом*) ‘сойти с ума’, *тряхти махрами* ‘одеваться бедно или неряшливо’, *тряхуног* ‘бугор или углубление на пути спускающегося с горы на лыжах’ [СРГС 5: 97]; печор. *трехомудье* ‘старая одежда, отрепья’ [СРГНП 2: 360].

Трус-/трух-. К общеславянскому гнезду **troṣiti* / **tręsti* могут быть отнесены также следующие восточнославянские формы с веллярным согласным: рус. прост. *струхнуть* (к *струсить*), *трухать* ‘ехать мелкою рысью’, *трух-трух*: «Перегоном трух-трух, а на место во весь дух» [Даль 4: 857–858] (к *труснуть*); диал. арханг. *струхать* ‘струсить’: «Мы с Колей так струхали» [СРГК 6: 368]; сиб. *трухануть* ‘струсить’, *трухнуть* ‘то же’, *дать труха* ‘испугавшись, убежать’: «Меня парень не послушал, у ворот он труха дал» (из частушки) [СРГС 5: 95]; волог. *трухнуть* ‘насыпать в небольшом количестве’: «Трухнула немного чайку в чайник» [СВГ 11: 66] (к *труснуть*); смол. *трух* ‘рысь, рысца’, *трухать* ‘бежать мелкою рысью, трусить’, *трухнуть* ‘тряхнуть, потрясти’, ‘сыпнуть’, *трухом* ‘рысцей’ [ССГ 10: 209]; ряз. *трухнуть* ‘ускорить шаг’ [Деулино: 565]; урал. *трухнуть* ‘посолить’: «Положи облу в кадку и трухни ее» [Малеча 4: 278].

Мес-/мех-. Рус. *помеха* (от *мешать* < *месить*) [Фасмер 2: 615]; диал. пск. *мехать* ‘мешать, смешивать’, ‘мешать,

препятствовать': «Там еще маленький горшочек, ен мехать буде» [СРНГ 18: 144]; ленингр., волог. *мехнуть* 'разболтать, помешать': «Утром сметану толкла, никто, кроме меня, не мяхнёт»; карел. (рус.) *мехатка* 'кушанье из брусники с толокном', 'смешанный корм для домашней птицы' [СРГК 3: 235].

Волос-/волох-. Рус. диал. *волоха*, *волохи* 'кожа, шкура' (твер., костр.); *волохатый* 'волосатый, лохматый, длинношерстный' (курск., калуж.) [СРНГ 5: 67]; яросл. *волоха* 'кожа, шкура': «Ты хоть бы волоху-то с коровы содрал», 'рубаха' [ЯОС 3: 32]; укр. *волохи* 'мн. ч. волосы на руках и пр.'; *волохатий* 'мохнатый, косматый', *волохатити* 'мохнатеть', *волохач* 'мохнатое существо' [Гринченко 1: 252]; белор. *валахаты* 'косматый', *валахаціца* 'становиться косматым' [ЭСБМ 2: 34]; польск. *włochaty* 'косматый, волосатый', *włochacz* 'пушистая, мохнатая ткань' [SJPD 9: 1168] (при чешском, словацком только с дентальным: *vlasatý* и т. д.). Ср. еще с.-х. диал. *вла(х)ульица* 'волосной пушок на теле' [РСХКНЖ 2: 716–717].

Нос-/нох-. Польск. экспр. *nochal* 'большой, бесформенный нос', *nochalek* 'то же', *nochaty* 'носатый' [SJPD 5: 337]; диал. *nochal* 'большой нос', 'человек с большим носом' [Karłowicz 3: 332; SW 3: 400].

Дис-/дых-. Особняком на общеславянском фоне стоит сербскохорватский глагол *дисати* 'дышать' вместе с его производными [РСХКНЖ 4: 338], несомненно принадлежащий к гнезду **dyhati* и не получивший в этимологической литературе объяснения.

Колыс-/колых-. Рус. диал. *колысать* 'качать, колыхать', *колыска* 'колыбель, люлька', 'качели', *колыхаться* 'качаться', 'шататься', *колынуть* 'тряхнуть, качнуть, колыхнуть', *колыхалка* 'колыбель', *колых* 'междом. по гл. *колыхать*, *колыхнуть*' [СРНГ 14: 209–210]; с.-х. *kolihati* 'трясти, качать'; словен. *kolehati se* 'кататься (по земле)'; чеш. диал. *kolísat'* 'трясти'; польск. *kołysać*, диал. *kołychać* 'качать, колыхать'; укр. *колыхати*, диал. *колысати* 'то же'; белор. *калыхаць* 'то же' [ЭССЯ 10: 165–166]. По мнению О. Н. Трубачева, **kolesati* — экспрессивная форма — экстенсив на *-s-ati* от глагола **kolybati*, а вариант на *-x-* — дальнейшая (вторичная) форма усиления экспрессивности [Там же: 166].

Сляк-/хляк-. Смол. *хлякоть* ‘слякоть’: «Важу хлеп у жару, у хлякыть». Варианты: *хлякоть*, *хлякоть*, *шлякоть* [ССГ 11: 61]⁴.

Смур-/хмур-. При общеславянском варианте с начальным велярным *х-* (чешское, словацкое также *š-*) варианты с дентальным анлаутом представлены как параллельные в следующих случаях: рус. *смурый* ‘темный, темно-серый’, *пасмурный*, разг. *смурной* и диал. ‘печальный, мрачный’, диал. *смурый* ‘печальный, грустный (о человеке)’, ‘невидный, неказистый’, *смурши* ‘неказистый, невидный человек’, *смуроватый* ‘смуглый, смугловатый’, *смурок*, *смурак* ‘темно-серый, темно-бурый кафтан’, *смуреть*, *смурить* ‘становиться хмурым, пасмурным’, *смурогий* ‘испачканный, грязный» [СРНГ 39: 58–61]; укр. *смурий* ‘мутный, хмурый’, *смурига* ‘нелюдимый человек» [ЕСУМ 5: 331]; польск. диал. *stura* ‘мгла, туман» [Karłowicz 5: 181]; кашуб. *smiřec sq* ‘хмуриться (о погоде)’ (при *xmura* ‘туча’) [Sychta 5: 104]; болг. *смуртя* ‘хмуриться, мрачнеть» [Геров 5: 208]; макед. *смуртен* ‘хмурый’; *смурти се* ‘хмуриться, морщить лоб» [Мургоски 2005: 762]; с.-х. *sumoran* ‘угрюмый мрачный’, *sumor* ‘печаль’; *sumornost*, *sumorstvo* ‘то же’, далмат. *nasumoriti* ‘нахмурить (о небе)’ (= *nahumoriti se*, *nahmuriti se*) [Skok 3: 360]; словен. устар. *somoren* ‘хмурый, мрачный» [SSKJ 4: 804]. По предположению Фасмера, велярный анлаут — экспрессивная замена исконного дентального [Фасмер 4: 250].

Приведенный материал (не претендующий на полноту) демонстрирует самые разные случаи корреляции между дентальными и велярными вариантами семантически соотносительных морфем (слов): в одних случаях это расщепление одного корня на два морфонологических варианта с дальнейшей их лексикализацией; в других — результат притяжения и скрещения этимологически разных корней. Различны и причины, и импульсы этих явлений: самым важным фактором следует признать регулярную морфонологическую соотносительность дентальных и велярных, возникшую в результате

4 Ср. параллелизм праслав. **česl'ati* – **čechl'ati* ‘чесать, скрести» [SP 2: 174].

общеславянских процессов палатализации и йотации; иногда к ним добавляются факторы экспрессивного и стилистического характера. Бóльшая часть рассмотренных примеров относится к восточнославянской диалектной области, но многие случаи интересующей нас вариативности выходят за ее границы, что позволяет думать о достаточной древности этого явления⁵.

5 Ср. общеслав. **hod-* ‘ход, ходить’ из и.-е. **sod-* как ступень **sed-* ‘сидеть’ [ЭССЯ 8: 51].

ФОНЕТИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ОНОМАТОПЕИЧЕСКИМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ С СУФФИКСОМ *-OT* В ВЕРХНЕЛУЖИЦКОМ

Интерес к фонетической стороне ономотопеи не только понятен, но и достаточно тривиален: само собой разумеется, что специфику звукоподражательной лексики следует искать прежде всего в ее фонетической организации. Ономотопея, по общему мнению, в двух существенных отношениях противопоставлена всей остальной лексике: во-первых, именно ономотопея колеблет фундаментальные представления о произвольности (немотивированности) звуковых единиц языка, стимулируя целые направления лингвистических (и психологических) исследований в области звукового символизма [см., в частности: Kořinek 1934; 1939; Wisseman 1954; Kopečný 1957; Marchand 1959; Газов-Гинзберг 1965]; во-вторых, ономотопея очень слабо подчиняется фонетическим, а отчасти и грамматическим законам, обязательным для не ономотопеической лексики, что заставляет рассматривать ее как особую подсистему (в частности, фонологическую) или, во всяком случае, как явную периферию языка [см.: Бубрих 1948; Kořinek 1937]. Хорошо известны и во многих случаях убедительны примеры из разных языков, подтверждающие это. Тем не менее следует признать сильно преувеличенным представление о звуковом «анархизме» ономотопеической лексики, по крайней мере той, которая не относится к так называемым непосредственным имитациям и носит следы грамматической и словообразовательной оформленности, что и обеспечивает, в сущности, ее принадлежность к языку. Прежде всего это представление базируется на явно недостаточных фактических данных: если говорить о славянских языках, то за исключением работ Д. Боранича [Boranić 1909] и Р. Смаль Стоцкого [Смаль Стоцкий 1929], преследовавших преимущественно иные, этимологические и словообразовательные, цели, нельзя указать ни одного исследования, в котором предлагалось бы элементарное описание фонетического состава какой-либо группы ономотопеи в каком-либо славянском языке или диалекте. Говоря

о преувеличении, мы имеем в виду, что при ближайшем рассмотрении ономотопеические слова обнаруживают не только признаки известной фонетической организации, но даже более высокую степень упорядоченности, чем это вообще свойственно лексике. Именно с этой точки зрения обращают на себя внимание верхнелужицкие ономотопеические существительные и соотносительные с ними в семантическом и словообразовательном плане глаголы с суффиксом *-ot* типа *dupot* ‘топот’ – *dupotać* ‘тяжело ступать’.

Образования такого рода известны в той или иной мере всем славянским языкам, но особенную продуктивность они получили в западнославянской области. В верхнелужицком языке они составляют довольно обширную группу, включающую более 170 глаголов и около 90 существительных¹. В семантическом отношении для этих слов наиболее характерно и, вероятно, первично обозначение звучания, ср. *bórbotać* ‘бурчать, урчать, журчать’, *plapotać* ‘болтать языком, молотить’ и т. д., хотя нередки случаи, когда они передают зрительное восприятие света или движения, ср. *blobotać* ‘мигать’ и одновременно ‘бормотать, заикаться’; *bórkotać* ‘мигать, искриться, сверкать, блестеть’; *frinkotać* ‘мигать, искриться’; *libotać* ‘дрожать, прерываться (о голосе)’ и ‘мигать, мерцать, мелькать’; *měrkotać* ‘мигать, мерцать, мелькать’; *sapotać* ‘мигать, полыхать’ и др., а также ряд глаголов (и соответствующих существительных) со значением ‘дергаться, дрожать, трепетать, трястись’: *dydotać*, *dyrkotać*, *ćawkotać*, *hibotać*, *hubotać*, *huhotać*, *libotać*, *rejkotać*, *skakotać*, *třaskotać*, *třepotać*, *šwjerkotać* — или со значением ‘раскачиваться, шататься, болтаться, колыхаться’: *chablotać*, *kiwkotać*, *klunkotać*, *pjerhotać*; ‘махать, размахивать, раскручивать, кружить’: *machotać*, *šlepotać*, *kołotać*, *schluskotać*; ср. также *mikotać* ‘моргать’, *fukotać* ‘перебегать, проноситься, мелькать’. Для этих трех семантических

1 Такое количество слов с суффиксом *-ot* содержится в словарях [Jakubaš 1954; Zeman 1967] (см. прилагаемый index a tergo). Сопоставление этих двух источников, из которых в большинстве случаев второй дает более полное отражение интересующей нас лексики, позволяет думать, что, по-видимому, значительное число подобных слов остается незафиксированным.

категорий (звук, свет, движение), выражаемых образованиями на *-ot*, общим признаком, на основе которого достигается их объединение в рамках одного словообразовательного типа или даже одной лексемы, оказывается «прерывистость», составляющая неотъемлемый компонент значения независимо от того, идет ли речь о передаче слухового (звук) или зрительного (свет, движение) восприятия².

Словообразовательные отношения, связывающие глаголы и существительные с суффиксом *-ot*, достаточно сложны, неоднородны и в некоторых моментах противоречивы. Не имея возможности говорить здесь об этом подробнее, отметим лишь самое очевидное. Формальная структура явно указывает на производность глагола от существительного, уже содержащего суффикс *-ot*, причем само это существительное должно быть возведено в таком случае к какой-то третьей основе. Исходя из того, что обычной функцией суффиксов с формантом *t* в праславянском было оформление отглагольных имен (инфинитив, супин, *nomina actionis* на **-tĭ*, причастия), следует предположить, что этой третьей основой была глагольная основа без суффикса, т. е. *piskać > piskot > piskotać* (гораздо менее вероятна деривация типа *pisk > piskot*). Однако в более поздние эпохи, когда глаголы на *-otać* получили самостоятельную продуктивность, они могли образовываться уже непосредственно от глаголов на *-ać*, минуя промежуточную стадию отглагольного существительного на *-ot*. Об этом свидетельствует тот факт, что подавляющее большинство верхнелужицких глаголов на *-otać* имеет соответствие в виде синонимичного глагола на *-ać*, ср. *brinkotać* — то же, что *brinkać*, в то время как примерно половина их не имеет соответствующих существительных на *-ot*.

Единое словообразовательное оформление, обеспечивающее тождественный фонетический исход интересующих нас существительных и глаголов (соответственно [ot] и [otać]), дает нам право ограничиться в дальнейшем рассмотрением

2 Те же грамматические области выделяются Р. Смаль Стоцким для украинских междометий [см.: Смаль Стоцкий 1929: 111 et passim].

фонетической структуры ономастических корней, предшествующих в этих образованиях суффиксу *-ot*.

Из 179 корней 178 односложных и один двусложный: *šwirink(otać)*. Каждый корень состоит из трех элементов: 1. превокалического согласного (группы согласных); 2. гласного корня; 3. поствокалического согласного (группы согласных). Ни один из этих трех компонентов не может быть представлен нулем. Общая схема корня выглядит так:

$$[(s \check{s}) \underset{(1)}{\text{---C}} \text{---(R)}] \quad \text{---}\underset{(2)}{\text{V}}\text{---} \quad [(\text{R}) \text{---}(\underset{(3)}{s^c \check{s}}) \text{---C}]$$

где C — всякий согласный, R — сонорный, V — гласный. В круглые скобки заключены элементы, которые могут отсутствовать. Как видим, структура начальной и конечной консонантных групп корня в целом отвечает общим правилам построения консонантных последовательностей. Заметим, что зеркальность этих групп нарушается тем, что согласные *s c š* предшествуют элементу C в поствокалической группе, а не следуют за ним.

В превокалическом положении выступают следующие консонанты и консонантные группы: губные *p* — 9³, *pr* — 7, *prj* — 1, *pl* — 3, *pj* — 1, *b* — 5, *br* — 3, *bl* — 2, *bl* — 1, *f* — 3, *fr* — 2, *wrj* — 1, *m* — 6, *mr* — 1, *mj* — 2; переднеязычные: *t* — 4, *tr* — 1, *tř* — 2, *d* — 8, *dr* — 5, *dř* — 1, *drj* — 1, *s* — 3, *sl* — 1, *sm* — 7, *sn* — 1, *sk* — 1, *st* — 2, *schl* — 1, *spj* — 1, *spr* — 1, *spl* — 1, *z* — 1, *š* — 3, *šr* — 1, *šl* — 4, *šw* — 2, *šwj* — 1, *škr* — 3, *škrj* — 1, *šć* — 4, *št* — 1, *c* — 4, *ć* — 5, *č* — 2, *čm* — 1, *n* — 1, *l* — 4, *l* — 2, *r* — 5, *rj* — 3, *j* — 2; заднеязычные *k* — 5, *kr* — 1, *kř* — 2, *kl* — 9, *kn* — 3, *kj* — 1, *g* — 2, *h* — 1, *hr* — 1, *ch* — 3, *chr* — 3.

Среди согласных, выступающих в качестве обязательного элемента (C), отсутствуют *ž* и *dž*. Остальные согласные представлены в следующем соотношении: губные в 52 корнях, переднеязычные и *j* в 83, заднеязычные в 44.

3 Здесь и далее цифры показывают число реальных корней, которым соответствует данная консонантная группа.

В качестве факультативного компонента консонантной группы, предшествующего *C*, употребляются *s* и *š*, первый из которых явно префиксального, второй, вероятно, экспрессивного характера. После обязательного элемента встречаются в этой позиции только сонанты и *ř*. 98 корней имеют в превокалическом положении один лишь элемент *C* без наращений слева или справа.

В п о с т в о к а л и ч е с к о й позиции репертуар согласных и их сочетаний втрое меньше: 21 согласный (консонантная группа) обслуживает 179 корней. В качестве элемента *C* здесь представлены: губные *p* — 33, *mp* — 8, *rp* — 2, *šp* — 1, *b* — 17, *rb* — 1, *mp* — 8; переднеязычные: *d* — 1, *n* — 1; заднеязычные *k* — 28, *ck* — 1, *jk* — 2, *lk* — 1, *nk* — 10, *rk* — 12, *wk* — 6, *sk* — 26, *g* — 2, *ch* — 13, *rch* — 4, *h* — 2. Факультативными компонентами групп оказываются, как и в превокалическом элементе, прежде всего сонанты, а также *j* и *c š s*.

Бросается в глаза, что инвентарь согласных, могущих употребляться в качестве элемента *C* поствокалической группы, т. е. согласных, непосредственно предшествующих суффиксу *-ot*, резко отличен от того, который представлен в превокалическом элементе корня. Во-первых, он несравненно более скудный (10 согласных вместо 23); во-вторых, что особенно примечательно, типы допустимых в этой позиции согласных ограничены признаком периферийности, т. е. серией губных и заднеязычных. Ср. количественные показатели (число корней разного типа), характеризующие превокалическую и поствокалическую позиции:

Элемент <i>C</i>	Позиция	
	превокалическая	поствокалическая
Губные	52	69
Заднеязычные	44	108
Прочие	83	2

Чем объясняются эти достаточно сильные ограничения, налагаемые на поствокалический согласный корня? Одну из причин предпочтения периферийных согласных непериферийным можно было бы усматривать в том, что в экспрессивной

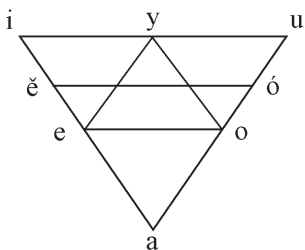
и ономотопеической лексике согласные типа *p* и *k* вообще имеют повышенную нагрузку⁴. Однако, как было показано, первый (превокалический) компонент рассматриваемых здесь ономотопеических корней вовсе не обнаруживает преобладания губных и заднеязычных, чего следовало бы ожидать, предположив подобный фонетический мотив. С фонетической точки зрения более естественным было бы не противопоставление, а, наоборот, уподобление поствокалических элементов превокалическим, тем более что в ономотопеических корнях обычны явления полной или частичной редупликации, которая могла бы отразиться в их фонетическом составе. Остается еще одно чисто фонетическое объяснение — периферийные согласные могли бы предпочитаться непериферийным в образованиях с суффиксом *-ot* из диссимилятивного (по отношению к согласному суффикса) принципа, но, к сожалению, такое объяснение трудно защищать из-за отсутствия аналогичных фонетических зависимостей в иных словообразовательных типах.

Скорее всего, все же речь должна идти не столько о фонетической, сколько о словообразовательной природе этих ограничений. Различие между превокалическим и поствокалическим репертуаром допустимых согласных, трудно объяснимое с фонетической точки зрения, может быть, вероятно, с бóльшим успехом интерпретировано как черта морфонологической структуры слова, предписывающей усиление фонетических ограничений именно по направлению к концу слова: наибольшие ограничения диктуются флексиями, затем актуальным словообразовательным составом основы и, наконец, исторически сложившейся структурой корня. В таком случае губные и заднеязычные, занявшие преобладающее положение в корнях ономотопеических основ с суффиксом *-ot*, могут трактоваться, независимо от характера и направления деривативных связей, как достаточно древние детерминативы глагольных корней, первоначально служивших источником отглагольных производных с суффиксом *-ot*.

4 См. анализ звукоподражаний в обстоятельной работе Д. Боранича [Voganić 1909], а также наблюдения Р. Смалья Стоцкого над украинскими междометиями [Смаль Стоцкий 1929].

Впоследствии эти детерминативы, утратив свою словообразовательную роль, сохранились только как фонетическая примета основ определенного словообразовательного типа. Самое любопытное заключается в том, что несомненно поздние ономастические образования с этим суффиксом, возникшие на западнославянской почве в период вторичной продуктивности суффикса (уже, по-видимому, преимущественно в сфере внутрислужебной деривации), все еще ориентированы на фонетическую структуру корней, первоначально присоединявших суффикс *-ot*, и в полной мере соблюдают ограничения, наложенные в древности исконной словообразовательной моделью на фонетический состав производящих основ.

Переходя к вокалическому компоненту корня, заметим, что тенденция к периферийной артикуляции, обнаруженная в поствокалическом компоненте, поддерживается и системой гласных, где тоже преобладают звуки, артикулируемые в крайних зонах речевого аппарата, хотя это преобладание далеко не столь внушительно, вероятно, потому, что гласные ориентированы не только «вперед», но и «назад», к превокалической группе. Соотношение корней с разными гласными таково: *a* — 32, *e* — 22, *ě* — 6, *i* — 38, *o* — 21, *ó* — 7, *u* — 32, *y* — 21. Нетрудно заметить, что количественное распределение вполне соответствует фонетическим отношениям в системе вокализма (см. рисунок).

Гласные, образующие большой треугольник, т. е. *i* — *u* — *a*, представлены в наибольшем числе корней; затем идут гласные малого треугольника, *e* — *o* — *y*, и, наконец, гласные *ě* — *ó*, самые редкие; хотя, возможно, это распределение отражает не более чем общее соотношение частот разных гласных в верхнелужицком языке.

Заметной особенностью рассматриваемой группы слов является их фонетическая близость, вследствие чего очень многие пары корней отличаются друг от друга минимальными фонетическими признаками, например *dak – tak, fik – pik, kink – klink, dup – tup; lap – lip, hib – hub, rop – ryp; cyrk – cyrp, knyk – knysk, rok – rop* и т. д., причем одинаковая степень различия может характеризовать как семантически тождественные корни, так и сильно расходящиеся в значении, ср. *babotać* ‘болтать’ и *blabotać* ‘то же’, с одной стороны, и *bobotać* ‘звучать, греметь’ и *blobotać* 1. ‘мигать (о свете)’, 2. ‘бормотать, заикаться’, с другой стороны.

В большинстве случаев сходство такого рода наблюдается в корнях с тождественным вторым и третьим компонентом и с различным превокалическим согласным: *hap – rjap – kap – lap – plap – šlap – pap – drap – sap – šwap* (10); *lip – klip – slip – drip – skrip – kšip – šlip – prip* (8); *cuk – fuk – puk – fruk – šuk – šćuk* (7) и т. д. Обильнее всего здесь представлены пары или ряды корней, в которых возможны замены превокалического элемента типа С – С (*bub – hub*), затем типа С – CR (*pisk – prisk*), R – CR (*rok – krok*) и т. д.

Корней, отличающихся друг от друга только поствокалическим элементом, очень немного. Предельная длина ряда в этом случае составляет всего пять корней: *dyd – dych – dyk – dyp – dyrk*, большинство же корней вообще не вступает в такие пары.

Корни, отличающиеся друг от друга только гласными, т. е. имеющие тождественный консонантный состав, образуют еще более короткие ряды, из которых самый длинный содержит четыре корня: *prask – prósk – prusk – prysk*. Среди пар такого типа немало семантических дублетов, например *brob – brub, knósk – knysk, plesk – plusk* и т. д., в остальных случаях различия в гласных сопровождаются семантическими расхождениями, как правило, разнородными и не позволяющими говорить о существовании какой-либо зависимости между звучанием и смыслом, хотя есть примеры, когда корни с разными гласными выражают разную степень одного и того же действия, например *chach-* ‘о громком хохоте’ – *chuch-* ‘о легком хохоте’ или *lap-* ‘хлебать’ – *lip-* ‘лизать’ и некоторые другие; прямое и переносное значение: *ćik-* ‘щебетать’ – *ćek-* ‘болтать (языком)’ и т. д.

Отмеченные здесь (по необходимости кратко) особенности фонетической структуры ономатопеических образований с суффиксом *-ot* в верхнелужицком языке заслуживают, по нашему мнению, более пристального внимания, в том числе и в связи с аналогичными образованиями других славянских языков, прежде всего западнославянских. Они, во всяком случае, любопытны как признаки явной фонетической упорядоченности одной периферийной (ономатопея) лексической и словообразовательной группы. Исторические и этимологические уточнения, касающиеся рассмотренных здесь слов, возможно, приведут к совершенно иному объяснению причин этой упорядоченности. Пока же можно только повторить, что фонетическая невыразительность (монотонность) поствокалического компонента корня, в частности на фоне разнообразия превокалического компонента, свидетельствует, по всей вероятности, о скрытых реликтах словообразовательных отношений.

В заключение хотелось бы обратить внимание на весьма показательную параллель из литовского языка. В известной работе А. Лескина [Leskien 1902], посвященной литовским глагольным (предикативным) междометиям, рассмотрено примерно 180 слов типа *dvàkt*, *plumpt*, которые оканчиваются на *t* (*st*, *št*), причем Лескина интересует именно грамматическая структура этих образований, которые он возводит к литовскому инфинитиву в одной из его синтаксических функций. С фонетической, а возможно и с этимологической и грамматической, точки зрения эти междометия сопоставимы со славянскими отглагольными дериватами, включающими формант *t*. Предварительный анализ слов, приводимых Лескином, показал, что они аналогичны славянским и в отношении интересующей нас фонетической структуры корня: форманту *t* предшествует в 98 случаях заднеязычный (*k*, *g*), в 53 случаях губной (*b*, *p*, *m*), и только в четырех словах, оканчивающихся на *-st*, с уверенностью реконструируется *-d*, в остальных (≈ 20 слов) характер последнего согласного корня этимологически не вполне ясен.

INDEX A TERGO

<i>*babotač⁵</i>	<i>*dychotač</i>	<i>šwjerkotač</i>	<i>*knyskotač</i>	<i>*klepotač</i>
<i>blabotač</i>	<i>smychotač</i>	<i>*ščerkotač</i>	<i>pryskotač</i>	<i>šlepotač</i>
<i>hrabotač</i>	<i>*dakotač</i>	<i>měrkotač</i>	<i>*cukotač</i>	<i>*třepotač</i>
<i>škrabotač</i>	<i>*jakotač</i>	<i>*smorkotač</i>	<i>fukotač</i>	<i>*šepotač</i>
<i>drjebotač</i>	<i>*mjakotač</i>	<i>bórkotač</i>	<i>klukotač</i>	<i>lipotač</i>
<i>*škrjebotač</i>	<i>*skakotač</i>	<i>*mórkotač</i>	<i>*pukotač</i>	<i>kliپotač</i>
<i>*šćeбotač</i>	<i>takotač</i>	<i>kurkotač</i>	<i>*šukotač</i>	<i>slipotač</i>
<i>*hibotač</i>	<i>mickotač</i>	<i>šurkotač</i>	<i>ščukotač</i>	<i>*šlipotač</i>
<i>*libotač</i>	<i>*mjekotač</i>	<i>cyrkotač</i>	<i>hawkotač</i>	<i>dripotač</i>
<i>*bobotač</i>	<i>*ćekotač</i>	<i>*dyrkotač</i>	<i>kjawkotač</i>	<i>škipotač</i>
<i>blobotač</i>	<i>*šćeкotač</i>	<i>fyrkotač</i>	<i>ćawkotač</i>	<i>pripotač</i>
<i>brobotač</i>	<i>*škrěkotač</i>	<i>zyrkotač</i>	<i>směwkotač</i>	<i>*křipotač</i>
<i>drobot[áč]</i>	<i>*fikotač</i>	<i>*praskotač</i>	<i>kiwkotač</i>	<i>campotač</i>
<i>*bórbotač</i>	<i>hikotač</i>	<i>*spraskotač</i>	<i>ćiwkotač</i>	<i>himpotač</i>
<i>*bubotač</i>	<i>likotač</i>	<i>třaskotač</i>	<i>ścownikotač</i>	<i>klimpotač</i>
<i>hubotač</i>	<i>*mikotač</i>	<i>*prjeskotač</i>	<i>*dykotač</i>	<i>šlimpotač</i>
<i>brubotač</i>	<i>*pikotač</i>	<i>*wrjeskotač</i>	<i>knykotač</i>	<i>dumpotač</i>
<i>dydotač</i>	<i>křikotač</i>	<i>kleskotač</i>	<i>*sykotač</i>	<i>*pumpotač</i>
<i>*gagotač</i>	<i>*čikotač</i>	<i>pleskotač</i>	<i>chablotač</i>	<i>rumpotač</i>
<i>*gigotač</i>	<i>rejkotač</i>	<i>*chliskotač</i>	<i>łamotač</i>	<i>chrympotač</i>
<i>*rjehotač</i>	<i>smějkotač</i>	<i>kliskotač</i>	<i>drěmotač</i>	<i>*ropotač</i>
<i>huhotač</i>	<i>*holkotač</i>	<i>*piskotač</i>	<i>*hrimotač</i>	<i>*propotač</i>
<i>*chachotač</i>	<i>*hankotač</i>	<i>priskotač</i>	<i>*hromotač</i>	<i>topot[áč]</i>
<i>*machotač</i>	<i>kinkotač</i>	<i>*łoskotač</i>	<i>šrumotač</i>	<i>*pórpotač</i>
<i>směchotač</i>	<i>klinkotač</i>	<i>*moskotač</i>	<i>*stonotač</i>	<i>cyrpotač</i>
<i>*chichotač</i>	<i>*pinkotač</i>	<i>*knóskotač</i>	<i>*hapotač</i>	<i>*pišpotač</i>
<i>smochotač</i>	<i>*brinkotač</i>	<i>*chróskotač</i>	<i>*rjapotač</i>	<i>*dupotač</i>
<i>čerchotač</i>	<i>*frinkotač</i>	<i>próskotač</i>	<i>kapotač</i>	<i>*tupotač</i>
<i>*pjerchotač</i>	<i>šwirinkotač</i>	<i>*porskotač</i>	<i>lapotač</i>	<i>*stupotač</i>
<i>spjerchotač</i>	<i>ćinkotač</i>	<i>schluskotač</i>	<i>*plapotač</i>	<i>*dypotač</i>
<i>smorchotač</i>	<i>klunkotač</i>	<i>*kluskotač</i>	<i>*šlapotač</i>	<i>rypotač</i>
<i>čuchotač</i>	<i>frunkotač</i>	<i>*pluskotač</i>	<i>*rapotač</i>	<i>*drypotač</i>
<i>čmuhotač</i>	<i>*kokotač</i>	<i>spluskotač</i>	<i>*drapotač</i>	<i>syپotač</i>
<i>juchotač</i>	<i>*rokotač</i>	<i>pruskotač</i>	<i>rapotač</i>	<i>typotač</i>
<i>*nuchotač</i>	<i>*krokotač</i>	<i>truskotač</i>	<i>šwapotač</i>	<i>štypotač</i>
<i>snuchotač</i>	<i>mrokot[áč]</i>	<i>*břyskotač</i>	<i>*rjepotač</i>	

5 Знак * здесь и далее означает, что в использованных источниках, помимо глагола, зафиксировано существительное на *-ot*; квадратные скобки означают отсутствие глагола.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ КОНВЕРСИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (ФЛЕКТИВНАЯ ДЕРИВАЦИЯ)

Говоря о конверсии как способе словообразования, обычно имеют в виду переход основы мотивирующего слова в сферу словоизменения другой части речи, сопровождаемый сменой грамматических характеристик, типа парадигмы и возможными морфонологическими модификациями основы. Однако такой переход (смена или модификация парадигмы) может происходить и в пределах одной части речи (существительного). Тогда в качестве словообразовательного средства выступает не набор словоизменительных характеристик другой части речи, но другие словоизменительные показатели (другие значения грамматических признаков или другие формальные элементы) той же части речи (для существительного — показатели числа, рода, одушевленности / неодушевленности, личности / неличности, определенности / неопределенности, падежной парадигмы или типа склонения). Такой способ внутрисубстантивного словопроизводства особенно характерен для ономастики (топонимии, отчасти антропонимии), однако он встречается в большинстве славянских языков и в других лексических сферах, в частности в примыкающей к ономастике географической, календарной, в меньшей степени ботанической номенклатуре и в некоторых разрядах нетерминологической лексики. Преимущественное распространение этого типа деривации в сфере ономастики и пограничных с ней сферах может быть объяснено характерными для этих сфер особенностями номинации и связанными с ними механизмами и способами словообразования, а именно распространенностью номинации «вторичного» типа, использующей уже имеющиеся ономастические единицы (ср. словопроизводство фамилий на базе личных имен, прозвищ или топонимов, распространенность патронимических моделей в топонимии и т. п.), затем «асемантической» ономастических словообразовательных моделей, для которых суффиксальные средства оказываются слишком семантически конкретными.

Более полувека тому назад П. Смочинский в своем докладе на I Международном ономастическом конгрессе в Кракове обратил внимание на один из типов такой морфологической, главным образом внутрисубстантивной (внутриименной), деривации, которую он назвал *флективной деривацией* [Smoczyński 1961]. Речь шла о явлении лексикализации косвенных словоформ собственных имен, входивших в состав сложных ономастических единиц (прежде всего топонимов и микротопонимов), — явлении, известном в диалектах, памятниках письменности, современном просторечии. П. Смочинский анализирует случаи типа *na Matejkach*, *na Kopernice*, свидетельствующие о том, что формы род. п. ед. ч. *Matejki*, *Kopernika* в составе названий улиц *ulica Matejki*, *ulica Kopernika* стали восприниматься как формы соответственно им. п. мн. ч. и им. п. ед. ч. жен. р. и вследствие этого приобрели все морфологические черты этого типа имен. Данный тип деривации, таким образом, связан с компрессией составных наименований и предполагает стадию употребления косвенной формы имени в качестве несклоняемой (*ulica Matejki* > *Matejki*, *ulica Kopernika* > *Kopernika*), а также существование омонимии грамматических (падежных) форм, позволяющих отождествить косвенные формы с «лексическими» формами им. п. других парадигм.

Подобные примеры известны и другим славянским языкам, хотя они не всегда имеют тот же конечный результат. Например, в аналогичных русских конструкциях с названиями улиц и других микротопонимических объектов процесс может остановиться на стадии усечения (эллипсиса) родового термина, а собственное имя может остаться несклоняемым, ср. *площадь Свердлова* > *Свердлова* (*Я выхожу на Свердлова*). Этот же результат представлен в календарных терминах, лексикализирующих форму род. п. ед. ч. имени святого, ср. украинские названия праздников: *Дмитра* (*Гмитра*), *Луки*, *Маковея*, *Андрея* и т. д., в которых консервации формы род. п. способствуют и наиболее типичные синтаксические конструкции: *на Андрея*, *до Андрея*, *против Андрея*, *назавтра Андрея*, требующие как раз формы род. п. имени.

Даже в пределах одного типа дериватов возможны разные результаты (конечные стадии) этого процесса. Например, русские фамилии, восходящие к формам род. п. мн. ч. соответствующих антропонимов (имен, прозвищ, фамилий), типа *Черных*, *Петровых* в одних случаях (чаще всего) дают несклоняемые формы: *Петровых*, *Невинных* и т. п., в других — склоняемые формы: *Черных*, *Черныха*, *Черныху* и т. д., в третьих — колеблющиеся формы: *Крученых*, род. п. *Крученыха* и *Крученых*, дат. п. *Крученыху* и *Крученых* и т. д.¹

В рассмотренных П. Смочинским явлениях флективной деривации (лексикализации косвенных словоформ) присутствует некоторый элемент случайности, объясняемый зависимостью самого акта деривации от возможности воспринять ту или иную косвенную форму как одну из «лексических» форм. Вместе с тем сам процесс вторичной онимизации путем морфологической (флективной) деривации вполне закономерен и связан с указанными выше ономаσιологическими особенностями данного класса имен. В случае сопротивления языкового материала он останавливается на стадии неизменяемого собственного имени, а при благоприятных условиях (при возможности омонимического осмысления) приводит к полной смене словоизменительного типа мотивирующего слова.

По сравнению с лексикализацией косвенных словоформ, предполагающей в качестве условия эллипсис синтаксической конструкции и омонимии словоизменительных форм, значительно менее случайными и в своих результатах, и в самом механизме деривации оказываются явления так называемой плюрализации, т. е. лексикализации словоформы им. п. мн. ч., при которой мотивирующее (производящее) имя редуцирует свою числовую парадигму, а мотивированное (производное) слово становится именем *pluralia tantum*. Этот тип конверсии

1 Вопреки грамматикам, специальным исследованиям и нормативным руководствам, констатирующим и предписывающим несклоняемость фамилий этого типа [см.: Unbegaun 1972: 18, 32–33, 174–176; Калакуцкая 1984: 143–145], реально наиболее распространенные из них и структурно простейшие (со стертой мотивированностью) свободно склоняются по субстантивному склонению муж. р.

чрезвычайно распространен в славянской топонимии. К нему принадлежат целые пласты топонимов патронимического происхождения (типа вост.-слав. названий на *-овцы*, *-инцы*, *-овичи*, *-иничи*), производных от соответствующих фамилий или прозвищ. До сих пор кое-где еще можно наблюдать исходную стадию этого процесса: так, в полесском селе *Зосинцы* Ельского р-на Гомельской обл. большинство жителей носит фамилию *Зосинец*. Как и в случае лексикализации косвенных словоформ, описанном П. Смочинским, в этом типе деривации в качестве формального средства выступает смена грамматических характеристик: если антропонимы (фамилии) типа *Зосинец*, *Костюкович* обладали нормальной парадигмой обоих чисел, то производные от них топонимы *Зосинцы*, *Костюковичи* являются существительными *pluralia tantum*. То же происходит и с апеллятивными *дуб*, *брод*, *холм* при их топонимизации: *Дубы*, *Броды*, *Холмы*. Вместе с тем плюрализация представляет собой во многих отношениях совершенно иной тип деривации, чем флективная деривация у П. Смочинского. И дело не только в том, что она не зависит от возможности омонимического отождествления словоформ и не связана с синтаксическими условиями эллипсиса составных названий. Различие этих двух типов лежит в ономаσιологической плоскости: в случае лексикализации косвенных словоформ отсутствует ономаσιологический акт, а имеет место лишь трансформация уже имеющегося имени, а при плюрализации данного типа акт словообразования сопутствует ономаσιологическому акту топонимизации антропонима или апеллятива (в других случаях — антропонимизации или терминологизации).

В топонимии всех славянских территорий обнаруживается большое число параллельных названий в форме ед. и мн. ч., например *Студеница* и *Студенице*, *Студенец* и *Студенци*, *Локвица* и *Локвице*, *Дубравица* и *Дубравице*, *Коваћевац* и *Коваћевци* и т. п. в южнославянской области [см.: IMJ], *Dębina* — *Dębiny*, *Gorzysa* — *Gorzyce*, *Krzyńska* — *Krzyński*, *Kuźnica* — *Kuźnice*, *Oleśnik* — *Oleśniki*, *Rudnik* — *Rudniki* и т. п. в польской топонимии [см.: SMPP] и т. д. Очевидно, что мы имеем здесь дело с двумя разными топонимическими

моделями — сингулятивной и плюративной, что в ряде случаев находит подтверждение в их географическом распределении: есть зоны, где отчетливо преобладает один или другой тип². У восточных славян, в частности в Полесье, можно встретить еще немало случаев двойственности названий одних и тех же населенных пунктов: *Головчица* и *Головчицы*, *Голубица* и *Голубицы*, *Кочице*, *Кочица* и *Кочици*, *Щедрогор* и *Щедрогоры* и т. п. В этих колебаниях отражается конкуренция сингулятивной и плюративной моделей. Исторически соотношение этих двух моделей в топонимии и соответствующих им процессов плюрализации складывалось по-разному для разных топонимических категорий, разных языковых ареалов и разных исторических периодов, но несомненно, что сама возможность такого альтернативного распределения в топонимии связана с нерелевантностью для топонимов грамматического противопоставления по числу, т. е. утратой числа как словоизменной категории. Наряду с закономерными, мотивированными процессами плюрализации или сингуляризации (каковым, например, считается сингуляризация южнославянских топонимов на *-ичи*) для части названий следует предполагать вторичную (немотивированную) плюрализацию или сингуляризацию под влиянием продуктивной топонимической модели.

Кроме топонимии, плюрализация широко представлена в славянской, особенно восточнославянской, народной календарной терминологии, ср. полесские названия праздников типа *Коляды*, *Громницы*, *Гости*, *Благовестники*, *Вшестники*, *Крестители*, *Щодрики*, *Роздва*, *Русалки*, *Хресты*, *Радовицы*, *Водохрица*. Особый интерес, однако, представляет плюрализация в группе календарных названий, мотивированных антропонимами — именами или народными эпитетами христианских святых; ср. полес. *Вакулы*, *Варвары*, *Ганны*, *Головесеки*, *Паликоны*, *Палажки*, *Параски*, *Пятенки*, *Савы*

2 Для южнославянских пар на *-ić/-iči* установлено достаточно четкое ареальное распределение: в центральной сербохорватской зоне преобладают плюративы на *-iči*, а в периферийных — топонимы ед. ч. на *-ić* [см.: Rospond 1937: 120].

и т. д.; рус. *Аграфены-купальницы*, *Аксиньи-полухлебницы*, *Антипы-половоды*, *Василисы зимние*, *Дарьи — худые про-рубви*, *Калинники*, *Кузьмы-Демьяны* и т. д. Как и в топонимии, форма мн. ч. в названиях праздников не имеет никакой опоры в семантике и является сугубо формальным средством морфологической деривации. В большинстве случаев приведенным названиям-плюративам соответствуют на других территориях или в других народных традициях термины-сингулятивы, омонимичные именам святых (*Варвара*, *Головосек*, *Аграфена-купальница* и т. д.). Следует предполагать, что некоторые календарные плюративы представляют собой вторичные образования, возникшие из сингулятивов под влиянием характерной для названий обрядов и праздников модели *pluralia tantum*: *именины*, *поминки*, *святки*, *петровки* и т. п. Хотя категория *pluralia tantum* является по своей природе лексико-грамматической, а не словообразовательной, ее устойчивая связь с определенными семантическими группами существительных привела к тому, что форма мн. ч. приобрела статус словообразовательной модели и плюрализация стала использоваться как формальное средство деривации наряду с аффиксацией и другими словообразовательными средствами.

Хотя вопрос о соотношении и границах словоизменяемых и словообразовательных значений в сфере категории числа существительных остается дискуссионным [ср. Соболева 1979; Булатова 1983; Азарх 1984: 169–172], однако что касается фактов, рассматриваемых в данной работе, то принадлежность их к области словообразования как будто не вызывает сомнения.

В самом деле, семантическая независимость топонимов от мотивирующих их антропонимов или апеллятивов (географических, ботанических терминов и др.), не позволяющая считать их разными значениями одного слова, для современного состояния топонимии бесспорна и поддерживается регулярными деривационными связями между названиями поселений и названиями их жителей (независимо от направления деривации — от названия жителей к топониму или от топонима к названию жителей). Менее очевидна семантическая самостоятельность

календарных названий типа *Варвара, Варвары* ‘день св. Варвары, Варварин день’, где можно усмотреть нечто подобное метонимическому переносу типа *сочинения Пушкина > Пушкин* (ср. *изучать, читать Пушкина*) [см.: Василевская 1983]. Вместе с тем эти названия могут интерпретироваться и как явления безаффиксной конденсации составного наименования типа *Исаакиевский собор > Исакий*, рассматриваемой в рамках словообразования [см.: Виноградова 1984: 63–66].

Однако решающим доводом в пользу отнесения подобных фактов топонимической и календарной номенклатуры к словообразованию (а не семасиологии) оказываются их формальные признаки. Анализ плюративов – топонимов и календарных названий обнаруживает, что для них характерна не только редукция числовой парадигмы, но и смена других грамматических характеристик.

Так, польские топонимы-плюративы патронимического происхождения типа *Markowice, Karłowice* формально соответствуют не им. п. мн. ч., а вин. п. мн. ч. муж. р. Однако исторически они не являются лексикализацией формы вин. п. мн. ч., в отличие от примеров, рассмотренных П. Смочинским, где косвенная форма имени была обусловлена синтаксисом исходного составного названия. До XIV в. эти имена имели окончание *-icy* и формально совпадали с соответствующими патронимами [Taszycki 1958a: 174, 177; 1958b: 205–214; Urbańczyk 1978a: 211–212]. Можно думать, что именно эта смена флексии, поддержанная формировавшейся категорией одушевленности / неодушевленности, была знаком деривационного акта топонимизации антропонима (до этого топонимическое и антропонимическое значения синкретически совмещались в одной лексеме). Смысл замены *Markowicy > Markowice* был, однако, не в лексикализации формы вин. п. мн. ч., а в «отключении» нерелевантной для топонима категории одушевленности / неодушевленности, что привело к лексической эмансипации плюративов. Этот процесс коснулся не только топонимов патронимического происхождения, но и топонимов, производных от других названий лиц, например *Grotniki, Kuchary, Piekary* и т. п. [Urbańczyk 1978b: 213].

Аналогично польским, сербскохорватские топонимы типа *Рибариће*, *Поповце* (распространенные в зоне Кралево, Лесковца и др.) формально соответствуют также вин. п. мн. ч., т. е. тоже имеют сравнительно с мотивировавшими их патронимами модифицированную парадигму муж. р., но — в отличие от польских — сербскохорватские названия в форме вин. п. ареально ограничены и соответствуют «нормальным» формам им. п. мн. ч. с флексией *-и* на других территориях (*Рибарићи*, *Поповци*).

Точно так же польские названия стран типа *Włochy*, *Czechy*, *Prusy* отличаются от мотивирующих их этнонимов *Włoch*, *Czech*, *Prus* не только числовой парадигмой, но и отсутствием нормальной для таких слов категории личности / неличности (им. п. мн. ч. *Włosi* ‘итальянцы’, но *Włochy* ‘Италия’), а также нестандартными формами косвенных падежей (*we Włoszech*, *na Węgrzech*, *do Niemiec* и т. д.).

Восточнославянские названия праздников, в том числе и мотивированные антропонимами, тоже изменяются по образцу неодушевленных существительных и этим противопоставляются соответствующим личным именам. Ср. характерные полесские примеры: «Колись на *Варвары* ничога не рабили, а на *Саву* (т. е. на *Савы* — результат актуального фонетического перехода *ы* > *у* после губных. — С. Т.) матали клубки на матужки» (Гомел. Мзр. Жаховичи); «Коляду вуганяли на *Кресъцицели*» (Там же); «На *Олэксий*, на вэсни, девушки гадают» (Брест. Пнс. Лисятичи); «На гэтый *Юрэй* збираюцца вовкы вси у кучу» (Брест. Пнс. Ласицк); «Ведьма малако адбирае *над Посный Иван*» (Гомел. Гмл. Грабовка). Примеры показывают, что не только плюративы, но и названия праздников, имеющие грамматическую форму ед. ч., формально выделены из парадигмы соответствующих антропонимов и могут считаться их дериватами. Таким образом, смена формальных характеристик мотивирующего слова становится как бы компенсацией бесформенности конверсии как способа деривации, а словоизменительные и морфонологические показатели в таких случаях приобретают дополнительное — словообразовательное — значение.

Полевые разыскания в области метохийской топонимии и микротопонимии, проведенные сотрудниками сектора ономастики Сербской академии наук, обнаружили еще один, до сих пор не отмеченный тип названий, совпадающий по форме с род. п. мн. ч., который для данных говоров может также быть тождествен мест. п. мн. ч.: *Lōjzâ, Osojâ* и т. п. [Стијовић 1982: 123–130]. Как и в случае с сербскими топонимами, совпадающими с формами вин. п. мн. ч., здесь пока трудно сказать, являются ли обнаруженные формы примерами флективной деривации, подобно примерам, рассмотренным П. Смочинским (в таком случае для них следовало бы найти исходные составные названия, содержащие формы род. п. мн. ч. или мест. п. мн. ч.), или же мы имеем дело с особыми морфологическими средствами топонимизации, которые лишь омонимичны падежным флексиям косвенных словоформ, тем более что, по сообщению С. Стийовича, описанные им топонимы не имеют других словоизменительных форм.

Подобно категории числа, падежа, одушевленности / неодушевленности (личности / неличности), грамматическая категория рода также может включаться в систему морфологической деривации в рамках отдельных разрядов лексики. В некоторых топонимических системах, в частности в польской и — в меньшей степени — восточнославянской, средний род топонима, по-видимому, начинает восприниматься на определенном этапе развития и функционирования топонимии как специфический или характерный топонимический показатель, о чем свидетельствуют массовые примеры параллельных отадъективных или подобных им названий женского / мужского и среднего рода при общем преобладании в этой категории топонимов форм ср. р.: польск. *Kurów — Kurowo, Leśna — Leśno, Lipowa — Lipowo, Popów — Popowo, Sosnowa — Sosnowo, Wichów — Wichowo* и т. д. В Полесье и в этом случае отмечены дублетные по роду названия одних и тех же населенных пунктов типа *Споров — Спорово, Здитов — Здитово*, причем формы ср. р. — новые. Хотя исторически грамматический род топонима и может объясняться родом соответствующего географического термина (*село, город, весь* и т. п.), впоследствии

форма ср. р. явно приобретает независимый и универсальный характер. Этим объясняются колебания в названиях, обычно отражающие экспансию среднего рода.

Таким образом, рядом с развитой системой собственно деривационных (словообразовательных) средств, обслуживающих основной корпус апеллятивной лексики, в славянских языках существует область морфологической (в том числе флективной) деривации, использующей в качестве средств словопроизводства различные словоизменительные показатели (числа, падежа, одушевленности / неодушевленности, личности / неличности, типа парадигмы, рода) и обслуживающей периферийные и особые в ономаσιологическом отношении сферы лексики, такие как топонимия, антропонимия и пограничные с ними в структурном или функциональном отношении слои апеллятивной лексики.

– IV –

**ЛЕКСИКА
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ**

КЛЯТВА И ПРОКЛЯТИЕ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

В русском языке *клятва* как действие (вербальный акт) и как результат этого действия (вербальный «продукт») имеет два основных значения: во-первых, это особое обещание с акцентом интенсивности и торжественности (*клянусь служить Отечеству*); во-вторых, это уверение в истинности сказанного (*клянусь, что это правда*). Но если мы обратимся к польск. *klątwa* или серб. *kletva*, продолжающим то же самое праславянское слово **kļetva*, то они означают отнюдь не ‘клятва’, а ‘проклятие’, т. е. пожелание зла адресату (ср. *благопожелание* как пожелание добра). Как объяснить совмещение этих разных понятий в одной единице праславянского лексикона? Почему действие «клясться (приносить, давать клятву)» выражается в славянских языках глаголом **kļeti (se)*, означающим буквально «проклинать себя», а сама клятва может пониматься как «самопроклятие»? Для того чтобы это объяснить, придется обратиться не только к данным языка, но и к малым фольклорным формам, и далее к области этнографии, к языку и ритуалу древнего славянского права. Рассмотрим последовательно эти три уровня: 1. язык (**kļetva* и **kļeti (se)* — семантика и прагматика), 2. фольклор (малые формы проклятий), 3. ритуал (народное правосудие).

Язык

Итак, в славянских языках *клятва* или близкие формы (типа *клятба, клятьба, кленьба* и т. п.), продолжающие праслав. **kļetva*, имеют разные значения. В большинстве языков **kļetva* означает ‘проклятие’ или, вторично (шире), — ‘брань, ругань, инвектива’ (т. е. не только собственно проклятие, но и любое другое выражение отрицательного отношения говорящего к адресату), а более специальным может быть значение ‘церковная анафема’, ‘отлучение’ (в западнославянских языках и словенском) и т. п. Иногда в тех же языках **kļetva* может означать также и ‘клятву’ в русском понимании (часто это значение считается устаревшим), но обычно в значении ‘клятва’ используются продолжения праславянского

слова **prisęga* (от глагола со значением ‘касаться, прикасаться’)¹. Праславянское **kletva* имеет в некоторых языках еще значение ‘заклинание, заветие, заговор’. Ср.:

ст.-слав. **КЛАТВА** 1. ‘клятва’: **НЕ КЛЫНѢТЕ СЯ НИ Н(Е)В(ЕСЬ) МЬ НИ ЗЕМЛЕЮ НИ ИНОЮ КОТЕРОЮ КЛАТВОЮ.** 2. ‘проклятие’: **ЕМОУЖЕ КЛАТВЫ ОУСТА ЕГО ПЛЪНА СОУТЬ И ГОРЕСТИ І ЛЪСТИ.** [SJS 2: 32];

рус. **клятва**, диал. **клятба, клятьба** 1. ‘клятва, присяга’: **дать клятву, сдержатъ клятву, нарушитъ клятву**, диал. **клятву клатъ** ‘клясться’: «Клятву клал на образа» (пск.); 2. ‘брань, ругань, проклятие’: «Не матюк, а так, клятьба» (печор.); «Паралик с тобой! или Вихор тебя подыми! — это клятва называется» (пск.); 3. ‘заклинание’: «Клятва она и щас есть, кому охота, так бормочут что-то, когда пойдут в лес» (ср.-урал.) [СРНГ 13: 335, 336];

белор. **клятба** 1. ‘клятва’: «Клятба мне твоя не треба, а гроши подай, што ўкрав», 2. ‘проклятие’: «Не боюсь твоей клятбы» [Носович 1870: 239];

укр. **клятьба, кляття** (**клятва, кленьба**) 1. ‘проклятие’: «Ой, згадай про мене, здіями кляття з мене», 2. (реже) ‘заклятие’: «Як німа клятьба, то візьмеш скарб, а то, кажуть, ні» [Гринченко 2: 256];

1 Кроме слов **kletva* и **prisęga*, значение ‘клятва’ в славянских языках выражает слово **rota*, а предикатное значение ‘клясться’ — глаголы **kleti*, **prisęgati* и **rotiti*, из коих первый служит исходным для имени, а вторые, наоборот, являются отыменными дериватами (в свою очередь восходящими к глаголам). В семантическом развитии этих праславянских гнезд в славянских языках обнаруживается много общего, что позволяет считать их праславянскими синонимами. В синонимические отношения с этими словами могут вступать и иные праславянские лексемы, в частности **vęra*: др.-рус. **дати вѣру** ‘обещать, поклясться’ [СДРЯ 2: 299], с.-х. **vjera** ‘обещание, клятва’, **dati vjeru, držati vjeru, pogaziti vjeru, tvrda vjera**, свадебный термин **вереник** и т. п. [Грковой-Мејдор 2016], польск. **wiarołomstwo** ‘клятвопреступление’, **duša*: чеш. **dušovat se** ‘клясться, присягать’, **na tou duši** ‘ей-богу’, белор. **Дадушы, гэта праўда!**, с.-х. **vjera i duša**; **roka*: рус. **поручка, поручение, обручение, рукобитье, дать руку на отсечение**; **rekti*: рус. **зарекается, зарок**; **slovo*: рус. **дать слово, держатъ слово, честное слово** и др.

- польск. *klątwa* 1. 'изгнание кого-л. из христианской церкви, отлучение, анафема': «Podpadł pod klątwy biskupie» <Подпал под гонение епископа>, 2. устар. 'проклятие': *rzucić klątwę* 'произнести проклятие', 3. 'закливание': «Pierwszą klątwę już zaklęli, klątwę wianka i kądzieli» <Первое закливание уже произнесли, закливание девичества и материнского рода> [SJPD 3: 714];
- чеш. *kletba* 1. 'проклятие, пожелание зла': *vyprovázet někoho s kletbou* 'выпроводить кого-л. с проклятием', 2. 'проклятие, злая судьба': *být pronásledován kletbou* 'быть преследуемым злой судьбой'; *klatba* 1. 'церковное проклятие, анафема', 2. юридич. 'отлучение от семьи', 3. 'проклятие (например, отцовское)', 4. 'проклятие' (действие по глаголу «прокли- нать») [SSJČ 1: 878, 872];
- словац. *kliatba* 1. 'проклятие, пожелание зла': «Kliatby sa mu sypali z úst» <Проклятия сыпались из его уст>; *kliatba nad ich domom* 'проклятие над их домом', 2. 'несчастливая доля, судьба': «Aby nejaká kliatba nebola nad ich domom» <Чтобы никакого проклятия не было над их домом>, 3) церк. 'отлучение, проклятие': *cirkvená kliatba* 'церковная анафема' [SSJ 1: 701];
- словен. *kletev* 1. 'грубые слова, произнесенные в состоянии аффекта': «Govoril je grde, grozne, robate kletev» <Он произносил страшные, грозные, грубые ругательства>, 2. 'проклятие', 'злая доля': «Njegova kletev je se je izpolnila» <Его проклятие исполнилось> [SSKJ 2: 334];
- в.-луж. *klatwa, klatba* 'проклятие, отлучение, изгнание' [Pfuhl 1968: 255, Zeman 1967: 156];
- н.-луж. *klěše* 'проклятие' [Мука 1: 630];
- болг. *клетва* 1. 'клятва': *полагам клетва* 'покаяться', *нарушавам клетва* 'нарушить клятву', *клетва за вярност* 'клятва верности', 2. 'проклятие': *люти клетви* 'лютые проклятия' [РСБКЕ 1: 608];
- макед. *клетва* 1. 'клятва', 2. 'проклятие': «Тешка клетва ќе ти даам» <Наложу на тебя тяжкое проклятие>, 3. 'результат проклятия', 4. 'закливание', 'завет': *мајчина клетва*

да чуват <следовать материнскому завету> [Мургоски 2005: 317; РМНП 3: 340–342];

с.-х. *клетва* 1. ‘проклятие’: «Лоза му од клетве не померла» <Род его от проклятия не погиб>, 2. ‘клятва’: *дати лажну клетву* ‘дать ложную клятву’, *погазити клетву* ‘нарушить клятву’, 3. ‘грубые слова, ругательства’: «Кад би слушао очеву вику и клетву по кући, плакао би у својој собици» <Когда он слышал в доме крики и проклятия отца, он плакал в своей комнатке> [РСХКНЈ 9: 579].

Вот так выглядит распределение основных значений праславянского **kļetva* по языкам.

‘клятва, присяга’: ст.-слав., рус., белор., болг., макед., с.-х. (в остальных языках — **prisęga*);

‘проклятие, брань’: ст.-слав., рус. диал., белор., укр., польск., чеш., словац., словен., в.-луж., болг., макед., с.-х.;

‘заклинание, заговор’: рус. диал., укр., польск. (в остальных языках в этом значении выступают отглагольные дериваты типа *заклинание, заклятие*).

Имя **kļetva* — дериват глагола **kļeti* (*sę*), однако у глагола таких резких семантических различий, как в имени, нет. Во всех славянских языках простой переходный глагол, восходящий к праславянскому **kļeti*, означает ‘проклинать’, а его возвратный коррелят **kļeti sę* с буквальным значением «проклинать себя» означает ‘клясться, приносить клятву’. Что же касается производного имени **kļetva*, то у него такой возможности разграничить значения прямое и возвратное (направленное на адресата или на самого говорящего) нет, поскольку имя **kļetva* является общим дериватом как прямого, так и возвратного глагола: *kļeti* ‘проклинать, бранить’ > *kļetva*₁ ‘проклятие, брань’; **kļeti sę* ‘проклинать себя’ > *kļetva*₂ ‘клятва’ (букв. «проклятие себя, самопроклятие»). Это обстоятельство хорошо объясняет двойственность семантики имени и отсутствие такой двойственности у глагола, но все равно не объясняет, почему идея (акция) приношения клятвы выражается глаголом, означающим буквально «проклинать самого себя», а понятие клятвы — словом, означающим «проклятие, адресованное

самому себе», или «самопроклятие». Попробуем обратиться к э т и м о л о г и и праславянского глагола.

Единой, общепризнанной этимологии глагола **kļeti* не существует. Известны две основные версии. Первая связывает его с глаголом **kloniti*. Эта этимология, вполне выдержанная в формальном отношении (глагольные основы соотносятся апофонически: чередование *e//o*), в семантическом отношении, однако, не мотивирована. Мотивировку предложил А. Брюкнер, сославшийся на древний ритуал клятвы: «славянин во время клятвы склонялся до земли, касаясь ее рукой» [цит. по: ЭССЯ 10: 37]. Это объяснение было бы убедительным, если бы не одно обстоятельство: глагол **kļeti* ни в праславянском, ни в дочерних славянских языках не имел значения ‘клясться, приносить клятву’, это значение получал лишь соответствующий возвратный глагол **kļeti se*, буквальное значение которого, таким образом, было «ругать, проклинать себя». Этимологи, как правило, не обращали внимания на это обстоятельство. На особую семантику и синтаксис возвратного глагола **kļeti se* (управление творительным падежом, ср. др.-рус. «кляша ся оруж(и)емъ своим и Перуном бѣгомъ своим» [СРЯ XI–XVII 7: 193]), отличающие его от производящего невозвратного глагола **kļeti*, указал чешский этимолог И. Немец [1986: 157], справедливо связавший значения ‘ругать себя’ и ‘приносить клятву’ с характером древнего (праславянского) ритуала принесения клятвы. Об этом мы и будем дальше говорить подробнее. Заметим, однако, что этимология исходного глагола **kļeti* и в этом случае остается непроясненной.

Вторая этимология принадлежит Е. Бернекеру, который возвел глагол **kļeti* к индоевропейскому корню **kel-* ‘звучать, кричать’, расширенному формантом *en-* [Verneker 1: 525]. Эта этимология поддержана Г. Шустером-Шевцем [HEW 8: 547], а также авторами новых этимологических словарей отдельных славянских языков — В. Борысем [Boryś 2005: 233], Й. Рейзеком [Rejzek 2001: 277], М. Сноем [Snoj 2003: 279], которые приводят балтийские и другие индоевропейские параллели [см. также: ESJS 5–6: 317]. Учитывая достаточно естественную связь между значениями ‘кричать’ и ‘ругать, бранить,

поносить' (ср. рус. *кричать* (на кого-н.) в значении 'бранить, ругать'), а также отсутствие индоевропейских параллелей в первой версии, второе объяснение слав. **kļeti* следует считать предпочтительным².

Существует и еще одна этимологическая версия. Ее высказала эстонская славистка Анжелика Штейнгольд, которая связала этот праславянский глагол с глаголом **kolti* 'колоть, резать' и магическим ритуалом прокалывания, протыкания (следа, изображения врага и т. п.) как способа нанесения вреда — ритуалом, известным многим народам [Штейнгольд 1999].

В любом случае (какая бы этимология ни была принята) для славянского состояния остается насущным объяснение того, как из значения 'ругать, проклинать' и 'ругать себя' получилось значение 'клясться, приносить клятву'. Для этого нужно обратиться к экстралингвистическим данным, а именно к древнему ритуалу клятвы и самим формулам клятвы. Но сначала посмотрим, что собой представляет клятва как р е ч е в о й ж а н р.

Слово *клятва* в русском языке имеет два значения (см. выше), соответствующие двум разным прагматическим ситуациям, т. е. ситуациям с разными целями и разными ролями участников. В одном случае речь идет о клятве-обещании, или клятве-обязательстве: *Клянусь, что никому не скажу; Ей-богу, не подведу; Клянусь верно служить Отечеству*. Второй вид клятвы можно назвать клятвой-уверением, она связана с областью права, ее цель — заставить поверить в истинность сказанного, в том числе и в истинность высказанного намерения, обязательства. Например, *Клянусь, что верну книгу; Чтоб мне пусто было!* или *Клянусь, я этого не говорил!*; *Голову даю на отсечение!* Здесь говорящий прямо проклинает самого себя, т. е. желает себе того или иного зла, если его слова окажутся неправдой. Можно сказать, что клятва-обещание

2 Ср. предположение О. Н. Трубачева о связи **rota* 'клятва, присяга' с семантикой речи: «Вполне возможно, что слав. *rota* упрощено из **rokta* : **rekti*, ст.-слав. *решти*, рус. *речь*. <...> Так, славянский обнаруживает несколько специальных обозначений клятвы, присяги: *kļetva* — **kloniti*, т. е. 'колени-преклоненная клятва', **prisęga* к **sęgati* 'клятва с прикосновением к предмету', **rokta* 'клятва-формула' к **rekti*» [Трубачев 1957: 338].

и клятва-уверение отличаются еще и своей временной перспективой: первая относится к будущему времени и выражает намерение говорящего совершить или не совершить некоторое действие, а вторая относится к прошедшему времени, к тому, что уже совершилось (отчасти и к «перфектному» настоящему, где представлен его результат), и служит подтверждением истинности сказанного или сделанного. Вместе с тем их объединяет идея утверждения правды, идет ли речь о правдивости намерений или правдивости утверждений, иначе говоря, в той или иной степени на «глубинном» семантическом уровне клятва-обещание может пониматься как клятва-уверение.

Рассмотренные виды клятвы представляют собой перформативные высказывания (высказывания-действия), которые в полном виде состоят из трех частей: 1. основного глагола-перформатива *клянусь*, 2. «содержания», или «предмета», клятвы, т. е. конкретного намерения или утверждения, и 3. подтверждающей (усиливающей) формулы. Например, высказывание *Клянусь, что никому не скажу. Вот те крест!* включает все три компонента: 1. *клянусь*, 2. *никому не скажу*, 3. *вот те крест!* Оно может быть названо полным. Но высказывания-клятвы часто бывают неполными, например: *Я приду вовремя. Клянусь* (опущена формула подтверждения). То же может быть выражено с опущением глагола *клянусь*, т. е. с помощью одной лишь подтверждающей формулы: *Я приду вовремя. Ей-Богу.* или *Я этого не трогал. Руку даю на отсечение!* Понятно, что обязательным, не допускающим редукции, является компонент, выражающий содержание клятвы, тогда как первый или третий компонент может быть опущен, поскольку они способны друг друга замещать, т. е. каждый из них может выражать одновременно и само обещание-уверение, и его интенсивность. Однако оба они не могут быть опущены, поскольку в таком случае высказывание перестало бы быть клятвой, а превратилось бы в обычное выражение намерения (*Я приду вовремя*) или простое утверждение (*Я этого не трогал*). Если опускается формула подтверждения, то оставшийся перформативный глагол *клянусь* приобретает экспрессивный характер (часто это выражается интонацией); если же остается одна

подтверждающая формула (*Вот те крест!*), то она передает не только экспрессию, но и модальность (намерение говорящего или уверение).

Если первые два компонента в своей жанровой форме однозначны (перформатив и сообщение / утверждение), то формулы-подтверждения по своему «жанру» и семантике могут быть разделены на два основных типа. Первый тип — это с а м о п р о к л я т и е (призывание зла на самого себя): *Не сойти мне с этого места!*; *Чтоб мне пусто было!*; *Разрази меня гром!*; белор. *Каб я бацькі-маткі не відзеў!*; польск. *Niech mnie Bóg skarze!* ‘Пусть Бог меня покарает!’³. Второй тип может быть назван б о ж б о й. Это апелляция к высшему авторитету, сакральному символу или моральной ценности: *Вот те крест святой!*; *Ей-Богу!*; *Бог свидетель!*; *Честное слово!*; *На то те Христос!*; *Вот те святая пятница!* Предложенная здесь терминология (*самопроклятие* и *божба*) условна; нередко слово *божба* употребляется и по отношению к самопроклятиям, т. е. объединяет обе жанровых разновидностей⁴. Однако жанровое различие между названными двумя типами формулы подтверждения клятвы невозможно игнорировать — это принципиально разные по форме «способы доказательства». В первом случае доказательством служит готовность говорящего принять на себя кару и всяческие беды, в другом — непререкаемое свидетельство высшей силы.

Если же сравнить эти два типа на уровне функции и прагматики, то их различия оказываются не столь четкими. Дело в том, что сама апелляция к Богу или иной высшей силе (солнцу, небу, звездам, земле и др.) в случае божбы может подразумевать как призывание их в свидетели, так и обращение к Богу

3 Ср. заключение советской воинской присяги: «Если же я нарушу мою торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение советского народа».

4 Ср. «Клясться именем Бога — большая клятва, но *право* считается *выше солнца*. Это самая страшная божба. Виды же божбы следующие: ей Богу! перед Богом!, право-ну! на то те Христос! На то те Микола! на то те Истинный <крест>! Вот те Истинный! Будь я проклят! провалиться мне на этом месте! лопни мои глаза! свядь душа!» [Иваницкий 1890: 119].

как к верховному судье, который может быть не только всевидящим свидетелем, но и карающей силой. В этом случае божба оказывается близкой к самопроклятию. Многие формулы божбы (особенно если учесть их естественную редукцию в речи — до междометий типа рус. *ей-богу*, серб. *дабоме*) допускают оба понимания: *На то те Христос!* может иметь в виду и Христа-свидетеля, и Христа-судью. В свою очередь, самопроклятие может подразумевать в качестве «исполнителя» призываемого наказания Бога или иную высшую силу, т. е. сближаться с божбой⁵.

Одни и те же формулы подтверждения могут использоваться в обоих видах клятвы, например в клятвах-обещаниях может выступать формула самопроклятия, а в клятвах-уверениях — формула божбы. Наконец, нередко оба способа уверения (самопроклятия и божбы) используются совместно, подкрепляя друг друга, например *Ей-богу, вот не сойти мне с этого места!* Соотношение видов клятвы и жанров формулы-подтверждения представлено в таблице.

виды клятвы жанры клятвы	клятва-обещание (будущее время)	клятва-уверение (прошедшее или настоящее время)
божба	<i>Ей-богу приду, вот те крест святой!</i>	<i>Так и было, Бог свидетель!</i>
самопроклятие	<i>Клянусь, больше не буду, чтоб мне провалиться на этом месте!</i>	<i>Я своими глазами видел, разрази меня гром!</i>

Разные способы «уверения» и «доказательства» скрываются и в самом перформативе *клянусь*⁶, который может иметь разные формы управления и многообразные ряды управляемых

5 Ср.: «Человек, обвиненный в краже собаки, еще в XIV в. в Чехии мог перед судьями поклясться: “sem li ten pes ukradl, Bóh daj, bych opsěl jako ten pes” <если я украл этого пса, дай Бог, чтобы я превратился в этого пса>» [Немец 1986: 158].

6 О глаголе *клясться* как перформативе в русском языке см. [Гловинская 1993]. Ср. неперформативный характер рус. *присягать*, иные, чем у *клясться*, формы управления (*кому, на чем, перед кем, чем*) и, соответственно, иную семантику и прагматику клятвенных формул с этим глаголом.

объектов. Выше упоминалась статья И. Немца, который впервые обратил внимание на синтаксические свойства глагола **kleti se* (управление творительным падежом: *клясться кем, чем*). Если внимательно рассмотреть управление этого глагола в разных славянских языках, то окажется, что существует очень большое число синтаксических форм его управления, которые имплицитно указывают на разные типы клятвенного уверения. Кроме инструментальной формы, может использоваться форма аккузатива с предлогом: ср. с.-х. «клясться» *na viru* ‘верой’ (букв. «на веру»), *na vječne sve stvari* ‘всем вечным’ (букв. «на все вечное»), *o glavu junačku* ‘головой юнака’ (букв. «о голову юнака»), *po zvijezde* ‘звездами’ (букв. «по звездам»), *po sv. evangelije* ‘св. Евангелием’ (букв. «по св. Евангелиям»), *i Gospoda Boga* ‘Господом Богом’ (букв. «в Господа Бога»); форма локатива: *po oltaru* ‘алтарем’ (букв. «по алтарю»); генитива с предлогом: *vrhu čeda* ‘детьми’ (букв. «над детьми») и т. д. [RHSJ 5: 59]. В семантическом отношении все эти формы тождественны конструкциям с творительным падежом и столь же неоднозначны. В самом деле, что значит *клясться чем-либо*? Отчасти это проясняют сами объекты, которые могут указывать на характер клятвы. Так, если клянутся детьми, значит, готовы принести их в жертву в случае ложного утверждения; если клянутся алтарем, значит, обращаются к этому сакральному объекту как к гарантии правдивости своих слов; если клянутся головой, значит, готовы лишиться головы (ср. *голову даю на отсечение*) и т. д.

Эти краткие формулы производны от полных форм: творительный (или иной) падеж принимают имена тех лиц, предметов, сущностей, которые в силу своей особой значимости для клянущегося становятся залогом правдивости его слов. Например, серб. *sestra se kune bratom* «сестра клянется братом» подразумевает, что она говорит: «*Živi mi brat!*» или «*Tako mi živ brat!*» <Чтоб мой брат был жив> (т. е. «клянусь жизнью брата») [RHSJ 5: 59]. Сербы клянутся ближайшими родственниками (мать — сыном, родители — детьми, дети — родителями и т. п.), клянутся Богом, верой, душой, жизнью, здоровьем, смертной свечой, причастием, вином, церковью, землей и небом, огнем, «всем на свете», воины-юнаки клянутся оружием, конем и т. д. [Там же].

Глагол *клянусь* управляет еще и дательным падежом, что в стандартном случае указывает на собеседника, в то же время адресатом клятвы может мыслиться и некая высшая сила или сакральный символ (ср. *клясться перед Богом, перед иконой* и т. п.).

Фольклор

Исследователи языка древнего славянского права не раз обращали внимание на его близость к устной мифопоэтической традиции: «Особенно важно, что при всей специфичности жанра юридических текстов в ряде важных отношений они очень сходны с текстами народной устно-поэтической традиции (наличие параллельных конструкций, постоянных повторов, обилие формул, отчасти сходных с фольклорными, рифмообразные элементы, анафоры и т. п.). Уже это сходство свидетельствует о единстве истоков юридических и фольклорных текстов, принадлежавших некогда к единой устно-поэтической сфере. <...> Разительное сходство архаических мифопоэтических и предправовых формул свидетельствуется различными индоевропейскими традициями» [Иванов, Топоров 1981: 10, 25]⁷.

В данном случае нас интересуют формулы уверения, относящиеся к процедуре установления истинности показаний в судопроизводстве, т. е. то, что обычно называют клятвами или присягами. Именно такую функцию имеют самопроклятия⁸, которые и по структуре, и по семантике, и по языку очень

7 Ср. еще: «Общему прогрессу исследований в области языка права способствовали и работы, посвященные соприкасающимся с “предправом” и ранним правом областям древнеиндоевропейской и праславянской культуры (миф, ритуал, поэтика, социальные структуры, экономические понятия и т. п.). Все эти области для древнейших эпох (в частности, для позднепраславянской и ранних славянских традиций) составляли единую синкретическую систему. Именно поэтому термины, которые позднее рассматриваются как собственно юридические, в более раннюю эпоху имели существенно более широкую сферу употребления» [Иванов, Топоров 1978: 222].

8 Значительно реже вместо уверения-самопроклятия используется формула уверения с противоположным значением благопожелания, как, например, белор. «Дай, божа, так папраўдзе дзеткі свае пагадаваць і з людзьмі пароўняваць, як я папраўдзе кажучу!» «Дай, боже, мне так

близки к собственно проклятиям и могут пониматься как разновидность жанра проклятий, относимых обычно к малым формам фольклора⁹. Проклятия и самопроклятия могут совпадать дословно. Ср. проклятия (адресуемые другому лицу): *Разрази тебя гром!*; *Чтоб тебе не встать с этого места!*; *Чтоб ему пусто было!* — и самопроклятия (адресуемые самому себе): *Разрази меня гром!*; *Не сойти мне с этого места!*; болг. *Ако те лажа, господ да ме убие* «Если я тебе лгу, пусть Господь меня убьет»; словац. *Nech onemiem!* «Чтоб я онемел!»; вост.-серб. *Ако сам изльгал, очи ми испадле!* «Если я солгал, пусть глаза мои выпадут!» и т. п. Однако несмотря на структурное сходство и сходство значений, это совсем разные речевые и фольклорные жанры, имеющие разные функции. Самопроклятия сочетают в себе свойства проклятий и клятв, подобно тому, как эти значения ('проклятие' и 'клятва') сочетаются в славянском слове **klętva*. Самопроклятие — это проклятие по форме и внутренней семантике, но это клятва по прагматике (функции).

Формулы самопроклятий-уверений сохранились в живом употреблении до наших дней. Примером могут служить такие обиходные русские выражения, как *Провалиться мне на этом месте!*, *Чтоб мне сквозь землю провалиться!*, *Разрази меня гром!*, *Не сойти мне с этого места!*, *Лопни мои глаза!*, *Голову даю на отсечение* и т. п. Ср. также польск. *Żeby mnie Bóg skarzał (jak to nieprawda)* «Чтоб меня Бог наказал (если это неправда)» [НКРР 1: 178] или словац. *Čo by som hneď tu skamenel!* «Чтоб я тут же окаменел». Такие выражения употребляются в качестве клятвы-уверения, т. е. для подтверждения правдивости слов и высказываний (иначе говоря, в значениях 'честное слово!', 'истинная правда!' и т. п.). Смысл клятвы-самопроклятия состоит в том, что в случае неисполнения

же по правде детей вырастить настоящими людьми, как я правдиво говорю» [Federowski 1897: 388]. Клянущийся считает доказательством (подтверждением) своей правоты будущее вознаграждение от Бога.

9 Если проклятиям, их структуре, семантике и прагматике (функциям) посвящено немало работ [см.: Aјdacić 1992; Engelking 1989; 2010; Grochowski 1990; Иванова 2002; Nikolić 2010], то самопроклятиям до сих пор специального внимания не уделялось.

обязательства или обещания клянущийся готов подвергнуться каре, наказанию.

В некоторых (сравнительно редких) формулах самопроклятий оба компонента этого уверения (предмет клятвы и сама клятва) выражены эксплицитно, например: зап.-белор. *Каб мне пярун гумно запаліў, калі я гэта ўкраў!* «Чтоб мне перун (гром, молния) гумно сжег, если я это украл», *Каб я выцягнуўся удоўж лавы, коль гэта няпраўда!* «Чтоб я вытянулся на лавке (т. е. умер), если это неправда»; вост.-серб. *Ако сам изльгал, очи ми испадле* «Если я солгал, пусть мои глаза выпадут». Но чаще подобные уверения имеют редуцированный вид и ограничиваются формулой самопроклятия или божбы, оставляя предмет уверения невыраженным, ср. белорус. *Каб мне очи лопнули!* «Лопни мои глаза!» или рус. *Не сойти мне с этого места!* (подразумевается: если я говорю неправду, если я это взял, сделал и т. п.), или еще более свернутыми выражениями типа серб. *Тако ми вјечне муке!* «Клянусь вечными муками!», *Тако ми крста часнога!* «Вот тебе крест!», *Тако и неба и земље!* «Клянусь небом и землей!» (букв. «Мне свидетели небо и земля») [Карацић 1965: 273–274]¹⁰.

Клишированные формы самопроклятий в изобилии представлены в подборках малых фольклорных текстов (поговорок, благопожеланий, проклятий и других устойчивых выражений) разных славянских традиций. Как правило, они не выделяются в особую группу и объединяются с проклятиями. Между тем, как мы видели, они в функциональном (прагматическом)

10 Ср. еще сербские формулы самопроклятий-уверений: «Кад се заклинѹ говоре: Бога ми! Тако ми Бога! Славе ми! Тако ми славе! Светога ми! Душе ми! Здравља ми! Жива ми деца! Све ми живо! Среће ми! Крста ми! Очију ми! Куће ми! Стоке ми! Сунца ми! Леба ми! Тако ми овога и онога света! Не видело ме сунце! Тако ми овога леба што једем! Соли ми! Овога ми вина! Ове ми ракије!» <Когда клянутся, говорят: Ей богу! Богом клянусь! Клянусь славой! Клянусь всем святым! Клянусь душой! Клянусь здоровьем! Клянусь жизнью детей! Клянусь всем живым! Клянусь крестом! Клянусь своими глазами! Клянусь своим домом! Клянусь своей скотиной! Клянусь солнцем! Клянусь хлебом! Клянусь этим и тем светом! Чтоб меня солнце не видело! Клянусь хлебом, который я ем! Клянусь солью! Клянусь этим вином! Клянусь этой ракией!» [Грбић 1909: 311].

отношении оказываются совершенно особым типом выражений: если проклятия, подобно инвективам, выражают отрицательное эмоциональное отношение говорящего к адресату, осуждение его поступков, то самопроклятия имеют функцию клятвы и оказываются ближе к формулам божбы, чем к проклятиям; как и божба, они включены в широко понимаемый контекст народного права (традиционных юридических обычаев и установлений) и обслуживают одну из ключевых областей права — сферу доказательств, подтверждения правдивости показаний и утверждений, оправдания, уверения и т. п. Приведем выборочно некоторые материалы из имеющихся подборок:

- зап.-болг.: *Ако те лажа, господ да ме убие* «Убей меня Бог, если я лгу»; *Ако не е така, че се обеса* «Если это не так, повешусь»; *Бело видело да не вида* «Чтоб мне света белого не видеть»; *Госпот да ме тресне* «Порази меня Господь» (ср. *Госпот да го порази* «Порази его Господь»); *Крста ми* (сильнее: *Тако ми крс*) «Вот те крест»; *Крс (леп) че цаливам* «Крест (хлеб) целую»; *Леба ми* «Клянусь хлебом»; *Проклет да сам, ако не е така* «Будь я проклят, если это не так»; *По-арно змия (камик) да сам родила* «Лучше б мне тогда змею (камень) родить»; *Пусти опустел тое мой касмет* «Чтоб мне счастья не видать»; *Тако ми двете очи* «Клянусь своими двумя глазами» [Кепов 1936: 102; Друмев 1896: 230–231].

- вост.-серб.: *Ако лажем — да се одовде не померим (децата немам, очи да немам, устата да ми ишчепе)* «Если я солгал — не сойти мне с этого места (не иметь мне детей, остаться мне без глаз, пусть мне рот перекосит)»; *Ака неје тек — да се не померим от овова место (две деца имам, да ћи немам, дом да се не врнем, нође да си пребијем, очи да ми испадну)* «Если это не так — не сойти мне с этого места (лишиться мне моих двоих детей, домой мне не вернуться, чтоб ноги мне перебили, чтоб глаза мои выпали)»; *Ако сам тека рекла, бог да црка. А ако несъм рекла, ти да цркнеш* «Если это я сказала — чтоб мне сдохнуть. А если я не говорила — чтоб тебе сдохнуть»; *Ако сам това ја направил, децата дом да си не затечем* «Если это я сделал, не видать мне дома

и своих детей»; *Бог ми душа!* «Господь свидетель»; *Главу че си дадем за њега* «Головой ручаюсь за него»; *Да бог да, јутре не осьвнул, ако несъм рекъл истина* «Господи, чтоб мне утра не дожидаться, если я сказал неправду»; *Да бог да не дочекал сина да оженим* «Господи, чтоб мне не дожить до женитьбы сына»; *Да ми — очи испадну, ако сам рекла — син јединац оћоравеје, ако мецата неје тува, ако не је тека* «Пропади мои глаза, если я это сказала, — пусть мой единственный сын окривевает, если межа не здесь проходит, если это не так»; *Да ми умре мајћа — а само њу имам за заклетву — ако лъжем* «Пусть моя мать умрет — я только ею могу поклясться, — если я говорю неправду»; *Да не мрднем од овова место, ако сам ти преорал, и у мецуту да ме закопају* «Не сойти мне с этого места, если я залез на твою землю, и пусть меня в межу закопают»; *Да сам проклета, ако сам га ја узела* «Будь я проклята, если я его взяла»; *Да се клнем у оба сина, ако лъжем* «Будь прокляты оба мои сына, если я лгу»; *Побогу!* «Ей-богу!»; *Руће ми отсьну, ако сам ја това узел (прекршил, скршил, украл, учинил)* «Руки пусть мои отсохнут, если я это взял (нарушил, сломал, украл, совершил)»; *Тако ми бога!* «Ей-богу!»; *Тако ми крс* «Вот те крест!»; *Тако ми овија крс, лебац што га једем!* «Вот те крест, клянусь хлебом насущным»; *Тако ми Света Богородица (таја црквица, тија крс)* «Клянусь Пресвятой Богородицей (этой церквушкой, этим крестом)» [Златковић 1989: 252–254].

• словац.: *Ak nevravím pravdu (ak je nie tak, že pravdu vravím)* «Если неправду говорю (если это неверно, что я правду говорю)»; *Aj dušu na to oddýcham!* «И душу за это отдам»; *Akoby ch sa kňazovi spovedal!* «Как на духу» (букв. «Как перед священником исповедуюсь»); *Bodaj som bol cigáňom, ale to bude tak* «Пусть буду цыганом, но это так»; *Boh mi je svedok! (Bohom sa ti dokladám!, Nech ma pánboh prividi!, Nech nikdy Boha nevidím!, Nech nikdy božieho svetla nevidím!, Nech som boží!)* «Бог мне свидетель (Богом клянусь, Пусть Бог меня увидит, Чтоб я никогда Бога не увидел, Чтобы я никогда божьего света не увидел, Пусть я буду богов (т. е. умру)»; *Čo by mi hneď tu prišlo skapat!* (*Čo by som hneď tu skamenel!*) «Умереть мне на этом месте (Окаменеть мне на этом самом месте)»; *Čo by*

voda horela! «Пусть вода загорится»; *Do očí mi napľuj!* «Наплюй мне в глаза»; *Jednu hlavu mám, i tú stavím!* «Одна у меня голова, и ту ставлю»; *Krk si dám vykrútiť!* «Пусть мне шею свернут»; *Na moj dušu (Na moju dušu!, Na moju hriešnu dušu!, Na moju dušičku!)* «Клянусь (грешной) душой (душечкой)»; *Na moj pravdu! (Na moju statočnosť!, Na moje svedomie!)* «Клянусь правдой (Клянусь своей порядочностью, Клянусь совестью)»; *Nech do rána nedožijem!* «Не дожить мне до утра»; *Nech ma čert vezme!* «Черт меня забори»; *Nech ma hneď porazí!* «Пусть меня сразу же разобьет паралич»; *Nech ma tu hrom zabije!* «Порази меня гром на месте»; *Nech ma zem prehltnie!* «Пусть меня земля проглотит»; *Nech nikdy slnko božie na mňa nezasvieti!* «Пусть мне никогда божье солнце не будет светить»; *Nech oslepnem! (Nech otemniem!)* «Чтоб я ослеп»; *Nech sa na mieste prepadnem* «Чтоб я сквозь землю провалился»; *Nech sa z tohto miesta nepohnem!* «Не сойти мне с этого места»; *Nech som Kubo!* «Пусть дураком буду»; *Nech som pes! (Nech psom budem!)* «Пусть псом буду»; *Nech tu zdochnem!* «Чтоб мне сдохнуть на месте»; *Nikdy ma statočným človekom nepozov* «Подлецом буду» (букв. «Никогда меня порядочным человеком не называй»); *Nos si dám odrezat!* «Нос даю на отсечение!»; *Život na to položim!* «Жизнь за это отдам» [Zátarecký 1965: 285–286].

• белор.: *А каб я не даждаў дачку выдаць!* «Чтоб мне не дожить до свадьбы дочери»; *Да каб мае селішча запуславала!* «Чтоб моя усадьба опустела»; *Да каб мне бог нічога добрага не даў, калі няпраўда!* «Чтоб мне Бог ничего хорошего не дал, если это неправда»; *Да каб у мяне рукі адсохлі, да ногі колам сталі, калі няпраўда!* «Чтоб у меня руки отсохли да ноги стали колом, если это неправда»; *Каб з гэстага месца не сышоў!* «Не сойти мне с этого места»; *Каб мне бог да не памог, калі я брату няпраўду кажу!* «Чтоб мне Бог не помог, если я брату неправду скажу»; *Каб мне вочы лопнулі!* «Лопни мои глаза»; *Каб мне пярун гумно запаліў, калі я гэта ўкраў!* «Пусть мне гром гумно сожжет, если я это украл»; *Каб мне рукі адсохлі!* «Чтоб у меня руки отсохли»; *Каб мне язык стаў калом, коль гэта няпраўда!* «Чтоб у меня язык стал колом, если это неправда»; *Каб мяне чарты ` парвалі!* «Чтоб меня черти разорвали»; *Каб я ад гэтай*

печи не адышла, як я праўду кажу «Чтоб мне от этой печи не отойти, как я правду говорю»; *Каб я бацькі-маткі не відзеў!* «Чтоб мне отца-матери не видать»; *Каб я выцягнуўся удоўж лавы, коль гэта няпраўда!* «Пусть я вдоль лавки вытянусь (т. е. умру), если это неправда»; *Каб я да дому ні дашоў!* «Чтоб мне до дому не дойти»; *Каб я да заўтра не дажыў!* «Чтоб мне до завтра не дожить»; *Каб я з места не ўстаў!* «Чтоб мне с места не встать»; *Каб я здохла, калі няпраўда!* «Чтоб мне сдохнуть, если это неправда»; *Каб я колікам стаў!* «Чтоб мне колом стать»; *Каб я не даждаў (таго-та)* «Чтоб мне не дожждаться (чего-л.)»; *Каб я свету не бачыў!* «Чтоб мне света не видеть»; *Каб я скрозь зямлі праваліўся!* «Провалиться мне сквозь землю»; *Каб я так аглядаў сваю жывінку (калі гэта няпраўда, што я кажу)* «Чтоб я так видел свою скотинку (если неправда то, что говорю)»; *Каб я так вярнуўся, калі я няпраўду кажу* «Чтоб я так вернулся, если говорю неправду»; *Каб я так дахаты не дайшоўшы!* «Чтоб мне до дому не дойти»; *Каб я так з гэтага месца не ўстаў (не зышоў), калі гэта праўда* «Чтоб я с этого места не встал (не сошел), если это правда»; *Каб я так здарова была!* «Чтоб я так здорова была»; *Каб я так летца не даждала!* «Чтоб мне так летечка не дожждаться» [Выслоўі: 195–196]¹¹.

Как можно убедиться по приведенным примерам, разные славянские традиции обнаруживают значительное сходство как в структуре самопроклятий, так и в представленных в них мотивах: подобно тому как в формулах проклятий адресату желают самых страшных для него несчастий, касающихся его жизни, здоровья, дома, родных, имущества, веры и т. д., в самопроклятиях все эти же несчастья призываются говорящим на свою голову.

Таким образом, если на лексическом уровне мы имеем в славянских языках два основных значения праславянского слова **kļetva*: 1. ‘проклятие’ (от простого глагола **kļeti* ‘проклинать, ругать’) и 2. ‘клятва’ (от возвратной формы **kļeti se* ‘проклинать себя’), то параллельно этому в фольклоре мы имеем

11 Благодарю Е. Боганеву, М. М. Валенцову, Т. В. Володину, К. Женюхову за помощь в сборе фольклорного материала.

два вида паремий: 1. проклятия, употребляющиеся с целью навлечения зла на адресата (противопоставлено благопожеланию как пожеланию адресату добра), 2. самопроклятия, т. е. пожелания зла самому себе, употребляющиеся в качестве формулы уверения, доказательства своей правоты (невиновности, истинности сказанного).

РИТУАЛ

Клятва как ритуал представляет собой древнейший элемент культурной традиции, регулирующий социальные отношения между людьми. Помимо произнесения словесной формулы, ритуал включает условия (предписания и запреты), касающиеся места и времени, сопроводительных действий и жестов, содержания клятвы, способов уверения (ср. обычаи «клясться крестом» или землей, целование креста, иконы, евангелия, земли, испытание водой, ордалии, или «божий суд», и др.). По многим свидетельствам, клятва считается не только важным, но и опасным делом. Так, крестьяне Вологодской губернии «присягают <...> всегда неохотно, после долгого спора и препирательства. Иной отговаривается тем, что одежда на нем не чиста, поэтому не может приступить к присяге, другой — что скажет всю правду без присяги, считая ее тяжким грехом» [РКЖБН 5/3: 510].

У сербов «народ даје велику важност *заклетви*. Довољно је да се неко закуне Богом, па да му се поверује. Људи се у опште врло нерадо куну, па кад су и у праву, неће се за малу ствар заклетви. Ако би се неко заклео криво, народ сматра да је учи- нио тежак грех. Народ верује, да ће кривоклетника постићи Божја казна: умреће му неко у кући, или ће га снаћи штета у стоци итд. Од кривоклетника сваки се поштен човек клони. Човек који се криво закуне, по народноме је мишљењу покварен човек. Таквих људи има врло мало, једва да ће се наћи у сваком селу по који такав човек» «Народ придает большое значение клятве. Достаточно поклясться Богом, чтобы человеку поверили. Люди вообще очень неохотно клянутся, и даже когда считают себя правыми, не станут клясться по незначительному поводу. Принесение ложной клятвы считается тяжким грехом. Народ верит, что клятвопреступника постигнет божья кара:

умрет кто-то из его семьи или же что-то случится с его скотиной и т. п. Считается, что клятвопреступника или лжесвидетеля порядочный человек должен сторониться. Человек, нарушивший клятву, по мнению народа, испорченный человек. Таких людей вообще-то очень мало, едва ли в каждом селе найдется такой» [Грбић 1909: 322].

У сербов был распространен и обычай коллективной клятвы: «Узну сол и леб, а се клну на сред село. Прво тија, што му је штета напрајена, сас шуле ређију збира човеци. Па кад се зберу, сваћи од-ње испију по чашку, и сви се заклучу по ред: — Очи да немам, ако сам ја! Или: — Да ме загуши! Да не видим бело видело! Да не видим добро! И све тека. Пину ређију, и топну сол сас леб. А кој је крив он не смеје (ни) да пине. Това је селска клетва у наше село, најтешка. Кој се там криво заклучне, дом му се затре» <Возьмут соль и хлеб и клянутся посреди села. Сначала тот, кому нанесен ущерб, созывает людей с чашкой ракии. Когда все соберутся, каждый из них выпьет по чаше (ракии) и все по порядку станут клясться: «Без глаз мне остаться, если это я!» Или: «Пусть меня задушат!», «Чтоб я света белого не видел!», «Чтоб мне не видеть!»». И все такое. Отопьют ракии и макнут хлебом в соль. А тот, кто виноват, не смеет пить. Это сельская клятва в нашем селе, самая тяжкая. Кто ложно поклянется, у того дом погибнет» [Златковић 1989: 267].

В материале народного правосудия мы встретимся с той же двойственностью, продолжающей двойственность языковой семантики и двойственность фольклорных (паремиологических) формул. А именно, с одной стороны, мы имеем практику *наказаний*, используемых в обычном праве, которые на акциональном уровне соответствуют семантике проклятий, закрепленной в слове **kletva* и в формулах злопожеланий типа *Разрази его (тебя) грам!* С другой стороны, в народной традиции мы имеем соответствующие виды самонаказания или символических наказаний самого себя, используемые для доказательства своей правоты, невинности. Такие самонаказания можно считать ритуальными (акциональными) коррелятами самопроклятий и клятв-уверений. Приведу три примера действий такого рода.

1. Ношение земли (на голове, на спине, на шее, на груди, в руках) в спорах о меже. Этот обычай хорошо известен в народном праве прежде всего южных славян, но не только. Ношение земли применяется и как форма наказания, и как форма самонаказания для подтверждения своего права на землю, для оправдания и уверения в своей невиновности — прежде всего в ситуации споров о границе владений (сельских или частных). Память об этом обычае сохраняется и в верованиях, и в поговорках, и в формулах проклятий и самопроклятий. Ср.: юж.-серб. «“Нећу ја да узмем земљу на врат због тебе”, рећи ће многи» <Многие скажут: «Я не стану из-за тебя брать себе на шею землю»> [Филиповић 1967: 141], рус. волог. «Пушай эта земля задавит меня, если я пойду неладно!» [Максимов 1903: 55].

Ношение земли как наказание. В народном правосудии воровство часто наказывалось тем, что пойманного вора заставляли носить украденное на шее, на спине, в руках (т. е. ему вешают на шею или на спину то, что он украл) и так водят по селу в сопровождении толпы, издающей позорящие крики, создающей громкий шум битьем в сковороды, заслонки и т. п. [см. подробнее: Толстая 2015а: 473–485]. Это касается и захвата чужой земли, только наказание обычно относится к посмертному существованию виновного. Считается, что «украденную» (присвоенную) землю виновник должен будет на «том свете» носить на себе: черногор. «Заузета земља премеђашу ће заувјек висити о врату на оном свијету» <Присвоенная чужая земля всегда будет висеть на шее нарушителя границы на том свете> [Барјактаровић 1952: 61]. На иконах в монастырях Черногории и Боки Которской такой грешник изображен горящим в пламени ада с плугом, который дьявол повесил ему на шею [Там же]. Такие же поверья известны в Хорватии, Болгарии и других регионах. В Герцеговине считали, что захвативший чужую землю и переместивший межевой камень (*премеђашу*) будет тяжело умирать и не сможет испустить дух, пока ему не принесут и не положат на грудь землю с межи.

С другой стороны, ношение земли (дерна) на голове, на шее или на спине могло быть способом доказательства,

клятвой или присягой. А. Н. Афанасьев приводит рассказ о том, как «в Рязанской губ. один простолюдин, оспаривая принадлежность луга, вырезал дернину, положил ее на голову и, оградясь крестом, клялся перед свидетелями, что если право свое на покос он утверждает ложно, то пусть сама мать родная земля прикроет его навеки» [Афанасьев 1: 148]. Русские Ярославской губернии, определяя границу, вырезали из дерна крест и несли его на голове, а в Уломе (Вологодская губерния) брали «кочку» земли со словами: «Пущай эта земля задавит меня, если я пойду неладно!» [Максимов 1903: 55]. В Череповецком уезде в том же случае брали землю в рот или клали на спину, на голову. В Костромской губернии «при спорах о земле <...> допускается обхождение межи с комом земли на голове» [РКЖБН 1: 123] (см. также [БВКЗ: 121] — Владимирская губерния; [Булашев 1909: 321] — Украина, Луцкий уезд). Распространенность этого обычая подтверждает С. И. Смирнов: «При спорах о земле как одно из судебных доказательств употребляется дерн. Вырывается кусок дерна, один из спорящих кладет его себе на голову и так обходит по меже, по границе участка, который он объявляет своим. <...> Этот распространенный прежде обычай идет из глубокой дохристианской древности. На него указывается в славянском переводе слов Григория Богослова по рукописи XI в. Много указаний на него в древних грамотах. Церковь боролась с этим языческим видом присяги и старалась заменить дерн христианским символом — иконой. “Образовое хождение” предписывает и Уложение царя Алексея. Но результатом этих усилий было то, что начали употреблять и икону, и землю: икону Пречистой брали в руки, а дерн клали на голову. Клятва землей самая страшная» [Смирнов 1914: 274–275].

Многokrатно описаны подобные ритуалы у южных славян. Так, у сербов «онај који се куне ископа из земље бусен, стави на њега соли и хлеба, окрене се истоку, прекрсти се и каже: “Тако ми ове земље у коју ћу; тако ми овога хлеба и соли без којих се не може ни живети ни умрети, право ћу казати куд је синор”. Онда стави на главу бусен с хлебом и сољу и прође онуда куда мисли да је међа. По завршетку

прекрсти се, пољуби бусен, хлеб и со и закуне се да је право рекао, а бусен, хлеб и со закопа у земљу. У неким крајевима ставља се земља у торбу, а торба о врат, те онај који носи торбу сипа земљу међом уз заклетву: “Ако криво казао — ова ми се међа нашла за подушје”» <Тот, кто клянется, выкапывает из земли кусок дерна, кладет на него соль и хлеб, поворачивается к востоку, крестится и говорит: «Клянусь этой землей, в которую (лягу); клянусь этим хлебом и солью, без которых невозможно ни жить, ни умереть, что правду скажу, где граница». Затем он кладет на голову дерн с хлебом и солью и идет так, как, по его мнению, проходит граница. После этого он крестится, целует дерн, хлеб и соль и клянется, что он говорит правду, а дерн, хлеб и соль закапывает в землю. В некоторых местах землю кладут в торбу, торбу вешают на шею, и тот, кто носит торбу, сыплет землю по меже и произносит клятву: «Если я солгал, пусть эта межа будет мне на помин души»» [Пурковић 1940: 81–82].

По обычаям сербов Косова Поля, «Ко “preore” zemlju, uzme busen i kamen u ruke, kuda prođe preko njive pred ljudima, tu se postavi međa; može se zakleti i u crkvi i pred ljudima» <Если кого-либо обвинят в нарушении межи, он возьмет кусок дерна и камень в руки, и где пройдет через поле в присутствии всех, там и будет граница; можно клясться и в церкви, и перед людьми>; «Kad se zavađeni rodovi i familije glože oko međe, tada spor rešava selo. Starci seoski su u tom slučaju rešavali spor oko međe, i to ovako. Oba parničara imala su da pokažu među, pa ako selo uspe da ih izmiri, spor je rešen, a ako ne uspe, onda traži od njih zakletvu. Zakletva se obavljala tako što bi starci napunili zobnicu sa zemljom, okačili je jednom parničaru o vrat i on je tako imao da prođe međom i da omeđi imanje. Ako su oba parničara želela da se kunu i nose zemlju na “šiji” onda je selo rešavalo, da nijedan ne nosi zemlju o vratu, već je sredinom spornog pojasa zemlje postavljalo među i posle toga više nije smelo biti raspre među parničarima zbog te međe. A ukoliko bi je bilo, selo bi onoga ko preore među i pomera je na taj način, “izbrukalo” i naređivalo mu da se pridržava određene međe. A ako ovaj ne bi poslušao, selo ga je proterivalo iz svoje sredine» <Если случался

спор о меже между родами или семьями, то спор решало село. Сельские старики решали этот вопрос о меже следующим образом. Обе стороны должны были показать границу, и если селу удавалось их помирить, вопрос считался решенным. Если же нет, то их заставляли клясться. Клятва совершалась таким образом, что старики наполняли землей мешок и вешали его на шею одному из спорящих, и тот должен был так пройти по границе и обозначить свое владение. Если же оба спорящих хотели принести клятву и нести землю на шее, то село решало, что никто из них не станет носить землю, а граница пройдет посередине спорной полосы, после чего распри по поводу межи должны были прекратиться. А если бы кто-то из них продолжал спор, то село «застыдило» бы нарушившего границу и подвинувшего ее и потребовало бы соблюдения установленной границы. А того, кто бы не послушался, изгнали бы из села»;

«Najčešće se međe obeležavaju kamenom. Ako ko “poore” (preore) među, onda nastaje svađa. Onaj koji sumnja da je međa preorana ili premeštena, kaže drugome: “Uzmi kamen na dušu tvoju i busen na rame, ako ih nosiš tom međom, tvoje je, ali na dušu ti bilo!” Onaj uzima busen i kamen pa ide i obeleži među — “to je međa”, kuda ovaj prođe. Ova druga strana tada govori, ako je dotični omeđio krivo: “Na dušu da nosiš i kamen i busen”» <Чаще всего границы полей отмечаются камнем. Если же кто-либо нарушит (распахнет) границу, происходит спор. Тот, кому кажется, что граница распахана или смещена, говорит другому: «Возьми камень “на душу” и землю на плечо, и если пронесешь их по меже, она твоя, но это будет “на твою душу”». Тот берет землю и камень и идет, обозначая межу, и межа будет там, где он пройдет. Другая сторона тогда говорит, если сочтет, что он отмерил неверно: «На свою душу будешь носить и камень, и землю»»; «Kad se dvojica spore oko međe, onda jedan uzme busen zemlje i stavi ga drugome “na šiju”, govoreći: “Hajde, pokaži među — odredi, ali ako uzmeš na vrat, nosi zemlju na vrat”» <Когда двое спорят о меже, тогда один берет кусок дерна и кладет другому на шею со словами: «Давай, покажи межу — определи, но уж если возьмешь на шею, то и носи землю на шее»» [Vukanović 1: 232–233].

В Пиротском крае клятва землей совершалась подобным образом: «За мецу, ка некој преоре, зберу се човеци, наплне му торбу сас земљу. Он пројде до куде оче да је меца, заклне се, и каже да је тува мецата. Заклне се: — Клнем се у моја деца да је овде меца, и да ђи оваја земља затрупа ако није тека. И меца остане тамо куде он расипе из торбу ту земљу. Пет. Това се ока селска клетва. Она је најтешка, стиса» <Если кто-либо нарушит границу поля, собираются люди и наполняют ему торбу землей. Нарушитель проходит там, где, как он считает, идет граница, клянется и говорит, что межа проходит здесь. Клянется он так: «Клянусь своими детьми, что межа здесь, и пусть эта земля их накроет, если это не так». И граница остается там, где он сыплет из торбы землю. Это называется сельская клятва. Она самая страшная, она исполняется» [Златковић 1989: 260].

Помимо прямых этнографических свидетельств об обычае клятвы землей, существует немало косвенных данных о нем, сохраняющихся в формулах обращений к земле как святыне (вид божбы) либо призывания наказания со стороны земли в случае ложной клятвы (проклятия и самопроклятия). Ср. формулы клятвы: серб. *Тако ми земље у коју ћу!* «Клянусь землей, в которую уйду»; *Тако ми гробне земље!* «Могильной мне земли» [Караџић 1965: 273–274]; болг. *Земя да го претисне!* «Чтоб его земля придавила» [Крумова-Цветкова 2010: 370].

Итак, в обычае ношения земли мы имеем примеры и наказания, и самонаказания-клятвы, а также соответствующие формулы проклятий и самопроклятий.

2. Обычай есть землю. Широко известна русская клятва-уверение *землю есть буду!*. Ср. также рус. диал. (казак-некрас.) *землю прикусить* ‘поклониться землей’ [СРНГ 11: 256], пск. «Вот не вру, землю есть буду!» [СППП: 42]; вост.-серб. «Што си ми отел — земљицуту, уста сас земљу да ти се наплне, а и земља да-ђи поједе» <То, что ты у меня отнял, — землицу, уста твои землей пусть наполнятся, и пусть земля их съест» [Златковић 1989: 252].

У русских крестьян этот обычай был известен еще в конце XIX в. Ср. свидетельства из Ярославской губернии: «Кое-где

сохранился обычай: в удостоверение справедливости своих слов брать в рот кусок земли» [РКЖБН 2/2: 64], из Калужской губернии: «Землю в знак клятвы едят: “съел ком земли”, хотя и весьма редко»; «Клятва землею, целование ее, съедание куска земли — самые страшные клятвы и употребляются в исключительных случаях. Поговорка “съешь ком земли — не поверю” означает — хоть умри человек, а уж ему не поверят» [РКЖБН 3: 395].

О том, что поедание земли могло расцениваться как наказание, свидетельствуют и некоторые современные контексты, в частности угрозы: рус. «Он у меня землю есть будет!» (кинофильм «Холодное лето пятьдесят третьего», 1987), «А Юлия Тимошенко обещала своим избирателям: “Вы у меня, суки, землю есть будете”» (газета «Комсомольская правда», 20.10.2009).

Вообще геофагия (поедание земли) совершалась в разных целях — как лечение (в частности, ее ели или пили в растворе беременные женщины и бездетные женщины), землю ели во время голода, а также в качестве наказания и самонаказания (для подкрепления клятвы) [см.: Филиповић 1929].

3. Камень на шее. Обычаю ношения камня на шее, в руках или на спине посвящена большая литература. О нем писали многие сербские исследователи и собиратели начиная с 1920-х гг. [Ђорђевић 1926; Филиповић 1933]. Как и в случае с землей, ношение камня могло быть и наказанием, и самонаказанием (клятвой, подтверждением истинности, невинности).

Ношение камня как наказание (*кажњаванье ношењем камена о врату*) было известно у католиков Далмации, Боснии и Герцеговины, Северной Албании и в некоторых районах Южной Сербии. Миленко Филипович приводит такой случай, записанный в католическом селе Центральной Боснии: «У Гмићима су ми казивали да је био обичај да се као покора пратарска држи камен о врату или дрво у устима. Неки пок. Шипа био је кажњен, стога што је отео девојку, да држи камен о врату. Његов је камен био толико тежак да га није могао да држи, него га је био заденуо за појас. Ко би био тако кажњен држао би камен о врату само за време мисе у неколико

недельных или праздничных дана. <...> И у суседном селу Лапсуњу зна се да је било обичаја да кривци за покору носе камен у врату, па још да, носећи тај камен о врату, на коленима обиђу око свега народа на миси око цркве» <В селе Гмичи мне рассказывали, что был обычай в качестве церковного наказания — носить камень на шее или дерево во рту. Некий покойный Шипа за то, что он похитил девушку, был приговорен носить камень на шее. Камень был такой тяжести, что он не мог его нести на шее и задел за пояс. Тот, кого так наказывали, держал камень на шее только во время богослужения несколько воскресений или праздничных дней <...> И в соседнем селе Лапсунь известен был обычай, согласно которому преступники в качестве наказания носили камень на шее, да еще, держа этот камень на шее, должны были на коленях обойти вокруг собравшихся на службу возле церкви> [Филиповић 1933: 307].

В Южной Сербии у племени мияков считали, что «сваком оном који изврши убиство душа после смрти одлази на дно пакла. А да би до дна могла dospети биће му обешено тешко камење о врат» <душа каждого убийцы после смерти попадает на дно ада, а чтобы она достигла дна, ему на шею вешают тяжелый камень>, поэтому на место убийства прохожие бросали камни потяжелее, говоря, обращаясь к убийце: «На шија да го носиш!» <Будешь его на шее носить> [Јелић 1931: 26]. В разных краях известно верование, что мельник на том свете носит на шее мельничный камень (потому что он нередко крал муку); в церкви с. Никольца около Белого Поля, по свидетельству М. Филиповича, есть фреска с изображением такого мельника; там же отмечено верование, что умершему мельнику вешают на шею камень; оно известно и в Славонии [Филиповић 1934: 239].

Мотив наказания ношением камня отражен и в вербальных формулах проклятий, ср. болг. *Камен ти на врат!* «Камень тебе на шею»; *Камене воденичарски му висели на оне свет на шијата!* «Чтоб у него на шее на том свете висели мельничные камни» [Крумова-Цветкова 2010: 376–377].

Но это же действие (ношение камня *на врату*, *на шији*, *на грлу*) могло быть и способом доказательства, уверения или оправдания, в таком случае оно представляло собой

к л я т в у - с а м о н а к а з а н и е. Известны случаи, когда с камнем на шее пострадавшие от несправедливости приходили к князю или другим представителям власти за защитой и справедливым судом (*идење на жалбу*), причем такие случаи в Черногории были нередки еще в XIX в. В своде законов черногорского князя Даниила (Законик Данила Првог, 1855 г.) содержалась статья: «Који би Црногорац или Брђанин по данас дошао судбу на жалбу, са обешеним каменом о врату, био прав, или крив, биће телесно кастигат» <Если кто-либо из черногорцев или жителей гор придет на суд с жалобой, повесив камень на шею, то, прав он или виноват, подвергнется телесному наказанию> [Ђорђевић 1926: 528]. Этому обычаю посвятил специальную работу И. Елич [Јелић 1931], который привел некоторые дополнительные фольклорные и этнографические свидетельства об этом обычае и попытался ответить на вопрос, что значит это ношение камня на шее. В сущности, ответ на этот вопрос содержался в словах самих жалобщиков, приходивших к князю или воеводе с камнем на шее, например: «Дошао сам, чоче, да се жалим Господару на главаре, што су ми насрамоту узели овцу, заклали и изјели, а нијесу ми платили, а овај сам крш објесио о грло да зна да ћу пристати на све што он рече и да га нећу кривити, па макар ме и на смрт осудио» <Я пришел пожаловаться князю на воевод, которые у меня бессовестно отняли овцу, зарезали ее и съели, а мне ничего не заплатили. А этот камень я повесил на шею, чтобы князь знал, что я приму все, что он скажет, и не буду его обвинять, даже если он осудит меня на смерть> [Там же: 8]. Камень на шее, таким образом, служил символическим наказанием, подтверждением готовности принять смерть, если жалоба и обвинение обидчикам несправедливы. Иначе говоря, это такой же символический акт, как и произнесение самопроклятия типа *Чтоб мне сдохнуть!*, только выраженный на языке действия.

Во многих случаях клятва землей и клятва камнем сочетались друг с другом или могли заменять друг друга, поскольку они имели одну и ту же функцию подтверждения, уверения, доказательства правоты. Ср. обычай черногорского племени Васоевичи: «Специјално за премеђавање у Васојевићима се куне

овако: премеђаш седне на камен (заклетва се обично полаже онде где је међа премеђена), узме у обе руке по камен и отприлике каже: “Ако није овде моја земља — све ми се скаменило; скаменила ми се ћеца, стока, берићет” и т. сл. По завршеној заклетви сви присутни кажу: “Амин!” Тиме је онај који се заклео постао власник спорног земљишта» <В случае нарушения межи у Васоевичей клянутся так: нарушивший границу садится на камень (клятва обычно приносится там, где нарушена граница), берет в руки по камню и говорит примерно следующее: «Если это не моя земля, пусть все мое окаменеет, окаменеют дети, скотина, урожай» и т. п. Затем все присутствующие говорят: «Аминь!» И после этого тот, кто принес клятву, становится владельцем спорной земли» [Пурковић 1940: 81; Вешовић 1935: 330].

Итак, я пыталась показать, как одна и та же смысловая оппозиция прямого негативного действия, направленного на другого (на адресата), и возвратного действия, направленного на самого себя, трактуется параллельно на трех уровнях: на уровне языка (в семантике продолжений праславянского **kļętvā* в славянских языках), на уровне фольклора (в формулах проклятий и самопроклятий) и на уровне ритуала (в оппозиции наказания и самонаказания). Данные архаических народных обычаев и используемые в них формулы служат убедительным объяснением семантической двойственности в развитии праславянского слова **kļętvā* в славянских языках (сочетание значений ‘клятва’ и ‘проклятие’¹²) и в то же время про-

12 Сочетание этих двух значений характерно и для других гнезд, синонимичных праслав. **kļęti*: ср. **rota* ‘клятва, присяга’, **rotiti* (*sę*) ‘принести клятву’ и ст.-чеш. *rotiti* ‘ругать(ся), бранить(ся)’, чеш. диал. *rotit* ‘то же’ [Янышкова 2013: 81], рус. диал. *potā* ‘клятва, обет, заклинание’, *potitsya* ‘клясться, божиться, присягать’ и ‘сердиться, гневаться’; словац. диал. *božit’ sa* ‘клясться, божиться’, *boženie* ‘клятвы’ и *bohovať* ‘ругаться, проклиная’, *bohovanie* ‘ругань’ [SSN 1: 139, 150]. Более того, внутренняя связь этих значений прослеживается и в других индоевропейских языках: «Лат. *sacramentum* ‘клятва’ и, возможно, хет. *lingais* (ср. греч. *élenchos* (ἔλεγχος)) говорят о потенциальном проклятии, своеобразно предопределяющем клятвенное заверение» [Бенвенист 1995: 336].

ливают свет на историю самого понятия (концепта) клятвы и ритуала принесения клятвы в славянской народной традиции. Этот параллелизм иллюстрирует таблица.

	прямое действие (направленное на адресата)	рефлексивное действие (направленное на говорящего)
Язык	* <i>klęti</i> ‘клясть, проклинать’, * <i>klętva</i> ‘проклятие’	* <i>klęti se</i> ‘клясться (проклинать себя)’, * <i>klętva</i> ‘клятва, присяга’
Фольклор	проклятие, пожелание зла адресату	самопроклятие, пожелание зла самому себе
Ритуал	наказание другого	самонаказание в целях уверения, клятвы

«ГЛАГОЛЫ СУДЬБЫ» И ИХ КОРРЕЛЯТЫ В ЯЗЫКЕ КУЛЬТУРЫ

Лексико-семантическое поле судьбы в славянских языках отличается повышенной глагольностью. На лексическом уровне это проявляется в том, что главные и наиболее распространенные у славян названия (имена) судьбы представляют собой отглагольные дериваты — или непосредственные, как *судьба* от *судить*, *доля* от *делить*, *рок* от *речь* ‘говорить’, или вторичные, как *участь* или *счастье*, восходящие к глаголу со значением ‘кусать, отрывать’ через deverбатив *часть* (*Бойся не бойся, а от части (от участи) своей не уйдешь* [Даль ПРН 1: 45]); так же и *жребий* восходит к глаголу со значением ‘резать, стругать’ [Фасмер 2: 47–48].

Однако глагольность проявляется не только на лексическом, но и на семантическом уровне. Семантика судьбы включает некоторые специфически глагольные (категориальные) значения. Судьба мыслится как результат некоторого действия, причем действия завершенного, законченного; это сообщает концепту судьбы семантический признак перфекта. Именно с этим признаком связан широко распространенный в фольклоре и литературе мотив неотвратимости и непреодолимости судьбы — ведь то, что уже состоялось, нельзя предотвратить. Такое толкование кажется противоречащим тому, что судьба одновременно мыслится как некий план или канва, по которой осуществляется, строится или ткется человеческая жизнь, а такое представление ассоциируется не с прошлым, а с будущим. Однако значение будущего относится к самой жизни, к событийному уровню, тогда как рисунок жизни, называемый судьбой, по народным представлениям, предшествует жизни или синхронен акту рождения. Отсюда его «перфектность».

Круг глаголов, вовлеченных в поле судьбы, весьма ограничен. Это либо глаголы из сферы знакового поведения: *писать*, *чертить*, *обозначать*, *назначать* (ср. *предписание*, *предначертанье*, *предназначение*), либо близкие к ним глаголы речевой деятельности: *судить*, *речь*, *изрекать*, *предрекать*, *гадать*, либо, наконец, глаголы конкретного физического действия:

делить, отделять, отрезать, от которых произведены и *доля, удел, недоля, обездоленный*, укр. *безділля*, и *часть, участь, счастье*. К последней группе многие этимологи относят и слово *Бог*, трактуемое как девербатив со значением ‘доля, участь, часть, богатство’, ср. значение слов *убогий, небог*, др.-рус. *сѣбожие* ‘зерно, урожай’ и т. п. [ЭССЯ 2: 161–163].

В связи с «глагольностью» концепта судьбы встает вопрос о субъекте действия, т. е. о том, кто судит, делит или режет, разделяет и наделяет. По-видимому, в обыденном языковом сознании действие, соотносимое с судьбой, являющееся ее «пре-суппозицией», лишено агенса, оно мыслится принципиально как безличное. Можно, конечно, считать, что агенсом является некая высшая сила, божество или природа. Разумеется, здесь возможна и подстановка Бога в христианском или ином смысле. Но это почти то же самое, что безличность.

Наоборот, в фольклорном сознании место агенса этого действия всегда так или иначе заполняется, а само действие предстает как вполне конкретное, совершаемое определенным лицом, наделяемым соответствующим именем. Предикатная схема обретает сюжетную плоть, понятие и имя *судьба* разворачивается не только в действие, соответствующее глаголу *судить*, но в полную конструкцию, включающую и деятеля, вершителя суда: таковы, например, сербский сказочный персонаж *Усуд* или духи судьбы *судженицы*. Все элементы конструкции объединены одним языковым знаком: *судить, суд* — *Усуд, судженицы* — *судьба, судьбина*. Точно такую же сюжетную тройку составляют *делить* — *доля* в значении ‘судьба’ и — *Доля* как персонаж, персонифицированная судьба.

Ситуация суда или дележа, раздачи жизненной доли, являющаяся в языковой семантике подразумеваемой, здесь не просто воспроизводится, разворачивается и проигрывается. Она становится чрезвычайно важным, многократно и ритуально повторяемым мотивом, получающим выражение в разных формах и жанрах традиционной культуры.

Рассмотрим сначала культурные, т. е. обрядовые и фольклорные, корреляты глагола *судить*. Соответствующее действие реконструируется не только из имени *судьба*, но и

из таких эпитетов, а затем и наименований жениха (реже и невесты), как *суженый* или *суженый-ряженный*. Таково обычное в восточнославянской традиции обращение к жениху в ритуале девичьих гаданий о замужестве. Например, украинские девушки вывешивали на ночь из окна полотенце, приговаривая: «Суженый, ряженный, приди и утрись»; жених должен был присниться во сне. В этой формуле появляется еще один глагол — *рядить*, обычно употребляемый в рифмованной паре *судить да рядить* (отсюда и *суженый-ряженный*), где *рядить* значит ‘управлять, распоряжаться, располагать по порядку, создавать порядок’, а также ‘предназначать, намечать’ (укр. *Человек мыслит, а Бог рядит* [Гринченко 4: 92]).

Сюжет, связанный с самим актом суда, мы находим в южнославянских верованиях о том, что на третий день после рождения ребенка в дом являются *суджае*, или *суджанице*, чтобы предсказать, предопределить, предрешить судьбу новорожденного. С этим верованием связан специальный ритуал: роженица в ожидании *суджениц* наводила порядок, переодевалась в чистую одежду, пеленала ребенка в чистые пеленки, обязательно присутствовала и бабка-повитуха. Возле ребенка ставили стакан вина, клали специальную лепешку (хлебце), ветку базилика и золотую монету. Все домочадцы перед сном молились Богу, чего обычно не делали. Считалось, что *судженицы* приходят в полночь. Мать или бабка во сне должны были разговаривать с ними. *Суджениц* было три: старшая во время обсуждения обычно высказывала пожелание, чтобы ребенок умер, средняя предрекала ребенку физические недостатки, а младшая, самая благосклонная, называла срок, когда ребенок женится или выйдет замуж, и определяла его участь и все, что случится с ним в жизни. Люди верили, что эти решения никакая сила не может отменить и вся жизнь новорожденного будет следовать назначенной судьбе. Подобно греческим мойрам и римским паркам, *судженицы* представляют собой мифических духов судьбы. Сербь считают их невидимыми девушками, которые проникают в дом через дымоход [СМР: 279–280].

Болгарские парки, очень похожие на сербских, носят имена *орисниц*, *речениц*, *наречниц* и т. п., производные от глаголов

речи. Один из этих глаголов, а именно *наричвам*, серб. *нарицати*, означает ‘оплакивать, голосить по покойнику’. О связи концептов «судьба» и «смерть» еще будет речь ниже. *Орисници*, по верованиям болгар, записывают свои предсказания на голове ребенка. Считается, что эти знаки можно видеть (ими являются линии на стыках черепных костей), но никто не умеет их читать [Маринов 1914: 170–173]. В связи с этими верованиями могут быть истолкованы выражения типа *на роду написано*.

Еще большее место занимают в традиционной ритуальной практике и мифопоэтическом сознании славян культурные корреляты глагола *делить* и имени *доля*. Действие деления целого на части, прежде всего деление хлеба (и вообще пищи), приобретает в народной традиции предельно ритуализованный характер и многократно воспроизводится в самых разных ситуациях и контекстах обрядового и повседневного поведения. Настойчивое повторение этого архетипического акта деления общего блага и наделения частью его каждого живущего, безусловно, имеет магическую цель подтверждения, поддержания и подкрепления того изначального распределения благ, которое происходит в момент появления на свет каждого человека. То, что именно хлеб оказывается символом не только имущества, богатства, благосостояния, но и вообще судьбы, доли человека, находит параллель во многих языковых клише, где хлеб метафорически означает человека или его жизнь. Таковы, например, выражения *отрезанный ломоть* ‘о взрослом и отделившемся сыне’, *одна с хлеба долой* ‘о выданной замуж дочери’, болг. *изял си хляба*, букв. «съел свой хлеб», т. е. ‘отжил свой век’, вост.-слав. *выскребок* и *поскребыш*, которые одновременно значат и ‘хлебец, испеченный из остатков теста’, и ‘последний ребенок’, и др.

Ритуал деления хлеба (каравая) составляет один из центральных актов славянского свадебного обряда. У белорусов каравай делил старший сват (староста), середина его предназначалась молодым, «подошва» — музыкантам, остальное — родным и близким, участникам свадьбы. Остатки каравая раздавали посторонним, чужим. Каждый старался получить хотя бы маленький кусочек каравая — его затем клали

в семена, чтобы был хороший урожай, давали скотине и обязательно ели сами [ЭБ: 246–247]. У поляков в северных районах Польши вместо каравая были простой хлеб и соль. Хлеб резался на мелкие части, и молодая, обмакнув каждый кусочек в соль, угощала всех участников свадебной трапезы [Karwicka, Cherek 1982: 69].

Подобный ритуал деления пищи и обязательного надления всех участников трапезы характерен и для многих календарных обрядов, сохранившихся до наших дней. Таков, в частности, широко распространенный обычай разрезания на мелкие кусочки освященного пасхального яйца и кулича, а иногда и всей освященной пасхальной еды, т. е. и пасхи, и мяса, и колбас, и т. д.

У южных славян общесельская трапеза и деление пищи составляют центральный эпизод празднования Юрьева дня. Принесенная из всех домов еда, прежде всего специальный хлеб и жареный юрьевский барашек (*курбан*, т. е. жертвоприношение), должны быть, подобно пасхальной пище, освящены. По болгарским верованиям, эта еда считалась окончательно освященной только тогда, когда священник, прочитав молитву и окадив еду, разрезал хлеб и барашка каждого хозяина на небольшие куски, предназначенные каждому участнику. Без этого разрезания, деления пища считалась неосвященной. Известный болгарский этнограф Д. Маринов рассказывает о случае, когда по неопытности молодой поп ограничился благословением трапезы и собрался уходить. Старики и женщины, возмущенные нарушением обычая, заявили, что не приронутся к еде, если поп ее не разрежет и не возьмет себе свою долю [Маринов 1914: 455].

Таким образом, мотив суда, деления общего блага на части, надления долей, судьбой каждого человека (с возможными акцентами на разных компонентах этого комплекса) разрабатывается традиционной славянской культурой весьма интенсивно и разными жанровыми средствами — акциональными, обрядовыми и вербальными, повествовательными.

Обратим еще внимание на само содержание понятия «судьба» в народном сознании. В сущности, ему чаще придается

общеоценочный смысл, подразумевающий либо добрую, счастливую, благополучную судьбу, либо злую, несчастную долю. Если же судьба понимается более конкретно, как некий рисунок жизни, то оказывается, что она включает очень немногое. Собственно говоря, в народном представлении судьба — это только два момента человеческой жизни, а именно брак и смерть, причем нередко содержание судьбы ограничивается именно этим последним, т. е. обстоятельствами и сроком смерти как важнейшего события жизни. На языковом уровне этому соответствует отмеченное в смоленских говорах значение ‘смерть’ у слова *судьба*. Добровольский в своем словаре приводит пример: *серца судьбу чуить*, т. е. предчувствует смерть [Добровольский 1914: 888]. И женитьба, и смерть могут одинаково называться *судом Божьим*, ср. у Даля поговорки: *быть ему нынче на Божьем суде* или *идти на Божий суд*, т. е. венчаться [Даль ПРН 2: 238–239] (вообще же на тему параллелизма брака и смерти существует огромная литература).

Известно множество сказок и быличек на тему неотвратимости судьбы (эта тема широко представлена и в литературе, в частности, она привлекала и явно волновала А. С. Пушкина). В этих сказках и быличках почти всегда речь идет только о женитьбе или смерти согласно предсказанной судьбе и вопреки всем обстоятельствам, предосторожностям и стараниям избежать предсказанного.

Таким образом, судьба понимается как результат некоего суда или судилища, совершаемого либо высшим божеством, либо от его имени его посланцами — персонифицированными духами судьбы, такими как *Доля*, *Усуд* или *судженицы*, либо, наконец, странниками, нищими, случайными встречными, которые всегда в народном сознании воспринимаются как представители иного, потустороннего мира. Неопределенность, недоступность, потусторонность того или тех, кто наделяет людей судьбой, их невидимость, неслышимость и бесплотность, сокрытость судьбы и в то же время ее непреложность заставляют людей искать и отгадывать свою судьбу, пользуясь некими знаками и магическими приемами, устанавливающими контакт с тем потусторонним миром, где решаются людские судьбы.

Этот мотив отгадывания, распознавания своей судьбы является основой весьма развитой в традиционной культуре славян системы гаданий, и прежде всего — гаданий девушек о замужестве, затем гаданий о судьбе новорожденных (по времени рождения, по звездам и т. п.) и судьбе больных (т. е. об их выздоровлении или смерти). Примеры слишком хорошо известны; здесь важно подчеркнуть две вещи: во-первых, во всех случаях гадание понимается как общение с нездешними силами и часто как дело греховное; во-вторых, в гаданиях о замужестве девушки часто обращаются к *Доле* как персонифицированной судьбе и к персонажам, которые «по ту сторону» соответствуют их будущим женихам, их *суженым-ряженым*. Общение обычно происходит во сне или косвенно, т. е. девушки получают «оттуда» некоторые знаки, подлежащие прочтению [Виноградова 1981].

При всей неотвратимости судьбы она нередко становится объектом игры, судьбу стараются обмануть или изменить, что, как правило, не имеет успеха или приносит мнимый и временный успех.

Таким образом, круг глаголов, принадлежащих лексико-семантическому полю судьбы в славянских языках, обнаруживает тесное семантическое переплетение, продолжающееся на уровне их экстралингвистических — ментальных, акциональных, символических — соответствий в традиционной народной культуре.

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ КОД В СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ: «ВОЛЧЬИ» БОЛЕЗНИ

Зоологический код в народной медицине славян занимает довольно скромное место. Тем не менее он обнаруживает себя в нескольких сферах: 1. в номенклатуре болезней и их названиях; 2. в представлениях о том, что животные (наравне с нечистой силой, мифологическими персонажами и т. п.) могут быть источником, причиной болезни, могут насылать на людей или переносить болезни; 3. в представлениях о способах лечения — животные, с одной стороны, могут быть целителями, лекарями, избавителями от болезней, а с другой стороны, они или их части, продукты, атрибуты и т. д. могут быть средством лечения, лекарством. Все эти сферы обнаруживают тесную связь друг с другом: болезни называются именами животных именно потому, что они считаются вызванными (насланными) животными, а роль животных как целителей и как лекарства связана с характерным для народной традиции принципом магического воздействия подобным на подобное. Главным источником сведений о зоологическом коде в народной медицине служат, помимо лексики, лечебные практики, поверья о причинах и духах болезней, и прежде всего — лечебные заговоры. Например, в польских диалектах (Великопольша) распространено название болезни скота «жаба» — это наросты на коже, обычно на спине, но иногда на морде, на языке или на всем теле. Причиной болезни считали жабу (лягушку) и для избавления скотины от нее «выгоняли жабу» из хлева: рассказывали, что был в селе человек, который умел выгонять жабу. Но лягушка служила и лечебным средством: надо было поймать лягушку и дать корове ее съесть, тогда ей полегчает. Или: надо расстелить пояс, дать лягушке трижды перескочить через пояс, а потом этим поясом трижды ударить больную корову [АЖКВ 10: 771; Moszyński 2/1: 186–188, 216, 319]. Связь болезней с животными порождала также такой способ магического лечения, как отсылка болезни к соответствующим животным, например, лишай в заговоре отсылали туда, где обитала его мать-сука: херсон. «Иды соби

на очерета <...> там йе стара сука маты, вона тебе буде годоваты» [Агапкина 2010: 429].

Набор животных, фигурирующих в лексике и текстах народной медицины, особенно в заговорах, может быть обширным или даже практически бесконечным — в том случае, когда они встраиваются в перечни потенциальных источников (или реже — жертв) болезни, например в украинском заговоре от испуга, где животные понимаются как возможная причина болезни: «Визиваю, викликаю перполох (испуг): овечий, скотячий, кінський, козячий, собачий, заячий, лисичий, вовчий, видмежий, ящириний, жабьячий, черепаховий, гадючий, сорочий, воронячий, курячий, утячий, гусячий, индичий, голубьячий, ластівьячий, перепеловий, орловий, шулічий (*шуляк* ‘ворон’. — С. Т.), синичий і солов’їний» (полтав.) [Иващенко 1878: 175, цит. по: Агапкина 2010: 104]. Иначе говоря, способом перечисления магически изгоняется испуг, от кого бы он ни исходил. Нередко перечни животных подключены к перечням людей: укр. «Чы ты чоловичій, чы ты жиночій, парубочій, дивочій, хлопячій, дытячій, цыганській, жывдивській, собачій, волячій» и т. д. [Агапкина 2010: 104]. Важно подчеркнуть, что существует и определенная «специализация» животных: одни связаны преимущественно с кожными болезнями, другие — с внутренними и т. д. Например, куры в восточнославянских заговорах «ответственны» за детскую бессонницу — к ним обращаются с просьбой забрать бессонницу и дать ребенку сон: смол. «Куры белые, куры рябые, куры желтые, куры пестрые, куры черные, возьмите свои ночницы, а младенцу и. р. дайте доброе здоровье и сон» [Попов 1903: № 47], калуж. «Куры рябые, куры белые, куры серые, разноперые, возьмите свои криксы у младенца Марии» [РЗЗ: № 219].

Теперь о «волчьих» болезнях. Поводом для моего обращения к ним послужили тексты чешских лечебных заговоров, собранные в книге Е. В. Вельмезовой [2004]. Мое внимание привлекли три термина: *vlčí mlha* ‘болезнь глаз’, *suchý vylk* ‘колтун’ и *vlk-šlapák* (значение неясно), отсылающие к образу волка. Вообще зоологический код в номенклатуре болезней разных славянских и неславянских языков представлен

целыми сериями названий, среди которых к наиболее распространенным относятся «свинные», «жабьи» и «собачьи» номинации; последними обозначаются преимущественно кожные болезни [см.: Володина 2006; Березович 2007: 501–517]. «Волчьи» названия обычно считаются разновидностью «собачьих» и часто параллельны им (ср. *собачье вымя* и *волчье вымя* ‘нарыв подмышкой’ и т. п.). Этот параллелизм распространяется и на другие лексические сферы, в частности и прежде всего на названия растений (ср. рус. диал. *волчья лапа* — *собачьи лапки*, *волчьи ягоды* — *собачьи ягоды*, *волчий перец* — *собачий перец*, *волчьи ушки* — *собачьи ушки* и т. д.) [СРНГ 5: 78–80; 39: 144–147]. Далее я кратко рассмотрю материал разных славянских языков и традиций.

В русском литературном языке из всех «волчьих» болезней известна только *волчанка* ‘туберкулез кожи, преимущественно хроническое поражение лица, ведущее в отдельных случаях к разрушению кожного покрова носа, слизистых оболочек рта, носа и век’ [БАС 1: 627]. Слово практически неизвестно русским диалектам, оно отсутствует в [СРНГ], в словаре Даля и отмечено только в словаре псковских говоров [ПОС 4: 132] — в том же значении, что и в литературном языке. Это обстоятельство вызывает подозрение о ‘научном’ происхождении термина (ср. греч. *λύκος*, лат. *Lupus vulgaris*, нем. *Wolf* с тем же значением), однако, учитывая весь «волчий» контекст народной медицины, такой вывод кажется преждевременным. Так, в русских диалектах известны *волк* ‘род злой накожной болезни, похожей на рак’ [Даль 1: 570], костр. *волчага* ‘кожная болезнь (лишай?)’: «Воўчага была, чесалася вся, досюль вся в пятнах» [ЛКТЭ], смол. *скраб волчий (ваўчиний)* ‘болезнь вроде коросты или чесотки, будто происшедшая оттого, что больной ступил на след лешего или волка’: «Скраб звяриный, скраб ваўчиный. Скраб лечат относами лесовому или лесному царю. Па тэй дарози прахадить нильзя: а то уступиш у скраб, будить чисатца тела. Скраб бывает собачий и волчий» [Добровольский 1914: 839], «Идеть челавак па дарози и видить: исчерчина, исцарапана дарога; па тей дарози прахадить нильзя: а то уступишь у скраб, будить чисатца тела. Скраб бываить

сабачий и ваўчыный» [Добровольский 1: 96], ср. с аналогичной внутренней формой юж.-слав. *сугреб* ‘кожная болезнь, возникающая от того, что человек наступил на место, где собака или волк (реже другие животные) мочились и гребли лапами землю’ [РСХКJ 6: 61; БНМ: 393–394]; далее ворон. *волчок* ‘диатез’: «Волчки замучили ребенка, никакие леки ни бяруть» [СВорГ 1: 243], урал. *волчица* ‘кожная болезнь, волчанка’: «У нее врачи признали волчицу: на щеке пупыришек в виде рака (у девушки). У нее отец сусликов ловит, волков — и вот волчица эта пристала» [Малеча 1: 258].

С «волчьими» названиями кожных болезней на мотивационном уровне соотносятся чрезвычайно распространенные во всех славянских языках ботанические названия жестких или колючих сорных растений (ср. ст.-слав. *вльчьць* ‘чертополох; колючка’, рус. диал. *волчага, волчажник, волчевник* и т. д. [СРНГ 5: 79–81], карел. (рус.) *волки* ‘жесткая трава’ [СРГК 1: 221], укр. гуцул. *вовки* ‘очень жесткая трава, которую не ест скот’ [Негрич 2008: 43] и мн. др.).

Иные значения «волчьих» медицинских терминов отмечены в других русских говорах: ленингр. *волчок* ‘волдырь, желвак’: «Овод как на тебя жогнет, и встанет на то место волчок» [СРГК 1: 224] (это значение, однако, широко известно в других славянских языках — см. ниже), костр. *волчье жито* ‘глазной ячмень’: «Волчье жито на глазу, кукиш в глаз тыкали» [ЛКТЭ], яросл. *волкоёдина* ‘долго не заживающая, гноящаяся рана’, *волк нутро выгрыз* ‘о тех, кто быстро худеет от тяжелой болезни (рака?)’: «Была баба бабой, а ей чего-тошь сделалось, за два месяца вдвое себя тоньше. Говорят, таким не жить, волк нутро выгрыз» [Там же]. В народной ветеринарии известны такие «волчьи» номинации болезней, как сиб., том., новг., Лит. ССР *волчий зуб* ‘зуб, выросший не на месте, клык’, смол., оренб. *волчки* ‘болезнь мозга у лошади и другие болезни скота’ [СРНГ 5: 80–81], что также находит инославянские параллели.

В белорусской народной медицине «волчьи» названия могут относиться как к кожным воспалениям и экземам, так и к нарывам и опухолям: «*Воўк* — злаякасны новатвор, які хутка расце і распадецца (саркома). За найлепшы сродак

бачаць прыкладанне да хворага месца на ноч разарванай напалам чорнай курыцы. За ноч воўк з'ядае цэлую курыцу, пакінуўшы толькі косьці. Пасля некалькіх сеансаў воўк гіне» [НМ: № 2829], *воўчае зубы* 'парша под хвостом лошади' [Federowski 1897: № 2511], *воўча цыцка* 'нарыв подмышкой' [ТС 1: 147] (то же *сучча цыцка, суччэ вымя*). Ср. также косвенное указание на связь кожных болезней с волком в поверьях: «Хто ступіць на тое месца, на якім воўк зарэзаў казу, ці дзе сабака шкроб лапамі, ці дзе быў зарэзаны певень, у таго будзе церабіцца цела» [НМ: № 1043]. Волчьи мотивы могут быть связаны также со зрением. При засорении глаза кто-либо должен оттянуть пострадавшему веко и сказать: «Воўк, воўк, вылізь вон» (при этом следует плюнуть в глаз) [Там же: № 2326] или «Ваўчок, ваўчок, вымі парушынку, ідзі ў лясок, закапай ў пясок» [Новак 2007: 35]. Единственное известное мне белорусское свидетельство о «волчьей» природе болезней типа прострела — записанное на Гродненщине выражение *воўчая шыя* 'болезнь, при которой нельзя повернуть шею': «Воўчая шыя зьела майго чалавека» (сообщила Т. В. Володина).

В народной медицине у к р а и н ц е в волчья тема представлена скудно. Кожные болезни манифестированы литературными *вовчак, вовчий лишай* 'туберкулезная болезнь кожи, особенно лица': «Вовчий лишай (вовчак) достав свою назву від зовнішнього вигляду хворого — обличчя його в запущених випадках наче погризено вовком» [СУМ 1: 712], черниг. *воўча шерс'т* 'родимое пятно' [ПЛНМ: 65], *вовчий лишай* 'особо болезненный лишай' [Ужченко 2005: 198]. Кроме того, есть несколько свидетельств, относящихся к разного рода воспалениям: ровен. *воўче горло* 'опухоль в горле' [ПЛНМ: 81], гуцул. *вовк* 'воспаление слизистой оболочки прямой кишки': «Не сідай на сиру землю, хлопчи, бо дістанеш вовка» [Нерич 2008: 43].

В польском языке, кроме немногих примеров, относящихся к кожным болезням (*wilk* 'туберкулез кожи, волчанка' [SJPД 9: 1103], 'конская парша' [SW 7: 611]), или названий, мотивированных характерным для волчьей темы признаком «дикости, чужеродности» (*wilcze mięso* 'волчье мясо, нарост на коже у людей', *wilcza kość* 'волчья кость, шишка,

твердый нарост у людей' [Karłowicz 6: 125]), появляются «волчьи» номинации, обозначающие болезни другого типа: *wilk* 'прострел': «У кого волк, тот не может оглянуться назад, а должен поворачиваться всем телом» [Там же: 126; SW 7: 611]. В кашубском словаре последнее значение сопровождается показательным примером «этимологической магии»: «Когда волк влезет в человека, нужно выпустить из хлева овец, тогда этот волк выскочит из человека и бросится на овец» [Suchta 6: 115]. Кроме того, Б. Сыхта приводит *vilk* в значении 'роговой нарост под конским копытом' и в значении 'воспаление (опре-лость) кожи между ягодицами' (*zapalenie między pośladkami*), близкое к другим «воспалительным» значениям.

Это последнее значение 'опре-лость, раздражение кожи' находит параллель в чешском и словацком народном языке: чеш. *vlk* 'опре-лость, особенно между ногами: «Он уже давно изна-сил пропотевшую рубаху, и штаны прилипают к его несчастной заднице; наверняка он заработает волка» [PSJČ 6: 1063; SŠJČ 4: 116], словац. геме-р. *vlk* 'то же' [Orlovský 1982: 388].

Еще одной сферой, контролируемой волком, в чешской народной медицине считаются глазные болезни. Представленная в заговорах *vlčí mlha* известна как название куриной слепоты, неспособности видеть в сумерках. Другое название куриной слепоты в моравских говорах — *vlčica*: «Печень суслика помогает от волчицы. Больной ловит су-слика, убивает его, вынимает из него печень и варит ее в новом горшке. Держит глаза над паром кипящей воды, а печень съе-дает. И мясо и суп из суслика помогают от волчицы» [Bartoš 1892: 225]. Что касается двух других «волчьих» болезней, упоминаемых в чешских заговорах, то можно предполагать, что *vlk-šlapák* также обозначает глазную болезнь, поскольку в заговоре присутствуют следующие слова: «Бегу я к одному парню, лезут ему волки в глаза, хочу ему помочь, будь то днем или ночью» [Вельмезова 2004: 92, № 33], тогда как *suchý vylk* 'колтун' должен быть отнесен к категории внутренних болезней, поражающих организм в целом, подобно золотухе или падучей, которые также могут трактоваться как «вол-чьи». Косвенным свидетельством неслучайности ассоциации

колтуна с волком и «волчьего» имени чешского колтуна может служить толкование русского диалектного фитонима (Лит. ССР) *волчий мох*: «Волчий мох в клевере, как колтун в голове» [СРНГ 5: 79].

В южнославянской лексике народной медицины в целом преобладают «волчьи» названия наружных, кожных заболеваний, при этом они в большей степени, чем это характерно для восточно- и западнославянских языков, связаны с народными представлениями о мифологической природе болезней и магическими практиками лечения. Ср. в болгарском языке: *вълкоедина* ‘болезнь кожная (нарывы, чирьи) или внутренняя (типа крапивной лихорадки); нередко смешивается с воспалением желез и золотухой’, *вълкоедина* ‘чирей’ [БНМ: 431]. Как причина, так и лечение болезни связываются с волком. По поверьям, этой болезнью рискует заболеть тот, кто съест брошенный на землю надкушенный плод (ср. *грызть* как характерный предикат волка); кто поест мясо животного, побывавшего в волчьей пасти, или кто ступит на место, где помочился волк. Больного подкуривали волчьей шерстью, промывали раны водой, простоявшей ночь под звездами (ср. «волчьи» названия звезд, в частности созвездия Плеяд и Большой Медведицы: рус. арханг. *волчица* ‘созвездие Большая Медведица (?)’ [АОС 5: 68], кашуб. *vilka* ‘группа звезд в созвездии Быка, Плеяды’ [Sychna 6: 155], с.-х. *vuk* ‘название созвездия’ [RHSJ 21: 611]), прикладывали к ранам плоды *волчьих яблок* (*Aristolochia clematitis* L.) и шерсть (или шерстяную нитку) от овцы, схваченной волком. Заговаривали болезнь, держа в руках челюсть или кость волка; на шею больному вешали шнурок из волчьей шерсти в качестве амулета. Для профилактики болезни новорожденного ребенка трижды протаскивали через *волчью пасть* — вырезанную вокруг пасти и высушенную часть кожи убитого волка [БНМ: 72–73]. Еще одно значение *вълци* — ‘болезнь горла’, (на него) *излезли вълци* ‘о том, кто потерял голос’ (вследствие вдыхания дыма от зажженного хвороста, на который помочился волк), ‘болезнь полости рта’ [Там же: 98, 417]. В еленском диалекте отмечено слово *вълчец* ‘опухоль, вздутие на деснах’ [Петков 1974: 22].

Македонских названий интересующего нас типа найти пока не удалось, однако в этнографических описаниях встречаются указания на то, что в окрестностях Скопье всякое упоминание об эпилепсии в прошлом должно было сопровождаться приговором «Вук при нас» <Волк с нами> [Плас 2000: 22–23].

В сербскохорватском языке *вук* и его дериваты, как и в других языках, используются прежде всего для номинации кожных болезней, разного рода ран, но также гангрены и ревматизма. Так, *вук* в народном языке — ‘потертость, рана, вызванная трением и потением’ [РСХКНЈ 3: 116]. К числу наиболее известных относится детская кожная болезнь *вукоједина*. В словаре Вука Караджича находим *вукоједина*, сопровождаемое изложением народных представлений об этиологии и лечении болезни: «Говорят, если беременная женщина ест мясо овцы или козы, которую загрыз волк, то на теле ее ребенка, когда он родится, появятся какие-то раны, которые называются *вукоједина*. Их окуривали *измичетом* (останками животного, съеденного волком, извлеченными из убитого волка) и так лечили» [Карацић 1852: 79]. В Восточной Герцеговине такие ранки на коже ребенка назывались *вукоједине* или *змијоједине* и также объяснялись тем, что его мать во время беременности ела мясо животного, ставшего жертвой волчьих зубов или змеино укуса [Filipović-Fabijanić 1968: 57]; в других местах считали, что *вукоједина* может поразить и взрослого, который поел такого мяса [РСХКНЈ 3: 119]. Для лечения этой болезни брали кость животного, задранного волком, затем обжигали ее, толкли в ступе, смешивали с маслом и полученной мазью смазывали раны [Грђић-Бјелокосић 1986: 217].

К болезням другого типа относится название *вучац*. В словаре Караджича для него дается значение ‘gangraena’ [Карацић 1852: 80], что в какой-то мере связывает его с областью наружных болезней. Другое значение термина — ‘ревматизм, болезнь суставов’: «Его всегда схватывает *вучац*, когда он в течение дня переутомится» [РСХКЈ 1: 454], «Соседа поразил *вучац* во все суставы» [РСХКНЈ 3: 132]; ср. еще диалектный фразеологизм *као да му е ушо вучац у кости* со значением ‘он сильно простудился’ (букв. «ему как будто *вучац* в кости вошел») [Станић 1: 109].

Среди народных названий эпилепсии (падучей) «волчьи» термины, кажется, не представлены, тем не менее в верованиях и медицинских практиках сербов и хорватов связь этой болезни с волком прослеживается. Речь может идти не столько о способах лечения падучей, когда в качестве лечебного средства используются части тела волка (поскольку волчьи атрибуты — волчья пасть, шкура, шерсть, волчий зуб, коготь, глаз, сердце, уши и т. п. — и вообще обращение к волку являются универсальными защитными и лечебными средствами [Ђорђевић 1: 231–238; Плас 1999]), сколько о семантическом подтексте, в котором названия и характеристики болезни соотносятся с названиями и характеристиками животного. Этот подтекст был вскрыт и интересно интерпретирован бельгийским ученым П. Пласом, который показал, что объединяющим оба концепта смыслом являются локус — «гора» («верх») и предикат — «падать», представленные, с одной стороны, в номинации болезни (рус. *падучая*, с.-х. *падавица*, *падаћа болест*, *горонад*, *горонаштина* и т. п.), с другой — в устойчивой характеристике волка как «сходящего (падающего, нападающего) с горы (с гор)», ср. в песнях «вучаров» (охотников, убивших волка и совершающих ритуальный обход села со шкурой волка) заклинание волка: «Дайте волку сала, чтобы он не сходил с гор» [Плас 2000].

В словенской традиции также обнаруживаются данные, подтверждающие связь эпилепсии с волчьей темой: «В 1940 г. в селах <...> в окрестностях Великих Лашч детей, страдающих падучей, окуривали волчьей шерстью» [Möderndorfer 1964: 326], однако во всех остальных (пока немногочисленных) словенских свидетельствах «волчьими» болезнями называются разные виды воспаления кожных покровов. Не исключено, что некоторые из такого рода названий, известных в разных зонах славянского мира, восходят к научной номенклатуре болезней.

Что можно заключить из приведенных данных? «Волчьи» болезни, оставаясь безусловно маргинальными в народной медицине и соответствующей лексике всех славян, тем не менее обнаруживают значительную общность и любопытные

параллели в отношении частных форм и значений между разными славянскими регионами (ср. хотя бы сев.-рус. *волкоедина* и с.-х. *вукоједина*, болг. *вълкоедина* с совпадающим значением или контексты, в которых «волчьи» болезни оказываются связанными с ходьбой или верховой ездой). Поскольку эта лексика (как и фразеология) по большей части принадлежит диалектам и является укорененной в архаической народной обрядовой и фольклорной традиции, предположение о ее древнем характере не кажется лишенным основания. Прослеживаемые в лексике «волчьих» болезней, в поверьях и медицинской практике мотивы обнаруживают полную согласованность с общей символикой и мифологией волка в народной традиции и в языке, где это животное устойчиво ассоциируется с чужим, диким, опасным, враждебным и противопоставленным человеку миром, олицетворяет некую демоническую и стихийную силу, с которой, однако, человек в своем существовании вынужден постоянно взаимодействовать. Это определяет продуктивность «волчьего кода» в самых разных сферах народной культуры и в лексических сферах языка (фитонимия, астрономия, метеорологическая, предметная лексика и др.). При этом лексика болезней особенно ярко демонстрирует взаимовлияние языка и культуры: если названия болезней могут мотивироваться верованиями, то в такой же степени они могут и порождать верования, объясняющие этиологию и практики лечения болезни на основе этимологической магии.

ЧЕШ. *NÁDCHA*, *NÁTCHA*, *NÁTKA* И ИХ ИНОСЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В современном чешском языке *nádcha* означает главным образом простуду, насморк, катар дыхательных путей:

nádcha (nátcha) ‘болезнь разного вида и происхождения, обычно сильный насморк, простуда, катар или воспаление в носу, во рту, рожа и т. п.’: «Nátka čili ohnīpar se zaříkává aneb kouří» <Натку, или огнипар, заговаривают или окуривают>; «Nátchu z toho leknutí <bába> dostala, hlava jí otekla, a kolem úst jí vyrazily horkostí samé, leží a zle si naříká» <Подхватила натку (баба) от испугу, голова у нее распухла, а вокруг губ появилось воспаление, лежит и злобно причитает>; *Okolo močidla chodě neujdeš nádchu* «Возле воды ходишь — не избежишь надхи» (поговорка) [PSJČ 3: 40];

nádcha (nátcha, nátka) ‘болезнь различного происхождения и типа, обычно сильный насморк, простуда, воспаление во рту, в носу, рожа и т. п.’: *dostat, chytit nádchu* ‘схватить, получить, вдохнуть надху’; *Okolo močidla chodě neujdeš nádchu* «Возле воды ходишь — не избежишь надхи» (поговорка) [SSJČ 2: 19].

В старочешском языке семантика этого слова также прежде всего связана с болезнями дыхания (но не только):

nádcha ‘Rotlauf, Katarrh’; исходное *nadъcha*. На месте *-dch* бывает *tch-*, а также *-dk*: «Ktož má kterou nadchu v nozě» <У кого-л. надха в ноге>; *Okolo močidla chodě neujdeš nádchu* «Возле воды ходишь — не избежишь надхи» (поговорка); *nadka* означает также ‘сердечный приступ, обморок, болезнь сердца’ («*cordiaca slove nadcha neb mdloba srdečná; nadcha, bolest srdce cordiaca passio*») [Gebauer 2: 447];

nádcha (к *naddchnuti*): 1. ‘впитывание, поглощение чего-л. едкого’: *Okolo močidla chodě neujdeš nádchu* «Возле воды ходишь — не избежишь надхи»; 2. ‘мед. недомогание в результате воздействия запаха, сопровождающееся тошнотой; сердечное недомогание, одышка и т. п.’ в соответствии с лат. *cordiacus*, ст.-чеш. также *srdojma*; 3. ‘в соответствии с лат. *extasis*, ст.-чеш. *omdlenie* ‘обморок’ [StčS 3: 47–48].

Известно «дыхательное» значение и в чешских диалектах, ср. *nátka* (*nádcha*): «Dostáunátku, huba mu opuchá» <Схватил натку, у него губа опухла> [Malina 1946: 66]; *nátcha* (реже *nátka*) ‘разные недомогания, вызванные главным образом простудой’: «Nátcha je dvojí: bílá a červená. <...> Taki pré je dobrí namast’it se sádlem a nakóřit. Aji zaříkávání říchtik pomože» <Натха бывает двух видов — белая и красная. <...> Хорошо от нее натереться салом и подкурить. Прекрасно помогает также заговаривание> [Gregor 1959: 106]; *natka*, *na(t)čisko*, *nádcha* ‘рожа’ [Horečka 1941: 121] и др.

В словацком языке мы имеем близкую ситуацию: *nádcha* ‘простуда, насморк (простудный, аллергический и т. п.)’ [SSSJ 3: 480]. Это же значение отмечается историческим и диалектным словарями:

nádcha ‘катар, воспаление слизистой оболочки носовой полости’: «Kdo zde chce dobrých dní zažít, musí s svetem spolu jednaké nádchy býti ‘rovnako zmýšľať, mať rovnaké názory’» <Кто хочет счастливо жить, должен быть с людьми одной надхи (т. е. иметь одни и те же взгляды)> [HSSJ 2: 375];

nádcha (*nátka*, *hnátka*), экспр. *nádčisko* ‘воспаление слизистой оболочки носовой полости, сильная простуда’: «Taku tam natku, že aňi dihadz ňemožem» <У меня такая простуда, что даже дышать не могу> [SSN 2: 252].

То же значение *натха* ‘насморк’ отмечено в з а к а р п а т с к и х г о в о р а х [ЭССЯ 22: 17]: *достати натху* ‘схватить насморк’ [Керча 1: 566].

В словенском языке Плетершник отметил два значения слова *naděha* (оба так или иначе, прямо или опосредованно, метафорически, связаны с дыханием): 1. ‘вдохновение, воодушевление’; 2. ‘то же, что *nahod* (*natha*)’ [Pleteršnik 1: 629]; причем *nahod* означает ‘насморк, подагра и под.’ [Там же: 640]. Аналогичное значение (‘насморк’) имеет с.-х. устар. *nadaha* [RHSJ 7: 252].

В современном словенском языке этой формы нет, но есть *naduha* в «дыхательном» значении ‘астма’ при *nadušiti* ‘тяжело дышать’ [Snoj 2003: 428]:

naduha (мед. *srčna naduha*) ‘болезнь с приступами удушья’: «Naduha ga muči» <Его мучит астма>; «Ima hudo naduho» <У него одышка>; *napad naduhe* ‘приступ астмы’ [SSKJ 2: 910].

Ср. в том же значении *nahod* (мед. *seneni nahod* ‘сенная лихорадка’) ‘воспаление слизистой оболочки носа, при котором выделяется слизь или гной’: *dobiti, imeti nahod* ‘получить, иметь наход’ [SSKJ 2: 923].

«Дыхательная» семантика и мотивация представлена также, правда весьма ограниченно и в особом значении (‘отрыжка’, ‘изжога’, ‘вонь’), в польском, украинском и белорусском языках. Варшавский словарь приводит статью *natcha* (*na* + **tcha* < **dch-/dch-*) ‘духота’ [SW 3: 188]; Я. Карлович определяет *natcha* как ‘удушьё’, ‘одышка’ [Karłowicz 3: 271]. В украинском *надха* означает ‘отрыжка’ [Гринченко 2: 487]; в Полесье *натха* — ‘изжога’ (Киев.) [ПЛНМ: 51]. Белор. *натха* означает ‘вонь’: «Натхи повна хата» [Носович 1870: 332].

Этимологически эта семантика дыхания кажется вполне мотивированной, поскольку слово трактуется как дериват глагола **nadъxnŋoti*. Ср. **nadъxa* — «соотносительно с глаголом **nadъxnŋoti*» [ЭССЯ 22: 16–17]; *nádcha* — «“Otekla li někomu tvář, měl náčhu, třebas ho zuby bolely” <Отекло ли у кого-л. лицо, у кого-л. насморк или даже зубы болели> <...> от глагола *nadchnŋiti* ‘заразить’: “(Saň) lidi okolo sebe smrdutým dechem nachla” <(Ведьма) людей вокруг себя смрадным духом заразила>» [Machek 1971: 387]; *nádcha* < *nadchnut’sa* (< *dochnŋut*) ‘наполниться духом, дыханием; воодушевиться’ [Králik 2015: 129, 378].

Стоит, однако, обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, в чешском и отчасти в других славянских языках название заболеваний дыхательных путей имеет несколько формально различных вариантов. Кроме формы **nadъxa*, известны формы **nadъka* [Machek 1971: 387], **natъxa* и **natъka*, которые считаются простыми фонетическими трансформациями этимологически исходного и надежно мотивированного слова **nadъxa* < **nadъxnŋoti* (ср. [ЭССЯ 22: 16–17], где эти варианты истолкованы именно так). Для чеш. *nádka* это может быть объяснено ассимиляцией *dx* > *dk*, для *nátcha* — ассимиляцией по звонкости – глухости; для *nátka* — последующим изменением *tx* > *tk* по принципу ассимиляции и под влиянием продуктивного суффикса **-ьk-*.

Во-вторых, как для формы *nádcha*, так и (особенно) для формы *nátka* нередко отмечаются значения, не имеющие никакой связи с дыханием, что лишает эти слова внутренней формы и прозрачной мотивации. Конечно, можно предположить семантическую деривацию внутри лексики болезней, но все же развитие от ‘насморка’ или ‘одышки’ к ‘роже’, ‘радикулиту’ и под. не кажется мотивированным. Можно также предположить, что генерализация семантики происходила благодаря (или через стадию) характерной для народной медицины персонификации болезни в образе мифологического персонажа, наносящего вред человеку, вселяющегося в него или поражающего его члены и органы.

Так, Ф. Бартош в своем моравском словаре дает такое толкование: *nátka* 1. ‘сложный недуг, такой как сглаз, нарыв, колтун; их 77 видов: ходячая (ходит по всему телу и нигде не может улечься); ломающая, дергающая, колющая, белая (раздранные ноги, живое мясо), желтая, черная, кровяная, жировая и др.’: «*Nátka sa mu složíla do nohy*» <Натка вошла ему в ногу>; 2. ‘растение мята, *Mentha Arvensis*’: «*Nátka je všech zelin matka, má do sebe léčivou moc všech ostatních zelin*» <Натка — мать всех трав, она обладает целительной силой всех остальных трав> [Bartoš 1906: 224].

Из этого определения видно, что в народном представлении *nátka* — это не одна, какая-то определенная, болезнь, а разные болезни, вызванные сглазом, порчей и т. п.

В особенности эта мифологическая трактовка *натки* характерна для чешских лечебных заговоров. В сборнике, составленном Е. В. Вельмезовой [2004], приводится 15 заговоров от *натки*, записанных чешскими собирателями XIX — первой половины XX в. В этих текстах болезнь (в ее персонифицированном образе) получает следующие наименования-обращения: *nátko* (3) — *nátko, nátko* (2) — *nátko, nátko, nátkoucí* (3) — *nátko, nátice* (3) — *nátko, nátko, nátice* (3) — *nádcho* (1) — *nátcho* (1); в одном случае заговор обходится вообще без обращения и названия болезни. Вот несколько примеров: «*Nátko, nátko, nátkoucí, rozejdi se z hlavy, tak jako se rozešli sousedé, když měli přísahati před Pánem Bohem. K tomu mi dopomáhej Bůh Otec, Bůh Syn, Bůh*

Duch svatý» <Натка, натка наткучая, выйди из головы, как разошлись соседи, когда должны были присягать перед Господом Богом. В этом мне помогай Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой» [Вельмезова 2004: 112, № 99]; «Nátko, nátko, nátkoucí, štípací a lupící, pálčící a polčící nedělej na těle žádného znamení, tak jako neroste kamení od Kristova narození» <Натка, натка наткучая, шипучая и хлещущая, палящая и жгущая, не делай на теле никакого знаменья (знака), как не растут камни от рождения Христа» [Там же: № 101]; «Nátko, nátko, nátice, jděte na hory a na skály, tam máte tři studnice, v jedné jedu, v druhé medu, v třetí krev. Tam pijte a hodujte a tomu tělu pokoj dejte. K tomu mi dopomáhej Bůh Otec, Bůh Syn, Bůh Duch svatý» <Натка, натка, натица, уходите на горы и на скалы, там у вас три колодца, в одном яд, в другом мед, в третьем кровь. Там пейте и пируйте, а этому телу покой дайте. Помогай мне в этом Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой» [Там же: 114, № 105].

Как видим, в текстах заговоров образ изгоняемой болезни, во-первых, соотносится преимущественно с формой *nátka* (13 из 15 случаев)¹, во-вторых, он не вполне согласуется с дефинициями словарей, в-третьих, мотивы, характерные для заговоров от *натки*, такие как изгнание прочь, в вечную пропасть, на красное море, на горы, на скалы, на луга, в леса, последовательное изгнание из всех частей тела, приказы не расти, не вредить, угрозы сжечь ее, приказы считать песок, звезды, листья на деревьях, в лесах пни, на лугах мох, взвешивать воду в море и т. п., обещание угощений в другом месте, а также присваиваемые ей эпитеты (*шипучая, хлещущая, палящая, жгущая, дергающая, сухая, холодная, жаркая, гнойная, по всему телу ходящая, красная, синяя, зудящая, едкая, злая, бешеная, колючая, громыхающая* и т. п.), формулы магического счета («было девять, от девяти восемь, от восьми семь и т. д.»), обращения к божественной силе за помощью, — все эти мотивы и формулы стандартны для лечебных заговоров разных славянских

1 Показательны также в этом отношении данные [ALJ], где для формы *nátka* приводятся 122 свидетельства, для формы *náčha* — 38 свидетельств, а для формы *nádcha* — восемь.

традиций, и прежде всего для заговоров от болезней, являющихся следствием сглаза и порчи (в частности, для заговоров от лихорадки).

Коллекцию заговоров и поверий о *натке* можно дополнить несколькими текстами, включенными в [ALJ]: «V Hamrech zažehnávali <nátchu>, třikrát říkajíce: “Bůh počal svou milostí, potkal nátky nátkoucí. Hned sou tu musely státi, Pánu Krystu povídat, že dou na tohoto <N.> jeho krev cecat, kosti loupat a maso šklubat, píchat a pálit. Von jim ráčil přikázat, aby toho ne dělaly, aby po jeho celým rozkaze chodily. Vodejdete do moře, tam písek přebírejte, vodu přelejvejte, a dříví lámejte, tomu tělu a tomu místu pokoj dejte. Amen”» <В Гамрах заговаривали (натху), говоря трижды: «Бог милостью своей встретил натху, натхучую. Тут же они должны были остановиться, Господу Богу сказать, что идут у того-то (имярек) кровь его сосать, кости ломать, мясо дергать, колоть и жечь. Он им изволил приказать, чтобы этого не делали, чтобы шли только по его указанию. Идите в море, там песок перебирайте, воду переливайте, деревья ломайте, а этому телу и этому мясу покой дайте. Аминь»» [Adámek 1900: 293, № 7]; «Ve jménu Otce †, Syna † i Ducha † svatého ústřeje, ústřelice, nátko, nátko, nátkovice, bolesti, bolesti, bolestice, děte na hory, na skály, sou tam tři studnice, v jedny med, v druhu jed, v třetí krev, jezte, pite a hodujte a tomuto tělu pokoj dejte. Ve jménu Boha Otce, Boha Syna, Boha Ducha svatého † † †» <Во имя Отца, Сына и Духа Святого. Устрел, устрелец, натха, натха, натховица, болезнь, болезнь, болезица, идите на горы, на скалы, там есть три колодца — в одном мед, в другом яд, в третьем кровь. Ешьте, пейте и пируйте, а этому телу покой дайте. Во имя Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святого» [Там же: № 1]; «říkali, že kdo nosí liščí jazyček na krku, má od nátkhy pokoj» <говорили, что кто носит на шее лисий язычок, тому натха не вредит» [Там же: 307, № 34]; «Nátcha je nemoc neurčitá sice, ale v zubech sídí. Nátcha chodí světem a loví své oběti zákerně. Otevře totiž dveře po jednu a zavolá člověka jménem. Jde-li člověk podívat, kdo to otevřel, pak dostane jistě nátku. Na nátku lid pevně věří a sřeží se ozvati se na zavolání» <Натха — вообще-то непонятная болезнь, она обитает в зубах. Натха ходит по людям и коварно охотится за своими

жертвами. Открывает дверь и позовет человека по имени. Если человек выйдет посмотреть, кто его звал, то непременно получит натху. В натху люди сильно верят и боится отзывать на имя» (1906, Kroměříž).

Все это наводит на мысль, что, возможно, мы имеем дело не с одной праславянской лексемой **nadъxa*, восходящей к глаголу **nadъxnŋoti* и означающей болезнь дыхательных путей (насморк, катар и т. п.), а с еще двумя мотивационными моделями. Одна из них также связана с дыханием, но не как страдающей системой организма, а как с одним из каналов воздействия на человека со стороны нечистой силы (ср. представления о том, что порча может быть нанесена путем дутья, веяния и т. п., ср. еще рус. прост. *надуть* ‘обмануть’). Ср. комментарий Е. В. Вельмезовой к заговорам от *натки*: «*Натка (nátka, nádcha)* — название этой болезни восходит к глаголу *nádchnúti*, который в старочешском имел значение ‘заразить’ [Machek 1971: 387]. Считалось, таким образом, что человек заболел этой болезнью, вдыхая недуг в себя» [Вельмезова 2004: 245].

Другая лексема, а именно *nátka*, может пониматься как дериват глагола **natъknŋoti / *natъkati* и реконструироваться как **natъka*, т. е. «нечто воткнутое, наброшенное или встреченное» (то, с чем больной столкнулся). На это косвенно указывает и квазипричастная форма *nátkoucí* как эпитет *натки*, употребленная в заговорах в ряду подлинных причастий, например «*nátko, nátkoucí, štípucí a lupící, pálcíci a polcíci*»². Эта семантическая модель поддерживается широко распространенной в восточнославянской традиции лексемой *притка (*prítъka)* или *притча (*prítъča)*, производной от того же глагольного корня, но с другим префиксом (**prítъknŋoti / *prítъkati*), и обозначающей всякую болезнь, полученную в результате опасного столкновения или встречи.

Согласно [СРНГ 32: 16–18], лексема *притка (прытка)* широко распространена в русских диалектах и может означать вообще порчу и сглаз, внезапную болезнь, вызванную

2 Ср. н.-луж. *natkaś*, сочетающее в себе значения ‘вложить, воткнуть’ и ‘заразить’ [Muka 2: 749].

колдовством, сглазом, падучую (эпилепсию), ломоту в спине, боль в пояснице, опухоль, чирей и другие болезни человека и домашних животных³. При этом приводимые в этом источнике иллюстрации оказываются прямыми параллелями к чешским заговорам от *натки*. Ср. костромской заговор: «Она (Богородица) молит о притке: притка глазная, полуглазная, притка костяная, полукостяная, притка жильная, полужильная, притка водяная, полуводяная, притка ветряная, полуветряная, притка земляная, полуземляная, выйди вон из раба крещена такого-то в Киян-море!» или формулу проклятья: «Притка б ты взяла!». В известном сборнике заговоров Л. Н. Майкова также упоминаются *притки* в характерном контексте: «Молюся тебе, святой пророке Божий Илия, пошли тридцать ангелов в златокованном платье, с луки и стрелы, да отбивают и отстреливают от (имярек) уроки и призоры, и притки, щипоты и ломоты, и ветроносное язво, туда, куда крылатая птица отлетает, на черныя грязи, на топучия болота, и в стречно и поперечно, стамово и ломово — на молоду, на ветху и на перекрое месяце» [Майков 1994: 81].

В белорусской традиции *прыткой*, или *прытчей*, называют главным образом психоневрологические болезни и радикулит, которые лечатся заговорами того же типа, что и заговоры от *натки*: «Статы пэрэд дубом і дубовэю палкыню і прочытаты по тры разы зранку і на заход: “Дубовы столб, просты і отпусты рабу Божому (імя) от прыткы, от хыткы. Выйды, прытка, выйды хытка, із костэй, із сылы, із становых жыл. Во векі веков. Амін. Амін. Амін. Святая вода, сырая зэмля, просты і отпусты рабу Божому (імя) от прыткы, от хыткы. Выйды, прытка, выйды, хытка, із костэй, із становых жыл. Во векі веков. Амін. Амін. Амін.”» [НМ: 433, № 2012] (см. также [Валодзіна 2016]).

По любезному сообщению Е. Л. Березович, слово *натка* наряду с *притка* засвидетельствовано в говорах Русского Севера (Вологодская обл., Кичменгско-Городецкий район, д. Каксур) в значении ‘болезнь (любая), возникающая вследствие

3 В словаре Даля дается такая дефиниция: *притка* ‘внезапная болезнь, припадок; женская болезнь, истерика или обморок; кликушество; черная немочь или падучая’, ‘порча или сглаз, призор, озёв, урок’ [Даль 3: 1181].

сглаза': «Бывают с черными глазами, обурочивают. От их натка какая-нить может сделаться» [КСГРС]. Пока это единственное свидетельство. Очевидно, что это слово связано с глаголом **natъknŏti* / **natъkati*, а не с глаголом **nadъxnŏti* и может рассматриваться как мотивационная параллель к чеш. *nátka* и словообразовательный коррелят к вост.-слав. *притка*.

Таким образом, если обозначение насморка и других видов простуды может быть мотивировано прямой семантикой дутья (ср. рус. *продуло, надуло* 'о простуде'), то при номинации других недугов, скорее всего, имеется в виду порча, которая может быть наслана не только путем дутья, веяния, но и взгляда (белор. *прызор*), мысли (белор. *подум*), слова (вост.-слав. *уроки*), в результате встречи (белор. *прыстрэт, прыстрек*), нападения, нашествия (с.-х. *наход* 'нападение' и 'простуда', словен. *náhod* 'насморк, простуда, подагра', рус. диал. *находка* 'беда, несчастье' и др.). Такая мотивация чрезвычайно популярна в народной медицине. Это дает основание предположить, что чешская форма *nátka* может восходить также и к глаголу **natъknŏti* / **natъkati*. Семантической параллелью к **natъka* < **natъknŏti* может служить рус. *притка, притча*, белор. *притка* — от **pritъknŏti* / **pritъkati*.

Следовательно, для рассмотренной здесь лексики мы можем предположить три разные мотивационные модели:

1. **nadъxnŏti* 'вдохнуть, дышать' > **nadъxa* 'насморк, удушье и т. п.';
2. **nadъxnŏti* 'вдохнуть (болезнь), заразить' > **nadъxa* 'любая болезнь, вызванная сглазом, порчей' (т. е. либо болезнь, которую вдохнул сам больной, либо болезнь, которую ему «вдохнул» мифологический персонаж) + персонификация;
3. **natъknŏti* > **natъka* 'любая болезнь, вызванная сглазом, порчей' (т. е. болезнь, на которую человек «наткнулся») + персонификация.

Н.-ЛУЖ. *CHÓDOTA*: ИМЯ И ПЕРСОНАЖ

Выдающийся русский филолог И. И. Срезневский, путешествовавший по лужицким землям в начале 1840-х гг. вместе с Л. Гауптом и Я. Смолером, оставил свои путевые заметки и письма с ценными, хотя и краткими и отрывочными, сведениями о лужицком языке, фольклоре, поверьях, обычаях, народном календаре, которые были опубликованы лишь спустя полвека [Срезневский 1890]. Для современного читателя они интересны не только как свидетельства более чем полуторавековой давности, но и благодаря акцентам и комментариям автора, воспринимавшего серболужицкий материал в общеславянской перспективе. Так, главку о рождественском сочельнике, называемом у лужичан *Паторжица* (в.-луж. *Patoržica*), Срезневский начинает со слов: «В этот день не продают хлеба, мяса, яиц и т. п.» [Срезневский 1890: 56], что отнюдь не типично для описаний обычаев этого дня, однако сразу же дает направление к объяснению этимологии этого слова как префиксально-суффиксального деривата от **tъrgъ* ‘торг’ — этимологии, получившей подтверждение и обоснование в историко-этимологическом словаре Г. Шустера-Шевца [HEW 14: 1052]. Из области народной демонологии Срезневский обратил внимание прежде всего на персонажей, составляющих в том или ином отношении особенность лужицкой традиции: это (в его кириллической записи) Боже седлешко, или Божіе сельцо; Колтки (Koltki); Ходойта (Khodojta — Khodojca), или Мурѡва; Зла жена; Смертница; Приполдница (Pšipołnica, Pšezpołnica); Гонило (Гонидло — Honidło — Honiło); Водяной, Водяна и их дети (Wodny muž, wodna žona, wodne dzeći); змеи — житный, молочный (млоковы), денежный (peńežny zmij).

Настоящая заметка посвящена одному из этих персонажей — нижнелужицкой *ходо́те* (*chódota*), которая вызывает интерес с нескольких сторон. Во-первых, со стороны своего имени, которое неизвестно в других славянских языках и в этимологической литературе получает разную трактовку; во-вторых, со стороны своей идентификации в славянской системе

мифологических персонажей, поскольку приписываемые этому персонажу характеристики также противоречивы. Заметим, что эти две стороны связаны между собой: для верификации той или иной этимологической версии необходимы сведения о характерных моделях номинации обозначаемой словом реалии (в данном случае — мифологического персонажа).

Начнем с этимологии. «Этимологический словарь славянских языков» в статье **xodota*, кроме в.-луж. *khodota*, *khodojta*, н.-луж. *chódota* ‘колдунья, чародейка’, приводит еще чешское личное имя *Chodota* (со ссылкой на Юнгманна) и древнерусское имя *Ходота* (из Лаврентьевской летописи под 1096 г.) и трактует их как производные с суффиксом **-ota* от **xodъ* [ЭССЯ 8: 50]. В словаре Э. Муки мы находим целое гнездо слов, возводимых им к глаголу **xoditi*: *chódot* ‘колдун, чародей’ («abg. v. Wz. chod. zum Vb. asl. *choditi*, gehen; os. dial. *khodot*»), *chódota* ‘колдунья, чародейка’ (форма *chódot* производна от *chódota* — семантического деривата от соответствующего *nomen actionis*) и их варианты *chódojta*, *chódojca* и производные — *chódotka* ‘ум. к *chódota*’, *chódotnik* ‘колдун, чародей’, притяжательные прилагательные *chódotowy* и *chódošiny* ‘колдунов, чародеев, чародейный’, глагол *chódošís* ‘колдовать, ворожить’, имя действия *chódošeńe* ‘колдовство’ [Muka 1: 487–488]. Из иллюстраций к статье *chódota* мы можем почерпнуть следующие характеристики персонажа: у *ходоты* сросшиеся брови (*chódoty maju zrosćonej hobwocy*), *ходота* душил людей (*chódota mě dušy*), *ходота*-бабочка летает (*tam chódota lěta*).

Заметим, что подобный способ семантической деривации (бессуффиксный или суффиксальный), а именно «*nomen actionis* > *nomen agentis*», так же как и прямое производство имени лица от глагола, вполне регулярен в славянском словообразовании, и в частности в антропонимах (ср. хотя бы др.-рус. *Страхота*, *Молвота*, *Лугота*, *Станила*, *Гостила*, *Ростила* и т. п. [Зализняк 2004: 834–836]). Эта же модель весьма активна в наименовании мифологических персонажей по их «функциям», т. е. характерным, прежде всего вредоносным, действиям, ср. польск. *gnieciuch*, *gniotka*, *dusiciel*, *siodło*, *kusilec*, *odmienica*, *pokusa*, *pokutnik*, *psotnik*; вост.-слав. *блуд*, полес. *пужало*, *лякайло*,

приносчик, рус. *гнетуха*, *змей-носак*, *лизун*, *манило*, *обдериха*, *щекотиха*, укр. *лоскотуха*, болг. *мамница*, *обирачка*, *чуварка* и т. п. Ср. еще имена лихорадок из русских заговоров: *Тряся*, *Ломяя*, *Гнетоя* и т. п. Среди этих имен есть и такие, которые мотивированы способом передвижения персонажа или его положением в пространстве, ср. польск. *latawiec*, рус. *летавец*, *летун*, серб. *бродарица*, болг. *бродница* и т. п.

Особого внимания в связи с этим заслуживают общеславянские названия болезней и их персонификаций, производные от **xoditi* / **šyd-*, такие как польск. диал. *posześć*, *poszedło* ‘повальная болезнь, эпидемия’ с характерными контекстами: «*Poszydło chodzi tera po ludzich*» <Пошидло сейчас ходит по людям> [Karłowicz 4: 290]; с.-х. *pośast* ‘чума, мор, повальная болезнь’, кайк. ‘всякая заразная болезнь’ [RHSJ 11: 78]; белор. диал. *пошасць* ‘болезнь вообще или конкретная болезнь, например парша’: «Пошасць ходзіць па людзях» [СПЗБ 4: 64; ЭСБМ 9: 316], укр., рус. диал. *пошеть* ‘повальная болезнь’. В народных представлениях болезни часто персонифицируются в образе демонических существ, персонажей нечистой силы и смешиваются с ними, ср. словен. *pošast* ‘воплощение страха, опасности, зла’ [SSKJ 3: 889], кашуб. *pošedło* ‘эпидемия, повальная болезнь’ с показательным комментарием: «*Starzy Kaszubi wyobrażali sobie pošedło jako dziewczynę, która w młodym wieku umarła na taką właśnie chorobę. <...> co pewien czas wolno jej przyoblec się w dawne ciało i wracać między żyjących. Odtąd spędza zwykle zimę i jesień na ziemi i dręczy ludzi, zarażając ich swą chorobą. Wówczas wiedzą wszyscy, że pošedło ҃ozi po lęziaх*» <Старые кашубы представляли себе *пошидло* как девушку, умершую в молодости от этой именно болезни. <...> время от времени ей позволено воплощаться в свое прежнее тело и возвращаться к живым. Так она проводит обычно зиму и осень на земле и досаждаёт людям, заражая их своей болезнью. Тогда все знают, что *среди людей ходит пошедло*> [Sychta 4: 147].

Однако эта этимология, возводящая имя нижнелужицкой ходоты к глаголу **xoditi*, отвергается в «Историко-этимологическом словаре верхне- и нижнелужицкого языка»:

«Не от в.-луж. *chozić*, н.-луж. *chojdzís* ‘ходить’, т. е. не “ходящая женщина” (**chodowita žena*), бродящий по ночам женский призрак <...> а вариант с другим анлаутом, восходящий к праслав. **godati*, в.-луж. *hódać*, н.-луж. *godaś* ‘загадывать (загадки), предсказывать, гадать’. Форма на *-ot(a)*: *chodot(a)*, исконно *nomen actionis*, трансформировавшаяся впоследствии в *nomen agentis*. <...> В.-луж. *chodojta* < **chodovita* с расширением *-ov-* (*chod-* — это *ũ*-основа!), ср. рус. *домовит* при польск. *wróźbita* ‘ворожея’. Мы имеем дело с праславянским диалектизмом» [HEW 5: 389].

Как видим, обе этимологии основываются на формальной реконструкции и не обсуждают семантический аспект предлагаемых версий, вероятно, представлявшийся авторам очевидным¹. Между тем для полноценной картины семантического развития толкуемого слова необходимо в случае первой этимологии обосновать связь названия персонажа с мотивом хождения, во втором случае — с мотивом гадания, предсказания, а для этого придется обратиться к самим поверьям о лужицкой ходоте и к мотивационным моделям, характерным для мифологической лексики. Что же касается формальной стороны, то обе предложенные версии можно считать убедительными, хотя вторая осложняется допущением перехода в анлауте **(s)god-* > *chod-*, требующего своего объяснения; в словообразовательном отношении оба типа дериватов — и отыменной (от **xodъ*), и отглагольный (от **godati*) — находят подтверждение в славянском лексиконе (ср. рус. *скука* > *скукота*, *срам* > *срамота* и *зевать* > *зевота*, *хромать* > *хромота*).

Вторая этимологическая версия трактует имя *chódota* как дериват глагола *godaś*, следовательно, определяет мифологический персонаж по его способности к предсказанию, гаданию

1 Во второй версии HEW обосновывается только связь значений ‘ведьма’ и ‘бабочка, мотылек’ в семантике лужицкой *ходоты* путем отсылки к широко распространенным у многих европейских народов поверьям о бабочке как воплощении души. Эта семантическая связь убедительно свидетельствуется также такими «мифологическими» названиями бабочки, как зап.-слав. **diabel*, **bohina*, **mora*, юж.-слав. **mara*, **samovila*, **vampir*, вост.-слав. **věďma* и т. п. [см. подробнее: Терновская 1995; Vážný 1955: 58–122].

и отгадыванию, ср. семантику производящего глагола *godaš*: 1. ‘гадать, отгадывать (загадки), догадываться, подозревать’, 2. ‘подозревать кого-л.’, 3. ‘предсказывать, пророчить’ и его именных дериватов: *godač* ‘гадатель, предсказатель’, ‘жрец’, *godaŋe* 1. ‘гадание (загадки и т. п.)’, 2. ‘загадка’, 3. ‘предложение, догадка’; *godanina* ‘пророчество, предсказывание’; *godar* 1. ‘отгадывающий (загадки)’, 2. ‘пророк, предсказатель’ [Мука 1: 287–288]. К прямым примерам подобной номинации от глаголов со значением ‘гадать, предсказывать’ в славянской мифологической лексике могут быть отнесены, по-видимому, только такие имена, как вост.-слав. *ворожея*, *ворожей*, диал. *ворожбитка*, *ворожка*, *ворогуша*, серб. *вражалица* ‘колдунья, знахарка’ — от **voržiti* ‘колдовать, ворожить, предсказывать недоброе’, производного от **vorgь* ‘неприятель, противник’, хотя в описании персонажей с этим именем связь с гаданием и предсказанием никак не выражена (они, как правило, толкуются так же, как прочие ведьмы, — через их вредоносные действия по отношению к людям). Подобную мотивировку, отсылающую к способностям персонажей (а не к производимым ими действиям, что более характерно для их номинации), демонстрируют общеславянские дериваты от глаголов со значением ‘знать’ — это древнейшие имена **vědъma*, **věštica* и **znanorь* с внутренней формой ‘знающая, знающий’, т. е. «обладающий “особым”, сакральным знанием-умением» (в отличие от столь же распространенного **čarovnica*, **čarovnik* с исходной внутренней формой ‘делающая, делающий (зло)’, ср. также серб. *врачара* ‘гадалка, предсказательница’. Как правило, функция прорицания, гадания и осуществления злокозненных действий приписывается разным персонажам — в одном случае предсказание с целью предупреждения несчастья или избавления от него, в другом — провоцирование несчастья [Левкиевская 1999а: 347]. Посмотрим, отражается ли в описаниях лужицкой ходоты предполагаемая ее мотивирующим глаголом **gadati* семантика предсказания и гаданий.

Наиболее полную характеристику лужицкой (прежде всего нижнелужицкой) ходоты можно найти в книге А. Черного, посвященной мифологическим (сверхъестественным)

существом сербов-лужичан [Černý 1898: 368–423]. В этой обстоятельной монографии приводятся данные лужицких поверий и фольклора из опубликованных и архивных источников (на конец XIX в.), а также собственные полевые записи автора, сделанные им в разных частях Лужицы во время его этнографических путешествий (в том числе вместе с Э. Мукой). Весьма ценны и содержащиеся в работе параллели из других славянских традиций, для своего времени достаточно полные. Большая часть позднейших публикаций о лужицкой народной демонологии воспроизводит материал, собранный в книге Черного, которую, таким образом, можно считать первоисточником [ср.: Makarska-Lesiak 1991; Duszyńska, Wiśniewska 1999]. Как и в словаре Муки, в описании Черного отмечено, что нижнелужицкая ходота часто смешивается с *моравой* (*mórawa*, по другой записи *murawa* [Haupt, Schmalzer 1953: 268]).

Однако эти персонажи типологически различны. *Морава* обнаруживает близкое родство с такими существами, как *мора*, *змора* (известными многим славянским народам), их определяющая характеристика — способность наваливаться на людей во время сна и душить их [ср.: Левкиевская 1999б; Budziszewska 1991]. Этого свойства, судя по материалам Черного, лишена *chódota*, однако в примечании со ссылкой на Муку он сообщает, что в окрестностях Будышина и некоторых других районах *ходотой* называют только то существо, которое ходит по ночам к людям и душит их (следовательно, в этих локальных традициях *ходота* действительно тождественна *мораве*), тогда как для обозначения ведьмы используют только *kuzlařniča*. Согласно Черному, *kuzlařniča* (мужской вариант — *kuzlař*) является регулярным верхнелужицким соответствием н.-луж. *chódota*. Это имя производно от **kuzlo* со значением ‘колдовство, чары’ (чеш., словац., в.-луж.) и ‘кузнечное ремесло’ (рус.) и связывается с глаголом **kovati* на основе следующей семантической цепи: ‘кузнечная работа’ → ‘хитрость’ → ‘колдовство’ [ЭССЯ 13: 142–143], что поддерживается многочисленными этнографическими свидетельствами о приписываемых кузнецам сверхъестественных и колдовских способностях [Петрухин 2004].

В описании Черного н.-луж. *chódota* имеет все типичные признаки ведьмы: это чаще всего женщина (реже мужчина), обычно старая, уродливая, с особыми внешними признаками — вся черная, сухая, как скелет, у нее красные глаза, страшные огненные глаза, сросшиеся брови. В средневековые ходотам, как и всем ведьмам, приписывали способность не тонуть в воде; сохранились свидетельства о процессах над ходотами, которым инкриминировалась связь с нечистой силой. Самым характерным злокозненным действием ходоты считается отбирание молока, причем способы этой порчи типичны для ведьм (обращение в животных и высасывание молока из вымени коров, коз и т. п., собирание росы веревкой или тканью и выкручивание их в своем хлеву или на своем поле, что обеспечивало корове ведьмы обилие молока, тогда как у «испорченной» коровы молоко пропадало или портилось, и т. п.). Ходота обнаруживает и признаки двоедушия: когда она ночью спит в своем доме, ее душа может приходить в чужой хлев, например в виде красного зайца, и доить чужую корову. В Вальпургиеву ночь ходота отнимает плодовитость скота — крадет до восхода солнца куль соломы, щепку или навоз из чужого хлева; рвет траву на девяти чужих межах; наводит порчу на хозяйку, у которой перестает сбиваться масло, и т. п. Когда заболевает скотина, погибает приплод, обычно говорят, что это ходота сделала (*načinila*). Ходота вредит и людям, особенно маленьким детям, молодоженам, насылает на них болезнь и даже смерть; ходоты могут вызвать засуху, проливные дожди, град или иные стихийные беды. Как и все ведьмы, ходота способна обращаться в животных, обычно небольших, — бабочку, кошку, зайца, лягушку, сороку, гусыню и т. п. Ходоты, как и все ведьмы, в определенные дни слетаются на свои сборища. Характерным признаком всех ведьм считается трудная смерть — это же свойственно н.-луж. ходоте. Таким образом, н.-луж. *chódota* по своим основным характеристикам оказывается тождественна другим славянским ведьмам [ср.: Виноградова, Толстая 1995; Виноградова 2000: 230–270; Виноградова 2011].

Иначе описывает ходоту Срезневский, противопоставляя ее домашнему божеству по имени *Боже седлешко*, или *Божіе*

сельцо, — разновидности домового, живущего («сидящего») в печи или на очаге: «Не такова Ходойта (*Khodojta* — *Khodojca*), или, как ее называют нижние лужичане, Мурова. У нее нет постоянного жилища: она бродит из дому в дом, ищет, чтобы кому зла наделать, набивается на обиду и, обиженная, мстит всячески. Это — черная, тощая, испитая старушонка крошечного росту; глаза у нее вышли из-за век и быстро ворочаются, и страшно всматриваются в каждого; иногда, впрочем, ходит она и в виде человечка в красном платье, продавая разные заморские товары; иногда летает сорокой, суясь в лицо, или катится клубком, подкатывается под ноги, или ложится ножом на столе, не виданная, а знаемая: ножом, да таким, что как возьмешь, так и захочется зарезать человека. Ходойта более всего ненавидит детей: иное так измучит, что ни подобия не останется: кровь выпьет, кости перекрошит, и лежит бедное дитя, словно мочало какое. Если озлится на какую семью, то останется жить у нее до тех пор, пока всех не переморит. У нее есть свои помощники, маленькие злые черти, которые портят все в доме, так что от них и защиты нет» [Срезневский 1890: 58]. В этой характеристике тем не менее также присутствуют многие типичные черты ведьмы: внешний вид (особенно глаза и взгляд), злокозненность, связь с чертями-помощниками.

Противопоставляя *Боже седлешко* ходоте, Срезневский тем самым раскрывает свое понимание ходоты как существа «ходящего», т. е. связывает имя персонажа с глаголом **xoditi* и понятием хождения. Любопытно, однако, что именно этому «сидящему, оседлому» существу по имени *Боже седлешко*² (а не ходоте, у которой «нет постоянного жилища») приписывается способность предсказания: «Если услышат его стон и рыдания вблизи, то надобно спросить: “Божіе сельцо! что со мною

2 Мотив «сидения», привязанности к дому, постоянного присутствия в доме этого персонажа свидетельствуется также следующим обычаем: «Выливая или переливая кипяток, не одна лужичанка боится обварить Божіе сельцо и перед тем скажет: “Иди прочь, Божіе сельцо, чтобы мне не обварить тебя” (“Божое седлешко, джі преч зо ја че не спару”))» [Срезневский 1890: 58].

будет?» (Боже седлешко, што ми будже, што ми фалује, што ма со стач), и Божіе сельцо ответит, что тот или другой умрет, что того или другого в рекруты возьмут или что-нибудь подобное, а чаще скажет только: “Не тебе будет, а другому” (Воно не буджè теби, гале другому)» [Срезневский 1890: 57].

Таким образом, имеющиеся этнографические и словарные свидетельства о лужицкой (главным образом нижнелужицкой) *ходоте* характеризуют ее как мифологическое существо неоднозначной природы: с одной стороны, это типичная ведьма во всей полноте стандартных характеристик, находящая прямую параллель во многих славянских традициях; с другой — ей приписываются свойства, присущие другому персонажу, достаточно четко очерченному в народной демонологии западных и южных славян, а именно *мораве*, т. е. *море*, *зморе*, главная функция которой — душисть по ночам спящих людей. Впрочем, персонаж с этой специфической функцией может пониматься как особая разновидность ведьмы, с которой ее, как и другие разновидности со своими особыми свойствами (такими как двоедушие, похищение детей и др.), объединяет главный признак — злокозненность по отношению к людям.

Случай лужицкой ходоты еще раз демонстрирует характерное для низшей мифологии славян отсутствие строгой закреплённости за именем набора функций-характеристик называемого этим именем персонажа, а также нечеткость границ между разными мифологическими персонажами, способными в рамках отдельных локальных традиций «заимствовать» функции, характеристики и даже имена друг у друга. Тем не менее приведенные выше примеры, как кажется, подтверждают правомерность реконструкции н.-луж. *chódota* как деривата глагола **xoditi*.

МАРТ ВЕЛИКОПОСТНЫЙ: НАЗВАНИЯ НЕДЕЛЬ ВЕЛИКОГО ПОСТА В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

На месяц март приходится несколько крупных годовых праздников — у южных славян это Первое марта, день Сорока мучеников и Благовещение, у католиков еще дни свв. Григория, Иосифа Обручника, Бенедикта и др., а также обычно значительная часть великопостного цикла с такими его «вершинами», как Тодорова суббота и Средопостье; остальные крупные даты (Лазарева суббота, Вербное воскресенье, Чистый четверг, Страстная пятница, Пасха) чаще относятся к более позднему времени (апрелю и маю). В данном случае речь пойдет о названиях недель Великого поста, составляющих и в номинационном, и в ритуальном отношении некую единую систему. Если терминология праздников достаточно полно отражена в этнографических трудах, то названия недель собиратели фиксировали далеко не всегда, а предметом исследования они становились крайне редко [см., например: Мршевић-Радовић 1988; Тарасьев 1993]. Это можно объяснить несколькими причинами. Дело в том, что эти названия во многих случаях заимствовались из церковного календаря (конечно, в сильно трансформированном и адаптированном виде) и могли не иметь самостоятельного значения в народном календаре. При необходимости недели можно было обозначить или порядком следования (первая, вторая и т. д. неделя Великого поста), или названием следующего или (реже) предыдущего воскресенья (ср. *Вербная неделя* и *Вербное воскресенье*), или же приходящегося на данную неделю и имеющего самостоятельное имя праздника или почитаемого дня (ср. болг. *Лазарова неделя* и мотивирующее название *Лазарова събота*). Дополнительную трудность в собирании и изучении названий недель в южнославянской традиции создает то, что слово *неделя* может употребляться как в значении ‘неделя, седмица’, так и в значении ‘воскресенье’, и во многих контекстах выбор между этими двумя значениями оказывается

затруднительным¹. Для того чтобы такие единицы годового времени в народном календаре южных славян, как великопостные недели (так же как и недели других циклов), могли стать объектом изучения в лингвистическом (ономасиологическом, этимологическом, семантическом, словообразовательном) и этнолингвистическом (со стороны верований, обрядов, запретов, предписаний и т. п.), а также в ареалогическом плане, необходимо иметь по возможности полное представление об их составе и номенклатуре.

Благодаря трудам этнографов и диалектологов терминология народного календаря славян (и южных славян особенно) в целом оказалась неплохо собранной, но ее изучение — как в лингвистическом, так и в этнокультурном аспекте — все еще остается насущной задачей. Появилась полезная сводка болгарской календарной лексики (не только хрононимов, но и названий обрядовых действий, лиц, предметов), обобщившая большой материал, почерпнутый из этнографических описаний, диалектологических трудов, архивов и картотек [Легурска, Китанова 2008], которая, однако, не включает многих названий интересующих нас недель. Полную сводку календарных этнографических данных по сербским источникам мы имеем в книге М. Недельковича «Годовые обычаи сербов» [Недельковић 1990], где содержится и богатейший языковой материал. По словенской традиции хорошим источником могут служить классические труды В. Мёдерндорфера [Möderndorfer 1946; 1948], Н. Курета [Kuret 1–4], а также серия [Turnšek, Cist 1–4]. Столь же полных и богатых сводных трудов по хорватской и македонской традиции пока нет. Ниже приводятся названия великопостных недель и составляющих их дней, извлеченные из разных источников — упомянутых сводных трудов, этнографических описаний регионального характера, словарей и др. Данные, почерпнутые из сводов, приводятся без документации, в остальных случаях после хрононима указывается источник.

1 В некоторых словенских диалектах *nedile* или *nedelje* означают вообще 'праздник' [Möderndorfer 1946: 26].

БОЛГАРЫ И МАКЕДОНЦЫ²

Великий пост: *Велики пости / пост, Великденски пост / пости, Велици пости, Велий пост, Великев пост, Великева запошка, Великови пости.*

Первая неделя: *Тодорова неделя, Тудурска неделя, Тудурица, Тримирна неделя, Гладна неделя, Черна неделя, Глуха неделя, Суха неделя, Луда неделя, Кукерска неделя* [БМ: 360], *Тодоришка / Тудуришка неделя, Булкина неделя, Погановата неделя, Разпуловна неделя, Нечиста неделя* [Попов 1991: 84], *Чистата неделя* [Легурска, Китанова 2008: 98], *Тодоровската неделя* [Сакар: 341], *Тодурушка неделя, Тудурица неделя, Тудорска неделя* [Капанци: 213], *Празна неделя* [Пловдивски край: 262], *Лоша неделя* [Легурска, Китанова 2008: 122], *Срамна неделя* [Тодорова 1990: 211]. Первая неделя считается «сестрой» четырех других недель года — это *Русалската неделя* (после Троицы), *Мръсната неделя* (после Рождества), *Празната неделя* (после Пасхи) и *Средопостната неделя* (четвертая неделя Великого поста) [БМ: 361]. На первой неделе собственные названия имели все дни: **понедельник** — *Чисти понеделник, Песи / Пъси понеделник, Кучи понеделник, Бесни понеделник, Кукувден, Кукеровден, Рогач* [Маринов 1914: 372], *Старцевден, Захлупат понеделник* [Сакар: 341], *Гулям пунделник* [Странджа: 327], *Малкият куковден* [Добруджа: 320], *Разметни понеделник, Виси куче* [Пловдивски край: 262]; **вторник** — *Чрън / Църн вторник, Арджав вторник, Усувски вторник, Сух вторник, Куц вторник, Крив вторник, Лош вторник* [Пирински край: 437], *Глух вторник* [Попов 1991: 86]; **среда** — *Чиста сряда, Черна сряда, Тодорска сряда, Тодорова сряда, Суха сряда, Луда сряда, Куца сряда, Крива сряда* [Сакар: 342], *Празна сряда* [Пирински край: 437], *Тримирна, Преговяла сряда; три первые дня поста* — *Тримеро, Търпило, Тримерки* [Странджа: 327]; *Търпилка* [Родопи: 100]; **четверг** — *Въртоглав четвъртък, Въртолома, Шамотен четвъртък*

2 Болгарские источники, как правило, включают данные и по Македонии. Кроме того, сведения по македонскому народному календарю могут быть почерпнуты из обобщающего труда М. Китевского [1996].

[Попов 1991: 86], *Въртоломей, Въртолей, Зимен Вартоломей, Църлив четвъртък* [Пирински край: 437], *Щуроглав четвъртък* [Пловдивски край: 262]; **петница** — *Шамотен петък, Черен петък, Куц петък, Глух петък, Луд петък, Крив петък* [Сакар: 342], *Червения петък* [Ловешки край: 311], *Сух петък* [Попов 1991: 87]; **суббота** — *Тодоровден, Суха Тудуричка / Тудурувчица, Конска Тодорица / Тодоровица, Конски Великден / Велиден, Сухото Тодорче, Лудото Тодорче, Глухото Тодорче, Глуата Тодоришка, Тодорова / Тодорска събота, Тудурица, Черна Тудурица, Глух Тодор, Сух Тодор* [Странджа: 327], *Суха Тодурица, Конски празник* [Родопи: 101], *Цръвлив Тодор, Крастава събота* [Попов 1991: 87], *Лазарната Душница* [Капанци: 215], **воскресенье** — *Черна неделя, Хаталия, Лоша неделя, Тодоришка неделя.*

Вторая неделя: особого названия, по-видимому, не имела; значимым днем на этой неделе была пятница — *Тодорова задушница.*

Третья неделя: *Голяма неделя, Кръстата неделя, Средпосница* [Сакар: 343].

Четвертая неделя: *Кръстовна, Кръстна, Кръстата неделя* [Странджа: 332], *Кръсна (Кръстопоклонна) неделя, Средпосница, Средипус* [Пловдивски край: 267]; «Средопостната неделя е сестра на Тудурица и на Русаля» <Средопостная неделя — сестра Тодоровой (первой недели Великого поста) и Русальной (Троицкой) недели> [Ловешки край: 307].

Пятая неделя: название отсутствует или не зафиксировано.

Шестая неделя: *Връбната неделя, Цветница, Цветоносна неделя*; самостоятельное значение имели на этой неделе **суббота**, носящая названия *Лазарница, Лазар, Лазарова събота, Лазарца, Сиромах Лазар* [Сакар: 347; Родопи: 104], *Малък Лазар* [Попов 1993: 33], *Лазарица, Лазарска събота* [Странджа: 327], *Лазаровден, Лазара, Лазарка* [Добруджа: 326], и **воскресенье**, один из крупных годовых праздников, — *Връбница, Куклинден, Голям Лазар* [Пловдивски край: 267], *Връбната неделя, Цветница, Цветоносна неделя.*

Седьмая неделя: *Велика неделя, Великата седмица, Великденска неделя, Страстната неделя, Велята неделя;*

каждый день недели был значим и имел свое название: **понеделник** — *Великий / Велий / Велик понеделник*, **вторник** — *Велики / Велик / Велий / Вели вторник*, **среда** — *Велика сряда*, **четверг** — *Велики / Вели четвертък*, **пятница** — *Велики петък, Разпети петък, Големия петок* [Странджа: 334], *Черен петък* [Сакар: 341], **суббота** — *Велика събота, Погребална събота, Погребенна душа, Дълга събота, Смъртна събота, Гуляма събота* [Странджа: 334], **воскресенье** — *Великден, Вилден, Влден, Възкресение Христово, Паска, Великден циганин, Свети Велик* [Сакар: 351, 354].

СЕРБЫ И ЧЕРНОГОРЦЫ

Великий пост: В традиции этих народов Великий пост называется: *Велики пости, Ускришњи пост, Часни пости, Velje posti* (Риечка Нахия), *Коризма* (Западная Сербия), *Баба Коризма* (черногорцы). Последнее название и относящиеся к нему верования свидетельствуют о персонификации Великого поста в образе бабы, старухи, подобно тому, как персонифицируется в народной болгарской, восточносербской, румынской традиции месяц март [см.: Миков 1985; Кабакова 1994; Вълчинова 1994; Плотникова 2004: 121–133, 468–485]. Вук Караджич в своих этнографических записках приводит следующее свидетельство: «*Баба Коризма. У Рисну на чисти понедјельник обуче се какав момак у женске хаљине и начини се као ђедова баба, па носећи на рамену седам штапова и за собом вукући комостре (вериге) иде по вароши и скаче испред кућа и виче: “Бу! бу! бу!” и ово се зове баба коризма, којом жене плашу дјецу да не ишту мрсна јела, говорећи им и послије онога дана, кад би које заискало мрса: “Ено бабе коризме са штаповима под тиглама” (на тавану)! Седам штапова бабе коризме значе седам недјелја часнога поста, зато кад једна недјелја прође говори се деци: “Бацила баба коризма један штап” или: “Испаде баби зуб”. Тако и кад прође друга недјелја и т. д. Бабом коризмом плаше и мале прелје и плетиле, као у Земуну гвозден-зубом» <В Рисне в Чистый понеделник какой-нибудь парень одевается в женские одежды и изображает из себя бабу-старуху («дедову бабу»), несет*

на плече семь палок, тащит за собой цепь, идет по поселку, скачет перед домами и кричит: «Бу! бу! бу!» И это называется *баба Коризма*, которой женщины пугают детей, чтобы те не просили скоромной еды. И говорят им и после этого дня, когда ребенок станет просить скоромного: «Вон баба Коризма с палками на чердаке!» Семь палок бабы Коризмы означают семь недель Великого поста, поэтому, когда проходит неделя, детям говорят: «Баба Коризма бросила одну палку» или: «У нее выпал зуб». Так же говорят и когда пройдет вторая неделя и т. д. Бабой Коризмой пугают и маленьких прях и вязальщиц, так же как в Земуне пугают железным зубом» [Караѿић 1972: 169]. Эти мотивы нашли отражение в обычае вешать в доме семь палочек по числу постовых недель; по окончании каждой недели снимали по одной палочке³.

В Черногории (Риечка Нахия) недели Великого поста (*Velje posti*) назывались: первая — *Ћista*, вторая — *Pačista*, третья — *Krstopoklonjena*, четвертая — *Sredoposna*, пятая — *Todorova*, шестая — *Cv'etna*, седьмая — *Velja nedelja*. Они представлялись сыновьями Великого поста («бабы Коризмы»): «Neki velje posti zovu korizma, otud ono između Velika dne i Đurđeva dne zove se pokorizmić. Vele, da je korizma imala sedam sinova: *Ћista*, *Pačista*, *Krsta*, *Sredoja*, *Toša*, *Cvi'eta* i *Velja*. Kad zaljegne čisti ponedeljnik, vele, da se babi Korizmi razbolio Čisto; kad dođe subota večē, vele: noćas jo' Čisto umra. Tako vele za svaku nedelju, kada zaljegne i kada se izglavi. A kada i Veljo dođe na izdisanje, onda vele: noćas baba osta'e bez ni'ednoga sina <Некоторые называют Великий пост *Коризма*, поэтому период между

3 В фольклоре балканских народов сюжетную разработку получают два главных мартовских мотива: 1. переменчивость мартовской погоды, находящая воплощение в легендах о нраве и настроениях мартовской старухи, ее мужьях или сыновьях (Румыния, Болгария, Восточная Сербия, Македония), или же о настроениях и нраве персонифицированного в мужском образе Марта, его женах и настроениях (Греция); 2. мотив «убывания поста», находящий символическое выражение в предметном (палки, зубы старухи, разрезаемая или распиливаемая доска) или «семейно-родственным» коде (великопостные недели — сыновья старухи Коризмы, умирающие один за другим).

Пасхой и Юрьевым днем называется *покоризмич*. Говорят, что у Коризмы было семь сыновей: *Чисто, Пачисто, Крсто, Средое, Тошо, Цвето* и *Вельо*. Когда наступает Чистый понедельник, говорят, что у бабы Коризмы разболелся Чисто; когда наступает субботний вечер, говорят: ночью у нее Чисто умрет. Так говорят о каждой неделе, когда сляжет и когда скончается. А когда Вельо находится при последнем издыхании, тогда говорят: сегодня ночью у бабы не останется ни одного сына> [Jovićević 1928: 307].

Главные названия великопостных недель привел уже Вук Караджич в своем словаре: «Прва се недјеља зове *чиста*, друга *пачиста*, трећа *безимена*, четврта *средопосна*, пета *глува*, шеста *цвјетна*, седма *велика*» <Первая неделя называется *чистая*, вторая *пречистая*⁴, третья *безымянная*, четвертая *средопостная*, пятая *глухая*, шестая *цветная*, седьмая *великая*> [Караџић 1852: 20]. Несколько отличный список названий дал Вук Врчевич: «Код сва три народа зову се коризмене неђеље: 1. чиста, 2. пачиста, 3. крстопоклоњена, 4. средопосна, 5. акатиста, 6. ћетна⁵, 7. велика» <У всех трех народов недели Великого поста называются: 1. чистая, 2. пречистая, 3. крстопоклонная, 4. средопостная, 5. неделя акафиста, 6. цветная, 7. великая> [Врчевић 1888].

Первая неделя: *Првопосна недеља, Глува недеља, Луда недеља*⁶, *Чиста недеља, Тодорова недеља, Недјеља православља* (книжн.); **понедельник** — *Чист понедељак, Ćisti ropedjelnik, Тодоров понедељак*; **вторник** — *Глуви торник*,

4 Серб. *пачист* имеет двоякое значение: 1. 'недостаточно чистый' или, наоборот, 2. диал. 'в высокой степени чистый' [РСХКНЈ 19: 571]. В данном случае имеется в виду второе значение: «Пачиста је недеља намијењена да се људско тијело и дом уколико није довољно очишћено очисти у овој недјељи» <Пречистая неделя предназначена для того, чтобы тело человека и дом, если они недостаточно чисты, очистились на этой неделе> [РСХКНЈ 14: 769].

5 Черногорск. *ћетна* — то же, что *цвјетна* 'цветная', ср. *ћетна* 'женское имя, обычно даваемое тем, кто родился на *Цвјети* (Вербную неделю), *ћетоња* = *цвијетоња* [Караџић 1852: 760].

6 В Воеводине *Луда недеља* и *Тодорова недеља* считаются от вторника первой недели до вторника второй [Недельковић 1990: 142].

Глуви уторак (по поверьям, рискует оглохнуть тот, кто нарушит запрет на работу); *Црни торник*, *Чисти уторак*, *Луди уторак* [Недельковић 1990: 237]; **среда** — *Пепељава среда*, *Луда среда*, *Тудорова среда*; **четверг** — *Тодоров четвртак*, *Првопосни четвртак*; **пятница** — *Луди петак*, *Тодорова петка*, *Тодоровски петак*; **суббота** — *Тодорова субота*, *Свети Тодор*, *Тодорица*, *Чиста субота*, *Конски великдан*, *Ранило*; **воскресенье** — *Чиста недеља*, *Луда недеља*, *Тодорова недеља*.

Вторая неделя: *Пачиста недеља*, *Хрома недеља*⁷, *Другопосна недеља*, *Девета недеља (?)* [РСХКНЈ 14: 768; Недельковић 1990: 67–68]; **понедельник** — *Растурен понедељак*, *Пачисти понедељак*; **вторник** — *Пачисти уторак*, *Коњски уторак*, *Хроми уторак*; **среда** — *Пачиста среда*; **четверг** — *Пачисти четвртак*; **пятница** — *Пачисти петак*; **суббота** — *Пачиста субота*; **воскресенье** — *Пачиста недеља*.

Третья неделя: *Безимена*⁸ *недеља*, *Крступоклона недеља*, *Крступоклоњена недеља*, *Глува недеља*, *Глушина недеља*, *Заклопита*⁹ *недеља* [РСХКНЈ 14: 768; Недельковић 1990: 98]; **понедельник** (специальное название отсутствует), **вторник** — *Глуви уторак*; **среда** — *Глува среда*; **четверг** — *Глуви четвртак*, *Трећепосни четвртак*; **пятница** — *Тешка петка*; **суббота** — *Глува субота*, *Завалита субота*; **воскресенье** — *Глува недеља*, *Безимена недеља*, *Крступоклона недеља*.

Четвертая неделя: *Средопосна недеља*, *Средопосје*; все дни недели носят название *Средопосни* (*понедељак*, *уторак*, *четвртак*,

7 В некоторых селах Баната верили, что «хромые Тодоровы кони» не исчезают после Тодоровой субботы, а могут нападать на людей и в первые дни (до четверга) следующей недели, которую поэтому и называют «хромой» [Филиповић 1950: 28].

8 Название могло получать такое объяснение: «*Безимена* недјеља већ нема ни спомена покладног веселја и забаве» <Безымянная неделя — уже нет и в помине масленичного веселья и забав> [РСХКНЈ 14: 767].

9 От *заклопити* ‘закрывать, затворить, захлопнуть’. Мотивировка этого и других подобных названий [Недельковић 1990: 98] остается неясной; возможно, они связаны с запретом пахать и вообще «тревожить» землю (ср. частое название тех же дней *укочени дани*, т. е. «неподвижные, застывшие, заторможенные дни»).

петак), *Средопосна* (*среда, субота, неделя*); единственный обрядово выделенный день на этой неделе — **среда** (*Средопосна среда, Преполовна среда, Средопосница, Sredorošnica*).

Пятая неделя: *Глувна неделя, Глува неделя, Глуха неделя*¹⁰, *Глухна неделя, Глушина неделя, Глушница* [Караџић 1852: 90], *Тодорова неделя, Светла (Цветла) неделя* (Шумадија) [Нед. 1990: 202, 258], *Акатиста (Акатистова) неделя* [РСХКНЈ 14: 767]; **все дни** этой недели могут называться *Глушни (понедельак, уторак, четвртак, петак), Глушина (среда, субота, неделя)*; **пятница** называется также *Пети петак Великог поста*.

Шестая неделя: *Лазаричка неделя, Цветна неделя, Цветоносна неделя; понедельник — Цветни понедельник; вторник — Цветни уторак; среда — Цветна среда; четверг — Лазарички четвртак, Цветни четвртак, Светли четвртак; пятница — Лазарички петак, Цветни петак; суббота — Лазаревдан, Лазарева субота, Лазарица, Лазова субота, Цветна субота, Врбица, Ранило; воскресенье — Цвети, Свјетјетј, Цветна неделя, Цветница*.

Седьмая неделя: *Велика неделя, Завалита неделя*¹¹, *Страсна неделя, Страшна неделя; понедельник — Велики понедельник, Страсни понедельник; вторник — Велики уторак, Страсни уторак; среда — Велика среда, Страсна среда; четверг — Велики четвртак, Страсни четвртак, Зелени четвртак* [Недельковић 1990: 21]; **пятница** — *Велики петак*,

10 Это название восходит, как и ряд церковных названий, к евангельскому тексту [см.: Тарасьев 1993], но в народной традиции толкуется иначе. Ср. «Глуха неделя је пета седмица Ускршњег поста <...> Тако се назива зато што се у те дане не чује песма, свирка, игра и уопште никакво весеље» «Глухая неделя — пятая седмица Великого поста <...> Так она называется потому, что в эти дни не слышно песен, музыки, танцев и игр и вообще никакого веселья»; «У овој седмици се не пере рубље због ушних болести. Зато се она назива и Глува, Глухна и Глушна неделя» «На этой неделе не стирают белье, опасаясь ушных болезней. Потому она и называется глухой» [РСХКНЈ 14: 768].

11 Название *Завалита неделя*, известное в Лесковацкой Мораве [Ђорђевић 1958: 375], вероятно, связано с турцизмом *завали* (тур. *zavalli*) ‘бедный, несчастный, горестный’: «Еј, завали дани, еј, завали доба...» «Тяжкие дни, тяжкое время...» [РСХКНЈ 5: 539].

Распети нетак, Распорети нетак, Тешка нетка, Velji petak; суббота — Велика субота, Црвена субота, Дугачка субота; **воскресенье** — Ускрс, Васкрс, Васкресење, Великдан, *Velik dan, Svetla nedelja* [Vukanović 2: 390].

ХОРВАТЫ

Католические традиции Великого поста значительно отличаются от православных как в сроках поста, так и в терминологии и обрядовом содержании. Католический пост начинается со среды, следовательно, первая неделя поста оказывается неполной, и потому в некоторых местных хорватских обычаях Великий пост исчисляется не семью, а шестью неделями¹². Ниже приводятся основные названия великопостных недель и дней, причем документируются только относительно редкие хронимы или формы.

В Славонии «*Svaka nedelja dana, kroz cilu Korizmu ima svoje ime. Prva nedelja je Čista, druga Pačista, treća Bezimena, četvrta Sredoposna, peta Gluva, šesta Četna*¹³, a sedma je Velika nedilja» <Каждая неделя на протяжении всего Великого поста имеет свое название. Первая — Чистая, вторая Пачистая, третья Безыменная, четвертая Средопостная, пятая Глухая, шестая Цветная, а седьмая Великая неделя> [Baboselac-Mišin 2004: 20].

Великий пост: *Korizma, Časni post*.

Первая неделя: *Čista nedelja, среда* — *Čista sreda / srida, Pepelnica, Pokladna sreda, воскресенье* — *Kusica-nedilja* [Širola 1938: 129].

Вторая неделя: *Pačista nedelja, Kvaterni keden*¹⁴ (Самобор) [Lang 1913: 72].

12 Отсюда одна и та же неделя может иметь разный порядковый номер в разных локальных системах. Так, у градишчанских хорватов Австрии вербная неделя (*Macicna nedilja*) может называться то шестой, то пятой среди великопостных недель (*korizmeni nedilje, korizmeni tajedni*). Недели (и воскресенья) свободно могут называться и по порядку их следования: *Prva korizmena nedilja, Druga korizmena nedilja* и т. д. Благодарю А. А. Плотникову, познакомившую меня со своими полевыми записями из градишчанских сел.

13 *Četna* — ‘Цветная’. См. выше сноску 5.

14 Хорв. *kvatre* ‘в католической церкви четыре поста: в марте, июне, сентябре и декабре’ [RHSJ 5: 854].

Третья неделя: *Bezimena nedelja*.

Четвертая неделя: *Sredoposna nedelja*.

Пятая неделя: *Gluva nedilja, Gluha nedelja, Glušna nedilja, Glušnica, Černa nedilja, Črna nedilja*.

Шестая неделя: *Četna nedelja, Cvetna nedelja (Cvitna nedilja), Cvitna nedilja, Cvitnica, Macicna¹⁵ nedilja, Macina nedelja; суббота* — *Cvitna subota*; **воскресенье** — *Cvitna nedilja, Cvetnica, Uličnica* (Истрия), *Maslinica* [Širola 1938: 129], *Palmine, Četnica, Nedija ol polme* (о. Брач) [Šimunović 2006: 332].

Седьмая неделя: *Veliki tjedan / tajeden, Veliki keden* (Самобор) [Lang 1913: 73]; *Velika nedelja, Vela nedilja, Velika sedmica, Sveta nedelja, Vazmena nedilja¹⁶; среда* — *Vela sreda, четверг* — *Veliki četvrtak / četrtrek, Veli četvrtak; пятница* — *Veliki petak, Veli petak; суббота* — *Velika subota, Vela subota, Bijela subota; воскресенье* — *Uskrs, Velika noć, Vazam / Vuzem / Vazan, Vazmena nedilja, Uskršna nedilja*.

СЛОВЕНЦЫ

В Словении **Великий пост** (*Post, Postni čas*) персонифицировался в образе Бабы или Бабы Коризмы, которую в Средопостную среду символически распиливали. Обычай, считающийся итальянским заимствованием [Kuret 1: 103], назывался *babo žagajo* ‘бабу пилят’: во многих областях Словении в этот день (или иногда в другие дни на переломе зимы и весны) распиливали соломенную куклу или же доску с нарисованной женской фигурой. Нарисованную бабу кое-где называли *Perhta baba* [Kuret 1: 100–101], *pehtra baba* [Turnšek, Cist 2: 136].

Названия недель совпадали, по одним данным, с названиями предшествующего [Kuret 1: 100], а по другим — последующего [Turnšek, Cist 2: 139] воскресенья, которые назывались: 1. *postna nedelja*, 2. *kvatrna¹⁷ nedelja*, 3. *imenita*,

15 От *maca* ‘верба’.

16 Так может называться и неделя после Пасхи (т. е. Светлая неделя).

17 Словен. *Kvatrni teden, Kvatre* ‘каждая из четырех недель в году, по одной на каждый квартал (после масленицы, после Троицкой недели, после Воздвижения, на третьей неделе адвента), когда соблюдается, согласно

imenitna, preimenitna, samosvoja nedelja, 4. sredopostna nedelja, 5. tiha, črna, postna nedelja, 6. cvetna nedelja, cvetnica, 7. velika nedelja.

Первая неделя: *Postni teden*; название объяснялось тем, что в первое **воскресенье** поста (*Postna nedelja*) в церквах натягивали от стены до стены полотнище (*postni prt*), когда-то одноцветное, а позднее с изображением крестных мук, которое снимали только в Страстную пятницу. В Штирии первое **воскресенье** называлось *Lisičja nedelja* ‘лисицына неделя’. В этот день женщины поджигали старые тряпки и бросали их в хлебное поле, чтобы хлебам не вредила ржа. Если весной в пшенице появлялась ржа, говорили: «ее сожгли лисицы» (*lisice so jo požgale*) [Möderndorfer 1948: 207]. Кроме воскресенья, значимым на этой неделе был первый день поста, **среда** — *Pepelnica*, или *Pepelnična sreda*.

Вторая неделя: *Kvatrni teden*; **пятница** — *Kvatrni petek*, **суббота** — *Kvatrna sobota*; оба дня считаются опасными (*nevarni*) и отмечены соблюдением разнообразных хозяйственных и бытовых запретов и предписаний [Möderndorfer 1946: 61].

Третья неделя: *Imeniti teden, Preimenitni teden, Samosvoj teden*; **воскресенье**, завершающее эту неделю, — *Imenita, Imenitna, Preimenitna* или же *Brezimna nedelja*; по поверьям, название объясняется тем, что «все переменится (*da se vse spremeni*), если в эту неделю что-либо посадишь» [Turnšek, Cist 2: 139]. По другим представлениям, эти названия отсылают к раннехристианским временам, когда именно в эту неделю язычники принимали крещение и меняли свои имена на христианские.

Четвертая неделя: *Sredpostni teden*; **воскресенье** — *Sredpostna nedelja*; **среда** — *Sredpost, Sredpostna sreda, Praznik, Otk, Verkovnica* [КОО: 252] (об обычае распиливания «бабы» в этот день см. выше); в церковной традиции середина поста отмечается в воскресенье.

католической традиции, строгий пост в среду, пятницу и субботу’ [Kuret 3: 201–205]. Ср. выше аналогичный хорватский хрононим, относящийся к той же (второй) неделе Великого поста.

Пятая неделя: *Tihi teden*. «Тихая неделя» носит название по «тихому воскресенью» (*Tiha nedelja*) — дню, когда в церквах завешивали все кресты полотном в память о том, как Христос скрылся от евреев. Церковное название «тихого воскресенья» — *Nedelja trpljenja*. В народном представлении эта неделя связывается с прилетом кукушки.

Шестая неделя: *Cvetni teden*. На «цветной» неделе особое значение имела **пятница** — *Cvetni petek*, посвященная страстям Христовым и скорбям Богоматери (*praznik Žalostne Matere božje*), и, конечно, **воскресенье** — *Cvetna nedelja*, *Nedelja v palmah*, *Nedelja v vejah palm*, *Nedelja pomiloščenja*, *Oljčna nedelja*, *Olčnica*; главным обрядовым содержанием этого дня были разнообразные ритуалы по изготовлению и освящению пучка вербовых, черешневых, кизиловых, маслиновых и других веток (*butara*, *cvetna butara*, *presmec*, *zeleni presenc*, *drenek*, *puška*, *pušle*, *potice*, *leseni žegen*, *kravljji žegen*, *pušlje*, *cvetni žegen*, *snope*, *preste* и др.) [Turnšek, Cist 2: 144–159].

Седьмая неделя: *Veliki teden*. Последняя неделя поста обязана своим названием завершающему ее пасхальному **воскресенью** (*Velika nedelja*), подобно тому как «цветная» и «тихая» недели соотносятся в своем названии со следующими за ними воскресеньями. Все дни этой недели называются великими; в обрядовом отношении наиболее значимыми в народной традиции являются **среда** — *Velika sreda*, **четверг** — *Veliki četrtek*, **пятница** — *Veliki petek* (*Dan žalosti*, *Praznik sv. križa*), когда занимались крашением пасхальных яиц и другими приготовлениями к Пасхе, **суббота** — *Velika sobota*, *Sveta sobota*, а также **пасхальная ночь** — *Velika noč*, *Valička*, *Velička*, *Uzem*, *Vazan*, *Vuzem*.

НАЗВАНИЯ НЕДЕЛЬ ВЕЛИКОГО ПОСТА
В ГРЕЧЕСКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ¹⁸

В Греции Великий пост (Μεγάλη Σαρακοστή < σαράντα ‘сорок’, Απινήστεια < από + νηστεία ‘пост’, ‘голод’) [Μέγας 1950: 17] представляли в виде женщины — госпожи Сорокодневницы (Κυρά Σαρακοστή). Изображение женщины со скрещенными на груди руками и семью ногами вырезали из бумаги / выпекали из теста и подвешивали к очагу. Каждую субботу отрезали / отрывали по одной ноге у этой фигурки, которую называли Κυρά Σαρακοστή, Μεγάλη Σαρακοστή или Σαρακοστούλα [Οικονομόπουλος 1999: 208], «монашкой» (Καλόγρια) [Μέγας 1950: 17]. Греки Нижней Италии изготавливали из соломы чучело старухи по имени Κουαρέμα (от итал. *Quaresima*), с прялкой и веретеном в руках, к ногам чучела подвешивали апельсин или картофелину с воткнутыми в него семью куриными перьями и каждую субботу Великого поста выдергивали по одному перу. В некоторых местах это чучело распиливали пополам в среду на Крестопоклонной неделе [Βογασαρη Μερυγιανου 1989: 189–190]. На Понте во время поста подвешивали под потолок «кукера» (Κουκαράς) — картофелину или луковицу с семью воткнутыми перьями [Μέγας 1950: 17].

Первая неделя: Καθαρή εβδομάδα ‘Чистая неделя’, **первые три дня** — макед. Τρίμερο, Τριόημερο, Τηριπλή, понт. Αιθοδώρισμα (< δωρίζω ‘дарить’) ‘Одаривание’, так как в некоторых местах в это время женщины обмениваются платками и шальями [Μέγας 1950: 14], другой (и более вероятный) вариант прочтения названия Αιθοδώρισμα — (τοῦ) Ἁγίου Θεοδώρου, ‘Святого Фёдора (неделя)’. **Понедельник** — Καθαρή Δευτέρα ‘Чистый понедельник’, Αρχιδευτέρα ‘Начальный понедельник’, Πρωτονήστιμη Δευτέρα ‘Первопостный понедельник’, Σκυλοδευτέρα ‘Песий понедельник’, Γαδαροδευτέρα ‘Ослиный понедельник’; **вторник** — Καθαρή Τρίτη ‘Чистый вторник’; **среда** — Καθαρή Τετάρτη ‘Чистая среда’, фрак. Πρωτοτέτραδο ‘Первая среда’; **пятница** — Καθαρή Παρασκευή ‘Чистая пятница’; **суббота** — τ’-ἡ Θεοδώρου ‘(день) св. Фёдора’, τ’ Αψυχοῦ ‘Задушная (суббота)’ [Там же: 14–16].

Вторая неделя: особого названия не отмечено.

Третья неделя: особого названия не отмечено.

Четвертая неделя: среда — Μεσοσαράκκοστο ‘Середина поста’, της Μάλπας ‘Капустный (день)’, του Πουλλίου ‘Птичий (день)’, το Λουλουδι ‘Цветок’ [Μέγας 1950: 18].

Пятая неделя: Κουφοβδομά(δ)α ‘Глухая неделя’, так как в это время те, кто не могут купить семье подарков к Пасхе, прикидываются глухими: «έκαμναν τον κουφό» [Παπαχριστοδούλος 1964: 196]. **Среда** — του Μεγάλου Κανόνα ‘(среда) Великого канона’, поскольку в этот день на службе читают весь Великий канон св. Андрея Критского; **суббота** — Κουφοσάββατο ‘Глухая суббота’. В Визе объясняют такое название тем, что это последняя суббота перед Пасхой, когда не действует запрет на мытье и уборку дома, поэтому все женщины в этот день стирают и бьют белье валиком (κουπί) [Πολυμενης 1929: 266].

Шестая неделя: Βαγιανή εβδομάδα ‘Пальмовая неделя’ [Παπαχριστοδούλος 1964: 196]. **Суббота** — Λαζαροσάββατο ‘Лазарева суббота’ [Πολυμενης 1929: 266], макед. Φτουχουλάζαρους ‘Бедного Лазаря (день)’, Κουφουλάζαρους ‘Глухого Лазаря (день)’, Прώτη Λαμπρή ‘Первый Светлый (день)’ [Μεγας 1950: 25]; **воскресенье** — Βαγιотσυριατή ‘Пальмовое воскресенье’, понт. τη Βαγιοῦ ‘Пальмовое (воскресенье)’, фесс. τα Βάγια ‘Пальмы’ [Там же: 26]. На Кипре называли этот день Τσερκατζή της ελιάς ‘Масленичное воскресенье’ [Там же], Κυριακή της Ελιάς ‘Масленичное воскресенье’, потому что приносили из церкви домой пучок освященных оливковых ветвей, которыми затем в течение года окуривали дом [Θρασυβούλου 1957: 283].

Седьмая неделя: Μεαλοβδομά(δ)α ‘Великая неделя’ [Παπαχριστοδούλος 1963: 196], Μεγαλοβδομάδα ‘Великая неделя’, лимнос. Λαβριγιά ‘Светлая (неделя)’ [Μέγας 1950: 30]. **Понедельник** — Μεγάλη Δευτέρα ‘Великий понедельник’; **вторник** — Μεγάλη Τρίτη ‘Великий вторник’; **среда** — Μεγάλη Τετάρτη ‘Великая среда’; **четверг** — Μεγάλη Πέμπτη ‘Великий четверг’, Κόκκινη Πέμπτη ‘Красный четверг’, Κокκινόπεφτη ‘Красный четверг’; **пятница** — Μεγάλη Παρασκευή ‘Великая пятница’, олимп. Καπνοπαρασκευή ‘Копотная пятница’, потому что женщины пьют в этот день разведенную в воде сажу (καπνιά) [Там же: 36]; **суббота** — Μεγασάββατο ‘Великая суббота’ [Πολυμενης 1929: 266]; **воскресенье** — Πασχαλιά ‘Пасха’, Λαμπρή ‘Светлый (день)’, Διπλανάσταση ‘Воскресенье’ [Μέγας 1950: 40].

Η κυρά Σαρακοστή, Госпожа-Сорокодневница
с семью ногами, символизирующими недели
Великого поста (из книги: *Μέγας Γ. Α. Ελληνικές*
γιορτές και έθιμα της λαϊκής λατρείας. Αθήνα,
1992. Σ. 131)

ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КОСОВА В ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ И ОБЩЕСЛАВЯНСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Терминология традиционной духовной культуры (названия календарных праздников и периодов, обычаев и обрядов, действующих лиц, ритуальных предметов и магических действий, имена мифологических существ, лексика и фразеология верований и т. п.) до недавнего времени не изучалась систематически ни лингвистами, ни этнографами. В диалектных словарях и атласах эта терминология представлена неполно, часто случайно, а этнографические источники, содержащие обычно большое число местных названий, естественно, не уделяют им специального внимания и ограничиваются в лучшем случае их фиксацией. Между тем и в собственно лингвистическом, и в этнокультурном отношении терминология духовной культуры представляет исключительный интерес. Для лингвистов это особый разряд лексики со своими характерными семантическими моделями, со своими ареалами и ареальными связями, во многих случаях с неясной этимологией. Для исследователей культуры это «ключевые слова», обладающие исключительным смысловым потенциалом, способные пролить свет на древнейшие понятия и механизмы славянской народной культуры и служить основанием для выделения культурных ареалов.

Исследователь лексики традиционной духовной культуры Косова и Метохии имеет в своем распоряжении немало хороших этнографических и лингвистических источников. Одно из первых описаний сербских народных обычаев, верований и фольклора Косова и прилегающих районов Македонии — книга русского дипломата Ивана Степановича Ястребова «Обычаи и песни турецких сербов» (Санкт-Петербург, 1886; записи производились в 1870-е и первой половине 1880-х гг.). Не будучи филологом, Ястребов тем не менее старательно записывал не только сами обычаи, обряды и песни (560 текстов), но и их терминологию. Последователями Ястребова в изучении языка и культуры Косова стали выдающиеся сербские собиратели и исследователи — поп Дена Дебелькович,

которому принадлежит обширный труд «Обичаји српског народа на Косовом Пољу» [Дебельковић 1907] и краткий очерк «Веровања српског народа на Косовом Пољу» [Дебельковић 1934]; затем Глиша Елезович — автор двухтомного словаря косовско-метохийского диалекта [Елезовић 1–2], а во второй половине XX в. Татомир Вуканович, издавший целую серию трудов под общим заголовком «Срби на Косову», и др. Если же говорить о фольклоре Косова, то он тоже неплохо собран: достаточно назвать сборники Д. Дебельковича [Дебельковић 1897], В. Бована [1979], Т. Вукановича [Вукановић 1970], М. Радуновича [Радуновић 1988], не говоря уже о содержательно связанном с Косовом общесербском эпическом цикле [Остојић 1901; Новаковић 1906; Љубинковић 1989; Ђурић 1989], древние формульные структуры которого были исследованы Александром Ломой [2002].

Все это огромное языковое и культурное богатство еще не исчерпано и не полностью освоено в трудах лингвистов и других представителей нашей гуманитарной науки. Многие еще ожидает своих исследователей. Я хочу рассмотреть далее лишь несколько примеров того, как косовская лексика традиционной духовной культуры вписывается в южнославянский и общеславянский контекст и какие разные возможности наблюдений и сопоставлений она открывает.

Начнем с лексики народного календаря, т. е. названий праздников и других дней и отрезков годового времени. Что касается сербских хрононимов, то задача их изучения в наше время существенно облегчается благодаря труду Миле Недельковича «Годишњи обичаји у Срба» [Недельковић 1990], где сведены воедино из множества этнографических источников данные о сербском народном календаре, в том числе и о календарной терминологии. Эта ценная сводка позволяет увидеть косовскую календарную лексику на общесербском фоне. Ястребов, который начинает свое описание с праздника Славы (дня, посвященного святому – покровителю рода), отметил название дня, следующего за празднованием Славы. Он пишет: «Иные приглашают мужчин на ужин в день Славы, а женщин на обед в день, следующий за днем “Славы”. День

этот зовется в Призрене “Слуга”, а следующий за этим днем, т. е. Слугою, зовется “Патарица”, как и в Гиланском округе (в Мораве)» [Ястребов 1886: 15–16]. Д. Дебелькович дает название второго дня Славы в виде *Слуга Светога* [Дебельковић 1907: 238]. В словаре Елезовича под словом *слуга* тоже приводится этот хрононим в качестве третьего значения: *Слуга* ‘второй день Славы’: «Данас свети, јутре слуга. Уочи слуге» <Сегодня святой, завтра слуга. Накануне Слуги>; при этом во втором значении слово *слуга* тоже является обрядовым термином: «в семье на празднике или Славе тот член семьи, кто угощает гостей напитками» [Елезовић 2: 243].

Косовский хрононим *Слуга* (*Слуга Светога*) интересен с нескольких точек зрения. Во-первых, он выделяется на фоне других названий этого дня; в большинстве районов второй день Славы называется греческим заимствованием *Патарица*. Во-вторых, обычай обозначать специальным именем день, следующий за основным праздником или почитаемым днем, известен и в календаре восточных славян: так, в Полесье главный поминальный день носит название *деды*, а следующий называется *бабы*; праздник называется *Никола*, а следующий день — *Николин батько* и т. п. Мы видим, что основной праздник и следующий за ним день противопоставляются либо по родственному, либо по гендерному, либо по статусному признаку. По свидетельству Д. Дебельковича, «третий день Славы называется *траћење*, или *послуга*» [Дебельковић 1907: 238]. Последних двух хрононимов в словаре Елезовича нет. Нет в сербских словарях и приводимых Т. Вукановичем двух других хрононимов, относящихся ко второму и третьему дням Славы, а именно *okrlje* (букв.: защита, покровительство) и *ispratnica* (букв.: проводы, выпроваживание) [Vukanović 2: 419].

Из календарной терминологии обращают на себя внимание еще несколько названий. Специфически косовским является хрононим *Осовита недеља* (*субота*) ‘третья неделя перед Великим постом’, отмеченный у Д. Дебельковича: «Неделя (воскресенье) мытаря и фарисея называется *Осовита недеља*. В Осовиту субботу нельзя мыть голову, чтобы волосы не выпадали» [Дебельковић 1907: 257]. Этимология и внутренняя форма

прилагательного *осовита* неясна. Загребский словарь приводит только косовский хрононим со следующим толкованием: *osovit* ‘прилагательное неясного значения и происхождения, исключительно в названиях воскресений и суббот’ [RHSJ 9: 246]. Между тем у Т. Вукановича дается другая форма: не *осовита*, а *освита неделя*: «Неделя (воскресенье) мытаря и фарисея, приходящаяся на мясоед, на Косово называется *Освита неделя*. В Освиту субботу нельзя мыть голову, чтобы не выпадали волосы» [Vukanović 2: 382]. При этом Т. Вуканович ссылается на того же Дебельковича. Если форма *osvita* не опечатка, то, исходя из хронологии источников (времени фиксации), ее следует считать вторичной по отношению к *осовита*, а сближение с *освит* ‘рассвет’ объяснять народной этимологией, хотя мотивация такого сближения остается неясной. В большинстве других мест эта неделя называется *Трапава*, или *Трапина*, *неделя*, что соотносится одновременно и с семантикой скоромной пищи (ср. *трапиту* ‘есть скоромное в постные дни’), и с *трапав* ‘неуклюжий, неловкий’, *трапати* ‘шагать, топтать’. Полный ряд названий этой недели, согласно М. Недельковичу, включает еще эпитеты: *Редовна* ‘рядовая’, *Себична* ‘обычная, будняя’, *Урша* ‘медвежья’ (от лат. *ursus*), *Блага* ‘мягкая, нежная’, *Кратка* ‘короткая’, *Куска* ‘куцая’, *Шарена* ‘пестрая’ *неделя* [Недельковић 1990: 241]. Как видно из этого перечня, мотивация этих хрононимов различна, так что сделать вывод о внутренней форме хрононима *Осовита неделя* на основании этого ряда вряд ли возможно.

Собственно косовским можно считать и название периода от 9 до 25 марта, т. е. от Дня сорока мучеников (*Младенци*) до Благовещения (*Благовести*). В Косово эти дни носят название *Бесне Кобиле* ‘Бешеные Кобылы’, а также *Бабини Јарци* ‘Бабы Козлы’. Если второе название распространено и в других районах Сербии и Черногории (правда, в значении ‘первые дни марта, с 1 по 9 марта’), то *Бесне Кобиле* в этом значении, кажется, не отмечено за пределами Косова. В других регионах это выражение применяется не к определенному календарному периоду, а к непогоде вообще. К малораспространенным хрононимам относится название крещенского сочельника *Нејетка*, или (в Косово) *Нетка*, которое семантически

соотносится с вост.-слав. *Голодная кутья, Голодница* и т. п.): «В канун Богоявления (*Водокрст*), 5 января, все крестьяне постятся и называют этот день *Нетка*» [Дебельковић 1907: 252].

Интересно косовское название пасхального крашеного яйца *страшник*. По словам Ястребова, «в Великий четверг перед восходом солнца берут одно яйцо и на всех четырех сторонах его делают по кресту. Это яйцо называется *страшник*. После красят все яйца. <...> Яйцом, называемым “страшник”, жены гладят по лицу всех детей в доме, чтобы они были всегда краснощеки, и следовательно здоровы, и чтобы ничего не страшились. Иные носят “страшник” в виноградники и там его закапывают, чтобы град не побил виноград» [Ястребов 1886: 114]. Ястребов сообщает еще, что на Юрьев день принято купаться под розовым кустом или же дома; при этом в воду кладут красное яйцо *страшник* [Там же: 145, 156]. В [СМР₂: 424] мы находим это слово в другом значении: *страшник* ‘в юго-восточной Сербии название почитаемых святых и посвященных им дней’. В [РСХКJ 6: 21] приводится только ботанический термин *страшник* ‘то же, что и *страда*’, т. е. лечебная трава, употребляемая при болезнях селезенки. Загребский словарь также не отмечает обрядового значения и приводит *strašnik, strašnica* только в ботаническом значении: ‘у нас только как название растения’ [RHSJ 16: 683].

В [РСХКJ] и [RHSJ] отсутствует и родственное данному слову название болезни *страшница* — по определению Ястребова, ‘болезнь, приключившаяся от страха’ [Ястребов 1886: 143–144]. Ястребов дает подробное описание ритуала лечения этой болезни, который совершается на Юрьев день: «Желающий вылечиться и доверяющий знахарке ложится спиной на землю с распростертыми руками; ноги же должны быть прижаты одна к другой. Знахарка берет конец нитки, другой дает помощнице или любой зрительнице; затем эту нитку измеряет пространство между средним пальцем правой руки и таковым же пальцем левой ноги больного. Или обратно. При этом женщина, держащая другой конец нитки, должна спросить знахарку: “Что меришь?” “Страшницу!” — отвечает бабка-знахарка. “Мерь так, чтобы ее не было!” — следует

ответ. Вопрос и ответы эти повторяются по три раза» [Там же: 143]. Разница между одним и другим измерением показывает, «сколько страшницы имеет человек». После измерения знахарка покрывает больного простыней и посыпает отрубями, а потом сметает отруби веником, что означает, что она «сметает» с больного *страшницу*. Этот древний способ диагностики и лечения измерением хорошо известен в русской народной медицине [см.: Толстая 1999; 2004]. В словаре Елезовича приводятся две формы: *страшица* и *страшница* ‘какая-то болезнь’ [Елезовић 2: 274–275]. Наряду с названием *страшница* эта болезнь носит в Косово названия *страва*, *стра*, *упло* или обозначается описательно: «когда ребенок чего-н. испугается» и лечится чаще всего окуриванием больного подоженной змеиной кожей [Vukanović 2: 489].

Из области мифологии и народной демонологии заслуживает внимания косовское название ходячего покойника *гробник* и производный от него глагол *гробничити се* ‘становиться вампиром’. Слово *гробник*, кроме Косова, засвидетельствовано только в районе Струги; в других областях Южной Славии ему соответствуют широко распространенные названия *вукодлак*, *врколак*, *вампир*, *лампир*, *тенац* и др. Согласно описанию П. Костица, «*гробником* становится в могиле самый страшный грешник. Он выходит ночью из могилы, превращается в разных животных и причиняет всяческие неприятности своим соседям, а затем опять возвращается в могилу. <...> Если гробнику удастся зачать ребенка со своей женой, то родится вампир. Только он может убить гробника» [Костић 1930: 133]. Подробное описание косовских верований, относящихся к *гробнику*, дается в книге Т. Вукановича [Vukanović 2: 327–335]. Автор приводит рассказы о конкретных людях, ставших после смерти вампирами-*гробниками*, о том, как выглядит *гробник* и что он делает, о причинах превращения покойника в вампира, о способах предотвращения этого и средствах защиты от *гробника*. Некоторые из этих верований имеют самое широкое распространение не только на Балканах, но и во всем славянском мире (например, представление о том, что покойник становится вампиром, если мертвое тело или гроб перед погребением

перескочит кошка, курица или какое-нибудь другое домашнее животное). Вместе с тем для косовских верований о животных-*гробниках* и растениях-*гробниках* (тыкве, оставшейся в поле), которые приводит Т. Вуканович, пока не удастся найти инославянские параллели.

Обратим еще внимание на названия обрядовых хлебов. В словарях сербского языка отсутствует слово *дашник*, отмеченное Ястребовым в качестве названия рождественского хлеба, в который запекается монета. Ястребов сообщает: «В Призрене сочельник проводят следующим образом. С полудня хозяйка дома идет к квашне, где крестится и просит Бога, чтобы он ее сподобил много лет еще дожидаться этого дня, и отворяет квашню. Затем берет сито, смотрит через него на муку в квашне и начинает просеивать столько муки, сколько нужно, чтобы замесить особенный хлеб *дашник*. Дашник украшается разными цветами с серебряной старинной монеткой посередине, чтобы все, которые будут есть дашник, дожили до глубокой старости» [Ястребов 1886: 38]. За ужином «прежде всего съедают всю тыкву, по одной винной ягоде и понемногу *дашника*. При этом все хотят знать, кому достался цвет (из теста на дашнике) с старинною монеткою, и убеждены, что тот, у кого найдется монетка, обогатится и будет вообще счастлив во всяком предприятии в течение всего этого года» [Там же: 39]. В других местах Косова рождественский хлеб с монетой называется *чесница* или *погача*, эти названия имеют широкое распространение. На карте южнославянских названий рождественского хлеба с монетой, составленной А. А. Плотниковой по материалам этнографических описаний, и в комментариях к карте [Плотникова 2004: 386–396] слово *дашник* не отмечено. Его этимология и ареал распространения остаются невыясненными. Из других косовских названий обрядовых хлебов заслуживает внимания в этимологическом, географическом и этнокультурном отношении такой термин, как *бареница*, — по определению Ястребова, ‘род пирога из самой чистой муки, который разламывается на маленькие кусочки и обваривается (*обаре* от слова *обарити* ‘обварить’) горячим маслом’ [Ястребов 1886: 35] или, по определению

Елезовича, ‘вид пресного теста из кукурузной или пшеничной муки, замешенного на молоке’ [Елезовић 1: 32], термин *пре-света* ‘просфора’ и др.

Говоря о хлебе, следует упомянуть распространенную у всех славян легенду о хлебном колосе. Моя коллега Ольга Белова собрала версии этой легенды по всем славянским и соседним традициям [Белова 2004: 441–498], но в ее коллекции не оказалось сербских текстов. Тем не менее эта легенда известна и в Сербии, и в частности в Косово. Т. Вуканович сообщает: «Према митолошкој легенди код Срба у Метохији и на Косову, пшеница је у старо доба имала житни клас дуж целе стабљике, од земље до врха. Бог се много наљутио на народ, те хтео све да уништи. Тада је пас рекао Богу: “Зар мене да оставиш без нафаке?” Тада се Бог успавао, те тако “остао један клас и има ’леба”. Зато човек неће јести ’леба, а да не да̑ и псу» <Согласно мифологической легенде, известной у сербов Метохии и Косова, у пшеницы в старое время колос занимал весь стебель, от земли до верхушки. Бог очень рассердился на людей и хотел все уничтожить. Тогда собака сказала Богу: “Мне хотя бы оставишь мою долю?” Тогда Бог смилостивился, и так «остался один колос, и теперь есть хлеб. Поэтому люди, когда едят первый хлеб, обязательно дадут и собаке»> [Вукановић 2001: 223].

Многие собственно обрядовые значения слов не фиксируются словарями. Так, ни [РСХКЈ], ни загребский [RHSJ], ни словарь Елезовича не приводят косовского термина *пајсторче* в значении ‘мальчик, которого дают невесте, когда она подъезжает на коне или в повозке к дому жениха’; этот обязательный персонаж свадебного обряда в других регионах называется *наконче*, *накоњче*, *поздравче*, *уколче*, *ускутњаچه*, *шљапенче*, *доношче* и т. д. [Плотникова 2004: 560–569]. Косовский термин находит параллель в области Скопска Црна Гора и в Болгарии в районе Перника и Трына, где он имеет форму *пасторче* и *пастарче*. Не найдем мы в словарях и призренского свадебного термина *стројник* в значении ‘сват или посредник при сватовстве’ [Ястребов 1886: 296], употребляемого наряду с более распространенным *наводација*.

В этимологическом отношении интересен косовский обрядовый термин *калинарка*. Со ссылкой на Миленко Филиповича и Д. Дебельковича [РСХКНЈ 9: 124] дает ему такое толкование: ‘одна из девушек, которые по старому обычаю между днем св. Игнатия и Рождеством рано утром выходили из дома в поле, разводили костер и пели песни’. Связано ли это название с растением *калиной*, которое играет важную роль в обрядовой (особенно свадебной) символике, или же оно представляет собой термин родства (ср. болг. *калина* ‘младшая незамужняя сестра мужа’), или же, наконец, это слово восходит к греческому источнику (ср. болг. *калин-порталин* ‘вид женского хорова’ [БЕР 2: 168]) — все это остается еще выяснить.

Интересны некоторые косовские ботанические названия магического характера. В книге Ястребова, в частности, упомянуты две травы — *миломужница* и *навалица*, которые собирают в Юрьев день и которые, по словам Ястребова, «в большой цене у молодых женщин. Эти травки носят в платье или тайно зашивают в одежды мужей, чтобы последние любили своих жен» [Ястребов 1886: 143]. Первое из названий отсутствует в словаре Елезовича, а второе приводится в нем в бессуфиксной форме и в ином, но тоже магическом значении: *навала* ‘вид травы, которую жители собирают на Юрьев день вместе с другими травами и до восхода солнца добавляют в корм скотине, чтобы прибыло молоко (*да навали млеко*)’ [Елезовић 1: 429].

Для многих архаических славянских обрядов, которые только в наше время стали объектом специального изучения, в косовских источниках, и в частности в книге И. С. Ястребова, обнаруживаются одни из первых и потому особенно ценных свидетельств. Таково, например, описание обряда прятания хозяина за хлеб нового урожая, сопровождаемого ритуальным диалогом с вопросом к домочадцам: «Видите ли вы меня?» и ответом: «Ове те године мало видимо, а до године да те ни мало не можемо видети» <В этом году плохо тебя видим, а через год чтобы совсем не могли увидеть> [Ястребов 1886: 41]. Этот обряд, засвидетельствованный еще в XII в. Саксоном Грамматиком и под словом *милати се* описанный

в 1818 г. Вуком Караджичем в первом издании его словаря, подробно исследован на общеславянском материале Н. И. Толстым [2003: 313–409].

Таково же описание ритуала защиты от града с призывом к женщинам-утопленницам отвести градовую тучу от села [Ястребов 1886: 174–175], которому посвящена наша совместная с Н. И. Толстым работа [Толстая, Толстой 1981]. Таковы описания так называемого *ламканья* — известного и южным, и восточным славянам масленичного развлечения, состоявшего в том, чтобы ухватить ртом подвешенное к потолку на веревке вареное яйцо, яблоко, кусок халвы или лепешку [Ястребов 1886: 90], о котором писали Г. А. Цыхун [1983б], Т. А. Агапкина [2002: 139–140], А. А. Плотникова [2004: 460–466] и др. Таковы и описания ритуала кормления кур в круге из веревки [Ястребов 1886: 24], описанного в названной работе Н. И. Толстого [2003: 339–346], ритуала венчания под деревом [Ястребов 1886: 391] и многие другие исключительно ценные свидетельства, касающиеся обрядов, верований, магических приемов и действий.

На картах, составленных А. А. Плотниковой [2004], территория Косова оказывается одним из ключевых южнославянских регионов, средоточием многих границ, объединяющих его по разным чертам с разными ареалами — с восточносербским и болгарским, с западным (черногорским, боснийским, хорватским), с македонским — или включающих его в пограничный центральный меридиональный пояс. В некоторых случаях Косово образует автономный ареал со специфическими языковыми или этнокультурными чертами; многие широко распространенные во всех или в разных славянских традициях культурные реалии или формы имеют в Косово свои выразительные варианты.

-v-

VARIA

ДИАЛЕКТНЫЕ АРЕАЛЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ СЛОВ **(Заметки на полях** **«Лексического атласа белорусского языка»)**

Отношения между литературным языком и диалектами интересовали исследователей главным образом в связи с проблемой диалектной основы литературного языка. При этом в поле внимания оказывались прежде всего фонетические и морфологические особенности, лексика же в этом аспекте систематически не изучалась. Причина этого кроется не только в трудностях сбора и систематизации огромного лексического материала, в отсутствии исчерпывающих или хотя бы достаточно репрезентативных для всей территории распространения языка диалектных словарей, но и, в первую очередь, в особом характере, неопределенности и расплывчатости самой лексической нормы литературного языка, в разных для разных языков пределах допустимости употребления «народной» лексики в качестве стилистических вариантов литературных слов. Словари литературных славянских языков в этом отношении обнаруживают очень большие различия: достаточно сравнить, например, Загребский словарь сербскохорватского языка с его обилием диалектизмов и 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» или «Словарь польского языка» под ред. В. Дорошевского, которые значительно более ригористичны в разграничении литературной и диалектной лексики. По-своему решают эту проблему на практике диалектные словари дифференциального типа, однако, исключая литературную лексику, они тем самым лишают исследователей возможности определить ее географическое распространение. Между тем презумпция «повсеместного» распространения литературной лексики оказывается справедливой далеко не для всех литературных слов (особенно если учесть семантические отличия, сочетаемость, коннотации и т. п.); достаточно широкий круг слов литературного языка оказывается связанным с определенными диалектными ареалами. Определить эти ареалы могут только лексические атласы, дающие «независимую» (от литературного языка) картину распространения лексических единиц.

Появление новых национальных атласов славянских языков, «Общеславянского лингвистического атласа», региональных атласов и особенно специальных лексических атласов открывает новые возможности и новые аспекты изучения проблемы взаимоотношения литературных языков и диалектов на лексическом уровне (не говоря обо всех прочих ареалогических, типологических и т. д. аспектах и возможностях).

«Лексический атлас белорусских народных говоров» [ЛАБНГ] заслуживает внимания с разных точек зрения — не только как первая географическая проекция основного корпуса белорусской диалектной лексики, не только как источник для изучения ареального варьирования способов номинации одних и тех же реалий и концептов, типологии самих лексических ареалов, их сопоставления с другими языковыми ареалами, с историческими, археологическими, этнографическими картами и т. п., но и как ценный опыт нового осмысления лексического материала и новых подходов к лингвистическому картографированию. Однако в настоящих заметках речь пойдет лишь об одной из многих возможностей, предоставляемых атласом, а именно о возможности проследить на его основе диалектные ареалы литературных слов и самым предварительным образом охарактеризовать их, оставляя на будущее их более глубокую содержательную интерпретацию и оценку. Первый том атласа картографирует лексику растительного и животного мира. «Номенклатурность» этой лексики в данном случае оказывается благоприятным обстоятельством, в определенной степени упрощающим задачу из-за четкой семантической очерченности названий растений и животных и связанных с ними технических терминов. Однако критерии литературности слова и здесь остаются условными. Литературным можно считать слово, вынесенное в заглавие карты (в ряде случаев в атласе в качестве заглавия приводятся описательные толкования); необходима также проверка по словарям литературного белорусского языка, из которых в данном случае использовались лишь «Белорусско-русский словарь» 1962 г. [Крапіва 1962] и словарь Я. Станкевича [Станкевіч 1990].

Прежде всего бросается в глаза резкая неоднородность литературных лексем в том, что касается их представленности на картах. В качестве крайних случаев можно принять, с одной стороны, полное отсутствие или спорадичность литературного слова на диалектной карте, с другой — повсеместное, практически не ограниченное распространение слова, при котором другие диалектные лексемы оказываются лишь вкраплениями или же их ареалы накладываются на сплошной ареал литературного слова. Оба крайних случая реально представлены в атласе. Так, например, на карте 3, показывающей диалектные названия для стада овец, литературное обозначение *статак* вообще не фиксируется, а на карте 1, посвященной названиям стада коров, оно отмечено всего в шести пунктах из 142. Единичными фиксациями представлены также литературные лексемы *страўнік* ‘желудок’ (карта 24), *святаяннік* ‘зверобой’ (карта 234), *каласоўнік* бот. ‘костер’ (карта 250), *агаткі* бот. ‘кошачьи лапки’ (карта 256), *катахі* ‘сережки вербы и др.’ (карта 275) и др. Значительное число лексем, наоборот, отмечено практически на всей территории Белоруссии: *авечка* (карта 36), *баравік* (карта 279), *жаба* (карта 345), *божа кароўка* (карта 253) и мн. др. Остальные литературные слова имеют ту или иную географическую привязку и разные по своим размерам, конфигурации и размещению ареалы. При этом, как показывает предварительный просмотр карт, литературная лексика отличается в ареальном отношении очень большим разбросом, не позволяющим пока что говорить о какой бы то ни было закономерности ее географического распределения: литературное слово может занимать на карте как северные, так и южные области, как западные, так и восточные, может вклиниваться на карту с востока, юго-востока, северо-востока, может иметь разорванный ареал и т. п.

Среди лексем, представленных в атласе значительными ареалами (приближающимися к половине всей территории), сравнительно немного таких, которые тяготеют к южной границе распространения белорусского языка. Примерами таких лексем могут служить: *седала* ‘насест’ (карта 106), *чэрава* ‘брюхо, утроба’ (карта 23), *палонка* ‘прорубь’ (карта 339),

лотаць бот. ‘калужница *Caltha palustris* L.’ (карта 230), глагол в выражении *павук снуе* ‘паук плетет паутину’ (карта 358), а также *масляк* ‘гриб масленок’ (карта 284; имеются и немногочисленные фиксации слова на севере Белоруссии). Близкими к ним, но несколько урезанными с северо-востока ареалами представлены слова *хвоя* ‘сосна’ (карта 138), *шыпшына* ‘шиповник’ (карта 221), *здрок* ‘овод’ (карта 350; слово дано в заглавии карты, но в [Крапіва 1962] оно снабжено пометой «областное») — см. рис. 1. Юго-западную половину территории занимают такие лексемы, как *качаня* ‘утенок’ (карта 116), *галіна* ‘ветка’ (карта 175), *бервяно* ‘бревно’ (карта 182) и др. (см. рис. 2). К западной границе Белоруссии тяготеют ареалы таких слов, как *кветка* ‘цветок’ (карта 228; ареально противопоставленная ему лексема *краска* ‘цветок’ имеет в [Крапіва 1962] помету «разговорное»), *канюшына* ‘клевер’ (карта 246), *галінка* ‘веточка’ (карта 177) — см. рис. 3.

К северной границе Белоруссии, с бóльшим или меньшим смещением в сторону северо-запада, примыкают ареалы лексем *бадзеца* ‘бодается (о корове)’ (карта 48), *сячы (лес)* ‘рубить (лес)’ (карта 193; слово распространено фактически по всей территории, кроме Полесья и восточного пограничья), *гняздо (бусла)* ‘гнездо (аиста)’ (карта 119; вся Белоруссия, кроме юго-восточного угла — Гомельщины), *чапля* ‘цапля’ (карта 122), *збіраць (грыбы)* ‘собирать (грибы)’ (карта 294) — см. рис. 4.

Большее число литературных слов имеет восточные (с возможным продолжением на северо-восток или юго-восток) ареалы. Восточное распространение характерно для слов *ляда* ‘лесная вырубка’ (карта 192), *тхор* ‘хорек’ (карта 81), *хлыст* ‘бревно’ (карта 189; [Крапіва 1962] не фиксирует этого значения; [Станкевіч 1990] — слово отсутствует), *суніцы* ‘земляника’ (карта 225), *браць (ягады)* ‘собирать (ягоды)’ (карта 227), *кываўнік* ‘тысячелистник’ (карта 241), *адуванчык* (карта 244), *раска* ‘ряска’ (карта 271), *крыга* ‘бредень’ (карта 332), *жак* ‘вентерь, мережа’ (карта 335; [Крапіва 1962] — с пометой «областное»; [Станкевіч 1990] — нет слова), *сараканожка* (карта 364) — см. рис. 5. Значительно меньшие ареалы

на юго-востоке образуют лексемы *б'уякі* ‘голубика’ (карта 224), *нізка* (*грыбоў*) ‘нанизанные на шнурок грибы’ (карта 296), *вусень* ‘гусеница’ (карта 356) — см. рис. 6.

Лексемы, занимающие северо-восточную половину белорусской диалектной территории: *кнігаўка* ‘чибис’ (карта 121), *куст* (карта 203), *васілёк* (карта 229), *трыпутнік* ‘подорожник’ (карта 251), *клоп* (карта 259). Меньшие ареалы на северо-востоке характерны, например, для прилагательного *бадлівая* (*карова*) (карта 47), тогда как глагол *бадзецца* ‘бодается’ (карта 48) отмечен на всей северной половине территории; еще более узкую северо-восточную локализацию имеет название медуницы *зябер* (карта 238) — см. рис. 7.

Часть литературных слов имеет более узкие центральные ареалы, образующие полосы в направлении с запада на восток или юго-восток. К ним относятся: *бусел* ‘аист’ (карта 118), *кмен* ‘тмин’ (карта 235), *драсён* бот. ‘горец’ (карта 236), *плюшчай* бот. ‘ежеголовник’ (карта 273) — см. рис. 8.

Клинообразные ареалы разного размера и направления — с юго-востока или востока на северо-запад или запад — характерны, в частности, для лексем *лоўж* ‘куча хвороста’ (карта 191), *лузаць* (*арэхі*) ‘грызть, лущить (орехи)’ (карта 220), *джала* ‘пчелиное жало’ (карта 299); с юга на северо-запад: *чарга* ‘очередь (пасти скот)’ (карта 64); с северо-запада на юго-восток: *бакас* ‘бекас’ (карта 130), *пілаваць* ‘пилить (дрова)’ (карта 194); с юго-запада на восток: *лопух* (карта 254); с юга на север: *мыса* ‘морда (коровы)’ (карта 10; [Станкевіч 1990] — нет); с севера на юг: *яжджаль* ‘вид осоки’ (карта 267; [Крапіва 1962; Станкевіч 1990] не фиксируют). Наконец, для ряда слов характерны разорванные ареалы — северо-восточный и юго-восточный: *абабак* ‘подберезовик’ (карта 283); северо-восточный и юго-западный: *касцёр* (*дроў*) ‘поленница (дров)’ (карта 207) — см. рис. 9, 10.

Изложенные здесь наблюдения, конечно, недостаточны для сколько-нибудь серьезных выводов о перспективах и значении картографирования литературной лексики вообще, и белорусской в частности. И все-таки, как кажется, они дают основания для некоторых размышлений. Во-первых, более

систематическое картографирование исконной литературной лексики способно подтвердить или опровергнуть имеющиеся общие и достаточно приблизительные, нередко противоречивые суждения о ее диалектных источниках. Для белорусского языка может быть проверено и уточнено представление о большем удельном весе в лексическом составе литературного языка слов западнобелорусского происхождения [ГБЛМ 2: 140] или о преобладающей роли центральнобелорусских говоров [McMillin 1985: 229], так же как и ценные наблюдения о роли инновационных ареалов в формировании литературного языка [Цыхун 1993]. Во-вторых, в разных пластах лексики соотношение диалектного и литературного элемента различно; особенно по-разному ведут себя конкретная и абстрактная лексика, что не раз отмечалось исследователями литературных языков. Конкретная, особенно предметная, лексика в значительно меньшей степени, чем абстрактная, служит объектом сознательного выбора нормализаторов литературного языка и в меньшей степени допускает свободу нормы и варьирование. Тем объективнее должны быть ареальные характеристики этой лексики, свидетельствующие о диалектных предпочтениях литературного языка на стадии его формирования. Содержащаяся в первом томе «Лексического атласа белорусских говоров» ботаническая и зоологическая лексика как раз относится в большинстве случаев к той ядерной части словарного состава, которая меньше всего должна была испытать сознательный контроль со стороны кодификаторов, так же как и влияние соседних языков (в первую очередь — русского и польского), и которая «изначально» и «стихийно» вошла в состав литературного языка. Как видим, эта лексика обнаруживает многообразные ареальные приурочения, но в большинстве случаев ее достаточно обширные ареалы так или иначе покрывают область центральной Белоруссии. Труднее объяснить вхождение в литературный язык тех диалектных слов, которые имеют локальное распространение; в этих случаях выбор диалектного слова может объясняться его позицией в лексическом ряду диалектных синонимов, индивидуальной судьбой слова в истории белорусской литературы и другими объективными и субъективными причинами.

Проблема диалектной основы и ее роли в формировании литературных языков, интересующая всех специалистов по истории славянских литературных языков [см.: Цыхун 1993], до сих пор решалась на ограниченном, выборочном материале отдельных черт и фактов литературного языка, для которых прослеживались их диалектные ареалы. Между тем для более строгого и надежного решения вопроса следовало бы попросту создавать атласы литературных языков (сколь непривычно это ни звучит), в которых каждое явление, каждая черта литературного языка получали бы свою ареальную характеристику. Такую возможность дают в наше время общезыковые диалектные атласы, и в частности, если речь идет о лексике, лексические атласы славянских языков, первым из которых явился «Лексический атлас белорусских народных говоров».

Рис. 1. Южный ареал: лотыць 'бот. калужніца *Caltha palustris* L.'
(на основе карты 230)

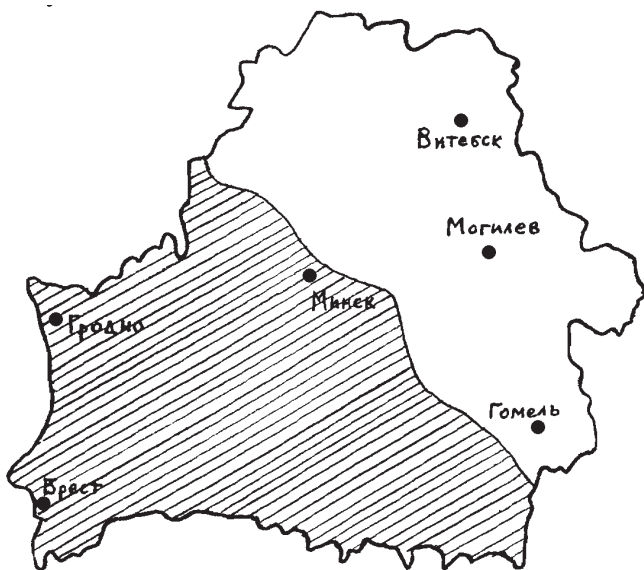

Рис. 2. Юго-западный ареал: жабурэнне (жабурынне [Крапіва 1962])
'лягушачья икра' (на основе карты 247)

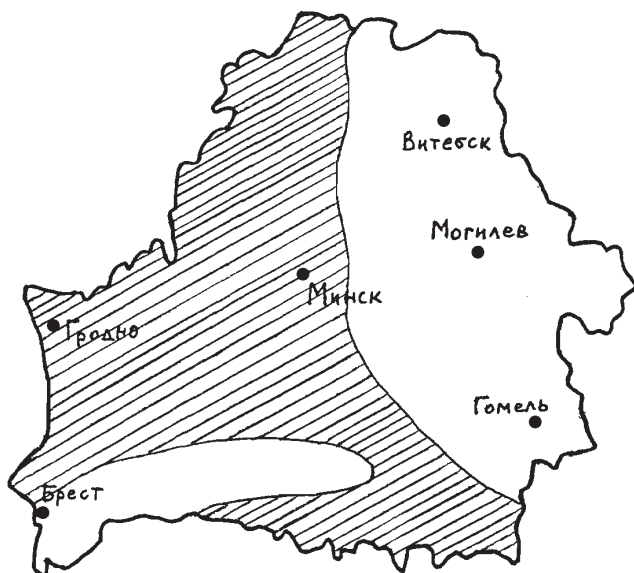

Рис. 3. Западный ареал: ланцуг 'цепь' (на основе карты 53)

Рис. 4. Северный ареал: бадзецца 'бодается (о корове)' (на основе карты 48)

Рис. 5. Восточный ареал: ляда 'лесная вырубка'
(на основе карты 192)

Рис. 6. Юго-восточный ареал: буюкі 'голубика'
(на основе карты 224)

Рис. 7. Северо-восточный ареал: *кнігаўка 'чібис'*
(на основе карты 121)

Рис. 8. Центральный ареал: *плюшчай 'бот. ежеголовник Sparganium L.'*
(на основе карты 273)

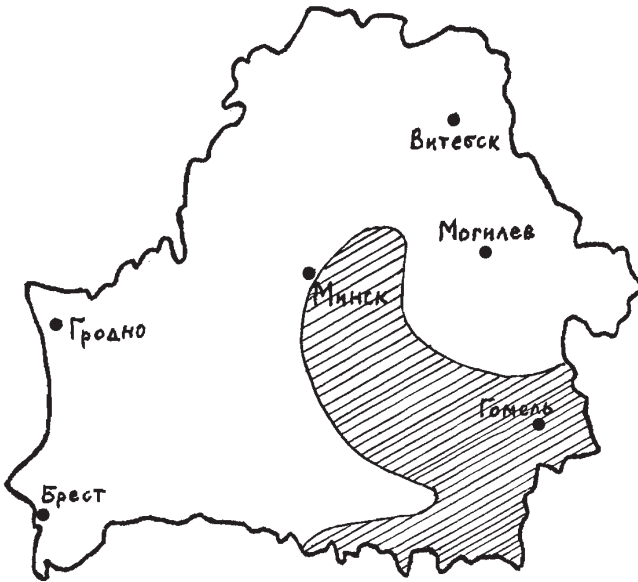

Рис. 9. Клинообразный ареал: лоўжэ ‘куча хвороста’
(на основе карты 191)

Рис. 10. Разорванный ареал: касцёр (дроў) ‘кладка (дров), поленница’
(на основе карты 207)

СОЮЗ (ЧАСТИЦА) *ДА* В ПОЛЕССКИХ ГОВОРАХ (к проблеме южнославянско-восточнославянских параллелей)

В обширной литературе, посвященной морфеме (союзу и частице) *да* в южнославянских языках, неизменно подчеркивается сугубо балканский, инновационный по отношению к общеславянскому наследию характер процессов, приведших к развитию так называемых *да*-конструкций и подчинительных функций союза *да* [см. прежде всего: Gołąb 1954; Sedláček 1970; Геннадиева-Мутафчиева 1970; 1974; Фелешко 1974; Цыхун 1981]. При всей убедительности собственно балканских сопоставлений остается недостаточно изученным вопрос о роли славянского элемента в формировании этого балканизма, вопрос, требующий для своего разрешения привлечения данных других славянских языков и диалектов, развивавшихся вне рамок балканского языкового союза¹.

Принято считать, что в противоположность южнославянским языкам восточнославянские языки развили конструкции с сочинительным (соединительным и противительным) союзом *да* (*Жили-были дед да баба; Близок локоть, да не укусишь* и т. п.) и не знают модально-синтаксических употреблений частицы и союза *да* (имеющиеся примеры типа рус. *да здравствует, да будет свет* и т. п. рассматриваются как церковнославянизмы). Такому выводу как будто не противоречат словари литературных восточнославянских языков и такие сводные диалектные источники, как «Словарь русских народных говоров» [СРНГ], «Словарь української мови» Б. Д. Гринченко [Гринченко 1–4], «Словарь белорусского наречия» И. И. Носовича [Носович 1870]. Между тем исторические словари русского (словарь И. И. Срезневского [Срезневский 1–3], «Словарь русского языка XI–XVII вв.»

1 Теоретические и методические вопросы, связанные с поиском и интерпретацией соответствий так называемым балканизмам на других славянских территориях, рассматриваются (в ареальном аспекте) в работе [Цыхун 1983а]. См. также [Orzechowska 1983]. Ценную сводку значений и функций союза и частицы *да* во всех славянских языках дает [ESSJ 2: 139–149].

[СРЯ XI–XVII], «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. [СДРЯ]), украинского («Словник староукраїнської мови» [ССУМ]) и белорусского («Гістарычны слоўнік беларускай мовы» [ГСБМ]) языков содержат сведения не только о сочинительном, но и о модальном и подчинительном употреблении *да*, но эти данные требуют специального анализа и оценки степени их книжности. Более надежен и более значим в этом смысле материал современных восточнославянских диалектов, изученных в интересующем нас отношении совершенно недостаточно. Приводимые ниже факты полесских говоров свидетельствуют, как кажется, о том, что восточнославянским языкам не чужды некоторые тенденции в развитии союза (и частицы) *да*, характерные для южнославянских языков и диалектов, хотя в восточнославянских эти тенденции не реализовались в полной мере.

Прежде чем перейти к изложению материала, необходимо заметить, что целесообразно, на наш взгляд, рассматривать все контексты, в которых выступает морфема *да* — независимо от того, имеет ли она функцию частицы (модальной оптативно-дубитативной, утвердительной, вопросительной, усилительной и т. д.), подчинительного союза или сочинительного союза. И только с учетом всех контекстов можно решать вопрос о том, сводимы ли эти функции друг к другу (или же следует говорить о двух, о трех омонимичных морфемах *да*), и если сводимы, то какая из этих функций была первичной (в литературе можно найти разные точки зрения на этот счет).

В полесских говорах украинско-белорусского пограничья обращает на себя внимание повышенная частота употребления союза и частицы *да*. Особенной концентрации достигает эта черта в западных районах Гомельской области и на севере Житомирщины и Ровенщины. В большинстве случаев это сочинительный союз, имеющий значение следования и, возможно, играющий определенную ритмико-синтаксическую роль в повествовательных (особенно фольклорных) текстах. Ср. два близких по содержанию отрывка, записанных в разных говорах указанной зоны.

1. «Посиём лёну. *Да* ягó попóлем, *да* поберóм, *да* побивбóём, *да* посьцёлём. *Да* зберóм егó *да* на печ або ў печ. *Да* ў цёрницу такую потрóм, потрапаём, *да* потóм обдзерóм на грэбень. *Да* ўже ў кудзэли потрúсим... *Да* на верэцэнó прадзём... А потóм з верацэнá *да* на клубкá помотáем. *Да* ўже поўбивáем дзёрки ў сцэну, кийкí такíе... *да* ўже послуём, *да* знíмом *да* ў ёки цэбер ци ў начóўки, *да* егó попарым у сёмьи ильнянóм *да* вúцегном, *да* повíсим перэд дúхом. *Да* вúсохне. *Да* оснуем и сядом ткаць. *Да* вúтком як-нёбудзь *да* ўже як-нёбудзь вúпером *да* ўже борджэй старáесса розрэзваць то на рубáшку, то на сподницу, то на штóники» (Г. Мзр. Мелешковичи) [БДХ: 259].

2. «*Да* сийим, *да* пóлэм, *да* рвэмó, *да* бйёмó, *да* стéлемó, *да* збыраёмó, *да* трэмó, *да* трэплэмó йогó, *да* прадэм, *да* ччэм *да* ўже бíлымо...» (Р. Зрч. Бродница) [ГУМ: 59]².

Показательно, что в аналогичных контекстах на месте *да* может выступать союз (наречие) *тоди* ‘тогда, затем’ с отчетливым значением следования: «лён сэялы, патóm палóлы лён, папалóлы *тади* пабрáлы, *тади* паббывáлы, *тади* паслáлы, *тади* патэрлы, *тади* патрэпáлы, *тади* паткáлы, *тади*...» (Ч. Смн. Радомка) [ГУМ: 141].

Как правило, сочинительное *да* выступает при глаголах или соединяет предложения, реже встречается при именах в качестве соединительного союза: «йёсли хатíte зелёну, дак náда песóк *да* свинéц, *да* мэди лóжку» (Ч. Рпк. Грабов) [ГУМ: 149]; «трóе астало́ся у мэне дете́й *да* ма́тка» (Ч. Чрн. Брусиллов) [ГУМ: 164]; «Огонь у печэ горыць, у чугунах *да* горшках вода кiпiць» [ТС 1: 241]; «такы ўже шо карáваты *да* сукавáты, то ўже, кáжэ, знáчыць, багáты б́удэ, а тóнэнькы *да* гóлы калóчек, то ўже бiдны, за бiднаго в́ыйдэш зáмуж» (Ч. Крк. Домашлин) [ГУМ: 160].

Сочинительное *да* имеет также противительное значение: «А ёто не дзядóк, *да* Бох» (Г. Мзр. Жаховичи)³; «бóдня булá, назывáласа бóдня, не скры́ня, *да* бóдня» (Б. Пнс.

2 Примеры из этой хрестоматии приводятся в упрощенной записи.

3 Примеры, приведенные без указания источника, записаны автором или другими участниками полесских экспедиций.

Дубой) [ГУМ: 535]; «Я вуходзіла замуж, дзецятко, по неволі да не по любові» [ТС 2: 263]; «Шо стукну, то не по дзервіні, не по гвозду, да по пальцу» [ТС 1: 248]; «От, не́сколько часуў она там бу́ла — не часы то бу́лі, да дне» [Moszyński 1928: 175]⁴; «Ой, яж не рабина, да твоя мила» [Там же: 245]. В этой же противительной функции союз *да* может стоять не перед всей противопоставляемой синтагмой, а внутри нее (на втором месте), и в таком случае он аналогичен противительному *же*: «Молодзэньки Иванко, для чего у тебе бацькоў много, родного да ни (г)одного» (из песни) [Там же: 175].

Наибольший интерес, однако, представляют конструкции, в которых *да* имеет модальное значение или выступает в функции подчинительного союза, вводящего придаточные предложения цели, следствия, причины, изъяснительные и определительные, что позволяет рассматривать их как до некоторой степени аналогичные конструкциям с *да* в южнославянских языках.

В нескольких примерах *да* выступает в качестве в о п р о с и т е л ь н о й частицы, вводящей прямой или косвенный вопрос и придающей вопросу модальное значение: «до⁵

4 Материал этой книги собран в западных районах Гомельской обл. (сс. Голубица, Дорошевичи современного Петриковского р-на и Дяковичи современного Житковичского р-на). Цитируемые в настоящей работе примеры переведены с латинской транскрипции в кириллическую.

5 В ряде полесских говоров наряду с формой *да* в тех же функциях и аналогичных контекстах (нередко в пределах одного и того же текста) выступает форма *до*. Ни условия появления варианта *до*, ни точная география этого явления пока не ясны. В одном из своих значений (следственном) в составе союза *як...* *до* и аналогичных конструкций (см. об этом ниже) *до* может пониматься как звонкий коррелят следственного *то* (так его интерпретировал в своем словаре Б. Д. Гринченко), причем развитию *то* > *до* в данном ареале (говоры украинского Полесья) могло способствовать, с одной стороны, наличие следственного союза *да* на той же и соседних территориях; во-вторых — оппозиция сочинительного *та* — *да*, характерная для всего украинского диалектного ареала (*да* в этом значении ограничено полесскими говорами). Любопытно, однако, отметить, что в Маринском и Зографском евангелиях встречается союз *до* и на месте обычного *да* и [см.: SJS 2/9: 451]. Союз *до* в противительном значении зафиксирован загребским словарем, ср. «Od hilade jedan ne ostade, do ostala dva Jakšića mlada» «Из тысячи ни одного не осталось, но остались два юных Якшича» [RHSJ 2: 486].

то я спáла?» <разве я спáла?> (В. Мнв. В. Ведмежка) [ГУМ: 33] (ср. с.-х. «*Da nisam ja od onih?*» <Разве я не из них?> [RHSJ 2: 168]); «*Да дзе ж мне дзецца? Да шчо ж мне цепер робіць?*» [ТС 2: 268]; «*гребу́, гребу́ да й огляда́юсь, да чи пра́ўда, шо вона́ жэнэ́ця за мно́ю*» (Ч. Борз. Хороше Озеро) [ГУМ: 176].

В качестве модальной частицы *да* может присоединяться к формам императива, придавая им оптативное значение, и к описательным императивным конструкциям с *хай*, *нехай*. Примеров первого рода очень много, но их трудно отграничить от таких императивных предложений, в которых *да* имеет усилительное значение. Ср. «*Да здорóв будь, зятю! Да ходы́ ж, зятё́к, в ха́ту!*» (из песни) (Б. Иван. Молодово) [БДХ: 99]; «*Да ты попоробі́ на мойму́ мисци да побáчиш*» (Ж. Овр. Прибытки) [ГУМ: 86]; «*Да склоня́йся, дэво́нько, свойму́ ро́ду*» (из песни) (Ж. Овр. Тхорин); «*Нема́ дажджу́. Дзе́ўки, да ву сабира́йцеса да павару́йце кушыны́ да пабéйце да их у калóдзесь*» (Г. Хнц. Дубровица); «*Ох, да ходзеце ж скорэ́нько, бо соба́кі рвуць корову́!*» [ТС 2: 267]; «*Да поста́ў, да вона́ тобе ў сеньх посто́ць*» [ТС 1: 249]; «*Да Юрай ма́ці клі́чэ, да подай, ма́ці, ключа́*» (из песни) [Там же: 247].

В отличие от южнославянских языков полесские говоры не знают независимых императивно-оптативных конструкций типа «*да + глагол в наст. вр.*», однако в формах косвенной речи (косвенного побуждения) такие конструкции возможны: «*пишуть за́піску, до́ я заверну́ тых людэ́й*» (Ж. Ем. Симаковка) [ГУМ: 98]; «*Дзе́ци, бийце жа́бу да прасі́це Бо́га, да бу́дзе дош*» (Г. Хнц. Дубровица). *Да + описательные формы императива*: «*Да неха́й вам пошчасти́ца, да неха́й вам Бо́г да́е як трэ́ба*» (Р. Дбр. Рудня) [ГУМ: 62]; «*До́ вун хай би пошо́ў через три мэ́жы да росо́ю ўмійу́се би*» (К. Плс. Мартыновичи) [ГУМ: 115]; «*От того годзі́ тых старых убі́ваць, да нехай живу́ць до своей смерці́ стары́кі*» [ТС 1: 245]. К этим конструкциям примыкают оптативные выражения с модальной частицей *хотя*, *хотя бы*: «*Хоть при цёй жы́зни да побáчить, як живу́т лю́дэ на сьві́ты*» (Ж. Ол. Белоковичи) [ГУМ: 88]; «*Хочь бы я на мінута́чку да задержáлась ешчэ́ на етым све́ці*» [Янкова 1982: 122]. Вместе с тем в этих примерах *да* имеет и ограничительное значение

‘хотя бы’ (притом что оптативная частица *хоть*, *хоть бы* ограничительного значения в данном случае не выражает, означая ‘вот бы, хорошо бы’), которое совершенно несомненно в следующем примере: «Ана́ пойдзе, да што́-нибудзь ей ќинуць, хоць хлѣба кусочок. Што́-нибудзь да ќинуць за ней» (Г. Хнц. Дубровица). Наконец, встречается и двойное выражение ограничительности, ср. «Ну, оні ж хуть портрѣты да храня́ть» (Г. Ллч. Замошье).

Весьма распространено, хотя и не является обязательным, употребление *да* после фазовых глаголов: «начинают да криют» (Ж. Млн. Чоповичи) [ГУМ: 101] (единичный пример замены инфинитива через «*да* + глагол наст. вр.»); «станим да служети» (В. Ивн. Грушев) [ГУМ: 47]; «бэ́руть да роска́зують» (Ж. Ем. Симаковка) [ГУМ: 98]. Ср. также *да* при инфинитиве после модального слова *надо*: «на́да ё́тага ве́ничка да перасекці три ра́зы» (Г. Хнц. Дубровица).

В туровских говорах встречаются случаи употребления частицы *да* в сочетании с род. п. существительного для выражения меры, большой степени: «Шо то була за жытка, шо то була за оказея колісь. Да було прусоў!» [ТС 2: 266]; «Як прыбудзе на весне вода — божэ ж мой, да чоўноў, да дзевок, да хлопцоў, да гармошки!» [Там же: 263]. Ср. аналогичные контексты в сербскохорватском языке: «Да дивна погледа на ту раван подунавску!» <Что за прекрасный вид на эту придунайскую равнину! > [РСХКJ 1: 608]. В этой, как и в некоторых других функциях, полес. *да* оказывается аналогичным рус. *что*, ср. «Что шуму, что брани было!» [Даль 4: 1364].

Наиболее близкие параллели к южнославянским *да*-конструкциям обнаруживаются в некоторых сложных предложениях, где союз *да* вводит придаточные предложения цели и разъяснительные. В придаточных цели союз *да* имеет значение, близкое к рус. *чтобы*, а глагол может стоять в форме настоящего и будущего (простого и сложного) времени: «Як нема́ дождю, малы́х посыла́ють да криніцу колоты́ть, недорóстки, вербо́ю, вербо́выми дубца́ми, шо свята́ть на Ве́рбну неде́лю» (Ж. Овр. Тхорин); «Быва́ло старики́ на богату́ кутью́ морóза гúкали: “Поді кутью́ йсты! Морóз, морóз ході кутью́

кутьёвать, *да* не морозиш меня, ни поле, бо будеш ячменя морозить, да будем тебя побивати» (Г. Мзр. Жаховичи); «Ек загрымиць, то зелінку перэкіне на спіну, *да* не болиць на усе жніво» [ТС 2: 62]; «Кажуть, шоб мазіец, першэ дитя, гриз зубами (грыжу), *да* оно зиде» (Ж. Рдм. Вышевичи); «Дзеду, ходзеце к нам *да* передзенецеса» [Там же: 262]; «Да постаў, *да* вона тобе ў снях постоіць» [ТС 1: 249]; «Ужэ йа пыдсаджвою, прымошчвоюса, пыдсаджвою *да* вылазіт» (Б. Пнс. Церабень) [БДХ: 303]; «Такого клыночка пошіе баба, бы торбочку, клыночка, *да* гоздичка вбье *да* повиыты клыночка *да* лье то молоко, *да* вонó стэчэ» (Б. Прж. Перасудавічы) [БДХ: 294]; «Ну, а шо я зроблю? Точно пошлі *да* потоп'яца» [ТС 2: 264]; «На дворе слута, не добреж нам тута. Ходзимо до иншого, *да* нам трочки полипшае» (из песни) [Moszyński 1928: 271]; «А вун идэ черэз лёд, ломить ёго ў воду, алэ у мэнэ сукночка на ногах, *до* будэ тэпло» (Ж. Овр. Рудня) [ГУМ: 79]; «Я віседю курэнят *да* будомо курэнята мат *да* своё яйца будут багато» (Ж. Овр. Прибитки) [ГУМ: 87]. Некоторые из приведенных и подобных им примеров могут быть истолкованы и как сочинительные конструкции со значением следования и следствия — такая неоднозначность вообще характерна для диалектного синтаксиса со слабо развитым гипотаксисом. Особенно неоднозначны в этом смысле предложения, где *да* сочетается с формами прошедшего времени: «О такé комино зрóbьянэ, такио, *да* тудá йшоў дим» (Р. Ркт. Томашгород) [ГУМ: 65]; «Свьэчки вельми свьэцяць на Стрэчынне. Шэ я й цепэр посылала *да* ў Мозыры тóжэ посьвеціла — хай будзе» (Г. Ллч. Стодоличи).

В придаточных и з ъ я с н и т е л ь н ы х при глаголах со значением 'говорить', 'просить', 'видеть' и т. п. союз *да* близок к рус. *что, чтобы*: «Кажэ *да* вун тэбэ нидэ нэ займаў» (Б. Стл. Глинка) [ГУМ: 539]; «Стáli казатé мэні *да* ўже якúсь сватáню достáлы *да* ў хату накропылы» (Ж. Рдм. Вышевичи); «Устань, Нíночко, *да* и побáч, *да* й твоя головка, як товкáч» (из свадебной песни) (Ж. Овр. Тхорин); «Ну вун здалюк бáчить, из высóкого дуба ўсе *да* й упадэ чоловiк на зэмню» (Б. Брз. Спорово) [ГУМ: 529]. В следующем примере употреблены оба

союза — *да* и *чтобы* — в одном значении: «Ой, ты, свашочко, тыж голубочко, просим вас, *да штоб* не було нашому дзецяци ганьбу у вас» (из свадебной песни) [Moszyński 1928: 284].

Весьма редко и нечетко выраженной является для полес. *да* функция п р и ч и н н о г о союза, соответствующего рус. *потому что, ибо, так как*: «Иди на мѣсто, *да* ты побáчыла детѣй, а дѣти тебѣ, иди на мѣсто» (Г. Ллч. Замошье); «Ох, не брат! не брат! — татарын! *да* продаў сестру за талер» (из свадебной песни) [Moszyński 1928: 273].

В ряде случаев *да* аналогично союзному слову *который*, вводящему придаточные о п р е д е л и т е л ь н ы е (ср. в этой же функции рус. *что*): «То буў няки дид старюй, *да* збыраў у хату дэтэй собі» (Б. Стл. Глинка) [ГУМ: 539]; «Колі я бачу, там у лесу жонка, *да* родзіла собе дзіця» [ТС 2: 6]; «Казáлы, што е вáдзьмы, *да* отнимаюць молокó» (Г. Птр. Голубица); «Мо там нѣка поганю́ка, *да* гнио́ть егó» (Г. Ллч. Стодоличы).

Самую многочисленную группу примеров составляют предложения, в которых *да* имеет значение с л е д с т в и я, независимо от того, входит ли оно в состав придаточного предложения, главного предложения или является сочинительным союзом, связывающим самостоятельные предложения, но имеющим оттенок результата, следствия. В первом случае *да* соответствует по смыслу и функции компоненту *что* в синтаксической паре *так (такой) ... что*, причем местоименная часть может быть опущена: «Такіе тучы заліўныя ўпадуць, *да* пропадуць картопли» [ТС 2: 105]; «Гуляюць там да так гáрно, *да* мы дывы́лыса дэнь» (Ж. Рдм. Вышевичи); «Шось у мо́у хату ўлізло, *да* нэ мо́жна ві́гнаты» (Р. Дбр. Берестя) [ГУМ: 64]; «Жыл бедны чоловек. Гороваў, гороваў, *да* нічога не маў» [ТС 2: 259]; «Вон палкою ударыў, *да* звiнуло» [Там же: 140].

В главной части сложных предложений с придаточным условия, времени, места и под. значение *да* близко к компоненту *то* в сложных союзах *если... то, когда... то, тогда, где... то, там*, причем первая часть сложного союза может отсутствовать: «Хóчеш дэсь копі́ку бу́ло заробі́т, *до* йды ў найміты» (К. Плс. Поліське) [ГУМ: 120]; «Прыказвалі старыя, шчо будзеш рошчэсацца, то не кідай нідзе гэтыя косы.

Бо возьме іх птушка на кубло, *да* будуць коўтуны на голове ў тебе» [ТС 2: 268]; «Да ты попоробі на мойму мѣсци, *да* побачиш» (Ж. Овр. Прибитки) [ГУМ: 86]; «Погана на перэходы: перэйдэ, *да* чэловеку плóхо рóбица» (Ж. Рдм. Вышевичи); «Побалі хату у Чісты чэтьвэр, *да* они (тараканы) посóхнуть» (Ж. Овр. Тхорин); «Умуйса, устройса, *да* я дам» [ТС 1: 246].

На базе таких употреблений в полесских говорах развился составной условно-следственный союз *як... да* (с вариантом *як... до*, характерным для некоторых украинско-полесских говоров), оформляющий сложноподчиненные предложения и имеющий значение ‘если... то’, ‘когда... то’ и т. п.: «Не вѣрыли, шо ек покином вераценóm прасци, *да* бѣдом одзѣтые ходзійць» (Г. Жтк. Гулевичи) [БДХ: 253]; «Як хочэш вѣдьму побачыць, *да* бóрону ўозьмі да сядь с боронóю у хлевѣ и вѣдьму побачиш, шо молокó тѣгне» (Г. Ллч. Замошье); «Як у дытыны ночніцы, *да* шѣпчут бабушкы» (Р. Дбр. Озерск); «Як ви хочэтэ побачыць домовóго хозѣина, *да* ви полѣзтэ на чэрдак и на лѣжни бѣдэ лежаты кóтик» (Ж. Рдм. Вышевичи); «Як пташки загаварують, *да* мóўчки трѣба, ни до кóго не говоріть» (Р. Дбр. Озерск); «Як хто такú маў змóгу, *до* возиў у Кóрыстышиў» (Ж. Кор. Минійки) [ГУМ: 109].

Если в некоторых примерах из предыдущей группы (без *як* в придаточном предложении) значение союза *да* могло бы быть возведено к следственному оттенку сочинительного союза типа *и*, то регулярность конструкций со сложным союзом *як... да* указывает на то, что для *да*, в отличие от *и*, следственная функция приобрела самостоятельность и отделилась от сочинительной функции и значения следования.

Значение следствия, вывода может отчетливо выступать и в тех сложных предложениях, где простое предложение с *да* присоединяется к другому простому предложению, имеющему значение причины (а не условное или условно-временное). Однако здесь оказывается невозможным формально разграничить сложносочиненные конструкции с сочинительным союзом следствия (типа рус. *поэтому, потому*) и сложноподчиненные конструкции с подчинительным союзом типа рус. *так что* (эти два типа функционально и семантически

слабо разграничены и в русском языке). Ср.: «Нога заболела, *да* покульгвае, покульгвае, покульгвае» [ТС 1: 253]; «А вонó порозливалос *да* й нэмá й мáсла» (Ж. Овр. Прибитки) [ГУМ: 87]; «Вон нервы свое поцераў, *да* вон трошкі ўродзе гаворыць і заікаецца» [ТС 1: 254]; «Ек отаву робілі, то занегодзілос, *да* по восем коп зробілі только» [ТС 2: 110]; «А дэўкам трэба пудлóгу ж виміты шо потанцовáли та помарáли, *да* на дрўгый дэнь идэм пудлóгу мíты» (Б. Стл. Глинка) [ГУМ: 540]; «Нэмá ж кудá мне пойтý, *да* я пойдú недалэчко, дэ хáты» (Ж. Рдм. Вышевичи). Отличие этих предложений от условно-следственных заключается только в степени реальности события, обуславливающего вводимое союзом *да* следствие, значение же (и функция) союза *да* идентично в обоих типах предложений.

Таким образом, в полесских говорах (преимущественно в зоне центрального Полесья) получили широкое распространение конструкции с союзом и частицей *да* в разных синтаксических и модальных функциях, многие из которых до сих пор считались специфически южнославянскими. Хотя материал полесских говоров в целом подтверждает противопоставленность южнославянских и восточнославянских языков в отношении синтаксических функций морфемы *да* (в первых *да* используется главным образом в гипотаксисе, во вторых — преимущественно в партаксисе), представление об исключительно балканском ареале многих конструкций с *да* оказывается поколебленным. Из трех основных сфер употребления *да* — 1. модальной, 2. сочинительной и 3. подчинительной — в южнославянских языках получили преимущественное развитие первая и третья, тогда как сочинительная функция союза *да* оказалась оттесненной на периферию. Наоборот, в полесском синтаксисе возобладало второе, т. е. сочинительное, употребление союза *да*, а модальные и подчинительные конструкции с *да* носят менее регулярный и в определенной степени факультативный характер (кроме конструкций с *як... да*). При этом и в южнославянском, и в полесском синтаксисе подчинительная функция *да*, безусловно, является вторичной, возникшей в южнославянских языках на базе модальных функций частицы *да*, а в полесских говорах преимущественно (но не только) — на базе сочинительного союза *да*.

Сокращения областей и районов:

Б. — Брестская обл., районы: Брз. — Березовский, Ивн. — Ивановский, Пнс. — Пинский, Прж. — Пружанский, Стл. — Столинский.

В. — Волынская обл., районы: Ивн. — Иваничевский, Мрв. — Маневицкий.

Г. — Гомельская обл., районы: Жтк. — Житковичский, Ллч. — Лельчицкий, Мзр. — Мозырский, Птр. — Петриковский, Хнц. — Хойникский.

Ж. — Житомирская обл., районы: Ем. — Емельчинский, Кор. — Коростышевский, Овр. — Овручский, Ол. — Олевский, Млн. — Малинский, Рдм. — Радомышльский.

К. — Киевская обл., районы: Плс. — Полесский.

Р. — Ровенская обл., районы: Дбр. — Дубровицкий, Зрч. — Заречненский, Ркт. — Рокитнянский.

Ч. — Черниговская обл., районы: Брз. — Борзнянский, Крк. — Корюковский, Рпк. — Репкинский, Смн. — Семеновский, Чрн. — Черниговский.

ИЗ КАШУБСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

В работах проф. Х. Поповской-Таборской, посвященных кашубской лексике, сформулированы важнейшие принципы, которых следует придерживаться при отборе и интерпретации кашубско-инославянских, и в частности кашубско-восточнославянских, лексико-семантических соответствий [Popowska-Taborska 1987: 138–164, 219–249]. Выход в свет кашубского этимологического словаря [SEK], в котором эти принципы получили конкретное воплощение и развитие, не только не закрывает дальнейших поисков таких соответствий, но, наоборот, побуждает к ним. Этимологический словарь каждого отдельного языка всегда в той или иной степени изменяет и углубляет общеславянскую перспективу; тем более это относится к этимологическому словарю кашубских говоров, сохраняющих в силу своего периферийного положения и особой судьбы исключительно ценные архаизмы славянского лексического фонда. В настоящих заметках предлагается несколько кашубско-восточнославянских сопоставлений, имеющих разную доказательность и неодинаковую ценность для этимологического толкования соответствующих лексем. Это скорее заметки на полях кашубских словарей, чем самостоятельные этимологические версии.

1. Кашуб. *bazarni* ‘негодный, подлый, бессовестный, бесстыдный’ [Sychta 1: 24], кочев. устар. *bazarni* ‘бесстыдный, негодный, никчемный’, *bazarnik* ‘негодяй, подлец’, *bazarńica* ‘негодная женщина’, *bazarstvo* ‘безобразие, бесстыдство’ [Sychta Кос. 1: 20] находят любопытное соответствие в рус. диал. (пск.) и просторечном *базарный* ‘бессовестный, нахальный, скандальный’. Ср. рус. *базарная баба* ‘скандальная, крикливая женщина’, ворон. *базарные глаза* ‘о бессовестном человеке’, *базарить* ‘громко разговаривать, кричать, шуметь’; сев.-рус., ср.-рус., урал. *базариться* ‘быть забиякой, крикливо себя вести’; пск., твер. *базарник* ‘забияка, крикун’; пск. *базарный* ‘смелый, бравый (обычно о женщине)’; яросл., твер. *базарь*

‘говорун, краснобай, хвастун’, ряз. ‘знахарь’ [СРНГ 2: 48]. Не вполне ясно отношение этих слов к семантически и формально близким *базанить* ‘громко кричать’ (слово имеет широкое распространение в русских говорах), *базан* ‘крикун, говорун’ (сев.-рус. и сиб.), *база* ‘крикунья’ (арханг.), *базить* ‘громко разговаривать, перебивая других’ (яросл., перм.), *базинить* ‘болтать вздор, пустословить’ (волог.) [Там же: 47]. Скорее всего, все эти образования следует считать параллельными экспрессивными дериватами (с консонантным расширителем *z* и дальнейшими наращениями сонорных *n* и *r*) праслав. **bajati*, **bajiti*, **basнь* [ЭССЯ 1: 170]. При этом производные с расширителем *r*, соответствующие кашубским, могли испытать вторичное притяжение и семантическую поддержку в тюркизме *bazar*, широко распространившемся в славянских языках не позднее XV в.

2. Кашуб. *bądina* ‘страх, испуг’: *meс bądina* ‘испугаться’ [Sychta 1: 25] — слово, записанное лишь однажды от 90-летней старушки и снабженное в словаре двумя крестами как полностью вышедшее из употребления. В [SEK 1: 100] предлагается трактовать его как дериват глагола **byti* со значением ‘будущее’ и ‘будущее, вызывающее страх’, однако завершается соответствующая статья заключением «ненадежно». Семантические и формальные трудности такого истолкования слова заставляют искать другие возможности его объяснения. Одной из таких возможностей кажется сопоставление кашуб. *bądina* с вост.-слав. **pǫdъ*: укр. *пуд* ‘страх, испуг’, *пудно* ‘страшно’ [Гринченко 3: 498]; белор. *пуд* ‘страх, испуг, от которого убегают’, *даць пуду* ‘так испугать, чтобы испуганный убежал’, *пудко* ‘пугливо’, *пудкі, пудлівы* ‘пугливый’, *пудзіла* ‘пугало’, *пудзіць* ‘пугать, побуждая этим к бегству (о животных)’ и приставочные производные этого глагола [Станкевіч 1990: 954–955]; глагол **pǫditi* в отличие от имени **pǫdъ* имеет общеславянское распространение. Такое сопоставление подкрепляется тем, что суффикс **-ina* оформляет преимущественно отыменные образования [Sławski 1974: 120]. Это подтверждают и кашубские дериваты на *-inal/-ëna*: *babina* (от *baba*), *dąbina*

(от *dąb*), *děńina* (от *děńa*) и т. д. [см.: Sychta Ind.: 94–95]), причем нередко случаи, когда суффикс не привносит нового значения, а лишь усиливает значение производящего слова, ср. *buda* и *budina*, *žgága* и *žgágina* и т. п.

С тем же корнем **pɔd*, но в другом его значении, можно связать еще одно не вполне ясное, но уже лишенное признаков архаичности кашубское слово *bađolc* презр., шутил. ‘ребенок’: «*Va, bađolce, jã vaju uspojoja. Cěž vaji bađolce robɔ?*» <Вы, сорванцы, я вас успокою. Что ваши сорванцы делают?> [Sychta 1: 25], которое также в [SEK 1: 100] объясняется через глагол **byti* и понятие ‘будущий’. В данном случае имеется в виду то значение корня **pɔd*, которое представлено в польск. *pęd* ‘стебель, росток’. Семантическая связь между ‘отросток, стебель’ и ‘ребенок’ подтверждается рус. *детка* ‘отросток, побег’, ‘личинка пчел’ [БАС 4: 204], *детки*, *детва* ‘личинки, яички пчел’ [Даль, 1: 1087], ср. также близость внутренней формы рус. *побег* (от *бегать*) к польск. *pęd* ‘быстрое движение, рост и т. д.’. Наконец, кашуб. *bađolc* могло ассоциироваться с общепольск. *pędrak* ‘маленький ребенок, обычно мальчик, паренек’, независимо от их этимологической связи. Что же касается формальной стороны отношений между *bađolc* и **pɔd*, то она тоже не препятствует предлагаемому толкованию. Имена с экспрессивным суффиксом *-olc* [см.: Sychta Ind.: 270–271] образуются в кашубском преимущественно от именных основ: *žada* — *žadolc*, *šadi* — *šadolc*, *tapi* — *tapolc* и т. д. (часто параллельно с другими суффиксальными именами лиц, ср. *slepolc* — *slepåk* — *slěpk* — *slepc* ‘слепец’), хотя встречаются и отглагольные (точнее, соотносительные с глаголом) дериваты: *krėkovac* — *krėkolc*, *vėkrėkovac* — *vėkrėkolc*, *dėrdac* — *dėrdolc*.

3. В кашуб. *bezla* ‘рядом, возле, подле’ усматривается характерная кашубская мена *v- > b-* [SEK 1: 105], убедительно подтверждаемая многими другими примерами. В данном случае, однако, необходимо учесть некоторые восточнославянские формы с начальным *b-*, а именно: русское диалектное владимирское наречие *бúзли* ‘возле, рядом’, нижегор. *бидле*

‘то же’ и южнорусский и украинский предлог *биля* ‘то же’ (последний обычно объясняется из **rodъle* заменой *p-* > *b-* [см.: ЕСУМ 1: 198; ESSJ 1: 69]). Наличие русских диалектных параллелей, возможно, указывает на очередной кашубский архаизм.

4. Кашуб. *ćetořec* ‘дремать’: «*zis dejšö padö, toç cun ñic ñe goçbi, le vëdno ćemçeři*» <сегодня дождь, и он ничего не делает, только дремлет>; «*Вë спас, а ñe ćemçeři*» <Иди спать, не дремли>; *ćetora* ‘человек, постоянно дремлющий, сонливый, соня’ [Sychta 1: 166] в [SEK 1: 235] толкуются через кашуб. *ćetżec* ‘делать что-л. медленно, возиться, копаться’. Между тем восточнославянские параллели к этому глаголу дают возможность другого его объяснения. Вместе с польск. *kimać* и кашуб. *kimac* ‘дремать’, *kimajk*, *kimajka* ‘соня’ [Sychta 2: 155], имеющими многочисленные параллели в восточнославянском и достаточно надежную этимологию, кашуб. *ćetořec* может рассматриваться как слово, пришедшее из офенского арго и восходящее к новогреческому [Бондалетов 1982: 69; ЕСУМ 2: 432; ЭСБМ 5: 34]. В восточнославянских языках и диалектах бытует не только исходный глагол *кíмать*, *кёмать*, но и его дериват с суффиксом **-or*, присутствующим и в кашубском глаголе. Приведем соответствующий материал: рус. диал. костр. *кёмать* ‘спать’ [СРНГ 13: 180], рост., костр., дон., оренб., пенз., влад. *кёмать* и *кíмать* ‘спать, дремать, клевать носом’: «Сижу, а самая кимаю»; ветл. костр. *киморить* ‘спать’ [Там же: 211]; рус. разг. *кемарить*, *покемарить* (слово широко употребительно, но не отмечено ни одним нормативным словарем современного русского языка); укр. полтав. *кíмати*, *кíмарити* ‘дремать’ [ЕСУМ 2: 432]; белор. гомел. *кíмарыць* ‘спать’, *кёмнуць* ‘заснуть’ [ЭСБМ 5: 20, 34]; *кíмарыць* ‘экспр. спать, дремать’: «Будзіш заўтра цэлы дзень кíмарыць — работы ж няма» (р-н Молодечно) [СГЦРБ 1: 192]; брест. *кíмарыты* ‘дремать’: «Старэнька бабка сьдiла, кíмарыла» [ДСБ: 95].

На этом фоне кашубский глагол *ćetořec* может быть истолкован как прямая параллель к восточнославянским глаголам с суффиксальным расширением **-or* и дополнительной

«палатализацией» начального согласного, имеющей, по всей вероятности, экспрессивный характер и достаточно характерной для кашубского, ср. параллельные формы *kum* ~ *ćum* ‘крыто, лохань’ [Sychta 1: 179], *kuprac* ~ *ćuprac* ‘тяжело и громко ступать’ [Там же: 180] и т. п. Колебания корневого вокализма (*e* ~ *i*), характерные и для кашубского, и для восточнославянского, свидетельствуют о славянской праформе с *ě*: *kěmati*, что согласуется с предполагаемой в качестве источника греческой формой κομάω, κομάεω ‘спать, засыпать, смежать веки’.

Приведенные данные не позволяют поддержать этимологию польск. *kimać* ‘спать’, предложенную в [ЭССЯ 9: 264], где это слово объединяется с юж.-слав. **kumati* как вариантом слав. **kuvati*.

Таким образом, если кашуб. *kimac* ‘спать’ продолжает общепольскую изоглоссу, то *ćemořec* демонстрирует кашубскую специфику и объединяется с восточнославянским ареалом арготизмов *кемарить*, *кимарить*.

5. Кашуб. *kutošec sq*, *kutoši* ‘несов. спешить, торопиться’: «ze tē sq tak kutošiš?» <куда ты так спешишь?>; *skutošec sq*: «Ně, χutko, skutošē sq» <Ну, скорее, поторопись>, «Ńni sq skutošēlě» <Они поторопились> [Sychta 2: 311] выглядит изолированным в польском диалектном ареале, однако оно имеет прямую параллель в русской диалектной лексике. Ср. калуж. *кутошиться* 1. ‘суетиться, возиться’: «Кутошишься, кутошишься с ребенком», «Дети там у печки кутошаться», 2. ‘делать что-л. медленно, возиться, копаться’: «Что ты кутошишься?» [СРНГ 16: 175]; яросл. *котошиться* ‘собираться, готовиться к чему-л.’: «Эк он котошится куда-то» (ср. выше кашубский пример). Семантическая связь приведенных глаголов не вызывает сомнения: из значения ‘возиться с чем-то’ легко выводятся как ‘собираться, суетиться’, и далее ‘спешить’, так и противоположное значение ‘копаться, мешкать, медленно что-то делать’. Несколько иные значения имеют волог. *котóшиться*, *котóситься* ‘браниться, ссориться’: «Две невестки завсе котосятся» [СРНГ 15: 112–113]; *котóсаться* (с другим тематическим показателем) ‘капризничать, ломаться,

важничать': «Да бери дар, не гневайся! Да не гневайся, не катосайся» [Там же: 112], однако и они укладываются в указанные семантические рамки: 'мешкать, медлить с ответом, не отзываться на просьбы и побуждения, ломаться и т. д.', и далее 'упрямиться, сопротивляться, ссориться и т. д.'.

Еще одна группа глаголов, которая может иметь отношение к интересующему нас гнезду слов, — пск., твер., курск. *катóшить*, *катóршить* со значением 'бить, трепать, драть' [СРНГ 13: 132–133] и олон. *катовáжити* 'долго что-н. делать, возиться'. Во всех этих диалектных глаголах, несомненно имеющих экспрессивную окраску, вероятно, следует видеть вторичные образования от общеславянских глаголов **kotiti*, **kutiti*, **katiti*, которые в славянской лексике часто контаминируются [ЭССЯ 9: 163; 11: 205–206; 13: 139–140].

6. Кашуб. устар. *vzòr* 'выражение лица, особенно глаз': «То zevčą mą rąkni vzòr» <У этой девушки прекрасные глаза> [Sychta 6: 118]. Подобное значение, неизвестное польскому языку, отсутствует также в украинском (где *uzip*, *узору* 1. 'внешний вид', 2. 'образец', 3. 'узор' [Гринченко 4: 324]), но представлено в русском церковнославянизме *взор* 'взгляд', 'выражение глаз', 'глаза': «Костя, мальчик лет десяти, возбуждал мое любопытство своим задумчивым и печальным взором» (Тургенев) [БАС 2: 216–217]. Из других церковнославянизмов в кашубском, имеющих соответствия в русском языке, можно отметить *drěšba* 'дружба' [Sychta 1: 238], *zectvo* 'детство' [Там же: 259], *χristosovac* 'приветствовать, воздавая хвалу Иисусу Христу' [Sychta 2: 53], *zaběcè* 'забытье' и выражение «пустить в забытье»: «Tële dobrègo, со ją jim zrobił, а oni všetko puscèlè v zaběcè» <Я им столько добра сделал, а они все позабыли> [Sychta 6: 166].

7. Кашуб. *véřba* 'любое плодородное дерево': «Na véřbaх gosco jabka» <На деревьях растут яблоки> [Sychta 6: 134]. Это значение, отмеченное Б. Сыхтой как первое для данного слова, находит параллель в семантике юж.-рус. астрах. *верба*: «В Астрахани говорят *véрба*, *véрбочка* вместо дерева вообще,

в Питере — *березка* и *елка*, а в других местах — *дубок*» (Даль) [СРНГ 4: 120]. Еще одно значение кашубского слова — ‘человек, особенно женщина, высокого роста’ — отмечается и среди диалектных значений рус. *верба*: нижегор., перм., урал. *верба* ‘красивая, высокая, статная женщина, покачивающаяся при ходьбе’. Это же значение присутствует в архангельском сравнительном обороте *как верба*, относящемся к нарядной, красивой женщине [АОС 3: 103].

8. Кашуб. *víxlac są* 1. ‘вертеться, крутиться’, 2. ‘еле сводить концы с концами’, 3. фигур. ‘уклоняться, отлынивать, отказываться от чего-л.’: «Máš tě všě, abo je se zěmno, že są tak víxláš» <Что у тебя — вши, или тебе холодно, что ты так вертишься?>; «Jak že vama jize? — Tak są víxlómě» <Как у вас дела? — Так, крутимся> (ср. в этом значении рус. *крутиться*); «Vez le vez, a ñe víxlaj są» <Бери же, бери, не отказывайся> [Sychna 6: 152] находит параллель в восточнославянских значениях соответствующих возвратных глаголов, ср. рус. *вихляться* 1. ‘шататься, качаться из стороны в сторону’, 2. ‘кривляться, дергаться, вертеться’: «Что ты вихляешься? Посиди спокойно», 3) ‘слоняться без дела’ (олон.) [СРНГ 4: 305]; белор. *вихляцьца* 1. ‘идти, шатаясь, как бы нехотя или от слабости’, 2. ‘вертеться около работы, но не заниматься’: «Не вихляйся тут» [Носович 1870: 59]; *біхляцца* ‘идти неуверенно, шататься’ [Станкевіч 1990: 1214]; укр. *вихлюватий* ‘шаткий’ [Гринченко 1: 196].

9. Среди служебных слов, часто сохраняющих весьма архаические формы, здесь заслуживает упоминания словинское отрицание *ñe-a*, уже привлекавшее внимание проф. Х. Поповской-Таборской [Popowska-Taborska 1994: 45] в связи с его фиксацией в многоязычном словаре, изданном в конце XVIII в. в Петербурге. Подобное двутактовое отрицание, имеющее ударение на первом слоге, — *ñe-a* — широко употребительно в русском просторечии, хотя, к сожалению, не отражено в словарях русского языка.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ «НОВГОРОДСКОГО ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ»

«Новгородский областной словарь» (далее — НОС) благодаря богатству и своеобразию собранной в нем лексики, ее исторической значимости для русского языка (достаточно указать на его роль в чтении и интерпретации берестяных грамот), а также благодаря систематичности и тщательности ее обработки давно стал одним из важнейших источников лексикологических и этимологических исследований не только русской, но и общеславянской лексики.

Как правило, к диалектному словарю исследователи обращаются по мере необходимости, с конкретными запросами, касающимися отдельных слов или групп слов, и не всегда бывают способны оценить содержательную структуру всего словаря. Если же попытаться взглянуть на словарь в целом, как на единый лексикографический источник (а я лично, как и многие другие, очень люблю просто читать диалектные словари подряд), то такое сплошное чтение позволяет восстановить как бы в обратной перспективе весь корпус лексики, т. е. все тематические группы, представленные в словаре. Я говорю «в обратной перспективе», потому что в идеале при подготовке словаря лексика собирается именно по отдельным тематическим группам, с тем чтобы потом слиться в единый алфавитный свод. На практике такой систематический сбор лексики, применяемый (хотя и с неизбежной выборочностью) при создании атласов, в случае словарей реализуется далеко не всегда — в разных диалектных словарях разные тематические блоки лексикона представлены с разной полнотой. При сплошном чтении НОС я обращала внимание на несколько лексико-семантических групп, которые интересовали меня в связи с задачей общеславянской реконструкции традиционной духовной культуры и праславянского словаря. Одна из таких тематических групп — с о м а т и з м ы. В русских диалектных словарях, и в том числе в НОС, содержится такое богатство и разнообразие анатомической лексики, что давно назрела потребность

в создании отдельного словаря терминов русской народной анатомии и физиологии. Немало есть специальных разработок этой темы на материале отдельных говоров (например, в серии «Лексический атлас русских народных говоров»). Существует и опыт сводного (в общеславянском масштабе) обзора этой лексики на основе данных «Общеславянского атласа» — монография Я. Сятковского [Siatkowski 2012].

В отношении соматизмов новгородский материал демонстрирует исключительное своеобразие. Достаточно сказать, что НОС содержит десятки слов, которые либо вовсе отсутствуют в СРНГ, либо представлены в нем только новгородскими примерами, либо, наоборот, новгородские лексемы в нем не учтены. К первым, т. е. вообще отсутствующим в СРНГ, относятся, к примеру, *бабáн* ‘большой палец на руке’, *ба́бик* ‘любой палец на руке’, *ба́бник* ‘то же’, *бабу́ра* ‘большой палец на руке’, *белто́к* ‘белок глаза’, *горбу́ина* ‘спина’, *гнуть горбу́ину* ‘тяжело работать’, *гри́бы* ‘толстые, некрасивые губы’, *длинноля́двый* ‘длинноногий’, *долголя́гий*, *долголя́кий*, *долголя́хий*, *долгопря́слый*, *долгоспи́нный* ‘долговязый’, *жидколя́двый* ‘тощий, сухой, болезненный (человек)’, *клюку́хи* ‘закорки’, *кни́жка* ‘отдел желудка’ (см. «Закубриться»), *ка́вра* ‘рука’, *ко́кыш*, *ко́кыш-мо́кыш* ‘фига, кукиш’, *копчи́шки* ‘пальцы рук’: «Овес жали на коленках, то и гляди, что копчишки обрежешь», *корчунки́* ‘корточки’: «На корчунки сел и сидит», *коско́*, *косо́к* ‘косоглазый человек’, *косола́пый* ‘хромой’, *косточка́* ‘фигура, стан человека’, *в ко́сточку сшить* ‘по фигуре’, *кука́шки* ‘закорки’: «Посади на кукашки его, на закорки-то, за плечи-то и неси», *куку́ши*, *куку́шки* ‘плечи, закорки’, *кулга́ча* ‘хромой человек’, *ла́лаки*, *ла́лыки* ‘десны’, ‘челюсти’, *ле́дна* ‘голова’: «Смейся на свою лёдну», *ля́два* ‘рука’: «Не махай лядвой», ‘рот’: «Закрой лядву-то», *ма́льги* ‘мозги’, *ма́тожины* ‘родимые пятна на теле ребенка’, *мере́жа* ‘большой живот’, ‘часто рожаящая женщина’, *мигу́лица* ‘веко’: «На мигулице-то у тя опять пупыш выскочил?», *пы́ра* ‘нижняя часть туловища, таз’, *са́нка* ‘челюсть’: «У меня так зуб болел, что санку на бок повернуло» (перечень неполный).

Ко второй группе слов, отмеченных в СРНГ как только новгородские, относятся, в частности, *жело́нка* ‘вена’ (СРНГ:

только новг. ‘железы’), *заклю́ки*, *заклю́кишки*, *закрю́киши*, *закру́кы* ‘плечи, закорки’, *за́горбень* ‘верхняя часть спины’, (грубо) *ля́два* ‘нога’, *мордв́а* ‘лицо’ и др.

К третьей группе, т. е. к лексемам, присутствующим в СРНГ, но без пометы «новгородское», относятся, например, *жильё* ‘кровеносные сосуды’ (СРНГ: петерб. ‘сухожилия, жилы’), *завоёк* ‘шейный позвонок’ (СРНГ: новг., пск. ‘затылок; загривок’), *ка́бра* ‘рука’, *кабри́щи* (СРНГ: олон.), *коса́* ‘селезёнка животного’ (СРНГ: пск.) и т. д.

Следующая тематическая группа, представленная в НОС очень полно, — это терминология родства и семейных связей, о которой также можно сказать, что она в полной мере заслуживает специального лексикографического труда, причем не только для отдельных диалектных зон [ср.: Брысина, Кудряшова 2004; Гришанова 2003; 2008; Качинская 2008; 2013; 2018 и др.], но и в общерусском масштабе. Хотя включенные в НОС слова — в основном известные большинству славянских языков лексемы праславянского происхождения (с обильным наслоением экспрессивных дериватов), но некоторые из них представляют безусловный интерес либо в семантико-мотивационном плане, либо в словообразовательном отношении. Приведу лишь несколько примеров: *бы́тный* ‘взрослый’, *вдовина́* ‘старая дева’, *во́рон* ‘незаконно-рожденный сын’, *гузулёнок* ‘маленький ребенок’, *до́ка* ‘дочь’, *коко́тастик* ‘подросток’, *кру́глу́ха* ‘вдова’: «Наша Аннушка вот уж шестой год как круглуха: муж на войне погиб», *моло́ча* ‘дети’, *полю́шник* ‘подросток’, *ро́сина* ‘маленький ребенок, малыш’ и т. д. Все они отсутствуют в СРНГ.

Еще одна тематическая сфера, которая меня специально интересовала, — лексика народной демонологии. Данные НОС в этой части очень важны для общеславянской типологии мифологической лексики и сравнительной славянской мифологии, которая в наше время оснащена уже весьма солидными источниками по разным славянским этническим и региональным традициям. Среди новгородских терминов заслуживают особенного внимания не отмеченные СРНГ названия персонажей нечистой силы, такие как *анчу́к*

(при более известных формах *анчут*, *анчута*, *анчутик*, *анчутка*), *блуд* (в СРНГ нет новг.), *заворонить* 'околдовать', *кастёнок* 'чертенок', 'озорной ребенок', *кастёныш*, *кастёня* 'маленький ребенок', *касть* 'нечистая сила', но также '*перен.* болезнь, вызванная нечистой силой': «Ах какая касть на скотину напала», 'мышь, крыса, вредные насекомые', 'мерзость, дрянь', '*бран.* о скотине, о детях', *на все (разные) кáсти* (*бранить*, *обзывать*), *кэгря* 'черт, нечистая сила', '*перен.* старый мужчина, старик', *кикíмора* 'нечистая сила, живущая в болоте', *князь тьмы* 'сатана, предводитель нечистой силы', *колдэя*, *колдóвка* 'ворожея, колдунья', *корочун* 'бранное': «Корочун тебе на язык!», 'тяжелая болезнь', 'злой дух, нечистая сила', *ластóк* 'нечистая сила': «Ласток-то у нас лошадь замучил — станешь утром, а она в пене вся, беспокоится, ходуном ходит», *лашкó* 'нечистая сила, напускающая лень на человека': «Как сядет лашко на плечи, трудно человека расшевелить», *лембóй* 'нечистая сила, черт', *лемур* 'домовой': «Лемур живет в каждом доме и следит за порядком», 'дух умершего', 'сказочное доброе существо' (СРНГ: арханг. *лёмор*), *мень* 'нечистая сила': «Пропали деньги, такмень лизнул», *мокуш* (*макош*) 'нечистая сила': «Держись от этого места подальше — мокуш здесь водится», 'ведьма', 'дворовой': «Домовой мокош огненный летает в трубу на крыше к колдунам и таскает добро к ним», «Мокош ососет, и кудель будет мокрая», '*бран.* чёрт' (СРНГ: новг. *мокошá*), *налесть* 'нечистая сила', *налётный* 'нечистая сила, черт', *на худой след напасть* 'попасть под власть нечистой силы', *пóкша* 'левша', 'нечистая сила, живущая в гумне': «Валяй, валяй в гумно, покша тебе там даст», «Покша картошку в овине пекёт, приговаривает: "Эта покша, эта не, эта Ваньки, эта мне"». К сожалению, для ряда слов в НОС даны лишь самые общие дефиниции типа 'по суеверным представлениям — нечистая сила, живущая там-то', но некоторые мифологические названия разработаны более подробно и снабжены полезными иллюстрациями.

В отношении обрядовой терминологии НОС, конечно, не может сравниться со специальными этнолингвистическими словарями русской или инославянских традиций,

такими как, например, сводный словарь терминологии народного календаря, изданный недавно екатеринбургскими авторами [РНК], где исчерпывающе представлены названия праздников, периодов и календарных обычаев, но тем не менее и эти данные НОС с благодарностью используются как этнолингвистами, так и этимологами и этнографами. Обращу внимание только на несколько интересных терминов: *ба́ры* ‘участники свадебного обряда’: «Бары помладше дружек», *волхвы́* ‘христославы’, *во́лю кричать* ‘ритуал в свадебном обряде’: «Волю ходят кричать под окном, чтобы молода поплакала, что с волей растаётся», *выкру́тник* ‘ряженный’, *выря́дный*, *выря́женец* ‘ряженный’, *желку́нье* ‘один из летних праздников’, *килово́з* ‘лицо на свадьбе, едущее последним в свадебном поезде’, *кли́чка* ‘объявление о помолвке в церкви’: «Потом в церкву заявляют, а там кажно воскресенье кличку делают такой-то жених, невеста», *красные вечера́* ‘гулянье молодежи в мясоед’, *кращена́* ‘гулянье молодежи в святки’, *кути́ха* ‘вечеринка молодежи, гулянка’, ‘кутья на поминках’, *куту́ша* ‘посиделки молодежи’, *лэсенка* ‘часть свадебного обряда — выкуп за приданое’, *лунёвка* ‘вечернее гулянье молодежи летом’, *набо́ры*, *набо́р* ‘зимнее гулянье молодежи’, *пы́на* ‘водящий в игре’ и т. п.

У меня нет возможности говорить о других тематических группах, которые исключительно богато представлены в НОС, таких как, например, глаголы речи (в том числе экспрессивные со значением ‘болтать, нести ерунду’, ‘кричать’, ‘бормотать, невнятно говорить’ и т. п.), а также об очень обильной фразеологии. В частности, замечательны выражения, обозначающие измену, например *борода́ тебе*: «Нюшка, борода тебе от Кольки», *дать сту́ку*, *ла́пти ей*, *сделать ла́пти*: «Верка-то ему лапти сделала, с другим пошла», *жечь ры́жики*, *ему ры́жики*, *наварить ры́жиков*, *ры́жиков подсыпать* и т. п., *затащить борону на крышу*, *колун повесить*: «Колун повесила ему Дунька-то», *прокатить на веретне́*, *прокатить на вэнике*, *сварить грибо́в*, *дать сту́пу* и т. д. Эта фразеология близка к формулам отказа при сватовстве, о которых писала Е. Л. Березович [2007: 243–277], а иногда и прямо совпадает с ней.

Если в отношении охвата лексики, ее значения для общеславянской лексикологии и этимологии, ее репрезентативности для воссоздания так называемой языковой картины мира славян наиболее значительные современные диалектные словари, в том числе, конечно, и НОС, в целом можно признать вполне удовлетворительными, то в отношении грамматики, и тем более в отношении общей теории и методологии диалектной лексикографии, остается еще немало серьезных проблем. Если мы обратимся, например, к лексикографической теории Московской семантической школы под руководством Ю. Д. Апресяна, то увидим, что разрыв между общей и диалектной теорией лексикографии остается очень существенным и даже продолжает увеличиваться со временем (за счет непрерывного совершенствования общей теории). Основной методологический принцип современной системной лексикографии — и н т е г р а л ь н о с т ь, т. е. принцип взаимной согласованности лексического (семантического) и грамматического представления, по которому каждая единица словаря должна получить, во-первых, адекватную содержательную (семантическую) дефиницию, а во-вторых, полный набор релевантных формальных (словоизменительных, словообразовательных, морфонологических, синтаксических, акцентологических и пр.) характеристик. Строгие требования предъявляются, конечно, и к семантическим дефинициям, и к решению проблемы лексической многозначности, омонимии и др. Очевидно, что этим требованиям диалектные словари, даже лучшие, никак не соответствуют, причем не только по объективной причине — из-за их по преимуществу дифференциального характера, но и просто по недостатку требовательности к дефинициям и грамматическим характеристикам. Об этом немало уже говорилось и писалось, но какого-либо прогресса в этом плане пока не видно. Можно было бы привести множество примеров ошибочных толкований, не подтверждаемых приводимыми контекстами или прямо противоречащих им (например, в НОС: *различка* ‘различие’, ‘однообразие’: «Жизнь течет без всякой различки, всё в одном хожу»; пример противоречит толкованию), очень частые примеры контекстных толкований, когда слову

приписываются значения, относящиеся к другим составляющим контекста или к контексту в целом, — например, в НОС *попотерять* ‘уменьшиться в весе’: «А теперь батько брюхо-то попотерял» (ясно, что семантика веса наведена контекстом, а в значение глагола не входит). Важнее сказать о том, что диалектные словари не дают возможности получить сколько-нибудь полное представление о многих интересных явлениях диалектной грамматики, значимых в общеславянском плане, таких, например, как многоосновность глаголов, когда глагольные лексемы оформляются разными формальными показателями типа *владать* и *владеть*, *блюдить* и *блюсти*, *бродать* и *бродить*, *вязти* (*вязть*) и *вязать*, *гибать* ‘гнуть’ и *гибеть* ‘изгибаться’, *гудать* — *гудеть* — *густий*, *лоснеть* ‘блестеть’ — *лоснить* ‘лосниться, блестеть’ — *лоснуть* и т. п. (особенно характерно смешение праславянских ятевых и *i*-основ, имеющих общие формы в презенсе, но в разных диалектах это смешение представлено в разной степени).

В НОС имеются также многочисленные примеры именных приставочных дериватов типа *заплёс*, *заполе*, *за́река*, *наддорóга*, *подгóра*, *пóдмост*, *пóдмох*, *подни́ва*, *подокно́*, *посёстра*, *посеть*, *примóст*, *примрак*, *присват* ‘родственник свата’ и др., находящие параллель в польском языке, и в частности в топонимии (образования типа *Zalas*, *Zagóra*). Обращают на себя внимание и с грамматической, и с морфонологической точки зрения регулярные имперфективы и итеративы типа *досáживать*, *едовáть* (к *есть*), *зажíживать*, *залáживать* (к *класть*), *зая́вливать*, *ка́чивать*, *рабáтывать*, *порáбливать* (к *робеть*), *разгáживать* (к *разглядеть*). Подобные явления, безусловно, требуют специального систематического исследования на полном (по возможности) материале.

Я хочу остановиться кратко на двух любопытных явлениях, имеющих значение для сравнительной грамматики славянских языков. Первое — это новгородские (и не только новгородские) формы общерусских (и общеславянских) глаголов *переть* (**perti*, *pъrъ*) и *тереть* (**terti*, *тъrъ*). В НОС они представлены глаголами *прать* и *трать* и множеством приставочных дериватов, отсутствующих в СРНГ (таковы, например,

подпрáть и *подопрáть*, *попрáть*, *припрáть*, *пропрáть*; *подотрáть*, *потрáть*), и имперфективами *попирáть*, *припирáть*, *потирáться* ‘находиться, пребывать где-л. без дела’ (ср. разг. *отираться*), имеющими более широкий круг значений. К сожалению, приводимые в НОС иллюстрации лишь в редких случаях позволяют восстановить парадигму глагола: обычно в иллюстрациях даются инфинитивные или претеритные формы (например, «Тряпочкой подотрать надо» или «Что ты не подопрал стог-то?»), а здесь показательны были бы именно презентные формы. В НОС форма *попрёшь* дается при глаголе *попрáть*: «Накладет (курица), дак скорее в город попрёшь (яйца)», а форма *попрёт* той же парадигмы («Он попрёт туды, куды он хочет») — при глаголе *попирáть*, который к тому же не соответствует иллюстрирующему глаголу по виду. В то же время от *подпрáть* форма 1 л. ед. ч. наст. вр. имеет вид *подперу́* («Тут бы к самому берёгу *подпрать* нады, буде я *подперу*, а ты сходи сразу»), а не ожидаемую *подопру*. При этом формы глагола со значением ‘переть’ (**perti*, *pъrъ*) совпадают или пересекаются с формами глагола *прáть* (**pъrati*) со значением ‘стирать’ и ‘бить, колотить’. В СРНГ дериваты этих двух омонимичных глаголов тоже нередко смешиваются.

Второй случай касается глагола *взды́нуть* со значением ‘поднять’ и однокоренных с ним приставочных глаголов. Недавно А. А. Зализняк посвятил этому глаголу специальную статью, в которой он реконструировал весь исторический путь появления этой формы с неэтимологическим вставным -д- между приставкой *въз-* и корнем *-яти/-имати*. Не повторяя всех ходов морфонологических преобразований, восстановленных А. А. Зализняком, я могу только кратко резюмировать его вывод: «данное слово представляет собой не что иное, как продукт многоступенчатой эволюции древнерусского *въз-яти* в его первичном значении ‘поднять’ (из *въз-* ‘вверх’ + *ит-* ‘брать’)» [Зализняк 2013: 31], при этом «глагол *вздымать* получил свое *д* от глагола *подымать*». Но ситуация с глаголом *вздымать*, как отмечает Зализняк, осложнена существованием омонима *вздымать*, образованного от глагола *въздути*, *въздьметь* со значением ‘вздувать, надувать’. В НОС глаголы

интересующего нас гнезда и их производные представлены довольно полно: *вздым* ‘крутой подъем’ и ‘поднятие тяжести’; *вздымать* — не только в значении ‘поднимать’: «Надо вздымать на избы сено», но и в переносных и более абстрактных значениях: *детей вздымать*, *огород вздымать*; имперфектив *вздымывать*: «Надо пол вздымывать»; *вздынать*: «Девку одна вздынала»; *вздунуться* (где от корня не осталось и следа): «На горку-то не вздунуться»; *вздынуться* ‘подняться после сна’. Вставку неэтимологического *-д-* можно было бы усмотреть и в глаголе *раздымать* ‘побудить к каким-л. действиям’: «Что тебя раздымает-то, черт взбалмошный?». Однако здесь более вероятна связь глагола с омонимичным глаголом со значением ‘вздувать’ (ср. разг. *так и распирает*).

Особое положение среди слов со вставным *-д-* занимают глаголы с приставкой *з-/с-*: *здымить* ‘поднять вверх’: «Здыми грабли на потолок», *здымиться* ‘подняться вверх’: «На гору здымились», *здынуть* ‘поднять’, ‘увеличить в объеме, вспучить’ (в первом значении это глагол с корнем *-имать*, а во втором — дериват омонимичного глагола), *здынуться* ‘подняться’: «На гору здынешься, там и кладбище».

Те же самые по происхождению и по значению формы, а часто и с теми же самыми иллюстрациями, даны в НОС и в написании с начальным *с-*: *сдым* ‘подъем в гору’; *сдымать* ‘поднимать’: «Миша-то пришел мешки сдымать», «Сдыми грабли-то на потолок», перен. *сдымать детей*; *сдыматься* ‘всходить, подниматься’ и ‘перен. растить детей’: «Два сына сдымались у тетки», ‘увеличиться в объеме’: «Дрожжей положишь, сдынутся, замесишь и пеки пирог» (в третьем значении это другой глагол — *вздуться*); *сдынать* и *сдынуть* ‘поднимать, поднять’: «Сдынай самовар-то, ставь на стол», «Еле сдынула это бревно»; *сдынуться* ‘подняться’, а также ‘увеличиться в объеме’: «Сдынется тесто, валяешь на муки, потом на сковороде» (последнее — от омонимичного глагола *вздуть*, *вздыматься*). Отмечены и формы с двумя приставками: *посдымать* ‘поднимать что-л. руками’, *посдынуться* ‘приподняться’: «У Олешки стог-то что-то посдынулся, макушка-то сдынулась» (толкование, данное в [НОС 8: 137], сомнительно: здесь скорее

‘сдвинуться, съехать’). Есть еще не совсем понятный глагол *придымíть* в значении ‘приехать’: «Придыми в этот день» (нет уверенности, что инфинитив восстановлен верно — скорее следовало бы ожидать *придымáть*).

Очевидно, что формы с начальным *з-* и формы с начальным *с-* тождественны. Однако различное их написание в НОС отражает не только разный орфографический способ записи, но и разную трактовку префиксов: в случае с начальным *з-* префикс понимается как упрощенная форма исконного префикса *въз-* с отпадением начального *в-* (что выглядит вполне правдоподобно), тогда как в написании с начальным *с-* отражена трактовка этих слов как содержащих префикс *с-* (что, судя по семантике лексем, неверно).

Явление вставного *-д-* между приставкой и глагольным корнем *-яти/-имати* известно и в польском языке, где мы имеем глаголы *zdjąć, zdejmować*, однако не в значении ‘поднять, поднимать’, а в противоположном значении ‘снять, снимать’. Тем не менее эта вставка, как и в русском языке, обязана влиянию того же однокоренного глагола с приставкой *pod-*: польск. *podjąć, podejmować* в значении ‘поднять, поднимать’. Иначе говоря, если в русском языке влияние глагола *поднять* основывалось на принципе синонимии (*поднять* — то же, что *вздымать*), то в польском — на принципе антонимии: ‘поднять вверх’ — ‘опустить вниз’.

Остается сказать, что НОС включает в себе еще множество интересных фактов, требующих объяснения, его еще читать и читать, а создателям словаря хочется выразить от имени русских и славянских лексикологов искреннюю благодарность за огромный труд, вложенный в него.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ПОЛЬШЕ В XII–XIV ВВ.

Естественное и не требующее специального обоснования обращение к языку при изучении вопросов этнического (этнокультурного) сознания и самосознания (ср. лишь *язык* в значении ‘народ’) нуждается, однако, в уточнении того, какие именно стороны и черты языка могут быть показательными в данном отношении, т. е. могут содержать прямые или косвенные свидетельства этнического сознания его носителей, а какие — относительно индифферентны и не дают основания для подобных выводов. Необходимо прежде всего различать языковое сознание, являющееся частью этнического сознания, и языковую действительность, независимую от этого сознания. Объективные признаки языковой дифференциации или, наоборот, общности могут не иметь никакого значения для языкового сознания: например, изоглоссы, связывающие лехитские языки с восточной частью южнославянской языковой группы, не являются компонентом языкового сознания носителей польского или болгарского языков. Все же, что относится к сознательному использованию языка в его социальных и культурных функциях, так или иначе связано с проблемой этнического и этнокультурного сознания. Из этого следует, что в первую очередь заслуживает внимания проблематика литературного языка (или предваряющего его языкового идиома — культурного диалекта, наддиалектного койне и т. п.), возникновение которого всегда связано с сознательными усилиями общества по нормированию, выбору языковых моделей, созданию письменности, расширению сфер применения языка, т. е. с определенной языковой политикой¹.

Языковая ситуация во всех славянских странах в эпоху средневековья — начиная от возникновения славянской и латинской письменности вплоть до создания национальных литературных языков в эпоху Возрождения и последующие эпохи — определялась кардинальной оппозицией местных, народных,

1 Применительно к ситуации польского средневековья о языковой политике польского языка можно определенно говорить во всяком случае начиная с XIII в. [Milewski 1969: 393–396].

«этнических» (по терминологии З. Клеменевича [PPJL: 209] и С. Урбанчика [Urbańczyk 1968: 10–11]) славянских языков и надэтнического (международного) литературного языка — церковнославянского или латинского. Для обоих культурно-языковых ареалов эта оппозиция носила характер двуязычия (диглоссии), однако принципиальное различие состояло в том, что для мира *Slavia Orthodoxa* это было гомогенное двуязычие, при котором церковнославянский выступал одновременно в двух ипостасях: и как надэтнический международный язык, и как высшая форма своего, народного языка; тогда как для мира *Slavia Romana* это было гетерогенное двуязычие, при котором латынь воспринималась только как надэтнический язык, как язык иностранный, высокий авторитет которого не позволял использовать его как прямой образец при создании собственного литературного языка [Picchio 1984: 25–27].

Средневековое языковое сознание неотделимо от культурного сознания, т. е. от сознания своей принадлежности к определенному культурному ареалу (ареалам). Для культурного сознания польского этноса важнейшими параметрами были: 1. принадлежность к христианскому миру в противоположность языческому, «поганскому», объединявшая поляков не только со славянами (кроме поморян), но и со всем греко-византийским и латино-христианским миром Европы и особенно актуализировавшаяся в столкновениях с языческими народами (монголами, пруссами и т. д.); 2. принадлежность к миру европейской латино-христианской культуры, с которым мир *Slavia Romana* связывала типологическая общность культурных и языковых процессов в рамках оппозиции ««книжная» культура — народная культура» и, соответственно, «латынь — народный язык»; внутри этого мира можно еще различать ареал гетерогенного культурного и языкового двуязычия (неродственность латыни и народного языка), принадлежность к которому объединяла славян области *Slavia Romana* с германцами в противоположность романским народам, для которых двуязычие было гомогенным (родственность латыни и народного языка); 3. принадлежность к культурной области *Slavia Romana*, в пределах которой наиболее важной для Польши

была ее культурная зависимость от Чехии, сохранявшая свое значение вплоть до XVI в.; 4. принадлежность к славянскому миру и славянскому языку, которые нередко отождествлялись с отечеством и родным языком².

Сознание принадлежности к славянскому миру сыграло большую роль в формировании идеологии, исторической концепции (исторической мифологии), самосознания и языкового сознания польского средневековья³. Наконец, безусловно, имели значение и более узкие рамки — государственные и локальные, в которых функционировали конкретные польские социумы, а именно принадлежность к древнепольскому государству, отдельным княжествам, этнодиалектным областям и т. д.

Все отмеченные параметры польского средневекового этнокультурного сознания существовали одновременно и не противоречили друг другу, и каждый имел то или иное соответствие в языковом сознании. И лишь в определенных ситуациях один или другой параметр мог выступать на первый план, становиться более актуальным и вступать в противоречие с каким-либо другим компонентом самосознания.

В плане культурно-историческом период XII–XIV вв. может рассматриваться как часть более продолжительного периода (с X в. до середины XIV в.) господства латыни в качестве литературного и письменного языка польского средневековья. Характерными чертами XII–XIV вв. следует считать начавшееся нарушение культурной монополии латинского языка благодаря зарождению и постепенному развитию польского «культурного диалекта», сначала игравшего вспомогательную по отношению к латинскому языку роль, а затем перенявшего часть

2 Галл Аноним называет Польшу *Scлавиния*, а Кадлубек, наоборот, считает весь славянский мир Польшей и всех славян — происходящими от поляков. Интерес к польскому языку появляется лишь в Великопольской хронике (ср. содержащиеся в ней «этимологии»).

3 Б. Отвиновска отмечает характерное для средневековья противоречие между «партикуляризмом» этнического и политического сознания и «интегральностью» языкового сознания: «...языковое сознание древней Польши было славянским» [Отwinowska 1974: 161].

функций латинского языка. Начало этого процесса, видимо, совпадает с введением богослужения на латинском языке и распространением латинских литургических текстов. Во всяком случае, ежедневные молитвы «Отче наш», «Богородица» («Zdrowaś Maria»), «Верую» и элементарные исповедные формулы, без которых невозможно было приобщение широких масс к христианскому обряду, должны были в первую очередь переводиться на польский язык⁴. Эта функция польского языка как вспомогательного средства при массовом внедрении латинских текстов и обучении латинскому языку сохранилась на протяжении всего периода господства латыни как культурного языка, менялся со временем лишь социальный объем этой функции. Было бы, однако, неверно ограничивать роль древнепольского культурного языка вплоть до XVI в. этой вспомогательной функцией (*Langue auxiliaire*), как это делают некоторые историки польского языка [Milewski 1969: 368].

Разумеется, только латинский язык в XII–XIV вв. обладал той полнотой общественных и культурных функций, которая считается необходимой для литературного языка⁵. Со времени принятия христианства и распространения письменности главными сферами употребления латинского языка были литургическая (культовая), государственная (административная) и культурная, причем последняя сфера неуклонно расширялась по мере роста городов, развития просвещения и науки. К концу XIV в. латинский язык из сугубо элитарного образования, бывшего

4 Самые старшие из сохранившихся синодальных статуты содержат предписание духовенству читать с прихожанами вслух эти молитвы и объяснять их на польском языке. Так, Вроцлавский синод 1248 г. принял подобное предписание относительно «Отче наш» и «Верую», а Лэнчицкий синод 1285 г. — относительно «Богородицы» и «Kaję się Bogu» [Wydra, Rzepka 1984: 23; Urbańczyk 1958: 118–119]. О более ранней (начиная с конца VIII в.) европейской традиции переводов латинских молитв на народные языки см. [Флоря 1985: 66–70].

5 При всех разногласиях в определении литературного языка и всей условности границы между литературным языком и исторически предшествовавшими ему культурными языковыми идиомами полифункциональность, наличие нормы и наличие письменности считаются необходимыми условиями [Urbańczyk 1968: 63–66, 75–80; PPJL: 60–81, 82–116, 405–435].

привилегией духовенства, превратился в мощное оружие не только духовной, но и светской культуры, обслуживающее достаточно широкий для своего времени круг образованных людей. Уже в XII–XIII вв. существовала разнообразная по жанрам и содержанию литература: летописи (*roczniki*), исторические хроники (Галла Анонима, Вроцлавская, Кадлубека, Польско-силезская, Великопольская, хроника Дежвы), гимнография, религиозные песни, образцы агиографии (Житие Станислава, Жития Кинги и Соломеи и др.), легенды о святых, рассказы о чудесах святых (свв. Станислава, Войтеха и др.), путешествия, первые образцы беллетристики (роман о Вальтере Аквитанском и Гельгунде) и другие, причем создавались эти сочинения в разных центрах — в Кракове, в Великопольше, Силезии [Kürbis 1972; Krzyżanowski 1972: 5–28; Липатов 1984: 399–407].

Латинский язык, таким образом, полностью удовлетворял религиозные, государственные и культурные потребности коммуникации средневековой Польши. И все же одна из обычных функций литературного языка была у него ограничена — он не мог быть устным, разговорным языком за пределами школы и костела (в частности, при судопроизводстве свидетели далеко не всегда могли давать показания на латыни). В сфере устной коммуникации соотношение «латынь — польский язык» складывалось в пользу польского языка, который в данном случае уже не был лишь вспомогательным.

Религиозная, официальная и культурная монополия латинского языка не противоречила этническому самосознанию поляков.

Оппозиция «латинский язык — польский язык» осмыслилась прежде всего идеологически: латинский язык был средством приобщения Польши к латинохристианскому миру Западной Европы. Идеологические интересы в средневековом сознании превалировали как над этническими, так и над политическими: стремление к государственной самостоятельности и единству не только не отвергало авторитета латинского языка, но и, наоборот, опиралось на него. Польский язык, подобно другим народным языкам Европы, в языковой политике клерикальных властей не только раннего средневековья, но и в XII в. хотя и трактовался прежде всего в терминах оппозиции «*lingua sacra*

(латынь) — *lingua vulgaris* (народный язык)», однако не только не отрицался, но в определенной мере даже пропагандировался как средство распространения и адаптации латинского вероучения. Об этом свидетельствуют постановления синодов 1248, 1257, 1285, 1287, 1326, 1357 гг., предписывающие чтение ежедневных молитв на польском языке и требующие от учителей монастырских и кафедральных школ знания польского языка и толкования текстов именно на польском языке [Taszycki 1953; Milewski 1969]. Следует еще учесть, что эти постановления направлены на поддержание статуса польского языка против усиливающегося распространения немецкого языка. Государственная языковая политика (особенно в годы правления Казимежа Великого) имела своей главной целью укрепление позиций латинского языка, который был основным языком администрации и права, хотя определенную роль в этих сферах играли немецкий и польский языки, причем относительный статус этих последних был обратным по сравнению со сферой культа: польский язык в государственном и административном узусе, безусловно, уступал немецкому.

Рассмотрим теперь, каковы были в условиях монополии в религиозной, административной и культурной сфере латинского языка позиции, функции и сферы употребления польского языка.

В истории польского языка период XII–XIV вв. определяется обычно как древнепольский старшего периода. Он включает два важнейших культурных рубежа: 1136 год — год первой письменной фиксации польского языка (более 400 глосс — топонимов и личных имен — в латинском тексте Гнезненской буллы), обозначавший конец дописьменной и начало письменной эпохи, и середина XIV в. — появление самостоятельного памятника польской письменности — «Свентокшишских проповедей», — явившегося началом богатой письменной литературной традиции, на основе которой в XVI в. полностью сформировался польский литературный язык, принявший на себя всю совокупность общественных и культурных функций, закрепленных в средневековую эпоху за латинским языком. Следует, однако, иметь в виду достаточно случайный и внешний характер этих

дат (обусловленных историческими обстоятельствами) по отношению к этапам собственно языкового развития, определяемым внутренними, системными причинами⁶.

Дошедшие до нас письменные памятники польского языка (не считая польских глосс в латинских текстах) относятся к XIV в. Число их невелико: из ежедневных молитв, являющихся самыми ранними образцами переводов на польский язык, в записях XIV в. сохранилась только «Верую» [SSp 1/1: 29–30]; знаменитые «Свентокшишские проповеди», для которых до сих пор не найден латинский оригинал, что позволяет предполагать их самобытный характер (середина или первая половина XIV в.); «Гнезненские проповеди» — сборник, содержащий десять проповедей на польском языке и 95 — на латинском (конец XIV в., приложение — начало XV в.); Флорианская псалтырь (конец XIV — начало XV в.); отрывок из «Золотой легенды» Иоакова Ворагинского (так называемая «*Pasja połoska*», конец XIV в.), переведенный, возможно, еще в конце XIII в.; комментарий к рождественской службе конца XIV в. (так называемый «Фрагмент Лопатинского»); перевод гимна «*Salve Regina*» (конец XIV в.) [SSp 1/1: 27]; религиозная песнь «Христос из мертвых встал» (1365 г.) и, наконец, тексты судебных присяг (*rotu sądowe*): великопольские — с 1386 г. и малопольские — с конца XIV в. [Wydra, Rzepka 1984; Taszycki 1951].

Архаичность языка некоторых из этих памятников, прежде всего наиболее значительных — Флорианской псалтыри и «Свентокшишских проповедей», — заставляет предполагать, что они списаны с более ранних оригиналов (но, по мнению большинства исследователей, не ранее второй половины XIII в.). В свою очередь, многие памятники XV в. представляют собой списки с произведений XIV в. или еще более раннего

6 Согласно периодизации С. Урбанчика, основными вехами внутреннего развития польского языка следует считать рубеж IX–X вв., которым обозначается начало развития польского языка как особого, отдельного языка; середину XII в. — как время окончательного формирования системы консонантизма; рубеж XV–XVI вв. — как время утраты количественных различий и середину XVIII в. — как начало действия новой литературной нормы [Urbańczyk 1968: 129].

времени. Таковы, например, Житие св. Блажея (список середины XV в., перевод второй половины XIV в.), религиозные песни «Богуродица» (предполагаемое время создания — первая половина XIII в.⁷, наиболее древний список — начало XV в.), «Przez twe święte z martwych wstanie» (XIV в., рукопись — вторая половина XV в.), «Maryja, czysta dziewica» (то же).

Еще одним источником сведений о составе польской литературы до конца XIV в. могут служить исторические упоминания произведений на польском языке, встречающиеся главным образом в латинских текстах этого и более позднего времени. К ним относятся уже упоминавшиеся статуты синодов, из которых можно заключить, что уже в XIII в. существовали переводы ежедневных молитв и исповедных формул; Житие св. Кинги начала XIV в., в котором сообщается, что Кинга (ум. в 1292 г.) исполняла псалмы по-польски; наконец, сообщение Длугоша о библиотеке королевы Ядвиги (ум. в 1399 г.), якобы содержавшей польские переводы из Ветхого и Нового Заветов, гомилетической и агиографической литературы, проповедей, описаний страданий святых мучеников, молитв св. Бернарда и св. Амброзия, откровений св. Бригиды и «много других книг, с латыни на польский переведенных». Косвенным источником знаний о литературе до конца XIV в. может служить уровень литературы на польском языке XV в. с ее многообразием жанров и форм (библейская проза, проповеди, молитвы, житийная проза, религиозно-моралистические, эпистолярные, политические, научные сочинения, юридические документы, поэзия клерикальная и светская и т. п. Художественные, стилистические и языковые особенности сохранившихся произведений XIV–XV вв. выдают стоящую за ними литературную (возможно, устную [см.: Urbańczyk 1968: 58]) и языковую традицию.

Таким образом, при всей ограниченности документальных свидетельств и скромности реконструируемого на их основании

7 Датировка создания этой песни (первых двух строк) колеблется от XI до конца XIV в. Мелодия указывает на XII–XIII вв., язык — на первую половину XIV в., иконографические (романские) параллели — на XII–XIII вв. [Bogurodzica: 14–15; Wydra, Rzepka 1984: 234]. Большинство исследователей, однако, считает, что для отнесения этого текста ко времени до последней четверти XIII в. нет оснований [EWJP: 35].

состава памятников на польском языке до XV в. все же можно сделать вывод, что латинский язык к концу XIV в. был значительно потеснен как в религиозной, так и в светской сфере, и в этом отношении Польша, будучи далекой окраиной латинско-христианского мира Европы, с запозданием втянутой в орбиту его культуры, тем не менее не слишком отставала от других европейских стран и этносов, где монополия латинского языка нарушается в пользу народных языков (французского, немецкого и др.) лишь в XII–XIII вв. Разумеется, качественные различия были очень велики: у поляков и у славян вообще не было в XII–XIII вв. и даже в более позднее время ни записи эпоса, ни расцвета поэзии на своем языке, и все же литературную продукцию на польском языке, какой она известна или реконструируется для XIII–XIV вв., вряд ли можно исчерпать определением «вспомогательная» по отношению к латыни. Строго говоря, о вспомогательных функциях польского языка можно говорить, лишь имея в виду толкование, комментирование, синхронные переводы латинских текстов (например, переводы с листа латинских проповедей) и обучение латинскому языку. Вспомогательные функции польский язык отправлял преимущественно или почти исключительно в устной форме, тогда как сохранившиеся письменные тексты (не считая некоторого типа глосс) носят совсем другой характер. Они свидетельствуют о том, что польский язык, подобно другим народным языкам Европы, постепенно, хотя и медленно, перенимал (сначала путем дублирования, перевода) некоторые функции латинского языка как в религиозной сфере (проповеди, молитвы, псалтырь), так и в государственно-административной (судебные документы).

Сохранившиеся письменные памятники являются едва ли не единственным источником для изучения польского языка древнейшего периода, однако они не дают полного представления о сферах бытования, функциях и характере польского языка. Они отражают лишь одну его разновидность — развивающийся письменный язык — и лишь отрывочно, непоследовательно, случайно характеризуют те функции и те разновидности польского языка, которые были главными для него в эпоху

средневековья. Если латынь господствовала в сферах письменной коммуникации, где польский язык занимал второстепенное и весьма скромное место, то в сферах устной коммуникации господствовал польский язык, уступая латыни (и то не полностью) лишь область устного общения в костеле и в школе. Польский язык был, таким образом, не только единственным средством коммуникации широких слоев крестьянства и местных феодальных кругов, практически не имевших (за исключением костела) контактов с латинским языком, но и основным средством повседневного общения городского (и околгородского) населения, а также языком, отправлявшим определенные государственно-административные, правовые и культурные функции в сфере устной коммуникации. Некоторые из этих функций, прежде всего обслуживание области обычного права и устной литературы (фольклора), должны быть признаны очень древними, восходящими к доисторической эпохе [Barnet 1985; Seemann 1984; Иванов 1979]; однако с образованием государства и с введением латинской письменности они не исчезли и сохранили за собой устную сферу: польский язык продолжал служить средством межрегионального и надрегионального общения.

В польской лингвистической литературе подобное наддиалектное образование, выполняющее определенные (хотя и ограниченные) социальные и культурные функции, но не имеющее кодифицированной письменной формы и стадияльно предшествующее литературному языку, принято называть *культурным диалектом* (*dialekt kulturalny*)⁸ или *единым языком* (*język ogólny*) [EWJP: 138]⁹. Для истории польского языка важнейшим является вопрос о времени возникновения культурного диалекта, а тем

8 Термин *культурный диалект* употребляется в разных значениях: 1. устная форма литературного языка [EWJP: 61]; 2. наддиалектное койне, предшествующее общенародному литературному языку [PPJL: 101–104]; 3. язык определенных социальных корпораций — костела, канцелярий и т. п. [Milewski 1969: 379–380].

9 В работах З. Клеменевича термин *единый язык* употребляется в значении 'общенародный литературный язык', а *литературным языком* называется лишь письменная форма единого языка [Klemensiewicz 1974: 63–77; PPJL: 178–241].

самым и вопрос о времени формирования самого литературного языка. В этом вопросе нет согласия между исследователями. Его решение неразрывно связано с проблемой места формирования литературного языка и его диалектной базы. Существуют две основные гипотезы: великопольская (А. Крынский, К. Нич, Т. Лер-Сплавинский, М. Рудницкий, С. Урбанчик, С. Роспонд, В. Курашкевич, З. Клеменевич и др.), связывающая зарождение культурного диалекта и затем литературного языка с говорами Великопольши, и малопольская (А. Брюкнер, В. Ташицкий, Т. Милевский), признающая диалектной основой литературного языка говоры Малопольши (и Кракова) [PPJL; Stieber 1956; Borawski 1982a; 1982b]. Сторонники обеих гипотез строят свою аргументацию на анализе языка древнейших письменных памятников, однако интерпретируют одни и те же языковые данные по-разному: если представители малопольской концепции видят в языке памятников до конца XV в. лишенный каких бы то ни было норм диалектный язык тех местностей, где эти памятники создавались, то представители великопольской концепции считают, что уже в самых ранних письменных фиксациях можно констатировать стремление к соблюдению определенных языковых норм, т. е. зачатки единого культурного диалекта. За каждой из этих концепций стоит свое понимание исторической диалектологии польского языка, т. е. истории формирования современных диалектных зон, хронологии основных изоглосс и диалектной характеристики древнейшего периода развития польского языка.

Историки польского языка при значительных расхождениях в трактовке многих важнейших вопросов совершенно согласны в том, что древнепольский язык в начале исторического периода отличался слабой диалектной дифференциацией и значительным единством в отношении фонетики, грамматики, лексики. Именно это единство вместе с благоприятствующими историческими условиями государственности послужило причиной раннего и быстрого формирования наддиалектных языковых образований. Языковой основой этого единства была общность унаследованных черт, выделяющих польский язык среди других славянских языков (сохранение носовых гласных, переход $e \rightarrow o$,

ǣ → a, ɛ → o перед твердыми переднеязычными, развитие групп **tort*, **tolt* → *trot*, *tlot* и др.), и общность переживаемых в этот период языковых изменений (развитие фрикативного призвука у мягких зубных, слияние носовых, количественно-интонационные процессы и др.). Подтверждением этого единства можно считать и распространение с конца X — начала XI в. названия *Polonia regio*, *Polonia* и, соответственно, этнонима *Polanie*, первоначально относившихся только к земле полян (т. е. к будущей Великопольше), на все государство Болеслава Храброго (*dux Polaniorum* в Житии св. Войтеха, 997–1002 гг.). Это широкое значение сохранилось наряду с узким и после распада государства первых Пястов (оба значения подтверждаются хроникой Галла Анонима). Возникновение с XIII в. названия *Великопольша* (*Polonia Major*) и с XIV в. — *Малопольша* (*Polonia Minor*) несомненно свидетельствует об усилении и возобладании обобщенного значения имени *Polonia* и угасании его локального значения в соответствии с ростом, несмотря на феодальную раздробленность страны, общепольского этнического самосознания [SSS 4: 187; Королюк 1982: 153–154]¹⁰. Другое общее название Польши и поляков, производное от корня *lex*-/*ляx*- (ср. *лехиты* в хронике Кадлубека и, вероятно, восходящий к этому этнониму более поздний — с XIII в. — эпоним *Lex* — мифический праотец поляков), было распространено в Восточной и Южной Европе (ср. *ляхи* в «Повести временных лет», лит. *lėnkai*, венг. *Lenguel* ← *Lendiel* ← *Lendien*, юж.-слав. *Ledianin*, греч. *Lechoi* [SSS 3: 12; Королюк 1982: 148–149; Łowmiański 1971: 9–11])¹¹.

Вопросу о диалектной дифференциации и характере диалектных различий единого древнепольского языка XII–XIV вв. посвящена огромная литература, поскольку это был один

10 З. Клеменевич [Klemensiewicz 1974: 33; PPJL: 211] обращает внимание на свидетельство хроники Кромера середины XVI в. о том, что «название поляков вошло в употребление 600 или 700 лет тому назад».

11 Анализ этих терминов в контексте средневековой литературной традиции дан в работе [Malicki 1982: 5–42]. Происхождение и этимология названия *ляx* остаются не вполне ясными [Brückner 1957: 289; Фасмер 2: 553]. Главной трудностью в этимологическом истолковании является незасвидетельствованность формы **lęch* в польском языке.

из главных спорных вопросов в дискуссии о происхождении польского литературного языка. Трудность его разрешения объясняется не только скудостью письменных свидетельств, но и принципиальной возможностью их неоднозначной интерпретации. Если отражение в письменных памятниках диалектных различий, подтверждаемых современным диалектным членением, может свидетельствовать о существовании этих различий в эпоху создания данных памятников, то отсутствие их отражения еще не означает, что различий не существовало, так как оно может объясняться действием унифицирующей орфографической или иной языковой нормы. Слабое, спорадическое отражение какой-либо диалектной черты может быть объяснено либо ее инновационным характером и малым распространением, либо сознательным со стороны писцов избеганием этой черты в пользу ее общезыкового соответствия.

Несмотря на эти трудности, некоторые диалектные различия для эпохи XII–XIV вв. можно считать надежно установленными¹². К ним относятся: 1. характерное для всей территории Северной Польши (Мазовше, Поморье, Великопольша) изменение *ra* → *re* (*rano* → *reno*, *ramię* → *remię* и т. д.), отсутствующее в диалектах Южной Польши и зафиксированное уже Гнезненской буллой 1136 г.; 2. характерное для той же территории, но захватывающее еще и западную часть Силезии изменение *ja* → *je* и *'a* → *'e* (*jablko* → *jeblko*, *Jarostaw* → *Jerostaw*, *wiano* → *wieno* и т. д.); 3. распространенный также на севере (Великопольша и Мазовше) переход *tart* → *tert* (*wydarł* → *wyderł*), отмеченный уже в Гнезненской булле; 4. характерные для Северной Польши (Мазовше, Поморье, Великопольша) невокализированные варианты уменьшительных суффиксов *-k*, *-c*, в противоположность южнопольским вокализированным *-ek*, *-ec*, отмеченные уже в самых ранних памятниках (Гнезненская булла) и широко представленные в записях XIII в.; 5. восточно- и южнопольское (Мазовше, Малопольша) изменение *chw* → *f*

12 И. А. Бодуэн де Куртенэ на основании анализа памятников до XIV в. выделял в польском языке XII–XIII вв. три диалектные зоны: малопольско-силезскую, великопольско-куявскую и мазовецкую [Бодуэн де Куртенэ 1870: 97].

(*chwala* → *fala*, *chwalić* → *falić*, *Boguchwał* → *Bogufał*), засвидетельствованное в памятниках с начала XIII в.

Относительно двух важнейших для современного диалектного членения признаков — мазурения и произношения носовых — отсутствует единое мнение, и хронология возникновения соответствующих диалектных различий колеблется от дописьменной эпохи до XV в., что связано с трудностями филологической интерпретации материалов дописанных памятников. Особенно важным, можно сказать ключевым, в дискуссии о происхождении польского литературного языка является аргумент мазурения. Мазурение, т. е. произношение *s z c* на месте *ś ź ć*, характерное для современных говоров Мазовша, Малопольши и части Силезии, рассматривается сторонниками великопольской концепции как древнейшая диалектная черта, а непоследовательное отражение ее в письменных памятниках XIV в. и более поздних, в том числе и созданных на территории мазурения (например, в Малопольше), объясняется сознательным вытеснением мазурения в пользу общепольской (совпадающей с великопольской) нормы, предписывающей различие шипящих и свистящих. Отсутствие мазурения в литературном польском языке связывается в рамках этой концепции с великопольским происхождением предшествующего ему культурного диалекта и его ориентацией на великопольские говоры как более авторитетные для общепольской языковой нормы. Сторонники малопольской концепции считают отсутствие следов мазурения в древних письменных памятниках свидетельством позднего происхождения (распространения на Мазовше) этой диалектной черты, относя ее появление в малопольских говорах к тому времени (не ранее XV в. или даже XVI в.), когда литературный язык уже был сформирован на базе краковского культурного диалекта и не мог воспринять эту инновацию.

Для выяснения генезиса и хронологии мазурения были предприняты специальные обстоятельные исследования памятников [Kuraszkiewicz 1953; Rospond 1957], которые, однако, не разрешили всех спорных вопросов. Оказалось, что в письменной традиции могут быть выделены памятники,

последовательно различающие шипящие и свистящие, и памятники, безусловно свидетельствующие о неразличении этих рядов; но, во-первых, территориальная принадлежность одного и другого типа памятников не согласуется с современной границей мазурения (есть памятники малопольского происхождения, последовательно различающие шипящие и свистящие, и есть, наоборот, великопольские тексты со следами неразличения), а во-вторых, само неразличение шипящих и свистящих представлено непоследовательно. Тем не менее несомненный факт наличия уже в XII–XIII вв. определенной традиции неразличения, противопоставленной еще более определенной традиции различения, может быть истолкован как свидетельство существования мазурения как диалектной черты уже в XIII в. [Klemensiewicz 1974: 42], а непоследовательность ее отражения — объясняться стремлением писцов соблюдать определенную орфографическую норму и тем самым как раз подтверждать ее существование уже в XII–XIII вв.¹³

Меньшее значение для установления диалектных различий древнепольского периода имеет рефлексация носовых гласных, относительно хронологии которой мнения также расходятся¹⁴.

Хотя, как видно из сказанного, польская языковая ситуация XII–XIV вв. исследовалась преимущественно в перспективе формирования польского литературного языка и в рамках двух различных (в отношении хронологии, диалектной базы и интерпретации языка памятников) концепций — великопольской и малопольской, вследствие чего многие результаты и положения носят полемически заостренный и потому

13 С. Урбанчик считает избегание мазурения на письме одной из самых ранних норм формирующегося польского культурного диалекта [Urbańczyk 1968: 78].

14 Бодуэн де Куртенэ упоминает лишь слабые различия в области носовых, характерные для отдельных локальных зон и касающиеся частных позиций [Бодуэн де Куртенэ 1870: 97]. Однако Т. Лер-Сплавинский считает, что уже в XII–XIV вв. для Великопольши было характерно расщепленное произношение носовых, неизвестное Малопольше, где такое произношение большинству говоров не свойственно и в настоящее время [Lehr-Splawinski 1966: 161].

слишком категорический характер, тем не менее приведенные (преимущественно сторонниками великопольского происхождения литературного языка) доводы и примеры, подтверждающие существование унификационных и нормализаторских тенденций в польской письменности до XV в., представляются достаточно убедительными и хорошо согласующимися с экстралингвистическими данными. Когда С. Урбанчик говорит, что «польский язык был литературным с тех самых пор, как на нем начали писать» [Urbańczyk 1968: 79], то, разумеется, это следует понимать лишь как реакцию на условность самого понятия «литературный язык», однако его утверждение, что уже Гнезненская булла, хотя она возникла в Гнезно, носит следы выровненного языка, следы тенденции к отказу от определенных великопольских диалектных черт в пользу их малопольских соответствий [PPJL: 100], является констатацией факта, имеющей методологическое значение [Leh-Spławiński 1966: 164–165]. Дело, конечно, не в желании во что бы то ни стало удревять языковые факты, а в том, чтобы видеть истоки, иногда очень отдаленные, тех состояний, которые мы застаем вполне сформировавшимися и документально подтвержденными. К такому подходу склоняет также более широкое рассмотрение языка и языковой ситуации в историческом, социальном и культурном контексте.

Возникновение культурного диалекта не является спонтанным процессом, оно связано с определенными социально-историческими условиями государственности и формирования польской народности и польского самосознания. Интеграционные тенденции в развитии племенных диалектов обусловлены потребностями государственного и культурного объединения региональных племенных образований. В польских условиях именно государство первых Пястов, активизировавшее межрегиональные контакты, породило потребность в специальных механизмах коммуникации и вызвало к жизни процесс формирования наддиалектных языковых образований, следы которого обнаруживаются в самых первых письменных памятниках. Наступивший со второй половины XII в. период феодальной раздробленности мог только замедлить, но не мог остановить этого

процесса, который приобрел особую интенсивность в годы правления Казимежа Великого и привел в конечном счете к созданию единого общепольского языка.

Этому процессу, затронувшему поначалу сравнительно узкий круг высшей государственной администрации и духовенства, способствовал рост городов и развитие образования (школ, а позднее Краковской академии-университета). Во время правления Казимежа Великого, несмотря на засилье немцев в городах, культурная прослойка польского общества значительно расширилась, но и тогда число образованных людей, способных влиять на формирование норм польского языка, по подсчетам С. Урбанчика, не превышало пяти тысяч [Urbańczyk 1968: 92–93]. Это были государственные чиновники, судьи, нотариусы, духовенство — парафиальное, коллегиальное, монастырское; учащиеся разного рода школ и т. д. С расширением культурных сфер и вовлечением в них все большего числа людей латинский язык, несмотря на рост латинской образованности, уже не мог удовлетворить растущие коммуникативные потребности общества и вынужден был уступить часть своих функций польскому языку. Это привело к процессу языковой унификации и постепенному формированию «единого языка высшего порядка, обладающего надобластными и наддиалектными чертами не только естественного, но и культурного происхождения, распространявшимися сознательно и являвшимся следствием осознаваемой этносоциальной общности» [Там же: 36]. Интеграционные процессы должны были зародиться еще в государстве первых Пястов на территории Великопольши, затем продолжиться и усилиться в Кракове, причем это не отрицало существования региональных норм и даже вариантов общего культурного языка (малопольского, великопольского, силезского).

Главным механизмом создания общих норм можно считать действовавший в городах, школах, вообще везде, где в коммуникации участвовали представители разных областей Польши, сознательный отказ носителей отдельных диалектов от собственных диалектных черт (мазурения, некоторых грамматических форм, специфической областной лексики и т. п.) в пользу

наддиалектной нормы, принятой в культурной среде. При создании письменных текстов, безусловно, действовала та же ориентация на культурную (наддиалектную) форму. Важная роль принадлежала орфографической традиции, которая, с одной стороны, была отражением и продуктом унификации языка, с другой — сама играла унифицирующую роль, создавая и закрепляя единые, наддиалектные нормы письменного языка.

До сих пор говорилось об оппозиции «латинский язык — польский язык» как главной характеристике древнепольской языковой ситуации и постепенном нарушении культурной монополии латинского языка. Однако отношение польского и латинского языков не исчерпывалось данной оппозицией, а включало еще и взаимодействие этих языков, точнее влияние латинского языка на польский. Это влияние имело идеологическую и собственно лингвистическую стороны. В плане идеологическом латынь как *lingua sacra* европейского средневековья служила для польского, как для других народных языков (*linguae vulgares*), образцом литературного (культурного) языка, причем сакральность и высокий авторитет приписывались не только ее культовой функции, но и всем остальным функциям и даже самой языковой системе (грамматике) [Otwinowska 1974: 84–92]. Практическое усвоение этого образца наступило позднее интересующего нас времени (с XVI в.), но начало латинского влияния на польский относится к самому раннему периоду. Это влияние коснулось главным образом трех сфер: графики, лексики и синтаксиса. К дописьменной эпохе относится усвоение польским языком (через чешское посредство) латинских христианских терминов: *apostol*, *cmientarz*, *diablel*, *parochija*, *kaplan*, *klasztor*, *ofiara*, *wigilia* и т. д. (всего 70 слов) [Klich 1927]. Латинское влияние на древнепольский (до XV в.) изучено еще недостаточно, но, судя по его многообразным следам в памятнике начала XV в. «Гнезненские проповеди» (оригинал, несомненно, старше) [Brajerski 1966: 97–104], оно должно было присутствовать и в более ранних текстах, хотя различие между текстами разных жанров и разных авторов в этом отношении могло быть весьма значительным.

Важнейшая роль в формировании польского культурного диалекта и позднее — литературного языка принадлежит

чешскому языку, который, по словам Н. С. Трубецкого, «сыграл для польского ту самую роль, которую польский сыграл для украинского или старославянский для русского» [Trubetzkoy 1975: 301–302]. Очевидно, что такое значение чешского языка является следствием не просто территориального соседства, но, что гораздо важнее, определенной культурной зависимости Польши от Чехии, особенно в начальную эпоху приобщения Польши к латинохристианскому культурному ареалу, и направления культурных влияний в последующие эпохи [Macurek 1]. Следует различать три стороны, или три механизма, чешского влияния на польский: непосредственные заимствования из чешского (лексические, фонетические, грамматические богемизмы), чешское посредство в передаче латинских, немецких и других европейских элементов и, наконец, влияние чешского языка на формирование и утверждение наддиалектных норм польского языка. Обстоятельное исследование лексических богемизмов в древнепольском языке [Reczek 1968] на материале (неполном) «Словаря древнепольского языка» оценивает долю богемизмов цифрой 5% от общего лексического корпуса словаря. Однако эта оценка должна приниматься с учетом, во-первых, разной насыщенности богемизмами разных текстов (например, в судебных присягах их сравнительно мало, так же как считается слабым чешское влияние в «Свентокшишских проповедях»; во Флорианской псалтыри, напротив, оно ощущается сильно); а во-вторых, с учетом хронологии: из 330 выявленных автором богемизмов к раннему периоду (до середины XIV в.) относятся 25 слов, к периоду от середины XIV до середины XV в. — около 165 слов и ко второй половине XV в. — около 140 слов, причем эта хронология отражает не только рост чешского лексического влияния, но и рост числа и объема самих текстов. Кроме усвоения чешских слов, вошедших в основной лексический фонд польского языка (таких как *uprzejmy*, *obywatel*, *rzetelny*, *małżonek* и мн. др.), чешское влияние отразилось в звуковом оформлении многих исконно польских (общеславянских) слов (ср. *wesele*, *serce*, *czzerwony*, *hańba* и т. д. вместо польских слов *wiesiele*, *sierce*, *czzerwiony*, *gańba*), однако все исследователи отмечают, что ни одна характерная чешская черта

не усвоена польским языком систематически и их распространение ограничивается отдельными лексемами. Более сильным и более существенным было влияние чешского языка на формирование польских наддиалектных норм. Так, многие исследователи объясняют отсутствие мазурения в польском литературном языке, помимо прочего, и авторитетом чешского языка, в котором этой черты не было. Но если в этом отношении чешский язык мог лишь поддерживать ту или иную из альтернативных польских языковых черт, то прямое его воздействие на нормы, безусловно, сказывалось в области лексики и стилистики, тем более что чешская литература служила нередко не просто художественным образцом для польских авторов, но и прямым источником для переводов и переработок. Считается, что влияние чешского языка имело две главные фазы: первая относилась к самому раннему периоду христианизации Польши, вторая началась с XV в. [Stieber 1974: 306–316] как следствие усилившихся в XIV в. культурных контактов Польши с Чехией (особенно большое значение имело обучение польской молодежи в Карловом университете).

Если чешское влияние шло преимущественно книжным путем и затрагивало главным образом сферу письменного языка, то влияние немецкого языка, вызванное немецкой колонизацией с XIII в., засильем немцев в городах, распространением польско-немецкого двуязычия, было непосредственным и коснулось прежде всего сферы административной, юридической, торговой, ремесленной и бытовой лексики, а также ономастики [Kleczkowski 1928: 331–345; Korbut 1935; Kaestner 1939; Brückner 1974: 373–387]. Немецкие заимствования распространялись главным образом из Баварии через Чехию и Силезию, в меньшей степени — с севера: с Поморья и из Пруссии. Хотя немецкий язык уже в начале XIII в. в определенной мере конкурировал с польским в рамках оппозиции «латынь — народный язык» и отчасти подавлял польский, о чем свидетельствуют и упоминавшиеся выше постановления синодов в поддержку польского языка, усвоение немецкой лексики, безусловно, обогащало польский язык, его коммуникативные и стилистические ресурсы и способствовало расширению его общественных функций.

К числу наиболее дискуссионных и, несомненно, недостаточно изученных относится вопрос о влиянии церковнославянского языка, который связан с собственно исторической проблемой существования в средневековой Польше богослужения на славянском языке [SSS 4: 449–451]. Хотя в последнее время приведены некоторые новые аргументы в пользу существования славянской литургии в Польше в X–XI вв. и даже сохранения остатков этой традиции вплоть до конца XIII в. [Klinger 1983: 365–421; Łowmiański 1971: 5–21; Буюклиев 1981: 103–108; *Polskie kontakty*], вопрос не может считаться окончательно решенным. Тем не менее собственно языковые свидетельства церковнославянского влияния на древнепольский (христианская терминология, личные имена, глаголическая письменность) по существу никем не оспариваются. Нет согласия лишь в том, каковы источники и пути этого влияния: может ли оно во всех случаях быть объяснено чешским посредством¹⁵. Самым ярким проявлением церковнославянского языкового и литературного влияния считается древнейший польский памятник — молитва «Богородица» [Bogurodzica] (первые две строфы), в котором выступают отчетливые следы церковнославянского языка: само слово *Bogurodzica*, выражение *Bogurodzica dziewica*, имеющее соответствие в греческом, предлог *dziela* и др. Не исключено, что и такие формы, как причастия *slawiena*, *zwolena*, трактуемые обычно как чехизмы, являются церковнославянизмами [Milewski 1969с: 363].

Что касается русского (восточнославянского) влияния, то оно до конца XV в. было слабым, о чем можно судить и по числу заимствований, и по их употребительности, и по их географическому распространению [Urbańczyk 1968: 295–304].

Таким образом, иноязычные влияния, обнаруживаемые в древнепольском языке до XV в., достаточно разнородны, однако в большинстве случаев (кроме восточнославянского) они обогащали общепольский лексикон и тем самым способствовали укреплению надрегиональных языковых норм.

15 Я. Сятковский указывает на некоторые церковнославянизмы, которые не имеют точных соответствий в чешском: *milosirdny*, *sąmnenie*, *zbawiciel* и др. [*Polskie kontakty*: 97–105].

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ЙОВАНА РАИЧА

Знаменитый сербский историк и писатель XVIII в. Йован Раич привлекал внимание филологов прежде всего своеобразием своей языковой практики, использованием элементов разных языковых идиомов (часто оцениваемым как «смешение» [см.: Младеновић 1964; Терзић 1988; Толстой 1990а] — русскославянского, народного и — в меньшей степени — славяносербского языка, взаимоотношение и взаимодействие которых определяло характер языковой ситуации в Сербии во второй половине XVIII и в начале XIX в. [Младеновић 1973; Толстой 1978; Гудков 1981]). Анализ языка и стиля исторических, литературных, церковно-учительных сочинений и переводов Йована Раича дает возможность реконструировать языковую позицию автора, его отношение к актуальным для его времени литературно-языковым образцам, принципы, которыми он руководствовался при выборе каждого из них, их сочетании и конструировании новых, синкретичных языковых форм.

Другим источником для характеристики лингвистических воззрений Йована Раича могут служить его непосредственные высказывания о языке, содержащиеся в четырехтомном историческом труде «Исторія разныхъ славенскихъ народовъ наипаче Болгарь, Хорватовъ и Сербовъ изъ тмы забвенія изятая и во свѣтъ историческїи произведенная Іоанномъ Раичемъ архимандритомъ во свято архаггелскомъ монастырѣ Ковилѣ», который был издан в Вене в 1794–1795 гг., но написан почти на три десятилетия раньше. Эти высказывания, хотя и занимают скромное место в капитальном историческом трактате, составляют его неотъемлемую и органическую часть, поскольку автора неизменно интересуют вопросы этногенеза и родства славянских народов, в решении которых главная роль отводится языку (ср. «Зане сей есть главный и неложный доводъ историческїй, когда они сродство Народовъ показати хотять, то смотрятъ наипаче поне нѣкое согласїе въ діалектѣ» [Раич 1: 326]). Как правило, это суждения по общим

вопросам, касающимся природы и происхождения языка, языкового родства, языковых контактов, но в «Истории» немало и «этимологических» экскурсов, объясняющих конкретные термины (этнонимы, лингвонимы, географические названия). Далеко не все в этих рассуждениях можно приписать самому Йовану Раичу: исследователи текста «Истории» не раз отмечали ее компилятивный характер (соответствующий историографической традиции и практике того времени), не всегда позволяющий отделить собственные высказывания Раича от мнений других авторов, в изобилии цитируемых и комментируемых им.

В качестве общих названий языковых идиомов Йован Раич использует слова *диалект*, *язык*, *наречие* и *стиль*. Из них наиболее употребителен термин *диалект*, относящийся к идиому любого уровня. Так, в «Каталоге аукторов достовѣрных, изъ которихъ Историческая повѣсть сія составлена» [Раич 1: без пагинации] читаем: «превель с Греческаго на Латїнскїй діалектѣ»; «описала <...> Греческимъ діалектомъ»; «о діалектѣ Іллурическомъ»; «печатанъ на Латинскомъ діалектѣ»; «сочинилъ Хорватскимъ простимъ діалектомъ»; «Россискимъ діалектомъ»; «начало Славенскаго Языка или Дїалекта». Термином *язык* могут обозначаться те же самые идиомы, что термином *диалект* (ср. «превель на Латинскїй языкъ»; «преведенъ же съ Латинскаго языка на Россискїй»; «издалъ на Талїанскомъ языкѣ»; «Великороссїйскїй, или малороссїйскїй Языкѣ»), но, кроме того, ему придается значение иерархически более высокого идиома. Например, он используется для обозначения общеславянского (праславянского или церковнославянского) языка, по отношению к которому дочерние славянские языки или изводы определяются как *диалекты*:

Вси обаче сіи и инїи множайшіи Народи общее Славянъ нарицательное имя воспрїяли, и по природѣ одержали. И аще они діалектомъ въ нѣкоей Части между собою различїе имѣють, но начало и источникъ тогоже Славенскаго Языка единъ и тойже есть. Аще многоразличными именами и особяются, нравами обаче и природою не далече отстоятъ [Там же: 69];

ср. также: «превель съ Славенскаго языка на Латінскій»; «Славяно-Иллүрическаго Языка древность» и т. п. Реже употребляет Раич термин *наречіе*, который, как и *диалект*, противопоставлен или подчинен *языку*:

Тако древный оный Языкъ Славенскій въ Славенносербскихъ во Иллүрикѣ церквахъ (кромя прочихъ Народовъ Славенскихъ Греческаго Исповѣданія) и до нынѣ процвѣтаетъ, а Иллүрической, то есть простое нарѣчіе, или діалектъ Сербскій въ свѣтскихъ дѣлахъ употребляется [Там же: 48].

Словом *стиль* Раич определяет язык знаменитого исторического сочинения Г. Бранковича, т. е. язык славяносербский (церковно-славянский язык сербского извода): «Бранковичъ Георгій Деспотъ Историкъ Сербскій описаль Сербскую Историю отъ начала, до смерти Леополда Императора въ пяти книгахъ въ четверти старимъ Сербскимъ штиломъ» [Раич 1: «Каталог», № 10].

Специально вопросам языка посвящена четвертая глава первой книги «Истории», содержащая девять параграфов и названная «О Діалектѣ Славенскомъ». В предметно-тематическом указателе («Оглавлении»), приложенном к последнему тому, автор так обозначает основные темы лингвистической главы: «Языка Славенскаго предѣли. К. I. Г. III. § 9. А именно кіе: К. I. Г. IV. § 4. Того начало. К. I. Г. IV. § 1. Діалекти того главнѣйшіи. К. I. Г. IV. § 1. Примѣч. Славенскій како издревле назывался. К. I. Г. IV. § 2. Чимъ между собою различествуеть. К. I. Г. IV. § 2 и 8. Мати всѣхъ Діалектовъ Славенскихъ, кая. К. I. Г. IV. § 5. Иллүрической нынѣшній нѣсть чистъ. К. I. Г. IV. § 6. О томъ дозволеніе Папино еже служити Божественныя службы. К. I. Г. IV. § 9. Вандаловъ каковъ былъ. К. I. Г. X. § 4».

По вопросу происхождения славян и их языка Раич разделяет популярную со времен средневековья концепцию, согласно которой славянские языки ведут свое начало от вавилонского столпотворения и смешения языков [см.: Трифуновић 1994]:

И за подлино тако есть; коль древнѣйшій Народъ есть, толь древнѣйшему и Языку ихъ быти достоинъ. Народъ бо по Языку именоватися

обыче, и отъ прочихъ отличуееть: древность же рода Славенскаго еще отъ временъ Потопа и Фамиліи Іафетовой производится, какъ уже доказанно; что убо препинаееть рещи: и Языку Славенскому въ тѣхъ же временахъ начало свое имѣти [Раич 1: 42–43].

При этом славянский язык причисляется им вслед за другими авторами к пяти «главнейшим» языкам, от которых произошли все прочие «диалекты»:

Кѣи же были тѣи главный (sic!) Языцы? инѣи Писатели назначають пять таковыхъ 1. Еврейскій, 2. Еллинскій, 3. Латїнскій, 4. Славенскій, 5. Нѣмецкій, потому что отъ сихъ Діалектовъ инѣи прорасли, яко на примѣръ, отъ Еврейскаго Сврскій, Халдейскій и прочіи, отъ Еллинскаго пять инихъ Діалектовъ различныхъ, отъ Латїнскаго Італїискій, Французскій и прочіи. Отъ Славенскаго Рускій, Полскій, Боемскій, Сербскій, Болгарскій и инѣи. Отъ Нѣмецкаго на конецъ Данскій, Шведскій, Англїискій, Холандскій [Там же: 41].

Таким образом, Раичу было не чуждо представление о генетическом родстве языков и родословном древе.

Однако Раич возражает своему современнику, венецианскому ученому Себастьяну Долчи, автору диссертации (издана в 1754 г.) об «иллирическом диалекте», т. е. о языке южных славян, который считал этот «диалект» древнейшим и сохранившимся неизменным с библейских времен общеславянским языком:

Въ томъ обаче Долци мѣру превосходить, что нынѣ во Іллврикѣ употребляемый Славенскій Діалектъ древнѣйшій быти Славянъ языкъ описуееть, и всѣмъ общій. Но мнѣніе его постояти неможееть по тому, что Славенскій Діалектъ во Іллврикѣ по изшествіи Славянъ изъ Сармаціи въ полуденныя страны проглашаемъ быти сталь, яко же убо Славяни, тако и Языкъ ихъ по самого его описанію отъ столпостворенія низходитъ [Раич 1: 41].

По мнению Раича, древнейший славянский язык сохранился только в России, которую он считал прародиной славян и колыбелью общеславянского языка:

Сіе безспорно есть, что Россїа въ древнѣйшихъ Сарматскихъ Славенскаго Языка Столицахъ и до нынѣ пребываетъ, прочіи

же Народи Славенскїи изъ тояже Сармаціи, аки изъ собственнаго Дому изселившеся, в чужихъ краяхъ поселилися. Откуда прикладно есть рещи, что порѣкло и корень Языка того <...> и до нынѣ въ своихъ предѣлахъ старыхъ, нынѣшней Россїи, пребываетъ [Там же: 45].

Но и современный Раичу разговорный русский язык не отождествляется им с праязыком славян, ибо он, подобно другим языкам, претерпел неизбежные изменения:

Когда Я Славенскаго Языка древность и чистоту въ Россїискихъ нѣдрахъ храниму быти сказую, не говорю то, аки бы нынѣшній Великороссїискїй, или малороссїискїй Языкъ чистѣйшїй и старинный былъ; Дїалекти бо суть, якоже и прочїи [Там же].

Совершенно особое место и особую роль отводит Йован Раич книжному славянскому языку, сохранившему свой исконный общеславянский характер именно в России:

Но есть въ Россїи и другїй особенный чистый называемый своимъ именемъ Языкъ Славенскїй, который во общемъ разговорѣ неупотребляется, но есть точїю церковный и священная писанїя ово за славу, чистоту, и древность языка, овоже за славу Божїя слова (тако якоже Еврейскїй и Елинскїй) и вся церковная пѣнїя и Молитвы на немъ печатаются, яко да вси обще уразумѣти могутъ. Чего паки примѣръ суть Русси, Поляки, Серби, Болгари, Хорвати и прочїи, которїи прилѣжно чтуще оная, разумѣють [Раич 1: 46].

На этом понятном всем славянам исконном «славянском» языке Раич пишет свою «Историю» и церковно-учительные тексты. Такое понимание функциональных различий между книжным, письменным, «общеславянским» языком и живыми славянскими диалектами присутствовало и у предшественников Раича — славянских и иностранных хронистов XVI–XVII вв. [см.: Толстой 1976; 1990б].

Россию и русский письменный (книжный, церковный) язык считает Раич наследниками и хранителями кирилло-мефодиевской традиции сакрального славянского языка:

За толикое убо множество Народа Славенскаго въ купѣ же и древность Языка ихъ дозволено было отъ Римскаго престола на прошеніе Боемцовъ и Моравцевъ, еже священная писанія и Божественныя Літургїи на томже Языцѣ отправляти, и читати. Обычай бо есть Римской Церкви на трехъ точію Языкахъ церковныя служити службы, сирѣчь на оныхъ Языкахъ, которыми вина Хрїстова распятія написанна была, и якоже повѣствуетъ Исторїа Евангелская на Еврейскомъ, Елинскомъ, и Римскомъ. Но занеже простота Славенская неразумѣвала онихъ языковъ, нужда же требовала что-мая разумѣвати, того для Куриль и Мефодїи Апостолы Славенскїи, избобрѣтше писмена Славяномъ, священная служенія на тѣхъ имъ списавше отправляли. <...> Дозволеніе сіе въ Славенскихъ Римскаго закона церквахъ паки уничтожено, (кромѣ унійтскихъ) тако и до днесь пребываетъ; а придержащіяся Греческаго Исповѣданія тогоже Народа церкви противнымъ образомъ съ начала и до днесь на своемъ діалектѣ, вся церковная служенія содѣловають, яко да всякъ языкъ исповѣсть, славу Бога и Отца, и хвално будетъ имя Господне во всѣхъ Языцѣхъ [Раич 1: 49–50].

Славянское «двуязычие» (или, по терминологии Б. А. Успенского, диглоссия), т. е. функциональное разграничение гомогенных письменного и разговорного языков, сохраняется только у православных славян и утрачено у славян-католиков, в частности на славянском Юге:

Славяни же Іллурическїи Римскаго Закона яко нарѣчїе, тако и писмена Славенская отвергли, доволствующеся точію діалектомъ простимъ, которїй Іллурическимъ нарицають, и въ мѣсто писменъ Славенскихъ Римскїя литеры употребляти начали въ началѣ сего столѣтствїя [Раич 1: 48].

Что касается не письменных, а «разговорных» славянских языков, то Раич подчеркивает их близость, обусловленную генетическим родством, общность словаря при относительно малых различиях в произношении и грамматике, которые не препятствуют взаимному пониманию представителей разных славянских народов:

Елико убо Славенских Народовъ, толико и Дїалектовъ тогоже Языка явно и изъ сихъ послѣдуетъ, и самый искусъ свидѣлствуетъ: всѣхъ

обаче едино начало и корень, и тако рещи, вси помянутїи Дїалекти мало не во всѣхъ первообразныхъ реченїяхъ сходствуютъ, въ производныхъ же а наипаче въ произношенїяхъ различествуютъ, отъ чего и разность Дїалектовъ родилася, якоже и въ иностранныхъ Языкахъ случается [Раич 1: 44].

И далее на ту же тему:

Вси между собою в нѣчесомъ различествуютъ наипаче въ окончанїяхъ и произношенїяхъ, а в самомъ нарѣчїи мало не во всемъ согласуются, еже отгуду познавается, что Народи Славенскїи единъ другаго въ разговорахъ разумѣти могутъ. Тако на примѣръ Сербинъ разумѣть рѣчь Боемцовъ, Моравцевъ, Поляковъ, Руссовъ, Болгаровъ и прочихъ, и напротивъ сїи вси Сербина бесѣдующа разумѣютъ» [Там же: 48–49].

Любопытны наблюдения Раича над специфическими чертами тех славянских языков, которые ему больше знакомы (это южнославянские и русский):

«Всѣмъ единъ и тойже языкъ, хотя во многихъ рѣчахъ и произношенїи и отмѣненъ, или съ придаткомъ нѣкоторыхъ своего Дїалекта слоговъ, якоже Руси и Болгари творять, или сокращенїемъ нѣкихъ Литеръ, акоже Серби и Хорвати употребляютъ, а о Полякахъ, Боемахъ и инихъ Славянехъ (Долци) неупоминаетъ, которїи тойже Славенскїи Народъ суще, но отъ прочихъ Народовъ Дїалектомъ отличествуютъ [Там же: 44].

Можно думать, что под «придатком слоговъ» имеются в виду болгарский артикль и русское полногласие, а под «сокращением неких литер» — сербскохорватские стяжения гласных и слоговые плавные.

Для Раича характерен в ряде случаев отказ от мифологических воззрений на язык в пользу своего рода историзма, что проявилось, в частности, в уже упомянутой его полемике с Себастьяном Долчи по вопросу о древности «иллирийского диалекта», а также в его рассуждениях о языковых контактах и их влиянии на языковое развитие:

Когда Народи Иллвирическїи Славенскїи изселившеся изъ Сармацїи по разнымъ странамъ и провинцїямъ долго шаталися, и съ иними

Народами мѣшались, найпаче съ Хунами, и сожителствовали, что причиною быти могло, какъ что и случается, и поврежденія древныя чистоты Славенскаго Языка. Примѣри того явны суть Серби, гдѣ они с Уграми живутъ, многія рѣчи ихъ въ свой Діалектъ ввели, а гдѣ съ Турками пребываютъ, ту и ихъ нарѣчїю въ многихъ сообщаются. Тоеже можно рещи и о Боемахъ, Моравцахъ, Болгарахъ и прочихъ, онїи съ Нѣмецкими обычай и языкъ въ многихъ помѣшали, а сїи по болшей части слово и нравы Турецкія воспрїяли [Раич 1: 46–47].

Естественно, что более всего Йована Раича интересовала южнославянская языковая ситуация и отношения внутри «иллирического наречия». Вслед за Мавро Орбини (*Мавроурбином*) Раич называет *Иллириком* всю территорию, занимаемую южными славянами, или даже весь Балканский полуостров:

Въ слѣдующихъ паки вѣкахъ, когда Славенскїи Народы Римскїя Провинціи завладѣли, и Иллурикъ болшія еще Провинціи приобрѣлъ, и всю оную страну, которая между Адриатическимъ моремъ, и Дунавомъ отъ Савы рѣки, даже до Скарда и Има горъ Фраческихъ, и оттуду до Понта Евксина протягается, обималь» [Раич 2: 2], ср. у Мавро Орбини: «Двоякіе были Мізіане Иллиріческіе, вышніе нынѣ названы отъ нѣкоторыхъ описателей Сербы, отъ иныхъ еж (sic!) бошнаки. Ніжнія же названы болгары [Орбини 1722: 141].

Соответственно, *иллирическим* (или *славено-иллирическим*) *языком* (*наречием*, *диалектом*) называются у Раича все южнославянские языки, включая болгарский (а иногда также и русский). Вместе с тем так может называться и отдельный южнославянский язык, в частности сербский:

По сему образу стало, что Славенскїи Народы одержавше Предѣли древныхъ Иллурїевъ и Далмать, инїи и до нынѣ Далматинами, инїи же, яко Сербли, Иллуррами называются, и языкъ Сербскїй, Иллурическимъ именуютъ. И сїе не противно, зане тако обычай древле былъ отъ завоеванїя нѣкїя провинціи, и прозванїе отъ нея получати [Раич 2: 31–32].

Говоря о болгарах, Раич категорически не соглашается с теми, кто объединяет болгар с влахами, и приводит свои лингвистические доводы:

Естли посмотримъ въ Турецкой области долго и широко обитающій Народъ Болгарскій, и нарѣчіе ихъ послушаемъ: всякаго сумнѣнія кромѣ увидимъ и уразумѣемъ, что оны Славенскаго Народа отрасль суть. Бесѣда бо ихъ, явѣ ихъ творить Славянами быти. Съ чего удивляюся славному Историку Смейцелію, что онъ Болгарскій родъ съ Влахискимъ мѣшаеть, и едину породу, и языкъ обоимъ приписуеть <...> Повѣсть его толь безсилна, некрѣпка, и неоснователна, коль явному вѣщій искусу противна есть. Когда бы сіи два Народы одинаго поколѣнія (sic!) и языка были: то бы единъ другаго въ разговорѣ разумѣти могли, еже обаче противно видимъ. На противъ же Сербинъ съ Болгариномъ бесѣдуя удобъ разумѣтися могутъ, отъ чего и порода обоихъ согласна быти видится. Выше въ Главѣ о Влахахъ доказанно, что Народъ той отъ Римскихъ Колоній въ Дакіи обитающихъ и Славенскихъ сосѣднихъ Народовъ прорасль, отъ куду и имя Полуславянъ приданно имъ. Зане нарѣчіе ихъ есть по болшей части Латїнскаго языка, что всякому искусному въ языцѣ ихъ, и Латїнскомъ, не невѣдомо есть. Колико убо согласни въ породѣ и языкѣ Талїанцы съ Сербами, толико и Влахи съ Болгарами [Раич 1: 323–324].

В этих рассуждениях Раич вновь опирается на понятие языкового родства и критерий языка как главного этнического показателя.

Представляет интерес и позиция Раича в отношении сербского и хорватского языков, которые для него еще два различных, хотя и близких славянских «диалекта»:

Ежели прочее кто спорити о породѣ ихъ (сербов) будетъ, и небыти ихъ Славянъ древныхъ отрицати станеть: тому лучшаго доказательства нетребуеть представляти, кромѣ нравовъ и Сербскаго языка, который они употребляютъ. Онъ сходень есть съ Хорватскимъ найпаче, по коей причинѣ Кедринъ Сербовъ Хорватами называетъ <...> въ маломъ же отличень и отъ прочихъ Славенскаго нарѣчїя діалектовъ [Раич 2: 128].

В свою очередь, о хорватах и их языке Раич пишет:

Къ тому кто видѣль и вѣдаеть Хробати, тот абіе изъ Славенскаго языка, котораго они употребляютъ, дознаеть, что они и прямїи Славяни. Найлучшее бо доказательство есть языка употребленіе, коего кїй Народъ рода и порѣкла есть [Там же: 39].

Наконец, нельзя не сказать о пристрастии Раича, как и многих других современных ему хронистов и его предшественников, к этимологическим разысканиям, относящимся главным образом к этнонимии. С одной стороны, он стремится найти в этимологии этнонимов указание на исторические обстоятельства, условия жизни или свойства характера интересующих его народов, с другой — его уже не могут удовлетворить произвольные и лишённые аргументации этимологические версии других авторов, хотя и те из них, которые кажутся ему приемлемыми, весьма далеки от какой бы то ни было научности. Раич ищет объяснения названий славянских народов на почве славянских языков, видя в славянской этимологии этнонима важный аргумент в пользу славянского происхождения самих народов. Приведем для примера несколько этимологических суждений Раича.

Печенеги «имя свое отъ осторожности получили. Зане когда они воевали другъ друга ободряли сими Славенскими словеси: *Пази на се сирѣчь*, смотри себе, берегися, позорствуй, откуда и имя потомъ, притяжали *Пазиnasi*, аки осторожнїи. <...> Інїи паки производять имя ихъ отъ печенїя ногъ по той причинѣ, что они пасуще стада своя при огни грѣтися обыкли, а найпаче ноги къ огню обращше нагрѣвали, откуда и названи Пецинегі. Обоя сїя произведенїя суть Славенска, и оба въ доводъ быти могутъ, что они Славяны были, первое мнѣ много сходнѣе кажется» [Раич 1: 120].

Россияне: «Посмотримъ еще откуда они Россїанъ приобрѣли имя. Повнегда Славенскїй Народъ въ великое число привниде, начали по лицѣ земли разсѣватися, и отъ разсѣленїя того получили новое имя *разсѣяни*, и по діалекту нынѣшнѣму Русскому Россїани. По тому и Греческїи Историки нарекли ихъ *спорами*, отъ *спорось* сирѣчь Народомъ разсѣяннымъ. Тако о семъ свидѣлствуетъ Мавроурбинъ о Славянехъ Россискихъ <...> Другїи паки Историки проименованїю отъ града Росси, инїи отъ рѣки тогожь имене, нѣщїи отъ Руссихъ влазовъ быти хотятъ <...> А Михаилъ Ломоносовъ въ краткомъ лѣтописцѣ своемъ <...> не отъ разсѣянїя, но отъ Роксолановъ, Россовъ имя производить, паче же отъ реки, при коей поселилися, Росси. Но отдадимъ и ему право тое, что и прочимъ, еже избобилovati въ мнѣнїи своемъ» [Раич 1: 231–233].

Неудивительно, что больше всего волнует Раича этимология этнонима *сербы*.

Если пожелаетъ Читатель моего въ произведеніи Сербскаго имене мнѣнія <...> моя бы то радость и желаніе было, естли бы я въ состояніи былъ со свидѣтельствы доказати оное. Но когда въ томъ точію догады мѣсто имѣють, то и я мое объявляю мнѣніе и гаданіе. <...> Тако в семь мнѣніи пребываемъ, что древнѣйшее отечество Сербовъ Сиберіа была, отъ коея и назвались тако. Естли сими Читатель доволствовати неизволить, (ниже къ тому принуждаю его) пусть изволить проискати добрихъ свидѣтельствъ, и тѣми исправить мнѣніе мое, къ которому мнѣ поводъ подалъ выше приведенный Анонимъ [Раич 2: 154–155].

В другом месте, однако, Раич защищает другую этимологию, связывая этноним *сербы* с глаголом *собирать*:

Зане и иніи Славенскіи Народы яко *Верли*, *Хервати*, *Пази-на-се*, *Вань-далъ* свойство и храбрость Духа назначающе, тако нарекли себе: подобнѣ и *Сорби* отъ *собранія во едино*, нарекли себе *Сабери*, или *Саберами*. Въ слѣдующей повѣсти показано будетъ, что произведеніе имене Сербскаго весьма сходно отъ *Саберовъ* происходить. Здѣ точію двоя въ имени семь примѣчанія достойная обрѣтаемъ: едино, что нарѣчїе сіе *Сабери* знаменуетъ многолюдство; Собраніе бо многимъ прилично есть. А отуду познаваемъ, что Народъ *Сабери* нареченный потомъ *Серби*, былъ во свое время обыленъ и многолюденъ. Второе, занеже слово *Сабери* есть чистое Славенское, познаваемъ породу *Саберовъ* быти Славенскую. Къ тому, аще *Сабери* суть тїжде *Серби*, якоже индѣ упомянется, то паки смѣло заключити можемъ, что *Серби* были Славяны многолюдни, и неменьшїи прочихъ Народовъ Славенскихъ [Там же: 124–125].

Заметим, что при обсуждении этимологических версий Раич пользуется критерием регулярных мотивационных моделей (например, говорит о номинации народов по свойствам их характера, по местам обитания и т. п.) и в меньшей степени руководствуется формальными признаками слов, хотя и этот критерий в некоторых случаях присутствует в его рассуждениях:

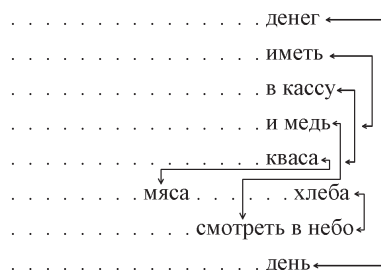
Инїи паки доказывають Гововъ Нѣмецкїа быти породы отъ согласїа реченїй, и производять Гововъ отъ Нѣмецкаго реченїя *Готтъ*, еже Славенски

значить Богъ. Но кое Гѡгомъ съ Богомъ согласіе, найпаче когда Гѡи Ѡ пишутся, и у Нѣмцовъ чрезъ *TX*, Ѡ, же греческое писмя (sic!) заключаетъ въ себѣ *TC*, или *CT*, а Нѣмецкое *Gottъ*, двойнымъ *TT*, пишется [Раич 1: 71].

Йован Раич не был филологом и не имел собственной языковой программы. «Языковой вопрос» играл в его взглядах подчиненную роль: занятый проблемой славянского этногенеза, Раич-историк смотрел на язык прежде всего как на свидетельство общего происхождения и этнического родства славянских народов. Приверженность идее славянского единства и восприятие «славянского» книжного языка (в его русской версии) как воплощения и символа этого единства определили не только выбор русско-славянской языковой модели при написании «Истории», но и характер прямых высказываний Раича о языке. В то же время лингвистические воззрения Раича в их соотношении со взглядами на язык других хронистов и писателей его времени (прежде всего русских и южнославянских) представляют несомненный интерес как для истории донаучного этапа славянского языкознания, так и для характеристики славянской литературно-языковой ситуации XVIII в.

О ФОНОЛОГИИ РИФМЫ

Рифма как элемент стиха представляет единство ритмического, композиционного и фонического моментов; соответственно приняты три аспекта ее изучения. Понятия мужской, женской, дактилической рифмы относят ее к одному из отделов метрики; понятия смежности, перекрестности и под. принадлежат к проблемам строфики; рифмовое созвучие составляет частный случай звуковой инструментовки стиха [см.: Жирмунский 1923; Брик 1917], и только пересечение этих трех характеристик создает рифму как таковую. Эффект рифмы основан на звуковом *о т о ж д е с т в л е н и и* некоторых фонемных комплексов в определенных композиционных и ритмических условиях. Механизм рифмы, как и других элементов стиха, сводится к *п о в т о р у* определенного сегмента стиховой речи одновременно в трех указанных отношениях¹. Здесь кажется оправданной аналогия с явлением ассимиляции фонем в потоке речи. Классическая рифма, выполнявшая функцию строгой композиционной организации строфы, выдерживала прогрессивное направление; в поэзии XX в. есть примеры регрессивного действия рифмы, несомненно, связанного с разрушением строфы. Так, в стихотворении С. Кирсанова «Чтобы яблоки были»² рифмы организованы следующим образом:

1 Нередко рифма осложняется еще и синтаксическим или морфологическим параллелизмом [см.: Брик 1927; Jakobson 1963].

2 Имеется в виду первая строфа: «У меня нет денег, / И я не хочу их иметь, / Не хочу просовывать руку в кассу, / Откуда высунут бумажку и медь / На глоток кваса, / На кусок мяса, масла и хлеба, / На право смотреть в небо / Еще один день».

При свободном строении строфы, когда композиция не предсказывает обязательного появления рифмы, сигналом рифмы является лишь вторая «аллорифма» (т. е. соблюдается направление от последующего к предыдущему). Тот факт, что первый стих строфы рифмуется с последним, может остаться вообще незамеченным, как и третий член рифмы *иметь — и медь — смотреть*, поставленный в середину стиха. В таких случаях значение каждого отдельного комплекса в звуковой структуре стиха окончательно выясняется только по прочтении всего стихотворения, так как в любом последующем стихе может обнаружиться новый комплекс, по-новому воздействующий на предыдущие.

Далее будут высказаны некоторые соображения относительно третьего, фонического, аспекта рифмы с точки зрения фонологии.

Рифмовую ситуацию можно рассматривать как особую фонологическую позицию, в которой отождествляются определенные единицы фонологической системы поэтического языка за счет нейтрализации некоторых признаков, различающих их в других, не рифмовых позициях. В качестве единиц здесь фигурируют не отдельные фонемы, а их (не непрерывные, а часто и не линейные) комплексы, например у Пастернака *ветр ночей — виночерпьем*, где рифма, образованная набором фонем *в', р, н, о, ч, ё, j*, не обнаруживает полного тождества в их следовании: *в' — р — н — о — ч — ё — j* и *в' — н — о — ч — ё — р — j*. Попадая в рифмовую позицию, такие фонемные последовательности составляют аллорифмы одной архиединицы. Подобно тому как на семантическом уровне отождествляются все варианты морфемы за счет нейтрализации их фонетических (или графических) различий, например *страх-* и *страи-*, в рифмовой ситуации отождествляются звуковые варианты рифмующихся комплексов, образуя обобщенный звуковой тип, функционирующий как инструментальный поэтический образ. Удобно поэтому в целях формализации описания исходить из полного тождества членов «рифмопары», т. е. из абсолютной рифмы (несмотря на ее редкость) как из предельной модели, отражающей внутренний

поэтический смысл рифмы, а реальные типы рифм отсчитывать от этого абсолютного типа. Тогда система рифм одного произведения, поэта или целой школы, а также эволюция рифмовой системы, традиционно описываемая в терминах канонизации и деканонизации точной рифмы, могут быть представлены более строго через допустимые в пределах рифмы нейтрализации фонологических различительных признаков или их комплексов.

Предлагается записывать рифмующиеся ряды фонем в виде матрицы (двух- или *n*-строчной, по числу рядов), где по вертикали совмещаются (или изображаются друг под другом) «связанные», или вертикально аллитерирующие, фонемы. Ориентация таких, иногда достаточно длинных, фонемных рядов относительно друг друга однозначно предписывается ритмической схемой стиха. Однако эта однозначность нарушается (особенно часто в современной поэзии), если 1) рифмующиеся ряды фонем неодинаково упорядочены, как в приведенной выше рифме Пастернака; 2) рифмующиеся ряды фонем не симметричны друг другу, т. е. фонема одного ряда связана более чем с одной фонемой другого ряда или с фонемами из внерифмового комплекса. Фонологический анализ должен учитывать и эти непрямые связи.

Далее может быть вычислено фонологическое расстояние³ между строками матрицы, которое и будет служить формальным выражением рифмового созвучия. Сначала вычисляется расстояние для каждой пары (тройки и т. д.) связанных фонем, т. е. для каждого столбца, затем суммируется расстояние по всей матрице. Понятно, что фонемные ряды могут быть переписаны в последовательности дифференциальных признаков, тогда выражение расстояния становится более эффективным.

В качестве иллюстрации приведем пять рифм из поэмы С. Есенина «Пугачев» (римская цифра обозначает главу, арабская — стих).

3 Понятие расстояния в фонологии, заимствованное из математики, рассматривается, в частности, в статье [Ревзин 1964].

(1) I, 2–4

пространство		п	р	а	с	т	р		а́	н	с	т	в	ъ	
оборванцев	а	б		а			р	в	а́	н	ц			ъ	ф

| ← |

(2) I, 5–7

медь				м'	э́	т'
медведь	м'	и ^е	д	в'	э́	т'

| —————> |

(3) I, 6–8

почва			п	о́	ч	в	ъ			
ворочается	в	а	р	о́	ч		ъ	э	ц̄	ъ

(4) II, 12–14

нас шквал	н	а	с	ш	к	в	а́	л
Москва	м	а	с		к	в	а́	

(5) I, 27–29

место			м'	э́	с	т	ъ	
телесное	т'	и ^е	л'	э́	с	н	ъ	э

В данном случае рифмы условно выделены в соответствии со словесными границами; следует, однако, иметь в виду, что реально рифмуются не слова, а независимые от словесных границ цепочки фонем: действительно, в примере 2 рифмуется

целое слово с фрагментом другого слова, в примере 4 два слова рифмуются с одним словом. Вообще установление левой границы рифмы, вероятно, не может быть автоматическим. Для классической рифмы границей служила сначала последняя ударная гласная, потом опорная согласная; в современной поэзии рифма часто сливается с аллитерацией и взаимодействует одновременно с несколькими фонетическими рядами (в собственном стихе, в рифмующихся стихах и даже в нерифмующихся, обычно смежных, стихах). Не предлагая принципиального решения вопроса о границе рифмы, будем условно считать в наших примерах началом рифмы первый слева заполненный двухэтажный столбец.

Фонологическое расстояние между двумя фонемами измеряется числом дифференциальных признаков, заменой которых на противоположные осуществляется переход от одной фонемы к другой. Например, расстояние между *n* и *b* составляет 1 (признак глухости – звонкости), расстояние между *p* и *#* (нулем) равно 12 (общее число признаков, релевантных для фонологической системы языка). Тогда в приведенных примерах расстояние равно:

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	сумма
1	1	12	0	12	12	0	12	0	0	1	1	1	0	1	53
2	2	0	0												2
3	2	0	0	12	0	12	12	12							50
4	1	0	0	12	0	0	0	12							25
5	2	0	0	1	0	12									15

Из таблицы видно, что абсолютные цифры расстояния мало показательны и трудно соизмеримы из-за разной длины рифм. Поэтому удобнее пользоваться относительным показателем расстояния (абсолютная цифра, деленная на число столбцов), вычисленным для всей матрицы или только по сумме связанных пар. Тогда:

	Число столбцов в матрице	Абсолютное расстояние по всей матрице	Относительное расстояние по всей матрице	Число связанных фонем	Абсолютное расстояние по сумме связанных фонем	Относительное расстояние по сумме связанных фонем
1	14	53	3,8	10	6	0,6
2	3	2	0,7	3	2	0,7
3	8	50	6,25	4	2	0,5
4	8	25	3,125	6	1	0,17
5	6	15	2,5	5	3	0,6

Как кажется, показатель относительного расстояния по сумме связанных фонем представляет формальный (и количественный) аналог традиционному понятию *т о ч н о с т и* рифмы, а разность между относительным расстоянием по всей матрице и относительным расстоянием по сумме связанных фонем отражает еще одну характеристику рифмы, именно ее *п о л н о т у*, причем рифма тем полнее, чем эта разность меньше:

	1	2	3	4	5
Полнота рифмы	3,2	0	5,75	3,08	1,9

Очевидно, что как для стиховедения, так и для фонологии представляет интерес выяснение верхних и нижних пределов точности и полноты рифмы и зависимость этих пределов от фонологической системы языка, с одной стороны, и от поэтической системы рифмовки и индивидуального поэтического стиля — с другой. Качественный фонологический анализ рифмы должен установить фонологический тип и структуру (по ДП) связанных пар, их распределение по отношению к ударению, характер доминирующих и подчиненных консонантных типов в пределах слоговых комплексов, специфику гласных и согласных элементов рифмы, а также отдельных классов согласных, ограничения, накладываемые на состав связанных рядов фонологической системой языка.

Тенденцию развития рифмы можно видеть в распространении рифмующегося комплекса все дальше влево от конца стиха

(собственно от ударного рифмующегося слова⁴) при одновременном снижении полноты и усилении точности. Эта последняя зависимость, вполне регулярная, кажется естественной и объяснимой: в неполной рифме, обремененной консонантными вставками, прерывающими последовательность связанных фонем, высокая точность является необходимой компенсацией прерывности рифмы и условием удержания созвучия. Что касается отмеченной тенденции рифмы, то ее правомерно связывать с изменением роли ударения в русской поэтической традиции: от слабого динамического (точная «короткая» рифма заударных слогов XVIII — начала XIX в.) через сильную экспирацию («богатая» рифма опорных согласных с конца XIX в.) к фразовому ударению современной поэзии («длинная» рифма, преимущественно на согласных):

Период	Характер ударения	Схема рифмующегося комплекса									
		согл.	гл.	согл.	гл.	опорная согл.	ударная гл.	согл.	гл.	согл.	гл.
XVIII в.	экспираторное						+	+	+	+	+
Начало XIX в.	экспираторное						+	+	±	+	±
2-я половина XIX в.	сильное экспираторное						+	+		+	
Маяковский	фразовое			±	±	+	±	±		±	
Современная поэзия	фразовое	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±

согл. — одна или группа согласных

+ — обязательное сходство

± — необязательное сходство

4 Ударный слог и в современной поэзии остается ядром рифмы, поскольку при разноударных рифмах возникают дополнительные ударения, а в случае, когда аллорифма содержит более чем одно ударение, равновесие достигается путем энклизы или проклизы в зависимости от ударения второй аллорифмы (ср. у С. Кирсанова: *среди ночи встав — одиночества*).

ЛИТЕРАТУРА И СОКРАЩЕНИЯ

- Аверьянова 1974 — *Аверьянова А. П.* Семантические различия глагольных образований с приставками *о-* и *об-* (*обо-*) // Вопросы семантики. 1974. № 1. С. 32–43.
- Агапкина 1996 — *Агапкина Т. А.* Славянские обряды и верования, касающиеся менструации // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 103–150.
- Агапкина 2002 — *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
- Агапкина 2010 — *Агапкина Т. А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: сюжетика и образ мира. М., 2010.
- Азарх 1984 — *Азарх Ю. С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
- Алексеева 1978 — *Алексеева А. П.* Из истории приставочного глагольного словопроизводства (на примере образований с *об-* и *о-*): автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Л., 1978.
- Аникин — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.
- АОС — Архангельский областной словарь. М., 1980–. Вып. 1–.
- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Апресян 1995а — *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
- Апресян 1995б — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. М., 1995. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е изд.
- Апресян 1999 — *Апресян Ю. Д.* Принципы системной лексикографии и толковый словарь // Поэтика. История литературы. Лингвистика. М., 1999. С. 634–650.
- Апресян 2000а — *Апресян Ю. Д.* *Любить 2, Обожать; Любоваться* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2000. Вып. 2. С. 180–187.
- Апресян 2000б — *Апресян Ю. Д.* Многозначность и синонимия слова *любить* // *Etnolingwistyka*. Lublin, 2000. Т. 12. S. 77–95.
- Апресян 2004а — *Апресян Ю. Д.* Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на *оказывать*) // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 13–33.

- Апресян 2004б — *Апресян Ю. Д. Ошибаться 1* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004. Изд. 2. С. 752–757.
- Апресян 2004в — *Апресян Ю. Д. Радоваться* // Новый объяснительный словарь синонимов. М.; Вена, 2004. Изд. 2. С. 912–915.
- Апресян 2006а — *Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии* // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 31–160.
- Апресян 2006б — *Апресян Ю. Д. Фундаментальная классификация предикатов* // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 75–110.
- Апресян 2009 — *Апресян Ю. Д. Лексическая многозначность* // *Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии*. М., 2009. Т. 1. Парадигматика. С. 409–485.
- Апресян 2010 — *Апресян Ю. Д. Инструкция по составлению словарных статей Активного словаря (АС) русского языка* // Проспект «Активного словаря русского языка». М., 2010. С. 55–152.
- Апресян 2014 — *Апресян Ю. Д. Выйти* // Активный словарь русского языка. М., 2014. Т. 2. С. 413–429.
- Аркадьев 2015 — *Аркадьев П. М. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа)*. М., 2015.
- Аркушин 1–2 — *Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок*. Луцьк, 2000. Т. 1–2.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д. Истина и правда* // *Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека*. М., 1998. С. 543–642.
- Афанасьев 1–3 — *Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу*. М., 1865–1869. Т. 1–3.
- Барјактаровић 1952 — *Барјактаровић М. О земљишним међама у Срба*. Београд, 1952.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
- БВКЗ — Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993.
- БДХ — *Мяцельская Е. С., Камароўскі Я. М. Беларуская дыялекталогія*. Хрэстаматыя. Мінск, 1979.
- Белић 1935 — *Белић А. Постанак прасловенске глагольне системе* // Глас СКА. Књ. 164. 2 разр. Београд, 1935. С. 1–40.

- Белова 2004 — «Народная Библия»: восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой. М., 2004.
- Бенвенист 1995 — *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- БЕР — Български етимологичен речник. София, 1971–. Т. 1–.
- Березович 2007 — *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура. М., 2007.
- Бернштейн 1966 — *Бернштейн С. Б.* Болгарско-русский словарь. М., 1966.
- БМ — Българска митология. Енциклопедичен речник / Съст. А. Стойнев. София, 1994.
- БНМ — Българска народна медицина. Енциклопедия. София, 1999.
- Бован 1979 — *Бован В.* Српске народне загонетке са Косова и Метохије. Приштина, 1979.
- Богуславский, Иомдин 2000 — *Богуславский И. М., Иомдин Л. Л.* Семантика медленности // Слово в тексте и словаре. К 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 52–60.
- Богуславский, Иомдин 2009 — *Богуславский И. М., Иомдин Л. Л.* Семантика смягченной сравнительности: русские компаративы на *по-* // *Wiener slawistischer Almanach (Sonderband. 73).* München; Wien, 2009. S. 319–333.
- Бодуэн де Куртенэ 1870 — *Бодуэн де Куртенэ И.* О древнепольском языке до XIV столетия. Лейпциг, 1870.
- Бондалетов 1982 — *Бондалетов В. Д.* Греческие заимствования в русском, украинском, белорусском и польском аргю (к проблеме генезиса и контактирования социальных диалектов славянских языков) // *Этимология.* 1980. М., 1982. С. 64–79.
- Брик 1917 — *Брик О. М.* Звуковые повторы (Анализ звуковой структуры стиха) // *Сборники по теории поэтического языка.* Пг., 1917. Вып. 2. С. 24–62.
- Брик 1927 — *Брик О. М.* Ритм и синтаксис (Материалы к изучению стихотворной речи) // *Новый ЛЕФ.* 1927. № 3. С. 15–20.
- Брысина, Кудряшова 2004 — *Брысина Е. В., Кудряшова Р. И.* Соматическая лексика в донских говорах // *Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования.* 2001–2004. СПб., 2004. С. 260–266.
- БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- Бубрих 1948 — *Бубрих Д. В.* К проблеме изобразительной речи // *Ученые записки Карело-Финского университета.* 1948. Т. 3. Вып. 1. С. 85–94.

- Булатова 1983 — *Булатова Л. Н.* Еще о грамматическом статусе категории числа существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983. С. 120–130.
- Булашев 1909 — *Булашев Г. О.* Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Вып. 1. Космогонические украинские народные воззрения и верования, Киев. 1909.
- Буюклиев 1981 — *Буюклиев И.* Кирилло-мефодиевская традиция и возникновение древних западнославянских языков // Советское славяноведение. 1981. № 6. С. 103–108.
- Бялькевіч 1970 — *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
- Валодзіна 2016 — *Валодзіна Т. В.* «Хлеб-соль прымі, а здароўе вярні»: этнамедыцынскія ўяўленні ў кантэксце ўзаемінаў чалавека і локуса // Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні. Мінск, 2016. Вып. 3. С. 76–103.
- Варбот 1981 — *Варбот Ж. Ж.* Лехитские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981. С. 327–328.
- Василевская 1983 — *Василевская Л. И.* Синтаксические возможности имени собственного (метонимический перенос у антропонимов) // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983. С. 156–166.
- Вельмезова 2004 — *Вельмезова Е. В.* Чешские заговоры. Исследования и тексты. М., 2004.
- Вешовић 1935 — *Вешовић Р.-Ј. В.* Племе Васојевићи у вези са историјом Црне Горе и племенским животом сусједних брда. Сарајево, 1935.
- Виноградова 1981 — *Виноградова Л. Н.* Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. М., 1981. С. 13–43.
- Виноградова 1984 — *Виноградова В. Н.* Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.
- Виноградова 2000 — *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.
- Виноградова 2011 — *Виноградова Л. Н.* Ведьма // Народная демонология Полесья / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М., 2000. Т. 1. С. 36–256.
- Виноградова, Толстая 1995 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Ведьма // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 297–301.

- Володина 2006 — *Володина Т. В.* Анимализмы в этнокультурном тексте кожных болезней (немецко-славянские параллели) // Слово в словаре и дискурсе. Сборник научных статей к 50-летию Х. Вальтера. М., 2006. С. 58–65.
- ВП — Валачобныя песні. Мінск, 1980.
- Врчевић 1888 — *Врчевић В.* Помање српске народне свечаности. Панчево, 1888.
- Врчевић 1986 — *Врчевић В.* Тужбалице. Титоград, 1986.
- Вукановић 1970 — *Вукановић Т.* Српске народне загонетке из Србије и Косова. Врање, 1970.
- Вукановић 2001 — *Вукановић Т.* Енциклопедија народног живота, обичаја и веровања у Срба на Косову и Метохији. VI век — почетак XX века. Београд, 2001.
- Вълчинова 1994 — *Вълчинова Г.* Сечко и Марта — формирането на един митологичен комплекс в българската народна култура // Етнографски проблеми на народната духовна култура. София, 1994. Т. 2. С. 33–77.
- Выслоўі — Выслоўі / Склад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. М. Я. Грынבלата. Мінск, 1979.
- Газов-Гинзберг 1965 — *Газов-Гинзберг А. М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965.
- Гак 1992 — *Гак В. Г.* Номинация действия // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 77–84.
- Ганудель 1987 — *Ганудель З.* Народні страви і напої. Bratislava, 1987.
- ГБЛІМ — *Крамко І. І., Юрэвіч А. К., Яновіч А. І.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1967–1968. Т. 1–2.
- ГГ — Гуцульські говірки. Короткий словник / Відпов. ред. Я. Закревська. Львів, 1997.
- Генадиева-Мутафчиева 1970 — *Генадиева-Мутафчиева З.* Подчинителният съюз *Да* в съвременния български език. София, 1970.
- Генадиева-Мутафчиева 1974 — *Генадиева-Мутафчиева З.* Съчинителен съюз *да* в българските диалекти // Езиковедски изследвания. В памет на професор Стойко Стойков. София, 1974. С. 249–254.
- Геров 1–5 — *Геров Н.* Речник на българския език. Пловдив, 1895–1904. Ч. 1–5.
- Гиппиус 2017 — *Гиппиус А. А.* «Зло видуче, а добра не видучи»: поэтика и грамматика древнейшего русского покаянного стиха // *Russian Linguistics*. 2017. № 41. Р. 261–282.
- Гловинская 1993 — *Гловинская М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 158–218.

- Гловинская 2010 — *Гловинская М. Я.* Лексикографическое описание слов со значением речевых актов // Проспект «Активного словаря русского языка». М., 2010. С. 397–437.
- Глускина 1962 — *Глускина С. М.* Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. I: Труды первой диалектологической конференции 1960 года. Псков, 1962. С. 28–57.
- Глускина 1979 — *Глускина С. М.* Морфонологические наблюдения над псковскими говорами (смягченные и несмягченные согласные в исторических чередованиях) // Псковские говоры: Сборник научных трудов. Л., 1979. С. 113–125.
- Голубинский 1906 — *Голубинский Е. Е.* О реформе в быте русской церкви. М., 1906.
- Грбић 1909 — *Грбић С.* Српски народни обичаји из Среза Бolečаког. Београд, 1909.
- Грђић-Бјелокосић 1986 — *Грђић-Бјелокосић Л.* Из народа и о народу. Београд, 1986.
- Гринченко 1–4 — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка. Киев, 1907–1909. Т. 1–4.
- Гришанова 2003 — *Гришанова В. Н.* Анатомические названия в говоре одного села // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2000. СПб., 2003. С. 59–65.
- Гришанова 2008 — *Гришанова В. Н.* Фразеологические единицы с компонентом-соматизмом в говоре одного села // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2008. СПб., 2008. С. 286–291.
- Грковић-Мејџор 2007 — *Грковић-Мејџор Ј.* Списи из историјске лингвистике. Сремски Карловци; Нови Сад, 2007.
- Грковић-Мејџор 2013 — *Грковић-Мејџор Ј.* Прилог историји лексико-семантичке групе *-grъx-* // Теолингвистичка проучавања словенских језика. Theolinguistic Studies of Slavic Languages. Београд, 2013. С. 368–388.
- Грковић-Мејџор 2016 — *Грковић-Мејџор Ј.* Формуле с именицом *вѣра* у старосрпском језику // Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. Zum 90. Geburtstag von N. I. Tolstoj. Славянская духовная культура: этнолингвистические и филологические исследования. К 90-летию со дня рождения Н.И.Толстого. [Philologica Slavica Vindobonensia. B. 3] / Hrsg. A. A. Alekseev et al. Frankfurt am Main; Berlin; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2016. Teil 2. S. 43–58.

- Гудков 1981 — *Гудков В. П.* Книжно-письменный язык у сербов в XVIII — начале XIX в. // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981. С. 135–150.
- ГУМ — Говори української мови (збірник текстів). Київ, 1977.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Гура 2008 — *Гура А. В.* О вкусовом коде свадьбы // Етнолінгвістичка проучавања српског и других словенских језика. Београд, 2008. С. 147–161.
- Гура 2012 — *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012.
- Гура, Кабакова 1995 — *Гура А. В., Кабакова Г. И.* Вдовство // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 293–297.
- Даль 1–4 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1912. Изд. 4. Т. 1–4.
- Даль ПРН — Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1989. Т. 1–2.
- Данченкова 1993 — *Данченкова Н.* Народные представления о «том» свете и художественная система владимирских причитаний // Мифологические представления в народном творчестве. М., 1993. С. 70–90.
- Дворецкий 1–2 — *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1–2.
- Дворецкий 1976 — *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976. Изд. 2.
- Дебельковић 1897 — *Дебельковић Д.* Српске народне песме са Косова. Београд, 1897.
- Дебельковић 1907 — *Дебельковић Д.* Обичаји српског народа на Косовом Пољу // Српски етнографски зборник. (Београд) 1907. Књ. 7. С. 173–331.
- Дебельковић 1934 — *Дебельковић Д.* Веровања српског народа на Косовом Пољу // Српски етнографски зборник. (Београд) 1934. Књ. 50. С. 210–216.
- Деулино 1969 — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.
- Добровольский 1–4 — Смоленский этнографический сборник / Сост. В. Н. Добровольский. СПб., 1891–1903. Ч. 1–4.

- Добровольский 1914 — *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Добруджа — Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания / Ред. М. Василева. София, 1974.
- Добрушина и др. 2001 — *Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д.* Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001.
- Друмев 1896 — Клетви и благословии. От Царибродско и Пиротско. Записал К. В. Друмев // Сборник за народни умотворения. (София) 1896. Т. 13. С. 230–321.
- ДСБ — Дыялектны слоўнік Брэстчыны. Мінск, 1989.
- Дыбо 1996 — *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.
- Дюрович 2000 — *Дюрович Л.* Соблазн родства (о значении слов в родственных языках) // Слово в тексте и словаре. Сборник статей к 70-летию Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 77–81.
- Ђорђевић 1–2 — *Ђорђевић Т. Р.* Природа у веровању и предању нашега народа. Београд, 1958. Књ. 1–2.
- Ђорђевић 1926 — *Ђорђевић Т. Р.* Шта значи камен о врату? // Гласник Скопског научног друштва. 1926. Књ. 1. Св. 1–2. С. 528–529.
- Ђорђевић 1958 — *Ђорђевић Д. М.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958.
- Ђурић 1989 — *Ђурић М.* Бој на Косову у народној песми и причи. Београд, 1989.
- Еда по-руски 2013 — *Вайс Д., Занадворова А. В., Долешаль У., Иссерс О. С., Китайгородская М. В., Куммер Р., Ратмайр Р., Розанова Н. Н., Хоффманн Э.* Еда по-руски в зеркале языка. М., 2013.
- Елезовић 1–2 — *Елезовић Г.* Речник косовско-метохиског дијалекта. Београд, 1932–1935. Св. 1–2.
- ЕРСЈ — Етимолошки речник српског језика. Београд, 2003–. Св. 1–.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Київ, 1982–2012. Т. 1–6.
- Єрмоленко 2009 — *Єрмоленко С. С.* Семантика і-є. **bhlendh-*: рефлексія і реконструкція // Студії з ономастики та етимології. 2009. Київ, 2009. С. 228–238.
- Желеховский 1–2 — *Желеховский С.* Малорусско-німецкий словарь. Львів, 1886. Т. 1–2.
- Живковић 1987 — *Живковић Н.* Речник пиротског говора. Ниш, 1987.
- Живов 2002 — *Живов В. М.* История русского права как лингвосемантическая проблема // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 187–305.

- Жирмунский 1923 — *Жирмунский В.* Рифма, ее история и теория. Пг., 1923.
- ЖС — Жывое слова / Рэд. Ю. Ф. Мацкевіч, І. Я. Яшкін. Мінск, 1982.
- Зализняк 1977 — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
- Зализняк 1991 — *Зализняк А. А.* Морфонологические модели *Луць* — *Лучинь* и *Лукъ* — *Лукинъ* в славянских языках // *Studia slavica.* Языкознание. Литературоведение. История. История науки. К 80-летию С. Б. Бернштейна. М., 1991. С. 153–160.
- Зализняк 2003 — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. М., 2003. Изд. 4.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004. Изд. 2.
- Зализняк 2013 — *Зализняк А. А.* К истории слов // *Slavica Svetlanica.* Язык и картина мира. К юбилею С. М. Толстой. М., 2013. С. 30–41.
- Зализняк 2016 — *Зализняк А. А.* Из русской морфонологии: *закалять* и *закаливать* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 9. История русского языка и культуры. Памяти В. М. Живова. М., 2016. С. 417–432.
- Зализняк Анна 1991 — *Зализняк Анна А.* Словарная статья глагола *говорить* // Семиотика и информатика. 1991. Вып. 32. С. 71–83.
- Зализняк Анна 1992 — *Зализняк Анна А.* Контролируемость ситуации в языке и в жизни // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 138–145.
- Зализняк Анна 1995 — *Зализняк Анна А.* Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // *Russian Linguistics.* 1995. Vol. 19. P. 143–185.
- Зализняк Анна 2006 — *Зализняк Анна А.* Многочисленность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Зализняк Анна 2013 — *Зализняк Анна А.* Русская семантика в типологической перспективе. М., 2013.
- Замовы — Замовы / Уклад., сістэма тэкстаў, камент. Г. А. Барташэвіч. Мінск, 1992.
- Златановић 1998 — *Златановић М.* Речник говора Јужне Србије. Врање, 1998.
- Златковић 1989 — *Златковић Д.* Фразеологија страха и наде у пиротском говору. Београд, 1989.
- Иваницкий 1890 — *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890.

- Иванов 1961 — *Иванов Вяч. Вс.* К этимологии русского *пасти* // Сборник статей по языкознанию памяти М. В. Сергиевского. М., 1961. С. 105–119.
- Иванов 1979 — *Иванов Вяч. Вс.* К проблеме следов древнейшего литературного языка у славян // Славянское и балканское языкознание. [Вып. 5] История литературных языков и письменность. М., 1979. С. 5–25.
- Иванов 1981 — *Иванов Вяч. Вс.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.
- Иванов 2007 — *Иванов Вяч. Вс.* Из индоевропейской обрядовой терминологии. «Хранить слово» // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти В. Н. Топорова. М., 2007. С. 43–50.
- Иванов, Топоров 1978 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* О языке древнего славянского права (к анализу ключевых терминов) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 221–240.
- Иванов, Топоров 1981 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 10–31.
- Иванова 2002 — *Иванова К. И.* Прагматика и семантика болгарских проклятий // Белорусский и другие славянские языки: семантика и прагматика. Минск, 2002. С. 36–43.
- Иващенко 1878 — *Иващенко П. С.* Шептанья. Приложение к реферату «Следы языческих верований в южнорусских шептаньях» // Труды III археологического съезда в 1874 г. Киев, 1878. Т. 2. С. 171–181.
- Ивић 2000 — *Ивић М.* О доприносу српског префикса *од-* семантичком и граматичком лику глаголских лексема // *Grammaticalization in Slavic Languages: from Areal and Typological Perspectives.* Sapporo, 2000. P. 203–204.
- Исаченко 1958 — *Исаченко А. В.* К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков // *Slavia.* 1958. № 27 (3). S. 334–352.
- Иткин 2007 — *Иткин И. Б.* Русская морфонология. М., 2007.
- ІСУМ — Інверсійний словник української мови. Київ, 1985.
- Јелић 1931 — *Јелић И. М.* Шта значи камен о врату? Београд, 1931.
- Кабакова 1994 — *Кабакова Г. И.* Структура и география легенды о мартовской старухе // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 209–222.

- Кабакова 2013 — *Кабакова Г. И.* Названия трапезы в русских диалектах // *Ethnolinguistica slavica*. К 90-летию акад. Н. И. Толстого. М., 2013. С. 330–343.
- Калакуцкая 1984 — *Калакуцкая Л. П.* Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке. М., 1984.
- Капанци 1985 — Капанци. Етнографски и езикови проучвания. София, 1985.
- Караџић 1852 — Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима / Скупио и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. У Бечу, 1852.
- Караџић 1965 — Сабрана дела Вука Караџића. Књ. 9. Српске народне пословице. Београд, 1965.
- Караџић 1972 — *Караџић В. С.* Етнографски списи. Београд, 1972.
- Качинская 2008 — *Качинская И. Б.* Термины родства и предметный мир (термины родства и языковая картина мира. По материалам архангельских говоров) // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. М., 2008. Вып. 3 (9). С. 265–283.
- Качинская 2013 — *Качинская И. Б.* Имена родства: термин и словосочетание (по материалам архангельских говоров) // *Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования*. 2013. СПб., 2013. С. 244–257.
- Качинская 2018 — *Качинская И. Б.* Термины родства и языковая картина мира. М., 2018.
- Кепов 1936 — *Кепов И.* Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево, Дупнишко. София, 1936.
- Керча 1–2 — *Керча I.* Словник русинсько-руський. Ужгород, 2007. Т. 1–2.
- Китевски 1996 — *Китевски М.* Македонски народни празници и обичаи. Скопје, 1996.
- Клепикова 1989 — *Клепикова Г. П.* Проблема «карпатской миграции славян» в свете новых данных лингвистической географии. 2. // *Общеславянский лингвистический атлас*. 1985–1987. М., 1989. С. 121–129.
- Кодови 1997 — Кодови словенских култура. Број 2. Храна и пиће. Београд, 1997.
- Коды повседневности 2011 — Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / Отв. ред. Н. В. Злыднева. М., 2011.
- Концепт боль 2009 — Концепт «боль» в типологическом освещении / Под общ. ред. Е. В. Рахилиной и др. Київ, 2009.
- КОО — Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. М., 1977.

- Королева 1–2 — *Королева Е. Е.* Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области). Даугавпилс, 2000. Ч. 1–2.
- Косово 1989 — Косово у памћењу и стваралаштву / Приред. Н. Љубинковић. Београд, 1989.
- Костић 1930 — *Костић П.* Пословице, загонетке и бројанице у Призрену // Гласник Етнографског музеја. (Београд). 1930. Књ. 5. С. 126–137.
- Кошелев 2004 — *Кошелев А. Д.* О концептуальных значениях приставки *о-/об-* // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 68–101.
- Крапи́ва 1962 — Беларуска-рускі слоўнік / Пад рэд. К. К. Крапи́вы. М., 1962.
- Кронгауз 1997 — *Кронгауз М. А.* Опыт словарного описания приставки *от-* // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997. С. 62–86.
- Кронгауз 1998 — *Кронгауз М. А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Круглякова 2010 — *Круглякова В. А.* Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс. ... канд. филол. наук. РГГУ. М., 2010.
- Крумова-Цветкова 2010 — *Крумова-Цветкова Л.* Българските благословии, пожелания и клетви — част от националната самобитност и културното наследство. С речник на благословиите, пожеланията и клетвите. София, 2010.
- Крысько 2014 — *Крысько В. Б.* Маргиналии к «Этимологическому словарю славянских языков» (вып. 34–38) // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С. 100–119.
- КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского университета, Екатеринбург).
- КСРНГ — картотека «Словаря русских народных говоров» (Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).
- Куркина 2003 — *Куркина Л. В.* К реконструкции этимологических связей слав. **myliti (se)* ‘обманывать, вводить в заблуждение’ // *Studia etymologica Brunensia*. 2. Praha, 2003. S. 115–125.
- Куркина 2013 — *Куркина Л. В.* К этимологии слав. **syť* (в развитие идей Ф. Миклошича) // *Miklosichiana bicentennialia*. Сборник у част двестоте годишњице рођења Франца Миклошича. Београд, 2013. С. 135–143.
- Кустова 2004 — *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

- КЧДС (= ALJ) — картотека «Чешского диалектного словаря» (Институт чешского языка, Брно, Чешская Республика).
- ЛАБНГ — Лексичны атлас беларускіх народных гаворак. Мінск, 1993–1998. Т. 1–5.
- Левкиевская 1999а — *Левкиевская Е. Е.* Знахарь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 347–350.
- Левкиевская 1999б — *Левкиевская Е. Е.* Змора // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 341–344.
- Левкиевская 2002 — *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег: семантика и структура. М., 2002.
- Легурска, Китанова 2008 — *Легурска П., Китанова М.* Тематичен речник на термините на народния календар. София, 2008.
- Леков 1934 — *Леков И.* Праславянските глаголни форми и отраженията им в днешните славянски езици. София, 1934.
- Лепешаў 1–2 — *Лепешаў І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы. Мінск, 2008. Т. 1–2.
- Липатов 1984 — *Липатов А. В.* Польская литература // История всемирной литературы. М., 1984. Т. 2. С. 399–407.
- Листова 1996 — *Листова Т. А.* «Нечистота» женщины (родильная и месячная) в обычаях и представлениях русского народа // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 151–174.
- Лихачев 1965 — *Лихачев Д. С.* Стилистическая симметрия в древнерусской литературе // Проблемы современной филологии. М., 1965. С. 418–423.
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания Уральского университета, Екатеринбург).
- Ловешки край 1999 — Ловешки край. Материална и духовна култура. София, 1999.
- Лома 2000 — *Лома А.* Переинтеграција об- > б- // Јужнословенски филолог. 2000. № 56 (1–2). С. 603–623.
- Лома 2002 — *Лома А.* Пракосово. Словенски и индоевропски корени српске епике. Београд, 2002.
- Лопатин 1977 — *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.
- Лотман 1967 — *Лотман Ю. М.* Об оппозиции «честь — слава» в светских текстах Киевского периода // Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Вып. 3. С. 100–112.

- Майков 1994 — Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1994.
- Максимов 1890 — *Максимов С. В.* Год на Севере. М., 1890.
- Максимов 1903 — *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
- Малеча 1–4 — *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002–2003. Т. 1–4.
- Маринов 1914 — *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1914.
- Марков 1970 — *Марков В. М.* Проблема формирования морфем на основе противопоставления фонетических вариантов // Вопросы грамматического строя русского языка. Казань, 1970. С. 3–20.
- МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1961. Т. 1–4.
- Мейе 1951 — *Мейе А.* Общеславянский язык. 3-е изд. М., 2011.
- Мельничук 1969 — *Мельничук А. С.* Об одном из важных видов этимологических исследований // Этимология. 1967. М., 1969. С. 57–67.
- Меркулова 1976 — *Меркулова В. А.* Украинские этимологии. II // Этимология. 1974. М., 1976. С. 60–75.
- Миков 1985 — *Миков Л.* Народни представи, вярвания и легенди за Матра (Баба Марта). Мартенски песни // *Миков Л.* Първо-мартенска обредност. София, 1985. С. 75–81.
- Милићевић 1984 — *Милићевић М. Т.* Живот Срба селяка. Београд, 1984.
- Митровић 1984 — *Митровић Б.* Речник лесковачког говора. Лесковац, 1984.
- Михайлова 2008 — *Михайлова Л. П.* Лексикализация несистемных фонетических явлений в русских говорах (мена б ~ в) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2008. СПб., 2008. С. 404–412.
- Младенов 1951 — *Младенов Ст.* Български тълковен речник с оглед към народните говори. Т. 1. А–К. София, 1951.
- Младенов 2008 — *Младенов М.* Една лексико-семантична изоглоса в българския език: чувам ‘слушам’ / чувам ‘пазя, отглеждам’ // *Младенов М.* Диалектология. Балканистика. Етнолингвистика. Лингвистично наследство. София, 2008. С. 718–723.
- Младеновић 1964 — *Младеновић А.* О народном језику Јована Рајића. Нови Сад, 1964.

- Младеновић 1973 — *Младеновић А.* Типови књижевног језика код Срба у другој половини XVIII и почетком XIX века // Реферати за VII Међународни конгрес слависта у Варшави. Нови Сад, 1973. С. 39–53.
- Морозова 1984 — *Морозова Т. С.* Синтаксические свойства глагола и его словообразовательный потенциал // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984. С. 82–95.
- Мршевић-Радовић 1988 — *Мршевић-Радовић Д.* Из српскохрватске фразеологије: *Глува недеља* // Научни састанак слависта у Вукове дане. 17. Београд, 1988. С. 173–180.
- Мургоски 2005 — *Мургоски З.* Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005.
- Мяцельская, Камароўскі 1972 — *Мяцельская Е. С., Камароўскі Я. М.* Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. Мінск, 1972.
- Негрич 2008 — *Негрич М.* Скарби гуцульского говору: Березови. Львів, 2008.
- Недельковић 1990 — *Недельковић М.* Годишњи обичаји у Срба. Београд, 1990.
- Немец 1986 — *Немец И.* Раскрытие понятийного ядра слова при лексическом анализе языка древнего периода // Этимология. 1984. М., 1986. С. 156–162.
- Нефедьев 1995 — *Нефедьев М. В.* Заметки о развитии словообразовательных типов (на примере глаголов с приставкой *об-*) // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 90–95.
- Николаев 1988 — *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988. С. 115–154.
- Николаев 1994 — *Николаев С. Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 23–49.
- Николаев 2005 — *Николаев С. Л.* Рефлексы **s* (**z*), **š* (**ž*) и **sj* (**zj*) в псковских говорах и в двух псковских рукописях XV–XVI вв. // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6. Славянская диалектология и история языка. М., 2005. С. 94–112.
- Николаев, Толстая 2001 — *Николаев С. Л., Толстая М. Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.
- НМ — Народная медицина. Рытуальна-магічна практыка / Уклад. Т. В. Валодзінай. Мінск, 2007.

- Новак 2007 — *Новак В. С.* Народная духоўная спадчына Гомельскага раёна. Гомель, 2007.
- Новаковић 1906 — *Новаковић Ст.* Косово. Српске народне песме о боју на Косову. Београд, 1906.
- НОС — Новгородский областной словарь. (Великий) Новгород, 1992–2000. Вып. 1–13.
- Носович 1870 — *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб, 1870.
- НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004. Изд. 2.
- Ожегов 1972 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1972. Изд. 9.
- Онишкевич 1–2 — *Онишкевич М. Ё.* Словник бойківських говірок. Київ, 1984. Ч. 1–2.
- ОРБЕ — Обратен речник на съвременния български език. София, 1975.
- Орбини 1722 — Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского. Собрана из многих книг исторических, чрез Господина Мавроурбина Архимандрита Рагужского. Переведена со италианского на россииской язык. СПб., 1722.
- ОРМЈ — Обратен речник на македонскиот јазик. Скопје, 1967.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров. Киров, 1996–. Вып. 1–.
- Остојић 1901 — Косово. Народне песме о боју на Косову 1389 / Приред. Т. Остојић. Нови Сад, 1901.
- ПА — Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва).
- Падучева 1977 — *Падучева Е. В.* О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. М., 1977. С. 84–107.
- Падучева 1984 — *Падучева Е. В.* Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984. С. 50–66.
- Падучева 1992 — *Падучева Е. В.* Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 69–77.
- Падучева 2001 — *Падучева Е. В.* Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52–79.
- Падучева 2004 — *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Пахаванні 1986 — Пахаванні, памінкі, галашенні. Мінск, 1986.

- Пеньковский 1991 — *Пеньковский А. Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 148–155.*
- Пеньковский 2012 — *Пеньковский А. Б. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи. Филологические исследования. М., 2012.*
- Петков 1974 — *Петков П. И. Еленски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. София, 1974. Т. 7. С. 3–175.*
- Петлева 1978 — *Петлева И. П. К этимологии рус. диал. прочадъ, прочадка // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978. С. 18–22.*
- Петровић 1948 — *Петровић П. Ж. Живот и обичаји народни у Грузи. Београд, 1948.*
- Петрухин 2004 — *Петрухин В. Я. Кузнец // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 21–22.*
- Пир 2005 — *Пир — трапеза — застолье в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О. В. Белова. М., 2005.*
- Пирински край 1980 — *Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.*
- Плас 1999 — *Плас П. Неколико аспеката симболике вучјих уста у српским обичајима и веровањима // Кодови словенских култура. Бр. 4. Делови тела. Београд, 1999. С. 184–212.*
- Плас 2000 — *Плас П. «Ко курјака пати, тај ће падати с горе»: текст вука у српским народним представама о падавици // Расковник. (Београд). 2000. Бр. 100. С. 19–31.*
- ПЛНМ — *Никончук М. В., Никончук О. М., Мойсієнко В. М. Поліська лексика народної медицини та лікувальної магії. Житомир, 2001.*
- Пловдивски край 1986 — *Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1986.*
- Плотникова 2004 — *Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.*
- Плотникова 2012 — *Плотникова А. А. Славянское *žalěti (*želěti): ‘скорбеть’ и ‘голосить’ // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика. Слово и текст. М., 2012. С. 281–295.*
- Попов 1903 — *Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб., 1903.*
- Попов 1991 — *Попов Р. Светци близнаци в българския народен календар. София, 1991.*
- Попов 1993 — *Попов Р. Кратък празничен народен календар. София, 1993.*

- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб., 1967–. Вып. 1–.
- Пурковић 1940 — *Пурковић М. А.* Одређивање међа // Етнологија. Књ. 1. Св. 2. Скопље, 1940.
- Пьянкова 2008 — *Пьянкова К. В.* Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект. Дисс. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2008.
- Радуновић 1988 — *Радуновић М.* Остала је реч. Српске народне умотворине из Метохије. Београд, 1988.
- Развитие этнического самосознания 1982 — Развитие этнического самосознания народов в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. В. Д. Королук. М., 1982.
- Разумовская 1984 — *Разумовская Е. Н.* Плач с кукушкой. Традиционное необрядовое голошение русско-белорусского пограничья // Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 160–178.
- Раич 1–4 — История разных славенских народов наипаче болгар, хорватов и сербов из тьмы забвения изъятая и во свет исторический произведенная Иоанномъ Раичем архимандритом во свято архаггелском монастыре Ковиле. Вена, 1794–1795. Т. 1–4.
- Расторгуев 1973 — *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины (материалы по истории словарного состава говоров). Минск, 1973.
- Ревзин 1964 — *Ревзин И. И.* К логическому обоснованию теории фонологических признаков // Вопросы языкознания. 1964. № 5. С. 59–65.
- РЗЗ — Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / Под ред. В. П. Аникина. М., 1998.
- РКЖБН — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии; Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1–2; Т. 3. Калужская губерния; Т. 4. Нижегородская губерния; Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1–4. СПб., 2004–2008.
- РМЈ — Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Скопје, 1961–1966. Т. 1–3.
- РМНП — Речник на македонската народна поезија. Скопје, 1983–. Т. 1–.
- РНК — *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. М., 2015.

- Родопи 1994 — Родопи. Традиционна народна духовна и социално-нормативна култура. София, 1994.
- Розина 2005 — *Розина Р. И.* Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. Глагол. М., 2005.
- РСЈ — Речник српскога језика / Ред. М. Николић. Нови Сад: Матица Српска, 2007.
- РСБКЕ — Речник на съвременния български книжовен език. София, 1951–1959. Т. 1–3.
- РСХКЈ — Речник српскохрватског књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1967–1976. Књ. 1–6.
- РСХКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–2014. Књ. 1–19.
- Руссо 2011 — *Руссо М. М.* Лексические источники названий «народных царств». Lexical sources of the names of “folk kindoms” in folkbiology [Электронный ресурс]. URL: iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2011_03/
- Сабадош 2008 — *Сабадош І.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008.
- Сакар 2002 — Сакар. Етнографско, фолклорно и езиково изследване. София, 2002.
- Санников 2006 — *Санников А. В.* Понятия достоинства и смирения // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 405–468.
- САР — Словарь Академии Российской (1789–1794). М., 2001–2005. Т. 1–6.
- СБГ — Словник буковинських говірок. Чернівці, 2005.
- СБР — Старобългарски речник. София, 1999–2009. Т. 1–2.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.
- Свенціцький 1912 — *Свенціцький І.* Похоронні голосіння // Етнографічний збірник. Т. 31–32. Львів, 1912. С. 1–129.
- СворГ — Словарь воронежских говоров. Воронеж, 2004–. Вып. 1–.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
- СГСЗ — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.
- СГЦРБ — Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі. Мінск, 1990–. Т. 1–.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–. Т. 1–.
- Седакова 2000 — *Седакова И. А.* О сладком в языке и культуре болгар // *Etnolingwistyka*. (Lublin). 2000. Т. 12. S. 155–165.

- Селигер 2003 — Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь. СПб., 2003—. Вып. 1.
- Смаль Стоцький 1929 — *Смаль Стоцький Р.* Примітивний словотвір. Варшава, 1929.
- Смирнов 1914 — *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1914.
- СМР — *Кулишић Ш., Петровић Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд, 1970; 1998. Изд. 2.
- СНДРС — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991.
- Соболева 1979 — *Соболева П. А.* Лексикализация множественного числа и словообразование // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 47–85.
- СОГ — Словарь орловских говоров. Ярославль; Орел, 1989—. Вып. 1–.
- СПГ — Словарь пермских говоров. Пермь, 1999–2002. Вып. 1–2.
- СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1979–1986. Т. 1–5.
- СППП — Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб., 2001.
- СРГА — Словарь русских говоров Алтая. Барнаул, 1993–1998. Т. 1–4.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры. СПб., 2003–2005. Т. 1–2.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999–2006. Т. 1–5.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1988. Т. 1–7.
- СРДГ — Словарь русских донских говоров. Ростов-на-Дону, 1975–1976. Т. 1–3.
- Срезневский 1–3 — *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.
- Срезневский 1890 — *Сербо-лужицкий народный календарь (Из бумаг И. И. Срезневского); Сербо-лужицкие народные поверья (Из бумаг И. И. Срезневского) // Живая старина. 1890. № 2. С. 55–62.*
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965—. Вып. 1–.
- СРСГСП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Томск, 1992–1996. Т. 1–3.

- СРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–.
- СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.
- ССГ — Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.
- ССУМ — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Київ, 1977–1978. Т. 1–2.
- ССЯ — Словарь старославянского языка: репринтное издание. СПб., 2006. Т. 1–4.
- Станић 1–2 — *Станић М.* Ускочки речник. Београд, 1990–1991. Књ. 1–2.
- Станкевіч 1990 — *Станкевіч Я.* Белорусско-русский (Великолитовско-русский) словарь. New York, 1990.
- Стијовић 1982 — *Стијовић С.* О једном специфичном топонимистичком моделу у сливу Белог Дрима // *Јужнословенски филолог.* 1982. № 38. С. 123–130.
- Странджа 1996 — *Странджа.* Материална и духовна култура. Софија, 1996.
- СУМ — Словник української мови. Київ, 1970–1980. Т. 1–11.
- СЦРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1867. Изд. 2. Т. 1–2.
- Сцяшковіч 1983 — *Сцяшковіч Т. Ф.* Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск, 1983.
- Тарасъев 1993 — *Тарасъев А. В.* Откуда у сербов «Глувна» и «Мироносна» неделя? (Некоторые расхождения в названиях седмиц Постной и Цветной триоди в русской и сербской церкви) // *Philologia slavica.* К 70-летию акад. Н. И. Толстого. М., 1993. С. 170–177.
- Терзић 1988 — *Терзић Б.* Вук о језику Рајићеве «Историје» // Научни састанак слависта у Вукове дане. Реферати и саопштења. (Београд). 1988. Књ. 17 (2). С. 127–138.
- Терновская 1995 — *Терновская О. А.* Бабочка // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь.* М., 1995. Т. 1. С. 125–126.
- Тешић 1988 — *Тешић М.* Народни живот и обичаји Пожешког краја. Пожега, 1988.
- Тимченко 1–2 — *Тимченко Є.* Матеріали до Словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст. Київ, 2003. Кн. 1–2.
- Тодорова 1990 — *Тодорова Д.* Традиционни пролетни и летни празници и обичаи в Провадийския Сърт // *Известия на Народен музей.* Кн. 26. Варна, 1990. С. 208–221.

- Толстая 1996 — *Толстая С. М.* К типологии морфонологических моделей в славянских языках: йотация в отглагольных именах на *-*enъje* // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. К 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 584–597.
- Толстая 1998а — *Толстая С. М.* Из русской глагольной морфологии: имперфективы и итеративы с суффиксом *-iva* // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М., 1998. С. 354–358.
- Толстая 1998б — *Толстая С. М.* Культурная семантика слав. **kriv-* // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. М., 1998. Т. 2. С. 215–229.
- Толстая 1999 — *Толстая С. М.* Измерение // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 397–399.
- Толстая 2000 — *Толстая С. М.* Грех в свете славянской мифологии // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2000. С. 9–43.
- Толстая 2004 — *Толстая С. М.* Мерка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 225–227.
- Толстая 2005 — *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М., 2005.
- Толстая 2006а — *Толстая С. М.* «Разноосновные» глаголы в русском языке // *Od fonemy do tekstu. Prace dedykowane Prof. Romanowi Laskowskiemu.* Kraków, 2006. S. 365–372.
- Толстая 2006б — *Толстая С. М.* О семантике каритивности (слав. **prěsnъ* и его семантические партнеры) // *Ad fontes verborum.* Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот. М., 2006. С. 363–380.
- Толстая 2007 — *Толстая С. М.* Почему слепой не видит? (к этимологии слав. **slěp-*) // *Словенска етимологија данас.* Сборник симпозијума одржаног од 5 до 10 септембра 2006 године. Београд, 2007. С. 409–419.
- Толстая 2008 — *Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
- Толстая 2009 — *Толстая С. М.* ‘Кормить’ и ‘хоронить’ (к семантической реконструкции славянского погребальной лексики) // *Studia etymologica Brunensia.* 6. Praha, 2009. S. 341–355.
- Толстая 2011а — *Толстая С. М.* Глагол *найти* / *находить* и его семантические корреляты // Слово и язык. Сборник статей к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2011. С. 338–346.
- Толстая 2011б — *Толстая С. М.* Несколько русско-сербских параллелей из области народного правосудия // *Spomenica Baltazara Bogišića.* Beograd, 2011. Knj. 2. S. 383–394.

- Толстая 2012a — *Толстая С. М.* К семантической реконструкции слав. **vesel-* и **rad-* // *Praslovanska dialektizacija v luče etimoloških raziskav: Ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezlaja*. Ljubljana, 2012. S. 257–264.
- Толстая 2012б — *Толстая С. М.* «Веселится небо, радуется земля» // *Два венка: посвящение Ольге Седаковой*. М., 2012. С. 92–101.
- Толстая 2012в — *Толстая С. М.* Этимология и семантическая типология: еще раз о любви // *Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics*. Praha, 2012в. S. 199–218.
- Толстая 2013а — *Толстая С. М.* Русская *честь* и польский *honor* // *Etnolingwistyka*. (Lublin). 2013. T. 25. S. 9–21.
- Толстая 2013б — *Толстая С. М.* Семантика праславянских глаголов с префиксом **ot-* // *Miklosichiana bicentennialia: Zbornik u част 200 godišnjice rođenja Franca Miklošiča*. Београд, 2013. С. 229–246.
- Толстая 2015а — *Толстая С. М.* Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015.
- Толстая 2015б — *Толстая С. М.* К семантической реконструкции славянской свадебной терминологии // *Zeszyty Łużyckie*. (Warszawa). T. 49. 2015. S. 47–55.
- Толстая 2016а — *Толстая С. М.* *Вера и правда*: к истории понятий // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. IX. История русского языка и культуры. Памяти В. М. Живова. М., 2016. С. 377–389.
- Толстая 2016б — *Толстая С. М.* Питание и воспитание в зеркале славянской лексики // *Вопросы языкознания*. 2016. № 2. С. 22–36.
- Толстая 2016в — *Толстая С. М.* Клятва и проклятие в языке и культуре // *Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. Zum 90. Geburtstag von N. I. Tolstoj*. Славянская духовная культура: этнолингвистические и филологические исследования. К 90-летию со дня рождения Н.И.Толстого. [Philologica Slavica Vindobonensia. B. 2] / Hrsg. A. A. Alekseev et al. Frankfurt am Main; Berlin; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2016. Teil 1. S. 215–240.
- Толстая 2017а — *Толстая С. М.* Ошибка по-русски // В созвездии слов и имен. К юбилею М. Э. Рут. Екатеринбург, 2017. С. 107–123.
- Толстая 2017б — *Толстая С. М.* Праславянский префикс **ob-/o-* перед корневым *v-* // *Jezikoslovni zapiski*. 2017. № 23. S. 75–85.
- Толстая, Толстой 1981 — *Толстая С. М., Толстой Н. И.* Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других

- сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. М., 1981. С. 44–120.
- Толстая, Толстой 1993 — *Толстая С. М., Толстой Н. И.* Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. **vesel-*) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 162–186.
- Толстой 1963 — *Толстой Н. И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава (I) // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 29–45.
- Толстой 1966 — *Толстой Н. И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава (II) // Вопросы языкознания. 1966. № 5. С. 16–36.
- Толстой 1968 — *Толстой Н. И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968. С. 339–365.
- Толстой 1976 — *Толстой Н. И.* Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.) // Вопросы русского языкознания. М., 1976. С. 177–204.
- Толстой 1978 — *Толстой Н. И.* Литературный язык у сербов в конце XVIII — начале XIX века // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 269–328.
- Толстой 1984 — *Толстой Н. И.* Слово в сакральном тексте (ритуале): серб. *vesel(ица) — Рад(ован)* // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов. М., 1984. С. 96–97.
- Толстой 1990а — *Толстой Н. И.* К вопросу об историографическом слоге сербского («славеносербского») литературного языка (Савва Владиславич — Иоанн Раич — Милован Видакович) // Сборник за филологију и лингвистику. 1990. Књ. 33. С. 479–486.
- Толстой 1990б — *Толстой Н. И.* Два иностранных свидетельства о славянах, русских, о церковнославянском и русском языке // Язык: система и подсистемы. К 70-летию М. В. Панова. М., 1990. С. 265–280.
- Толстой 2003 — *Толстой Н. И.* Очерки славянского язычества. М., 2003.
- Топоров 1959 — *Топоров В. Н.* Slovenica // Вопросы славянского языкознания. М., 1959. Вып. 4. С. 90–99.
- Топоров 1961 — *Топоров В. Н.* К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // Вопросы славянского языкознания. М., 1961. Вып. 5. С. 35–70.

- Топоров 1987 — *Топоров В. Н.* Заметки по реконструкции текстов. I. От имени к тексту // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 100–111.
- Топоров 1989 — *Топоров В. Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры. Источники и методы. М., 1989. С. 23–60.
- Топоров 1993 — *Топоров В. Н.* Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir-*) // История, культура, этнография славянских народов. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 3–118.
- Топоров 1999 — *Топоров В. Н.* Об одной мифоритуальной «коровье-бычьей» конструкции у восточных славян в сравнительно-историческом и типологическом контекстах // Славянские этюды. М., 1999. С. 491–532.
- ТОРП — Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Л., 1985.
- Традиционная пища 2001 — Традиционная пища как выражение этнического самосознания / Ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М., 2001.
- Традиционное застолье 2008 — Традиционное русское застолье / Сост. А. В. Костина, Л. Ф. Миронихина. М., 2008.
- Трифуновић 1994 — *Трифуновић Ђ.* Вавилонска кула и схватање језика // *Трифуновић Ђ.* Стара српска књижевност. Београд, 1994. С. 145–178.
- ТРМЈ — Толковен речник на македонскиот јазик. Скопје, 2003–2014. Т. 1–6.
- Трофимович 1974 — Верхнелужицко-русский словарь / Сост. К. К. Трофимович. М.; Бауцен, 1974.
- Трубачев 1957 — *Трубачев О. Н.* Славянские этимологии. 8–9 // Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957. С. 337–339.
- Трубачев 1959 — *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- Трубачев 1962 — *Трубачев О. Н.* Славянские этимологии. 29–39 // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1962. Вып. 2. С. 26–43.
- ТС — Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982–1987. Т. 1–5.
- ТСБМ — Глумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1977–1984. Т. 1–5.

- Ужченко 2005 — *Ужченко В. Д.* Образи рідної мови. Луганськ, 2005.
- Урысон 2003 — *Урысон Е. В.* Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2003.
- Усачева 2004 — *Усачева В. В.* Падучая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 611–616.
- Успенский 1969 — *Успенский Б. А.* Влияние языка на религиозное сознание // Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969. С. 159–168.
- Успенский 1983 — *Успенский Б. А.* Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.
- Ушаков 1–4 — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934–1940. Т. 1–4.
- Фасмер 1–4 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. 1–4.
- Фелешко 1974 — *Фелешко К.* Од проблематиката на таканаречената конструкция со *ДА* // Македонски јазик. (Скопје). 1974. № 15. С. 137–144.
- Филин 1972 — *Филин Ф. П.* *Вóкрасно, вóкрасный* // Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972. С. 268–271.
- Филиповић 1929 — *Филиповић М.* Геофагија у нашем народу // Гласник етнографског музеја у Београду. 1929. Књ. 4. С. 101–104.
- Филиповић 1933 — *Филиповић М. С.* Ношење камена о врату (нови подаци) // Гласник Скопског научног друштва. 1933. Књ. 12. С. 307–308.
- Филиповић 1934 — *Филиповић М. С.* Нови подаци о ношењу камена о врату // Гласник Скопског научног друштва. 1934. Књ. 13. С. 237–239.
- Филиповић 1950 — *Филиповић М.* Трачки коњаник. Нови Сад, 1950.
- Филиповић 1967 — *Филиповић М.* Различита етнолошка грађа. Београд, 1967.
- Филиповић 1972 — *Филиповић М. С.* Таковци. Етнолошка посматрања. Београд, 1972.
- Филлмор 1981 — *Филлмор Ч.* Дело о падеже открывається вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. М., 1981. С. 496–530.
- Флоря 1985 — *Флоря Б. Н.* Славянская письменность и европейская культура раннего средневековья // Советское славяноведение. 1985. № 2. С. 66–77.

- ФСПГ — Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.
- ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983.
- ФСУМ — Фразеологічний словник української мови. Київ, 1993. Кн. 1–2.
- Хархордин 2012 — Хархордин О. В. История понятий как метод истории практик // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012. С. 7–23.
- Цыхун 1981 — Цыхун Г. А. Балканские инновации в системе выражения некоторых модально-синтаксических отношений // Цыхун Г. А. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск, 1981. С. 125–158.
- Цыхун 1983а — Цыхун Г. А. Паўднёваславянска-ўсходнеславянскія моўныя сувязі. Да праблемы славянскага ўкладу ў балканскі моўны саюз. Мінск, 1983.
- Цыхун 1983б — Цыхун Г. А. Два полесско-южнославянских соответствия. 1. «Ламкание». 2. «Железный человек» // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983. С. 84–85.
- Цыхун 1993 — Цыхун Г. Арэальныя аспекты фарміравання славянскіх літаратурных моў (XI Міжнародны з'езд славістаў. Доклады). Мінск, 1993.
- Цыхун А. 1993 — Цыхун А. П. Скарбы народнай мовы. Гродна, 1993.
- Черных 1–2 — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 1–2.
- ЧРС — Чешско-русский словарь. Česko-ruský slovník. М.; Praha, 1973. Т. 1–2.
- Чурганова 1973 — Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. М., 1973.
- Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
- Шейн 1–3 — Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1887–1902. Т. 1–3.
- Шмелев 2002 — Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Штейнгольд 1999 — Штейнгольд А. Этимология слав. КЛАТИ и типология клятвенного обряда // Русская филология. 10. Тарту, 1999. С. 233–246.

- ЭБ — Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск, 1989.
- Эндресен 2013 — *Эндресен А. А.* Самостоятельные морфемы или позиционные варианты? Морфологический статус русских приставок *о-* и *об-* в свете новых данных: корпус и эксперимент // Вопросы языкознания. 2013. № 6. С. 33–69.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–. Т. 1–.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Прагский лексический фонд. М., 1974–. Вып. 1–.
- Юрчанка 2002 — *Юрчанка Г. Ф.* Народнае мудраслоўе: слоўнік. Мінск, 2002.
- Янкова 1982 — *Янкова Т. С.* Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск, 1982.
- Янкоўскі 1–3 — *Янкоўскі Ф.* Дыялектны слоўнік. Мінск, 1959–1970. Вып. 1–3.
- Янышкова 2013 — *Янышкова И.* Этимологический комментарий к одному чешскому диалектизму // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. М., 2013. С. 80–83.
- ЯОС — Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.
- Ястребов 1886 — *Ястребов И. С.* Обычай и песни турецких сербов. СПб., 1886.
- Adámek 1900 — *Adámek K. V.* Lid na Hlinecku. Praha, 1900.
- Ajdačić 1992 — *Ajdačić D.* Kletva u kontekstu žanrova usmene književnosti // Књижевна историја. (Београд). 1992. Књ. 24. С. 193–203.
- AJKW — Atlas języka i kultury ludowej Wielkopolski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978–1989. Т. 1–5.
- ALJ (= КЧДС) — Archiv lidového jazyka českého uložený v dialektologickém oddělení ÚJČ v Brně.
- Andrews 1984 — *Andrews E.* A semantic analysis of the Russian prepositions / proverbs O(-) and OB(-) // The Slavic and East European Journal. 1984. Vol. 28. № 4. P. 477–492.
- Aquamotion 2007 — AQUAMOTION. Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Baboselac-Mišin 2004 — *Baboselac-Mišin M.* Mastibrk, kolombrk. Običajna baština sela Donja Bebrina u Brockoj Posavine. Donja Bebrina, 2004.
- Barnet 1985 — *Barnet V.* Toward a sociolinguistic interpretation of the origins of the Slavonic literary languages // The Formation of the Slavonic Literary Languages. Columbus (Ohio), 1985. P. 13–20.
- Bartoš 1892 — *Bartoš F.* Moravský lid. Telč, 1892.

- Bartoš 1906 — *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1906.
- Będkowska-Kopczyk 2012 — *Będkowska-Kopczyk A.* Semantic and grammatical features of *o-/ob-* in verbs of emotion in Slovene // *Jezikoslovje* (Ljubljana). 2012. Vol. 13. № 1. S. 19–38.
- Berneker 1–2 — *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908–1913. Bd. 1–2.
- Bezljaj 1–4 — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1976–2005. Knj. 1–4.
- Birnbaum 1978 — *Birnbaum H.* The Sphere of Love in Slavic. Some Preliminary Observations // *American Contributions to the 8th International Congress of Slavists* (Zagreb and Ljubljana, Sept. 3–9, 1978). Columbus (Ohio), 1978. Vol. 1. P. 155–179.
- Blanár 1984 — *Blanár V.* Lexikálno-sémantická rekonštrukcia. Bratislava, 1984.
- Bogurodzica 1962 — *Woronczak J., Ostrowska E., Fecht H.* Bogurodzica. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962.
- Boranić 1909 — *Boranić Dr.* Onomatopejske riječi za životinje u slavenskim jezicima // *Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*. (Zagreb). 1909. Knj. 178. № 72. S. 1–86.
- Borawski 1982a — *Borawski S.* O potrzebach historii języka polskiego. I. Przegląd ważniejszych stanowisk badawczych w rozważaniach historycznojęzykowych // *Poradnik Językowy*. 1982. (Warszawa). № 5. S. 317–333.
- Borawski 1982b — *Borawski S.* O potrzebach historii języka polskiego. II. Czas powstania polskiego języka literackiego // *Poradnik Językowy*. 1982. (Warszawa). № 6. S. 368–386.
- Boryś 2005 — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Brajerski 1966 — *Brajerski T.* Latynizmy w Kazaniach Gnieźnieńskich // *Studia językoznawstwe, poświęcone Prof. Dr. St. Rospondowi*. Wrocław, 1966. S. 97–104.
- Brückner 1957 — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
- Brückner 1974 — *Brückner A.* Początki i rozwój języka polskiego. Warszawa, 1974.
- Brzeziński 1–5 — *Brzeziński W.* Słownictwo krajniackie. Słownik gwary wsi Podróżna w Złotowskiem. Warszawa, 1982–2009. T. 1–5.
- Budziszewska 1991 — *Budziszewska W.* Polskie nazwy zmór i niektóre wierzenia z nimi związane // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. (Warszawa). 1991. № 27. S. 17–23.

- Buzássyová 1974 — *Buzássyová K.* Sémantická štruktúra slovenských deverbatív. Bratislava, 1974.
- Černý 1898 — *Černý A.* Mythiske bytosće lužiskich Serbow. Budyšin, 1898.
- Dejna 1984 — *Dejna K.* Słownictwo ludowe z woj. Kieleckiego i Łódzkiego // *Rozprawy Komisji językowej*. T. 29. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1984.
- Drabik 1992 — *Drabik W.* Obrzędy Podlasia. Kraków, 1992 (машинопись).
- Duszyńska, Wiśniewska 1999 — *Duszyńska A., Wiśniewska A.* Niewidzialni mieszkańcy Łużyc i Kaszub // *Zeszyty lużyckie*. (Warszawa). 1999. Z. 28. S. 47–53.
- Eckert 1965 — *Eckert R.* Zur slawische Hochzeitsterminologie // *Zeitschrift für Slawistik*. 1965. № 10 (2). S. 185–211.
- EKLS — *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska*. Bratislava, 1995. T. 1–2.
- Engelking 1989 — *Engelking A.* “Kląć na czym świat stoi...” według “Księgi przysłów” i słowników języka polskiego // *Przegląd humanistyczny*. (Warszawa). 1989. T. 7. S. 83–93.
- Engelking 2010 — *Engelking A.* Klątwa. Rzecz o ludowej magii słowa. Warszawa, 2010.
- ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Praha, 1989–. Sv. 1–.
- ESSJ — *Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena*. Praha, 1973–2010. T. 1–3.
- EWJP — *Encyklopedia wiedzy o języku polskim*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978.
- Federowski 1897 — *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. T. 1. Wiara, wierzenia i przesady z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Kraków, 1897.
- Filipović-Fabijanić 1968 — *Filipović-Fabijanić R.* Narodna medicina istočne Hercegovine // *Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine. Etnologija*. Sv. 23. Sarajevo, 1968. S. 35–76.
- Gebauer 1–2 — *Gebauer J.* Slovník staročeský. Praha, 1970. Vyd. 2. D. 1–2.
- Giuraud 1956 — *Guiraud P.* Les champs morpho-sémantiques (Critères externes et critères internes en étymologie) // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1956. T. 52. F. 1. P. 269–274.
- Gołąb 1954 — *Gołąb Z.* Funkcja syntaktyczna partykuły *da* w językach pd.-słowiańskich (bułgarskim, macedońskim i serbochorwackim) // *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*. (Kraków). 1954. № 13. S. 67–92.

- Gołąb 1961 — *Gołąb Z.* Macedońskie *baram* ‘żądam, szukam’ i *sakam* ‘chcę, lubię, Kocham’ (próba etymologii) // *Studia linguistica in honorem Thaddaei Lehr-Spławińskiego*. Kraków, 1961. S. 213–218.
- Gregor 1959 — *Gregor A.* Slovník nářečí slavkovsko-bučovického. Praha; Brno, 1959.
- Gregorič 2014 — *Gregorič J.* Kostelski slovar. Ljubljana, 2014.
- Greń 1988 — *Greń Z.* Pojęcie ‘chcieć’ w językach słowiańskich // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace językoznawcze*. (Kraków). 1988. Z. 87. S. 81–91.
- Greń 1994 — *Greń Z.* Semantyka i składnia czasowników oznaczających akty mowy w języku polskim i czeskim. Warszawa, 1994.
- Grković-Major 2015 — *Grković-Major J.* On the Semantic Development of OSC *блжд-* // *Etymological Research into Old Church Slavonic*. Praha, 2015. P. 149–157.
- Grochowski 1990 — *Grochowski M.* Wprowadzenie do analizy pojęcia przekleństwa // *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Filologia polska*. T. 34. Nauki humanistyczno-społeczne. (Toruń). 1990. Z. 221. S. 83–99.
- Grzegorzczkova 2012 — *Grzegorzczkova R.* Różne rozumienia wyrazu *godność* we współczesnej polszczyźnie // *Grzegorzczkova R.* Świat widziany poprzez słowa. Szkice z semantyki leksykalnej. Warszawa, 2012. S. 76–92.
- Hafner 1981 — *Hafner St.* O semantičkim inovacijama u srpskoj redakciji crkvenoslovenskog jezika // Међународни научни скуп. Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности. Београд, 1981. С. 77–87.
- Haupt, Schmalder 1953 — *Volkslieder der Sorben in der Ober- und Niederlausitz* / Hrsgs. von L. Haupt und J. E. Schmalder. Berlin, 1953.
- HEW — *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1978–1989. Bd. 1–5.
- Holub, Kopečný 1952 — *Holub J., Kopečný F.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
- Horečka 1941 — *Horečka F.* Nářečí na Frenštátsku. Praha, 1941.
- Hraste, Šimunović 1–3 — *Hraste M., Šimunović P.* Čakavisch-Deutsches Lexikon. Köln; Wien, 1979–1983. T. 1–3.
- Hruška 1907 — *Hruška J. F.* Dialektický slovník hodský. Praha, 1907.
- HSSJ — *Historický slovník slovenského jazyka*. Bratislava, 1991–2008. D. 1–8.
- IMJ — *Imenik mesta u Jugoslaviji sa poštama i teritorijalno nadležnim sudovima i javnim tužilstvima (Stanje novembra 1965)*. Beograd, 1965.

- Isačenko 1–2 — *Isačenko A. V.* Slovensko-ruský prekladový slovník. Bratislava, 1950–1957. D. 1–2.
- Jakobson 1963 — *Jakobson R.* O lingwistycznej analizie rymu // *Prace Filologiczne.* (Warszawa). 1963. № 18. Cz. 1. S. 47–52.
- Jakubaš 1954 — *Jakubaš F.* Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin (Bautzen), 1954.
- Jakubowicz 2000 — *Jakubowicz M.* Dwa oblicza miłości. Porównanie językowych obrazów miłości, tkwiących w etymologii i frazeologii // *Język a kultura.* (Wrocław). 2000. T. 14. S. 234–243.
- Jovičević 1928 — *Jovičević A.* Godišnji običaji (Riječka nahija u Crnoj Gori) // *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena.* (Zagreb). 1928. Knj. 26. Sv. 2. S. 293–318.
- Judycka 1963 — *Judycka I.* Synestezja w rozwoju znaczeniowym wyrazów // *Prace filologiczne.* (Warszawa). 1963. № 18. S. 59–78.
- Kaestner 1939 — *Kaestner W.* Die deutschen Lehnwötre im Polnischen. Leipzig, 1939.
- Karłowicz 1–6 — *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. T. 1–6.
- Karwicka, Cherek 1982 — *Karwicka T., Cherek A.* Tradycja a współczesność w kulturze ludowej wybranych wsi regionów Polski północnej. Toruń, 1982.
- Keber 2011 — *Keber J.* Slovar slovenskih frazemov. Ljubljana, 2011.
- Kellner 1949 — *Kellner A.* Východolašská nářečí. Brno, 1949.
- Kleczkowski 1928 — *Kleczkowski A.* Wyrazy niemieckie w staroczeskim i staropolskim // *Symbolae grammaticae in honorem J. Rozwadowski.* Kraków, 1928. T. 2. S. 331–345.
- Klemensiewicz 1974 — *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. Warszawa, 1974.
- Klich 1927 — *Klich E.* Polska terminologia chrześcijańska. Poznań, 1927.
- Klinger 1983 — *Klinger J.* Nurt słowiański w początkach chrześcijaństwa polskiego // *Klinger J.* O istocie prawosławia. Warszawa, 1983. S. 365–421.
- Koblischki 1957 — *Koblischki Z.* Das slavische Verbalpräfix *ob-*. Berlin, 1957.
- Kolberg 1985 — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 59/1. Łużyce. Wrocław; Poznań, 1985.
- Kopečný 1957 — *Kopečný Fr.* Slavistický příspěvek k problému t. zv. elementární příbuznosti // *Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов.* София, 1957. С. 363–387.

- Kopečný 1981 — *Kopečný F.* Základní všeslovanská slovní zásoba. Praha, 1981.
- Korbut 1935 — *Korbut G.* Niemczyzna w języku polskim. Wyrazy niemieckie w języku polskim pod względem językowym i cywilizacyjnym. Warszawa, 1935.
- Kořinek 1934 — *Kořinek J. M.* Studie z oblasti onomatopoeje. Praha, 1934.
- Kořinek 1937 — *Kořinek J. M.* Zur lautlichen Struktur der interjektionalen Sprachgebilde // *Slavia*. 1937. Roč. 15. Seš. 1. S. 43–52.
- Kořinek 1939 — *Kořinek J. M.* Laut und Wortbedeutung // *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. 1939. № 8. S. 58–65.
- Kotnik 1967 — *Kotnik J.* Slovensko-ruski slovar. Ljubljana, 1967.
- Kott 1–7 — *Kott F. Št.* Česko-německý slovník. Praha, 1878–1893. D. 1–7.
- Králík 2015 — *Králík L.* Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.
- Krupianka 1969 — *Krupianka A.* Formacje czasownikowe z przedrostkiem *o-/ob-* w języku polskim. Toruń, 1969.
- Krzyżanowski 1972 — *Krzyżanowski J.* Dzieje literatury polskiej od początków do czasów najnowszych. Warszawa, 1972.
- Kuraszkiewicz 1953 — *Kuraszkiewicz W.* Pochodzenie polskiego języka literackiego w świetle wyników dialektologii historycznej. Wrocław, 1953.
- Kürbis 1972 — *Kürbis B.* Pisarze i czytelnicy w Polsce XII i XIII wieku // *Polska dzielnicowa i zjednoczona. Państwo. Społeczeństwo. Kultura*. Warszawa, 1972. S. 159–201.
- Kuret 1–4 — *Kuret N.* Praznično leto Slovencev. Celje, 1965–1970. D. 1–4.
- Lang 1913 — *Lang M.* Samobor. Narodni život i običaji // *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*. (Zagreb). 1913. Knj. 18. S. 1–138.
- Lehr-Spławiński 1966 — *Lehr-Spławiński T.* Studia i szkice wybrane. Warszawa, 1966.
- Leskien 1902 — *Leskien A.* Schallnachahmungen und Schallverba im Litauischen // *Indogermanische Forschungen*. 1902. № 13 (3–4). S. 165–212.
- Linde 1–6 — *Linde S. B.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1807–1814. T. 1–6.
- Łowmiański 1971 — *Łowmiański H.* The Slavic Rite in Poland and St Adalbert // *Acta Poloniae Historica*. 1971. № 24. P. 5–21.
- Machek 1955 — *Machek V.* Verbes slaves pour désiner les cinq sens // *Sborník prací Filozofické Fakulty Brněnské University*. 1955. Roč. 4. Č. 3. S. 22–35.

- Machek 1971 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- Macůrek 1–2 — *Češi a Poláci v minulosti / Red. J. Macůrek.* Praha, 1964–1967. D. 1–2.
- Makarska-Lesiak 1991 — *Makarska-Lesiak M.* Świat istot nadprzyrodzonych w folklorze łużyckim // *Zeszyty łużyckie.* (Warszawa). 1991. Z. 1. S. 31–40.
- Malicki 1982 — *Malicki J.* Mity narodowe. Lechiada. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1982.
- Malina 1946 — *Malina I.* Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946.
- Marchand 1959 — *Marchand H.* Phonetic Symbolism in English Wordformation // *Indogermanische Forschungen.* 1959. № 64 (2). S. 146–168.
- Matešić 1–2 — *Matešić J.* Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen. Wiesbaden, 1965–1967. Bd. 1–2.
- Mažuranić 1–2 — *Mažuranić V.* Prinosi za hrvatski pravno-povijesni rječnik. Zagreb, 1908–1922. D. 1–2.
- McMillin 1985 — *McMillin A.* The Development of the Byelorussian Literary Lexicon in the 19th century // *The Formation of the Slavonic Literary Languages.* Ohio, 1985. P. 225–232.
- Miklosich 1–4 — *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1875–1883. Bd. 1–4.
- Miklosich 1886 — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Milčetić 1917 — *Milčetić I.* Koleda u južnih Slavena. Na osnovi istoričkih vijesti, narodnih pjesama i običaja našega vremena // *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena.* (Zagreb). 1917. Knj. 22. S. 1–124.
- Milewski 1969 — *Milewski T.* Z zagadnień językoznawstwa ogólnego i historycznego. Warszawa, 1969.
- Mistrik 1976 — *Mistrik J.* Retrográdný slovník slovenčiny. [Bratislava], 1976.
- Möderndorfer 1946 — *Möderndorfer V.* Verovanja, uvere in običaji Slovencev (Narodopisno gradivo). Knj. 5. Borba za pridobivanje vsakdanjega kruha. V Celju, 1946.
- Möderndorfer 1948 — *Möderndorfer V.* Verovanja, uvere in običaji Slovencev (Narodopisno gradivo). Knj. 2. Prazniki. V Celju, 1948.
- Möderndorfer 1964 — *Möderndorfer V.* Ljudska medicina pri Slovencih. Ljubljana, 1964.
- Mokienko, Wurm 2002 — *Mokienko V., Wurm A.* Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc, 2002.

- Moszyński 1928 — *Moszyński K.* Polesie wschodnie. Warszawa, 1928.
- Moszyński 1967 — *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967. T. 2. Kultura duchowa. Cz. 1. Wyd. 2.
- Muka 1–2 — *Muka E.* Slovník dołnoserbskeje řečy a jeje narěcow. Pr.; Praha, 1921–1928. T. 1–2.
- Nikolić 2010 — *Nikolić D.* Struktura i funkcija kletvi u usmenoj i pisanoj epici // Narodna umjetnost. (Zagreb). 2010. Knj. 47/2. S. 147–162.
- NKPP — Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło S. Adalberga. Warszawa, 1969–1978. T. 1–4.
- Novak 2006 — *Novak V.* Slovar stare knjižne prekmurščine. Ljubljana, 2006.
- Orlovský 1982 — *Orlovský J.* Gemerský nářečový slovník. Rimavská Sobota, 1982.
- Orzechowska 1983 — *Orzechowska H.* O typologiczną, geograficzną i historyczną definicję bałkanizmów słowiańskich // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 4. (Warszawa). 1983. S. 261–271.
- Otwinowska 1974 — *Otwinowska B.* Język — naród — kultura. Antecedencje i motywy renesansowej myśli o języku. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974.
- Pfuhl 1968 — *Pfuhl Ch. T.* Obersorbisches Wörterbuch. Bautzen, 1968.
- Picchio 1984 — *Picchio R.* Guidelines for a Comparative Study of the Language Question among the Slavs // Aspects of the Slavic Language Question. Vol. 1. Church Slavonic — South Slavic — West Slavic. New Haven, 1984. P. 1–42.
- PKL — Polskie kolędy ludowe. Antologia / Zebrał, wstępem, komentarzami i przypisami opatrzył Jerzy Bartmiński. Kraków, 2002.
- Pleteršnik 1–2 — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894–1895. D. 1–2.
- Podolák 1999 — *Podolák J. a kol.* Heřpa. Vlastivedná monografia obce. Martin, 1999.
- Polskie kontakty — Polskie kontakty z piśmiennictwem cerkiewnosłowiańskim do końca wieku XV. Gdańsk, 1982.
- Popowska-Taborska 1987 — *Popowska-Taborska H.* Skzice z kaszubszczyzny. Dzieje. Zabytki. Słownictwo. Gdańsk, 1987.
- Popowska-Taborska 1994 — *Popowska-Taborska H.* Słownictwo kaszubskie w osiemnastowiecznych porównawczych słownikach języków Europy i Azji // Rocznik Slawistyczny. (Kraków). 1994. № 49. Cz. 1. S. 41–46.
- PPJL — Pochodzenie polskiego języka literackiego. Wrocław, 1956.
- PSJČ — Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935–1957. D. 1–8.

- Reczek 1968 — *Reczek J.* Bohemizmy leksykalne w języku polskim do końca XV wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.
- Rejzek 2001 — *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Praha, 2001.
- RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. JAZU. Zagreb, 1880–1976. D. 1–23.
- Roberts 1976 — *Roberts C. B.* Lexical Differentiation of the Russian Prefixal Allomorphs *o-*, *ob-*, *obo-* // Zeitschrift für Phonetik Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1976. V. 29. H. 1. S. 64–76.
- Roberts 1981 — *Roberts C. B.* The Origins and Development of O(B)-Prefixed Verbs in Russian with the General Meaning ‘Deceive’ // Russian linguistics. 1981. Vol. 5. № 3. P. 217–233.
- Rospond 1937 — *Rospond S.* Południowosłowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem **-itj-*. Kraków, 1937.
- Rospond 1957 — *Rospond S.* Dawność mazurzenia w świetle grafiki staropolskiej. Wrocław, 1957.
- RSSČ — *Těšitelová M., Petr J., Králík J.* Retrográdní slovník současné češtiny. Praha, 1986.
- Rudnyc’kyj 1–2 — *Rudnyc’kyj J. B.* An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. Winnipeg; Ottawa, 1962–1982. Vol. 1–2.
- Sadnik, Aitzetmüller 1–7 — *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1963–1974. Lief. 1–7.
- Sadnik, Aitzetmüller 1955 — *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
- SaTJB — *Bartoszewicz F., Komendacka I.* Słownik a tergo współczesnego języka białoruskiego. Warszawa, 1988–1989. T. 1–4.
- Sedláček 1970 — *Sedláček J.* Srpskohrvatske potvrde o razvitku rečenica sa *DA* u južnim slovenskim jezicima // Zbornik za filologiju i lingvistiku. (Novi Sad). 1970. № 3 (2). С. 59–69.
- Seemann 1984 — *Seemann K. D.* «Loquendum est Russice & scribendum est Slavonice» // *Russia Mediaevalis*. 1984. № 5. P. 103–136.
- SEK — *Borys W., Popowska-Taborska H.* Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. Warszawa, 1994–2006. T. 1–5.
- SGP — Słownik gwar polskich. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979–. T. 1–. Z. 1–.
- Siatkowski 2012 — *Siatkowski J.* Słowiańskie nazwy części ciała w historii i dialektach. Warszawa, 2012.
- SJPD — Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. Warszawa, 1958–1969. T. 1–11.

- SJPD Ind. — Indeks a tergo do Słownika języka polskiego pod redakcją W. Doroszewskiego. Warszawa, 1973.
- SJS — Slovník jazyka staroslovenského. Praha, 1966–1997. T. 1–4.
- Skok 1–4 — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1974. Knj. 1–4.
- Skorowidz 1956 — Skorowidz do mapy Polski w podziale. 1 : 500 000. Warszawa, 1956.
- Skorupka 1–2 — *Skorupka S.* Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 1967–1968. T. 1–2.
- Sławski 1974 — *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. T. 1. Wrocław, 1974. S. 43–141.
- Słoński 1928 — *Słoński S.* Prefiksy *ob-/o-* i *ot-/o-* w języku starobułgarskim i kilka wypadków tzw. drugorzędnej dekompozycji w języku nowobułgarskim // *Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski.* Kraków, 1928. Cz. 2. S. 223–227.
- Słoński 1937 — *Słoński S.* Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim). Warszawa, 1937.
- Smoczyński 1961 — *Smoczyński P.* O derywacji fleksyjnej w słowiańskiej onomastyce (zarys problematyki) // I Międzynarodowa slawistyczna konferencja onomastyczna. Księga referatów. Warszawa, 1961. S. 147–160.
- Smoczyński 2007 — *Smoczyński W.* Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilna, 2007.
- Snoj 2003 — *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. 2 izd. Ljubljana, 2003.
- SP — Słownik prasłowiański / Red. F. Sławski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974–2001. T. 1–8.
- SSHR — *Skerlj Š., Aleksić R., Latković V.* Slovenačko-srpskohrvatski rečnik. Beograd; Ljubljana, 1964.
- SSJ — Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959–1968. D. 1–6.
- SSJČ — Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1960–1971. T. 1–4.
- SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970–1991. Knj. 1–5.
- SSN — Slovník slovenských nářečí. Bratislava, 1994–. T. 1–.
- SSp — Słownik staropolski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1953–2002. T. 1–11. Z. 1–76.
- SSS — Słownik starożytności słowiańskich. Warszawa; Wrocław; Kraków, 1961–1982. T. 1–6.
- SSSJ — Slovník súčasného slovenského jazyka. Bratislava, 2006–. T. 1–.
- Stang 1942 — *Stang Chr.* Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942.
- StčS — Staročeský slovník. Praha, 1968–2008. D. 1–4. Seš. 1–26.

- Steffen 1984 — *Steffen W.* Słownik warmiński. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, Łódź, 1984.
- Stieber 1974 — *Stieber Z.* Wpływ czeszczyzny na kształtowanie się polskiego języka literackiego // *Stieber Z.* Świat językowy Słowian. Warszawa, 1974. S. 306–316.
- Studia 1–2 — *Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne / Red. R. Grzegorzczkowska, K. Waszakowa.* Warszawa, 2000–2003. Cz. 1–2.
- SW — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1927. T. 1–8.
- Sychta 1–7 — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. T. 1–7.
- Sychta Ind. — Index a tergo do Słownika gwar kaszubskich Bernarda Sychty. Wrocław, 1991.
- Sychta Koc. 1–3 — *Sychta B.* Słownictwo kociewskie na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1980–1985. T. 1–3.
- Šimunović 2006 — *Šimunović P.* Rječnik bračkih čakavskih govora. Brevijar, 2006.
- Širola 1938 — *Širola B.* Novalja na Pagu. Narodni život i običaji // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. (Zagreb). 1938. Knj. 31. Sv. 2. S. 41–134.
- Šivic-Dular 1999 — *Šivic-Dular A.* Besedna družina iz korena *god- v slovanskih jeziki. Pomenoslovna razčlemba v kulturološkem kontekstu. Ljubljana, 1999.
- Taszycki 1951 — *Taszycki W.* Najdawniejsze zabytki języka polskiego. Wrocław, 1951.
- Taszycki 1953 — *Taszycki W.* Obrońcy języka polskiego. Wrocław, 1953.
- Taszycki 1958a — *Taszycki W.* W sprawie pochodzenia nazw miejscowych typu *Konary, Piekary* itp // *Taszycki W.* Rozprawy i studia polonistyczne. T. 1. Onomastyka. Warszawa, 1958.
- Taszycki 1958b — *Taszycki W.* Rzekomo patronimiczne nazwy miejscowe (Znaczenie przyrostka *-ic*) // *Taszycki W.* Rozprawy i studia polonistyczne. T. 1. Onomastyka. Warszawa, 1958.
- Triomphe 1958 — *Triomphe R.* Ob slave // IV Международный съезд славистов. Славянская филология. М., 1958. Т. 1. С. 78–92.
- Trubetzkoy 1975 — *Trubetzkoy N. S.* Letters and notes. The Hague; Paris, 1975.
- Turnšek, Cist 1–4 — *Turnšek Dr. P. M., Cist S. O.* Pod vernim krovom. Ob ljudskih običajih skoz cerkevno leto. Ljubljana, 1944–1946. Knj. 1–4.

- Tyrpa 2001 — *Tyrpa A.* Tabu w dialektach polskich. Bydgoszcz, 2001.
- Unbegaun 1969 — *Unbegaun B. O.* Selected Papers on Russian and Slavonic Philology. Oxford, 1969.
- Unbegaun 1972 — *Unbegaun B. O.* Russian Surnames. Oxford, 1972.
- Urbańczyk 1958 — *Urbańczyk S.* Najstarsze staropolskie i staroczeskie modlitwy // Sprawozdania z posiedzeń Komisji naukowych PAN. 1958. T. 12. S. 118–119.
- Urbańczyk 1968 — *Urbańczyk S.* Szkice z dziejów języka polskiego. Warszawa, 1968.
- Urbańczyk 1978a — *U[rbańczyk] S.* Nazwy patronimiczne // Encyklopedia wiedzy o języku polskim. Warszawa, 1978. S. 211–212.
- Urbańczyk 1978b — *U[rbańczyk] S.* Nazwy służebne // Encyklopedia wiedzy o języku polskim. Warszawa, 1978. S. 212.
- Vaillant 1–3 — *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1950–1966. T. 1–3.
- Vážný 1955 — *Vážný V.* O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955.
- Vondrák 1928 — *Vondrák W.* Vergleichende slavische Grammatik. Göttingen, 1924–1928. Bd. 1–2.
- Vukanović 1–3 — *Vukanović T.* Srbi na Kosovu. Vranje, 1986. Knj. 1–3.
- Wierzbicka 1971 — *Wierzbicka A.* Kocha, lubi, szanuje. Medytacje semantyczne. Warszawa, 1971.
- Wierzbicka 1980 — *Wierzbicka A.* Lingua mentalis. Sydney, 1980.
- Wisseman 1954 — *Wisseman H.* Untersuchungen zur Onomatopöie. Heidelberg, 1954.
- Wojtyła-Świerzowska 1991 — *Wojtyła-Świerzowska M.* Dlaczego głuchy nie słyszy? Rozważania o etymologii psł. **gluchъ* // Јужнословенски филолог. (Београд). 1991. Књ. 47. С. 209–220.
- WSPR — *Hessen D., Stypuła R.* Wielki słownik polsko-rosyjski. Warszawa; M., 1967.
- Wydra, Rzepka 1984 — *Wydra W., Rzepka W. R.* Chrestomatia staropolska. Teksty do roku 1543. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1984.
- Zaorálek 1963 — *Zaorálek J.* Lidová rčení. Praha, 1963.
- Zaręba 1973 — *Zaręba A.* Ze słowiańskich zagadnień semantycznych. ‘czuć’, ‘słyszeć’, ‘pachnieć’ // Јужнословенски филолог. (Београд). 1973. Књ. 30. Св. 1–2. С. 117–124.
- Zaron 1993 — *Zaron Z.* Refleksje na temat wyrażenia *wierzyć* // Nazwy wartości. Studia leksykalno-semantyczne. Lublin, 1993. S. 231–238.

- Záturecký 1965 — *Záturecký A. P.* Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Bratislava, 1965.
- Z dziejów 1956 — *Z dziejów powstawania języków narodowych i literackich / Red. Z. Stieber.* Warszawa, 1956.
- Zeman 1967 — *Zeman H.* Słownik górnoślązko-polski. Warszawa, 1967.
- Βογασαρη Μεργίανου 1989 — *Βογασαρη Μεργίανου Α.* Λαογραφικά των Ελλήνων της Κάτω Ιταλίας. Αθήνα, 1989.
- Θρασυβούλου 1957 — *Θρασυβούλου Αθηνά Α.* Σύμμεικτα Κυπριακά. Λαϊκή λατρεία // Λαογραφία. Αθήνα, 1957. Σ. 279–283.
- Μέγας 1950 — *Μέγας Γ. Α.* Ζητήματα ελληνικής λαογραφίας // Επετηρίς του λαογραφικού αρχείου. Τόμος πέμπτος. Αθήνα, 1950. Σ. 3–101.
- Οικονομόπουλος 1999 — *Οικονομόπουλος Χ.* Ελληνικό λαογραφικό λεξικό για τη μάνα και το παιδί. Αθήνα, 1999.
- Παπαχριστοδούλος 1964 — *Παπαχριστοδούλου Χ. Ι.*, Λαογραφικά σύμμεικτα Ρόδου // Λαογραφία. Αθήνα, 1964. Τ. ΚΑ' Σ. 113–214.
- Πολυμένης 1929 — *Πολυμένης Α.* Κουφοσάββατο, Λαζαροσάββατο και Μεγασάββατο στη Βίζα. Λαογραφία. Θεσσαλονίκη, 1929. Τ. Ι'. Σ. 266–267.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ПЕРВЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

I

К семантической истории слав. *mirь и *svěť // 1) Теорија дијахронијске лингвистике и проучавање словенских језика / Ур. Ј. Грковић-Мејдор. Београд: САНУ, 2010. С. 199–213; 2) Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Ред. В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 58–74.

Вера и правда в языке древнего славянского права —

1) *Вера и правда*: к истории понятий // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова / Гл. ред. А. М. Молдован. Вып. 9: История русского языка и культуры. Памяти В. М. Живова. М.: ИРЯ РАН, 2016. С. 377–389; 2) Из лексики древнего славянского права // Труды Отделения историко-филологических наук. 2016 / Отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 2017. С. 204–218.

Слав. *horniti и *xovati и их семантические корреляты —

‘Кормить’ и ‘хоронить’ (к семантической реконструкции славянской погребальной лексики) // *Studia etymologica Brunensia* 6. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposium Brno 2008 / Eds. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha: Lidové noviny, 2009. S. 341–355.

Серб. варовати, варован —

Серб. *варован, варовати* и их семантические корреляты // Зборник Института за српски језик САНУ. Посвећено др. Драгу Ћупићу поводом 75-годишњице живота / Ур. С. Танасић. Београд, 2008. С. 611–619.

Желать и жалеть: этимология и семантика //

Славянское и балканское языкознание. Палеославистика. Слово и текст / Ред. В. С. Ефимова. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. С. 269–280.

Забывать и запомнить —

Этимология и семантическая типология: *забыть* и *запомнить* // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. (Нови Сад) 2009. Књ. 52. Св. 1. С. 77–85.

Веселье и радость — 1) К семантической реконструкции слав. **vesel-* и **rad-* // Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav. Ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezlaja. Zbornik referatov z mednarodnega znanstvenega simpozija v Ljubljani, 16.–18. septembra 2010 / Ur. M. Furlan, A. Šivic-Dular. Ljubljana: Založba ZRC, 2012. S. 257–264; 2) «Веселится небо, радуется земля» // Два венка. Посвящение Ольге Седаковой / Под ред. А. В. Маркова и др. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. С. 92–101.

Чистая правда: к семантической реконструкции слав. *čist- // Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij / A cura di S. Bertolissi, R. Salvatore. Napoli: D'Auria Editore, 2010. T. 2. P. 187–195.

Семантическая структура рус. *найти* — Глагол *найти* / *находить* и его семантические корреляты // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна / Ред. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 338–346.

Слав. **svoĭbъ*: семантика и аксиология // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury / Red. J. Bartmiński. (Lublin) 2008. T. 20. S. 29–38.

Русская *честь* и польский *honor* // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury / Red. J. Bartmiński. (Lublin) 2013. T. 25. S. 9–21.

II

Семантическая реконструкция и лексическая типология // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации / Отв. ред. А. М. Молдован, С. М. Толстая. М.: Индрик, 2013. С. 141–160.

Палитра чувств в зеркале языка // Rocznik Slawistyczny. 2014. T. 64. S. 129–144.

Славянские параллели к русским *verba* и *nomina dicendi* // Язык о языке / Под общей ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 172–190.

Лики любви в славянских языках — 1) Этимология и семантическая типология: еще раз о любви // Theory and

Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics / Eds. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha: Lidové noviny, 2012. S. 199–218; 2) Лики любви в зеркале славянских языков // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник в честь 80-летия И. А. Мельчука / Под ред. Ю. Д. Апресяна и др. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 587–597.

Лексическое поле пищи и питания (к типологии «общих» номинаций) // Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа / Ур. С. Ристић, И. Лазић Коњик, Н. Ивановић. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2016. С. 473–492.

Смысловое поле ошибки – К семантической реконструкции лексики ошибок // Etymologica Slavica. Studia etymologiczne poświęcone Prof. Franciszkowi Sławskiemu z okazji setnej rocznicy urodzin / Red. Mariola Jakubowicz, Szymon Pogwizd, Beata Raszewska-Żarek. Kraków. В печати.

Ошибка по-русски // В созвездии слов и имен. Сборник научных статей к юбилею М. Э. Рут / Отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 107–123.

Юридическая лексика в свадебном дискурсе – К семантической реконструкции славянской свадебной терминологии // Zeszyty Łużyckie. (Warszawa) T. 49. (2015). S. 47–55.

III

Праславянские типы глагольных основ и их лексическое распределение // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 98–118.

«Разноосновные» глаголы в русском языке // Od fonemy do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu / Pod red. I. Bobrowskiego, K. Kowalik. Kraków: Lexis, 2006. S. 365–372.

Праславянские глаголы с префиксом *ob-/o-: морфология, словообразование, семантика // Славянское и балканское языкознание. В печати.

Праславянский префикс *ob-/o- перед корневым v- // Jezikoslovni zapiski. (Ljubljana) 2017. T. 23. S. 319–329.

Семантика праславянских глаголов с префиксом **otъ-* // Miklosichiana bicentennialia. Сборник у част двестоте годишњице рођења Франца Миклошича / Ур. Ј. Грковић-Мејџор, А. Лома. Београд: САНУ, 2013. С. 229–246.

Тип субъекта и многозначность глагола // У простору лингвистичке славистике. Сборник радова поводом 65 година живота академика Предрага Пипера / Приред. Љ. Поповић, Д. Војводић, М. Номаћ. Београд: Филолошки факултет, 2015. С. 705–726.

Актантная структура глагола и семантика отглагольных имен: «субъектные» и «объектные» имена // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой / Отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 162–168.

К типологии морфонологических моделей в славянских языках: йотация в отглагольных именах на *-enъje* // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка / Отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1996. С. 584–597.

Из русской глагольной морфонологии: имперфективы и итеративы с суф. *iva-* // Лики языка: к 45-летию научной деятельности Е. А. Земской / Отв. ред. М. Я. Гловинская. М.: Наследие, 1998. С. 354–358.

Вокруг испуга, страха и ужаса: корреляция дентальных и велярных в славянской лексике – Вокруг испуга, страха и ужаса // Слова. Концепты. Мифы: к 60-летию А. Ф. Журавлева / Отв. ред. Г. К. Венедиктов. М.: Индрик, 2011. С. 345–361.

Фонетические наблюдения над ономастическими образованиями с суф. **ot-* в верхнелужицком языке // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь 60-летия проф. С. Б. Бернштейна / Отв. ред. Е. В. Чешко. М.: Наука, 1971. С. 272–280.

Об одном типе конверсии в славянских языках (флективная деривация) // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / Отв. ред. Г. П. Нешименко. М.: Наука, 1987. С. 198–205.

IV

Клятва и проклятие в языке и культуре // Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. Zum 90. Geburtstag von N. I. Tolstoj. Славянская духовная культура: этнолингвистические и филологические исследования. К 90-летию со дня рождения Н. И. Толстого. [Philologica Slavica Vindobonensia. B. 2] / Hrsg. A. A. Alekseev et al. Frankfurt am Main; Berlin; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2016. Teil 1. S. 215–240.

«Глаголы судьбы» и их корреляты в языке культуры // Понятие судьбы в контексте разных культур / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1994. С. 143–147.

Зоологический код в славянской народной медицине: волчьи болезни // Мир животных в мифопоэтическом ракурсе / Отв. ред. М. В. Завьялова, Т. В. Цивьян. Vicenza; М.: Legorussia, 2017. С. 177–184; Из лексики народной медицины: «волчьи» болезни // Slavia. 2010. Roč. 79. Seš. 1. S. 123–133.

Чеш. *nádcha, náčha, nátka* и их инославянские параллели // Etymological Research into Czech. Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2017 / Eds. I. Janyšková, H. Karlíková, V. Boček. Praha: Lidové noviny, 2017. P. 391–400.

Нижнелужицкая *chódota*: имя и персонаж // Zeszyty Łużyckie (Warszawa). T. 47: Etymologia i kultura / Red. E. Wrocławska. Warszawa: Uniwersytet Warszawski; Instytut Slawistyki Zachodniej i Południowej, 2013. S. 39–49.

Март великопостный: названия недель Великого поста в южнославянских языках // Мартеница. Mǎrtișor. Март’с. Verore... Материалы круглого стола / Отв. ред. И. А. Седакова. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. С. 102–115.

Лексика традиционной духовной культуры Косова в южнославянской и общеславянской перспективе // Косово и Метохија у цивилизацијским токовима. Међународни тематски зборник. Косовска Митровица: Филозофски факултет, 2010. Књ. 1 : Језик и народна традиција / Ур. С. Милорадовић. С. 381–389.

V

Диалектные ареалы литературных слов (Заметки на полях «Лексического атласа белорусского языка») // *Dialectologia Slavica*. Сборник к 85-летию С. Б. Бернштейна / Отв. ред. Г. П. Клепикова. М.: Индрик, 1995. С. 263–273.

Союз (частица) ДА в полесских говорах (к проблеме южнославянско-восточнославянских параллелей) // *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*. (Нови Сад) 1985. Књ. 27/28. С. 781–788.

Из кашубско-восточнославянских лексико-семантических параллелей // *Symbolae slavisticae: dedykowane Pani Profesor Hannie Popowskiej-Taborskiej* / Pod red. E. Rzetelskiej-Feleszko. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1996. S. 287–293.

Заметки на полях «Новгородского областного словаря» // *Ученые записки Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого*. 2017. № 3 (11). С. 1–5.

Языковая ситуация в Польше в XII–XIV вв. // *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма* / Отв. ред. Г. Г. Литаврин, Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1989. С. 280–296.

О лингвистических воззрениях Йована Раича // *Славянский вестник*. Вып. 2: к 70-летию В. П. Гудкова / Под ред. Н. Е. Ананьевой, З. И. Карцевой. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 376–385.

О фонологии рифмы // *Труды по знаковым системам*. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1965. Вып. 2. С. 300–305.

Tolstaya S. M.

The World of Man in the Mirror of Language.

Essays on Slavic linguistics and ethnolinguistics. —

M.: Indric, 2019. — 704 p.

ISBN 978-5-91674-550-4

DOI: 10.31168/91674-550-4

The book deals with the problems of semantic reconstruction of the proto-Slavic vocabulary, lexical typology of Slavic languages and cultural contexts of the word. Most of the essays are devoted to the vocabulary related to man, his sensual and intellectual world, his perception of nature and society, his assessments. The book contains five parts. The first part deals with semantic reconstruction and analysis of semantic spectra of individual pre-Slavic etymological nests (**mirъ* and **světъ*, **věra* and **pravьda*, **veselъ* and **radъ*, **svojbъ*, **želati* and **žalěti* etc.). The second part is devoted to lexical typology and presents the opposite direction: it explores the “lexical fields” of some semantic categories, such as verbs of speech, language of feelings, motivational models in the vocabulary of food and nutrition, vocabulary of errors, etc. The third part presents works related to the “formal” aspects and parameters of vocabulary, i.e. word-formation types, morphonological models, their semantic content and functions. The fourth part examines the “cultural” vocabulary of the folk calendar, folk medicine, beliefs and rituals. The fifth part reflects the author’s interest in other aspects of comparative Slavic linguistics — dialectology and linguistic geography, the history of literary languages, the language of poetry. The book is addressed to Slavists — linguists and ethnolinguists, as well as all those interested in the languages and traditional spiritual culture of the Slavs.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

С. М. Толстая

МИР ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА.
ОЧЕРКИ
ПО СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ
И ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

В оформлении переплета
использован рисунок
Пабло Пикассо
«Сплетенные руки»

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7(495)938-01-00
www.indrik.ru
market@indrik.ru

Формат 60×90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
44,0 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

**СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА
ТОЛСТАЯ,**
доктор филологических наук,
профессор, заведующая отделом
этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН,
академик РАН, иностранный член
Сербской академии наук и искусств
и Польской академии наук и ис-
кусств. Автор более 900 научных
публикаций по лексикологии,
грамматике, диалектологии,
типологии славянских языков,
по этнолингвистике и фольклору,
в том числе книг: «Морфонология
в структуре славянских язы-
ков» (1998), «Полесский народный
календарь» (2005), «Пространство
слова. Лексическая семантика
в общеславянской перспективе»
(2008), «Семантические категории
языка культуры» (2010), «Славян-
ская этнолингвистика. Вопросы
теории» (в соавторстве с Н.И.Тол-
стым), «Образ мира в слове и
ритуале» (2015). С.М. Толстая —
один из создателей 5-томного
этнолингвистического словаря
«Славянские древности»
(М., 1995–2012).

